Дневник, 2006 год

Сергей Николаевич Есин

SHOUT
SHARE
IT

- Сергей Николаевич Есин
  - 1 января
  - 1 февраля
  - 1 марта
  - 1 апреля
  - 1 мая
  - 1 июня
  - 1 июля
  - 1 августа
  - 1 сентября
  - 1 октября
  - 1 ноября
  - 1 декабря
  - Указатель имен

Сергей Николаевич Есин
Дневник, 2006 год

1 января

1 января, воскресенье. Утром повинился по телефону, что давно не был, и приехал Дима Слетков. А вообще-то телефон почти молчит. В связи с этим вспоминаю рассказ своего племянника Валеры о его тесте. Как ушел тот на пенсию, большой военный начальник, все вдруг для него стало другим. А он, как и я, думал, что многое останется по-прежнему. Но, возможно, Дима нежданно заявился, услышав, что я собирался ехать в магазин «Метро». Поехали вместе на моей машине. Он там хорошо подзарядился, купил себе что-то на праздники, какие-то дорогие бутылки. Отсюда я сделал вывод, что жизнь стала иной, по крайней мере, заработки явно поднялись. Правда, Дима, как и все наши институтские ребята, берется за любую работу: сбрасывает с крыш снег, красит коридоры. Жалко, конечно, что он не учится и не очень задумывается над своим будущим. Но может быть, так и надо жить, только сегодняшним днем, без лишних вещей и обязательств. Хорошая черта Димы — он, в отличие от меня, для которого каждая вещь это еще и воспоминание, ничем не дорожит, дарит или бросает куртки, штаны и рубашки, которые относил. В этом смысле я им восхищаюсь, даже завидую.

Что-то со мной случилось, в каком-то я странном настроении. Это после последней поездки с Витей в Сопово. Я туда отправился, потому что ехать из-за снега и морозов в Обнинск боюсь. В Обнинске нет и электричества. И там и там взбесились пенсионеры, таким, наверное, скоро стану и я. В Обнинске из экономии решили отключить свет, а в Сопово наш Маяк-5 поссорился с соседями, понастроил, чтобы «они» не пользовались, шлагбаумы меж улицами. Въезд в «Маяк» от снега не чистят. Проехать даже на «Ниве» почти невозможно. Ворота закрыты, искать ключ хлопотно. Вдобавок к еще вполне понятной какой-то внутренней печали и в связи с тревогой за свое будущее и возможной, если не соберусь, ломкой судьбы, я вдруг оказался обуян работой — начал читать верстку дневников за 1984–1996 годы. Экономлю время. Уже к вечеру понял, что это работа не нескольких дней.

2 января, понедельник. По идее верстку надо бы читать медленнее и сличать с рукописным оригиналом, вставляя те вклейки, которые были сделаны в конторских, рукописных книгах моих дневников. А там были странички из обычной записной книжки, вырезки фраз и абзацев из газетных статей, даже билеты в музеи и театры. Хорошо, что по компьютерной версии уже прошлась очень внимательная Татьяна Александровна Архипова.

Мне интересно было бы ее мнение, но только откровенное. Как очень умная и чуткая женщина она понимает, что имеет дело с писателем-профессионалом и поэтому естественна ее мистическая боязнь собственной точки зрения: ведь советское время и русский менталитет обучили читателей, что писатель это почти откровение, он знает и чувствует больше, чем остальные. Я уже сам вижу повторяющиеся куски, навязчивые идеи, мое постоянное кружение возле определенных имен, пересол с еврейской проблемой, в которую меня впихнули, когда я только начинал свою литературную карьеру. Я так недоволен в этом смысле собой, или меня что-то гнетет, или не могу смириться с судьбой. Все время ищу какие-то иные причины. Конечно, я сам сейчас кое-что убираю, но здесь нужна бестрепетная рука и тогда многое упростится, но и… дневники могут перестать быть моими.

Днем был Коля Головин и Ашот, пили чай, и Коля рассказывал о бизнесе, которым он занимается, о себе, он вообще создает поле, в котором я смогу что-то найти для своего романа. Пока я все это отложил. В моих дневниках тоже слишком много рефлексии по поводу ненаписанных глав, неосуществленных замыслов, мелькнувших и навсегда пропавших идей статей или рассказов. Единственно, что можно понять: я всегда наготове, всегда ловлю то, что может быть уловлено, как в сачок, а потом предъявлено бумаге. Сколько времени ушло на все это, а ведь, наверное, это лишь простое скольжение по более легкому пути, нежели постоянное внимание к чисто художественной литературе. Как много времени ушло, в том числе и на науку, на диссертацию, необходимость которой для меня сейчас не так очевидна. Но пусть, как говорится, будет.

3 января, вторник. Что же здесь было, кроме опять плохой ночи с пробуждением между тремя и четырьмя часами, все того же чтения, с рефлексией о прошедшем? Новый план: теперь, после дневника, писать еще и мемуары? Ранее, я уже продумывал, что мои дневники — «Дневники ректора» — закончатся 12 января, когда выберут нового ректора, а дальше покатятся какие-то иные страницы. Мемуары — некий другой жанр, охватывающий действительность совсем иначе, может быть, более точно. Наверное, я смог бы увидеть эпоху так, как видел ее я и как, наверное, никто ее и не смог бы описать. Предчувствие у писателя — большое дело. Я даже почему-то вижу, что писать буду в Сопово, для чего свезу туда все свои архивы. Уже представляю себе второй этаж, эту летнюю жару, которую люблю, чистые полы, мало мебели, несколько столов и мои папки в очень близких — протяни руку — шкафах.

К шести ходил в гости к Петру Алексеевичу. Мне стыдно

записывать за ним, получается как бы почти кража. Мы опять говорили о науке, которая фиксирует в своих окончательных дефинициях то, что открывает искусство. Мысль очень верная, недаром многие большие писатели так старательно цепляются за кафедральную известность, за то, чтобы стать объектом университетского исследования. В частности, П.А. сказал о том, что поскольку ряд проблем у нас не проработан в художественной форме, мы не имеем и общего идеологического результата. В качестве примера он привел так называемую государственную российскую идею поношения Ленина. Мне лестно, что, говоря о противоположном отношении к вождю, он упомянул и мой роман «Смерть титана».

К сожалению, я не смог быть у П.А. так много, как бы хотелось. Перед возвращением с диализа В.С. позвонила, что ее рвало и она плохо себя чувствует. Но ничего, когда я по морозцу быстренько пробежался и пришел домой, она уже была в норме.

С чувством гордости за правительство воспринял тяжбу с Украиной за газ. Это начинает походить на заботу о собственном народе и, пожалуй, на снижение уровня коррупции: некому уже лоббировать украинский капитал. А может быть, это всего лишь некая месть за то, что наших капиталистов вытеснили из Украины?

4 января, среда. Ездил за город на автобусе. Стоит такая поразительная зима. Деревья, дорога, лес — все покрыто толстым слоем инея, отчего возникает полное впечатление роскошных театральных декораций. Мне кажется, что в такую погоду люди начинают вести себя по-другому. Здесь до них доходит, что они впадают в некую дисгармонию с природой, и стыд заставляет их двигаться и разговаривать, как уже отвыкли.

Нынешнее мое положение мне нравится. Знаю, пройдет еще некоторое время, и я соберусь. Слишком долго я копил в себе разные возможности и планы. Евтушенко, встречаясь с нашими студентами, сказал, что ему для выполнения его собственных замыслов нужно еще двадцать лет. Это теперь и моя надежда. Кроме мемуаров, есть и другие намётки. Пока дочитываю верстку, выделяя все имена и фамилии желтым подчеркиванием. Это для будущего словника.

Наконец-то Россия договорилась с Украиной. Газеты предупредили, что этот договор является неким элементом сговора и на нашем верху. Газеты разочаровывают: деньги за газ далеко не все окажутся в бюджете. В какой-то степени мы начали эту борьбу, не отработав иных вариантов, и все наше поведение походило на сеанс блефа.

5 января, четверг. Теперь надо составить к дневнику, к

новому изданию, словник. Я начал его еще ночью, когда проснулся между двумя и тремя часами. Я вообще, плохо сплю, просыпаюсь, возникают какие-то боли в животе, я что-то вспоминаю. Много думаю над тем, что во всем, так срочно случившемся, а именно неприлично-курьерском приказе министерства, есть какая-то загадка. Причиной тут мое ли вольное поведение в ощущении себя свободным человеком, что не могло понравиться кому-либо из чиновников, так держащимся за свои места? Борьба ли за собственность, которая, чувствую, разгорается вокруг нашего институтского дома, армянская ли история моей переписки с послом, чиновниками и Советом Федерации, которая, безусловно, это было ясно с самого начала, не пройдет мне даром? Возможно причиной стал и мой ли дерзкий отказ от взятки, который принес столько хлопот людям, которые решили провести газ к своим ресторанам через институтскую территорию?.. Что еще? Еще — ненависть некоторых людей в институте, которая заставила их организовывать подметные письма в министерство. Я знаю, как, может быть в ущерб себе, отомстить, но для этого пока надо собраться, быть осторожным и копить мысли, потому что только они мое достояние. Игра движется к концу, надо проявлять предельную выдержку и терпение.

Еще вчера ночью я начал, по совету С.П., подчеркивать фломастером имена и фамилии по тексту. Эта работа заняла целый день. Утром я проводил В.С. на диализ и до боли в глазах, еще раз быстро, оживлял в памяти весь текст. Возникла и форма словника, я позаимствовал ее в комментариях к дневникам Кузмина, где талантливо соединены аббревиатуры, инициалы, прозвища. Возле аббревиатуры В.С., вернее после нее, будет, наверное, наибольшее количество страниц.

Тем не менее, за сегодняшний день я, еще, правда сидя за компьютером, мельком просмотрел два фильма, оба по каналу «Культура»: «Французский канкан» и фильм об австрийской императрице Сиси.

Вечером звонил Игорь Волгин: его, дескать, осаждают вопросом, за кого голосовать. Я попытался объяснить, о чем каждому избирателю надо думать, когда он будет голосовать. А думать надо только о себе, другими словами: что избранный сможет дать институту и ему лично. По большому счету, кроме Толкачёва, моя симпатия в этом вопросе лишь на стороне Саши Сегеня, хотя все меня предупреждают о его недостатках. Но это лишь симпатия, как рационалист я думаю и о Тарасове.

В разговоре всплыл еще очень интересный аспект. Старая истина: предают только свои, но разве я кого-нибудь на кафедре

творчества особенно считаю за своего? Как и положено, каждый за себя. Ну, когда-то Гале Седых дал вести целый семинар. Знал, естественно, о ее потенциале, обычно она вела семинар в паре с кем-нибудь. Это повелось еще с покойного Александра Алексеевича Михайлова. Потом попросил ее помогать мне по кафедре творчества, сделал заместителем заведующего кафедрой. Ладно, работает и пусть работает, но сколько, оказалось, апломба, сколько важности и спеси! Разозлился я, когда, по слухам, обнаружил, что в большом миру она вообще именуется заведующей кафедрой. Сколько мелких было стычек, сколько взято не очень способных учеников. Уже, правда, и не помню, что же стало поводом нашего последнего скандала, отчего я решил работать без заместителя. Но ведь, с другой стороны, в разведку с чужими и не ходят. Ну и Бог с ней, что первой перебежала с причитаниями. Бог с ней, что подписала какое-то нелепое письмо, якобы в поддержку Стояновского. Именно после этого письма я и стал к нему хуже относиться.

А теперь перенесемся в наш зал на ту самую знаковую встречу с Евгением Евтушенко, о которой я уже писал. Евтушенко что-то говорил, Евтушенко что-то прочел из своих стихов, а потом попросил читать и наш молодняк. Поперли, естественно, самые бездарные. И все, как и положено, называли своих мастеров. Коммерческий подход и захваливание принесли свои результаты: самые агрессивные были, естественно, у Галины Ивановны. А теперь кольцую сюжет: по словам Волгина, его Евтушенко спрашивал потом, а кто это такая — Седых!

7 января, суббота. Опять до шести весь день не выходил из дома. Занятие все то же, у компьютера. В промежутках что-то съесть, попить чаю, помыть посуду, еще выстирал две машинных порции белья, В.С. уехала на диализ, все тихо, — но скорость небольшая: до того, как уехать на спектакль «Бабий дом» по пьесе Саши Демахина, сделал страниц шестьдесят.

Спектакль оказался очень неплохой, по крайней мере, публика на него ходит. Содержание — эгоизм матерей и сегодняшние дети, и тема не новая, и режиссура не вполне самостоятельная. Много трюков, клоунады, форсированные голоса, впрочем, иногда видна мастерская разводка, но это уже почерк Райхельгауза. Любопытна декорация, которая, кажется, сама по себе может определить решение: сцена засыпана торфом, и здесь же ванна, несколько холодильников. Потом все это взмоет ввысь. Несмотря на то, что это качественная пьеса, в ней не хватает еще качественной философии. Скорее всего, чуть облегчено слово. Удовольствие получил, но вспомнил, как вдруг напрягаешься, когда со сцены где-нибудь у Дорониной или в

Малом идет чистая нефорсированная страсть. Ничего не поднимается на стальных канатах в воздух, никто не прыгает, но возникает такая напряженная атмосфера, от которой после спектакля долго, как от наркотика, отходишь. Вот тебе и старые, заматеревшие формы.

Вечером меня поздравил с Рождеством Саша Сегень. Единственный человек, который сегодня позвонил. Поговорили о жизни, поделились общими воспоминаниями, Саша напомнил, как впервые пришел ко мне домой брать интервью, он тогда работал в «Литературном обозрении», и не помыл после себя посуду: выдержал характер. У него тоже, как и у меня, когда-то перед выборами, сегодня лишь одна мысль: хорошо бы не выбрали!

8 января, воскресенье. Рано утром вернулся из Воронежа С.П., и я уговорил его съездить со мною на дачу в Обнинск. Там отключен свет, делать нечего, буквально за десять минут отыскал две пары валенок, взял полушубок, который мне подарили в Гатчине, и погнали обратно. По совету В.С., решили хотя бы пол денька побыть на воздухе в Ракитках. Кукольный, продуваемый ветрами домик С.П. не очень приспособлен для зимы. Почистил дорожку и двор, чтобы поставить машину; понравилась физическая усталость. У маленького домика есть и преимущества: его можно керогазом натопить за час. Правда, диваны потом долго отдают набранный в без хозяина холод. В комнате, в общем, тепло. В мертвой дачной тишине впервые за последнюю неделю выспался.

Вечером на сон грядущий, воспользовавшись тем, что компьютер воспроизводит диски, прокрутили старый фильм Фансуа Озона «Бассейн». Я всегда с вниманием смотрю и слушаю все, что связано с литературой. Английская писательница едет на юг Франции, чтобы попытаться написать новый детективный роман и останавливается в доме своего издателя. Именно там разворачиваются ужасные события, в центре которых стоит дочь издателя. Вот эти события и ложатся в центр повествовательной канвы. Дом с бассейном. Озон делает все убедительно, правдоподобно. Возле бассейна и в нем идет и отражается жизнь. Мы следим не только за эпизодами жизни, но и догадываемся, как из них появляется, формируясь, роман. Только в самом конце мы понимаем, что все это специфическое отражение в сознании писательницы, изменение действительности в ждущем этих деформаций уме. Все, как у любого писателя: милая девчушка превращается в монстра, невинные интрижки — в кровавые драмы. Только здесь, как в физических опытах, меняется плюс на минус. Для меня это особо доказательно, точно так

переосмысливал я собственную историю в пьесе «Сороковой день». В ней действие происходило, как никогда при моем характере происходить не могло.

9 января, понедельник. Утром два часа просидел над словником и еще раз убедился, какой широкий материал в моем распоряжении. Я не уверен, что хоть кто-нибудь из писателей обладает чем-либо подобным: здесь и типическая расстановка сил и типические ошибки. В этом смысле словник так же обширен и разнопланов, как и тот материал, который мне удалось зафиксировать.

Хотелось бы поработать и дальше, походить по снегу, но надо было садиться в машину и ехать на работу: мне — разбирать бумаги и вещи в своем кабинете, С. П. — сторожить собственные выборы. Каникулы закончились. Уже потом, на работе, в присутствии Марии Валерьевны я объяснил ему, что он заинтересован в чистоте будущих выборов ректора и как человек, исполнющий определенные обязанности, и как один из претендентов на эту должность.

Здесь все не так, как могло бы показаться вначале, чисто. Наверное, это в первую очередь моя ошибка, я очень понадеялся на организаторские способности М.В.Ивановой и целиком доверился ей. Она же, в желании продемонстрировать, прежде всего, себя болтается в министерстве, не понимая, что ничем и никем, кроме бумажной жизнью, министерство не интересуется. С другой стороны — у нее обнаружились свои преференции, по крайней мере идут слухи о том, что она уже предложила себя в качестве проректора по науке одному из кандидатов в будущие ректоры.

М.В. совсем не контролировала процесс избрания делегатов от подразделений: за один сегодняшний день выявилось, что лаборанты «избрали» своего делегата, имея фиктивный кворум. В частности, по протоколу на собрании лаборантов присутствовала Екатерина Яковлевна, а на самом деле ее не было. Председательствующая Светлана Качерина выбрала саму себя и сама же подписала протокол. Такая же ситуация произошла и в международном отделе: в отсутствие Владимира Ильича, числившегося, как принимавшем участие в собрании, выбрали в делегаты Нину Борисовну. А он, оказывается, отсутствовал на собрании. В отличие от С.П. я знаю, кому Ниночка смотрит в рот и за кого, в случае указания, будет голосовать. Уже говорят о некоем карманном ректоре. В тексте дацзыбао с агитацией за Мишу Стояновского, вывешенном кафедрой В.П. (по этому случаю мне жаловался Демин: его-де включили в список, а он ничего не подписывал), кто-то сделал оскорбительные подчеркивания. О

других мелочах не говорю, например, о слухах, за кого агитирует Зоя Михайловна. С моими друзьями судьба поквитается, врагов я, естественно, прощаю.

Тем временем внимательно сортирую свои бумаги и готовлюсь вывезти накопившийся архив. Если буду жив, то так расставлю все на втором этаже в Сопово, сделаю такие стеллажи, что работать будет легко и свободно. Какие впереди меня ждут мемуары! Ну, чего же я не решился сам уйти раньше?..

Под вечер пришел ко мне с бутылкой — поздравлять! — мой дорогой дипломник Маркус. Я ему посоветовал, чтобы не портить наши давние дружеские отношения, забрать бутылку обратно. Забрал! И еще один интересный момент. Заходил к Максиму Павел Быков, мой бывший ученичёк. Пили чай, я подтрунивал над умением Паши приспосабливаться, втираться. Например, не успел я его познакомить с Владиславом Пьявко и Ириной Архиповой, как он уже переписывает их телефончики. Вот так оказалось, что не только к его литературе я имею прямое отношение, но и к его пению. Узнав во время собеседования от одного из абитуриентов, что тот работает регентом, я, помню, тут же пристроил Пашу в церковный хор.

10 января, вторник. Утром С.П. позвонил в министерство г-же Акимкиной относительно наших не очень точных протоколов. Исправить положение можно двумя путями: или протоколы, которые сами по себе являются некой подтасовкой, переписать, или перенести выборы, тогда они станут чистыми. Со своей бумажной борьбой и с самонадеянностью Марии Валерьевны министерство опять проиграло. Если бы мы шли по первоначальному плану, я бы подобного не допустил и как минимум послал кого-нибудь из «избирательной комиссии» проконтролировать выборную самодеятельность.

Днем состоялся ректорат, где все накинулись на С.П. за то, что «он выносит сор из избы». Значит, Мише и Марии Валерьевне можно якобы по делу ездить через день в министерство, мы их поддерживаем. Не даем отпора, всем персонажам, которые через подставных лиц, включая депутатов, пишут в министерство, а человеку, который сейчас отвечает за институт, надо молчать и, как привыкли, как это делал Есин, беречь общую репутацию? Не кругло все получается. Яростные нападки на С.П. наших дам моэет означать, что в их «выдвижениях» все не так чисто. А также, что с выбором выдвиженца не все так, как они желали. Подвякнул и В.Е., он занимает подловатую позицию.

Я с ректората ушел почти сразу. Если у меня появилось такое право, решил не слушать мелкую демагогию. Здесь же Гусев, который все время говорит только от имени Московской

писательской организации, а его на ректорат позвали только как завкафедрой, и не больше, предъявил мне претензии по поводу мелкого соображения о «Московском вестнике», которое я высказал в интервью с Бондаренко в «Дне литературы». Там я всего лишь упомянул, что мой «Казус» не был широко прочитан, потому что в начале перестройки тираж его журнала не соответствовал объявленному.

Постепенно очищаю свой кабинет, за тринадцать лет скопилось немало бумаг и книг.

С.П. показал мне письмо, которое он получил от своего ученика Алхаса. Мальчик умный, безусловно преданный литературе, ему бы только сосредоточиться сейчас, это видно из манеры, не на художественной литературе, а на критике и философии. Впрочем, все еще может произойти и прорезаться. Но к письму. Здесь меня восхищает внутренняя необходимость думать и рассуждать:

«Как вы нашли Кнута Гамсуна? По-моему, восхитительное путешествие. Мне очень понравилась попытка журналистов повторить его путь. Нужно признать, она им не совсем удалась. Хотя как потрясающе совпали персонажи, какие личности встретились им. Как они похожи! Не правда ли? Как-то у меня наложились друг на друга три текста: «В сказочном царстве» Гамсуна, «Марбург» Есина и «Пушкин» Юрия Тынянова. И вот в двух текстах — в «Марбурге» и «В сказочном царстве» — сделана попытка пройти путь исторических персонажей. Я поймал себя на мысли, что это потрясающая возможность увидеть мир. Совершить путешествие по пути героев — это значит встретиться с любимыми персонажами и увидеть мир. Мир и их глазами и своими».

Второе рассуждение в конце большого письма столь же интересно, хотя и небесспорно: «…но вот добрался до конца. И нужно пару слов о романе Сергея Николаевича сказать. И это самое трудное. Блестящий стиль, язык, выверенный ритм повествования, натурализм, боль и жизнь — все это есть. Но герой меня пугает… хорошо, что нет у него детей, у такого героя».

11 января, среда. Как, оказывается, неинтересно писать мелкое предательство и крошечное честолюбие. Если бы можно по главным эмоциональным событиям классифицировать дни недели, я бы сказал, что среда это день предательства. Ну, разве я считаю предателями Минералова или Смирнова, один просто сын священника, а другой сын профессионального ректора в советские годы. Наверное, этим все сказано, но в последнем случае, действительно, как хорошо, что у меня, как и у моего

лирического героя, нет детей. Это все мелочевка. И, тем не менее, и тем не менее…

Зашел утром к С.П., там сидит Минералов, Боже мой, как виновато на меня взглянул «сын священника» (или внук?). Потом выяснилось, он пришел, ну скажем так, к одному из гипотетических ректоров докладывать: что наверху, у «сына ректора» пишется коллективное заявление — ах, эти коллективные письма, утеха и восторг советской интеллигенции, — чтобы завтра на выборы пустили прессу и группы поддержки. Потом к С.П. пришел Миша Стояновский, и они долго рассуждали, пускать или не пускать посторонних. Я, естественно, в полной уверенности, что группа поддержки нужна только для театрального действа, скажем, морскому офицеру. Я даже обращаюсь к обоим отечески: ребята, вот тебе, Сережа, и тебе, Миша, нужна эта группа? И тут я вижу, что Миша мнется, потом говорит, что лично ему не нужна… А спустя несколько часов откуда-то из глубин нашей бюрократии появляется и само заявление, написанное на имя председателя избирательной комиссии. Я-то думал, что это действительно коллективка, с очередью подписей, а тут всего четыре фамилии и первая… Миши Стояновского: воистину, в тихом и скромном усатом омуте… Ну, а дальше, угадайте кто? Минералов, «сын ректора» и Болычев. Только праведники являются грешниками.

И еще был эпизод из серии. На этот раз Оксана. Она много лет сидела у меня секретарем, не без моей поддержки была устроена в аспирантуру, получила совместительство на ВЛК. Потом я ее перевел в приемную комиссию, осенью отправили на отдых за границу. Я с ней поговорил, как со своим человеком — я ведь теперь обычный, по словам Минералова, «рядовой член коллектива». В открытую повел агитацию за С.П… Аргументы мои были простыми: он человек моих взглядов на суверенитет института и благополучия его сотрудников, чужд всякой коммерции. И уже через некоторое время все это вернулось ко мне через С.П., которому этот инцидент пересказал Стояновский. Бежит, значит, Оксана, в слезах: мне предложили, приказали голосовать за определенного человека. Это особый талант — заранее продемонстрировать лояльность перед всеми возможными начальниками. Я-то понимаю, с нее уже взяли слово голосовать за кого-то другого, народ у нас шустрый, а она девочка честная, и даже тайное голосование не могло побудить ее нарушить обещанное. Но нарушить конфиденциальность нашего разговора она смогла. Я сразу снял телефонную трубку и позвонил деточке Оксане: «Оксана, ты, конечно, понимаешь, что больше я не твой друг». Это, наверное, один из самых ярких и

бесцеремонных фактов предательства в моей жизни!

Дома меня застал звонок Феликса Кузнецова, который не смог за весь день дозвониться до меня: он рвался на собрание. Я вертелся, потому что не сразу сообразил, что ему ответить. А потом решил: пусть идет, своей бородой и демагогией он способен дискредитировать весь свой лагерь. Поймут ли наши, что это пришел первый человек, претендующий на нашу собственность? В.С. отметила, что я говорил с Феликсом неприлично. В конце он сказал: дескать, вы, С.Н., прожженный человек, и я прожженный человек… Про себя я подумал, что в отличие от насквозь прогоревшего Феликса Феодосьевича я еще и действующий писатель…

Вечером по ТВ передали: некий двадцатилетний парень вбежал в синагогу у нас на Бронной и поранил ножом несколько человек. По телевидению уже вопли об антисемитизме. Я думаю, здесь хулиганство, а скорее всего, парень просто психически нездоров.

12 января, четверг. Выборы закончились довольно быстро. Уже к четырем часам — началось в двенадцать — прошли два тура: выбрали Бориса Николаевича Тарасова. За плечами у него ряд интересных работ, книга о Паскале и о Чаадаеве. Недолгая эпоха, когда Литинститутом командовал писатель, прекратилась. К сожалению — это одно из суждений, — имя Бориса Николаевича, который отвечает представлениям наших преподавателей о ректоре: солиден, ученый, бородатый, — неизвестно за пределами скверика на Тверском бульваре. В этом отношении все могут считать себя удовлетворенными. По этому поводу, а, может быть, по какому-то другому, Ю.И.Минералов с перерасстроенным лицом объявил мне соболезнование. А в этой ситуации мне больше всех жаль его.

Собрание, как ни странно, прошло довольно мирно, хотя утром, когда приехала знакомая чиновница Акимкина, долго шла дискуссия о группах поддержки и кого пускать или не пускать присутствовать на выборах. Марья Валерьевна здесь вела себя с особой агрессивностью, но, забегая вперед, то, ради чего она так старалась, не получилось. При первом же голосовании Бояринов, за которого так ратовал Феликс Феодосьевич, получил всего один голос, который, — по доброте сердечной и своей обычной честности — сам рекомендовал — дал ему, наверное, В.И.Гусев, а Саша Сегень, будто бы обещавший председателю комиссии по выборам место проректора по науке, собрал три голоса. Я могу только предположить, что один из этих голосов А.Е. Рекемчука, который на собрании выступал в поддержку своего ученика — это хорошо и законно, другой, естественно, Мария Валерьевна, а вот

третий — у меня тоже есть предположение, но я о нем, пока, помолчу. Вот, может быть, эти голоса, которые должны были по всем расчетам отойти к Сергею, и решили первый тур голосования. Вот они три голоса: Гусев, — который ратовал за С.П; Рекемчук, который должен был голосовать за своего ученика-выдвиженца; М.В., которая, кажется, клялась в любви к Толкачёву, предпочла свое проректорство. Ах, любовь, что ты, подлая, сделала!

Потом мы разговорились с Лешей Антоновым, который занимался счетом и просчетом с другой стороны. По его соображениям, в первом туре за Тарасова должно было быть 44 голоса, но где они? После первого тура голоса расположились следующим образом: 32, 30, 29. Следовательно, остались Стояновский и Тарасов. Когда в процессе передачи голосов претендентов голоса Сегеня отошли Стояновскому, а С.П., сидевший в первом ряду, встал и готов был, по его собственным словам, распылить, то есть предоставить своим сторонникам право голосовать по их внутренним предпочтениям, без его советов, я, стоя возле трибунки, успел пронзительно шепнуть: «Тарасов». Он так и сказал: «Я хотел бы попросить моих сторонников голосовать за Бориса Николаевича Тарасова!»

Из событий мелких, но занимательных. Самое первое выступление — А.Е. Рекемчука. Он агитирует за своего ученика Сашу Сегеня, но одновременно здесь же слышится определенная критика бывшего ректора: дескать, прекратил, ожидая перевыборов, печатать студентов, не занимался организацией журнала, в котором Рекемчук печатал бы своих семинаристов. Второе выступление — бывшей замзавкафедрой Гали Седых. Вернее сумбурная речь о якобы развале и обмелении кафедры. Накопила обид, бурчала на всех, на Рейна, на Лобанова, после статьи которого «Освобождение» изменился взгляд на целый пласт литературы, на Кострова и даже на Рекемчука, писателей выдающихся. Тут, сидящий рядом с ней, Костров, иронично вопросил: «А ты кто такая?» Вполне резонно.

Мне тоже хотелось выступить: коли Рекемчук поддержал своего ученика, почему бы мне не поддержать своего? Но Мария Валерьевна Иванова в своей неуемной страсти казаться лучше всех — чему помогал переливчатый блеск вышивки из камешков на ее прекрасном платье — и служить только тому, что впереди, уже позабыла, что открывать собрание должен был С.П., как исполняющий обязанности ректора, а потом предполагалось предоставить слово мне. Зачем Марии Валерьевне покойники! Только ее собственная жизнь расстилается сейчас перед ее глазами, значит остальным можно пренебречь. У меня в кармане

лежал написанный утром текст, как письменная основа речи. Но раз мне слова не дали, я переписываю в дневник.

Звонок Феликса Феодосьевича. Я не знаю, может ли на конференции присутствовать кто-либо чужой, даже такой крупный начальник, реликт нашей советской бюрократии, ее еще не вымерший мамонт. Я, правда, думаю, что это еще и бывший собственник наших зданий, который уже не раз поднимал вопрос об имуществе Литинститута. Столько уже размотали, сколько куда-то делось, а все неймется!

Я вспоминаю, как мы проводили первые мои выборы, когда не было и хорошо причесанной дамы из министерства, но зато были все желающие. Сережа Чупринин кричал: надо держать «журнал» на плаву! Он все время путал журнал и институт. Это так трудно — держать в руках два предмета.

Но давайте — к серьезному. У нас сегодня выборы проходят в состоянии крайней правовой неопределенности. С одной стороны, мы имеем дело с уставом института, утвержденным министерством, с другой — с Законом об образовании, который министерством же, в первую очередь, инициирован. Устав и Закон противоречат друг другу. То есть министерство не понимает ни особенностей творческого вуза, ни своих собственных законов. Ему пока все это сходит! Кстати, за все тринадцать лет моего ректорства министерство ни разу не смогло нам помочь, когда мы обращались к нему в трудные минуты. И в этом смысле я согласен с той критикой в обществе, которая идет в адрес нашего министерства, и даже с тем общественным мордобоем, который молодежь устраивает нашим крупным чиновникам от образования. Я полагаю, что это только начало.

По Закону об образовании на должность ректора может баллотироваться любой, почти человек с улицы. В то же время Инна Люциановна Вишневская, сорок лет ведущая в этом вузе семинар драматургии, не имеет права присутствовать и участвовать в выборах, потому что у доктора искусствоведения трудовая книжка лежит в Институте искусств.

К этому я должен присовокупить нерешительность и беспринципность нашего ученого совета, на протяжении нескольких недель два раза кардинально и единодушно менявшего свое мнение относительно устава, выборов и характера представительства на них.

Тринадцать лет назад я принимал институт в тот момент, когда Союз писателей СССР, правопреемником которого является МСПС во главе с Ф.Ф.Кузнецовым, отказал нам в финансировании, фактически бросив на волю так называемой перестройки и ветра. В институте в то время не было ни одного

компьютера, ни одной машины, дырявая крыша, в критическом положении горячее и холодное водоснабжение в общежитии. Тем не менее, за прошедшие тринадцать лет не было ни одной задержки зарплаты. За это время мы обрели ряд совершенно новых и не существовавших ранее в институте структур: свою книжную лавку, свое на паях издательство, у нас бесплатное для студентов, аспирантов и преподавателей, рабочих и служащих института питание. Какое-то время у нас существовал даже собственный театр. У нас расширилась аспирантура, появилась докторантура, возникли три специализированных докторских совета, свой журнал, расширилась до критических пределов библиотека, появились два этажа коммерческого поселения в гостинице и много другое.

Не стану касаться цифр, совсем недавно я отчитался на ученом совете, и он признал мою работу удовлетворительной. Но, перед тем как мы начнем наши выборы, я хотел бы сказать несколько слов о том, с чем придется столкнуться следующему ректору. 1. По мнению специалиста по эксплуатации и строительству именно учебных зданий г-на доктора Каландия, наш основной корпус простоит еще 5–7 лет. 2. Необходима новая электроподводка к институту и к общежитию. 3. Нужно отремонтировать гостиницу и сделать над общежитием новую крышу. 4.Установить дорогостоящую противопожарную сигнализацию и, главное, следить за тем, чтобы нашу усадьбу не отобрали для иных государственных нужд.

Потребуются определенные усилия, чтобы переверстать учебный процесс, на необходимость чего указывают нам некоторые «предвыборные» статьи в прессе, в том числе статья Лисунова.

Со мною институту повезло: когда меня избрали, мне не нужна была квартира, не нужен был телефон, не нужна была машина, не нужна была дача — все это у меня было. Не нужно было устраивать в институт моих детей и племянников, моя жена принципиально не носила золота, у меня не было неудовлетворенного чувства собственного престижа.

Теперь о претендентах на должность ректора.

Все шесть человек, стремящихся стать ректорами, я повторяю здесь то, что на ученом совете уже сказал Владимир Иванович Гусев, все шесть человек являются вполне приемлемыми для этой должности. Четверых из них: Толкачева, Дьяченко, Сегеня и Стояновского я брал на работу. Двое других: Бояринов и Тарасов — люди мне хорошо известные, прожившие свою биографию вместе с Литинститутом. Троих из шестерых я сам инициировал к участию в этих выборах. Решать коллективу, но,

как бывший ректор, хорошо знакомый с требованиями, которые жизнь предъявляет сегодня к руководству именно этим вузом, наиболее приемлемым своим преемником я считаю Сергея Петровича Толкачева. Он подходит по человеческим и деловым качествам, по знанию механизмов управления и обладает той волей и харизмой, которые позволят отстоять, защитить и подготовить институт для новой жизни.

И последнее: отриньте, если сможете, свои пристрастия, и думайте о судьбе института.

13 января, пятница. День, как день, уже свобода. Вчера с С.П. хорошо выпили Хуча, ели мясо, говорили о предательстве, перебрали знакомых людей, в том числе и Льва Ивановича, который, как говорят и как я уверен, голосовал против С.П… А вечером позвонил Самид, вспомнили все тех же героев и героинь. Не называя никого, он сказал следующее: «это надо умудриться прожить с вами в обнимку двенадцать лет и так элегантно вас продать». К Зое Михайловне это не относилось. О ней был особый задушевный разговор. Самид просто напомнил мне, о чем, видимо, забыли все, что, если бы не я, З. М. до сих пор жила бы в Люберцах. Я всех прощаю, но никому не забуду. Всех благословляю — и милого Юру Апенченко, и доброго друга Леву Скворцова. Мотивы Левы я понимаю с особой ясностью и вряд ли сформулирую эти мотивы в публицистической форме. Художественная форма дает переливы нюансов и беспощадность выводов.

Не мстительный я человек, но, как надо перечитывать одни и те же даже средние книги, так надо перемалывать одни и те же ситуации — только так рождается глубокий психологизм. Думаю, перебирая, о многих людях. Я даже, наверное, сделаю список так называемых предателей, не для того чтобы досаждать или мстить, это уж совсем не в моем характере, а чтобы не забыть при моем анализе. Может быть, совершенно сознательно я все драматизирую и навертываю, чтобы как-то подхлестнуть свое воображение, которое уже светит, как прожектор, на новый роман. Стоит ли писателю по-другому сводить счеты? Писатель в этом смысле существо самое невинное.

14 января, суббота. Был в Сопово, все в снегу. Мне определенно везет, наш «Маяк»-5 с такой же психологией, как и «Орбита»: нечищеные подъезды только у нас, делается это из экономии, но электроэнергия пока не отключена. Правда, забывают, что если возникнет пожар, то все будем от ужаса потери собственности вопить, наблюдая, как буксуют в снегу пожарные машины. Мы тоже с С.П. побуксовали, но все же, не без помощи сторожа, вытащили машину.

Сколько для естественного восприятия жизни дает мне даже один день в этой стерильной тишине и безлюдье! Не смотрел даже телевизор. Что там с газом, с правительственным кризисом на Украине?.. Узнал немного только о сумасшедшем мальченке, который ворвался в синагогу. Говорят, он действовал по схеме какой-то компьютерной игры. Сначала — это озвучил С.Бабурин, — войдя на первый этаж, он налетел на шофера таджика, потом на какого-то другого инородца, а уже затем поднялся на второй этаж, где ранил собственно кого-то из евреев. Людей пострадавших и их родственников жалко, жалко и этого чумного парня. Его засудят по-крупному.

Все последние дни занят тем, что делаю словник к дневнику 1984–1996 годов. Работа тяжелая, масса имен, неужели со столькими людьми я встречался, столько народа знаю! К каждому у меня было свое отношение. Какое невероятное количество деталей всплывает в памяти. И все это лишь наметки, лишь абрисы событий. Я боюсь, что впереди еще новая работа, по следам былого написать новую, более сочную и яркую картину. Весь вопрос, есть ли у меня за душой что-то настолько ясное и большое, чем я мог бы поделиться с людьми и ради чего надо бросить художественную литературу.

15 января, воскресенье. Рано уехал из Сопова, солнце сверкает, машина, рыча, одолела сугробы. В шесть утра я сел за свой словник, сделал уже страниц двенадцать. Естественно, параллельно много думаю о прошедших событиях. Сколько всего только обозначенного, кометы прочертили небо своими хвостами. Все хранилось в каких-то мощных аккумуляторах и готово подняться на поверхность. Я копаюсь в этом так настойчиво потому, что здесь фундамент моего нового романа и ожидания каких-то достаточно грозных событий.

Первое уже последовало — позвонили: повесился Сережа Королев. Он работал в Москве. Жизнь у него не складывалась. Помню, как несколько лет назад я пытался выгородить его после пьянки и драки с Панфиловым. Помню, с каким пафосом В.П. говорил об этом инциденте, а парень был больной, и это было ясно с самого начала. Вот и результаты. Еще недавно мы с ним говорили, и он вроде был бодр, но его волновало, что я ухожу, он все же надеялся на меня, на мою поддержку. Какой был замечательный парень! Вот тебе и попытка вырвать человека из иной среды: Сережа был из поселка в Архангельской области, работал лесорубом.

Утром принялся читать номер «Нашего современника» посвященный молодежи. Похоже, кое-что здесь фантастически интересно. Пока читаю двадцативосьмилетнего Евгения

Чепкасова. «Хромающий человек. Петербургская повесть»

16 января, понедельник. Тихо-спокойно полупереселился на второй этаж на кафедру, и здесь мне нравится. Что-то случилось со временем, оно как бы расширилось и приобрело объем. Может быть, многое из собственной моей энергии уходило в грязные стены ректорского кабинета? Кстати, принялись в кабинете мыть стены и потолки, — какая, оказывается, была потрясающая чернота. Это как же наш доблестный Владимир Ефимович так все со своими помощниками и надзирателями умудрился запакостить?

Уж если я завелся на такой недружественной ноте, то, по мере того как у меня происходит осмысление недавних событий, я все строже и строже отношусь к некоторым людям, своим коллегам. И здесь я даю себе право хотя бы здороваться с разной степенью сердечности. Недаром кое-кто меня по дороге останавливал и, пряча тревогу, участливо спрашивал: как, дескать, я. Я упорно демонстрирую, что знаю о двурушничестве многих и не хочу этого скрывать. А коллеги хотят теперь же получить отпущение грехов: иначе совесть будет мучить, плохой сон, несварение желудка, все хотят и перед собою быть совестливыми, цивилизованными и безукоризненными членами общества и чтобы никто даже не догадывался об их пакостности.

Днем обедал с Борисом Николаевичем, представил его Альберту Дмитриевичу, познакомил с В.А.Харловым, за обедом говорил о проблемах общежития и предложил создать комиссию по замечаниям, которые можно отыскать в предвыборных программах кандидатов. Говорил о приеме в институт: ну понято, что выучили детей, но теперь уже идут племянники и внуки, не слишком ли? Издалека видел Мишу, Людмилу Михайловну, слышал из кабинета аффектированный голос Зои Михайловны. У них теперь своя жизнь никак не соприкасающаяся с моей. С удовольствием рассказал о своем разговоре с Оксаной.

Теперь из приятного. Отдиктовал предисловие для каталога фестиваля в Гатчине, вчерне подготовил приказ о «десанте» на фестиваль, потом встретился с приехавшей из Белгорода Верой Константиновной. Она приезжала на чью-то докторскую защиту, пришла с букетом, значит, защита прошла успешно. Она написала новую книгу обо мне: «Феномен прозы С.Н. Есина: творчество второго периода». Интересно, состоится ли третий? Даст ли Бог? Много говорила о «Марбурге», о том, что я себя недооцениваю. Об этом же говорила и Наташа Бабочкина: прочла роман и стала искать мой телефон. Ей было необходимо высказаться. Эта медлительная волна признательного читательского внимания накатывает точно так же, как во время публикации «Имитатора».

Днем прочел еще одно «Предисловие» к дипломной работе Елены Георгиевской. Это «Интервью со своим дневником». Лена написала и так: «посвящается С.Н. Есину». Похоже, что мы действительно выпускаем гениальную деваху. Ей остается только пробиться, а это самое трудное и самое унизительное. Интервью буду перечитывать, там много того, что сразу и не ухватишь, пока сделал ксерокопию.

Сегодня же пришло письмо от Нины Ивановны Дикушиной. «Часто вспоминаю наши поездки на Дальний Восток. И всегда помню, какую неоценимую помощь оказали Вы Фадееву и мне, к нему примкнувшей, в издании книги».

Как я устал от этой однотонной деятельности со словником, тем не менее, в голове что-то колышется. На работе почти ни с кем не разговариваю, держу себя сдержанно, это сразу позволяет сэкономить очень много сил.

17 января, вторник. Сегодня день неподписанных или, как говорили в старину, подметных писем. Утром принесли через почтальона, письмо почему-то заказное. Сначала бумага: она какая-то плотная, старая, даже вроде бы с гербом в углу, но заполнена на пишущей машинке. Внизу только инициалы, но письмо оказалось таким занятным, что я решился его перенести в дневник. Есть же такие письма, которые неожиданно отвечают на многие вопросы.

Сергей Николаевич, читаю Ваши дневники от 25 января 2005 года. Творений Ваших я ранее не читал, но однажды просматривал «Смерть титана». Многое Вы там придумали и тяжело изложили. Если бы Вы, уважаемый Сергей Николаевич, прочли секретное письмецо Владимира Ильича от 19.3.1922 года о тотальном изъятии церковных ценностей под предлогом голода, то у Вас отпало бы желание описывать смерть «титана». Привожу цитатку из ленинского послания: «Строго секретно… Именно теперь, и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем /и поэтому должны/ провести изъятие церковных ценностей с самой беспощадной энергией и не останавливаясь /перед/ подавлением какого угодно сопротивления…»

Сергей Николаевич, я не могу лишить Вас Вашего символа, а дневники — дело хорошее… В дневниках просматривается Ваша гражданская позиция, и она в большей степени тяготеет к христианскому человеколюбию.

По дневнику чувствуется, что ожидовлены Вы значительно, потому и не понимаете, что Татьяна Бек просто ненавидела все славянское, христианское. Осип Мандельштам, Булат Окуджава, Иосиф Бродский — вот ее знамена, а Сергей Есин ассоциируется с

Сергеем Есениным — одно это вызывало у нее аллергию. Евгения Рейна Т. Бек раскусила и не могла смириться с его, как бы, кровно-национальным предательством. Евгений Рейн поэт не совсем еврейский, хотя в его поэзии перечисление и нытье присутствуют, и все же он давно отошел от всего еврейского, и по образу жизни и в творчестве. А может и не отошел, а всегда таким был.

Сергей Николаевич, наблюдая за Вами, я заметил, что Вы неравнодушны к Борису Пастернаку, и часто восхищаетесь его свечой, которая на столе горела и горела, в пример эту «свечку» молодым поэтам приводите, как нечто необычайно ценное. Я думаю, что и здесь Вы заблуждаетесь. Борис Пастернак всю свою жизнь посвятил поиску поэтической формы. Форму он иногда находил, но заполнить ее соответствующим содержанием не мог. Иногда были и редкие удачи. Поиск форм происходил от того, что рядом жили и творили: Александр Блок, Сергей Есенин, Владимир Маяковский — найти же себя, отличимого по интонации, стилю, несмотря на сокрытый талант и огромную эрудицию, было крайне сложно. Поэтому, свеча, которая горела и горела на столе, ничего, кроме ложно-поэтического состояния, в себе не содержит.

Сергей Николаевич, я буду читать Ваши дневники, и как читатель делиться с Вами своими впечатлениями. Желаю самого главного: здоровья и хорошего аппетита и еще успеха в делах, мирских и разных.

Благодарный читатель Е.Г.

Здесь есть что прокомментировать. Во-первых, я сразу понял, что речь идет о публикации в «Российском колоколе», это наверняка будет приятно Максиму Замшеву. Кстати, коли зашло о нем и о «Колоколе», вот что сам Максим мне недавно рассказал. Он встретился по своим административным делам с легендарной фигурой прошлого — Егором Кузьмичем Лигачевым, и тот сказал, что читает в «Колоколе» стенограммы процессов 1937 года и Дневники Есина. Вот так! Сегодня, кстати, буду продолжать читать новую книгу Харченко. Вчера прочел часть про книгу о Ленине, следующая часть посвящена Дневникам.

А вот что касается личности Ленина и его секретного письма от 19.03. 1922, то — ничего с собою поделать не могу — и я бы поступил так же, если народ голодает, и, думаю, настоящий христианин, подлинный церковный иерарх поступил бы так же. Ведь речь идет о тысячах трупов, которые валяются на дорогах, и о том, что голодающие едят живых людей. Может ли что-то из металла любой стоимости быть дороже человеческой жизни! Ко всему остальному можно прислушаться, тем более, что пишет это,

кажется, писатель. Дело в том, что мой старый адрес: дом 4, корпус 6, кв. 11, а не 43 — эти координаты указаны в писательском сборнике 1986 года, но они же и на конверте.

Но было и еще письмо, которое пришло несколько дней назад, а Максим показал мне только сегодня. В этом отношении он молодец, настоящий мужчина, да еще тут же написал ответ, дал отпор. Вот как начиналось это письмо мерзавца. Не отвергаю мысли, что оно еще и коллективное, т. е. письмо обиженных мерзавцев.

Уважаемые коллеги!

Прошу ввиду моего отсутствия в г. Москве зачитать на общем собрании в день выборов ректора Литературного института письмо, переданное одним из выпускников института. Значит москвич, но вот сейчас отсутствует, так сказать, молния бьет издалека, удар тянется из безопасного пространства. Плюем на прохожих с балкона и прячемся за дверь.

Если данная точка зрения не будет принята во внимание на профилактическом уровне — будут приняты все меры для документального развития тезисов и их передачи в соответствующие инстанции, электронные и печатные СМИ. Угроза кому, собранию, мерзавцам, ректору, который ушел? Кажется, это опять почерк Маргариты Крапивиной. Неподписанное анонимное подлое и трусливое письмо, видите ли, должно быть прочитано на общем собрании. Дальше, после этой угрозы, пошло само письмо, вот его начало. Может быть, оно и рассчитано, чтобы быть перепечатанным в моем дневнике.

Уважаемые друзья и коллеги!

Я — бывший выпускник и аспирант Литературного института им. А.М. Горького. Значит, пять лет учился и три года пробыл в аспирантуре. Научился, насмотрелся, наслушался, все узнал, везде заглянул, все вкусил, в том числе и бесплатное институтское, кстати, единственное в Москве питание. Не пишет аноним, правда, закончил ли эту аспирантуру, т. е. защитил ли диссертацию. Скорее всего, — нет, неудачник, завистник. Но почему же тогда так плохо, по-канцелярски — *ввиду моего отсутствия* — пишет? В этом случае коллега и друг тебе — только тамбовский волк.

Слежу за ситуацией в институте на протяжении многих лет. Значит давно, значит издалека, значит, притаился, вынюхивает, но почему же тогда не накопил никакого конкретного материала или его нет, одна злоба.

Уход из института ректора С.Н. Есина — знаковое и положительное событие. Естественно, «знаковое», три раза отбыл свой срок, два раза избирался единогласно.

Институт покинул человек, который превратил замечательный, уникальный творческий вуз в посредственное учебное заведение. Совершенно верно, стал самым упоминаемым после МГУ вузом в стране

Есин практически уничтожил преподавательский состав большинства кафедр. Ушли только два человека с кафедры Ю.И. Минералова — покойный Лебедев и живой Дмитренко, выжитый в первую очередь самим Юрием Ивановичем. Как написал в своей статье преподаватель Лисунов, именно Ю.И. выжил еще профессора А.П. Чудакова. Чья эта плохо написанная драматургия? Выжил, правда, еще В.П. Смирнов со своей кафедры выдающегося ученого М.О. Чудакову. Не везло этой семье. Чудакова составляла некий поразительный контраст составу кафедры. С.Н. Есин приютил изгнанного за талант литературоведа на руководимой им кафедре творчества. С этой кафедры после смерти Татьяны Бек ушел только почасовик Чупринин, потому что рассыпался их общий с Татьяной семинар. И, действительно, сколько замечательных людей, со знаковыми именами умерло. Что делать, других не нашлось, наше время таких уже не делает. Удел нашего времени Акунин, Денежкина, Донцова, стихи для песен пишут теперь другие люди, которые тоже называются поэтами, хотя в застолье песни их не поют. Умер Е.Долматовский, его имени аудитория в институте, умер В.Розов, тоже аудитория его имени, умер Л.Ошанин, умер В.Цыбин, умер В.Старшинов, умер Ю.Левитанский, умер Е. Винокуров. Есин их не душил, в них не стрелял, их не выживал, Есин всех их хоронил и очень мало видел на похоронах той шпаны, которая могла бы, по его мнению, состряпать подобное письмо. А на кафедре Ю.И. Минералова умер М.П. Еремин, на кафедре стилистики — Н.Г. Михайловская. Все это очень грустно, если бы не ощущение новой смены и достойной.

Подпевалы Есина твердят о его «хозяйственных талантах». Какие таланты? Зарплаты и стипендии всегда — что при Союзе писателей, что ныне — платило государство. Было время и довольно продолжительное, когда государство помногу месяцев вузам не платило, а в Лите не было ни одной задержки с зарплатой за тринадцать лет. Да и сейчас зарплата у профессоров, преподавателей, служащих и рабочих далеко не государственная, а именно за счет придуманных ненавистным Есиным хозяйственных приемов.

Есин занимался незаконной сдачей помещений, ввел платное обучение, в том числе студенты из-за рубежа обучаются за деньги. Читая эти строчки, я, по старой привычке исследователя, начинаю гадать, кто же подобное мог написать. У кого так мало ума, кто

так плохо представляет себе дело в институте, кто не ведает никаких законов и даже Закона об образовании, по которому живут все вузы страны и в котором обозначено все, даже высшее образование иностранных граждан. Кстати, кто те последние, которые пытались именно без оплаты, что определено Законом, проникнуть в институт? Какая-то была гнусная переписка, государственная и писательская давиловка. Ах да, это были армяне, но тогда эта халява не прошла, я об этом уже писал в дневнике. Неужели мой дневник становится поминальником всех мелких пакостей и чужих преступлений! Почему же это *незаконная* сдача помещений, когда каждый договор зафиксирован в специальном московском или федеральном учреждении? Именно **законная,** и даже в **законе** прописанная. И какой вуз, чтобы прожить, что-то не сдает? Но неужели в каждом вузе такая же грязь и ненависть или это специфика творческого вуза с его черной амбицией? Почему именно Есин, как утверждает автор письма, ввел платное обучение, когда его ввело государство? Спросите Фурсенко, какой процент он хотел бы оставить в вузах платных студентов, а кто и сколько должны учиться за свой счет и счет родителей. Вспомним девочку, которая обстреляла господина министра свежими куриными яйцами. Что она говорила? Сейчас это платное обучение пытаются расширить до бесконечности.

Куда шли средства? — спрашивает автор анонимного письма. Средства ушли по адресу, потому что бедный и скорбный умом автор даже не представляет, на какие деньги ремонтируются крыши, красятся фасады, покупаются парты, которые студенты традиционно расписывают своими личными иероглифами,

Эти вопросы обязана задать Счетная палата РФ. Да уже все было, и в том числе проверки.

Есин распоряжался огромными денежными средствами (безналичными и наличными) в интересах не института в целом, а в интересах лично себя и ближайшей группы «соратников»-блюдолизов. Что это за наличные, кто их видел, кто, кроме кассира, держал их в руках? И кто эти наличные дает? А как можно *распоряжаться* безналичными, когда все средства, даже наличные, сначала сдаются в казначейство, а уж потом с таким трудом даже на карандаши выцарапываются оттуда. Знает ли эта садовая глупая литературная голова, что уже давно никаких наличных денег без кассового ордера, который получает плательщик, ни взять, ни дать нельзя.

Есин вырастил когорту приближенных, которые получают особые зарплаты и «конверты». Особо грязную роль в последние годы играли главные холуи: преподаватели кафедры общественных

наук во главе с Царёвой и Кочетковой, Толкачев, проф. А.И. Горшков. Ну, покажите мне этот «конверт», о котором автор слышал только из сериалов. При чем здесь восьмидесятилетний Горшков, по учебникам которого аноним должно быть учился? Что голубчик, завалили тебя на старославянском языке? Или не сдал когда-то, и пришлось пересдавать практическую стилистику? Бойтесь бездарных и плохо пишущих литераторов, они всегда найдут в других причину, чтобы оправдать собственное творческое бесплодие. О Толкачеве, как будет ясно в дальнейшем, речь особая. Все письмо, так сказать, направлено против него, видимо, и отсутствующие сейчас в Москве, и присутствующие в столице анонимщики знают жесткий толкачевский характер и умение его призвать всех к порядку. В этом смысле письмо вполне понятно, человек с ножом не хотел бы, чтобы его схватили с поличным, а Толкачев это сделать может, и его время, как мне верится, придет.

Подготовлены соответствующие материалы в официальные инстанции и в СМИ, где открыто названы поименованные выше лица и приводятся свидетельства очевидцев их беззаконной деятельности. Какой очевидец станет свидетельствовать против собаки, какой неудачливый аспирант? А что касается качества подготовленных материалов, мы их уже знаем по письму депутата и членов Фонда поддержки Литинститута. Чего сейчас-то не называешь, поименщик? И долго готовились, сидя за плинтусом?

Но так скучно все это продолжать. Из письма выяснится, что даже роман о В.И.Ленине написал не Есин, а «известный профессор с кафедры зарубежной литературы». Не Джимбинов ли? Какой, оказывается, умный и эрудированный профессор, сколько знает, как долго, видимо, готовился. И как плохо подготовился сам анонимщик. Ну, загляни в энциклопедию, и тогда узнаешь, что еще двадцать лет назад некий Есин опубликовал несколько повестей в знаменитом журнале все о том же герое. Биография, дружок, продолжается. Или это деликатный намек уже Есину написать за бездарного автора хороший политический роман? Есин-то сможет, у Есина есть перо, он профессионал, и он неплохо учился, в том числе и политическим наукам! Но слишком большая честь: все эти цитаты, самые «кровавые», уже опубликованы, чепуху не следует множить. Я сам с горечью обнаружил, в каком коллективе я жил.

Основной удар нанесен не по Есину, не по Царевой, не по Табачковой с ее трогательной любовью к собаке Музе — по Сергею Петровичу Толкачеву, который в моих дневниках проходит под инициалами С.П… Не дай, дескать, Бог, именно он станет ректором. К его великому счастью — не стал. Пафос всех

дальнейших бредней — это яростная агитация «против». В чем здесь причина? С одной стороны, смертельная боязнь его жесткой и крепкой руки, боязнь, конечно, и неких советов бывшего ректора, который хорошо знает и коллектив, и психологию почти каждого в этом коллективе. Но здесь же и фантастическая зависть к талантливому и собранному человеку. Между прочим, к человеку, разговаривающему на трех языках, имеющему хорошее базовое образование, прекрасному молодому писателю! Это зависть к человеку, который безо всяких на учебу отпусков, ежедневно ходя на работу, с промежутком всего в несколько лет защитил сначала кандидатскую, а потом и докторскую диссертацию. Талантливый молодой доктор, профессор, писатель, администратор. Согласимся, здесь есть предмет для зависти. Неудачник всегда завистлив, а еще чаще неумен.

А теперь, как говорится, чем дело кончилось. Как я уже написал, письмо это пришло в ректорат именно во время собрания, и получил его Максим Лаврентьев. Тогда он ничего не сказал ни мне, ни исполняющему обязанность ректора Толкачеву. Но мужчина, он всегда мужчина, и, ни у кого не спрашивая, ни с кем не советуясь, на бланке института и за своей подписью Максим отправил по обозначенному на письме электронному адресу свой яростный ответ. В наше время ***непоступков*** его ответ стоит того, чтобы его опубликовать и даже восхититься.

Ответ ректората Литературного института
им. А.М. Горького.

Ваше письмо не только не будет зачитано на сегодняшней конференции по избранию ректора Литературного института, но я лично засуну вам его в задницу, если узнаю, мразь, что вы за выпускник и аспирант. Мне наплевать, кому вы лично лижете жопу, но оскорблять преподавателей и сотрудников Литинститута— низость и подлость.

Пошел вон, выблядок!
Максим Лаврентьев,
член СП России,
модератор сайта litinstitut.ru,
аспирант,
помощник ректора Литинститута

Когда человек владеет словом и обладает чем-то значительно более достойным, нежели утло-подлое крапивное мышление, тогда и сказать может, как и положено выпускнику престижного вуза.

18 января, среда. Весь день работал над дневником — предыдущие страницы это сегодняшняя работа. Пользуясь своим новым положением, на работу не ездил. Делал зарядку, сидел за

компьютером, жарил рыбу. В Москве уже второй день жуткий мороз, утром на термометре за окном — 25–27 градусов холода. Тем не мене бедная В.С. отправилась в поликлинику получать льготные рецепты. Еле ее дождался, уже хотел идти искать.

По телевидению идут сообщения об авариях, оставшихся без тепла домах и поселках. Но откуда Чубайс знал о подобных морозах в Москве? Может быть, он Воланд, тогда надо ждать и обещанных им отключений электричества. Видимо, из-за холода в телевизионном ящике прекратилась пляска и шабаш, которые продолжались несколько дней.

Написал ли я о передаче об Анатолии Рыбакове, которую вела Наташа Иванова? Вот здесь она в своей системе и в своей тарелке, все знает, все помнит, точна, недаром столько лет прожила с его сыном. Съемки проходили в тех же интерьерах, в кабинете, в котором работал в Переделкино писатель. Его нелюбовь к Достоевскому связана была, оказывается, только с высказываниями классика по еврейскому вопросу, это интересная позиция для русского писателя. А если мы всем русским писателям запретим быть мыслителями, и по всем русским вопросам у нас будут высказываться только еврейские писатели? М.О., простите, но что здесь поделаешь, жизнь подсказывает!

19 января, четверг. Вчера вечером Витя вынул из почтового ящика «Литературную газету». На первой полосе хорошее и большое интервью Б.Н. Тарасова — дальше я его буду именовать БНТ, чтобы не путать с Бэном, с Борисом Николаевичем Ельциным. Мне не очень понятна в этом интервью только идея создания при Литинституте некоего Института русской культуры. Звучит красиво, но кто за все будет платить, что этот институт будет делать, из каких сотрудников состоять? У нас так много разных институтов и кино, и театра, и философии, и истории искусств, и все они вроде изучают и русскую культуру. Как эту самую русскую культуру выделить из мировой, вот французскую из мировой выделить легче, а с русской это сложнее, у нее больше щупалец и разветвлений, мы вообще нация и культура всемирная. Что касается других проектов, вполне естественных для нового ректора, то там Высшая школа переводчиков, еще моя идея платной редактуры, все остальное лишь правильные и весьма точные слова. Правда, у нас и так высшая школа переводчиков, куда уж выше. Деньги, где и откуда? В интервью ни слова о том, что за последнее время было сделано и кем. Я к этому был готов, новая жизнь всегда начинается с отрицания старой. В «Литгазете» по этому поводу удивлены.

Вечером как член экспертного совета и член коллегии министерства культуры — взглянуть на дело рук своих — я был в

Белом доме на вручении премии правительства России. Вручал А.Жуков, сказал общие слова о культуре. А, казалось бы, должен был ее знать, говорят, что основа нового молодого аппарата минкультуры прислана была из его логова. В первом ряду собрания Швыдкой и Соколов, между ними Лаптев, сын знаменитого ленинградского баритона. «Первое письмо, крохотный листок, я нашел там слезинку между строк…» Сейчас он, кажется, помощник в Администрации по культуре.

О новых мастерах. Что касается премий, их было много, но все, как бы между своими, министерскими, так сказать привычных и настоящих деятелей искусства немного: Поляков, Абдрашитов, художники братья Ткачёвы. Во время «бокала шампанского» после вручения пытался поговорить с А.Жуковым относительно ремонта литинститута. Он ответил, что вроде бы знает о тяжелом положении, но сложилось у меня впечатление, что какие-то в этих залах уже ходят идеи. Начальник раздражен, отстаньте от меня с этим литинститутом. Впечатление плохое и от Жукова. Лучше был разговор с Соколовым: «Ну, если вы уже не ректор, значит, вас надо поплотнее занять». Вся обстановка Дома правительства тоже не произвела впечатления, плохая с претензией на изыск итальянская мебель, обыскивали на металл, даже очки пришлось вынимать, архитектура напоминает «офисы» в «Семнадцати мгновениях весны» и вокзалы с «претензией».

Днем на кафедре занимался «кадрами», не успела Галина Ивановна Седых, наша ударница интеллектуального труда, сказать о наших кадрах на перевыборном собрании, как мы, идя навстречу пожеланиям трудящихся, решили усилить кафедру Алексеем Слаповским, Юрием Кублановским, и Ириной Ивановной Ростовцевой. Пока это предварительные разговоры, начнем уговаривать. Со всеми этими фигурами БНТ согласился, Кублановский ему ближе, чем моя первоначальная идея: Оля Тузова и Максим Лаврентьев. Я исходил из того, что в литинституте всегда была своя поэтическая школа: Ошанин, Долматовский, Кузнецов. Знаменитыми они становились с годами. Подготовил также приказ на Гатчину: Королев, Сегень, Костров. Из студентов: Демахин, Никонов, Попов и Максим Лаврентьев.

«Литгазета» подготовила очередной рейтинг прозы. Здесь я стою на 26-м месте. Сам рейтинг продаж располагается так: от Людмилы Улицкой — 16 787 проданных экземпляров до М.Кураева, М.Бутова и Б.Екимова — у всех по нулю. У меня 127 продаж, за мною Бакланов — 126, у Славниковой — 58, у А.Кима — 47, у А.Сегеня — 46, у Андрея Волоса — 18. Как быстро ослаб после социального и отважного «Хурамабада» интерес к Андрею

Волосу. Теперь он пишет о продаже квартир.

20 января, пятница. Словно после вечернего переедания, проснулся с отвратительным чувством, оставшимся после посещения Дома правительства. И от разговора с Жуковым, и от слишком жидкого и «своего» состава премированных, и, самое главное, от отвратительной, холодной архитектуры. Не может достойная власть, не временщики, существовать в этой холодной, лишенной каких-либо признаков искусства атмосфере, все здесь дышит равнодушием.

На работе написал письма Соколову и Худякову, они приблизительно одного содержания: свершилось — я уже не ректор, это по закону, ректором выбрали Б.Н., он писатель, доктор, профессор, ученый. Если, дескать, господа, я вам нужен, то внесите определенные изменения в документы, я не хочу быть самозванцем.

Вечером по ТВ Лужков говорил о морозах, погоде и Чубайсе. В его выступлении одно было бесспорно: за семь лет управления Чубайс все ждал каких-то инвестиций от государства, а куда он тогда бы дел прибыль?

21 января, суббота. Весь день сидел над словником, наверное, это даже хорошо, что я не пользуюсь некоторыми опциями в компьютере и делаю все вручную. Возникают, во-первых, ошибки при написании фамилий, во-вторых, обновляется картина собственной жизни, начинают завязываться некоторые сюжеты будущих, если доживу и захочу писать, мемуаров. Здесь, в отличие от дневника, другая форма общения с читателем, но и другая, концентрированная, форма оценок, уже не штрихи и черты портретов, а типы и метафоры.

Вечером, в мороз, поехал по старой договоренности с Ильей Кирилловым в клуб «Эльдар» на фильм Жан-Пьера и Люка Дарденнов «Дитя». Кажется, этот фильм получил «Золотую пальмовую ветвь» в Каннах. Я не люблю французское кино, но этот фильм меня счастливо поразил. Как факт искусства и как некое исследование по поводу состояния духа нашей молодежи. Сюжет очень прост: двое молодых, ей 18, ему — 20, он полувор, полуклошар, характер облегченный, импульс только сегодняшнего дня: есть деньги, надо тратить щедро и нерасчетливо, завтра придут другие. Она только что родила ребенка, он его пытается продать. Два эпизода: сорвали сумку или портфель, и там оказались какие-то деньги и завещание старика. Деньги — пригодятся, а завещание можно выбросить. По определенным причинам эта трагическая продажа не состоялась. Опять сцена: просыпается любовь к собственному чаду, и возникает что-то в душе, помимо физиологии жизни, что-то очень

привычное по нашей русской литературе.

22 января, воскресенье. Кстати, о литературе. Вечером звонила Светлана Николаевна, вдова Лакшина. Говорили о 15-м февраля, мне надо будет выступить на вечере памяти Владимитра Яковлевича, но рассказала еще кое о чем. Это позже.

Основа литературы, конечно, жизнь. Только при соприкосновении с нею начинает раскручиваться фантазия художника (последнее все же, наверное, не обо мне). Я, например, лишь только выхожу на улицу, то где-то после первой сотни шагов направление мыслей меняется, и от быта, от собственных обид на первый план выходит что-то настоящее. Вот и сегодня утром, стоило выйти из дома, тут же ушли все наши институтские проблемы, Тарасов, Смирнов, Седых, и уже показались ушки следующей главы романа: мой охранничек сидит в проходной, в своей будке, и через окошко глядит на преподавателей, видя среди них и профессиональных предателей.

А выходил я, чтобы купить открытки, самые простые, дешевые, необходимые для ВАКа и для диссертационного дела. Предполагал, что зайду на две ближайших почты и вернусь домой, потому что обещал приехать Толик с Людой и Варькой — торжественный обед. Но на ближайших почтах, естественно, никаких нужных открыток не оказалось. Висели, конечно, как образцы открыточки рождественские, с ангелочками и святыми, поздравительные, с розами и цветами, безвкусные, но дорогие. На другой почте все то же самое, но еще и объявление: именно то, что выставлено в зале, продается в отделе доставки. Пошел в отдел доставки, но он был закрыт, а может быть, просто все пили чай или судачили у телевизора. Я позвонил в специальный рядом с окошечком звоночек. Пока звонил, внимательно разглядывал обширные списки того, что продается в этом самом отделе доставки. Какая литература, какие печатные издания, только разве учебников нет по педофилии. И дальше — прости меня, Господи — я поступил так, как не должен был поступать. Я сорвал этот список, кинул на землю, а, выходя, нашел еще и дверь этого отдела и плюнул на замок. Пришлось ехать на центральный почтамт на Кировской (Мясницкой), там тоже долго блуждал по киоскам, разглядывая все то, что не должно было бы продаваться на почтамте: шоколад, конфетки, зубные щетки, все тех же ангелочков, пока среди этого благополучно-поздравительного хлама не отыскал своей открыточки с обязательной буквой «В» на марке. Зачем бились за капитализм, за что так старались, когда все осталось, нет, не осталось, стало намного хуже, чем при ленивом советском строе.

Приехал Толик со своим семейством. Обедали, чудный

малыш девочка Варя. К Люде я всегда относился хорошо, раньше она работала в нашей бухгалтерии. Вспомнили старое, кое-что она рассказала мне о нашем прежнем главбухе Ольге Васильевне. Последние сомнения у меня, доверчивого человека, исчезли, я поражаюсь своей близорукости и энергии собственных сотрудников.

Итак, вечером звонила Светлана Николаевна. Среди прочего она рассказала, что была на совещании по преподаванию русской литературы в школе. Среди присутствующих был еще и известный — имя мне сказали — демократический деятель. Учителя жаловались на то, что русскую литературу сейчас в школе изучают два часа в неделю, а английский язык, например, чуть ли не десять. Потом я откомментировал: рабы и мелкие надсмотрщики должны понимать команды своих господ. А сказал я так вот почему. На совещании было рассказано, как группа учителей проехала всю Россию и обратила внимание, как много энтузиастов среди преподавателей русской литературы, несмотря на сокращенное время, они работают с блеском. Так вот этот демократический господин очень точно сформулировал: «А мы против преподавания русской литературы. Она является матрицей духовного мира русского человека с его созерцательностью, нежеланием делать карьеру, с предпочтением коллективизма индивидуализму». Очень все точно, кроме одного — я лично не хочу прощаться с русским миром.

Собралась Общественная палата, куда меня не избрали. Но Ганичева и других моих вполне понятных друзей не показали. Наверное, в этом есть логика моей собственной жизни. Последние ее времена надо сконцентрировать на главном — на литературе. После ухода с поста ректора стало бы бессмысленным и членство в этой палате: оно нужно мне было только для института.

23 января, понедельник. Большим было удовольствием поесть утром за счет Бориса Березовского. Должен сказать, что кормит он хорошо, даже классно: и японская кухня, и европейская. А закусить в итальянском дворике, между Давидом Микельанджело, кондотьером Колоне — это особое наслаждение. Все это произошло во время вручения премии «Триумф» в Музее изобразительных искусств имени Пушкина. У меня была особая причина придти туда: среди молодых триумфаторов оказался и наш Саша Демахин, о котором я много пишу в своих дневниках. Талантливого человека всегда приятно видеть, приятно и разговаривать с ним. В этом году Саша оказался даже — по моей, естественно, наводке — молодежным дублером в московском правительстве. Он недавно спросил меня: «Сергей Николаевич, от нас требуется ходить по вторникам каждую неделю на заседание

московского правительства. А как же семинар?» Я ответил: «Ничего, Инна Люциановна зиму проживет и без тебя, а там ты насобираешь жизненного материала больше, чем на своем семинаре, где уже все знаешь».

Молодых триумфаторов было двадцать человек, по числу членов жюри — каждый, выбирается одним из членов жюри и принимается остальными без голосования. На Демахина, кажется, указал Андрей Вознесенский, который вместе с Зоей Богуславской видел его спектакль в театре «Новая драма». К церемонии был выпущен хороший и подробный альбом, где представлены предыдущие лауреаты, здесь же мои сегодняшние счастливцы. Четверо из двадцати молодых триумфаторов были связаны с литературой. Все остальные — это, так сказать, «искусство представлений»: саксофонист, барабанщик, актеры драматического театра и кино, балетные танцовщики. Это понятно: в жюри Катя Максимова и Владимир Васильев. Саша еще до церемонии признался мне: деньги уже переведены. Я думаю, что такой либеральный вид признания молодежи на благо. Слишком уж велик уровень номинантов, чтобы трафить исключительно своим, хотя ошибки, наверное, есть.

Теперь насчет альбома. И одновременно — о том, как литератор создает свои сюжеты. Когда я поднялся по парадной лестнице в верхний зал-атриум музея, то на одно из свободных мест, — на каждом стуле лежали альбомы с описанием конкурса и портретами лауреатов — я положил металлическую кассету для визитных карточек — место занято! Рядом на соседнем кресле точно так же лежала и дешевая зажигалка. А сам отправился на антресоли смотреть живопись писателей, которые балуются красками. Сильное впечатление произвели очень скромные акварели Л.Петрушевской с современными узнаваемыми лицами — и ее, и ее детей, картины Дюренматта и живая блестящая полуживопись-полуграфика Сержа Лифаря. Это просто здорово! Когда я вернулся в зал, ни альбома на своем месте, ни посеребренного футляра для визитных карточек не нашел. Да здравствует российская интеллигенция! В зале-то люди российского искусства, элита, ведущие критики и знаменитые журналисты, а кто же, спрашивается, позарился, кто спер? К своему стыду, не исключал, что именно так все и кончится. Зато появился сюжет.

Началась торжественная церемония. Сначала молодые, потом уже выдающиеся триумфаторы. Матерых лауреатов было шесть. Объявлял председатель жюри этого года Спиваков. Одновременно о каждом говорил один из членов жюри.

Сначала был Марк Захаров. Владимир Познер представил его

как «режиссера, который делает спектакли так, как их написал автор». Отчасти он прав, я, правда, не помню, чтобы с голой задницей щеголял какой-нибудь из героев в пьесах Островского, но у Захарова это было. Дальше шли фразы: «ему любопытен автор», «его спектакли становятся частью нашей жизни». Ну что ж, справедливо, особенно по отношению к его телевизионным сопектаклям. «Судьба репертуарного театра трагична и прекрасна». Почему бы и с этим не согласиться?

Михаила Плетнева представлял знаменитый танцовщик Вл. Васильев. Как всегда, записываю фразы и выражения. «Сплав мыслей и чувств» — это о его творчестве. Справедливо. Помню его гениальное исполнение «Озорных частушек» Родиона Щедрина. «Я боюсь слова «великий». Понятие «триумф» стоит очень многого». Тоже неплохо и деликатно сказано. «Я счастлив, что мне представилась возможность выразить свою любовь к этому артисту». В ответ Плетнев: «Мои любимые артисты выдвинули меня для «Триумфа»». Жюри действительно уникальное: каждое имя легенда.

Далее среди лауреатов был Петр Тодоровский. Представлял его режиссер Сергей Бодров. «Замечалось, что Тодоровский — очевидный талант, судьба его не баловала, но он всегда держал планку высоко». Тодоровский сказал: «Награда эта для меня — самая дорогая: ее присудили коллеги».

Знаменитого художника Олега Ц***и***лкова(?) представляла Алла Демидова, одетая в черный бархатный балахон. Она упоминала выставку в Институте Курчатова; говорила о харях и монстрах, «не обязательно о советских», которые тогда рисовал художник. Монстры могут быть везде. Отвечая, Ц***и***лков(?) кокетливо путал «престиж» и «триумф». Обращался к «друзьям и врагам» одновременно. Говорил, что некоторые видные деятели искусства такой премии никогда не получат.

Олега Чухонцева представляли два Андрея — Битов и Вознесенский, которому помог Спиваков, прочитавший его небольшое игривое стихотворение, где обыгрывались весьма изящно слова «Чухонцев», «чухна» и др. Битов говорил долго, как положено классику, иногда недопонимая того, что говорил, — мол, слушатели разберутся. Вспомнил выражение Баратынского «с лица не общим выраженьем», упоминал ненаписанные следы и полуследы поэзии Чухонцева. Чухонцев в ответ: «я остался последним стихословом, который любит молчать».

Фуршет, как я уже сказал, состоялся в итальянском дворике, народу было много, встретил массу знакомых. Еще раньше мельком видел Наталью Иванову, по ее глазам понял, что она что-то замышляет в отношении меня. Встретил одного старого

доктора и литературоведа из ИМЛИ: «Почему ты до выборов не уволил эту суку?». Имен мы не произносили, но друг друга поняли. Встретил Игоря Шайтанова с Олей, очень был рад. Мелькнули Евгений Сидоров, Саша Воскресенский, потом Толя Стародубец, который в своем газетном материале назвал Марбург «Мальбургом». Использованную тарелку амикошонски можно было поставить под копыта какого-нибудь крашенного под бронзу гипсового коня. Единственное, что огорчало: возможно, такое собрание последнее.

В институте некоторые интриги. Дорогая Мария Валерьевна вслух объявляет, что добьется и сядет на место Толкачева. Какая прилежная девочка!

По телевидению показали, почему не должны иностранные государства финансировать наши общественные организации: документы на это финансирование часто подписывали профессиональные шпионы. На этот раз попался некто из британского посольства. Занятно, что по этому поводу попросили объясниться главу хельсинской группы госпожу Алексееву. Лично я подобных диссидентов, сделавших из своей правоохранительной деятельности профессию, не люблю.

24 января, вторник. Такое ощущение, что с ответственного поста я и не уходил, потому что нагрузок вроде осталось столько же. Ни делами заняться дома, ни разобрать документы, ни начать ездить на машине, которую мне подарила Лена Богородицкая, не удается.

К одиннадцати часам поехал на коллегию министерства культуры, которая занялась вопросом интеграции культурного пространства между Россией и Белоруссией. Все это шло довольно долго, носило отчасти парадный характер, вели коллегию по очереди два министра, а белорусы с собой привезли даже собственную коллегию — все совместно. Оказалось, что за пятилетие, а может быть даже и более, за обширный промежуток времени, который длится этот интеграционный процесс, сделано довольно много. По крайней мере, присутствие русской культуры в Белоруссии ощущается явственно. Здесь большое количество гастролей, выставочный обмен, библиотечные проекты. Последнее мне показалось наиболее значительным. Например, в зале государственной библиотеки Белоруссии можно увидеть через интернет любую из последних российских диссертаций. Ленинка отличилась: она вместе с белорусами создает компьютерную полную версию славянских книжных ценностей.

Не я один в своем выступлении отметил некоторую парадность в этом обмене культур — гастроли, торжественные концерты и пр. Это все так любимое Швыдким и так мало, к

сожалению, дающее народу, обмен на уровне избранной интеллигенции. Я выступал последним и, как мне показалось, а это происходит нечасто, неплохо. Основная мысль — обучение в России, и не только студентов театральных вузов, надо давать квоты для белорусов почти во всех институтах и обязательно с достаточной для жизни в другом государстве стипендией, не нашей нищенской. Я сказал также, что в этих планах совершенно забыта литература, она как бы не существует, а в свое время именно она для взаимопроникновения культур давала так много, как никакой другой вид искусств. Вспомнил я Василя Быкова, который, собственно, в глазах России персонифицировал всю белорусскую культуру. Есть ли у нас в России и в Белоруссии писатели такого уровня? Я также говорил о кино, о том, что крупнейшие шедевры мирового искусства были «заказаны» государством или меценатами. Но где у нас идеи для подобных заказов? «Молодую гвардию» А.Фадееву заказал ЦК КПСС. У нас есть подобные идеи?

Потом был в институте. Вместе с Екатериной Яковлевной написали рецензию на Лену Георгиевскую, посмотрел доклад С.П. на завтрашнем ученом совете — он отчитывается за науку. С.П. молодец, он по-другому, чем Лев Иванович, все проструктурировал, начав с кафедры мастерства, как с основной.

Вечером читал диплом Маркуса Гасунса — замечательно.

25 января, среда. Утром ездил в «Метро» и купил для Т.В. Дорониной какое-то красивое растение в горшке. Мне доставляет всегда огромное удовольствие обдумывать и текст записки, которую я неизбежно прилагаю к маленькому подарку в Татьянин день. Т.В. с ее редчайшим даром сердечного письма мне все равно не переплюнуть. Каждую ее открыточку я храню.

Дорогая Татьяна Васильевна!

Это такое счастье — перебирать мысли и слова, с которыми я могу обратиться к Вам сегодня. Мы ведь всегда помним, что этот день — не только день Татьяны, но и день святой Татианы. Каждый раз у меня не хватает слов, чтобы сформулировать свою признательность Вам за то богатство, которое Вы дарите всему народу и нам своим творчеством, за ту дружбу, которая возвышает меня и делает самодостаточным. Я благодарен Всевышнему за то, что я — Ваш современник, за то, что у меня еще достает сил поклоняться Вам и считать одной из лучших женщин, просто божественной! Пусть имя Ваше еще долгие годы неотрывно будет с нами.

Сергей ЕСИН.

В связи с днем Татьяны ученый совет передвинули и решили совместить его с этим праздником. Это первое начинание БНТ,

очень неплохое, но мало совместимое с индивидуальным духом нашего заведения. Конференц-зал, несмотря на обзвон кафедр, полным собрать не удалось, но пришли и Костров, и Николаева, и даже Джимбинов. На него вчера жаловалась Надежда Васильевна — он отлынивает от рецензирования дипломных работ. Я его как советского служащего, всегда бегущего от работы, понять могу. Аргументом Н.В. стало, что у Джимбинова при весеннем распределении часов всегда их не хватает. Объектом второй жалобы стала огромная дипломная работа Выборновой. Девочка не только сама нашла себе рецензента, но тот ее, видите ли, даже прочел. Это безобразие, это я поломаю: каждый руководитель будет подписывать дипломную папку, и только кафедра будет определять рецензентов.

Но вернемся в зал: сначала доклад о научной и учебной работе, потом М.В.Иванова говорила об успеваемости в этой сессии, и тут же — о эти веяния эпохи, о эта страсть обновления! — предложение давать отличникам повышенную стипендию в размере прибавки 10–15 процентов от государственной. Я понимаю, что деньги эти должны сложиться из остатков каждого месяца, которые возникают из-за того, что не получают стипендии неуспевающие студенты. Но деньги эти, суммируя в конце года, мы обычно распределяем между теми же студентами. Сам размер этой добавки абсолютно ничтожен — это что-то 30–50 рублей. Но тут еще возник некий казус, который деканат никогда не хотел принимать в расчет: творческий вуз, а оценку за мастерство мы никогда не ставим, только безличный «зачет». Но в этом случае боюсь, что отличниками могут оказаться совсем не те студенты, ради которых существует институт. Об этом и пришлось сказать.

Существенной частью вечера стали воспоминания о Татьяне Бек, год тому назад ушедшей от нас. И студенты читали ее стихи, и Олеся Николаева. А потом серьезная часть перешла в милую самодеятельность как бы из жизни института и студенчества. Особенно хорош был Вася Попов, попеременно игравший роль и Шувалова, и Ломоносова. С последней части вечера, когда стали показывать пляски и танец живота, я ушел — это уже было на новогоднем концерте. Пел еще, как обязательный компонент на наших вечерах Федя Тарасов со своим балалаечником и гитаристом. Об этом я уже несколько раз писал. Уж чего у него не отнимешь — парень и красивый, и статный. Это всегда хорошо.

26 января, четверг. Есть вот такие денечки, когда не знаешь, переживешь ты его или нет. Уехал в два часа дня сначала на экспортный совет по наградам в министерство культуры. К счастью, вел его замминистра Назиров, и поэтому все прошло

быстро. Мне нравится эта работа, здесь есть какая-то очевидная польза. Уже заметно, что без прежней наглой уверенности стали представляться списки. Еще, конечно, есть момент проталкивания, многочисленных поддержек. Как делаются эти поддержки, хорошо помню по последней сессии Московской премии. Но знание, что на Совете в любой момент могут спросить репертуар или что никого в Совете не запугаешь ссылкой на имя художественного руководителя или концертмейстера, отрезвляет напористых. В нескольких случаях удалось поправить и скромность просителей. Были случаи, когда просили заслуженного работника культуры, а мы переправляли на заслуженного деятеля искусств. Иногда вместо медали предлагали заявку на орден.

Потом переехал на Скарятинский переулок. До ежемесячного бюро прозаиков успел переговорить с Максимом Замшевым. В сверке своего дневника за этот год я все же, дабы не обострять отношений, кое-что вырезал, но договорился, что на это место просто поставят точки. Пусть хотя бы будет известно, что автор что-то здесь убрал. Поговорили о журнале, который набирает силы, о положении в Московском отделении. Сейчас «Колокол» для меня важен, это все же дневники моего завершающегося ректорства, в которых я смогу, если успею, высказаться о наболевшем.

На бюро интересный обзор сделал Слава Сухнев, он посмотрел критику в крупных журналах. Совершенно справедливо заметил, что журналы полны серьезными статьями, скажем, по переписке Бенвенуто Челлини, и нет критики текущей литературы. Но, может быть, нет и литературы, о которой критик мог бы серьезно писать?

Вечером в Даниловском монастыре состоялся клуб. Почетным гостем на этот раз был главный санитарный врач России Геннадий Григорьевич Онищенко. Я сделал довольно подробные записи. После выступления, за ужином, замечательно говорили о Г.А. Бокерия. Лео Антонович и Леонид Андреевич Ильин, его товарищи по академиям.

Онищенко, конечно, энтузиаст и человек высочайшей ответственности. Что касается, самого доклада, то у добросовестного человека и доклад фундаментальный. Были диаграммы, схемы, цитаты. Самое главное, он объяснил, что представляют, так называемые, национальные проекты, объявленные президентом. В частности проект, связанный со здравоохранением. Это, оказывается, никакая не реформа в медицине, а скорее попытка залатать бреши, образовавшиеся попустительством очень демократичного Ельцина.

Демографическая проблема появилась у нас не случайно и не только потому, что народ пьет и ему особенно нечего есть. Ее пик приходится на 94-й год. Многое было связано с государственной небрежностью: отсутствием вакцинаций, элементарных детских прививок. Они миновали несколько поколений. Вот, казалось бы, простенькая вещь — краснуха. Но замечено, что у молодых матерей, перенесших ее, рождаются дебильные дети. Теперь надо в несколько приемов привить вакцину от краснухи пропущенным возрастным группам. Много говорили также об инфекционных заболеваниях, о фармакологических проблемах, о вакцинопрофилактике, о гепатитах и о СПИДе. Когда слушаешь, то начинаешь думать, зачем же мы разрушили то, что так хорошо было построено раньше. Например, в свое время у нас был полностью уничтожен полиомиэлит, теперь он опять появился. Проблема СПИДа это проблема наркомании и проблема тех несчастных, которые живут с этой болезнью. Однако девушка, которая была заражена еще младенцем в Элисте, не только выросла, но и родила здорового ребенка. Значит, СПИД можно победить.

Информационные войны, за которыми стоит экономика. Кто знает о сотнях заболевших в США тропической лихорадкой? Никто. Но о нескольких человеках, которые заразились птичьим гриппом, знают все. Убивать птицу — это биологический эгоизм. Например, в Якутию прилетает 32 миллиона птиц 250 видов. Всех уничтожить? Всю домашнюю птицу надо привить, а товарное птицеводство поставить в определенные защитные рамки. Птица начнет болеть в июле-августе. Нам надо нарабатывать диагностику, которая позволила бы отличить один вид гриппа от другого. Каждый год болеет гриппом более трех миллионов человек и 25 миллионов — ОРЗ. Раньше вакцинация производилась за счет госбюджета, теперь все приобрело лоскутный характер, потому что она по закону должна идти через местный бюджет. Но есть богатые регионы, и есть просвещенные губернаторы.

Отдельно говорили о воде. Век 21-й будет веком войн за пресную воду. Русский век коммерциализуется. В 93-м году у нас было 93 показателя на воду, теперь осталось лишь 40. Дальше все в том же духе. Но вот что надо внести в дневник обязательно. 80-летний Филипп Денисович Бобков — ну, мы знаем, кто он такой, чем занимался и что мог бы вспомнить о нашей замечательной интеллигенции — привел пример той самой заботы о человеке, которая была свойственна социализму. На фронте во время ВОВ не было никаких эпидемий. Бойцам действующей армии никогда не давали ношеного белья, а только новое с печатью фабрики.

Ношеное белье могли дать в госпитале, на отдыхе. Когда бойцы захватывали прекрасные немецкие блиндажи, они никогда в них не ночевали — там после немцев всегда таились вши.

Впервые сегодня ездил на новой машине. За ужином сидел рядом с Леной Богородицкой. Она, имея в виду что-то, связанное с духовным промыслом, сказала, что потраченное на мою машину ей уже вернулось. Все правильно: рука дающего — не оскудевает.

27 января, пятница. Любовь малотиражной «Литературной России» к институту безгранична, ко мне — невероятна. Я отчетливо помню, кто из наших студентов там работает, кто приносит сведения, и кто кого любит. В свои прежние записи я не внес реакцию Славы Огрызко на результат институтских выборов. Очень огорченный *быстрым* обретением поста ректором Тарасовым, он простодушно воскликнул: «А мы думали, выберут Толкачева, а его не утвердит министерство». Отсюда я сделал вывод, что заготовки все той же группы малоталантливых и недостаточных писателей есть и на Толкачева. Но эта жгучая неприязнь к быстро делающему карьеру талантливому и работоспособному человеку светится и в новой статье газеты. Статья имеет незатейливый заголовок: «Выборы на фоне подковерных интриг». Они даже не понимают, что, сопрягая слова «подковерные» и «фон» делают стилистическую ошибку. Но кого в данном случае интересует стилистика?

Упрек обращен ко мне: *«…за 14 лет Есин не подготовил достойного преемника (Толкачев — не в счет: ну какой он прозаик — это же смешно; да и литературовед он весьма посредственный, разве что умеет ставить прозу Есина по своему уровню выше лучших образцов западной классики)».* Уже в этой фразе угадывается перо или нашептывание кого-либо из наших ревнивых «хороших» литературоведов. В этом меня убеждает и другая фраза, стоящая чуть выше. Я ее процитирую на «фоне» реплики Ю.И. Минералова на первом же ученом совете, который повел Толкачёв: «А почему исполняющим обязанности ректора стал Толкачев?» — «А вы спросите об этом у господина Бавыхина, который подписал приказ именно на Толкачева!» Так вот эта фраза: *«Тут еще свою лепту внесло федеральное агентство по образованию, которое буквально на следующий день после 70-летия освободило Есина с ректорского поста. Всем тут же стало интересно, кому Есин поручит исполнять обязанности ректора (и, значит, в чьих руках окажется пресловутый административный ресурс)».*

Подержим интригу и пока прикинем, кого Есин мог назначить исполнять обязанности ректора. Мог назначить 80-летнего проректора по УМО доктора наук и профессора

Александра Ивановича Горшкова, которого привозят в институт два раза в неделю или почти своего ровесника Валентина Васильевича Сорокина, проректора по Высшим литературным курсам, который традиционно только ими и занимается, — тем самым обнажив, что держит в институте проректоров, вопреки Закону об образовании, старше 65 лет. Мог назначить проректора по экономическим вопросам Людмилу Цареву, кандидата наук и заведующую кафедрой общественных наук, так ненавистных современным демократам. Мог, естественно, назначить еще одного кандидата наук, тоже профессора не по диплому, а по должности — с кадрами, как мы видим, плохо! — Михаила Стояновского, проректора по учебе. Всех перебрал? А до этого Есин, опытный службист, аккуратно передал в министерство списочек возможных своих преемников, где были, между прочим, все: и Стояновский, и Тарасов, и Толкачев, и даже Минералов. И кстати, не только Толкачева с его «административным ресурсом» и Стояновского с его огромным опытом канцелярского литературоведения назвад бывший ректор на ученом совете как своих возможных преемников. До этого он еще, поговорив с Б.Н. Тарасовым, посоветовал и ему выдвинуть свою кандидатуру. Может быть, и не так плох преемник? А министерство поступило так, как должно было поступить, оно назначило исполняющим обязанности ректора первого проректора, который и доктор, и не «сухой» профессор. Который, вопреки точке зрения некоего В.Рязанцева, подписавшего статью, еще и очень хороший писатель, ученик и Есина, и М.П. Лобанова, а оба, как известно, перо в руках держать умеют. Министерство выбрала ученого и писателя.

Я даже рад, что «внешне» не борюсь со своими оппонентами, до врагов они еще не доросли, оппоненты мстят мне за то доброе, что я сделал каждому из них, за то чувство стыда, которое они испытывают из-за собственного предательства. Но здесь уже ничего не поделаешь, это закон: не делай людям добра, чтобы потом не получить злобу. В нашем институте я рассчитывал на поддержку многих людей, не получил, но и за это им спасибо. Я ведь теперь обрел право говорить вслух, что я о них думаю. Работая с ними в непосредственном контакте, в клинче, всегда отгонял от себя все дурное, что смутно виделось в них. Я благодарю всех за те переживания, возникшие от чувства несправедливости, которые они мне невольно подарили, все это со временем выльется и отольется в нечто другое, в слово, в то, что я довольно неплохо умею делать. Мой следующий роман напитывается не только моей, но и их кровью, фантасмагорические образы плавают и клубятся. Пока я пишу

дневник.

Подлинный, настоящий автор статьи — который, может быть, и не водил пером, но вдохновлял неприязнью, идущей от собственной низости — что-то под конец заколебался. Может быть, до него вдруг дошло, что он и сам может оказаться жертвой своей горячности. Я вообще полагаю, что если подобные люди сильно увлекутся, то они могут потерять место, где они получают зарплату и привыкли так мало делать. Но месть ко мне превыше всего. *«Пока преждевременно говорить* — это финал статьи в «Литературной России», — *какая политика теперь будет проводиться в Литинституте. Но, наверное, будет правильно, если старый ректор оставит за собой лишь семинар прозы и не захочет всеми правдами и неправдами сохранить за собой кафедру творчества. У нового ректора должны быть свободные руки. Это полезно для общего дела».* Чего же я, когда пришел на ректорство, не поснимал всех заведующих кафедрами, чтобы развязать себе руки? Занятно бы получилось. Но, впрочем, я готов, покажите мне только нового заведующего кафедрой.

«И конечно, — автор схватился за голову, — *хотелось бы поставить крест на всяких подковерных войнах и интригах. Иначе за дележом сфер влияния можно будет прозевать весь Литинститут. Нельзя забывать, в каком районе расположены институтские корпуса. Тверской бульвар Москвы — место очень лакомое. Только зазеваешься — и все упустишь».* Только зазеваешься, и тебя сделают факультетом РГГУ или МГУ.

Но я упустил самое начало, статья начинается с того, что именно в «Московском литераторе» было напечатано объявление о выборах: мало-де гласности в литинституте. Как будто сама «Литературная Россия» два месяца подряд не талдычила об этих выборах, перебирая, кого бы и кто хотел. Дальше все та же неправда: Есин хотел остаться, «слухи, будто С.Есин уговорил руководителей министерства образовании и якобы ему в нарушении закона продлили контракт на два года». Дальше об «ограничениях» в претендентах. Об этом я писал, так же как и о разгильдяйстве министерства, которое утвердило устав института не вполне соответствующий Закону об образования. На всех ученых советах я постоянно говорил о том, что допускать к голосованию надо всех. Но ведь наши старые и стареющие преподаватели, в первую очередь они, никого не хотели чужого. В собственной избе мечтаем нюхать лишь собственный злой дух. А до того, как я скажу, как с чужаками поступают, особенно с сильными или имеющими жесткую хватку, я приведу еще один безумный газетный пассаж. *«Отчего же возникли такие ограничения? Знающие люди утверждали, что это было сделано*

якобы из-за опасения, как бы в ректоры не пробился Виктор Ерофеев, устроивший еще в 1991 году шумные поминки по советской литературе». Так вот о «чужаках», не из «атмосферы», о которых рассуждает газета: прозаик Александр Сегень получил на выборах три голоса, а поэт Владимир Бояринов — один. Вот где подковерные интриги! Где ты, сострадательная душа?

Все, дальше писать скучно. Но напрягаюсь, чтобы зафиксировать еще одно положение статьи. Оно продиктовано отнюдь не хоть какой-то объективностью, это собственная совесть автора просит у него прощения, просит прощения и у меня. Прощения не будет, этих грехов я не отпущу. Я все время думаю о смерти, и думаю, как хорошо было бы, чтобы эти мои хорошо знакомые люди не пришли на мои похороны. О, бывшие друзья, вы уже за горой! Теперь все же цитата: *«Из истории мы знаем, что сейчас найдется масса желающих поупражняться на Есине. Мол, лев низвергнут и теперь не опасен. Давайте будем справедливы: именно Есин спас институт в 1992 году от возможной гибели. Именно Есин сохранил за Литинститутом особняк в центре Москвы и другое немалое имущество. Другое дело: за 14 лет Есин не подготовил достойного преемника…»* Где же этот преемник, который мог бы стать хозяйственником, нянькой, политическим деятелем и еще быть хорошим писателем? Где они, эти писатели и писательницы? Недолгая традиция — во главе Литинститута писатель — закончилась! Писателей «для себя» — пожалуйста. Но станет ли нынешний писатель радетелем за институт, за студентов в первую очередь, покажет время.

Был минут двадцать на работе — за 14 лет жизни действующие заведующие кафедрами научили меня, сколько времени надо проводить в институте. Ездил к Лене Колпакову в газету, там хорошо поговорили. Хотел вечером пойти на концерт Волочковой, но что-то у меня стало плохо с сердцем, что-то Валя раскуксилась. Между делом ругались, в сердцах я швырнул на пол японский аппарат для измерения давления. Придется покупать новый.

28–29 января, суббота, воскресенье. Эти два свободных дня обычно растягиваются, а потом сливаются для меня в одно большое действие. Здесь все одинаково равно и каждая деталь значительна: отъезд на дачу, покупка продуктов, набор экипажа, особенно в это время — дрова для печки. Надо решить кто станет толкать на последнем подъезде машину. А какова будет маленькая дачная программа, баня ли, просмотр кинофильма. Вещей куча: канистры с водой, одежда, лекарства, компьютер, потому что работа в тишине и порядке это тоже обязательный компонент. На этот раз все было оживлено еще и новой машиной.

Мне так нравится эта зима в Сопово. Ехать по дороге через занесенные снегом деревни или лесом, открыть дом и обнаружить, что туда не залезали, ничего не украдено, книги, которые оттаивают вместе с печкой. Замечательно! На этот раз, не как летом, взял, кроме С.П., еще и Сережу, племянника Анатолия, и Витю. Именно Витя с его уверенностью в себе и присущей молодежи бесстрашием протащил машину туда и обратно через дачную улицу — вот здесь-то самые настоящие сугробы.

С.П. устроил для всех кинодень. Смотрели «Космос как предчувствие» Алексея Учителя, с Евгением Мироновым и не известным мне Цыгановым в главных ролях, и старый фильм «Сердце ангела». Иностранный фильм сам по себе, конечно, интересен, но нужен был С.П., чтобы объяснить мне своим каким-то научным языком, о чем это и про что. Особые это люди, умеющие анализировать подобные сюжеты. Здесь нужно и острое аналитическое зрение, и терминология, которой я не владею. Фильм Ал. Учителя на меня произвел впечатление. Это интересная история, показанная с таким мастерством, что обнажается время. Интересно, что это время не Алексея, а именно мое, а он его так замечательно и точно знает. Это и фильм про русский народ и про очень непростые годы, когда энтузиазм соседствовал с полицейской шелухой жизни. Как всегда у Миндадзе, а может быть это фамильная черта, интересный общий замысел смешан и с тем, что мы вроде бы уже видели. По какой-то случайности в воскресенье прошел и фильм «Восток-Запад» где один из эпизодов бегства героя — вплавь на Запад — так напоминает все, что связано со вторым героем картины — Германом. Тот тоже — вплавь, и даже кадры похожи — общность ситуации подсказывает и типичность изобразительного решения. Но я окончательно определился: я люблю фильмы Учителя, это мое по стилистике и акцентам.

В Москве Валя, как только я приехал, сразу же устроила сеанс политинформации: она внимательный читатель газет, я цитатчик — интерпретатор. Во-первых, замечательная статья в «Труде» об Общественной палате. Путин, в конечном счете, получил то, что хотел со своими тонкими правилами выбора в палату. Демократия во все времена вела к коррупции.

Так вот о чем пишет «Труд». *«Официальная церемонии начала работы Общественной палаты РФ, состоявшаяся в минувшее воскресенье в Кремле, совпала по времени с акцией на Пушкинской площади, в которой приняли участие молодые люди в солдатских шинелях, Участники пикета выразили протест против избрания в Общественную палату главы «Альфа-групп» Михаила Фридмана,*

которого делегировал Союз семей военнослужащих России». Дальше шли «картинки», например плакаты, которые несли пикетчики: «Белобилетник Фридман, в армии тебя не знают!» «В каком полку служил товарищ Фридман?» Фридман попал в палату во втором эшелоне. Его выбирали и утверждали сорок первых членов. Судя по статье в «Труде», Фридман в августе вошел в попечительский совет Союза семей военнослужащих России и внес безвозмездно 100 миллионов рублей. Газета приводит письмо одного из ветеранов военной службы, где тот, обращаясь к главкому, прямо говорит, что, проникая в Общественную палату обходными путями, олигархи преследуют цель установить влияние на власть в своих корыстных интересах. Участники пикета выслали в адрес офиса Альфа-банка посылку с шинелью для господина Фридмана. Меня эта статья заинтересовала не тем, что я и так знаю, например, как иногда богатые люди попадают в Совет Федерации. В Палате, видимо, мест уже не хватает, все, что продавалось, распродано. Но именно два состава — первый, путинский, и второй, в который вошел господин Фридман — забаллотировали при выборах меня.

«Коммерсант» сообщает, что может оказаться закрытым Исследовательский центр по правам человека. Для этого есть основания, как говорят юристы. «В общественный совет центра входят правозащитники Елена Боннэр, Сергей Ковалев, Анатолий Приставкин. Программы центра финансируют международные правозащитные организации». Славно! Все те же лица, так подолгу живущие за границей. Минюст, судя по информации, признал руководство центра нелегитимным. Я-то представляю, как проходят разнообразные выборы в общественных организациях. Одна из дам, руководительница центра, выразила самое главное: «Если возникнут проблемы с нашим статусом, мы не сможем получать средства на реализацию наших проектов».

На этом фоне другое сообщение в «Коммерсанте»: разыскивается «крупнейший российский бизнесмен, президент концерна «Нефтяной» Игорь Линшиц». Как обычно, когда дело касается подобных лиц, все обвинения носят политическую подоплеку, воруют без политики обычно люди со славянскими фамилиями. Но «Коммерсант», даже защищая своих, остается хорошей газетой. «Друг бывшего председателя совета директоров этого концерна, члена политсовета Союза правых сил Немцова и один из спонсоров СПС, господин Линшиц заочно обвиняется в незаконных банковских операциях, а также в легализации средств, добытых преступным путем».

После политзанятия ели на ужин покупные блинчики с мясным фаршем. Я раздумывал, кто бы мог взять бывшего

ректора председателем правления какого-нибудь завалящего советика директоров всесильного объединения торговых палаток.

30 января, понедельник. Я все больше и больше вхожу в роль свободного человека. Еще, конечно, веду кое-какие диалоги со своими друзьями и врагами, но постепенно прихожу к выводу, что, значит, Господь предопределил мне иные, более важные, дела и задачи. Как приятно заниматься только собой. Хорошо даже, что в эту Общественную палату меня все же не выбрали. Иметь врагов среди этих респектабельных или даже недоброжелательных людей не так уж плохо. Значит, мне надо заниматься чем-то иным. Однако сердце так саднит от той несправедливости, которая творится вокруг меня. Но разве чего-нибудь докажешь и разве начать доказывать это не унизить себя?

Утром по совету С.П. ходил гулять, был на базаре, где купил яблоки и бананы, потом зашел в сберкассу, положил деньги, которые провалялись у меня в сейфе еще со времен, когда мне дали премию «Хрустальная роза», потом ходил на почту за посылкой, которую прислал Марк Авербух из США. Это трогательные подарки ко дню моего рождения: замечательный, сложный, как космический корабль, штопор для открывания бутылок, специальная какая-то магнитная авторучка, в устройстве которой я еще не разобрался, два металлических яйца — солонка и перечница, мне это очень понравилось. По дороге на почту зашел в магазин, где продается все для рукоделия, — купил два клубка шерсти. Я люблю зимой носить шерстяные носки, видимо, это связано с некоторым дефектом сосудов. Носков за зиму и осень уходит много, они быстро худятся — шерсть нужна, чтобы их штопать. В свое время я это любил делать, особенно под звуки телевидения.

Главное событие дня — письмо в посылке Марка. Его письма поддерживают меня, как ничто другое. По письму чувствуется, что он, в отличие от меня, кажется, читает нашу прессу более внимательно и страдает за бывшего ректора. Чтобы компенсировать мои собственные несчастья, привожу его целиком.

Филадельфия

Дорогой Сергей Николаевич!

Близится день Вашего 70-летия, и в преддверии его решился и я послать своё «письмо из далека».

На дорогах моей жизни не так уж часто происходили встречи с людьми, которые обладали бы такими качествами и достоинством оставить (зачерпну у Л. Мартынова) «…незримый прочный след в душе людей на много лет», как это случилось от общения с Вами.

Перечислять их — означает повторяться. Но Ваша органичная любовь к литературе, к художественному слову, к магии творческого процесса — лишь самое начало этого длинного списка.

Ваши книги на моей полке: и Дневники, и двухтомник «Власть слова», и новеллистика — соседствуют в одном ряду с трёхтомником А.В. Никитенко, двухтомными дневниками государственного секретаря А.А. Половцова, министра внутренних дел П.А. Валуева, дневниками директора императорских театров В.А. Теляковского, и с целым рядом подобного рода первоклассной мемуаристики. Это и есть генофонд русской культуры, её Геркулесовы столбы. Будущие поколения людей будут познавать историю нынешней России не только через перечень сухих цифр, дат, фактов, но сквозь живое дыхание **повседневной**жизни и борьбы современников тех будней и катаклизмов. Ваш вклад в это познание неоспорим. Сегодняшние споры о Ваших книгах, полемика с ударами ниже пояса, завистливые потуги недоброжелателей — лишь преходящие звуковые шумы. Диализ Истории (вероятно, неправомерно использую образ, но всё же) отфильтрует их за ненадобностью.

Я не знаю более реального воплощения концепции бессмертия. Убеждён, что волею судьбы, талантов, каторжного трудолюбия Вы занимаете это законное место в числе избранных. Туда, по определению, попадает не каждый.

Но всё это — в далёком будущем. А сейчас, на долгие, долгие годы, пусть весь трепет жизни бодрит Ваше сердце, насыщает око, обогащает сознание, подвигает к творчеству.

Ещё раз сердечно обнимаем по случаю славного юбилея,

Ваши Соня и Марк.

Вычитал рецензию на книгу А.Ф. Киселева для «Колокола». Я давно заметил, что именно к людям, которые для меня столько сделали, я отношусь с меньшим вниманием. «Дрофа» уже получила сигнальный экземпляр «Марбурга», а я только написал рецензию на книгу Киселева. И самое главное, книга-то хорошая. Надо взять за обыкновение перечитывать яркие, содержательные книги, и я в начале рецензии даю совет, сначала книгу прочесть с карандашом в руках, а потом уже пройтись еще раз по собственным пометкам.

Звонил С.П. Его признали по студенческому рейтингу лучшим преподавателем американского университета Туро в Москве. Он действительно владеет какой-то магией воздействия, отсюда и любовь к нему студентов. Я для них и уже совсем другого возраста, и говорю как бы над ними, а не в их аудитории.

Сегодня жду вторую серию «В круге первом». Вчерашняя показалась мне очень значительной. К счастью для фильма, он близок к стилистике и манере текста, здесь есть волшебство умных мыслей и разговоров. Это только наши телевизионные деятели считают, что слово само по себе скучно, им все надо плясать и веселиться, стрелять и бить морды. В этом смысле, в следовании за литературой, фильм выигрывает по сравнению с «Мастером и Маргаритой»

31 января, вторник. Утром телевидение показало большую пресс-конференцию Путина. К сожалению, я не смог наблюдать за ней до конца, но, несмотря на некоторое режиссирование вначале, говорил он внятно, хорошо и откровенно. И все равно трудно сказать, что у него за душой на самом деле, что он думает о народе и о путях развития страны. Иногда, кажется, что он заботится о простых людях, а иногда — что дороже всего ему дружба с олигархами. Очень многое в его разговорах и прекрасных мифах не сходится с нашей жизнью.

В институте полная тишина, на кафедрах никого нет, внизу, в ректорате, БНТ и МЮС фантазируют над новыми проектами. Как я считаю, новые формы всегда для проформы, старые формы — они для прокорма. Высшая школа переводчиков — это лишь семинар на ВЛК, а вот что касается Института русской культуры, о котором было объявлено, то это для прокорма «умных» людей со стороны. Русская культура слишком серьезный феномен, чтобы вместиться в лоно одной организации. Французская, американская и английская уместиться в подобный институт смогли бы, а вот русская — нет. Недаром у нас уже существует и институт философии, и институт русского языка, и институт кино, и институт искусствознания, и академия художеств. Я не могу этого объяснить, но института культуры России я не представляю, разве что, скажем, нечто подобное под руководством Солженицына, Аверинцева или Лихачева.

На работе ответил на письмо Авербухов.

Дорогие Соня и Марк!

Наконец-то Ваша посылка, а главное, письмо, добрались до меня. Надо только подумать — сколько они перелетели километров! Наша почта отдала мне посылку даже в каком-то русском запечатанном пакете: я отчетливо сознаю, что эти охранительные предосторожности делают исключительно ради того, чтобы избежать разворовывания по дороге. Всё было в целости и сохранности. Но, полагаю, кто-то на всякий случай проверил — что там было. Согласимся, что прелестная металлическая солонка или перечница на любом рентгене покажется подозрительной. Спасибо!

Дорогой Марк! Вы очень меня поддержали. Мне кажется, письма — исключительно Ваша специальность, в них всё сопряжено, понятия и предметы — всё становится объёмным. Но это по форме, а по сути — и это мне грустно говорить, — по сути Вы правы. Я оказался в странном положении, когда вокруг столько неправды, нечестности, двурушничества, а я не могу даже слова произнести в свою защиту! И именно потому, что я абсолютно прав, нигде не совершал ни одного неверного движения, именно поэтому я не могу резко выступить против кого-либо — это значило бы потерять статус, потерять возможность со всей откровенностью изложить всё в своем Дневнике.

Писал ли я Вам, что так получилось, что Дневники 2005 года я уже начал печатать, и всё, включая Парижскую выставку, уже было опубликовано в альманахе московских писателей «Российский колокол». Я бы сказал, что это находит какой-то большой, в том числе и коммерческий, отклик для журнала. Недавно мне рассказали занятную историю. В Союзе писателей оказался герой прошлых дней, Вы его тоже, конечно, прекрасно помните — знаменитый, но теперь уже очень старый Егор Кузьмич Лигачёв. Естественно, его начали спрашивать — что он читает, и вот его удивительный ответ: он сказал, что читает Есина. Я вообще довольно много встречаю людей, которые любят этого автора. Но пишу об этом не для того, чтобы похвастаться, Вы это, конечно, понимаете. Вобщем всё, что со мной произошло, я достаточно подробно описал в Дневнике. Может быть, даже с Вашей легкой руки, я почти прекратил всё остальное, а занимаюсь теперь лишь накоплением и выражением только сегодняшнего дня. У меня мелькнула мысль — продублировать Вам все, что у меня получилось за последние два месяца, по компьютеру, но потом решил не лишать Вас критической радости сделать замечания на бумажных страницах Дневников. 15 февраля выйдет очередной номер журнала, и тогда я Вам пришлю четыре или пять номеров сразу.

Во всей этой ситуации меня так поддержала Ваша знаменитая фраза: «уйдя с работы, вы стали интеллектуально жить богаче». Вот уже несколько дней я стал ощущать день не как очередную картину политических и литературных событий, а как Божий дар, как Божий мир. А потом — какое счастье освободить сознание от ряда т а б у: о ком-то плохо думать, не показывая глазами, что ты об этом человеке знаешь; не высказывать того, что ты о нем думаешь…

Вы еще не получили отчета о моем дне рождения, прошедшем для меня так замечательно и неожиданно. У меня не

оказалось мелкого тщеславия (как у многих писателей) собирать большой зал в Доме литераторов, год ничего не делать, а готовить программу, отбирать гостей. Все происходило почти как обычно у меня: собрание было в нашей столовой. Никаких шагов я не предпринимал, никаких мер, не давал никаких сигналов, вообще событие это было почти закрытое. Но накануне позвонили, что прибудет Т. Доронина, за день стало известно, что хочет присутствовать и знаменитая певица — Ирина Архипова со своим мужем Владиславом Пьявко. Приехали и представители мэра, прислал телеграмму В.В. Путин. Было много народу, читали стихи, пели, ели, на мне был костюм от Славы Зайцева, и не только костюм, как я шутил, но и сам он присутствовал на дне рожденья, в каком-то немыслимом красном сюртуке… Когда буду посылать Вам журналы, пошлю еще и фотографический отчет о происшедшем. Вот видите, дорогой Марк, какой небывалой жизнью я живу.

Привет от Валентины Сергеевны. С Новым годом, с Рождеством! С новыми надеждами.

Сергей ЕСИН.

Вечером в Малом зале ЦДЛ состоялось обсуждение моего романа «Марбург». По отзывам всех присутствующих, оно прошло интересно и так, как редко какой вечер здесь, в Малом зале, проходит. Но самое главное, мне самому было интересно, возникла атмосфера искреннего напряжения мысли, чем я так дорожу. Народа было не очень много, не ломились, но я ничего, по своему обыкновению, и не сделал, как это делают обычно авторы, чтобы «согнать» публику. Вел все очень скромно и достойно Игорь Михайлович Блудилин-Аверьян. Но я тоже достаточно опытный человек, чтобы не понять, почему нельзя всего отдавать на откуп, на сторону: начало взял в свои руки и довольно долго говорил, о людях, которые сыграли определенную роль в моей жизни и многие из которых находились сейчас здесь, в зале. Начал, конечно, с Костровой, которой как раз в зале не было. Потом говорил об Апенченко, об Аннинском, к которому когда-то заходил в редакцию через окно на первом этаже. Сказал о С.П., который перепечатал мой роман, о Тихоненко, который сгорбил и отредактировал все, что я написал, о Лене Мушкиной. Она-то оказалась в зале и, в подтверждение того, что она знает меня дольше всех, 54 года, прочла кусочек из своих мемуаров. Говорил о Бондареве, даже о Бакланове, юношескую благодарность к которому я тоже сохраню. Все этобыло довольно слитно и с подробностями.

Аннинский, выступая, расшифровал собственное давнее высказывание: «Твоя проза похожа на прозу раннего Пастернака».

Я просто, говорил он, увидел молодого автора с иным, чем в наше время было принято, уровнем свободы, который превышал степень свободы и «Знамени», и «Нового мира». Пастернак же олицетворял все иное, недоступное в то время. Вспомнил Лев и свою статью «Жажду беллетризма» — она была реакцией на затопивший литературу поток сознания, в котором не было самого осознания действительности. Так сказать, провокационная акция.

Я не рискую сказать, кто был лучше и умнее всех. Руслан Киреев — который, как и Боря Тихоненко, знает роман чуть не наизусть, он читал его четыре раза — говорил о трех пластах: документальном, бытовом и семейном, т. е. связанном с отношениями лирического героя и его жены Саломеи, последнее для него было самым интересным. Он полагает, что здесь автор сильнее всего, и вспомнил даже мои «Мемуары сорокалетнего». Возможно, он прав, это — прожитая мною самим часть, и пишется она легче всего. Но, с другой стороны, в традиции русских романистов — сначала прожить собственный роман.

Потом Руслан обратился к очень любопытной для него стороне документальной части, эссеистской: Пастернак и Ломоносов. Он особо подчеркнул, что Ломоносов, по сути великий поэт, в силу разных причин несколько оттесненный современной литературой в тень, о нем предпочитают говорить прежде всего как о гениальном ученом, химике и физике — закон Ломоносова-Лавуазье! — так вот в эссеистике художественно показаны оба поэта, и ни один не ущемлен за счет другого.

Говоря далее о беллетристическом аспекте романа, Киреев выделил сцену с Серафимой, как очень яркую, хотя и коварную, вспомнив в этой связи Дюренматта. Ну что ж, разным читателям нравятся разные вещи, и кто-то погрузится именно в беллетристику, оставив многослойность произведения в подсознании.

Илья Кириллов, как всегда, и это лучшее в его стиле, был прям и говорил о западной культуре, о моих старых романах. О Молохе времени, который поглотит все, потому что зыбка новая русская культура. Забудут и Маканина, и Есина, даже Шолохова забудут. Вот тебе и формула бессмертия, как утверждает Марк Авербух. Кажется, именно Илья говорил о городе, как о герое романа. Я, к сожалению, на этот раз не подробно записывал, а мои ощущения говорят, что выступление его было интереснее, полнее — может быть, во время устной речи передается и напряжение духа? Говорил и о наших непростых с ним отношениях. Сказана была замечательная фраза, будто даже моя собственная, но тут как бы вылетевшая из чужих уст: «Даже в

моменты наших самых острых соприкосновений, я не позволял сорваться с губ заготовленным словам, памятуя о талантливости Есина». Он также сказал, что Есин новатор, он-де всегда идет впереди времени, и мы еще не вполне освоили то, что он написал. А может быть, это я сам о себе пишу?

Максим Замшев сказал, и в этом он почти соприкасается с покойным Лакшиным, что мой роман без завязки, без конфликта, но тем не менее затягивает. «Затягивает» — это словечко Лакшина, а вот то, что роман с первой же страницы читается, а завязки в нем нет — это Максим. Роман объединяет не движение героя, а нечто другое… Говорил об очень точном и оригинальном для литературы названии. Роман мог бы быть назван и «Профессор».

Кто-то еще очень верно подметил, что «Марбург» это в высшей степени постмодернистский роман. По количеству внутренних цитат, полузаметных ссылок, игры с текстом Есин даст сто очков вперед любому модернисту. Я же возражу: а вот этого-то и незаметно. И гуд.

А что говорил Апенченко? Тоже как-то хорошо скруглил.

В это же время в Большом зале ЦДЛ буйствовал саксофонист Алексей Козлов, народа было тоже не так, что не протолкаешься.

1 февраля

1 февраля, среда. Жизнь перестала казаться мне цепью политических и литературных событий, а стала просто жизнью. Такое же состояние было у меня, когда я ушел с Радио, начал по утрам бегать, питаться, как мне хотелось, ездить на дачу, писать романы. Теперь свое утро я начаю с морковного сока; днем хожу в фитнес-центр, там занимаюсь с тренером.

Лежал отмакая от фитнеса, лежал в ванной; читал, продолжал составлять словник к дневникам за 80-е годы; помогал В.С. варить борщ, чистил картошку, резал капусту.

Вечером поехал в Дом зарубежных соотечественников на Таганку. Там вечер Маканина, вечер не состоялся: Маканин заболел. Долго ходил по прекрасному книжному магазину, в нем огромный отдел мемуаров и дневников. Среди книг увидел и огромный том «Жизни Ивановых», который написал Лева Аннинский о своей русско-еврейской родне. Не думаю, что все авторы претендуют на бессмертие, но в природе человека стремление выговориться и наряду с обещанным, Божьим, христианским бессмертием оставить чертеж собственной жизни. Даже Св. Августин, если не станет лукавить, с этим согласится. Я часто вспоминаю, как, будучи во Франции, в одном из замков увидел огромную комнату, по периметру заставленную стеллажами с мемуарами только XVIII века. Мне тогда казалось, что над каждым из этих томиков вьется струйкой душа. Ой, как много. И тем не менее продолжаю писать и свой дневник-роман.

Не купил, из чувства уходящей вражды, хорошую, по отзывам, книгу Аллы Марченко о Есенине, но позже все же куплю, а вражду забуду, потому что литературная вражда это лишь сказка для взрослых. Была еще одна книга, которую не купил только из жадности, поищу подешевле: мемуары Ленни Рифеншаль — пятьсот двадцать рублей!

Сговорился с Сережей Кондратовым повидаться в понедельник. В Москве холодно, с удовольствием еду на метро. В вагоне все время читаю, потерял черную перчатку. Кто-то, как Ахматова, перчатки путает, я — теряю.

2 февраля, четверг. Утром, не вставая со своего дивана, взял томик И.С.Соколова-Микитова, просмотрел перед тем как возвращать в институтскую библиотеку. Скорее всего, читать всю книгу не стану, многое отжило, охота тоже как бы не мое дело, но вот раздел зарисовок и, как раньше не говорили, эссе «Моя комната» меня заинтересовал. Я ведь сам уже давно кружусь вокруг того, чтобы написать что-то, а возможно роман, о вещах,

которые меня окружают. Вот и идея пришла: начну с кузнецовского фарфора, потом мебель, фотографии. Это все я еще раз просмотрю. В конце тома помещены несколько страничек из записной книжки: природа, рассветы, закаты. Русская литература и прежде набрала здесь такую невероятную технику, что лучше с нею не соревноваться. Но как, оказывается, точен писатель, когда рассуждает и думает о литературе. Просто поразительные высказывания, которые мы редко пускаем в дело. И сколько еще, наверное, в русской литературе о ней же сказано!

«Читал выдержки из дневника Пришвина. Игра словами и мыслями. Лукавое и недоброе. Отталкивающее самообожание. Точно всю жизнь в зеркальце на себя смотрелся. Пришвин был родом из елецких прасолов, в облике было что-то цыганское. Земляк Бунина, который, говорят, его не любил».

Дальше — о Толстом и Достоевском. Любой писатель думает о литературе, примиряется, сравнивает, слово «завидует» не пишу.

«Тема самоубийства у Толстого: Поликушка, Позднышев, Анна Каренина. Все — чистые, правдивые и праведные люди.

А вот у Достоевского его «самоубивцы» — или сладострастники, или безбожники, или негодяи: Свидригайлов, Ставрогин, Смердяков…

И в этом у них такое несходство!»

Теперь еще о Толстом. Я ведь ленивый человек, чтобы писать или выписывать, если уж делаю, то значит, не общее это место в литературоведении, не ординарная мысль. Сколько их бродит по нашей литературе, а в качестве ее героев ходят люди мелкие, с мыслью вторичной.

«Лев Толстой был барин, граф, «подделывался» под мужика (самый плохой, фальшивый репинский портрет Толстого: босиком, за сохою, ветер бороду относит). Дворянское умиление мужиком, скорбь раскаяния. А все же гениальная чистая проза! Один Толстой умел заставить читателя плакать. Плакали мы и над Петей Ростовым, и над «графинюшкой» Наташей, и над Алешей-Горшком. А вот над Алексеем Карамазовым и Сонечкой Мармеладовой плакать почему-то не хотелось». И как все-таки умеют выворачивать правду жизни русские, даже малые, классики, и насчет лживости репинского портрета тоже очень точно сказал. Мне всегда, почти с детства, этот портрет казался неискренним, а вот так сформулировать не смог бы.

Вечером ездил на презентацию сборника «Знаменитые люди Москвы. 2006». Роскошный переплет, цветная печать, на первой странице Лужков с цепью и звездой. Здесь много писателей, моих ровесников и товарищей: и Ким, и Маканин, и Пьецух. Есть здесь

и раздел «коммерческой славы»: за деньги поместили свои лики и описание своей юридической — в основном! — или другой коммерческой деятельности адвокаты, нотариусы, вплоть до «президента Международного фонда признания гениев при жизни» и «лицензированного инструктора по дрессировке собак». Каждый, конечно, купит по десятку очень дорогих экземпляров, да и само участие для не моей категории людей тоже стоит больших денег.

Никуда бы, конечно, не поехал, если бы не Сережа Сибирцев, который лично меня с собой вытягивал. Торжество состоялось в полуподвальном этаже Библио-глобуса, в так называемой Смердинской гостиной. Но я не успел еще войти в книжный магазин, в зону презентации, как ко мне подлетел сначала Рома Сенчин, а потом и Саша Гриценко с одним и тем же вопросом: «Как вы, Сергей Николаевич, поживаете?». Естественно, это тоже мои молодые доброжелатели из малотиражной и, кажется, уже почти желтой «Литературной России». Вот уж где умильно обсасывается моя судьба — среди молодых неудачников!

Народу было не шибко много, но попадались и знакомые: Оля Славникова, Таня Набатникова… Конечно, были и «звезды», как, например, лидер Партии любви Елена Ивановна Кондулайнен. Все, естественно, в течение часа говорили только о себе, как и бывает в искусстве. Ну, уровень замечательного краснобайства Сережи мы знаем, потом выступал о достижениях современной литературы Мамлеев, потом рассуждала Славникова, а уж как пела Кондулайнен, ни пером описать, ни устно повторить. Я сразу понял, что это добыча для моего язвительного, даже злобного, ума. С этого, выступая последним, я и начал: дескать, наивный я — то вслед за классиками полагал, что место, где все говорят только о себе, это похороны и поминки. Но, оказывается, это еще и изобретенье нашего времени — презентация. Знаменитых людей, мол, пруд пруди, а где же несомненные достижения, например, в нашем литературном цехе? Где знаменитые современные романы, которые были бы прочитаны, как случалось раньше, всей страной? Закончил о любви по-кондулайненски, в чьей партии, оказывается, есть разные секции вплоть до секции обманутых мужей. Сел под аплодисменты.

На уютный фуршет, в специальной вип-комнате, не пошел, но смог заметить, как рядышком, будто клуша с цыпленком, сидит с Сашей Гриценко Сережа Сибирцев, отчаянно ему покровительствующий.

Дома на телеэкране снова видел бедного мальчика-солдата Сычева, забитого своими товарищами на Новый год. Ему ампутировали ноги и половые органы. Дедовщина, как говорят.

Телевидение здесь подняло, и справедливо, целую кампанию. Но сколько политических и общественных деятелей делают на этой трагической истории свои карьеры. Телевидение и газеты успешно цензуруют главное, что эта жестокость, вся эта ситуация следствие общего неблагополучия жизни. С одной стороны, отмазав и откупив городскую интеллигентную и богатую молодежь, мы посылаем в армию деревенских мальчишек и городских маргиналов, часто уже испившихся и обкурившихся в своих коммунальных подъездах. С другой стороны, разве не социальная дедовщина царит в обществе, когда министры-миллионеры празднуют тризну по социальной жизни!

3 февраля, пятница. Утром взял, наконец, вышедшую в среду «Литературную газету». Отчетливо понимаю, что Бог для чего-то меня хранит, отстранив и от забот об институте, и от возможной работы в Общественной палате. Но по поводу последней все же что-то давит: почему меня забаллотировали и кто? Почему у довольно известного человека такое большое количество недругов? Но здесь, по крайней мере, стало ясно, что за мною следят, знают, что я не тот человек без признаков, который тих, скромен и — потому везде проходит. Тем более, последний тур, когда выбирали почти свои, знакомых среди членов палаты была масса. Особенно в культуре — о ком я только ни писал! В последнем туре уже можно было поработать среди выборщиков. На встрече в Книжном союзе мне тихонько указали на группку членов палаты и — шепотком: подходите, работайте с ними. Я и ухом не повел. Уверен был или решил довериться судьбе? В «Литературке» на этот раз высказывались свои выборщики, многие их них мне хорошо знакомы: Л.Бородин, Машбаш, Ганичев, Липскеров. Об отношениях с каждым из них у меня своя легенда. Все попадали в палату по предыдущему голосованию. Кому из них, интересно, нужен был еще один сильный писатель? Может быть, только Леня подал за меня голос, но ведь я для него тоже литератор с изъяном, поскольку работал с темой о Ленина!

Пятница стала днем письма. Одно пришло на работу, а второе — домой. Рабочее оказалось на 19 страницах, поразительное письмо о романе Марбург, которое написала Нелли Васильевна Матрошилова. Никогда ничего подобного, с потерей такого количества времени, я бы написать не смог. Для текстов таких размеров нужно много мыслей, ясных, определенных, отчетливых и развернутых. У меня их не было и уже не будет, другой характер сознания. Я только могу угадать и почувствовать, когда хорошо и полно выражено. Наверное, я не мастер формулировать, только предчувствую и ворожу на воде,

отгадывая. Вот поэтому в моем дневнике такое большое количество цитат, в этих цитатах я тоже узнаю свое, которое только в сознании наклюнулось, уж узнать, что мне близко, я смогу.

Нелли Васильевна написала письмо из Германии, где она сейчас в командировке. На письмо я отвечу. Когда читал, подчеркнул ряд положений. Сразу же скажу, что только женщины в искусстве бывают так проницательны, Н.В. многое разгадала во мне и в моем, если можно так сказать, творческом методе. По большому счету, мне будет жалко, если подобное сочинение останется в нетях. И дело здесь не во мне, не в нескольких в мой адрес комплиментах, а будет обидно, если пропадет хороший аналитический труд. В конце концов, что от каждого из нас можно унаследовать? Лишь несколько высказываний, вот их-то и следует беречь!

Второе письмо я получил от своего, кажется, постоянного корреспондента, точнее постоянного читателя «Российского колокола», где печатается мой дневник. Определенно, человек этот, укрывающийся за инициалами Е.И., пишущий на машинке и отсылающий свою корреспонденцию с главпочтамта, старый, как и я, и, скорее всего, из нашей писательской среды. *«Сергей Николаевич, продолжаю изучать Ваши дневниковые послания потомкам».* Не это, конечно, заставляет меня писать дневники по два-три часа ежедневно, не долг перед потомками, а какой-то затягивающий меня в слова о сегодняшнем дне инстинкт.

Письмо «Е.И.» посвящено двум вопросам, вернее автор идет по моим следам. *«Проза Вадима Месяца, как других «граждан мира», пишущих на русском языке, напоминает механическое пианино — техника присутствует, но не руками исполнителя, через душевные и духовные прозрения, а в присутствии программы. Так что учиться, а тем более завидовать, нечему».* Я так все же не могу, я все же кое-чему завидую, может быть, молодости, может быть первичному импульсу, я выискиваю что-то хорошее, у меня нет умения сказать, как отрезать. Читая эти строчки, я вспомнил недавно читанные другие из предыдущего письма. О Пастернаке, который-де *«поэтическую форму иногда находил, но заполнить ее соответствующим содержанием не мог… Поэтому, свеча, которая горела и горела на столе, ничего, кроме ложно-поэтического состояния, в себе не содержит».*

Вторая часть письма посвящена Дому Ростовых. Это тоже по моим следам. Но совершенно для меня новый аспект. *«Дом Ростовых, о котором идет речь, должен был по некому «плану» перейти в собственность кремлевским чиновникам, за то, что они протащили не выдерживающий никакой литературной критики*

«гимн» С.В. Михалкова». Здесь мне тоже согласиться трудно, потому что гимны вообще с точки зрения литературы критиковать невозможно. Мой корреспондент приложил целую брошюру, из которой я узнал, какая невероятная борьба шла за авторство стихов к гимну. Оказалось, что В.И. Гусев с Московской писательской организацией поддерживали вариант, предлагаемый Глобенко Евгением Ивановичем и Климовым Борисом Евгеньевичем (кстати или некстати, но я обратил внимание, что инициалы моего корреспондента, «Е.И.», совпадают с инициалами Глобенко). Оказывается, письмо с такой поддержкой ушло в Администрацию президента. Именно за этот текст высказалась и Московская областная писательская организация, возглавляемая Л. Котюковым. Все требовали широкой публикации текста гимна, написанного двумя соавторами. Этого, кажется, не произошло. Теперь становится ясным иной пассаж письма. *«Руководил всей «операцией» Никита Михалков. Льву Котюкову было сказано, что если он не отречется от своей прежней позиции по «гимну», то будет уничтожен. Вся эта гимновая история давно в прошлом и рассказана она Вам очень кратко».* Мне и это интересно.

Я прочел текст гимна, предложенный соавторами. Он не лишен положительного и выразительного момента. Местами он, возможно, по общей идее превосходит третий вариант Михалкова, известный нам сейчас. Тем не менее, надо признать два обстоятельства: по стилистике этот третий вариант более распевен, что ли, очевидно здесь сказался песенно-стиховый опыт Михалкова, а потом, как мне показалось, в своей первооснове текст соавторов, если и не был вдохновлен текстом нашего детского писателя, то все же отталкивался именно от него. Боюсь, не понравится мое соображение Е.И.

Вечером был у племянника Валерия — его сыну Сереже исполняется 20 лет! Ура! Однако институт он, кажется, бросает, работает сейчас в каком-то универсаме, чуть ли не администратором. Зато мне очень нравится, и давно, младший сынишка — Алексей. У Есиных, видимо, младшие всегда склонны к искусству. Очень не случайный мальчик. Так захотелось свозить его во Францию, к его двоюродной тетке, моей сестре.

5 февраля, воскресенье. Вчера, как я уже записал в дневнике, был день письма. Сегодня утро началось со звонков. Звонила некая дама из Рязани — Валентина Дмитриевна Мажарова и отчего-то начала меня безумно благодарить. Каждый писатель знает, как, с одной стороны, тяжело, а с другой — и нужно и приятно слушать эти похвалы. Мы ведь все сами знаем себе цену, и поэтому пространство отзыва нас не очень интересует, волнует

сам факт, что твое мнение о себе и мнение читателя совпали. Вот и радость, что пустыня молчания вдруг прорывается иголками звонков. В.Д., как ни странно, много говорила о моем «Затмении Марса», а сейчас ищет «Дневники ректора».

Днем, к обеду, поехал к Лене и Андрею Мальгиным. У них новая квартира: после той истории с нашей перепиской в «Дне литературы» ему пришлось квартиру поменять, потому что жить рядом с агрессивной Мариной Приставкиной ему стало не по себе. Я очень хорошо знаю таких людей, внешне образованных, но без внутренних задач и внутренней жизни, которые всё обращают во зло окружающим, в надежде компенсировать собственную нереализованную пустоту.

За столом рассказывали много интересного, в этом отношении Андрей просто кладезь. Во-первых, о том, что начинается какой-то скандал с Пен-клубом по поводу неуплаты им налога на землю, хотя Лужков дал ему помещение за чисто символическую цену. На налоги наросла пеня, и довольно значительная. Возможно, деньги куда-то «исчезли», потому что наши писатели воруют менее искусно и тонко, чем экономисты. Как всегда бывает, Пен-клуб эту ситуацию изобразит как политическую.

Разговаривали и о театре. Сейчас он безумно дорог, и для меня, например, частые культпоходы исключены. Пытаюсь следить за искусством по телевидению. В Большом театре поставили «Золушку» Прокофьева — как бы в новой, бытовой, интерпретации. Кто-то старательно расшатывает медлительные основы классического балета. В новой постановке Золушка подстраивает свое свидание с Принцем, а вместо Феи — некая фигура, похожая на Прокофьева. Обидно, что постоянно разрушаются основополагающие русские романтические мифы. Думаю, следующий этап — это замена лебедей на журавлей или уток и отстрел их вольными охотниками.

Долго говорили о Египте, где Андрей был недавно, с показом фотографий, в том числе и Абу-Симбела. У меня есть несколько генеральных мечтаний, например, храм Каджураху в Индии и Абу-Симбел в Египте, Большой Каньон в Америке и в Австралии. Мне кажется, моя жизнь не кончится, пока я в этих местах не побываю. Но, тем не менее, не тороплюсь туда ехать. А волосок, на котором висит жизнь, все истончается и истончается… Постепенно, как я полагаю, пространство моих интересов будет сужаться, это закономерно и даже полезно. Мне вообще кажется, надо прекратить внешнюю жизнь и сосредоточиться на внутренней.

Писал ли я, что телевидение все время говорит о деле

Сычева, несчастного мальчика, искалеченного в новогоднюю ночь однокашниками по танковому училищу? Там побывал Кучерена с компанией из Общественной палаты. Интересный факт: когда именно там, в училище, «палатники» запросили преподавателей-офицеров, какие меры требуются, чтобы избыть дедовщину. В ответ был подан список, где на первом месте стояли мизерная офицерская зарплата, утлая жилплощадь с регулярным отключением теплогазоэлектроснабжения, отсутствие дошкольных детских учреждений и т. п. Многознающие «палатные люди» возмутились: как же так, а где же, дескать, солдаты? А по сути: это абсолютно верно: офицер должен знать, что ходу ему до дома полчаса, что придет он в квартиру и ему не надо ставить на ночь раскладушку, что его встретит жена, у которой на кухне не лёд на подоконнике, а тепло и работает стиральная машина. Вот тогда и офицер сможет больше внимания уделять своим солдатам. Так было, когда служил я. Собственно говоря, всё начинается с решения социальных проблем, а уж потом мы принимаемся рассуждать о нравственности.

Дочитал монографию, которую написала В.К. Харченко. Здесь есть некоторый перехлест с «техникой филологии», но выводы интересны и точны. Непризнанный официальной критикой, особенно московской, и достаточно коррумпированной литературоведческой наукой, я начинаю протискиваться в академические курсы в провинции. Ну что ж, многие писатели вышли именно из провинции и в Москву приходили оттуда. Любопытен финал монографии, говорящий о моей невостребованности официальным литературоведением.

Поздно вечером долго смотрел на кассетах «Елизавету Английскую», с великой Глендой Джексон. Как интересно!

6 февраля, понедельник. Не знаю в своей нынешней жизни ничего более трагического, как «пропажа» текста в компьютере. Все утро сегодня работал, правил и писал дневник за 5-е и 6-е февраля, и, по моей, видимо, небрежности, все вдруг исчезло. У меня не хватает опытности, чтобы где-либо поискать следы, и терпения, чтобы дождаться Вити, который такой поиск провести, наверное, мог бы. Пытаюсь все повторить, чтобы просто сбить проекцию на день этой неудачи. И ведь знаю, что повторить ничего невозможно, потому что пишу уже в другое время — 11 часов дня, хотя встал в шесть.

Трагедию потери написанного текста не понять никому, кроме писателя. Теряется сама жизнь. Теперь возникнет не только другой текст, но и появится другой день. Что было в этом дне? Утром ездил с БНТ в новозеландское посольство, там День Вайтанги, океанической независимости. К сожалению, к

празднику примешалось чувство грусти: Стюард Прайер, посол, уходит, у него заканчивается срок. Как всегда, была милая его речь, сразу на трех языках, небольшой фуршет, замечательный торт «Павлова» — воспоминание о гастролях великой балерины на южных островах. Все, как всегда в этом посольстве, говорили кратко, один Чилингаров долго распространялся о сотрудничестве с Н.З. в Антарктиде. Мне, естественно, захотелось тоже сказать добрые слова в адрес посла, бывшего университетского преподавателя русского языка и литературы, который познакомил нас с родной ему литературой. Но высказал я это, уже прощаясь. Наверное, никогда больше этого человека не увижу, вот так, как исчезают из виду, расходясь к дальним берегам, корабли в море, расстаются и люди.

В перерывах и многоголосии этого фуршета поговорили с БНТ о реставрации института, я ввел его в курс «многостраничной» эпопеи надежд, договоренностей, писем и обещаний больших чиновников. Его сына Федю, которому я симпатизирую, слушал Федосеев и посоветовал учиться за границей.

Днем, как договорились раньше, встречался с Кондратовым. Сергей Александрович без звука вынул из сейфа 5.000 долларов на Гатчинский фестиваль и распорядился об обычной порции книг — это энциклопедия Брокгауза и Эфрона и 90-томное собрание сочинений Л.Н. Толстого.

Огромный офис Сергея теперь на новом месте, где-то рядом с Тимирязевским парком, но и рядом с Университетом печати, где он председатель попечительского совета. Попутно я подумал: Цыганенко, ректору университета, уже 60, а Кондратов там и профессор, и доктор, почему бы и нет ближе к старости? Даже для просто богатого человека он по-настоящему трудолюбив: сидел и терпеливо редактировал свою энциклопедию. За этим занятием застаю его уже не первый год. С.А. показал мне новые ее, эксклюзивные тома, исключительно для чрезвычайно богатых людей. Каждый комплект стоит 32 тысячи евро, хотя обычный, массовый, — чуть больше двух тысяч. Здесь настоящая кожа, подлинное золотое тиснение. Думаю, что эти экземпляры, которые будут храниться в частных библиотеках, вряд ли кто-нибудь откроет.

Новый офис — здание ультрасовременное, здесь Сергей Александрович выстроил и свою квартиру: бизнес и жизнь или, если хотите, жизнь и бизнес совсем срослись. Квартира очень большая, вместе со служебным кабинетом, библиотекой и спортзалом чуть ли не 1500 кв. метров. Объяснил мне, почему он пока, при сегодняшней системе книжного производства и

распространения, не может напечатать мое собрание сочинений.

Вечером довольно долго говорил с С.С.Федотовым. Положение А.П. Петрова, которого разбил инсульт, довольно сложное. Уже покушаются на его место президента Авторского общества. В частности, будто бы уже на следующий день у Федотова побывал Юрий Антонов с просьбой показать ему финансовые документы за 2005 год — это очередной «протестный» наезд. Слишком долго Антонов дружил с людьми, по слухам, своеобразными. Решили, что в этой ситуации надо вполне определенно заявить, что никаких перевыборов до выздоровления Петрова быть не может.

7 февраля, вторник. Международное сообщество писательских союзов прислало мне по почте и в конверте газету «Патриот». Не самый прилежный я ее читатель, но в этом номере стоят дневники Петра Лукича Проскурина. С грустью должен сознаться, что, всегда считая его глубоким и сильным человеком, я все же, как личность и интеллектуала, его недооценивал. Наверное, надо еще говорить и о его глубоком и подлинном патриотизме, жаль, что слово это совсем затерто. Сколько никчемного народа присосалось к этому понятию! Не утерпел и опять корплю над цитатами. Для кого все это я делаю?

«**08.09.1988 г**. Русская литература упорно и цепко держится, но оценку ее почти полностью перехватила антинациональная критика, пользующаяся любым случаем принизить национальную русскую литературу, умалить ее значение и выпятить в ней роль посредственных русскоязычных писателей. Что интересно, так это неимоверное оживление масскультуры и низкопробной литературы в моменты смуты, неурядиц, перемен, переломов общества».

В дневнике описаны встречи с Д.С. Лихачевым, заместителем которого П.Л. был по Фонду культуры, когда он только еще возник. Описан один разговор, показывающий, как хорошо старый литературовед и жертва сталинского режима знал высказывание нелюбимого вождя: «кадры решают все». Тогда Проскурин взял на работу Сергея Семанова, не очень любимого мною, впрочем, персонажа. Верю, что так же нелюбим им и я. Лихачев, не витавший, естественно, на воздусях, сразу же сообщил, что и как говорят о Семанове. Вот что ответил простец Прскурин. *««А знаете, Дмитрий Сергеевич, что про вас говорят? — задушевно спросил я и сочувственно улыбнулся. — Но от этого никто ведь не падает в обморок». Реакция Лихачёва была неожиданной… «Нет, нет, Пётр Лукич! Я не еврей, нет, нет! — горячо воскликнул академик и народный депутат, выбросив на стол красивые узкие ладони. — Нет, Пётр Лукич, клевета!»»* Писателю и человеку

такого калибра, как Проскурин, не доверять здесь нельзя. Зная еще его манеру последовательного реалиста, я совершенно определенно верю, что такой разговор действительно был.

И другая цитата.

«Тверь, октябрь 1998 г. *…России редко везло и раньше на правителей, XX век выдался для нее особо неурожайным, почти бесплодным, начиная с Николая II, неизвестно за какие заслуги канонизированного в конце этого же выморочного века в святые мученики, и кончая последними президентами. XX век стал свидетелем вырождения правящей элиты в России, и, если бы не эпоха Сталина и не его стратегический, глобальный гений, о России давно бы уже забыли как о великой державе, явившей миру неведомую еще ему гуманистическую, духовную цивилизацию».*

Удивительно, как совсем разные люди совпадают во мнениях на ключевые события нашей истории и на оценки ее личностей. На все то, о чем сейчас читаю у Проскурина, я тоже обращал внимание в своих поденных записях.

«Все дальнейшие, за исключением, как уже отмечалось, Сталина, все последующие генсеки и президенты были помечены каиновой печатью разложения, но Хрущев занимает в процессе распада, в похоронной процессии временщиков знаковое, особо злокачественное место. Именно он положил начало цепной реакции распада самой прогрессивной в мире идеологии, будущие историки должны будут детально и подробно исследовать зловещую фигуру доморощенного философа «оттепели», определить силы, выдвинувшие на самый верх этот фантом, проживший всю жизнь с задавленными комплексами и сразу же попытавшийся наверстать упущенное и явить миру свою «гениальность»».

8 февраля, среда. Два последних дня смотрю «Елизавету». Кроме, конечно, королевской пышности, великолепной игры, просторного, все время держащего в напряжении сюжета, кроме исторического знания, довольно полного, который дает этот фильм, это еще и фильм о самом сложном и трудном в нашей жизни. О политике. Политике, как серьезном инструменте общественного быта. Здесь приходится задумываться, какую большую роль играл при монархии закон. Монархи его тоже уважали и боялись преступить. Вот тебе и самодержавная королевская власть! Поразителен уклад жизни при дворе и характер общения монарха со своим окружением. Тут начинаешь верить апокрифу, что после многочасового разговора кто-то из ближайших сподвижников Путина вышел из его кабинета с фингалом под глазом.

Днем ходил в фитнес-центр. После часового занятия, я уже не на многое гожусь, но, тем не менее, посмотрел вторую главу

своего «Твербуля». Появилось и новое, пока условное, название — «Лучница». Женщина, родившаяся под знаком «Стрельца» — смешно.

9 февраля, четверг. В институте сразу же возник разговор с Мишей Стояновским о моем заведовании кафедрой. Мои начальники беспокоятся: я имею право не переизбираться в этом году, но им хочется все же спокойствия и видимости закона. Поэтому хорошо бы я согласился на выборы, а если не согласен, то и объявил бы об этом. Но такого удовольствия я никому не доставлю. Сначала должен придти на кафедру ректор и предложить кандидатуру. Миша все говорил о моих надбавках и зарплате, которые я все равно, по договору с министерством, не потеряю. Как будто это главное. Я не настолько эгоистичен и трусоват, чтобы работать вопреки желанию ректора. Кафедра творчества ведущая в институте, и он не должен потом ссылаться на меня и говорить, что если что-либо не получилось, то это потому, что Есин не уходит. А уже после всего я скажу: захочу ли работать в качестве заведующего, или все же уйду на волю. Это решать мне. И полагаю, что кого-то удивлю. Тем не менее, контракт есть контракт, пусть все же по приказу без переизбрания я поработаю еще пять лет. Власть я ценю только за возможность лучшего обзора событий и чтобы полнее реализоваться.

Анализировал работу кафедры и индивидуальную нагрузку на преподавателя. Разнос чудовищный: у Г.И.Седых 30 платных и 39 бюджетных студентов. Боюсь, что здесь еще и некая погоня за лишним индивидуальным рублем, а не «спасение» бюджета института. Например, в театральных училищах замечено, что, когда в группе больше 20 процентов платных, т. е. с пониженными способностями, студентов, то уровень всей группы снижается до творческого *невозврата*.

Днем была коллегия московского комитета по культуре. На нее пригласили еще и экспертный совет по драматургии. Уложились в два часа. Проблема — продвижение в театре молодых. По сути, как это всегда бывает с деятелями искусства, они все говорили о себе и своей выгоде, но все же — будем справедливы — зацепляли и обозначенную проблему. Кое-что я записал. В 40 процентах театров по стране нет худруков. В Москве, конечно, дело обстоит по-другому. Роман Казак — об актерских курсах, которые надо немедленно превратить в театр. «Вакханалия бюрократических фантазий». «Для 70-летнего актера 50-летний — это молодой человек». Оля Галахова, в отличие от иных докладчиков, говорила очень конкретно, а искусство и его диагнозы — именно в фамилиях. Говорили о квартирах, о зарплатах, но осталось ощущение недоговоренности, потому что в

качестве решения предлагались полумеры.

Закончился сериал Глеба Панфилова «В круге первом». После последний серии показали круглый стол: Н.Д. Солженицина, Миронов, Капица, Лукин. К концу роман начал меня смущать: заявка с героем-предателем и сама шарашка, которая понимает, что делает, но принимает. Как-то все это не по-русски, возможно я ошибаюсь. Тем не менее, не могу удержаться, чтобы не впечатать сюда из Проскурина, которого я уже цитировал позавчера. Многие мысли почти мои, они совпадают.

«**31.10.1993 г.**…В Россию рвется любезнейший ее друг Солженицын, преподнося это как некий дар небес русскому народу, за который ему же, Солженицыну, надо лобызать не только ручки, но и ножки. Еще один лжегений, отдавший все свои силы на разрушение русской государственности. Еще один лжеклассик. Если уж после площадного концерта Ростроповича вылилось столько русской крови, то чего же ожидать теперь? Ведь многоликая лжерусская перелетная публика, прочно и на веки вечные связанная между собой, не только паразитирует, довольно ловко и умело, на его истории, культуре и языке, она еще умеет преподнести свое зоологическое отторжение как страстную любовь. Неисповедимы дела твои, Господи… Можно было бы закричать о данайских дарах, но кто в пространстве, одурманенном водкой и вездесущим телевидением, услышит?..»

Вечером звонил Петя Кузьменко — у него, бедного, рак. Еще так недавно мы с ним вместе работали. Но как держится, какой молодец! Правда, говорит, что у него где-то в Люксембурге 200 тысяч евро. Может быть, с такими деньгами чувствуешь себя увереннее, хотя бы потому, что в решающий момент есть, на что нанять няньку?

10 февраля, пятница. В двенадцать было заседание президиума авторского совета РАО. Здесь не только трагическое положение А.П. Петрова, но и заявление Ю.М.Антонова с наивным требованием показать ему все финансовые документы за два прошлых года. Что-то он, видимо, подозревает. Как ни странно, время кое-что поставило на место, и законодательная база потихонечку совершенствуется. Возможное лицензирование разнообразных обществ, занимающихся в пику РАО сбором авторского вознаграждения, наверное, поможет организации избавиться от дополнительных претензий. Все хотят не собирать, не работать, а получать отчисления и бесконтрольно их, по возможности ничего не передавая авторам, тратить. РАО, между прочим, в прошлом году по сборам перешагнуло сумму в один миллиард рублей. Мне, правда, кажется, что по тем темпам жизни, которые сейчас бушуют, это не очень много. Разборка по

всем вопросам была довольно долгой и полезной. Оказалось, что не всегда Антонова предупреждали о заседаниях совета даже тогда, когда нам говорили, что предупреждали. Мне это очень не нравится. Не понравилась мне склока, которая возникла между Клевицким и Слободкиным, я думаю, что Саша здесь несправедлив и играет не свою игру. Претензии Антонова принесли определенный результат. По крайней мере, всевозможные перекачки авторских средств не будут так бесконтрольны. Я еще раз убедился, что общественные организации это бесконечное поле для больших и малых злоупотреблений. Определились с датой совета, который назначен на полдень 20 февраля. Удастся ли на нем высказать мои претензии к слишком щедрой раздаче средств на композиторов, концерты и прочее?

В самом начале заседания узнал много салонных новостей: 1. Ходорковский в своем узилище шьет на машинке рукавицы. 2. Абрамович купил пятую яхту. 3. Еще раньше от С.С. я узнал, какие новые машины купил Юра Антонов. 4. В РАО, по словам Антонова, происходит много событий за спинами вице-президентов и президента. Рассказан был еще и актуальный анекдот, связанный с птичьим гриппом: в Большом театре идет репетиция «Лебединого озера», вдруг одна из девушек кордебалета чихнула. Пришлось всех расстрелять из-за боязни эпидемии.

Под вечер ездил к Лене и Саше Егоруниным. Они все еще живут в старой своей квартире, которая, правда, рядом с их работой в областной «Московской правде». Я всегда радуюсь, когда вижу дома, похожие на мой: тот же беспорядок, который создают рассованные по всем углам книги и масса накопившихся за жизнь безделушек. Саша теперь замглавного в газете — один из тех моих приятелей, кто ничего не наворовал. Единственное, чему у них можно было позавидовать — это прекрасной кухне, у Саши, как и у меня, страсть к кулинарии.

Лена очень интересно рассказывала, как закрывали их подмосковные газеты, имевшие в то время огромный тираж. Это было связано с приходом на губернаторское место бессребреника Громова. Не то чтобы газеты были не нужны, но был нужен этаж в комбинате «Московская правда». Хорошо помню «Домашнее чтение», замечательную, с большим тиражом газету, на которую буквально молились читатели. Для них это был единственный доступный выход в приличную некоммерческую литературу. Я помню, сколько моих учеников публиковалось там. И газета окупалась. Но за успешно прошедшие выборы надо было расплачиваться, возвращать деньги, потраченные на рекламную

кампанию. Так что логику дальнейших действий бывшего кандидата понять можно. Как и то, что кумиров остается все меньше и меньше. Тем не менее, вспомнил, как вместе с этим любимцем «ограниченного контингента» летел на вертолете с вертолетным же сопровождением в только освобожденный от душманов, афганский Хост. Тогда же обратил внимание на привычное брезгливо-барственное выражение его лица.

11–12 февраля, суббота, воскресенье. Уже несколько недель мусолю третий за 2005 год номер «Нашего современника», отданный литературной молодежи. Я его даже перед каникулами раздал ребятам, но теперь понял, что это для них тяжеловато, хотя определенные тенденции в нем намечены. Попутно думаю, станет ли Стасик Куняев, как обещал, печатать мои дневники, или не будет. Впрочем, мне и так хорошо, и этак неплохо. В одном случае появится публикация, во втором — в коллекцию разочарований поступит еще одно свежее наблюдение. Колеблюсь: что для моей натуры было бы приемлимей?

Если говорить о прозе «Современника», с которой я начал, то она довольно уныла. Сначала я схватился за повесть Андрея Чепкасова «Хромающий человек», здесь есть диалог праведника и беса, какая-то хорошая пропись Достоевского, но вот религиозная часть, сам герой, обретающий Бога и хорошо, казалось бы, работающий его агитатором, не получились. Здесь незримо стоит довольно примитивная схема, все это похоже на упражнение с заданной темой. Обидно. Что привлекает, так это филологическое упорство этого мальчика, аспиранта третьего года в Санкт-Петербурге. Прочел также очень неплохой рассказ Виктора Дрожникова «Нет спасения», но это рассказ человека, пытающегося завязать с наркотой — тема слишком уж исследованная. Правда, здесь есть энергия языка.

Открытие все же в журнале состоялись. Недаром, когда в конце года «Современник» устраивал свой праздник, Куняев очень много говорил о публицистике и некоем историке Александре Елисееве как большой находке. Я тогда же, за столом, посмотрел на него: крупноватый, немножко одышливый парень в очках. А тут решил проверить качество этой находки и, как только начал читать его «Кто развязал большой террор?», уже отлипнуть от страниц не смог. То, что всегда смутно виделось, что даже при поверхностном логическом анализе явно противоречило пропаганде, вдруг стало очевидным и ясным, будто очистилось стекло и стали видны звезды. Не сталинец я, и не ленинец, и не хрущевец, и не поклонник Горбачева, я сам по себе, легко внушаемый, легко верящий, но всегда потом проверяющий и свою доверчивость и свою веру праздным анализом, который сам

всплывает в сознании, взвешивая, помимо моей воли, все на весах справедливости. И вот теперь, с подсказки этого молодого парня, все вдруг сошлось, а оно и должно сходиться, если имеешь русскую душу и сознание, всколыбеленное на этой земле. Спасибо тебе, бабка баптистка, спасибо тебе, бабка православная крестьянка, спасибо тебе, народная среда во время моего детства, благодарю тебя, эвакуация в деревню Безводные Прудищи и в разоренную послевоенную Калугу! Даже не стану на сей раз цитаты «вправлять в текст» и как-то интерпретировать.

«Сталин не верил в революционные устремления европейского пролетариата. Известный деятель Коминтерна Г. Димитров рассказывает в своих дневниковых записях об одной примечательной встрече со Сталиным, состоявшейся 17 апреля 1934 года. Димитров поделился с вождем своим разочарованием. «Я много думал в тюрьме, почему, если наше учение правильно, в решающий момент миллионы рабочих не идут за нами, а остаются с социал-демократией, которая действовала столь предательски, или, как в Германии, даже идут за национал-социалистами». Сталин объяснил этот «казус» следующим образом: «Главная причина — в историческом развитии, в исторических связях европейских масс с буржуазной демократией. Затем, в особенном положении Европы: европейские страны не имеют достаточно своего сырья, угля, шерсти и т. д. Они рассчитывают на колонии. Рабочие знают это и боятся потерять колонии. И в этом отношении они склонны идти вместе с собственной буржуазией. Они внутренне не согласны с нашей антиимпериалистической политикой»» (с.173).

«В марте 1917 года Сталин впервые открыто декларировал приверженность русскому национальному патриотизму. Будущий строитель (правильнее сказать — реставратор) великой державы выступал за руководящую роль русского народа в революции, против интернационализма, который потом длительное время осуществлялся за счет стержневого народа России. В статье «О Советах рабочих и солдатских депутатов» он обращался с призывом: «Солдаты! Организуйтесь и собирайтесь вокруг русского народа, единственного верного союзника русской революционной армии»» (с. 176).

«Сталин высказался против разгона Учредительного собрания, который вызвал гражданскую войну и «красный террор»… был против штурма мятежных кронштадтцев, тех же самых рабочих и крестьян в матросской форме, возмущенных продразверсткой» (с 177).

«Сталин отнюдь не был жесток ко всем бывшим участникам оппозиций. Он ничего не предпринял в отношении бывших

активных троцкистов — А.А. Андреева и Н.С. Хрущева. Сталин так и не тронул самого главного своего оппонента в области внешней политики, М.М. Литвинова. Он также сохранил жизнь и свободу Г.И. Петровскому, который участвовал во многих антисталинских интригах и отзывался о Сталине с нескрываемой неприязнью» (с. 178).

«Оказывается, Сталин хотел поставить на место потерявшего доверие Ежова Г.М. Маленкова, которого очень активно продвигал по служебной лестнице. Но большинство членов Политбюро предпочло кандидатуру Л.П. Берии» (с.179).

«…нужно упомянуть справку, представленную Хрущеву 1 февраля 1954 года. Она была подписана Генеральным прокурором Р. Руденко, министром внутренних дел С. Кругловым и министром юстиции К. Горшениным. В справке было отмечено: «В связи с поступающими в ЦК КПСС сигналами от ряда лиц о незаконном осуждении за контрреволюционные преступления в прошлые годы Коллегией ОГПУ, тройками НКВД, Особым совещанием, Военной коллегией, судами и военными трибуналами, и в соответствии с Вашим указанием о необходимости пересмотреть дела на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления и содержащихся в лагерях и тюрьмах, докладываем: за время с 1921 года по настоящее время за контрреволюционные преступления было осуждено 3 777 380 человек, в том числе к ВМН (высшая мера наказания — А.Е.) — 642 980 человек, к содержанию в тюрьмахи лагерях на срок от 25 лет и ниже — 2 369 220, в ссылку и высылку — 765 180 человек» (с. 180).

«Оказывается, уже к 1 марта 1946 года 2 427 906 репатриантов были направлены к месту жительства, 801 152 — на службу в армию, а 608 095 репатриантов были зачислены в рабочие батальоны наркомата обороны. И лишь 272 867 (6,5 %) человек передали в распоряжение НКВД. Они-то и сидели» (с.181).

«При тщательном рассмотрении ответственными за ужасы коллективизации, как правило, оказываются именно критики сталинского «деспотизма». Так, С. Сырцов и В. Ломинадзе, создавшие в 1930 году антисталинскую группу, в 1929 году категорически возражали против приема кулаков в колхоз. (Причем Сырцов был секретарем Западно-Сибирского крайкома зимой 1927–1928 годов, когда там были впервые опробованы чрезвычайные меры. И опробованы «на совесть»!) А саму идеологическую кампанию по раскулачиванию начала газета «Красная звезда», редактируемая М. Рютиным, главой подпольного «Союза марксистов-ленинцев», выступавшего против

Сталина» (с. 184).

«Эта группировка оказывала всяческое противодействие конституционной реформе, затеянной Сталиным еще в 1934 году. Вождь желал законодательно закрепить отказ от левого, троцкистско-ленинского курса. Из мнимой диктатуры пролетариата, контролируемой мнимой диктатурой партии, он хотел создать общенародное, общенациональное государство. Как известно, на выборах в Советы один голос от рабочего засчитывался за четыре голоса от крестьян, что ставило большинство населения страны в положение людей третьего сорта. Сотни тысяч были вообще лишены избирательных прав. Речь идет о «бывших» — священниках, дворянах, предпринимателях, царских чиновниках, а также об их детях. Права избирать были лишены и сосланные в ходе коллективизации крестьяне. Само голосование происходило мало того что альтернативно, но еще и открыто. Сталин решил покончить со всем этим и наткнулся на яростное сопротивление «регионалов», не желавших терять власть и поступаться ленинскими принципами, реализация которых им ее и предоставила» (с 185).

«Отстаивая национальную независимость, Сталин имел в виду прежде всего интересы русской нации. Он отлично знал, что русские являются ядром, вокруг которого объединяется вся страна. Поэтому сломал абсурдную ситуацию, сложившуюся с первых лет советской власти, когда представители нерусских этносов стояли во главе тяжелой промышленности (С. Орджоникидзе), транспорта (Л.М. Каганович), госбезопасности (Г. Ягода), внешней политики (М.М. Литвинов), торговли (А.И. Микоян), сельского хозяйства (Я.А. Яковлев-Эпштейн). Сталин добился того, чтобы кадровая политика была гораздо более справедливой и учитывала интересы самого многочисленного народа СССР — русского народа» (с. 187).

«Сталин не хотел репрессий. И не столько потому, что они ему были не по нраву. Как прагматик, он понимал, что развертывание террора может ударить по кому угодно. Начнется кровавый кадровый хаос, который сделает ситуацию неуправляемой. Сталин, будучи знатоком истории, отлично знал, насколько может быть абсурдным массовый террор, бесспорно, вождь выступал за политическую изоляцию Бухарина и Рыкова, но уничтожить их он не желал… На февральско-мартовском Пленуме ЦК (1937 год) бывшего «любимца партии» вместе с Рыковым обвинили в контрреволюционной деятельности… Предложение же Сталина сводилось к тому, чтобы ограничиться всего лишь высылкой. И это предложение задокументировано,

оно содержится в протоколе заседания комиссии, датированном 27 февраля 1937 г.» (с. 231).

«Показательно, что страшные эти времена были страшными прежде всего для коммунистической партии, которая являлась своеобразной элитой, аристократией. Простой народ пострадал в гораздо меньшей степени. По стране ходил даже такой, в принципе опасный для самих рассказчиков, анекдот: «Ночь. Раздается стук в дверь. Хозяин подходит и спрашивает: «Кто там?». Ему отвечают: «Вам телеграмма». — «А-а-а, — понимающе протягивает хозяин, — вы ошиблись, коммунисты живут этажом выше» (с. 244).

«Подобная логика заставила Троцкого в 30-е годы стать обычным стукачом. В эмиграции он предавал своих вчерашних товарищей по борьбе, сообщая американской администрации информацию о секретных агентах Коминтерна и о сочувствующих «сталинистским» компартиям. В конце прошлого века были опубликованы рассекреченные (за сроком давности) материалы госдепа, свидетельствующие о теснейшем сотрудничестве Троцкого с американцами. Так, 13 июля 1940 года «демон революции» лично передал американскому консулу в Мехико список мексиканских общественно-политических деятелей и государственных служащих, связанных с местной промосковскойкомпартией. К нему прилагался список агентов советских спецслужб» (с. 208).

«В апреле Прокуратура СССР дала особые инструкции в областные и республиканские прокуратуры. Согласно им, для возбуждения всех дел по политическим обвинениям необходимо было заручиться согласием союзной прокуратуры. И она постаралась дать как можно больше отказов. В мае — декабре ведомство Вышинского получило 98 478 просьб о возбуждении политических дел, из которых было удовлетворено всего 237. Работники прокуратуры стали привлекать к судебной ответственности многочисленных доносчиков» (с. 246).

«Осенью Верховный суд СССР получил беспрецедентное право принимать любое дело любого советского суда и рассматривать его в порядке надзора. Только до конца года ВС отменил и предотвратил исполнение около 40 тысяч смертных приговоров, вынесенных за «контрреволюцию»» (с. 248).

И опять возвращаюсь к журналу. Кое-что есть и из поэзии. Здесь интересен не только пафос и молодые силы, так необычно, в отличие от пьяной «подъездной» публики, думающие, но и сам ритм, энергия слова. Литература — это слово, слово, слово и, наконец, мысль. Впрочем, все можно переставить и в обратном порядке, было бы внутреннее напряжение.

13 февраля, понедельник. И тринадцатое число, и понедельник — все совместилось, и по-другому быть не могло: днем попал в аварию. Ехал на запись телевизионной передачи, которую ведет Юра Поляков. Это в театре Рубена Симонова, в центре, движение там плотное, ни одного уголочка, чтобы поставить машину. На углу Сивцева Вражка и Власьевского переулка на очень маленькой скорости врезался в крыло проезжавшей мимо «Хонды». Я мог ее и не заметить с высоты своей машины, да и ехал-то медленно, глазами выбирая место для стоянки и думая о том, что будет на передаче, а «Хонда» могла ехать слишком резво. У меня ни царапины, чуть только пришероховатило пластмассовый бампер. К счастью, на «Хонде» был нормальный шофер, Андрей, и в течение часа приехал инспектор ГБДД, тоже нормальный парень, по фамилии Резвый, не давил, не хамил, сказал, что это жизнь, которую не уложишь в правила. Теперь посмотрим, как пройдет страховка, пока все шло быстро и четко. Любопытно, что я был почти рад этому маленькому приключению, по обыкновению подумав: значит, судьба отвела от меня что-то очень плохое.

Пока, приплясывая, мерз на Вражке, все время перезванивался с Таней Земсковой, моей старой знакомой по «Книжному двору», о задержке и все-таки после оформления бумаг успел на конец передачи. Сидели: Поляков — на фоне театральных декораций к его пьесе «Козленок в молоке», Женавач и Павел Басинский. Все они народ умный, пользуются цитатами, много знают, для меня участие в подобной передаче это еще и обучение. Я вошел в зал на фразе Женавача о том, что в советское время награждали только за производственные спектакли типа «Сталеваров» и «Премии», вот тут я и включился в спор, сказав, что поощрялись еще и темы нравственности. Потом говорили о Горьком, о мифах, о реализме, бог знает еще о чем, но мне было интересно. Когда уходил, Таня Земскова подняла кверху большой палец: передача, дескать, сразу ожила.

Москва стала центром пожаров — сегодня сгорело здание «Правды». У меня есть ощущение, что это поджог: какой можно выстроить на этом месте небоскреб! А может, это подарок к юбилею Ресина? Слишком много за последнее время сгоревших зданий во главе с Манежем.

Новость о скандале, который возник вокруг Зураба Церетели, члена Общественной палаты: речь идет о некоем парке, на обустройство которого скульптор получил бюджетные деньги.

Еще раз перечел письмо Нелли Матрошиловой. Никак не рискну ей ответить, такого текста, как она, мне ни за что не создать. Но насколько это лучше, чем наше родное

литературоведение, и мысль, нельзя ли напечатать ее письмо вместе с эпистолярной рецензией Авербуха, зреет. К тому бы можно присовокупить еще что-нибудь и пакостное, которое, конечно, скоро появится на каких-нибудь желтых страницах.

14 февраля, вторник. В половине первого проводил заседание кафедры, на которое заблаговременно пригласил БНТ и Мишу Стояновского. Практически проговорил целый час. Здесь и равномерная нагрузка, и приемная сессия и, главное, то, чего раньше никогда не было: два плана, один — работы семинара, а другой — методической работы. Потом возникла платная студентка-заочница с предложением под эгидой института создать некий журнал. Вопрос о том, где печататься, всегда поднимают не самые одаренные, но напористые студенты. При нынешнем дефиците хорошей прозы все талантливое и так расхватывается толстыми журналами. Я понимал, что вопрос этот выморочный, но спорить не стал: он отпадет сам собою, когда подсчитают, во что обойдется «новая идея». Значительно плодотворнее была мысль, кажется Королева, создать рукописный журнал, в крайнем случае журнал, печатающийся на машинке или компьютере. У нас же пока не спрос создает предложение, а дефицит исканий.

На собственном семинаре в этот день, разбирая повесть Чепкасова в «Нашем современнике» и огромный материал Миронова, я говорил о необходимой для писателя социальной и литературной рефлексии, приводил цитаты из Фаулза. Он действительно мне близок, как справедливо заметила Нина Павловна. Семинар, мне кажется, прошел хорошо.

Не могу не отметить один маленький факт. На семинар зашел Евгений Михайлович Солонович — просто поздороваться, я это внутренне расцениваю как поддержку после недавних выборов. Здесь мало упомянуть об интеллигентности или доброте, потому что эти понятия не отражают божественности иных человеческих отношений!

Вечером говорил с Лакшиной. О Солженицыне, он вернулся, лишь когда узнал, что Лакшин умер. О переделке «В круге первом». В варианте, вышедшем в самиздате, звонок был предупредительный какому-то другу профессору, которого должны были арестовать. Почему вдруг автор переписал роман, и герой принялся спасать от советского режима не конкретного человека, а всю Америку? Рассказала, что по радио «Эхо Москвы» бойцы наших дней Киселев, Латынина и Афанасьев уверяли всех, что герой Певцова настоящий герой. Я никогда не соглашусь, что нагадить собственному государству, какое бы оно ни было, и собственному народу — это доблесть. Для меня всегда звучала

дико фраза Ленина о необходимости поражения России в первой мировой войне. Мне далеко не все равно, какой ценой достигается победа. Если персонаж Певцова герой — значит, общественное сознание поколеблено, оно лишено чувства родины.

Интересный штрих. Когда я уже уходил с кафедры, мне встретился молодой человек, представившийся Баташовым, сотрудником национального проекта по здравоохранению. Им нужны стихи о здоровом образе жизни, против пьянства и других злоупотреблений, для того чтобы потом сделать слоганы и рекламные песенки для электронных средств массовой информации. Вечером же показали главного ответственного за эти проекты, — каковы они, я уже знаю от главного санитарного врача Онищенко, — он все говорил и говорил, заглядывая в бумажки. Необходимо отметить, что нынешнее поколение кремлевских политиков использует эстраду не в пример лучше предыдущего, просто виртуозно. Вот так песни соединились с громадьём планов. Я, кстати, господина Баташова озадачил, попросив его письменно определить, что он хочет. Вот уж теперь в администрации, наверное, скрипят перья!

15 февраля, среда. Капитанская рубка, на которой я простоял три срока, отдалилась от меня, теперь я в каюте и стараюсь без особой надобности не выглядывать на палубу и не заглядывать в другие корабельные помещения. Зато с удовольствием хожу в среду по утрам в спортзал — разве раньше я нашел бы для этого время?

В два часа уже был в институте: в три защита дипломов и параллельно в конференц-зале встреча с «Литучебой». Это уже инициатива БНТ. Все радуются, словно в их жизни вот-вот, наконец, произойдет что-то значительное, например литература выйдет из тени. В конференц-зал я не пошел, там пребывал В.П.Смирнов, в парадном костюме и очень оживленный. Я знаком с подобным его состоянием, возникающим от хода луны или каких-то внутренних подвижек в институте.

Защищалось шесть человек, между которыми мне интересны Стас Ефросинин, Елена Георгиевская и мой Маркус Гасунс. О Ефросинине интересно говорили Василевский и Тиматков, каждый по-своему, но оба точно. Самую большую дискуссию вызвала Лена Георгиевская. Мы всегда много говорим, когда работа интересная, все остальное выпуливается, как на швейной машинке. О ней очень толково говорил Рекемчук, приводя мою рецензию в качестве образца для предисловия в ее будущую книгу. Студенты мне даже похлопали, подобное у меня во время защиты диплома впервые. А сама Лена сказала фразу, которую я

уж точно не забуду: «Есин навсегда останется для нас, выпускников, ректором и хорошим человеком». Это почище тех орденов, которыми меня задарили на семидесятилетие. Я вообще заметил, что после переизбрания студенты меня отчаянно полюбили, большинство норовит попасть мне на глаза, чтобы поздороваться. Теперь я буду называть это «эффектом Солоновича».

Дискуссия возникла и по поводу Баженовой, ученицы В. Гусева, и по поводу Мальцевой, ученицы Б. Анашенкова. Борис говорил неважно, не представляя студентов и законченные работы, а скорее рассказывая об этапах их студенческой у него жизни и зажигаясь от своих не очень наполненных слов. Не прошел и менторский тон прибежавшего из конференц-зала В.П… Он явно симпатизировал Баженовой. Довольно активно возражал на его рецензии Джимбинов, совсем по-другому оценивавший работу и этой студентки, и поэтов Верстакова, Сырневу и Шепилова. Моя точка зрения ближе к джимбиновской, начитанность не проспишь. Попутно, я это заметил по его специфическому цитированию, С.Б. все еще воюет с советской властью. По Мальцевой с предельной доброжелательностью, но все же прошлась Н.В. Корниенко, здесь тоже начитанность и опыт не спрячешь, они, как шило, высовываются из мешка, даже вопреки установке на либерализм. Она все же сумела вытащить в работе лучший, но уже не «романтический», а литературоведческий кусок. Из ее же литературоведческой памяти платоновская цитата: «В голове инженера больше мыслей, чем в голове писателя». (К слову. За обедом БНТ рассказал, что к нему приходил племянник Платонова. Просьба все та же: открыть музей. Я кратко посвятил его в историю создания мемориальной комнаты, вплоть до эскизов для ее оформления. Тут же порадовался: эти проблемы решать уже не мне.) Приведу еще одну небольшую цитатку — как много интересного возникает по ходу дела. Вот говорит Толя Королев: «Бумага не зеркало, нечего перед ней прихорашиваться».

Как все же последователен, безупречен во вкусе Андрей Турков! Не забыть бы, написать рецензию на рассуждения «Вопросов литературы» по поводу третьего тома сочинений В.Я. Лакшина.

Вечером пришлось идти на «Человека из Ламанчи» в театр Советской Армии. Так бы и не пошел, но это спектакль с Зельдиным, уже 36-й, и всегда можно думать, что спектакль последний — Зельдину 91 год! Господи, живи он долго, безмятежно и счастливо. Спектакль, разумеется, скучный, как компьютерная проза, со всем дурновкусием Юлия Гусмана, но то,

что делает на сцене сам Зельдин, — это, конечно, героизм. Правда, декламирует он текст с тем же пафосом, который впервые был явлен миру в фильме «Свинарка и пастух», потом звучал в «Учителе танцев». Неунывающий артист так же был взволнованно романтичен и хорош, как всегда, — как в Гатчине, как в Театральном обществе, как в застолье у Т.В. Дорониной. Народу было много, особенно людей в возрасте. Может быть, пожилые люди ходят на этот спектакль черпать веру в долгое продолжение их собственной жизни? И даже если это так, то пусть играет, играет и играет, хоть каждый день. Кстати, на фоне песен и декламаций второго акта почти придумал следующую главу романа.

Во время спектакля позвонил Паша Слободкин — умер Андрей Павлович Петров, измученный после операций. Как его жалко, как хорошо я его запомнил и в Гатчине, и в Москве, и в Париже! Теперь, когда в РАО, несомненно, начнутся новые интриги, мне хотелось бы остаться от них в стороне. Те сведения, которые постепенно просачиваются от Казенина, меня не радуют. Но почему он помалкивал об этом раньше?

16 февраля, четверг. Проснулся в четыре утра. Это обычно, когда возникает беспокойство: и смерть Петрова, и утренняя поездка в ГАИ. Но за ГАИ волноваться не стоило, все прошло четко и без трепки нервов. Я столько раз ругал эту контору, но, может быть, что-то меняется. Сонный капитан быстро во всем разобрался, оштрафовал на 200 рублей, я сбегал в сберкассу, и первый акт истории закончился.

Так как был рядом, заехал на работу. Висит объявление о последней сдаче ИДЦ — истории древних цивилизаций. Поговорил с Наташей Кутафиной о Кубе, туда съездил на каникулы ее сынишка. Я его помню, упитанный крепкий мальчик.

Днем дома готовил харчо, дозвонился до Распутина. Что-то наши мастера в РАО непонятное творят: дата авторского совета назначена неделю назад, в понедельник он должен состояться, а Распутина еще никто не предупредил, наверное, не хотят, значит у правления свои кадровые планы. Я опять вспомнил: когда на совете спрашивали, приглашен ли Антонов, ответ всегда был: конечно, и странно, что он не пришел. Здесь любимец один — Саша Клевицкий.

С опозданием после пожара в «Правде» пришла «Литературная газета». Здесь есть небольшой материал о только что вышедшей моей книге. Это, конечно, можно переписать, но зачем? А вот замечательную мысль из небольшой заметочки Славы Пьецуха я выпишу. Целая полоса газеты занята материалами, посвященными показу сериала по

солженицынскому «В круге первом». Отношение к нему не однозначно, дилемма все та же: родина и проблема предательства. Из нюансов — соображение, что политика, которая была близка героям, оказалась, с точки зрения истории, ошибочной. О художественной стороне сериала спорят меньше, но и она вызывает некоторые сомнения. Никакое произведение искусства невозможно разъять на живые части, вкоренившаяся неправда, как компьютерный вирус, разрушает постепенно все построение. Не пересказываю большую статью Сережи Казначеева, который практически повторяет то, что здесь же высказали С. Рыбас, Л. Васильева и В. Пьецух, может быть это связано с тем, что как бы ряд мыслей на поверхности у здраво и по-русски мыслящих людей. И вот среди всего этого замечательная, просто фантастическая фраза Пьецуха: «Актеров просто жалко: играть им там нечего. Потому что драматическое искусство — это прежде всего характеры, ситуация, движение. А проза довольно статична — это мысль, задрапированная разными художественными средствами». Меня просто мороз по коже продрал от этого высказывания. Как верно, выделяю здесь два слова: «мысль» и «задрапированная». Это опять к моей диссертации. Надо прожить жизнь и много думать о литературе, чтобы под конец жизни обнаружить, какая масса размышляющих о литературе писателей приходят к совершенно одинаковым выводам о ее технологии.

17 февраля, пятница. Практически ничего не читаю, кроме английского. Правда, утром в метро внимательно прочел серию рассказов Юргеневой. Как я и предполагал, очень непростая оказалась девочка. Сколько раз мои ученики за пять лет учебы меня разочаровывали, потом оказывалось, что все не так плохо, замечательными вырастали ребятами. Все как на горках. Я всегда знал, что надо держаться первого впечатления, с которым я их брал в институт, оно, в конечном счете, не подводит и выносит. Долго Юргенева казалась мне только очень вдумчивой и старательной девочкой, а вот за последний год сделала рывок и окончательно раскрылась. И свой стиль есть, и свое слово и вдруг нащупала даже свой пласт в жизни. Я в этом чтении получил еще какую-то подпитку, новое знание о сегодняшнем дне, о внутренней жизни молодежи. Она есть, и не слабее той, что была у нас, а может быть, и более цельная.

Утром в Москве отчаянный снегопад, машину не взял, да и ездить после аварии и еще одного происшествия, когда опять, правда, без видимых следов, толкнул чужую машину, я боюсь. Поехал на метро на «Октябрьское поле», в аптеку. В.С. наконец-то выписали какие-то препараты и выдают их по специальным

рецептам и только в одной аптеке в Москве. Из чувства справедливости не могу не отметить, что мы все клянем нашу медицину, а я посмотрел на этикетки восьми коробок с ампулами — каждая стоит по семь с лишним тысяч рублей.

На обратном пути зашел на работу, написал план семинара на вторую половину года и уехал на институтской машине в Переделкино заверять доверенность у Рощина. Миша выглядит хорошо, живет он на одном участке с Карякиным. В доме тепло, его жена Таня, которая так трогательно за ним ухаживала на том авторском совете, где он потерял сознание, напоила чаем. Хотелось посидеть еще и поговорить, но машину поставить было некуда из-за сугробов, и мы условились с Мишей-шофером, что ровно через полчаса он подъедет к воротам.

Вечером ходил в театр Гоголя на новый спектакль Яшина «Бешеные деньги». Уже около театра был народ, и я подумал, что связано это и с интересом к театру вообще, и с просыпающимся интересом к этому замечательному театру в частности. Спектакль очень хороший, смешной, гротесковый, с великолепно работающими актерами и всей постановочной частью. Во время спектакля долго размышлял о яшинском стиле. Много лет он как-то по-особенному ставит свои спектакли, с многочисленными отступлениями, с длинными мизансценами, с действующим фоном. Поначалу это было как-то вызывающе непривычно, почти коряво. Кстати, очень похоже на то, как многие годы настойчиво и решительно В.С. пробивала свою манеру письма в газете. И теперь вот пишет так, как не пишет никто, стиль ее меняется, но всегда остается ее собственным. Для художника такое счастье обрести свой стиль, обычно это дается не сразу. Особо надо сказать о прекрасном сплаве, о единстве оформления и внутреннего сюжета спектакля, недаром здесь работает жена — Елена Качелаева. Ее расписные занавеси и костюмы забыть будет трудно.

Может быть, это лучший спектакль Сергея Ивановича, и, как обычно у Яшина, череда снов и видений. Он начинается с каких-то шорохов и кружения теней, из которых вдруг звучит волшебное слово «миллион», мне даже послышалось актуальное когда-то «лимон». Я впервые услышал этот эвфемизм в Моссовете в начале перестройки от г-на Гончара, который этот «лимон» для института обещал, но, естественно, не дал. Это не забылось. Потом на сцене застучали костяшки канцелярских счетов. Я подумал, где это, интересно, театр раздобыл с полдюжины этого некогда популярного финансового инструмента.

Мы вот все говорим о репертуарном русском театре и таковыми считаем многие московские театры, а ведь их,

репертуарных-то, очень немного, потому что даже очень крупные театры, по сути, являются театрами антрепризы. Разве не таким или, по крайней мере, ненародным стал МХАТ Табакова? В них нет идеи и последовательности в расстановке материала, нет школы, лишь собрание звезд. Ходят смотреть на легенды телевидения и кино. Не забыть и яшинских актеров: Ивана Шибанова (Васильков) — внутренне наполненный рисунок, все кипит под жилетом. Ирину Выборнову (Чебоксарова) — невероятно острый гротеск, на уровне клоунады, Евгения Миллера (Телятев) — пафос прожигания жизни. Сколько дней еще будут стоять эти сцены у меня перед глазами. А совсем молодая Ирина Шейдулина с ее страстью к поглощению денег, это дочь не только того времени, это обнаженная стать сегодняшней красавицы: хочу быть или артисткой, или путаной.

Как все же умен, глубок и универсален Островский! Чехов со своим «Вишневым садом» уже шел за ним. Островский, безусловно, глубже, богаче и самобытнее. А как современен! «Из бюджета выйду!». Иногда кажется, что пьесы Островского в России существуют и живут какими-то циклами, становясь внезапно безумно актуальными, а потом опять уходят в спячку. Надо еще отметить, что, как мне показалось, «Бешеные деньги» — это ранняя пьеса, где Островский еще не накинул на себя ярмо саморедактуры. И это всегда урок писателю — быть ближе к собственной интуиции.

18 февраля, суббота. Ну, уж конечно, никакой дачи, весь день приходится строить под 60-летний юбилей Володи Бондаренко. Правда, и работы в Москве накопилось с избытком. Надо написать письма В.К. Харченко, Н.В. Матрошиловой, заняться дневником, подготовить кое-какие документы. Ставлю письмо в дневник потому, что довольно много говорю здесь о себе.

«*Нелегко оказалось мне, дорогая Нелли Васильевна, ответить на Ваше письмо, изжить его из своих внутренних долгов. Долги всегда требуют освобождения, совесть хочет снова войти в своё равновесие, тяжело, когда кто-нибудь тебя переигрывает, особенно на твоей собственной площадке, и предлагает свои правила игры. Относительно правил — вот что я имею в виду. Все мои попытки «скинуть» долг, быстро отписаться не оказались удачными. Я уже Ваше письмо и перепечатал на машинке, и перевел всё потом в компьютерный текст, и подчеркнул наиболее интересные и значительные для меня куски. Мысленно хотел всё взять штурмом, как иногда я делаю даже большие газетные статьи: набраться решимости и, надеясь на свой дар импровизатора, все отчаянно, одним духом, продиктовать. Не получилось, что-то мне*

мешало это сделать. Компьютер не спаситель при любых обстоятельствах для пишущего человека, недаром я уже где-то писал, что разные задачи требуют и различных инструментов для их выполнения. Есть тексты, которые я могу сделать только на пишущей машинке — нужен замах руки и удар пальцем, а вот теперь приходится скрести бумагу почти артефактом — авторучкой.

Письмо Ваше поразительное. Дело даже не в полузабытом обмене посланиями, оно удивительно и редкостно по существу. Без Вашего, правда, разрешения, за что нижайше прошу не судить строго, я показал его нескольким сведущим людям. Я не очень умею формулировать, а потом свои действия подчинять сформулированной задаче, я скорее поступаю в соответствии со своими какими-то внутренними мотивами, в старину сказали бы — «как подсказывает сердце». Что-то подсказало мне, что я давно не читал такого полного и искушенного литературоведения, о котором мечтает любой серьезный здравомыслящий писатель и для себя, и для своих коллег. Недавно у нас в Доме литераторов на бывшей улице Герцена прошло обсуждение моего романа. Было это в самые холодные дни в Москве, но народ собрался, и вдруг случилось то, чего давно уже не было в наших скучных писательских собраниях, — возникла некая особенная атмосфера. И меня перестало интересовать — хорошо или плохо говорят о романе, я как бы вплыл в реку с привычной плотностью и температурой, задышал своим, чистым, воздухом. Вы понимаете, куда я клоню? Показав своим отчаянным друзьям литературоведам письмо, я подумал — как хорошо было бы его напечатать (если, естественно, Вы сами не против), сделать фактом общественным. А уж что сокращать в нем, если только это делать надо, в чем я не уверен, — это решится позднее и, естественно, не без Вашего участия.

Что же вообще происходит у нас? Лучшую и самую толковую рецензию на свою самую первую повесть я получил от Корнея Ивановича Чуковского буквально накануне его смерти — он писал мне письмо между приступами, разными шариковыми ручками с разными чернилами. Лучшую рецензию на роман писателя, находящегося почти в трагическом возрасте Чуковского, теперь пишет женщина-философ и делает это на прекрасном литературоведческом уровне, адекватном тексту и намерениям автора. Я так пишу, совсем не боясь, что какой-нибудь легкокрылый мой недоброжелатель тут же постарается представить нас с Вами, Нелли Васильевна, в роли крыловских петуха и кукушки, пишу единственно для того, чтобы в который раз подчеркнуть немудреную мысль: писатели нуждаются в

непредвзятом и точном анализе того, что они делают. Впрочем, «легкокрылые» это прекрасно знают.

Только что вышел книжкой мой «Марбург», правда, вместе с совсем другим, по задачам и по письму, моим романом, «Хургада». Предисловие написал знаменитый литературовед Лев Аннинский — и что же, и что же?.. Ой, не нужно мне такой похвалы. Сейчас другой литературовед, она живет в прекрасном русском городе Белгороде, выпускает вторую книгу о писателе-москвиче. Еще начиная работать над первой, она говорила мне, что взялась за этого автора потому, что ни в одном другом — она языковед — не нашла таких возможностей для анализа сегодняшнего языка. И вот теперь, написав вторую, нелегкую, книгу, она ее заканчивает вот каким грустным пассажем:

«Своей монографией мы попытались «по горячим следам» отреагировать на произведения С.Н. Есина позднего периода творчества, условно названного вторым периодом. В целом ряде учебных пособий для высшей школы по курсу русской литературы второй половины XX века о Сергее Есине нет ни единого упоминания:

М.М. Голубков. Русская литература XX в.: После раскола: Учеб. пособие для вузов. — М.: Аспект Пресс, 2001. — 267с; Я.77. Лейдерман и М.Н. Липовецкий. Современная русская литература: 1950-1990-е годы: В двух томах. Т. 2. 1968–1990. — М.: Academia, 2003. — 687 с; В.А. Зайцев, А.П. Герасименко. История русской литературы второй половины XX века: Учебник. — М.: Высшая школа, 2004. — 455 с; М.А. Черняк. Современная русская литература: Учеб. пособие. — СПб., Москва: САГА: ФОРУМ, 2004. — 336 с; Русская литература XX века: Учеб. пособие для студентов педвузов: В 2 тт. Т.2. 1940 — 1990-е годы / Под ред. Л.Г. Кременцова. 3-е изд. — М.: Изд. центр «Академия», 2005. — 464 с.; Русская проза конца XX века: Учеб. пособие для студ. вузов / Под ред. Т.М. Колядич. — М: Изд. центр «Академия», 2006. — 424 с.

Любопытно: обычно составляют библиографию работ, в которых указан объект исследования, а мы привели антибиблиографию, но привели потому, что это — учебники, то есть официальные зеркала науки. Далее, учебники грифованные, то есть рекомендованные свыше. Учебники, достаточно внушительные по объему и по охвату. Наконец, учебники не старой закваски, когда анализировались только те писатели, творческий путь которых к моменту написания учебника был уже завершен, то есть, грубо говоря, умершие, которые не совершат уже ничего непредсказуемого. Не включение имени само по себе красноречиво».

Для чего я Вам это сообщаю? Это фон, на котором я получил Вашу весть. Теперь о Вашем письме. У меня нет методики и знаний, чтобы структурировать и заключить всё в некую формулу. Но с карандашом в руках, как хищник, выбирающий съедобное и заветное для его аппетита, я по письму прошелся. Здесь тема поворотов и ситуаций, на которые я обратил внимание. Это я называю «частым бреднем», так я делаю книжные маргиналии и работаю с текстами, когда-нибудь и что-нибудь пригодится. Подчеркиваешь порой не для того, чтобы запомнить, а чтобы душа продолжала работать, чтобы «гальванический» слой от соприкосновения с другими материалами нарастал: «запоздалые замыслы, актуальные вдохновения», «многочисленными, как любит Барбара», «вижу подробности убегающих движений» — и весь абзац, почти дублирующий мою ситуацию. «При многих несогласиях с Вами… политическими и личными пристрастиями», «это главное выражается просто и недосягаемо», «целые куски текста, скрепленные самым надежным стержнем…», «не превращение в самостоятельные реальности идеальных продуктов творчества» — это определенно и исконно мое, «совокупный «констант» продуктивной способности воображения,» «…в моем восприятии это самый, пожалуй, трогательный образ» — так оно и замысливалось. О герое — «он, конечно, сотворен Вашей целостной, синтезирующей фантазией». Лучше не скажешь, это не я, но от этого я и не откажусь. Но всем литведам всегда будет хотеться сказать: это только «он». А здесь «не он», ни он сам, ни его близкие. Хотя совершенно справедливо «в «Марбурге», как и в других работах, Вы сконцентрированы на самом себе и не отступаете от этого принципа». Кроме меня самого, у меня ничего нет, ни базового образования, ни иностранных языков, ни формальной, как проволока, логики. Далее: «Эта оценка верна, но только как описание факта, как упрек я её не принимаю…» Теперь, простите меня, но надо быть не только философом и тонким ученым, но и очень хорошим психологом, быть человеком самодостаточным и понимать, что не каждому дано «высекать», чтобы не «сломаться», на факте, не превратить его в упрек, чтобы принизить человека и заменить слово «письмо» словом «списывание». Спишите!

«И не честнее ли, не откровеннее ли по-кантовски…» Да, безусловно, но мы всё притворяемся, что есть литература по образцам, её нужно только реставрировать, и к ней чуть приращивать, и мы, как идиоты, создаем и ценим ее по привычным образцам. И про «эгоцентризм» Вы совершенно правы, без него и писателя-то нет, жаль, что пошел навстречу ему я слишком поздно.

Ну, да хватит, остальное пусть будет со мной, чтобы перечитывать и укрепляться в себе. Всего, что Вы написали, не перечислишь, и всё это, в разное время прочитанное, будет по-новому всплывать и подвергаться переосмыслению. Соображения на последних страницах Вашего письма тоже очень точны. Но всё упирается не в наличие или отсутствие искренности, а в стиль, который эти качества проявляет.

Что еще? Пишу новый роман, вернее он стоит, но рано или поздно будет закончен. Как всегда. Значит, просто еще не вызрела мысль. Как недавно написал Слава Пьецух, роман — это всегда мысль, которая лишь задрапирована (его слово) всякими литературными приемами.

С признательностью и восхищением

С.Есин».

19 февраля, воскресенье. В три часа пошел на юбилейный вечер Володи Бондаренко в ЦДЛ. На свое 60-летие он собрал целый зал народа и большое число выступающих из самого первого ряда. Все это, видимо, будет описано в его газете. Пока сведения интимного характера — за зал было заплачено 30 тысяч рублей, билеты продавались, и, по мнению Носкова, директора дома, затраченное должно было окупиться. Вечер, действительно, оказался неплохим. Как можно было предположить, вел Саша Проханов, несколько постаревший лицом, но по-прежнему поющий соловьем. Текучая ассоциативная образность ему нипочем, и он пел, может быть, как никогда. Я сидел рядом с Юрием Ивановичем Голубицким, с которым нам предстояло что-то вручать от имени Фонда Розова, и начальную часть мы проболтали, так же как и само выступление Володи, где он говорил о своем значении в русской литературе и своих книгах, скорость выпуска которых за последнее время так увеличилась.

Сначала в народно-лукавом духе выступил Володя Личутин, говорил на уровне зала, который состоял из протестной и очень немолодой публики. Потом говорил Лимонов, рассказывая, как в 2003 году нашел приют в доме Бондаренко. Это мужественный поступок. Валентин Сорокин зачитал адрес, кажется, он же рассказывал о чуть не состоявшемся аресте Бондарева. Вот уж кто был мужественным человеком. Потом, как всегда громким голосом, Сорокин прочитал свое стихотворение. В.Н. Ганичев подарил очень красивый и элегантный букет. За это я его, уже в фойе, похвалил. Он смутился, понимая некоторую здесь иронию. Выступила сестра Бондаренко, она поэтесса. Потом несколько прочувствованных слов сказал Леня Бородин. Нефедов читал стихи, в которых перечислены качества и достоинства многих писателей, и когда дошел до меня, то в рифму сказал: «Есина

читают все». Говорил Юрий Мамлеев. Его речь мне запомнилась, потому что было сказано о тайной ненависти к литературе. Замечательно, в духе вечера, говорил и пел Ножкин. Говорили Глазьев, Рогозин, Шаргунов, юный, привыкший уже точно формулировать. Кто же сказал: «Мне ближе Екатерина, которая прирастила к России Крым, нежели Хрущев, который Крым подарил»? Кажется, Глазунов. Рогозин чуть-чуть прокатился по Путину: «Президент, когда едет в бронированной машине, читает Ключевского, а в Кремле дела идут по-прежнему». Поляков отметил историческое мышление юбиляра в трудные дни: он, дескать, уже тогда привечал всю литературу. Для меня эта мысль была самой интересной, она как-то логично осветила всю деятельность Бондаренко, в искренности которой я порой сомневался. Потом говорил Распутин, тонко, умно иронично, прошелся по Володиному либерализму, подразумевая, конечно, некую его всеядность. Не перелили ли ему некой либеральной крови во время операций и болезней, если он Улицкую принялся считать за великую писательницу? Ну и я напоследок поговорил, кажется неплохо. Когда текст появится в «Днях литературы», перепечатаю.

Банкет состоялся, и очень неплохой, внизу, в ресторане. Меня посадили напротив В.Н. Ганичева. Я все время держу в голове, сколько же писателей участвовало в моем пролете в Общественную палату. И одновременно: слава Богу, что я туда не попал. Судя по Кучерене, заведение это довольно специфическое.

Какие Паша Слободкин устроил разговоры вокруг будущего авторского совета! Вот замечательная энергия и настоящий переговорщик.

20 февраля, понедельник. Неделя, кроме наступающей с субботы на воскресенье бессонницы, мне всегда несет еще какой-нибудь подарочек. Утром ходил к Ашоту, выяснять какие-то сложности с налоговой инспекцией. Что касается бюрократии, у нас все по-прежнему, и даже круче. Правда, и наша бухгалтерия трудится, не покладая рук, ошибки по зарплате у сотрудников просто алмазно сверкают. Здесь же районная инспекция хочет моего свидетельства, ибо, видимо, посланная с работы моя декларация о доходах до нее еще не дошла. Ашот сделал мне замечательный подарок — два листика сообщения из интернета. Оба посвящены истории выборов ректора и оценке произошедшего. Написавший заметку в «Труде» Неверов отмечает, что из всех шести претендентов БНТ обладал самым прочным литературным именем. Заканчивается заметка: «*Проблема в другом: Литературный институт не только храм творчества и науки, но и хозяйственный механизм. Для того*

чтобы управлять этим кораблем в бурном и опасном море, нужны особые качества — хозяйственника, политика, дипломата и т. д. Которыми, кстати, обладал предыдущий ректор, по общему признанию, немало сделавший для того, чтобы институт успешно держался». Дальше о проблемах износившегося Дома Герцена, которые теперь придется решать Тарасову.

Совсем другой характер имеет заметочка с «Народного радио». Кто у нас в институте связан с этим радио? То, что этот текст, его генезис, «завязывался» в Доме Герцена, у меня не вызывает ни малейшего сомнения. В свое время, когда одними из первых во флигеле, выходящем на Тверской, мы открыли, ныне благополучно закрытый, пункт по продаже валюты, с которого институт потом долгое время кормился, родными острословами, или с их слов, точно так же была состряпана в «Вечерней Москве» заметочка, название которой я помню до сих пор: «Менялы в храме словесности». Неймётся! Сегодняшняя, очень опасная для жизни института, инвектива тоже сооружена не без помощи жрецов словесного храма. Дело совсем не в том, что корреспондентка Марина Тимонина показала и свою несостоятельность, и незнание материала, и ангажированность. Бог с ним, с Есиным, который, оказывается, не диктатор, как писали всегда, а создатель других приоритетов. *«В институте царила демократическая атмосфера, которая всегда является лучшим прикрытием, как для авторитарного правления, так и для любой неразберихи».* С такой характеристикой можно смело вступать и в Пен-клуб и в «Апрель». На непросвещенной совести валькирии пусть останется не обидное слово «беллетрист». *«Литературный институт имени Горького — прославленный творческий вуз страны. Здесь учились и преподавали прославленные отечественные поэты и писатели. Однако за последние 13 лет институт, возглавляемый беллетристом Сергеем Есиным, во многом утратил свои позиции».* Радио ли не утратило свои позиции, государство не утратило свои позиции, Абрамович ли не разбогател, литературные руководители не разбазарили все «авуары» писательского Союза и литература, не опустились ли ниже плинтуса? Я уже не говорю, что Литинститут единственная бывшая собственность бывшего Союза писателей, которая не уплыла в чужие руки, на которой никто не нагрел кармана. *«За последние годы из-за амбициозной линии своего руководства институт лишился своих лучших преподавателей, потерял индивидуальность и полностью утратил статус одного из ведущих творческих вузов страны. Главное, он потерял свое отличие».* Об отличии очень хорошо написал в своей предвыборной статье Лисунов, это касается «педагогического направления», которое

ему так близко по кафедре. Ни об одном вузе страны так много последние десять лет не писали. Что касается ведущих преподавателей, то я мог бы снова, привести список этих «потерь», дополнив тот, что был уже в моем январском дневнике в ответ на предвыборное письмо анонима, еще именами Владимира Амлинского, Вячеслава Шугаева, Владимира Еременко, Валентина Сидорова, которых увела из института смерть, а не «амбициозное руководство». Лукавые «неточности» можно было бы и простить очень слабой, с чужих слов пишущей журналистке. Опаснее другое.

Уже несколько лет большие специалисты по управлению писателями и писательским имуществом постоянно говорят о необходимости пересмотреть принадлежность Литинситута, точнее его зданий, участков и прочего. Пусть снова Литинститут, а лучше его собственность, снова станет писательской. Все эти пустобрехи забыли, что в свое время, в 1992 году, Союз писателей в лице своих руководителей сказал: «Денег на зарплату больше давать не будем. Ищите их сами». Вот с позиции этих сведений посмотрим следующую фразу резвой журналистки. *«Сейчас будущее Литературного института находится под угрозой. Есин еще в начале своего ректорства совершил принципиальную ошибку, когда вывел институт из системы Союза писателей, проигнорировав альтернативные варианты развития и жизни института в новых условиях. Сегодня институт принадлежит системе Министерства образования. А между тем и сам Минвуз, являясь в настоящее время проблемной и противоречивой структурой, в последние годы вел непродуманную политику реформирования системы высшего образования»*. Под угрозой находится вся культура. Министра образования недаром засвистывают в Кремле на Рождественских чтениях и студенчество обстреливает куриными яйцами. Ну что, входим опять в систему Союза писателей, который уже десять лет продает, перепродает и дерется за Дом Ростовых, потерял Литфонд СССР с огромной собственностью, приватизирует Переделкино, потерял все дома творчества в Прибалтике? Ура, вперед, быстро! Боюсь, что закончатся эти игры плохо. Но русский человек, он таков — ему бы выкрикнуть. Громко и бессмысленно кудахчут престарелые курицы из храма словесности!

И последнее. Материал на радио вышел в феврале. Это реакция на прошедшие «не так, как хотелось» выборы в литинституте и косвенное недоброжелательство по отношению к С.П., занимающемуся международными делами. И опять все те же, неграмотность, неосведомленность и жажда передела собственности. «*Литературный институт был выстроен на деньги*

Союза писателей СССР. Все в нем было организовано от и до — от зарплат и стипендий до функционирования самой системы. Но несколько лет назад этот институт начал тихо погибать. Это выгодно тем, кто формирует команды студентов-зарубежников. Туда поступают деньги, валюта, там идет отдельная жизнь и даже выделяется отдельная зарплата для преподавательского состава». Если бы «сведующие» люди знали, что никаких специальных денег нет, если бы знали, что все это те ж институтские деньги, заработанные уроками, организацией разных курсов, заработанные преподавателями, которые обучают иностранцев. Все это очень показательно в смысле извращенности видения современного завистливого обывателя, полагающего себя интеллигентом.

Весь день провел в институте, занимался бумагами, статьями о Софии Роме и прочими рабочими разностями. Как мне уже надоели чужие дела!

Вечером был на юбилее газеты «Труд». Все происходило в круглом зале гостиницы «Ренессанс». После церемонии назначения героями «Труда» Антонова, Распутина и других объявили о смене редактора. А.С.Потапов, которому исполнилось семьдесят, уступает свой пост Симонову, долгое время делавшему блестящий «Деловой вторник». Встретил много хороших и малознакомых людей, в том числе Марка Розовского. «Новый мир», оказывается, печатает в седьмом номере его огромный материал о ситуации вокруг постановки «Истории лошади». Здесь много неясного с увлекательным перетеканием авторства режиссуры в сторону знаменитого мэтра Товстоногова. Я помню еще самодеятельный спектакль Розовского в доме Медицинских работников с теми же мизансценами. Ах, уж эти кумиры на излете славы! Самое интересное это разговор с Русланом Киреевым — меня покоряет его светлый литературный романтизм в таком возрасте.

Вечером рассказал В.С. о заметке на «Народном радио» о новом витке завистливой борьбы со мною. На это она ответила: «Народное радио» это несерьезно, никто из порядочных людей его не слушает.

21 февраля, вторник. Совершенно выдохся, «организуя» вестник для РАО и одновременно устраивая презентацию для Софии Ромы. Все требует времени и невероятных усилий, которые отдаляют меня от личной работы. Те пертурбации, которые сейчас происходят в РАО, делёж власти, неизбежный после смерти Андрея Павловича Петрова, тоже выбивают из колеи.

Днем состоялся семинар по рассказам Александры Юргеневой. Я все меньше и меньше работаю непосредственно со

словами, но именно из моих общих рассуждений и разговоров каждый раз возле того или иного рассказа возникает атмосфера, в которой и начинает дозревать сознание. Сегодня я сумел сформулировать главное в работе Александры, а оно в очень простом — в родившейся потребности не только «рисовать», но еще и думать. Второе: у нее исчезло стремление усложнять стилистику текста, которое всегда появляется, если не решена художественная задача изложения, теперь мысль и способ ее изложения сливаются.

В три часа — совет по наградам, который как обычно вел Леонид Николаевич Надиров. Сложность заключалась в том, что надо было протащить через совет, а потом администрацию президента довольно много артистов Малого театра, у которого круглый юбилей. Вот тут и стало понятно, как разнятся творчество и чиновничество. Последним подавай все по форме: «новые» роли, общий репертуар. Они не знают, как сложно год за годом держать репертуар. Они не понимают, что капельдинер, прослуживший в театре пятьдесят лет, и «одевальщица», помнящая в каком порядке надо вешать ордена на военный мундир середины Х1Х века, оба заслуживают награды. Соломин мучительно, по порции, проталкивает артистов — чтобы сразу не было так много «своих» награжденных. Своих у него нет, он понимает величественность этой даты, так же важной, как день взятия Бастилии или Октябрьской революции. Тут же возникают какие-то препоны у визирующего московского правительства, вернее важного и все знающего чиновника. Меня берет оторопь от милостивых отписок начальников. Большому артисту вроде бы делают одолжение. Ему грозят пальчиком: не слишком! В связи с этим я вспомнил огромный список новых орденоносцев, заслуженных и народных артистов, когда отмечали 125-летие Большого театра. Малый театр такое же уникальное и единичное явление, как и Большой, как Третьяковка, как Ленинка. Но у современного чиновничества свой образцовый порядок!

В разговоре Юрий Мефодьевич рассказал, что именно с моей подачи на экспертном совете дали звание заслуженного артиста молодому Подгородинскому. Я уже довольно давно видел парнишку в роли Чацкого, запомнил.

22 февраля, среда. Утром, уже после того как я сходил в фитнес-центр, среда у меня день здоровья, принесли «Литературку» с огромной статьей о 75-летнем юбилее Ф.Ф. Кузнецова. Здесь же моя маленькая заметочка о смерти А.П. Петрова, и еще некролог Евгения Самойлова. В каком-то смысле в «Литературке» работают молодцы, газета становится и вестником искусства, и печальным вестником. Они делают то, чего всерьез и

из-за малого своего авторитета, и по небрежности не делает совсем пропавшая с общественного горизонта «Культура».

«Я всегда радовался, как выглядит этот человек: крепкий, жилистый, проницательный. Он никогда не казался небожителем, но был им. Когда я впервые увидел Андрея Павловича Петрова и с ним познакомился, он уже был окутан тайнами своего мифа. Его мелодии никогда не казались придуманными, изобретенными. Будто они сами спустились с неба, или он от кого-то их там услышал. С той, для меня самой первой, из фильма «Путь к причалу». Как за человеком особой породы я наблюдал за ним в Москве, Гатчине и Париже, где довелось встретиться на книжной ярмарке. Сидя с Андреем Павловичем за одним столом в Российском авторском обществе, я всегда ощущал, что сижу не по калибру, его музыку знала вся страна. Позже, на неделе Гатчинских кинофестивалей, мы вместе ежедневно смотрели фильмы, потому что оба были членами жюри. И даже вместе обедали. Какой был собеседник, крупный, умный, тактичный! Андрей Павлович никогда не отказывался за обедом от рюмки. Держал ее крепко и пил не раздумывая. Но так же крепко и много лет он держал в руках целый ленинградский Союз композиторов. Во время бурь в Российском авторском обществе его слово часто было решающим. Большой и народный талант никогда не живет в мелком человеке. Он ушел, многое, наверное, не доделав. Везде и со всеми он был одинаково сердечен и вежлив, как король. Умер король музыки, мы стоим, сняв шляпы, и продолжаем слышать его живую и всегда нужную музыку.

Сергей Есин».

Среда еще и день студенческих защит. Кроме формальной стороны, для меня это не только некий зондаж студенческих вкусов, пристрастий, преподавательских возможностей, но и мастер-класс, который каждый раз дает нам всем Андрей Михайлович Турков. Как не ошибся покойный Женя Велтистов, еще в моей молодости назвавший его лучшим критиком нашего времени. Но первых, как известно, всегда очень много, а вот вторых — раз, два и обчелся. У Туркова есть поразительное свойство: невероятное чутье на настоящее и доходящая до патологии объективность. Каждый раз меня удивительным образом радует, что в собственных оценках я почти обязательно совпадаю с мэтром. Жить в литературе можно, только постоянно набирая квалификацию. На этот раз мы вместе определили, что семь выпускников — в основном, это детский семинар Р. Сефа и А. Торопцева — очень сильны, но на диплом с отличием, как последний раз Георгиевская, не дотягивает никто. При закрытом уже обсуждении Светлана Викторовна попыталась было

вспомнить, что Канатьева шла на красный диплом, но этот аргумент, слава Богу, нашли несущественным в данном случае.

Как мне надоели эти чистенькие девочки-отличницы с рациональными и холодными, как крысиные хвосты, текстами! Надо как можно дальше держаться от пединститута с его приоритетом точных знаний, у нас и по оценкам вуз должен прежде всего быть творческим. Тут главный критерий. У меня сильно меняется психология: это как ректор я должен был сохранять некий баланс и корректность отношений, понимая определенную временную несбалансированность общих задач, теперь меня в первую очередь интересует творческий результат.

На защите дважды повторился казус словесного недержания. Иван Иванович Карабутенко, рецензент Лены Калининой и Тани Давыдовой, оттолкнувшись по какому-то импульсу от названия Каляевский переулок, вдруг прочел целую лекцию о бандитах-революционерах, о большевиках и революциях вообще. Какая удивительная преданность монархической идее у преподавателя, окончившего институт при советской власти и при ней же начавшего там преподавать! Припомнил, естественно, и великого князя Сергея Михайловича, убиенного героем переулка. Всю речь обильно пронизали французские имена и сравнения в виде положительных примеров. Вторая лекция была о скунсах, которые где-то фигурировали в переводах. Ну, здесь есть хотя бы некий методологически справедливый нюанс: детской литературе, может быть, и пора менять свои приоритеты в выборе персонажей, меньше крокодилов, слоников, обезьянок, скунсов и прочего, двадцать первый век населяют и другие персонажи. Интересной была реакция Туркова — он привел цитату из Набокова, где признанный классик и человек, которого трудно заподозрить в симпатиях к революционному большевизму, описывает, как во время февральских событий полицейские, словно воробьев, снимали с деревьев выстрелами глазеющих на происходящее мальчишек. Занятную байку поведал Роман Сеф в ответ на водопад французской эрудиции рецензента. Как-то в молодости он познакомил Эрнста Неизвестного с маститым антрепренером Солом Юроком, и тот, выслушав желание начинающего скульптора приобщиться к мировой культуре, сняв очки в золотой оправе, только и сказал: «Почему бы и нет, вы ведь такой же еврей, как и я».

Несколько опоздал на Клуб Рыжкова, посвященный Дню защитника отечества. Я уже не только привык к Клубу, но и полюбил его. Гвоздем программы был Владимир Константинович Трошин. Под его песни и попели и потанцевали. Меня в тот же день наградили орденом Сергия Радонежского. Это, по

представлению митрополита Егорьевского, благословил меня Патриарх. В своей речи я несколько слов сказал о незабвенном письме в «Новом мире», где властям доносилось, что Есин в своих произведениях протаскивает идею Бога. Сейчас эта идея обернулась очень дорогой для меня наградой.

23 февраля, четверг. Утром по телевидению снова трагическое сообщение: рухнул еще один рынок, где-то в районе Басманной улицы, под его сводами остались люди, многие погибли. Все тот же знаменитый архитектор Нодар Канчели, специалист по бетонным перекрытиям. Здесь и выпавший ночью снег, и разбалансированность служб надзора, безоглядная эксплуатация строений, вобщем хищническая жизнь. Опять никто не будет виноват, а человеческие смерти спишут за взятки на обстоятельства. У пострадавших и у родственниках потерпевших почти сплошь лица восточных национальностей. К чувству скорби примешивается некое подлое злорадство: так вам и надо, и властям, и приезжим! — за которое тут же становится стыдно. Пожары и обрушения одного за другим рынков начинают казаться странными. И все те же фигуры властьимущих, будто стремящиеся лишний раз отсветиться на людском несчастье: мэр в нелепой, почти опереточной, каске, вечно молодой и всегда готовый спасать Шойгу в модной куртке, прокурор Москвы, старательно читающий речь по бумажке…

Вечером, после целого дня за компьютером — приводил в порядок дневник, что-то читал, — наконец-то вышел на улицу. С утра температура за окном была возле нуля, и падал снег. Теперь он смирно лежит на деревьях, крышах машин, на тротуарах. Автомобили осторожно пробирались по мостовой, прохожим было трудно идти. В девять вчера начался праздничный салют. Казалось бы, от метро можно бы видеть букеты огней в небе, но оно было затянуто низкими тучами, на них мерцали лишь слабые отсветы. А как все было красиво в снежной белизне, в тишине и безлюдье! Направился к университету, обошел его, протаптывая в снегу тропинку, вернулся домой.

Еще по дороге, а круг я совершал от Ломоносовского проспекта, вышел к новому зданию фундаментальной библиотеки. Оказалось, что здесь под проспектом пробит широкий и красивый туннель. А когда вышел с другой, университетской, стороны снова на поверхность, понял, что не ясный мне архитектурный сюжет замкнулся: положение памятника Ломоносову, который всегда был обращен спиной к входу в клубную часть, обрело смысл: ученый гений России теперь смотрит на храм книги. Так все красиво и нарядно, все-таки в этом мире происходит что-то еще, кроме пожаров и

обрушений, сколько же хорошего и нового видел я за свои немалые годы.

24 февраля, пятница. Сборы: большой чемодан, бумаги, рукописи, компьютер. Постирал и высушил носки; очистил от снега машину. Доехал до института, где оставил все бумаги, в том числе, и мое представление на премию «Большая книга», которое сочинял целое утро. Там пересел в казенную машину, вместе с Максимом двинулись на вокзал и около полуночи уже были в Гатчине.

А как чудно, под стук колес, попивали поездной чай, бесконечно разговаривая. Ехали огромной компанией: актеры, режиссеры, люди со смутно знакомыми и узнаваемыми лицами, из наших — Саша Сегень, Володя Костров, Толя Королев, Сережа Шаргунов, институтские мальчишки. Такая раскованная свобода, которую я не чувствовал уже много лет.

В Гатчине крутились часов до двух, смотрели олимпийский хоккей, который мы продули шведам или канадцам, чего-то пили, разговаривал с Авдеевым и Сашей Соловьевым, которые добрались из Москвы на машине. До четырех не мог заснуть, в голове ни одной мысли, читал английскую книгу.

25 февраля, суббота. Чувство беспокойства, рожденное бессонницей, не разрядилось и к вечеру. Борюсь со своей обидчивостью и заносчивыми фантазиями: отсюда более строгое отношение к друзьям и близким. Не люблю этого в себе и отношу за счет возраста, уменьшения мужской силы, непривлекательности старости. Понимаю, что надо бы забиться в угол и здесь создать свою атмосферу. Но так трудно сидеть в углу.

В 4.30 состоялась пресс-конференция. Я попытался представить интересных людей, занятых в жюри, и вольных писателей. Жюри в этом году такое, что им можно похвастаться: Вадим Биберган, писавший музыку к фильмам Ильи Авербаха и к последнему, по Солженицыну, фильму Панфилова; Саша Велединский, режиссер «Русское», по Э. Лимонову; молодой Егор Анашкин, тоже лауреат, его мордаха на фоне монстров выглядела очень занятно; Кирилл Разлогов, слон русского киноведения; Маша Соловьева, кинооператор с невероятно точным глазом; Лева Аннинский, чье лицо известно по ТВ всей стране. Я пытался возбудить у журналистов интерес к Александру Сегеню, Анатолию Королеву, Владимиру Кострову, к Максиму Лаврентьеву. Я говорил о Сереже Шаргунове и Саше Демахине. Вопросов не было, журналист интересуется только минутным. Может быть, в будущем… Но кого здесь винить, не знаю: ни пресса, ни пресс-конференция не были готовы.

Потом всё разрешилось большим хозяйственным выступлением Генриетты Карповны.

Очень средне прошло открытие. Нового ничего здесь придумано не было, впрочем, как и во многом другом.

26 февраля, воскресенье. Наконец-то выспался: вчера Сережа Соколов, наш новенький, приехавший из Москвы вместе с Юрой Авдеевым на огромной машине, дал мне таблетку снотворного, и я замечательно до половины десятого проспал.

Как-то все уладилось с моим расставанием с должностью ректора: утром простенько объявили: «Председатель жюри — писатель, заслуженный деятель искусств…» Так фестиваль и покатился. К счастью, сейчас программы показа разделились: Сережа Шаргунов, с моей подачи, смотрит сверстников — ВГИК и молодежь. Здесь же Новиков, ректор ВГИКа, как всегда в сером пиджаке и унылый.

Утром первый просмотр: фильм Лили Вьюгиной «Большая медведица», о жене Эдуарда Лимонова покойной Наталье Медведевой. Я ее при жизни не видел и не слышал. Уже до начала просмотра почувствовал: картину упорно лоббируют. Не касаясь содержания фильма, который, по существу, больше принадлежит к телепередачам, сразу можно сказать, что Наталья, как материал для возведения в звезды, первоклассна. Это и стало для меня главным открытием. В кадрах людей много и одним махом: Лимонов, врач-нарколог Троицкий, ее последний спутник — гитарист Сергей по кличке Боров. Вьюгина все отобрала и объединила, но всё это после смерти. Понятно? Смерть — хорошее художественно-интегрирующее начало. Может быть, искусство вообще паразитирует на смерти, к мертвому телу слетелись стервятники.

Я буду долго думать о затронутых в картине проблемах искусства и об атмосфере вокруг него. Неудобный была Медведева человеком. Эта многоходовка, не раз повторенная в фильме. Как же не приняла ее московская музыкальная тусовка! И даже сиятельная, на миг, покровительница Пугачева в какой-то момент бросила: «не нянька я ей!». После рождественского концерта, на который Пугачева ее и пригласила, стало ясно, что двум вершинам — хотя другой еще и не было, и потребовалось бы землетрясение, чтобы Везувий поднялся над островом — рядом не ужиться. Но Везувий, даже на тектонической почве, состояться не смог. С другой стороны, героиня в 17 лет уезжает, оставив мать в Ленинграде, с мужем-американцем за границу. Не близко мне всё это, нет здесь русского, чтобы так просто расстаться — пусть простят мне громкое слово — с Родиной. Не наградил ее Бог и состраданием к ближнему.

После обеда — салат, суп с фрикадельками жареная семга, — показали документально— познавательный фильм «Казак» Исрафила Сафарова. Кино здесь нет и в помине, но чувства весьма благородны. Это фильм о писателе Федоре Крюкове. Литературной общественности Крюков известен через признание его Солженицыным в качестве автора «Тихого Дона». Это лежит в подтексте, хотя именно с Солженицына фильм и начинается. И с опроса «случайных» прохожих. Естественно, никто из них о Крюкове и слыхом не слыхивал. В финальных кадрах опять опрос, и одна из девушек проронила: вроде, говорят, Крюков написал «Тихий Дон». Автор, с плохо скрываемым злорадством, чужими устами озвучил то, чего не решится сегодня повторить ни один мало-мальски приличный эксперт: не Шолохов автор. Фильм скучный, назидательный. Правда, есть интересные документальные кадры революционных годов — председатель РВС Троцкий в черной коже, как настоящий байкер. Здесь же мнение, что с казаками надо поступать как со свиньями.

Почему именно сейчас восстал этот миф о «стремени «Тихого Дона»? Не так уж много печатался Крюков при жизни, чтобы быть широко известным, однако, его наверняка читали на родине, на Дону. Я уверен, что и Солженицын, и Шолохов с произведениями этого писателя были знакомы и оба что-то «региональное» у него взяли. Такие мысли приходили в голову во время просмотра.

Потом пошел фильм Егора Кончаловского «Побег» с Евгением Мироновым. Блокбастер как блокбастер, увлекательный, сентиментальный, с предсказуемыми ходами. Я иногда угадывал что-то вплоть до реплики. Страсть Кончаловского — современная, богатая, как по рельсам катящаяся, жизнь. Интерьеры, мебель, предметы быта — Кончаловский видел то, чего не видел и никогда не увижу я. Очень неплох Миронов, но, поглядев картину, я подумал о своеобразии русской школы актерской игры и о восприятии всего русского этим актером. При всех особенностях Миронов для нас не только князь Мышкин и Нержин, но еще и всегда Женя Миронов. В окончательное перевоплощение вплоть до ухода «туда» мы не очень верим.

Леня с Юрой Авдеевым и Сашей Соловьевым еще днем уехали в Ленинград. Мне они все интересны как представители новой жизни. В машину втиснулся и задружившийся с ними Егор Анашкин, а я мстительно отпустил его с просмотра. Никто из них не увидит «Вокальные параллели» Рустама Хамдамова. Я шел на фильм с предубеждением, но оно рассеялось силой обаяния искусства Рустама. Я даже остался на пресс-конференцию.

В фильме несколько престарелых певиц, народных артисток СССР. Под свои старые фонограммы эти неопрятные древние

старухи показаны в иных, не всегда привычных, обстоятельствах. Сопрано часто встречающийся голос, а меццо-сопрано — редкий. Одно сопрано в театре ненавидит другое. Здесь много присловий и много цитат из самих знаменитых фильмов. Сам сюжет, конечно, не обошелся без феллиниевского «Вот идет пароход». На пресс-конференции я спросил у режиссера о счастье цитирования и о названии фильма. Оказывается, книги Лаури Вольпи «Вокальные параллели» он не читал. У Хамдамова, как и у меня, любовь к Дорониной и те же отношения к происходящему в стране. И после окончания фильма, и на конференции, и когда Хамдамов входил, ему устраивали овацию. По ТВ объявили цифру жертв на Басманном рынке — более 60-ти. Перечислили погибших там мусульманских священнослужителей, из москвичей лишь одна бабушка, пришедшая с утра на рынок. Вторая для меня новость — развод бывшего полпреда по Южному федеральному округу Казанцева. Супруги, по суду, делят акции мясокомбината. Акции раньше были записаны на дочь. Ну что ж, где административный багаж — там и богатство.

27 февраля, понедельник. Слава Богу, перестал пользоваться машиной, в кинотеатр и обратно ежедневно хожу пешком. Часть дороги проходит через дворцовый парк. Каждый раз восхищаюсь планировкой, дубами, поднимающимися возле прудов. Всё в свежем снегу. Когда в самом начале идешь по дороге, и проезжает машина, ощущаешь едкий запах сгоревших выхлопных газов. В Москве, где весь воздух состоит из копоти, этого запаха уже не чувствуешь.

Утром шел фильм Валерия Балаяна «Александр Аскольдов». В фильме, к сожалению, переложено монологов, с заинтересованной публикой говорят сам Аскольдов, Р. Быков, Ал. Герман, Эрист Неизвестный, который о многом судит со своего нью-йоркского «высока»: «Какой-нибудь нженеришка или маленький гуманитарий, пьяным голосом читающий стихи Есенина, думает, что он интеллектуал». Когда теперь вижу Эрнста, всегда вспоминаю рассказ Романа Сефа, закончившийся словами «вы такой же еврей, как и я». В некоторых акцентах фильма, немедленно отодвинувшего «Большую Медведицу», я вижу определенную, как знает и сам постановщик, беспроигрышную фестивальную тенденцию. Аскольдов как тип мне нравится, особенно его речь во время фестиваля в дискуссионном клубе. Из нового: оказывается, Аскольдов когда-то работал помощником у Е.А.Фурцевой. Этот специфический административный баланс и деловая хватка режиссера многое проясняет в его характере. Леня Павлючик резонно спросил: а где же итоги последних двадцати лет его жизни? Аскольдов —

режиссер одной картины: может быть, если художника не подпитывает трагизм национального чувства, картины и не получаются?

После обеда показали неудачный фильм Огородникова «Красное небо, черныи снег». Кажется, фильм смонтирован из семи или восьми частей сериала, отсюда и неудача. Я думаю, главное здесь — слабая литература: первые годы войны, уральский тыловой металлургический завод, молодые парни еще до армии, их быт. Ощущение виденного ранее и искусственное усложнение эпизодов, попытка сделать «как у Пруста», хотя повода к этому нет. Судьбы героев — их много — не очень прочерчены, всё как бы в тумане. Есть очень интересная линия еврейской семьи — мама военный хирург, сын работяга. Когда сын уходит на фронт, он надевает папину хасидскую шляпу — здесь есть болезненный перебор в символах. Попробуй об этом скажи, сразу прослывешь антисемитом. Тем не менее, самыми выразительными в картине стали эпизоды с некой сумасшедшей девочкой, которую играет актриса из театра Додина. Я очень всерьез думаю отдать ей приз «за лучшую женскую роль».

Все очень накинулись на фильм Ланского «Голова классика». Сюжет известен — пропажа черепа Гоголя, будто бы в свое время попавшего в коллекцию Бахрушина. Действие проходит параллельно через ранние десятилетия советской власти. Здесь, как мне кажется, есть определенный условный ход, кстати, понятный зрителю. Зал сидел мертво. Для меня фильм интересен, но через жюри я ничего ему не пробью.

Вечером по ТВ сообщили: в 2002 году мужская смертность превышала женскую в два раза. Теперь — вчетверо.

28 февраля, вторник. Может быть, эта дурная черта — видеть во всем некий символический смысл. Жизнь просто идет неизвестно куда, а мы уже сами придаем значение отдельным её эпизодам. Какая-то несвобода сознания: живуодним дневником. Сейчас, вместо книг и чтения, смотрю еще фильмы. Скорее всего, я просто подбираюсь к следующей, «мужской» главе романа, тасую материалы. Ловля символов — это попутно, наряду с медленным сбором материала. Для этого сижу до ночи с Леней и его друзьями — Юрой Авдеевым и Сашей. Каждый раз завидую чужой жизни, не прикованной за ногу цепью к письменному столу.

Под утро, в половине пятого, раздался стук в дверь: горим! Будил один из актеров Полоки, игравший когда-то в культовом фильме «Республика Шкид». Выскочил из номера, действительно и коридор, и лестница в дыму, но скоро понял по специфике запаха, что это не пожар, а сгоревшая пища. Пошел на кухню — в

духовке дотлевает чья-то оставленная с вечера еда в сковородке. Выключил электроплиту, открыл окно, лёг спать. В десятом часу, возвращаясь с завтрака, увидел монтера, возящегося возле кухни под пожарным датчиком. «Ночью поступил сигнал о задымлении, вот смотрю, что здесь случилось». Самое интересное, что пожарный сигнал персонал гостиницы обнаружил только утром. Я хорошо помню, что ночью, во время «пожара», когда из комнат все повысыпали, никто из персонала тревогой не обеспокоился и на этаже не появился. Вспомнилась трагедия в недавно сгоревшем Владивостокском банке. Я тоже живу на седьмом этаже.

Самое значительное, что смотрели вчера — фильм Никиты Воронова «Москва-Батум». Очень непростой и крепко сделанный фильм о Булгакове. Считается, еще и об отношении со Сталиным. Но фильм — прежде всего о немыслимом честолюбии Булгакова, о его странном положении среди московской интеллигенции. Всех сажали, а он ходил в американское посольство. Здесь и Елена Сергеевна, и ее сестра, прямо и тесно связанная с ГПУ. Потом, уже дома, мы перемусоливали «физиономию интеллигенции» в этом фильме. Леня углядел еще один факт, тоже не отвергающий любовь: через месяц после смерти Булгакова Елена Сергеевна будто бы была близка с Фадеевым. Ох, этот Фадеев! Здесь у меня сразу возникли мысли еще и о Степановой и Эрдмане. Как прежде по какому-то поводу о Клюеве и Яр-Кравченко при разговоре об издании писем «художника и портретиста эпохи».

Вчера был еще огромный неигровой фильм «Валерий Гаврилин: весело на душе». Я здесь вижу некий новый способ показа музыки, повод на её фоне сказать о Рубцове и русских писателях, а мне в ответ Егор Анашкин: «собрание пейзажей». Но какова наша родина, как величественна и печальна! Какова сама прекрасная и значительная музыка Гаврилина! Однако, при всей мощи, красоте, величественности и энтузиазме, это не поднимает сегодняшнее русское самосознание. Многие ли из слушателей консерваторий видят здесь красоту? Мы по этому поводу долго спорили с Егором, он все-таки и умней, и моложе, и, думаю, во многом прав: есть еще в фильме красота и движение профессии.

Под конец показали фильм Юры Полякова «Парижская любовь Кости Гуманькова». Это тот же, почти самодеятельный, режиссер из Сибири, Константин Одетов, который и снимает по Полякову, и сам играет. Нормальный, не фестивальный и смешной, фильм: советские туристы за рубежом. Как ни странно, по одному параметру совпал с моим «Гувернером».

Вечером долго и интересно разговаривали с Максимом Лаврентьевым. Максим говорил о большой поэзии: поэта

определяет масштаб таланта и широта охвата им жизни.

1 марта

1 марта, среда. В конце дня уже распределили все призы. Самое главное, сумел убедить всех в жюри о необходимости отдать специальный приз Рустаму Хамдамову. Днем стало ясно, что, как я и предполагал, лучший фильм фестиваля это «Не хлебом единым» Говорухина. К сожалению, мои надежды на фильм И.Масленникова «Волки и овцы» не оправдались. Очень много статичного, даже Демидова играет не выше своих возможностей. Утром смотрели довольно слабый и какой-то куцый фильм о Луговском, потом довольно большой документальный фильм о Георгии Иванове, где автор почему-то счел необходимым сообщить нам о том, как «два Жоржика» водили к себе на квартиру солдат и матросов, прикрываясь, чтобы «не вышло скандала», дядиной генеральской шинелью, которую демонстративно вешали красной подкладкой наружу. А где знаменитый критик русской литературы, а где сам замечательный поэт? Все это утонуло в мелких подробностях.

Спорили за ужином в «Гаккель-хаусе», это рядом с кинотеатром. Когда-то здесь было общежитие для пэтэушников, сейчас гостиница и ресторан господина Гаккеля, вроде бы одного из спонсоров фестиваля. Г.К. жалуется на его отчаянную прижимистость. Споры вокруг фильма Огородникова с его вторичной стилистикой, вытекающей из работ Германа, вокруг приза за мужскую и женскую роли, вокруг фильма Никиты Воронова и фильма об Аскольдове. Даже спорили о фильме, сделанном по музыке Гаврилина. Но все было достойно и без остервенения.

Все закончилось так поздно, что уже ничего не делал, а сразу лег спать.

2 марта, четверг. Утром шли пешком с Максимом от гостиницы к кинотеатру, говорили о его стихах. Я рассказывал о своем романе и постепенно в разных предроманных рефлексиях формулировал третью главу. Некие картиночки, например сидящий в будке охранника Вася, наблюдающий за жизнью института по монитору, уже замерещились в моем сознании. Видится и списочек «теневых персонажей». Может быть, их сделать в виде популярных животных?

По дороге зашли в книжный магазин на центральной улице. От его ассортимента берет оторопь, а где же приобретает книги интеллигенция? Неужели и она читает эту же массовую пестроту? А может быть, действительно, интеллигенции уже ничего не требуется, кроме телевидения? В магазине купил в подарок

Максиму, которому только что исполнился 31 год, две книги: огромный иллюстрированный энциклопедический словарь и такой же пухлый литературный. Ему, кажется, это понравилось, а мне понравилось, что я не зажмотился.

В полдень посмотрели тридцатиминутный фильмик Елены Раздорской об Андерсене «Сказка его жизни». Я хорошо помню ее прежний документальный фильм о Чапаеве. Здесь острота по-другому. На пресс-конференции позже Раздорская сказала, что сделала романтический фильм о том, как могла бы сложиться судьба сказочника и каким он кажется нам, его читателям, через столетия. На самом же деле он был ужасным человеком, удивительно некрасивым, тщеславным, сексуально очень темным, она даже произнесла слово «ориентация». А получилось… что, собственно, получилось? А то, как хочет видеть мое воображение: как Андерсен изображен на той фигурке королевского фарфора, которую я купил в антикварном магазине в Дании? Здесь очень большую роль сыграл прекрасный молодой актер Сережа Карякин. Не только чудо как хорош, но и чудо как точен, как сдержан, как внутренне наполнен. Здесь поневоле вспомнишь его учителя Авангарда Николаевича Леонтьева, школа! Говорят, что Эльдар Рязанов делает фильм о «настоящем», со сложностями характера, Андерсене. Но премии и призы все были уже распределены, пришлось что-то выпрашивать у безответной Генриетты Карповны.

В ее кабинете мы, кстати, уточняли формулировки. Здесь очень помогли Кирилл Разлогов и Леня Павлючик, оба склонные, как оказалось, к коллективной работе. Дело прошлое, надо несколько слов сказать о жюри, с которым мне в этом году работать было легко. Я немедленно находил творческий контакт и с Машей Соловьевой, и с Александром Велединским, и с Вадимом Бибирганом, и с Кириллом Разлоговым. Всем, как говорится, спасибо. Особое спасибо Вадиму Бибиргану, человеку и дотошному, и ответственному, и, главное, очень непредвзятому. Мне это особенно приятно писать, потому что сопротивлялся, когда мне его предлагали: дескать, фамилия замысловатая, не знаю, как будет себя вести.

После обеда ездил с Сергеем Павловым к нему в магазин, находящийся по другую сторону железной дороги и дворца. Сережа особый тип русского провинциального деятеля-бизнесмена. Где родился — там и пригодился. У него сеть магазинов радиоаппаратуры, но это не акула: в магазинах еще и маленькие музеи старинной звуковой и радиотехники — патефоны, приемники, телевизоры с линзами, древние телефоны. Несколько дней назад он возил меня и Леню Колпакова на

кладбище к могиле Соколова-Микитова. Если не будут на могилы к писателям ходить писатели, тем самым придавая значение этим святым камням и крестам, то кто же будет ходить, кто будет помнить? Дорожка была протоптана, но памятник весь в глубоком снегу.

Сегодня Сережа решил показать нам другой магазин. Здесь все не так просто. Магазин находится в одном крыле бывшего детского сада. Видимо, в начале «перестройки», когда государство бросило заниматься такой чушью, как детские сады и пионерские дома, он со своим компаньоном, несмотря на протестные демонстрации окрестных жителей, здание выкупил. Теперь на десять лет он отдал тысячу квадратных метров в безвозмездную аренду какому-то дому детского творчества, все в нем отремонтировал, ходят теперь туда окрестные дети. Зарплату преподавателям, правда, платит город. Но в том же здании огромный магазин и в подвале замечательно оборудован фитнес-центр. Какая парилка, какие тренажеры, как подобные вещи меняют весь уклад жизни города! Сеанс стоит до двухсот рублей. Это в подвале. Наверху, я поинтересовался, преподаватели получают около шести тысяч в месяц, восемь получают только те, кто вырабатывает сверхурочные. Но ведь и, как прежде, жить уже не было мочи!

Днем был на пресс-конференции Говорухина.

3 марта, пятница. Уже и ждать перестал, но поздно вечером пришел-таки Егор Анашкин, хорошо и долго говорили о кино и о его планах. Посмотрел по телеку «Шофера для Веры» младшего Чухрая. Если говорить по существу, фильм меня сильно завлек. Шофер крупного военного начальника, живущего где-то на южных окраинах страны, у моря, влюбляется в хромую дочь своего принципала. Как естественно: красивая, но ущербная девочка ищет любви. Он — красивый мужественный толковый парень хочет сделать военную карьеру. То ли любовь, то ли расчет. Начало, как кинематографический ход, прекрасное, но тут же потихонечку начала вползать в ткань фильма неправда. Постепенно она стала сюжетообразующей. Появилась кагебэшная линия, пьянка «золотой молодежи» на катере адмирала. В то время в таких формах это было невозможно. Но все сделано довольно искусно, и ложь хорошо сплетается с бытовой правдой деталей. Дальше совсем чернуха про светскую власть и КГБ — убийство генерала. Сделано это исключительно для того, чтобы дальше двигать сюжет в привлекательных для кассы картинках. И Павел Чухрай, конечно, понимает, что все это фестивальная ложь, и знает это, конечно, его отец, матерый киносновидец Григорий Чухрай, так замечательно сказавший о войне. Интеллигенция, как

всегда, сознательно врет и реконструирует историю, зарабатывая себе почет и масло на хлеб. Обидно, что эту ложь поколение, которое все берет только с экрана, воспринимает как действительно прошлую жизнь. Так мы некогда в одном цвете воспринимали жизнь царской России, а она была очень разной.

В двенадцать состоялась пресс-конференция жюри. Я, как говорят, развешивал интеллектуальные кружева. Кое-что сумел озвучить из моих мыслей об Аскольдове, о русской классике. Потом я почти повторил это и в своем заключительном слове вечером. Но это уже было в другом зале, с другим народом. На первом ряду сидели не только знаменитые кинематографисты, но и административное начальство, даже вице-губернатор. Кстати, хотя говорил я и не коротко, зал сидел не шелохнувшись, а казалось бы, внимать ему притопам и прихлопам. Очень был рад, что все-таки отдельно выделили Рустама Хамдамова, он для многих художник не вполне привычный, но это не умаляет его значения для искусства. Говорил о фильмах Валерия Балаяна и Никиты Воронова. В том числе и достаточно свободно процитировал так возмутившую меня инвективу Эрнста Неизвестного. Но зачем излагать то, что сказано. Все улетучивается, даже прямые тексты.

Такая у меня возрастная грусть, такое ощущение неприкаянной невозвратности жизни!

Практически закрытие фестиваля — это заслуженный триумф Говорухина. У его фильма не только «Гранатовый браслет» — гран-при, но и еще и приз для Вити Сухорукова за лучшую мужскую роль и приз за лучшую операторскую работу. Вручая награду мэтру, Маша воспользовалась моим наблюдением, что зрители этого черно-белого фильма как-то быстро забыли, что он не цветной. Говорухину вручили еще и 60 губернаторских тысяч. И вот что значит широкий и вполне определенный человек — он на сцене же передал пакет с деньгами в фонд городской библиотеки: купите хороших книг.

Самое интересное — это реакция двух «обделенных» на нашем фестивале художников. Я сидел в автобусе, который отвозил нас к поезду, рядом с Сашей Демахиным и слушал, как возмущался Валера Ланской. Самое главное, что его фильм «Голова классика» не такой уж, как многим показалось, простой, и я практически был единственным его защитником в жюри. А мой приятель Саша Соколов был от него просто в восторге, особенно ему нравилось, как мать с героини содрала трусы, уж «с голой-то жопой она на улицу не пойдет». А на улице-то ее поджидала судьба в виде обаятельнейшего Дмитрия Ульянова, о котором я заводил разговор: не дать ли ему «за лучшую

мужскую», ведь столь любимый мною Сухоруков уже шел у нас «на главную». Все эти мелкие соображения, конечно, всплыли в сознании, когда я слушал, как старательно Валера пыхтит, стараясь вовлечь меня в спор. Здесь еще и промашка нашей отборочной комиссии, принявшей художественный фильм без литературного обеспечения.

В автобусе сидели и супруги Раздорские, которых я помню еще по фильму о Чапаеве. Сейчас они сделали фильм об Андерсене с Сережей Карякиным. И этот фильм мне понравился, Карякин играл с редкой и благородной чистотой, но призов мало. Здесь тоже было недовольство. Потом по телефону мне Г.К. передала точку зрения Игоря Масленникова: ноги его больше на фестивале не будет. Но о его фильме с россыпью звезд первой величины я писал.

Саша Демахин, очень возмущавшийся этой ситуацией, потому что все видел, в паузе попытался напомнить мне себя, как абитуриента. Тогда он подошел ко мне в нашем скверике и сказал, что поступает сразу в два вуза и в РГГУ у него все хорошо, а вот писателем себя не чувствует, поэтому не знает, как быть… Будто бы я ответил ему фразой, которая решила его выбор: дескать, я, Саша, тоже себя писателем не чувствую, а просто пишу романы.

4 марта, суббота. Ехал в одном купе с Егором Анашкиным. Он рассказывал мне о сценариях, которые у него в работе, говорил об очень интересной пьесе Петра Гладилина «Мотылек» в театре П.Фоменко.

Утром проснулся невыспавшимся; встретил меня Паша, которому я припас бутылку коньяку. Уже дома, сделав кое-какие прозвоны, расстроился от обнаруженной неискренности хитреца Егора. Линией своего поведения он мне напомнил своего таинственного приятеля Сашу Волоховского. Впрочем, кого-то интересует линия поведения, а кого-то результаты. Осенью Саша приезжал к нам в институт на красивой, спортивного вида, зарубежной машине канареечного цвета. Сейчас вместе со своей женой занимается созданием каких-то маек занимательного дизайна. Видимо, ребята из одного теста. Саша снимал раньше девушек для портфолио, но, кажется, на этом и остановился. То, что он снимал для института, было формально и средне.

Чего-то я все время забываю записать. Прочел к семинару работу Ильи Черныха. Думаю. Если о первых результатах: то с расстановкой слов Илья вырулил, даже предлагает новую форму, теперь если бы отдельные куски его рассказов заблестели… Надежда Васильевна прислала мне еще и целую папку к коллегии министерства, завтра начну с этим разбираться.

5 марта, воскресенье. Еще с вечера стал придумывать, как опишу сегодняшний день. Главным событием должен был стать балет Шостаковича «Светлый ручей». Я никогда раньше его не видел и не помню музыки к нему. Имело значение, что сегодня Большой театр, грубо выражаясь, сменил ориентацию: острая современная форма даже для старой оперы, авангардистский балет, почти иной язык.

Я должен был забрать по дороге Инну Люциановну Вишневскую. Как назло, снег шел всю ночь, и Москву загромоздили сугробы и снегоуборочные машины. С трудом на своем комфортабельном вездеходе — ах, Елена Всеволодовна, разве мы вспоминаем вас только во время сегопадов, когда рассекаем ледяное пространство на своей «Ниве-Шевроле» — прорвался я к Плющихе, и Инна Люциановна, запорхнув ко мне в машину, сказала: двадцать лет я говорила студентам о порочности этого балета и музыки, а вот теперь наступило время и посмотреть. Кстати, эту культурную экскурсию в совершенно недоступный нам Большой организовал ее бывший ученик Саша Колесников. Но как не следует заранее предвосхищать сюжеты! Когда я подъехал к ее дому, то уже знал, что никакого спектакля мне сегодня не смотреть.

На повороте с набережной к Бородинскому мосту позвонил на мобильник С.П. — утром внезапно умерла его жена Валя. Довез И.Л. до театра оперетты, откуда два шага до Большого, и поехал домой. Через два часа я уже был в Видном. Она умерла в подъезде дома, возвращаясь из больницы. Так жалко мальчика, который остался без матери, так жалко бедной Валентины. Я смотрел ее фотографии, конечно, вес у нее был чуть великоват для еще не старой женщины. Вспоминал, как совсем недавно все мы сидели в ресторане «Украина» после того как они с С.П. расписались. Само Видное, в котором я не был уже лет семь-восемь, сильно разрослось. Человеческая жизнь по своим темпам не успевает за жизнью техники, обстоятельств и вещей. Смерть Валентины это, как я понимаю, какой-то новый порог и для меня. Я знаю, теперь мне долго жить с этим ощущением печали и предвидением финала.

Не посмотрев нового балета в Большом театре, я зато по телевидению увидел восстановленную и оцвеченную пленку «Пламени Парижа» Глиэра. Титров не видел, но, кажется, танцевали Лепешинская и Корень. Это было в народном стиле, почти все на пальцах, но как, оказывается, здорово, сильно и как немыслимо эмоционально. Возможно, это называлось драмбалетом, но спектакль произвел на меня сильное впечатление.

6 марта, понедельник. Впервые не пошел на коллегию в Минкульт: нет транспорта. Если бы я был свободен от других дел — в четыре должна состояться конференция по книге Софии Ромы, — то черт с ним, прекрасно бы доехал и на метро. Но после коллегии надо срочно возвращаться в институт, при этом не потеряв сил. На своей машине ехать туда бессмысленно, я не сумею в тамошней сутолоке поставить ее и опять затрачу слишком много времени. Что касается институтского транспорта, который положен мне по договору, как всем ректорам, проработавшим в этой должности свыше десяти лет, то благодаря странной организации дел проректором Владимиром Ефимовичем у нас сейчас на четыре машины два шофера, вобщем, мне колес не нашлось. Объектом мелкой мстительности этого замечательного человека, о некоторых грехах коего не пишу, я станавлюсь чуть ли не каждый день. Это при том, что я же его брал на работу и не уволил за аварию на нашей крыше, когда рухнул потолок. Какие бы деньжищи пришлось платить, если бы я сам не полез на крышу, если бы не четкий расчет В.В. Буштакова. Когда я ездил в прошлый раз на экспертный совет, уже тогда машина не смогла час меня подождать, потому что вечером, после трех, Ефимович куда-то отправлялся сам. При встрече меня в субботу, было высказано неудовольствие и сомнения. Будто бы это не литинститутский фестиваль, и не литинститутский профессор возглавляет на нем жюри, и не этот профессор каждый раз, не требуя от института денег, возит в Гатчину, как минимум, трех преподавателей и еще трех студентов. На коллегию я не попал, но зато получил моральное право уже и не биться в этом самом министерстве за институтские дела, особенно хозяйственные. Написал, а знаю, все по-прежнему буду делать.

В четыре часа началась презентация. Наши преподаватели, конечно, остались верны себе. Заболел действительно Костров, но не приехали ни Николаева, ни Рейн, ни Тиматков, ни Оля Нечаева, не было даже одного из главных героев презентации, Сережи Арутюнова. Как быстро народ, и молодой, и старый, принял к игре правила сегодняшнего дня. Тем не менее, все прошло, на мой взгляд, удачно. Приехал Андрей Василевский, который, оказывается, надежен, как танк Т-34, прилетела Людмила Артемовна и даже что-то очень мило и бесстрашно прощебетала. Из звезд был актер Андрей Харитонов, тот, который когда-то играл «Овода», приехали ребята из «Независимой», уже непьющий Женя Лесин и таковой же Саша Воскресенский, значит, их волновало что-то другое, а не только, так сказать, хлеб-соль. Были Максим Замшев и Ваня Голубничий, блистал ростом, красотой и своей недавней статьей в «Литературке» Максим

Лавреньтьев. Я очень рад, что приехали Юрий Иванович Минералов и Александр Сергеевич Зимин — оба Соню хорошо знают, оба были в Нью-Йорке, где принимали у нее экзамены. Много ли мне надо, все мое давнее раздражение сразу исчезло. Юрия Ивановича, человека ранимого, я посадил в президиум. Прибыла и группа поддержки: Юра Авдеев, Саша Соловьев и Егор Анашкин, которого я соединил с Соней, может быть они как кинематографисты будут нужны друг другу. Довольно много народа было и из университета Туро, в том числе и Женя, который занимался всем хозяйством. Вести пришлось мне, и, естественно, как человек лояльный, я начал с ректора, который был научным консультантом у Сони. Его я предупредил о презентации и заранее, и накануне, но БНТ ответил, что у него назначена другая встреча.

Изюминкой стало чтение стихов Андреем Харитоновым. Он выполнил мой завет и пришел в «повседневно-парадной» одежде: в черном пиджаке и кожаных байкерских штанах. Делал он все так же образцово, как вел закрытие в Гатчине, ни одного элемента халтуры, все тексты у него были распечатаны с книги и уложены в специальную папочку. Но я тоже был на высоте, сразу же подошел к Жене и попросил с артистом рассчитаться.

7 марта, вторник. Я поймал себя на том, что опять с удовольствием хожу на работу. У нас на кафедре так хорошо и душевно, пьем чай, разговариваем, иногда случается и кое-что интересное. К 12 часам пришел Никита Иванович Воронов, автор фильма «Москва — Батум». Вручил ему при Н.В. деньги и даже заставил пересчитать. Вообще-то я знал, что делал, меня очень интересовали в первую очередь подробности жизни М.А. Булгакова и его отношений со Сталиным и вся история его великой жены Елены Сергеевны.

По мнению Н.И.В., Сталин и Булгаков когда-то лично встречались, документов об этом нет, но именно поэтому и такая опека Булгакова, и такая настойчивость его в письмах к генсеку. Ничего неожиданного для меня не было в том, что Ольга Бокшанская, секретарь Станиславского, и Елена Сергеевна оказались родными сестрами. В сцене перепечатки пьесы в «Театральном романе» есть, значит, уже давно замеченный мною ранее и вызывавший не очень сформулированные вопросы комплимент свояченице, а я-то думал, что вот нашлась в театре хоть одна душа, которую пощадил классик. Пожалуй, не удивила меня даже и немецкая фамилия отца — Нюренберг, мать была русской. От этой смеси такой шарм. Осталось неясным, как две сестры, переехавшие в Москву из Риги завоевывать жизнь, так быстро оказались вхожими в дома новой советской знати. Одна —

замужем за Шиловским, крупным военачальником, вторая рядышком с кумиром интеллигенции. Здесь надо знать этнический состав верхушки ГПУ и НКВД. Нет, вернее пока не найдено, ни одного документа, свидетельствующего о связи Е.С. с НКВД, но, по словам Н.И.В., десятки людей полагают, что она работала на органы и именно по их указанию ушла от Шиловского к Булгакову. Была ли здесь любовь? Думаю, была, но рядом со служебным долгом. Существует даже два параллельных дневника, которые велись ею во время болезни М.А. В одном были обычные сведения, а другой, карандашом, походил на донесение: кто был, когда, какая у больного температура и пр. Я не склонен осуждать женщину за короткую память о покойном муже. Человеческая природа так сложна, так многоёмка, что некоторая, с точки зрения обывателя, свобода поведения может сопрягаться с самыми глубокими чувствами. Но хороша сцена, когда во время эвакуации на вокзале у поезда появляется Елена Сергеевна, а за нею, сгибаясь под тяжестью двух чемоданов, Александр Александрович Фадеев. В руках у Елены Сергеевны термосок с дольками лимона, пересыпанными сахаром. Потом в эвакуации у нее появляется вполне официальный любовник — поэт Луговской, она живет рядом с Ахматовой. И опять чужое наблюдение: Елена Сергеевна «купалась в роскоши», что для женщины вполне, наверное, уместно, душилась иностранными духами, носила заграничные туалеты. Но с кончиной Булгакова денежный поток вдруг прекратился. Не получила ли Е.С. за ненадобностью, за смертью поднадзорного, официальную отставку? Сняли с довольствия.

К сожалению, пришлось разговор быстро сворачивать, в час тридцать у меня семинар. Обсуждали очень сложный текст Ильи Черныха. Большинство его сложностей, «его открытий», на самом деле известых уже очень давно, меня не вдохновило, так же как и наших ребят. Но одно бесспорно: в ячейках модернистского повествования есть отрывки, которые говорят об основном — проблем со словом и стилем у Ильи больше нет, а все остальное, при его напряженном стремлении думать, возможно, появится. Кстати, в тексте есть несколько прекрасных абзацев с описанием будничной работы технического переводчика, может быть здесь зародыш его дипломной работы.

Из-за праздника пришлось перенести защиту дипломов со среды на вторник. Как и прошлый раз, «отличие» не получили так называемые наши школьные лидеры и корифеи. Не вполне я уверен в надменно ведущем себя Одиссее Шаблахове.

8 марта, среда. Как удивительно иногда бывает: совершенно случайно открыл книгу — вернее, она упала с полки, которая

возле моего «спального» дивана — писателя и журналиста Михаила Новикова, погибшего в автокатастрофе. Я знал его жесткость хорошо оплачиваемого журналиста и зависть неудавшегося, по сути, писателя, продавшего свой талант за образ жизни. У нас с ним были особые счеты. Так вот в авторском предисловии 1990 года уже было некое предуведомление о собственной судьбе: «Понятием *факторы риска* в медицине обозначают то, что увеличивает износ организма, повышает вероятность его разрушения, например, курение или вождение автомобиля». Уже в этой потрясшей меня фразе и мои догадки об этом человека, и объяснение его смерти и поступков, в том числе и столкновения со мною. Эта библиотечная книга много лет лежала на полке и вот — внезапно — попала мне на глаза.

Утром, после двух недель перерыва, ходил в фитнес-центр, занимался полтора часа, и чувствую, что жизнь опять возвращается. Удастся ли это совмещать с начавшимся постом, работой и общественной деятельностью.

Вчера отправил печатать реферат, а сегодня договорился с Г.Д. Гачевым об отзыве. Во время разговора, когда я начал спрашивать у него, что он будет читать, саму диссертацию или монографию, которая практически повторяет диссертацию, умница и настоящий литературовед Гачев сказал: лучше всего книгу, в которой, конечно, заключено все. Устную речь очень трудно превращать в письменную, чего-то не прибавляя. Здесь пауза и междометие иногда стоят целого абзаца. Мысль Гачева была такой: все импульсы и все истоки заключены именно в книге. Все так и есть. Во «Власти слова» и истоки и материал, все остальное, включая монографию, лишь производное.

Каждый праздник в Москве обязательно что-нибудь случается. В День защитника отечества обрушился Басманный рынок. Международный женский день ознаменован пожаром в главном административно-учебном корпусе МГУ, где размещаются ректорат и соответствующие службы. Все это я впечатываю несколько позже из соответствующей справки Рособразования. Учебные помещения составляли около 30 процентов площади здания. В результате пожара строение выгорело изнутри на площади более 15 тыс. кв. м. и частично обрушилось. Дальше в этой справке шла литература: о деревянных перекрытиях, о старом здании и о необходимости личного контроля руководителей образовательных учреждений за деятельностью должностных лиц, ответственных и т. д.

9 марта, четверг. Несмотря на то что, казалось бы, могу каждый день и не быть на работе, все же езжу ежедневно. Утром выговорил Мише Стояновскому по поводу слухов, которые

разносит Мария Валерьевна. Меня удивило, какое количество идей несет с собою эта молодая дама, как же я раньше этого не усмотрел? Теперь, задним числом, стало видно, что и отказ в ее докторской защите в Институте русского языка был не случаен. Мне все время передают что-нибудь новенькое. То она кого-то просит пойти к БНТ и сказать, что именно ее он должен назначить проректором по науке. То рассказывает, что в министерстве интересуются, каким образом С.П. купил себе в старом панельном доме однокомнатную квартиру. Я понимаю, что все это лишь болезненная фантазия женщины, которой хочется самоутвердиться, повысить, во что бы то ни стало, свой статус. Мишу предупредил: если так будет продолжаться, я озвучу слухи на ученом совете.

Сегодня у меня состоялся семинар со студентами Приставкина. Он тяжело болен и, кажется, находится в больнице, если, конечно, опять не какое-нибудь командировочное лукавство. Естественно, его жалко, естественно, мне бы лучше заниматься своими делами… Решил вести семинар совершенно по-новому, в виде доверительной беседы, как бы собрав студентов в кружок.

Надо отдать должное заочникам, они много пишут, значительно больше, чем наши очные студенты. К сожалению, девочке, которую мы разбирали, не очень удалась психология. Но вот стилизация, сказки, иронические эссе у нее получаются превосходно. Теперь до следующего четверга.

Сегодня же к восьми пойду в театр ДОК на спектакль к Лене Морозовой. Но до того принялся читать работы, присланные на конкурс. В этом году я набираю новый курс. Решил одновременно вести маленький дневничок этой работы. Назовем его «Призыв этого года».

Спектакль Лены меня, пожалуй, разочаровал. Это вроде бы какая-то документальная пьеса о дочери олигарха, проститутке и больной СПИДом. Все, естественно, в одном лице. Режиссура тоже Лены, и она ее подвела. Но больше всего подвела Лену драматургия. Здесь много крика, невнятицы и только два ясных эпизода. Последний эпизод, когда она общается со зрителем, просто превосходен.

10 марта, пятница. Утром написал три очень удачные страницы в роман, но потом что-то занервничал, заговорился с В.С., не сохранил, и все написанное размагнитилось. Думал, сойду с ума от досады, накричал на В.С., в чем потом каялся, а по дороге на работу чуть не врезался в «мерседес». Все обошлось, привычная В.С. не обиделась, а шофер «мерседеса» побибикал и покрутил пальцем возле виска.

День был боевой. Еще утром договорились с С.П., что он привезет от Трегубовой заверенный список рассылки, и к тому времени, когда Алла, моя лаборантка с кафедры, доставит из типографии отпечатанный реферат, мы уже надпишем все конверты. Так оно и получилось. Диссертация дело дорогое. Три тысячи рублей печатанье реферата и пятьсот — отсылка на почте. Почта с того времени, как я последний раз на нее заходил, не изменилась. По-прежнему каждое отправление, несмотря на, наверное, сдельный характер работы, девушки с почты рассматривают, как враждебную против себя акцию.

Вечером заходил на семинар к Галине Ивановне Седых. Шел туда с определенной робостью, мне казалось, что в этом огромном семинаре навести порядок просто невозможно. Все оказалось совершенно по-другому. Галя придумала и организовала замечательный порядок. На каждую подборку стихов у нее до восьми оппонентов. Ребята пишут и читают удивительно занятные рецензии. Каждый, естественно, не очень-то задумывается над разбираемыми стихами, главное блеснуть самому. Особо интересная рецензия встречается аплодисментами.

В этот раз обсуждали стихи Ашота Манасяна. Он немножко рассказал о себе, о том, как жил в Баку. «У нас не принято было спрашивать: какой ты национальности? А если уж какой приезжий интересовался, отвечали: бакинец». Потом парень не прижился в Армении, был на Украине, уже девять лет, как у него российское гражданство. Кажется, он по специальности или навыкам ветеринар. С одной стороны, еще один работник в Россию, с другой — вот так размывается наше этническое большинство. (К изложенному: пришел домой, а по телевизору Порашутинская ведет дискуссию о многоженстве. Дескать, мусульмане просят, а их обижать нельзя.) Стихи Ашота очень не сделанные, но в них есть отдельные сильные и страстные элементы. Так на раскопках, на разрушенных фресках вдруг выступают отдельные элементы: кусочек руки, завиток волос, кончик уха. Все его ругали, забыв о страсти и напоре в его неудачных виршах. И вот после того, как человек десять в подготовленных и изысканных, будто сговорились, рецензиях его отстегали, слово взял я. Ведь и стихи можно читать и осмысливать отдельные выражения по-разному. Вот это я и сделал. «Хлынул дождь. В нем слеза растворится, умрет». «Свет угасает и, кажется, небо стало гранитной плитой». Очень ведь неплохо. Я так же научился читать стихи с выражением, словно Олеся Николаева. Мне довольно живо похлопали. Для меня всегда принципиальным бывает и справедливость, и защита слабейшего.

11 марта, суббота. Утром — если не бедность, то сокращенный достаток всегда диктует свои правила — поехал вместе с Виктором на рынок в Теплый стан. В.С., которая от своих товарищей по болезни знает все городские новости, мне об этом рынке говорила тысячу раз. По дороге заехали за С.П… Теперь, после смерти его жены Вали, он должен еще и заботиться о сыне. Значит, продукты ему тоже нужны. Он основной эксперт по ценам, потому что давно уже этим рынком пользуется. Витя сидит в машине и охраняет. Цены действительно много ниже, чем у нас на сравнительно дешевом рынке возле Университета. Особенно низкая цена на овощи, мясо и рыбу. Овощной рынок сплошь азербайджанский. Торгуют обычно русские женщины, а рядом стоит молодой хищный айзер. Здесь не надо особенно гнаться за дешевизной, но взял полтора килограмма чуть подпорченного перца для супа, а вот когда по смешной цене, 10 рублей кг, брал подмерзшие мандарины, то разговорчивый пожилой азербайджанец подложил одинаковые по цвету совсем мороженые и гнилые. Мне в голову опять пришла старая аналогия: эти милые южане ездят к нам, как в джунгли, — охота на лохов.

Вечером ходил на новый спектакль в театр им. Ермоловой по пьесе Питера Устинова «Фотофиниш». Звонил сам Андреев и просил обязательно посмотреть. Если говорить, забегая вперед, то, возможно, это тот знаковый момент, когда театр прорвал какой-то барьер и в этом зале, наконец-то, ну хотя бы на этом спектакле будет зритель. Таких, в принципе, осталось мало. Но как глубок и отважен, по сравнению с телевидением, театр.

Пьеса замечательная, но я смотрел ее с неослабевающим волнением еще и потому, что, мне казалось, она про меня. Старый, восьмидесятилетний писатель пишет роман-автобиографию, и тут же появляется он сам в возрасте 60, потом 40, потом 20 лет. Между этими людьми и их возлюбленными и женам идет диалог. Так все увлекательно, так ансамблево и плотно играют актеры. Что редко бывает в современном театре, аплодисментами спектакль прерывался раз десять. Об Андрееве говорить особенно не приходится — он играл и свою грусть, и свой мудрый и печальный возраст. Все это было очень здорово. Господи, как богато и печально иногда начинает протекать жизнь. Что касается меня самого, то эта без волнений два последних месяца жизнь уже повлияла на меня. Несмотря на мои походы в спортзал, я отчаянно и быстро набираю в весе.

Сегодня хоронили Кириллу Романовну Фальк, нашу преподавательницу французского языка. Замечательный была человек, самостоятельный, гордый. Никогда ничего не просила, даже отвезти ее домой на машине, хотя еле ходила. Успеху наших

француженок-переводчиц мы в основном обязаны ей. Была она еще внучкой Станиславского и дочерью Фалька. Чего-то я суетился, забыл и не съездил попрощаться, теперь мучаюсь.

12 марта, воскресенье. Утром ходил в баню. После, в предбаннике смотрел телевизор. Руководитель федерального агентства по культуре в желтом свитерке и джинсах, с подвернутыми манжетами, приплясывал на какой-то песне Сюткина. Рядом на клавишных, подпевая, тоже дергался какой-то седой человек. Эта страсть старых или стареющих людей с животиками и сединами подпевать молодежи вызывает некоторую брезгливость.

В тюрьме умер Милошевич. Приходят слухи, что его отравили. По крайней мере, на лечение в Москву, как он просил, не отправили. Его гибель, на совести и нашего правительства. Если бы его защищали так же активно, как в свое время П. Бородина вызволяли из американской тюрьмы, то этот отважный и острый человек наверняка остался бы жив.

13 марта, понедельник. Девятый день, как умерла Валя Толкачева. Утром звонил С.П. и дал мне четкое указание: сегодня на машине никуда не выезжать. Думал о Вале и о том, что пост — это еще и постоянный диалог с собственной душой. Пусть даже голод к этому двигает. Я, конечно, не голодаю, но мяса не ем.

Весь день дома с вылазками: в аптеку — кажется, оксис, который все время кто-нибудь присылает мне из-за границы, можно купить и в Москве, правда, по цене в два раза выше, чем в Марбурге; отнес для передачи С.П. реферат, список рассылки и четыре головки чеснока, еще осенью привезенного Витей; ездил в высотный дом на Ленинский к чете Комаровых, чтобы передать посылку Барбаре с кассетами нескольких фильмов по русской классике, моим романом, который ей посвящен, и… рецептом на оксис.

Прочел рассказ Ани Казаченко «Вор». Замечательно написано и по теме, и по манере. Правда, в глубине запрятана точная сконструированность — это как бы перевертыш «Преступления и наказания». Молодой человек крадет деньги, а потом, под влиянием девушки, отказывается от своей добычи. Все это очень по-русски: совесть. О точных и даже талантливо выписанных мотивировках и деталях не говорю. За всем чувствуется еще и влияние Леши Упатова, Аня его подружка.

И как все плотно ложится одно к другому. Еще не взяв утром в руки рассказа, почти по наитию снял с полки сборник Ф.Достоевского «Человек есть тайна…» с предисловием БНТ. Именно из предисловия вытащил цитату, которая, неожиданно для меня, станет фигурировать на завтрашнем обсуждении.

«Деньгами вы, например, настроите школ, но учителей сейчас не наделаете. Учитель — это штука тонкая; народный, национальный учитель вырабатывается веками, держится преданиями, бесчисленным опытом. Но, положим, наделаете деньгами не только учителей, но даже, наконец, и ученых; и что же? — все-таки людей не наделаете. Что в том, что он ученый, коли дела не смыслит? Педагогии он, например, выучится и будет с кафедры сам отлично преподавать педагогию, а все-таки педагогом не сделается. Люди, люди — это самое главное. Люди дороже даже денег… Человек идеи и науки самостоятельной, человек самостоятельно деловой образуется лишь долгою самостоятельною жизнью нации, вековым многострадальным трудом ее — одним словом, образуется всею историческою жизнью страны»

А потом уже другой круг совпадений. Под руку мне, утром же, благо сплю на диване, который придвинут к стеллажам, попалась и книга Г.Д. Гачева «Ментальности народов мира». И здесь опять обжег один точный и согласованный с моими личными убеждениями пассаж. Но кто бы мог подумать, что вечером, когда я возвращался от Комарова, раздастся по мобильному звонок именно от Г.Д. Гачева. Он читает посланные ему мои книги. По крайней мере, уже сказал, что мои личные соображения по психологии творчества он находит очень интересными.

Но вот его мысли. Это уже из его дневника, который он вел во время командировки в Америку, где читал в самом начале перестройки лекции. Здесь и дух времени, и его динамика. Здесь уже не просто констатация «той» Грузии, но и предчувствие Грузии сегодняшней, и Украины, опять-таки сегодняшней. И снова даю цитаты без интерпретаций.

«Маленький островок советских, мы у Присциллы были…

Не знаешь, как и называться теперь: «русским»? — ты не можешь, ибо какой же ты «русский» по крови? А по державе? Она еще не созрела. Так что «советский» — это как раз подходило к тому образованию геополитическому, что из разных этносов за этот век сложилось. Неплохое и слово — «совет», «союз»…

Мы с ними, конечно, уже старые люди, обломки прошлого, где вся жизнь прошла, — и той структуры. И сразу поняли друг дружку — по роптанию на резкие перемены.

И как по-ленински поняли Свободу ныне! Как право наций на самоопределение, а не как свободу Личности. Как свободу сбиваться в животные стада по породам! Какое падение — даже после советского «интернационализма» — провозглашаемого и все же соблюдавшегося! При нем личности — внутри большого

Целого — легче, чем в сбитом стаде из своих вонючих, животно-пахнущих плотей и кровей. А сейчас — такая «свобода» пошла, идет. Такая, что философу Мамардашвили из его родной Грузии дает понять новый диктатор Гамсахурдиа: что его возврат в Тбилиси нежелателен, — и он, узнав, умирает на аэродроме Внуково от разрыва сердца».

«Ну что ж: как на развалинах Римской империи и эллинизма — разные государства образовались — Египет, Иудея и прочая Сирия… Но для Духа, конечно, светлая эпоха была — в большой империи: когда обмен идей, мирная жизнь и далека центральная слабая власть.

Так и на советчине было в эпоху «застоя», тихую, органическую, где живая плесень стагнации —— *органика лишайников коррупции — нарастала*, и стал трансформироваться «коммунизм» в некий «капитализм». Так бы и шло — постепенное превращение и приручение народа к торговле «народным достоянием» и к рынку — органическое и умеренное воровство. И его сподручно делать — именно партаппаратчикам: присваивать имущество и в уже частные предприятия производящие превращать. Они все же — ответственные товарищи, привыкли делать. Ведь наиболее активные элементы социума шли в партию — и через нее делали. И теперь бы — так. А то отбирают сейчас у них, а кто получит? Уже чистые воры-махинаторы, только спекулянты, не производящие, а перепродающие наличное уже «богатство».

А интеллигентский карнавал гласности и обличений — безответственен перед страной, народом и хозяйством. На голод и наведут всех, отчего и обратный поворот — к диктатуре и перевороту; но уже гораздо более жесткому, чем собирались мирные-милые «путчисты» — как персонажи из «Ревизора», умеренно коррумпированные и патриархальные. Не жестокие еще. А придет какой-нибудь Гитлер-Жириновский…»

«Понял, что у нас — этим интересуются: «Кто ты?» (с «нами» или против «нас»), «Кто я?» — вошь или Наполеон? Самоидентификация. Так же и «Кто виноват?» — это уж вечно: причину в человеке искать — и свергать. Тут же — и анкеты: «А ваши кто родители? Чем они занимались до Семнадцатого года?»

И интерес к человеку и его нутру — Достоевский, и вообще в русской литературе этот акцент: не **что**сделал? а **кто**сделал? И **кто**подумал и сказал. От личности — краска главная и на мысль.

(Это я все ГЛАВНЫЙ ВОПРОС додумываю. Для греков — «Что есть?» Для немцев — «Почему?» Для французов — «Зачем?» Для англичан-американцев — «Как?»)

(Позднее я пришел к выводу, что главный вопрос для русских

— ЧЕЙ? К чему принадлежу? И фамилии отвечают на этот вопрос: Чей? — Иван-ов, Берез-ин… — 7.8.94.)

…Но все же — прекрасно и нормально! Кто же не падал и не просыпался в отвращении к себе? Блок, Есенин? С похмелюги-то… А постепенно в себя приходишь — и взвидишь свет и благо вокруг— и даже в себе».

Вечером передали: Путин подписал ряд указов. Как о большой победе сообщили, что на телевидении рекламы вскоре не будет больше, чем 15 минут в час. Это огромная цифра. Путин лишь попутно, как мне кажется, заботится о населении, иначе некому будет обслуживать капитал, все его мысли сосредоточены на экономике капиталистов, они его основная забота. Может быть, я и ошибаюсь, но вряд ли…

14 марта, вторник. Весь день телевидение говорило о смерти Милошевича. В Голландию летал Лео Бокерия. Милошевич оказался недообследованным и, по мнению Бокерии, если бы все-таки трибунал отпустил его на лечение в Москву под гарантии российского правительства о последующем возврате, то он был бы жив. Ходят слухи, что в крови покойного президента оказались некие ферменты других лекарств. Не убили ли? Хотя я думаю, что, конечно же, нет: все благосостояние этого учреждения строилось на жизни этого обвиняемого. Нет обвиняемого, нет и трибунала. Наша Дума, в лице Грызлова, объявила о вмешательстве в дело и завтра вынесет какой-то вердикт. Как всегда, Дума вмешивается задним числом. Если бы раньше проявили твердость, то, может быть, трагедии и не произошло.

Уехал на работу рано утром, потому что решил устроить утренник для кафедральных женщин и там же отметить выход в свет сборника «Ах, заграница, заграница…». Из старых своих запасов вынул бутылку «Хеннеси», а в магазине у метро купил два больших лимбургских пирога с вишней и фрукты. Поэтому утро провели очень возвышенно и весело, все по очереди заходили, и состоялись очень милые, как я люблю, разговоры.

Поговорил с Романом Мурашковским, обедал, немножко сплетничал с оробевшим внезапно институтом, рассылал рефераты, потом приходила дама из издательства «Порог», практически от Александра Потемкина. В этом году он проводит конкурс «Эврика» для молодежи. Обратил внимание, что списки и жюри и номинантов составлены довольно объективно. Естественно, везде и как всегда Лева Аннинский. В этом списке проголосовал за своих: Олега Зоберна и Сергея Шаргунова по прозе, за Марину Струкову по поэзии и за Лену Нестерину по детской литературе. Ответил на письмо Илоны.

Провел семинар по рассказу Анны Казаченко. Все согласились со мною, что рассказ хорош и обладает столь редкой для нашего семинара законченной глубиной.

15 марта, среда. В три часа состоялась защита дипломов. Оказалось, что диплом Олега Цыбулько — которого пять лет шпыняли, а занимался этим очень умный деканат, шпыняли как ставленника Тычинина и спортсмена, который, дескать, занимает место какой-нибудь чистенькой девочки или интеллигентного мальчика, — так вот, диплом у него рассудочный, жесткий, местами фантастический. «Небо моего детство», но с подзаголовком — «очерки ада». А.М. Туркову все это нравится меньше, чем мне, поэтому Олег получил «диплом защищен успешно», а не «с отличием». Но я сторонник литературы, где все завязано в один узел, познавательное, философское, нравственное и сегодняшнее. Правда, все дипломы я просмотрел лишь во время заседания комиссии. Вот первый рассказ. Идет описание ада с его трубопроводами, печами, чертями, автокарами, которые сгребают грешников. В конце рассказа жалоба чертей, что, дескать, очень много работы, ад не приспособлен к сегодняшнему многолюдству, поэтому просьба к высшим силам: будьте милосердны, не за каждый проступок бросайте людей в ад, кое-что людям надо прощать. Этот диплом я возьму домой и обязательно прочту. Пока у меня сложилось ощущение, что из этого парня обязательно вырастет очень серьезный и необычный писатель со своей эстетикой.

Первая схватка разгорелась вокруг диплома Д.Г. Тагиль («Сезоны вождя…»), ученицы А.И. Приставкина. Это, как в один голос утверждали в своих представлениях и рецензиях Приставкин и Рекемчук, некий литературный абсурдизм. Линия одного из рассказов — пропало тело Ленина, и всякая крутня вокруг этого. Мне показалось, что абсурдизм идет не от специфического видения выпускницей абсурда в нашей жизни. Часто абсурдом называют то, чего не могут или не хотят понять. И вообще это копание в модных покойниках меня очень раздражило. Александр Евсеевич при этом еще и развел здесь теорию, выведя эксперименты Тагиль чуть ли не из традиции Свифта и Рабле. Перед этим Василевский, коротко анализируя стихи Постоянцевой, произнес очень точную фразу: «легко писать стихи о том, что уже было в поэзии и трудно выделить что-то новое из сегодняшнего городского шума». Эта фраза стала опорной в моем выступлении. Дальше я перешел на уже готовые смысловые блоки Свифта и Дефо, на анализ абсурда, как некой литературной невнятицы. А дальше вспомнил, как во время посещения Каирского музея, совершенно сознательно не пошел

смотреть целое отделение «мумий». Для меня — это сокровенное, это не забава, «это» было когда-то таким же, как и я, человеком. Я говорил о брезгливости, которая у меня появлялась, когда в советское время писали о вскрытии рак со святыми мощами. Сейчас, многие идут по протоптанным массовой прессой тропам. Это уже говорил Андрей Михайлович, он также сказал, что Есин буквально снял у него с языка «ленинский пассаж» и мысль об абсурде. Потом, когда остались вдвоем, А.М. добавил к своему впечатлению: студентка — «абсурдистка» просто хотела своими политическими наработками понравиться руководителю диплома.

Вторая схватка — по огромному диплому Кристины Выборновой. Большое количество претензий. В ее вступительном слове — демонстрация триумфов студентки на всех этапах жизни. Очень я не люблю таких вот девочек, начинающих, чуть ли не с пяти лет, свое победное шествие по литературе. Здесь больше спеси, нежели таланта, и еще попытка продавить признание коммерческого направления в литературе, добиться его равноправия в наших аудиториях. С обширными цитатами из классиков и древних и новых философов выступал А.П. Торопцев. По нему чувствовалось, что много лет он пытался, но так и не смог справиться с очень своенравной, а может быть, и не очень здоровой Выборновой. Но и мы ее не убедили, и даже явно слабые, по общему мнению, куски из ее работы не потревожили ее пребывания на олимпийском пьедестале, куда она преждевременно взгромоздилась.

Слушая наших мастеров, которые представляли отдельные работы, я начинал делить их на тех, кто понимает, в каком они находятся возрасте и следят за собой, и тех, кто этого не видит и довольствуется своей догматической манерой 60-х или даже 50-х годов. Каждый раз я удивляюсь А.М. Туркову: его такту, умению перевести почти любую ситуацию в приемлемую форму.

Сегодня же Лева Скорцов подарил мне «Большой толковый словарь правильной русской речи». Огромная книга, не меньшая, чем словарь Ожегова, более тысячи страниц. Наверху его фамилия — Л.И. Скворцов, возможно, со временем будут говорить «Скорцовский словарь». Особенно пока не разбирался, но, кажется, это довольно интересно: здесь приведены варианты, объяснения, примеры. Главное, это сегодняшняя жизнь языка. Я сразу же сговорился с Колпаковым, что, наверно, стану о словаре писать в газету. Посмотрим. Книга снабжена занятным посвящением, которое я привожу. Я отношусь ко всему этому сложно.

«Сергею Николаевичу Есину — другу от автора. Дорогой

Сережа! Я уже говорил, а теперь и напишу: 80 % этой книги — твоя заслуга (что делал мне поблажки для работы). Спасибо тебе. И еще:

Я думаю, сказать не будет лишним,
Дополнив стих Высоцкого своим:
Не стыдно нам предстать перед Всевышним,
Нам есть, чем отчитаться перед Ним.
Верь в это. Твой Л.Скворцов. Март 2006».

Повторяю, ко всей этой надписи у меня сложное чувство. Что-то в нашей дружбе пропало, осталось только уважение к воспоминаниям, но нет к ним любви. Мог бы, например, и в словаре помянуть и меня, и Литературный институт, сидя в котором, с «поблажками» эти 80 процентов работы выполнил. Но кое-что, идя на эти поблажки, не дописал для себя я.

Набросал и отослал письмо Марку Авербуху. Мне хотелось бы писать ему чаще, но, может быть, он охладел к нашей переписке?

Дорогой Марк!

Только что вернулся из Гатчины — хотя мою жизнь Вы, наверное, знаете и так — и обратил внимание на то, что это знают и мои читатели. Итак, только что вернулся, проведя очередной Фестиваль «Литература и кино». Жизнь, конечно, меняется, и вместе с нею меняется искусство. Мне кажется, что оно стало наконец-то серьезнее — серьезнее становятся проблемы искусства. Гран-при со всеми анёрами мы присудили Станиславу Говорухину за его фильм по роману Дудинцева «Не хлебом единым». Когда я смотрел этот фильм в первый раз, я ощущал какое-то предубеждение, но оно рассеялось, и я понял, что картина замечательная. В конце есть огромная игровая цитата из Солженицына. Герой попадает в какую-то иную «шарашку». Второе сильное впечатление — это фильм московского эстета и сноба Рустама Хамдамова, называется он так же, как известная книжка Лаури-Вольпи — «Вокальные параллели». Практически, это концерт старух — казашек и киргизок, народных артисток СССР, которые в свое время пели и в Ла-Скала, и в Метрополитен-опера, а теперь стали опять казашками и киргизками, сидят в своих юртах и под мелодии фонограмм вспоминают успехи молодости. В фильме очень силен какой-то сочувствующий элемент, и мне это понравилось. Все остальное — как бы гарнир — это фильм о режиссере Аскольдове, поставившем одну-единственную картину «Комиссар» и опять на 20 лет замолчавшем… это фильм о Булгакове времен «Батума». Здесь любопытны некие кагебэшные подробности: всё ведь было не так просто и с Еленой Сергеевной, и с ее сестрой Бакшанской, с их отношениями с органами. Любопытны литературные свидетельства о персоналиях —

например, что Аскольдов был референтом у Е.А. Фурцевой (как поворачивается жизнь!), а Булгаков отплясывал во фраке в американском посольстве, в то время как многие его товарищи были отправлены в тюрьму — вот ведь для чего надо было вступать в переписку с вождем.

Пропускаю Ваши очень интересные соображения в письме ко мне — это особый разговор, чуть позже.

Теперь по делам. Пожалуй, с грантом я лично уже определился. Довольно случайно ко мне попала работа, я ее представлял нашей Государственной аттестационной комиссии, ее написала наша студентка Лена Георгиевская, полоумная и плохо себя ведущая девочка, уже давно учившаяся в институте. Это совершенно цельное и ясное произведение, кстати, на еврейскую тему. Но абсолютно не это, дорогой Марк, подвигнуло меня остановиться на ней. В какой-то мере эта работа — некая мистификация, и мне показалось даже, что, может быть, мне подсунули какого-нибудь старого писателя из русскоговорящих еврейских классиков — типа Шолом-Алейхема или Переца. Я много размышлял по этому поводу. К этому произведению приложены еще две довольно просторных статьи — о жизни и о времени. Но все это предварительные наметки. Самое же главное — есть, кого премировать, если Вы по-прежнему готовы тянуть на себе бремя своей неуёмной щедрости.

«Дневники» — за мной, а также вышедшая книжка «Ах, заграница, заграница…», в которой два моих романа — «Марбург» и «Хургада».

Очень расстроился за Соню — желаю ей прежней бодрости и прежнего невероятного её обаяния. Крепко жму руку.

Всегда Ваш — Сергей ЕСИН.

Вечером был на банкете, где раздавали ордена «Возрождения России». Почти сплошь это были банки и строительные компании. Должна была приехать Т.В. Доронина, но прислала со мной благодарственное письмо, и слава Богу, что не была, это не совсем ее общество, хотя банкир для театра, конечно, может быть очень полезен. Орден получил О.П. Табаков, который сказал при этом замечательную фразу «Если дети тебя не ругают, значит, жизнь ты прожил не совсем плохо».

Витя рассказал, что Владимир Ефимович сказал шоферам, чтобы помогали мне с машиной только с его разрешения. Так и вижу его, потирающего руки: ты, дескать, когда ходил в начальниках, корил меня за то, что я слаб как инженер, за неумение работать с людьми и за кое-что другое, а я умею, и ты это восчувствуешь на себе. Ну, чисто зощенковский электромонтер: ежели, мол, ты настоящий тенор, так попробуй

попеть, когда я рубильник отключу. Я-то спою!..

Милошевича похоронили на родине, гроб с его телом встречали толпы народа. Наша Дума даже не встала в память об этом человеке и общественном деятеле.

16 марта, четверг. Утром ел гречневую кашу с жареным луком. Я вообще-то не знаю — пощусь я или не пощусь. Полагаю, что дело не в диете — что есть и чего не есть, — а чтобы каждый раз думать о том, что произошло 2000 лет тому назад, и каждый раз стараться сопоставить свою судьбу с той судьбой великой. Может быть, это небольшое ограничение в еде и сделано для того, чтобы мы вспоминали о тех событиях и еще раз заглядывали в себя. Стараюсь все это делать без какой-либо аффектации. Вечером, на московском приеме, ел какую-то рыбу, но от мяса, если есть возможность, отказываюсь. Хорошо помню, как единожды, в Кремлевском соборе, когда я причащался у Патриарха, меня спросили: а мяса с утра не ел?

Вместе с гречневой кашей поглощал большую телепередачу — видимо, повтор — о Якове Свердлове. Я стараюсь не очень впускать в себя тенденциозные рассуждения о кровожадности советских вождей. Но боюсь, эта передача достаточно основательно свидетельствовала, что, кроме жажды власти, было еще и явное стремление определенной национальной группы получить Россию в употребление. Всегда с брезгливостью относился к таким мыслям, когда они у меня появлялись. Но вот что оказалось: у председателя ВЦИКа оказался сейф, в котором, кроме чистых бланков паспортов, драгоценностей, было еще почти 100 килограммов золота. Передача утверждала, что именно Свердлов начал мясорубку террора в России. Во имя объективности готов поспорить — не думаю, чтобы он это придумал сам, полагаю, что весь рисунок списан с Французской революции и не последнюю роль здесь сыграла книжка Карлейля. Попутно рассказали о брате Свердлова, Зиновии, который был усыновлен Горьким и стал его секретарем, потом — французским легионером, а затем иностранным советником при адмирале Колчаке в Сибири, и о сыне Свердлова, которым стал непримиримым советским следователем в «кремлевских» делах. Немного занимался романом, во вторую главу которого включил два эпизода: один, связанный с Андреем Платоновым, а второй — с головой Гоголя. Эти места долго не шли, но вдруг в гоголевском эпизоде был найден счастливый ход — это диалог бывшего ректора В.Ф.Пименова и бывшего профессора Литинститута В.Г.Лидина. Одна сторона материала есть, есть даже кое-какие воспоминания, связанные с закрытием Камерного театра. А вот сейчас приходят новые соображения — Камерный театр нам не

только сосед, но у нас общий подвал: не перестукиваются ли персонажи через стену? Но о «гоголевском» эпизоде у Лидина есть только неофициальные рассказы. Сами воспоминания, приглаженного и реабилитирующего характера, находятся в 3–4 номерах «Российского архива» за 1991 год. Я уже много писал о том, что всё у меня идет «в руку». Теперь расскажу, как иногда выстраиваются так называемые «случайности».

У Надежды Васильевны Барановой, замечательной женщины — которой все мы многим обязаны, в первую очередь за ее добросовестную работу и знание дела — умер муж, когда-то работавший в институте шофером. Естественно, ей оказали материальную помощь, но и я сам, после очень небольших колебаний, дал от себя некую сумму. Говорю об этом не для того, чтобы выставить себя благотворителем, а чтобы еще раз показать, как кто-то всё время как бы наблюдает за мной и, аккомпанируя, помогает в делах. Не успел я отдать эти деньги, через Светлану Михайловну, Н.В. Барановой, как раздался телефонный звонок: вместе с Шолоховской медалью Литфонд России предлагает мне еще денежное вознаграждение в размере, вдвое большем, чем то, что я вручил вдове. Но и на этом цепь совпадений не заканчивается. Днем поехал в фонд на Гоголевский бульвар, рядом с ним находится Фонд культуры, и вот своей, какой-то не очень формализованной, знающей, что хранить, а что выбрасывать, памятью вспоминаю об Алексее Налепине, который работает там и собирает, том за томом, «Российский архив». И опять счастливое обстоятельство: встречаю возле стойки с охраной знакомого поэта-песенника Леонидова, и он мне сообщает, что необходимый том можно тут же получить. Что бы всё это означало, только ли случайность или некое общее руководство? В Белграде толпа народа собирается на похороны Милошевича. Дума не посылает своей официальной делегации, едут представители от отдельных партий. Вот эта двойственность, «никакая» позиция Думы вызывает у меня нехорошее чувство.

И последнее. В институт пришло письмишко из министерства культуры России. С чувством глубокого удовлетворения я его привожу.

Уважаемый Сергей Николаевич,

Министерство культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации сообщает Вам, что Вы являетесь членом коллегии Министерства и Экспертного совета по государственным наградам и почетным званиям при Минкультуры России. Необходимые поправки, связанные с изменением вашей должности, внесены в соответствующие документы.

Директор Административно-правового департамента А.С.Локтионов.

Что это означает? Ну, в свое время я как нормальный человек послал в министерство письмо о том, что у меня изменился статус: если вам нужен известный писатель, вы можете меня в коллегии оставить, а если лишь ректор — вы можете ввести другого (хотя до меня писателя в коллегии министерства не было). Ответ Минкультуры мне показался достаточно благородным. Спасибо и Саше Локтионову и министру Соколову.

17 марта, пятница. Сначала возьмусь за газеты, вернее за вырезки, которые давно у меня хранятся. Во-первых, «Новые известия», которые поместили большое интервью с Соней Рома. Конечно, хорошо иметь таких родителей, которые готовы помочь тебе с твоим имиджем, но надо сказать, что и дети часто у таких родителей оказываются много и точно понимающими. В своем интервью Соня не только говорила о себе и своей поэзии, но и говорила интересно. В частности, о том, что, оказавшись девочкой в Америке среди не самых тактичных детей, дразнящих ее за ошибки в языке «русской свиньей», она для себя решила, что уж этот-то язык, на котором они и дразнятся и плохо говорят, она станет знать лучше их. «Пришлось полюбить английский». Ее американские премии в этом смысле о многом говорят. Но я ведь к тому, как эта девочка умеет не «тянуть на себя» одеяло. Впрочем, и о себе любимом, тоже. Фрагмент интервью.

«***А как вы оцениваете работу переводчика Сергея Арутюнова?***

— Я считаю, что он хороший. Переводчику ведь очень трудно попасть в настроение автора. У моих стихов определенная рифма, звук, тон. И мне кажется, Сергей поймал это. Мне бы очень хотелось, чтобы мои пьесы тоже были переведены на русский. Пока никто не предлагает. Этот сборник стихов предложил издать Есин (до недавнего времени — ректор Литературного института. — **«НН»**).

И из всех аспирантур вы выбрали аспирантуру Литературного института, где сейчас учитесь. Почему? — Потому что Сергей Николаевич Есин — человек, который взял и поймал меня. Я такой человек, если меня не схватить в какой-то момент, то буду писать себе, и только в стол. Очень уважаю Литературный институт, и очень благодарна ему за то, что мне дали шанс. Ведь я американка и не все так просто. Сергей Николаевич не стесняется, например, давать призы нерусскому человеку, и это очень здорово. Мне очень важно, что меня здесь, в России, поддерживают. Когда меня поддерживают, я готова плыть, бежать, но быть там, где меня приветствуют. Мне это очень

нужно, как и любому художнику».

Сюда же, дабы создать ощущение парности, впечатываю другую цитату, уже из вчерашнего «Труда». Это небольшая статья Толи Стародубца, который описывает ситуацию на Национальной выставке-ярмарке «Книги России». Вот она: *«Веселую церемонию вручения антипремии «Абзац» устроители вынесли на главную сцену ярмарки. В номинации «Худшая редактура» «победила» книга Юлии Латыниной «Джаханнам, или До встречи в аду», где встречаются такие, например, перлы: «Из самолета вывалился трап, как язык из задницы собаки».* Три соображения посетили меня, когда я увидел этот пассаж в газете: во-первых, Юлия Латынина выпускница Литинститута, во-вторых, наверное, нельзя быть одинаково успешной во всем, а младшая Латынина очень умная молодая дама и прекрасный аналитик нашей экономики, в-третьих, я всегда чувствовал, что ко мне плохо относилась ее мать. Достаточно вспомнить статью в старой «Литгазете» о моей повести «Стоящая в дверях».

Худшей, по мнению экспертов, книгой ярмарки оказалась книга старшего Безрукова, по которой был снят ужасный сериал про Есенина.

Пришлось рано ехать на работу. Отослал через Евгению Александровну несколько экземпляров реферата: Н.Н. Скатову, С.Н. Филюшкиной, Л.В. Павловой, В.К. Харченко, Лене Быкову в Екатеринбург, весь день по мелочам суетился, а в пятом часу начал семинар с приставкинской молодежью. У него очень милые и не без таланта девочки, обидно, что плохо ориентированные и без ощущения первичности языка. Разбирали два очень разных рассказа Аллы Дубинской из Обнинска. Один — «Предсказание», в котором киты выбрасываются на берега Балтийского моря, а другой — «Разговор», о молодом человеке и девушке, ведущих бесконечные телефонные разговоры. Он, не любя ее, никак не может «отпустить» свою партнершу. Все, что можно, я объяснил, показал небрежности и неточности языка. Моя теория состоит в следующем: студент должен всему научиться сам, обязанность мастера в меру собственных сил показать студенту его ошибки.

Вечером в честь сорокалетия творческой деятельности Владислава Пьявко в центре Павла Слободкина, в моем любимейшем московском зале, состоялся концерт. В.П. пел под аккомпанемент Аркадия Севидова. Сама по себе встреча этих двух выдающихся мастеров знаменательна. Голос, конечно, не тот, что на «молодых» дисках певца, но тонкое наслаждение доставляли фразировка, акценты, наполненность содержания. Мне очень нравится и отвага мастера — любые ноты хватает дерзко и отчаянно. В программе были Чайковский, Рахманинов и

Свиридов. Когда слушал романсы Чайковского, особенно на слова Апухтина, отчетливо представлял, кому и по какому случаю романсы были написаны, по крайней мере, какого сорта переживания легли в их основу. Переживания все равны. Как обычно, в концерт Фонда Ирины Архиповой включена инструментальная музыка. Севидов играет очень не сентиментально, более мужественно и отважнее, чем Петров. Меня всегда поражает то, что вся диалектика заключена в одном человеческом сердце. Невероятно сильное впечатление произвели Элегия и скерцо из Трио ля минор. Три замечательные молодые девушки. Мне кажется, музыка Свиридова только начинает восхождение, захват вершин, сердце самой широкой публики.

Во время концерта была опасность, что крышка рояля может обломиться от массы букетов, которые Владислав Пьявко изобретательно укладывал рядочками.

На обратном пути у метро закусил в «Макональдсе» жареной картошкой. На концерт умышленно не поехал на своей машине. В.Е. — ах, уж эти сомнительные Ефимычи — сказал шоферам, чтобы они не возились с моей машиной, ну вот я и ответил ему некоторым неудобством: теперь машину вызываю.

18 марта, суббота. Утром рано ездил в «Метро» за продуктами. Серьезно готовлюсь к дню рождения В.С. У нее с этим связано какое-то суеверие. Занимался хозяйством. К завтрашнему дню у меня уже готов традиционный фаршированный судак, посолил по новому рецепту, с водкой и лимонным соком, целую семгу, которую купил в прошлое воскресенье на рынке в Теплом Стане. Но работы еще целый воз: главное, это разобрать обеденный стол, на котором рукописи, компьютер, черновики и письма. В перерывах читал рукопись Бориса Сумашедова об Арсеньеве, знаменитом ученом-путешественнике. По мотивам книги Арсенбева «Дерсу Узала» в свое время Куросава снял фильм. Рукопись по-своему хороша, пока Боря не ищет новых, как ему кажется, ходов, эффектных постмодернистских положений. Пока все движется традиционно и предельно просто, то неплохо. Именно в таком устаревшем виде рукопись и могла бы увидеть свет. Но, наверное, не выйдет, потому что время, когда подобные рукописи становились книгами, прошло. Вот если бы Арсеньев был трансвеститом или серийным убийцей…

Опять приходится возвращаться к нашему фестивалю. Прочел полосу в «Культуре» о Гатчине. Полоса еще раз подтвердила мои собственные размышления — фестиваль превращается в некую групповую кинотусовку, все дальше уходящую от чистого соревнования. Светлана Хохрякова, ученица Инны Люциановны, в

искусстве не одарена и относится ко всему, что там происходит, с хищной прожорливостью обычной тусовщицы. Впрочем, я об этом писал.

Попала мне в руки и «Экспресс-газета». Собственно говоря, я ее впервые читаю. Вот заголовки из нее: «Елену Темникову соблазнил карлик», «Светлана Сурганова облысела от рака», «Бари Алибасов вставил в член кольцо»… В таком же духе описан и кинофестиваль. У фотографий такие подписи: «Ложе любви. Аркадий Инин настоятельно уговаривал Ларису Кудрявцеву испытать прочность гостиничной кровати». Под фотографией Кирилла Лаврова: «Народный артист платит костюмерше Насте по сто евро в день». В качестве аннотации ко всей этой переперченной солянке с фотографиями и текстами: «В кулуарах Гатчинского фестиваля «Литература и кино», который завершился на прошлой неделе, прозвучало много признаний». Оказывается, с некоторых пор Виктор Сухоруков боится выключать свет, когда остается с женщиной наедине, писатель Сергей Есин возбуждается от вида дамских ножек в чулочках, Наталья Гвоздикова пожаловалась, что Евг. Жариков поднимает колбасу с пола и ест. Я сомневаюсь, нужно ли нам приглашать на фестиваль журналистов подобных изданий. С другой стороны, что бы они ни писали, теперь о фестивале хотя бы знают все.

Попутно об истории с женскими чулочками. Шла пресс-конференция, я говорил, что в то время, когда наше телевидение полно самых экстравагантных сцен, нас заставляют видеть то амплитуду, вверх вниз, лопаток героя, то быстро виляющую из стороны в сторону его задницу, или героиню, восседающую на партнере верхом, как амазонка, в фильме Говорухина ничего подобного нет. В нем лишь милая молодая женщина утром, тихо и скромно, надевает на ногу чулок — и в этом «обнажении» больше эротики и страсти, чем во всех телевизионных похабных картинках, вместе взятых.

19 марта, воскресенье. Я не уверен, что в следующем году мы не отметим день рождения В.С. в каком-нибудь ресторане — уже не остается сил приводить в порядок квартиру, а мне еще надо перетаскивать огромное количество рукописей и книг из большой комнаты в кабинет. В общем, началось все с самого утра и к двум часам, мы с Витей только всё закончили, и если бы не он, я бы просто рухнул под объемом уже этой, предварительной, работы. В то время как Витя методично чистил кухню, я накрывал на стол. Незадолго до того, как начали собираться гости, у меня возник психоз: не хватит закусок, я побежал в магазин и принес еще по 700 граммов осетрины, семги и ветчины, и все это к фаршированному судаку, салатам, овощам, грибам, селедке… Но

зато и повеселились мы замечательно! Пришли Толик с Людой, Лёня с Ирой, а вечером и С.П., после театра, где он был с сыном. Пили только шампанское, народ ослабел — к водке и коньяку никто не притронулся. А самое главное, возник какой-то светлый, интересный разговор об искусстве; Валя, как всегда, ушла в воспоминания об Африке, Мадагаскаре, Лондоне… Лёня принес ей в подарок видеоплейер.

Все закончилось довольно рано, и я занялся уборкой, размышляя о двух грянувших в мире событиях. Во-первых, демонстрация молодежи в Париже. Когда-то, в 67-м году, еще не ушел с поста де Голль, я был в Париже и видел нечто подобное. И вот теперь я подумал: как повезло нашему правительству и лично господину Путину, что у нашего народа и нашего студенчества совершенно иной менталитет. Мы настолько уже не верим во власть, что с ней и не боремся, а возникни в России ситуация, схожая с французской, — зная наш коллективизм, стремительную вовлекаемость толпы, вполне можно было бы ожидать конца режима. Казалось бы, видя повсеместно огромное количество нестыковок, нарушений, трагедий, бюрократических беспорядков, можно ожидать самого страшного, что раскачает любую лодку. И из последних событий такого рода — авария в метро: устанавливая на какой-то улице рекламные столбы, рабочие проткнули сваей туннель метро, и столб пробил крышу проходившего внизу поезда. Такое ощущение, что вокруг царит беззаконие, опирающееся на бесконтрольность, что эти обширные новостройки, с огромными элитными домами и супермаркетами — декорация, которая может рухнуть в любую минуту. Воистину — эра Нодара Кончели.

20 марта, понедельник. Какое счастье не каждый день ходить на работу! Утром с чувством глубокого удовлетворения сообщил по телефону Влад. Ефимовичу, что во вторник к девяти часам мне нужна машина, чтобы ехать в министерство. После этого расставлял на место вымытую вчера посуду, ходил в Штокман за ботинками, несколько раз ел то рыбу, то салат, а в перерывах между этими полуделами занимался рукописями и романом. Пишу сцену с вскрытием могилы Гоголя.

Ездил на проспект Вернадского к Леве Аннинскому за книгой об Яр-Кравченко. В веренице предательств интеллигенцией друг друга здесь особо невинная страница. Книга только что вышла, в ней переписка еще мальчика-художника и Николая Клюева, крупнейшего русского поэта, автора знаменитой поэмы «Погорельщина».

У Левы меня поили чаем, у них прелестный трех-четырехлетний внук Денис. Много разговаривали о кино. В

частности, о нашем гатчинском фестивале. Я говорил о том, что делается за кулисами фестиваля «Литература и кино». Мне кажется, все это не случайность, а есть инициатор — Света Хохрякова. Валя во многое просто не вникает, она человек внушаемый, а Генриетта Карповна не всегда понимает, что происходит. Наш фестиваль создан для того, чтобы оживить влияние литературы на кино, а не для того, чтобы обслуживать кого-либо из кинодеятелей и групповые привязанности отдельных членов отборочной комиссии. В разговоре с Левой я назвал три картины, которые никакого отношения к теме фестиваля не имеют. Во-первых, это не фильм, а скорее большая телепередача о Елене Медведевой, во-вторых, это фильм об Аскольдове, довольно далекий от литературы, в-третьих это, конечно, фильм Огородникова, вообще никак с литературой не связанный.

После кино стали говорить о литературе, о правых и левых, о сборе материала и письме. Опять я был поражен тем, какие общие у разных писателей методы работы: заглянуть вечером в последнюю страничку работы, прочертить в голове завтрашний материал — и к утру все созреет. Лева говорил и о горизонте воображения. Мы совершенно одинаково собираем материал, сначала обчитываем все комментарии и лишь на последней стадии читаем основные тексты.

Вечером Витя показал свою зачетную книжку: последнее его достижение — он сдал зачет по философии. И он, сельский парнишка, конечно, молодец, а в институте, насколько я понимаю, приличная халтура.

Звонил С.В. Степашин, благодарил меня за книгу. Вот тут и начинаешь примиряться с властью. Я уже давно подметил, что у Степашина есть одна чисто русская и очень «моя» черта: стремление все время что-то узнавать и учиться.

21 марта, вторник. Утром наконец-то состоялась коллегия Агентства по надзору за образованием, которая должна утвердить БНТ в должности ректора. В этом зале я был только единожды, когда встречался с В.Г. Кинелёвым, тогда же сразу решилось, что делать с институтом. Собственно говоря, после Кинелёва и не было министра или даже замминистра, с которым можно было бы обсудить вопросы маленького вуза. Сейчас всё утонуло в слове р е ф о р м а, в проформе, в соблюдении четкого чиновничьего ранжира. Зал изменился, и мне, по сравнению с порядком в Минкульте, показалось все довольно смешным: по бокам идут столики для внемлющих чиновников, три или четыре ряда стульев в конце зала — для зрителей, а на столе коллегии, как в Совмине, стоят индивидуальные экраны компьютеров. За столом сидела, кажется, та самая дама с армянской фамилией, с которой

я переписывался. Она все-таки пока выиграла, в роли ректора меня уже нет. Мы обменялись понимающими взглядами. Я подумал, если она хоть что-нибудь скажет, она пропала, тогда я тоже кое-что скажу, и так, как они не любят. Народа, кроме самих членов коллегии, почти никого не было, дама промолчала, я оставил свои заготовленные фразы для дневника. Это психология все же бывшего ректора: скоро лицензирование, не надо портить отношение с агентством.

Начали с кадрового вопроса, и после я довольно быстро ушел. Сначала речь шла о Петрозаводском университете, где произошли безальтернативные выборы и были мизерные проценты «против», утвердили нового ректора. Уже у этого нового спросили об атмосфере в вузе. И вот вызвали БНТ. По своей интеллигентной привычке, Б.Н. заговорил тихим голосом, и его сразу же попросили говорить громче. Но перед этим прочли весь послужной его список. Новый ректор сделал очень крутую карьеру от переводчика в министерстве рыбного хозяйства до ректора. Самое для Литинститута неловкое — это 6 претендентов, каждый из которых назван был по имени, включая не явившегося на собрание А.В. Дьяченко. Ах, эти решительные бывшие военные! В строку поставили отсутствовавшего Дьяченко и довольно стыдный расклад голосов: один — за Бояринова, три — за Сегеня. Для посторонних, в отличие от меня не очень ощущающих природу вуза с поразительными амбициями преподавателей, это всё показалось диким. У БНТ спросили: какие сейчас решаются вопросы, и он очень тактично сказал, что прорабатываются вопросы конфиденциального характера, и это, насколько я понял, вопросы кадровые. Всё это справедливо и необходимо. Важно лишь одно: не победит ли в институте самая ничтожная, формально-бюрократическая линия? Впрочем, это линия самая легкая, потому что творчество — не только импульсивные, интуитивные решения, которые, по сути дела, всегда точны, но и ответственность, просчитанность контраргументов. До сих пор держу в памяти слова Алексея Лисунова относительно педагогического школьного направления образования у нас в институте.

После утверждения БНТ подняли меня и подарили в роскошном футляре письменный, с золотой авторучкой и часами, прибор, который сейчас стоит на моем столе на кафедре. Дали и грамоту, уже как заведующему кафедрой, за большую и плодотворную работу по воспитанию кадров и за успешное литературное творчество — я обрадовался, как точна формулировка! Поднесли мне и цветы, которые я тут же передарил несчастной, сломленной своим бюрократическим

имиджем Акимкиной, и попросил слова. Я поблагодарил министерство и агентство за то, что за 13 лет моего ректорства они нашему вузу не мешали. Это позволило ему подняться от ведомственной принадлежности Союзу писателей до вуза всероссийского, обладающего высоким имиджем творческого и престижного характера. Я также сказал, что в свое время возникала альтернатива: пойти под крыло министерства культуры или министерства образования, и я рад, что сделан был правильный выбор.

На семинаре обсуждали рассказ Оксаны Гордеевой из Иркутска «Выходила девка замуж». Рассказ очень хорош, а главное, с каким-то не известным в институте языком. Написавший очень тонкую рецензию Роман Подлесских отметил: «Рассказ совершенно невозможно свести к сюжету, думается, что сюжет здесь играет вспомогательную роль и характеры, которые в рассказе только наметились, не слишком важны для автора… Рассказ Оксаны Гордеевой — это пространство слова. Пространство речи и есть главный герой повествования». А я почему-то подумал, какое верное в свое время существовало правило: не брать в Литинститут студентов, не проработавших один-два года на производстве, без, так сказать, школы жизни. Не поэтому ли заочники у нас значительно сильнее наших милых мальчиков и девочек с дневного отделения?

22 марта, среда. У меня опять конвейер: утром час возился в спортзале, еле дотюхал домой, потом защита дипломов, потом семинар студенток Приставкина, с которыми мне буквально не о чём говорить, ими никто не занимается, и они, бултыхаясь в собственном болоте, пишут какое-то рукоделие.

Защита прошла быстро и очень удачно, защищались студенты Н.С. Евдокимова, он ходит трудно и у нас — последний год. Но как замечательно он работает. Хорошая, плотная сегодняшняя проза. До того как мне надо было идти на семинар, я просмотрел четверых, из них троим: М. Канарской, О. Кривцовой и Д. Заварову дал бы «с отличием», но дали только двум последним. А из прошлой даже не шестерки, а семерки мы «с отличием», кажется, не дали никому. В зале, когда возник вопрос, от чего зависит такая урожайность семинара, я ответил: от руководителя и в данном случае от того, что идут заочники. Но вот приставкинские-то заочнки не так хороши!

Вечером все в том же направлении новой ректорской программы развития духовности прошел «Восточно-европейский диван». Свои стихи читали Валех и Максим. Восток и Запад. На этот раз мне все не понравилось. Стихи Валеха однотонны по содержанию, они написаны по-русски, но как некий подстрочник,

а стихи Максима стали надоедать однообразностью медитативной, как заклинание, формой и привычной уже созерцательностью.

Утром читал английский и пристрастно просматривал книгу об А. Яр-Кравченко и Н. Клюеве. Какой силы страсть возникает между поэтических строк, какие перипетии судеб! В новой «Литературке» очень неплохая статья В.С. Там же прочел еще и комментарий о фильмах «Полумгла» и «Сволочи» — в обоих, кстати, сценаристы не очень привычны. В одном — Кунин, который живет в Мюнхене, в другом — Болгарин, тоже не из Москвы. Оба, естественно, жаловались, что их не так поняли и исказили, но, на мой взгляд человека того времени, в обоих фильмах выразительная и легко играемая неправда. Ах, эта тонкая конъюнктура нашей интеллигенции, которая, конечно, свободна и вольна, но четко знает, о чем думает начальство. Я очень хорошо чувствую, что могла сделать советская власть, а чего не могла, есть уровень подлости, на которую она никогда бы не пошла. На картину «Сволочи» агентство Швыдкого дало 700 тысяч долларов.

23 марта, четверг. Еще в постели продолжал читать книгу «Последние кометы»: трагическая переписка и жизнь Анатолия Яр — Кравченко и Николая Клюева. Из этой переписки всплывает и поразительный, неизвестный мне поэт. При этом отчетливо читается огромное влияние, которое он оказал на С.А. Есенина. Здесь же виден и масштаб самого Есенина, на литературоведческих весах он, конечно, мельче автора знаменитой «Погорельщины».

В два тридцать в кабинете у БНТ собрали совещание по Дню открытых дверей. Предполагается самое формальное мероприятие: выступления ректора, заведующих кафедрами, и ответственного секретаря. Ведь это не консультация для решивших поступать, а акция по привлечению молодых ребят в институт. Наверное, так бы все и прошло, но Минералов предложил какие-то поэтические чтения, а у меня наготове был более широкий план: выставка книг преподавателей, «парад» наших лучших студентов, консультации «по углам» — проза, поэзия, драматургия, публицистика. Хорошо бы показать и студенческий «капустник», провести экскурсии по зданию и территории, а в конце всех накормить «бесплатным студенческим обедом». Все как бы согласились с моим прожектом, но заговорили о вертикали: выполнять-де его должна кафедра творчества. Как известно, так делал Иосиф Виссарионович: ты предложил, ты и отвечай.

Неожиданно слово взял Владимир Гусев и стал говорить, что

после выборов все разболталось, это касается не только студентов, но и преподавателей, кое-кто из них даже на защиту стал являться подшофе. Я подбросил сюда давно тревожащий меня факт проживания таджиков с женами в столярке. Судя по телепередачам, большинство пожаров возникает именно из-за такого несанкционированного проживания. Это были не лучшие минуты для Марии Валерьевны и доблестного Ефимыча. Он, конечно, изобразит мой демарш как ответную месть за транспортные мне препоны, но если эта антипожарная озабоченность приведет к необходимым мерам, я не буду возражать и против такой его трактовки. БНТ в заключение много говорил на модную в России тему: о выстраивании в институте вертикали. Не идем ли мы навстречу педагогическому вузу.

Вечером я ездил в институт к Нелли Васильевне Мотрошиловой. Мы провели вместе несколько часов, посидели где-то в пиццерии, а самое главное, удивительно поговорили. Здесь было несколько тезисов, передать которые, не огрубляя, я не берусь. От веры в Бога до политического диссидентства. Я говорил о том чувстве брезгливости, которое всегда испытывал к самиздату, кухонным разговорам, всему тому, чем так гордились шестидесятники. Много говорили о таком сложном явлении современной жизни, как тусовка. Если раньше ее определяло много факторов, то теперь это все ближе к экономике. Чем ниже уровень людей, тем скорее и проще они соединяются в группы, нет основания для продолжительных рефлексий. Все это я, конечно, использую в своих работах. Говорили о слабой информированности сегодняшней жизни, это в информационный-то век!

По телевизору вечером — арест председателя городского собрания в регионе, уличенного во взятке за лоббирование повышения коммунальных услуг. Прозвучала сумма в 60 тысяч долларов, которая должна была быть разделена с подельщиками. Какие же с населения дерут поборы при таком размахе коррупции! На этом фоне рассуждения В.В. Путина о гигантских международных проектах с нефтью и газом кажутся менее величественными. Ой, дружок, наведи попервости порядок дома.

В.Е. отказал мне в машине для поездки на коллегию в Минкульт: надо везти Горшкова. Эта мелкая война меня веселит, хотя и отвлекает.

24 марта, пятница. Несколько дней назад раз пять или шесть дома срабатывала охранная сигнализация. Вчера вечером были мастера, которые сказали, что теперь надо заключать новый договор — не только на охрану квартиры, но и на ремонт и обслуживание сигнализации. Одновременно предложили купить

новый прибор для обслуживания стоимостью в 5 тысяч рублей.

Как самый законопослушный гражданин утром я поехал в бюро. Все те же наглые обслуживающие дамы, все то же пренебрежение к клиентам. Там почти бунт, ни один человек не смог сразу заключить договор. Нужно несколько раз приезжать, получать счет на оплату, оплачивать его, потом ехать обратно. Представил себе, как подобное сделали бы в цивилизованной стране: сразу бы прислали по почте пакет документов с запиской, в которой бы все разъясняли. Судя по разговорам, милицейская охрана организовала для кормления еще некую фирму «Импульс», ей-то и делегировано техническое обслуживание. Не удивлюсь, если в этой фирме кормятся ближние родственники или любушки милицейских начальников. Страна буквально прогнивает от отсутствия цивилизованности, от воровства и коррупции.

Утром же говорил по телефону с Галиной Степановной Костровой: она едет в издательство, чтобы снять кое-какие вопросы. Галя рассказала о размолвке между Распутиным и Дорониной. Дело оказалось вот в чем. В МХТе у Табакова на малой, кажется, сцене прошел спектакль по повести Распутина «Живи и помни». Когда еще только об этом объявило телевидение, я подумал, что в согласии Распутина на спектакль в другом московском театре, а особенно не дружественном Т.В., есть какая-то этическая неувязка. Было время, когда в «Литгазете» десять лет подряд имя Распутина не употреблялось, и тем не менее в единственном из московских театров все это время была в репертуаре его пьеса. Как отнесется, подумал я тогда же, к этому Доронина? Формально она отнеслась отрицательно не к этому, а к тому, что в одном из интервью на вопрос относительно самой Дорониной в роли Настены Валентин Григорьевич ответил, что она эту роль никогда не играла. Запамятовал. Это не так, был телевизионный фильм, чуть ли не Эфросом еще поставленный. В общем, когда буквально в те же самые дни во МХАТе им. Горького был бенефис Стриженовой, или даже юбилейный спектакль, и все актеры и режиссеры, а значит и Доронина, выходили на поклон, и в том числе выходил автор, то на сцене рядом с Распутиным Т.В. не встала, а почти демонстративно отошла. Потом ее несколько раз не соединила с Распутиным, когда он хотел объясниться, Зинаида Ивановна. Все стало ясно, и причина, конечно, не в этой досадной устной «опечатке». У нас, у русских, особое отношение к неверности — слово «предательство» не употребляю. Нам всем эта неверность мстит. Помню, когда О.П. Табаков предложил мне в том же самом МХАТе поставить спектакль по «Имитатору», и я, согласившись вначале, потом ему отказал в пользу В. Фокина, то

чем это закончилось? Спектакль не пошел нигде.

Днем был у П.А. Николаева, носил ему реферат. Петр Алексеевич со своей блестящей памятью по-прежнему ясен умом, недуг тянет его со стороны телесной. Ходит он плоховато, сил все меньше и меньше. Но все равно обещал приехать на мою защиту в Педагогическом университете. Разговаривать с ним мне так же приятно и легко, как и с Нелли Васильевной.

Теперь, если уж я взял очень высокую планку в вопросе о предательстве, то еще одна история. Вечером я должен был идти в театр на спектакль в камерной опере Покровского. Уже подошел к метро, как раздался телефонный звонок С.П.: ректор освободил его от обязанностей проректора. Случилось то, что я и предполагал: БНТ строит *свою* вертикаль — я не предвосхищаю событий, но, кажется, прекрасно понимаю и его характер, и его цели. Пожалуй, главное здесь в известной торопливости. Во-первых, новый ректор знает, что С.П. это «мой» человек и отчетливо понимает, что он, возможно, основной претендент на ту же должность на ближайших выборах. Во-вторых, тонкость в том, что на последних выборах С.П. «передал» именно ему, а не Стояновскому свои голоса, то есть попросил своих сторонников, в том числе и меня, голосовать за Тарасова. И я проголосовал. Я уже не говорю о том, что именно я первый, вызвав БНТ, предложил баллотироваться на должность ректора. Он еще две недели думал, но как теперь прибавилось решимости! И почему бы мне уже об этом не писать? Почему прежней решимости должно убавиться у нас? Я начинаю жалеть, что в последнем номере «Российского колокола» вычеркнул целый абзац. На освободившееся место берут неизвестного мне профессора Ужанкова из Лингвистического университета. Я довольно быстро высчитаю, с чем это связно.

Честно говоря, в театре Покровского ничего особенного не ожидал от сборного спектакля, связанного со столетним юбилеем Шостаковича. Думал, что это обычная «творческая» отписка: Шостакович как бы свой, будет, наверное, некая контаминация «Леди Макбет Мценского уезда». Но все оказалось по-другому. Правда, когда читал программку, сразу напрягся: первое отделение — Поэт и Власть; второе отделение — Поэт и Смерть. Меня в литературе и искусстве не привлекают символы, которые пишутся с большой буквы. Но оказалось всё интересным, а первое отделение — просто блестящим, Подобраны были к теме романсы на слова Микельанджело, потом пошла музыка восьмого квартета, её расцветили целым рядом очень интересных сценических придумок. Если говорить о сцене, то братья Вольские показали свое изощренное искусство: Виктор великолепно

организовал сценическое пространство, которое дало невероятную свободу для воплощения режиссерского замысла, а Рафаил чрезвычайно красиво и «смыслово» всех одел. Если говорить о первом действии (сюда включен знаменитый цикл «Из еврейской народной поэзии»), то надо заметить, что крепко здесь же ударено и по «своим». Ели одна дочка уходит к еврейскому сапожнику, то другая становится красной боевой комиссаршей, и на сцене происходит какая-то тайная перекличка с комиссаршей из фильма Аскольдова. Но я обозначаю сюжет словами, а всё это надо еще слышать. Вообще, музыка дает поразительное пространство для замыслов и решения своих собственных проблем. Когда слушал Шостаковича, я уже предполагал, что возникнут некие идеи для второй главы моего романа. Так оно и получилось.

Что же касается второго акта, то он мне показался недостаточно убедительным. Кстати, забыл сказать, что в первом акте с невероятной силой и ощущением современности прозвучал «Раёк», ранее мною никогда не слышанный, я и не знал, что у Шостаковича есть такое сочинение. Оказалось, что в 1948 году, после всех решений партии и правительства в области искусства, он написал это удивительное сатирическое произведение и положил его в стол. Вот еще один урок для художника — главное писать, когда-нибудь твое сочинение выйдет на свет и пропоет свою песенку.

25–26 марта, суббота, воскресенье. Умышленно объединяю два эти дня, так как практически всю субботу просидел дома, читал работы студентов семинара, вступительные сочинения, почти закончил весь гоголевский эпизод во второй главе, даже прочитал его по телефону Б. Тихоненко. Тут же стали совещаться — стоит ли вводить в главу еще эпизод с Яр-Кравченко и Н. Клюевым. Боря высказал мнение, не будет ли пересолом «специфика» поэта, но ведь я коллекционирую трусость и подлость, а пример здесь очень силен. Скорее всего, я введу все же эпизод, так как давно убедился: советоваться хоть и надо, но делать следует, подчиняясь лишь своей интуиции. В общем, к концу субботы вторая глава была почти готова.

А вот воскресенье всё ушло на суету: был в институте, забрал подготовленные Л. Скворцовым заметки о его словаре и кассету, которую переслал мне Вульф, — о Дорониной (тоже заказ для «Литгазеты»), съездил к Юре Авдееву, хорошо поговорили, вернулся домой…

Человек все-таки удивительное существо, он хорошо и быстро ко всему привыкает, даже не привыкает, а скорее ассимилируется. В этих многочисленных поездках на метро я много читал.

Полагаю, что скоро почти совсем откажусь от езды по городу на машине. Во-первых, не знаешь, куда ее поставить и даже сможешь ли пристроить у себя во дворе, когда вернешься. Такова московская ситуация, с этим у нас куда труднее, чем в Лондоне и Париже. Во-вторых, не хочется стоять в загазованных пробках, лучше ехать в метро и читать рукописи. Вот так за неделю я прочел великолепные работы двух студенток, и от этого совершенно поменялось мое мнение относительно скудных персонажей приставкинского семинара. Е. Котова в чем-то похожа на меня описанием невыносимости сегодняшнего быта и бытия. У И. Бритвиной молодежная среда, субботне-воскресное тусовочное времяпрепровождение и любвь. Всё здесь очень и очень непросто. Может быть, поэтому я перестаю читать современную литературу: для разведки действительности мне вполне хватает студенческих произведений.

Вечером опять обязательное путешествие в мир искусств — юбилей творческой деятельности композитора Олега Иванова, автора всем известной песни на слова А. Прокофьева: «И хлеба горбушку, и ту пополам…» В большом зале гостиницы «Россия», которую уже начали сносить, родилось ощущение, будто всплыла из давнего прошлого и повернулась как-то по-иному эстрада, обращенная не к тусовщикам, не к безумеющей от ритмов молодежи, которая не в состоянии в электрогрохоте запомнить и двух строк песни. В песнях Иванова все повернуто к людям, к народу, живущему на окраинах городов, в деревнях, занятому трудом и сохраняющему связь со своими тетками, дядьями и другими родичами, с природой. Мне неловко оперировать словами «русский дух», скорее я скажу — народным духом повеяло с эстрады. Олег сделал целый ряд новых вещей к этому вечеру. Великолепно пела Тамара Гвардцители, изумительно спел романс на слова Бальмонта «Как хороши, как свежи были розы» Иосиф Кобзон. Честно говоря, не думал, что эти стихи можно положить на музыку, но если два талантливых человека работают над вещью — всё получается. Прекрасно пел Валерий Золотухин — что-то на стихи Прасолова.

Первое отделение я сидел с цветами на коленях, потом передал их на сцене Олегу, сказав то, что думаю: за всем услышанным чувствуется большой и широкий музыкальный фундамент. В отличие от недавних здесь же концертов, не было ощущения возможного срыва — если кто-то не придет и не прозвучит один или два номера. Мелодичная музыка с уходом последних мастеров, видимо исчезнет, как и этот куб гостиницы «Россия»…

27 марта, понедельник. Спал плохо, утром встал раненько и

на метро поехал в Минкульт, на коллегию по музеям-заповедникам. Прошло все быстро, за два часа, всё было бесспорно, идея — организация по России музеев-заповедников, от промышленных до природных, все как «в цивилизованных странах», как в Америке. Говорили умно, у всех было пожелание вовлечь в организацию этого дела иностранный капитал. Идея хороша, но что из этого получится? Министр, видимо, куда-то торопился, поэтому кроме выступлений самих «музейщиков», других ораторов не было, дискуссии не получилось.

У меня были заготовки «новых» музеев — я выписал ряд писательских фамилий, от Яшина до Державина, которых в школе не проходят. Было ощущение, что имена были как бы перечислены мне по памяти очень культурными людьми. Но кто же будет ходить в эти музеи, каким образом на их посещаемость можно будет влиять, а, если они попадутся на глаза Сергею Кожугетовичу, что он скажет? Был смысл, во-первых, проверить необходимость этих музеев, во-вторых, — сделать программу-максимум и программу-минимум по их организации. Что касается охранных зон, то я вспомнил музей Лу Синя в Китае с «мемориальной улицей». Но улицей работящей. Здесь не только имение родителей и предков классика, но и ряды магазинов, лавок, харчевен… И тут невольно возник в памяти домик Каширина в Горьком — маленький, разваливающийся, стоящий возле огромного безобразного и нелепого восьмиэтажного блочного дома. Охранная зона… Наш мудрый и светлый образованный чиновник… Наш замечательный и неподкупный архитектор…

28 марта, вторник. Семинар, где разбирали рассказ Тумановой «Трёшка», к моему удивлению, прошел интересно и хорошо. На этот раз, по примеру Гали Седых, я назначил двух оппонентов. Оба хорошо подготовились и высказали точные замечания. Меня обжег собственный вывод: интеллектуальное созревание ребят в институте происходит быстрее, нежели художественное. Это опять старая проблема: слишком молодых берем на прозу. Если говорить о самой Тумановой, то как «конструктор» она сделала очень большой шаг вперед, еще колеблется и дрожит стиль, но и здесь за год, Бог даст, все наладится.

Потом разговаривал с девочками из семинара Приставкина. Похвалил рассказы Котовой и Бритвиной и решил обеих обсудить на своем очном семинаре. Всем поставил зачеты. Пришли слухи, что А.И. Приставкин после операции поправляется. Тем не менее, говорят, хочет отказаться от семинара, уже тяжело. В этом случае девочек, наверное, возьму к себе.

Вечером по телевидению показали передачу «Женщины Сталина». Смотрел ее не без брезгливости. Дети и внуки тех, кто перед Сталиным трепетал или лизал его сапоги, сейчас интересуются его личной жизнью. Меня, конечно, тоже удивило, что несколько женщин, с которыми он жил, были очень молоды, даже девочки, но я бы прожил без такой информации. А если покопаться в частной жизни сегодняшних вождей, какие там вскроются тайны? Удивило участие в передаче Ларисы Васильевой, обозначенной как писатель и историк. Ну, написала коммерческую книгу «Кремлевские жены», и уже историк?

29 марта, среда. Теперь уже правило: утром по средам хожу в спортзал. Шел, дышать было тяжело, пока занимался, все нормально, потом, в течение всего дня, опять ощущались какие-то трудности. Объявили: день полного солнечного затмение, — может быть все отсюда?

В институт — сегодня, как обычно по средам, шла защита дипломных работ — ехал вместе с А.М. Турковым, разговаривали о вчерашней сталинской передаче, ощущение сходное, чувство этической замусоренности. Такое же, как после публикации в «Литгазете» о праздновании юбилея Ф.Ф.Кузнецова: всех выступающих и всех приветствовавших его, плохо пишущего мэтра, ревниво перечислили. Телеграммы от президента свидетельствуют лишь о том, что президентский аппарат работает недостаточно квалифицированно. Сегодня же, кстати, Рекемчук подарил мне газету с маленьким интервью Тарасова. А.Е. смущает, как мне кажется, словечко «писатель» под портретом БНТ. Меня же — сама газета совершенно определенной ориентации, которая, слава Богу, меня никогда не баловала.

Защита дипломов проходила долго, но интересно. Две девочки были очень многообещающи: у Т. Левченко, семинар Руслана Киреева, повесть из начала XIX века «Мой просветитель» и М. Мурсалова, семинар Галины Седых, с чистым и подлинным письмом. Все остальное было слабее, хотя иногда и вызывало уважение «замахом». Так, например, И. Ярич написала книгу о… сестрах Бронте! Сложности возникли вокруг плохо написанного диплома К. Кальнина. Он вообще-то своеобразный малый, закончил до этого консерваторию и сейчас часто оперирует фразой «мое творчество». В его сочинениях есть много смешного. Оппонировал ему И. Карабутенко, который опять, кажется, все посмотрел лишь по касательной, но вновь вызвал изумление многословием. Небольшой скандал был вызван А. Антоновым: он развязно говорил о дипломе не самой лучшей, но талантливой студентки Калгановой. Меня всегда раздражает подобная манера, рассчитанная лишь на аплодисменты. О судьбе студента в таком

случае не думают. Турков, с его безошибочным чутьем на нравственные ошибки, сразу же Антонова обрезал.

Довольно поздно ел на кухне и смотрел малаховскую передачу «Пусть говорят». Попал, естественно, не с начала. Как мне удалось понять, речь шла о скандалах вокруг свадьбы Алсу и банкира Абрамова. Лед и пламя, иудаизм и мусульманство. Алсу уже поменяла фамилию. Но скандал там затеяли журналисты, которых показали довольно наглыми и нахальными, как зарубежные папарацци. В качестве прелестной гостьи была дщерь Собчака. Главное и самое любопытное по редкостной безвкусице и претензиям — фрагменты свадебной церемонии: угробленные розы, пятиметровый шлейф и гирлянды цветов в знакомом до щелочек в паркете зале «Россия», который тем не менее для простого народа священен, как Кремль, как Большой театр, а тут захвачен ордой чуждых по духу людей — вот что вызывает неприязнь. Не только ощущение неправедно нажитого, но еще и эстетически несовершенного.

30 марта, четверг.

ЛЬВИНАЯ ДОЛЯ

Передачу Виталия Вульфа «Серебряный шар» смотрят те, кто не смотрит «Пусть говорят», смотрит средняя, нетусующаяся, то есть настоящая московская и провинциальная интеллигенция. Тем, которые тусуются, не свойственна внутренняя жизнь, они всё знают, они поглощают собственные успехи, как гамбургеры. Ну, что здесь поделаешь — как говорится, время гадёнышей Собчака. Виталий Вульф уже многие годы, вальяжно рассевшись в кресле, заложив нога за ногу, и, полагаю, не импровизируя, а считывая свои хорошо продуманные тексты, рассказывает об актерах, общественных деятелях, о людях знаменитых, перепахавших в свое время жизнь публики. Вульф всегда одинаков — ботинки начищены, рубашки без галстука разные, манера подчеркнуто бесстрастная. Рассказывает интересно, потому что и жизнь большая, и с кем он только ни дружил, и если говорить, что культура это судьба, то это судьба Вульфа. Передачи разнообразные, но все интересные, а многие из них значительно выше ватерлинии передач современного российского телевидения… Ну, скажем, передачи как передачи.

Но, наблюдая за этим ведущим, а практически, собирая то, чего не хватало для собственной образованности и работы в культуре, я вдруг вывел некую константу его характера: эдакая большая, ласковая, покрытая тигровой или львиной шерстью, а иногда и пятнистой шкурой ягуара, милая такая кошка. Ну, хорошо, хорошо — милый такой лев, царь зверей, важно идущий по арене, которому иногда даже можно положить голову в

открытую пасть, который любит дрессировщиков, любит публику, сам не прочь потусоваться среди других кошек и котов, но иногда эта кошка протягивает лапу и — наотмашь ударяет! А, как известно, лев может перебить лапой хребет или оставить незаживающую рану.

Собственно говоря, речь идет о двух передачах, которые мне удалось посмотреть за последнее время. Не могу молчать! Одна передача — о Дорониной. вторая — о старшем Бондарчуке, да-да, о том самом, у которого был такой крупный план в фильме «Тарас Шевченко», что не только оторопела Венеция, но даже советская скупая власть, четко дозировавшая награды, сразу дала ему «народного артиста СССР».

В обеих передачах рассказывается, по сути, об одном и том же, они, как и все передачи Вульфа, подобны слоёному пирогу: слой для элиты, слой для понимающих, слой для злобных, слой для интересующихся биографиями или фильмографией, дается список ролей великих актеров. В передаче о Дорониной — чтение ею стихов Есенина, Цветаевой. Помню, я тогда был молод, а она лет на 30 моложе, и вот она — на сцене, а я где-то на галёрке. Как невероятно прекрасно читала она Есенина и Цветаеву в зале Чайковского! Космос её открытий шел в зал, обогащая души людей. С тех пор, если что и менялось, неизменным оставался этот духовный полёт. Помню, я уже работал на радио, как после длительных уговоров Бондарчук взялся читать у нас классику, с ним работал режиссер Юрий Маркелов, кажется, отец нынешнего телеведущего. Запись делалась чуть ли не полтора года, но и сейчас от этого голоса, от того специфического, что и является ***природой*** *актера, веет невероятной, божественной (или инфернальной?) полнотой. Вообще понятно, о чем хотел сказать Вульф, показывая знаменитую сцену с мальчиком в машине из фильма Бондарчука по шолоховской «Судьбе человека», а также сцены с Дорониной из сегодняшнего её спектакля «Васса Железнова». Есть два способа переливания крови: один — через донора, в специальный «банк» крови, потом, в ином месте, через иголку в вену пациента; другой способ — фронтовой, когда раненый и здоровый, с совпадающей группой крови, лежат рядом, и по трубке она переливается из одного в другого. Именно это, второе, «переливание» — свойство обоих мастеров.*

Вульф не первый раз рассказывает о Дорониной, о «Вассе…» Но все-таки первым об этом спектакле как о знаковом явлении искусства написал в «Литературной газете» я. В оценках меня с Вульфом сближает одно: и он много помнит, и я ничего не забыл — оба помним Веру Пашенную. Ведь если кому-то кажется, что утесы навсегда пропадают в далях, то это не так. Зритель

понимает, что такое Доронина сегодня, что такое «контактное» переливание крови, что такое искусство без «маргарина», когда, вместо акробатики, физкультуры и фитнеса, на сцене появляется космический луч. Сама актриса говорит, что на такие спектакли сил у нее хватает лишь раз в месяц.

Пишу я об этом не для того только, чтобы доставить еще раз радость от перечисления редкостных явлений искусства. Хочется обратить внимание вот на что. В обеих передачах Вульф говорил о некоем, как я понял, заговоре интеллигенции, оттеснившей и ту и другою фигуру на периферию сегодняшних обсуждений, высказываний и вообще общественного мнения. Правда, так называемое общественное мнение газет и телевидения не надо путать с любовью народа. Было произнесено слово «зависть». От себя замечу, что, конечно, очень удобно двух таких гигантов русской культуры держать в запасниках жизни… Когда я впервые, сидя в первом или втором ряду партера во Дворце спорта в Лужниках на Московском фестивале, смотрел одну из частей «Войны и мира» — я не мог понять, почему интеллигенция считает, что это для нее плохо или недостаточно хорошо. Почему считается, что плохо играет Ирина Константиновна Скобцева или не так хорош Вячеслав Тихонов, не так величествен и правдив сам замок великого толстовского произведения в фантазиях Бондарчука. Признавалось только то, что уже и тогда казалось бесспорным: его батализм. Последние годы я не могу понять, почему МХАТ им. Горького как бы театр на обочине Тверского бульвара? Я хожу туда, меня потрясает и «Лес», и «Васса Железнова» и другие спектакли, где играет Доронина, и не одна она. Не могу понять, почему люди, никогда не переступавшие порога театра, бывшего ранее под эгидой всемогущих железнодорожников, считают, что не так хорош Театр Гоголя, теперь руководимый Сергеем Яшиным, где играет, кроме знаменитой Светланы Брагарник, еще невероятно тонкий — Олег Гущин и куда приезжает на роли Светлана Крючкова из Ленинграда. В этих театрах энергия со сцены непосредственно попадает в зрительный зал, разве это плохо? А почему, не глядя, критики стороной обходят последние достижения замечательного режиссера и актера Владимира Андреева в другом театре, находящемся совсем рядом с Красной площадью, в Театре Ермоловой? Почему всех так не радуют неброские, но мощные достижения русской классической театральной школы? Согласимся, что иногда следовать традиции это отвага и героизм.

Но, кажется, я ушел от темы. И если говорить проще и опять вернуться в русло рассуждений, то можно сказать: мягкий, пушистый и добрый Вульф протянул лапу и, как он делал уже

неоднократно, — ударил!.. И как же это хорошо, когда в искусстве некоторые люди обладают мужеством сказать правду об истине.

31 марта, пятница. С утра опять ходил в отдел охраны перезаключать договор. Уже ученый жизнью и обстоятельствами, пришел к половине десятого, но и то был четвертым и, по моим расчетам, процедура для меня закончилась бы часа через полтора. Коридорчик, в котором мы ожидали решения своей участи, небольшой, тесный, с четырьмя стульями, я сидел на пятом, который сам же и собрал. Потом народ еще подвалил, а в четверть одиннадцатого появился Константин Яковлевич Ваншенкин. Вспомнили общих знакомых, посетовали на плохую организацию дела у нас в стране. Но я все время держал в уме его возраст и думал: отстоит ли он очередь, хватит ли сил и терпения? Сам-то пройду, а он еще часа два-три будет ждать. С этими мыслями вошел в кабинет, где все волшебным образом разрешилось.

Женщина, которая стала заниматься мной, была внимательна, вежлива, ответила на все вопросы. В частности, сказала, что охранный прибор в квартире пока можно и не менять, но сделать это будет нужно, когда придет извещение, что районная телефонная станция переходит на цифровую систему. Но я все время думал о Ваншенкине. И в конце процедуры сказал ей: «За дверью в длинном хвосте стоя ждет очень немолодой человек, который написал слова к самым знаменитым песням, которые мы с вами пели всю жизнь. В частности, «Я люблю тебя, жизнь». Может быть, вы вызовете его без очереди?». — С этими словами подаю ей бумажку с фамилией и именем-отчеством поэта. И эта замечательная женщина вышла со мною, и безапелляционным тоном, не позволявшим никаких возражений, молвила: «Константин Яковлевич, вы, как всегда, пропускаете свое время для разговора со мной…» Поэт стал неловко извиняться.

1 апреля

1 апреля, суббота. Если кто-то умеет хранить тайну — то это Владислав Пьявко. Мой сосед по дому, Станислав Бэлза, тоже хорош: увидел меня, сидящего в первом ряду, как раз против него — он на сцене, за специальным столиком, всё это происходит в зале у Паши Слободкина, и ни одного взгляда, ни поднятой брови, никакого намека. Правда, я и сам мог бы догадаться, меня смутили мои билеты: первый ряд, 9 и 10 места. Но, с другой стороны, все-таки во мне силен дух предчувствия: на этот раз я взял с собою Диму Михайлова, фотографа, который теперь работает вместо Саши Волоховского. Так вот, сидим мы вместе, как на углях, потому что весь этот вечер у меня строго расписан, и я отчетливо понимаю, что остаться до конца концерта и церемонии не смогу. Но надо рассказывать сначала.

Суббота эта, текущая, как я знал заранее, будет очень загружена. Дня за два до этого позвонила Зинаида Ивановна, помощница Т.В.Дорониной. Дорониной все-таки собираются вручить орден «За возрождение Отечества» — высшая общественная награда, вызревшая где-то в недрах кладовых мэра. Потом позвонила Алла Корнеевна Пеняева и обе они оказывается — и Т.В. и Алла Корнеевна, хотят, чтобы обязательно вручал этот орден я. Я, сразу предупредил, что мне это будет тяжело, так как 1-го апреля состоится вручение наград в Фонде Ирины Архиповой, и я дал уже обещание быть там. Я колебался-колебался, но, конечно, отказать никому не сумел, надо войти в положение… В этот день во МХАТе на Тверском премьера «Рюи Блаз», в постановке Бейлиса. Потом, после спектакля, чествование Коли Пенькова, у которого образовалась дата. В общем, явка обязательна. Вот так складывался день. А утром я поехал за дешевыми продуктами в «Ашан». Недавно я где-то прочел, что это самый посещаемый в Европе магазин. Машин и народа тьма, это понятно, наш средний класс — это класс средненький, выбившийся только что из маргиналов, в «Ашане» его представление о роскоши, Европе, его стесненные возможности, которые начинают казаться не вполне стесненными, «Ашан» это еще и его культура. А что этому не среднему классу еще делать? Купил еще также в соседнем с «Ашаном» «Икеа» стеллаж для книг, порадовавшись тому, как ловко, конструктивно, грамотно шведы делают подобные вещи, а мы, русские, платим за них деньги, уходящие в зарубежные банки. А ведь из чего они делают? Из обычной, может быть даже русской, сосны. Так вот, привез все вещи домой, разложил продукты по холодильникам, чуть

отдохнул, завел машину и поехал в большое культурное странствие. Я всегда злюсь на себя, что торопливо составляю планы и толком ничего не знаю.

Фонд Архиповой всегда вручает свои награды первого апреля. Но о Фонде чуть позднее. Однако я никогда не знал, что дата эта связана с тем, что в 1956 году состоялся дебют Ирины Константиновны Архиповой — Боже мой, 50 лет тому назад, она выступала в роли Кармен. Теперь о Фонде. Я уже давно увидел, что некоторые организации каким-то образом вытягивают деньги из наших богатеев, чтобы продвигать вперед искусство. Здесь проявляется непонятная черта русского характера: ну зачем прославленной актрисе, которая может жить на свою славу все оставшиеся дни, всё это? Зачем это Владиславу Ивановичу, который каждый день мог бы сидеть и слушать записанные на диски свои собственные оперные партии? Но он все время что-то предпринимает, звонит, выпускает диски иных певцов, выпускает книги.

Открылся занавес — Ирина Архипова и Владислав Пьявко стояли рядом. Владислава я уже видел прежде — в черном костюме, с медалью, в бабочке, но Архипова была как легенда о самой себе: в каком-то черном змеящемся платье, с переливающимся мехом на плече, картина невероятная. Действие было придумано замечательно, вел Бэлза с какой-то дамой. Концерт был посвящен русскому романсу. В перерыве между номерами вручали награды. Я не помню всех имен и фамилий, кроме певцов были еще деятели искусства, женщины, занимавшиеся музыкой в провинции, журналисты, освещающие творческий процесс. Если о сильных впечатлениях — то было нечто, что исчезло теперь из нашего обихода: это романсы— дуэты, совместное музицирование, когда два голоса сливаются и расходятся, как воспоминание о любви, это как эхо былого… Были очень интересные певцы, в частности Денисов, баритон из «Новой оперы», который поразительно артистично пел песни Тихона Хренникова. Музыка вся знакомая с детства — но вот она уже стала классикой! «С треском лопаются бочки…». В антракте я, поставив в сноп цветов свои скромные гиацинты, которые я прикупил еще в «Ашане», через сцену сказал Владиславу Ивановичу, что скоро уезжаю, а он мне в ответ: «Сиди!» Тут я догадался, что-то должно произойти, что-то произойдет. Когда в середине второго акта выкликнули на сцену меня, я потопал вверх по ступенькам, по пути показав кулак своему соседушке Бэлзе, дескать, мог бы меня предупредить. Я уже был готов, как-то сама по себе возникла речь. В моей жизни это не первая премия, не первое лауреатство, но самое важное — из чьих рук

оно получено. А здесь получено из рук Архиповой, как бы из рук самой Афины-Паллады, или, или по-римски — Минервы… Я сказал о концертах, на которых бываю в течение многих лет, и которые прорываются сквозь толщу современной псевдо-музыкальной жизни. Объективно вся эта попса, кричащий телевизор и воющие диски — объективно затягивают человека, они громче и, может быть, ярче того, что предлагает живой голос певца. Но эти концерты у Архиповой — как бы воспоминания об уровне других отношений и других чувствований, прекрасных и возвышенных самих по себе, это воспоминания о том, что мы должны чувствовать ежедневно. В общем, я получил из рук Архиповой диплом, букет, потом запечатанный скрепками конверт, который открыл только дома. Тоже неплохо, рука дающего — не оскудевает, придется раскошелиться и что-нибудь придумать по этому поводу. И тут я себя, сукина сына, ругал: что деньги, они меня никогда особенно не волновали, а почему я не купил большой букет?.. С другой стороны, зачем и кому этот большой букет нужен? Но теперь что-нибудь придумаю, изобрету.

Во МХАТ успел к последней сцене спектакля. Доронина сидела в ложе дирекции. Огромная ложа в полутьме казалась таинственной. Я сел рядышком, положил цветочки на пол. Много позже, после всех церемоний, когда в кабинете дирекции осталось человек 12, так сказать, свои людей, началось празднование. Доронина рассказала историю одной своей поклонницы, которая ходит на все ее спектакли в течение многих лет. Каждый раз та приносила цветы. И вот началась перестройка, все рухнула, а эта учительница все ходила и все приносила цветы, теперь уже выкраивая деньги из своей ничтожной пенсии. И вот как-то, получая цветы, Т.В. прошептала ей: «Ну, ходи ты хотя бы без цветов!» И как же эта старая учительница ее позже в письме отчитала! Вот оно — чувство достоинства у русских людей, никого не волнуют цветы как товар, а только как факт признания.

Итак, мы досматривали спектакль, испуганный Дима примостился где-то в уголочке. И я вспомнил, как много лет назад тот же Бейлис поставил в Малом театре спектакль, пьеса называлась «Тайны Мадридского двора». Роскошные декорации, много золота, но почему-то спектакль не стал кассовым. А тут я почувствовал, что это будет не только хороший, но и кассовый спектакль. Боже, как внимательно все слушали романтические перипетии в стихах! Как мы соскучились по возвышенным ощущениям и такому вот пониманию жизни! Значит, в России что-то еще живо, что-то еще готово расцвести, как только уйдут снега.

Второе, что меня взволновало, это закрытая какими-то

щитами огромная ложа через зал напротив директорской. В какой из этих двух этих лож в свое время Брежнев смотрел спектакль по пьесе Шатрова «Так победим!», откуда неслись его нелепые реплики, запомнившиеся всему залу?

Дальше все было привычно, зал, как это ни странно, не разошелся, происходило чествование довольно долго. Николай Пеньков отыграл замечательную сцену. Потом уже мы, со своими орденами, букетами, речами выступали, а я подумал, что скоро удивлю этот театр своей новой статьей, которую сдал в «Литературную газету». Жизнь идет. Началось на пятом этаже застолье, обычная простая еда, семгу и осетрину никто не ел, а налегали на картошку и селедку. Сидел рядом с Дорониной, в какой-то момент, из разговора с ней, я понял, что она внимательно прочитала мой «Марбург» и ее заинтересовало — кто прототип писателя. Но это заинтересовало многих. Она еще спросила: как поживает моя собака. Я не сказал ей, что собаки больше нет, и, что я собаку до сих пор вспоминаю. Еще одно впечатление: когда сияющая Доронина выходила на сцену и своим поразительным голосом произносила приветственные слова Пенькову, а потом катила за собой свой газовый шлейф — как только она входила за кулисы, она тотчас превращалась в требовательного и строгого менеджера, следящего, чтобы все происходило по правилам и точно. Сколько же в нас всех живет разного, и чем больше этого разного в человеке, тем он сильнее, интереснее и значительнее.

2 апреля, воскресенье. Придуманный БНТ «День открытых дверей», к счастью, получился. Сыграет ли это свою роль при наборе, не знаю. Когда я, чуть позже, после общего собрания в конференц-зале, уже наверху, в 23 аудитории, давал консультацию, а, практически, кроме решивших поступать на перевод, здесь собрались все, вот тут-то я и провел опрос: ни одного человека, который уже бы подал документы, среди присутствующих не было. Разведчики? Пришли узнать, можно ли поступить на халяву? Отметим, что ребят было очень мало, в основном молоденькие, с родителями девушки. Тем не менее, все прошло очень складно. На общем собрании говорил в основном я, но это и понятно, БНТ поднимал меня три раза: по поводу кафедры творчества, где я рассказал о впервые сформулированной мною идеи двух потоков. А так оно и есть: все должно сливаться, общеобразовательные дисциплины со специальной, мастерством — именно во время творческих семинаров. Потом пришлось говорить о системе отбора, здесь все легко, а напоследок, чего я не ожидал, о принципах собеседования. Здесь я немножко материал попридержал: не

хотел давать наводку. Навыки и приемы собеседования нарабатываются годами, и все сразу выложить невозможно. После небольшого перерыва, как я уже написал, провел наверху консультацию от имени кафедры. Помогали Рекемчук, Гусев и Киреев — все говорили хорошо. Надо вообще отметить, что с моим уходом с ректорской должности, я стал больше бывать на кафедре, отношения стали легче и сердечнее. Во время консультаций мы представили и наших «знаменитых» студентов — Димахина и Антона Тихолоза, и наших молодых преподавателей — Арутюнова и Тиматкова.

После всех мероприятий беседовал с В.И.Гусевым. В качестве пробного шара предложил выдвинуть меня на «Премию И.Бунина». В.И. об этой «профессорской» премии ничего не знал. Я буквально увидел на его лице следы работы. Потом он, не придумав, кому эта премия могла бы пригодиться, уклончиво сказал: подумаем.

Вечером часов в девять-десять лег спать, но до этого посмотрел передачу Познера, разговоры вокруг недавнего оправдания судом присяжных ребят, связанных со смертью девятилетней таджикской девочки в Ленинграде, а потом и скинхедов. Народ был интересный. Жириновский все время талдычил об угнетении и геноциде русского народа. Это неискренняя популистская болтовня, замешена, конечно, на действительном положении дел, но в его исполнении, она раздражает и не приносит ожидаемого понимания и мира. Был Иван Дыховичныйпозиция которого была взвешена, терпима и гуманна, Саша Проханов, который говорил хорошо, но повторялся со своим тезисом об Империи, а также Барщевский и Нарусова в новой прическе, но агрессивно-пустая. Кстати, выяснилось, что она председатель комиссии Совета Федерации по информационной политике: значит— мать и дочь — заняли ведущие места в этой области, и обеих не столкнуть. Одна на законодательном Олимпе, другая — в логове практики. Самое интересное, что в этих разговорах всплывали подробности, которые заумалчивались прессой. В случае с девочкой, кажется, это нападение объясняли, что семья распространяла наркотики, и брат главного подозреваемого от этих наркотиков пострадал. И еще была деталь, которая сыграла на оправдательный приговор — «прокуратура не позаботилась о доказательной базе» (это, кажется, Барщевский) никаких докзазательств, кроме того, что предполагаемый убийца «левша», не было.

3 апреля, понедельник. Проснулся в четыре утра, сварил грибной суп, работал с дневником. В Союзе Писателей забрал пригласительный билет на завтрашний Собор. Можно даже не

загадывать: если сегодня Собор, то завтра будет Пленум. Из экономии ли так устраивается или по каким-то идеологическим причнам, я не знаю. Из Союза поехал в ИМЛИ к С.А. Небольсину. Поговорили с ним об институте, потом о живом литературоведении, которое, по его мнению, я и представляю. В институте все тихо и спокойно. БНТ уехал куда-то на пару дней в командировку. Вернулся домой к шести и сразу же сел за врез к статье Н.В. Матрошиловой, написанный С.П… Пока правил и добавлял все время перезванивался с С.П., я только оформлял его мысли, потом по статье пройдется он. Так оно и получилось.

Феномен частного письма.

На этих страницах читатель найдет два письма. Оба они написаны о литературе и по поводу литературы. А если быть точнее, одно написано читателем, а другое писателем. Но дело в том, какой читатель и что он сумел сказать писателю. Писатель хорошо известен и широкому кругу, если такой круг еще остался, поклонников литературы, и в Литературном институте, потому что до недавнего времени именно он, — Сергей Николаевич Есин — возглавлял это учебное заведение. Ректором он пробыл три сорок: с 1992 по декабрь 2006. Библиографию С.Н. Есин можно и не представлять, она тоже хорошо знакома. Есин автор почти десятка романов, один из которых «Имитатор», вышедший в «Новом мире» в начале перестройки, привлек особое внимание публики. Из последних произведений известны «Дневники ректора», удостоенные ряда премий и теоретические работы о литературе и искусстве писателя. Два тома «теории» выпущены издательством «Литературная газета». Внимание к теоретизированью понятна, с годами художественная, изобразительная сторона творчества, как правило, угасает, писатель сосредотачивается на исследовательской и мемуарной работе. В данном случае все оказалось не совсем по правилам: в конце прошлого года, в 10 и 11 номерах все того же «Нового мира» был опубликован новый роман у бывшего ректора Литинститута, а ныне заведующего кафедрой Литературного мастерства «Марбург». Почему «Марбург», а не, скажем, Франкфурт-на-Майне, тоже литературный город? История эта длинная, частично она изложна и в самом романе, частично в представляемых читателю письмах, но отметим также, что сам роман посвящен одной из жительниц Марбурга, немецкой славистке Барбаре Кархоф.

Теперь о читателе — о, он тоже не так прост. Во-первых, — это женщина, потому что именно женщины в наше время находят время и имеют терпение что-то читать. Чтобы читать, а не только смотреть телевизор надо еще обладать внутренней жизнью. Но,

впрочем, так, наверное, было всегда. Имя это читательницы — хорошо известно по крайней мере специалистам. Это Нелли Васильевна Матрошилова, обладательница редкой для женщины профессии — философ. Ну, естественно, профессор, доктор наук и — писатель. Последнее важно. Кажется о «устные» философы закончились на Сократе. Библиография этого автора, наверное, более значительна, чем у предыдущего. Ее перу принадлежит ряд работ, связанных с историей немецкой философии. Назовем несколько, дабы соблюсти паритет. «Принципы и противоречия феноменологической философии» (1968), «Познание и общество. Из истории философии ХУП — ХУШ вв.»(1969), «Путь Гегеля к «Науке логики» (1984), «Социально-исторические корни немецкой классической философии» (1990), «Рождение и развитие философских идей»(1991), «Идеи» Эдмунда Гуссерля как введение в феменологию» (2003). Последняя, знаковая для нас книга Н.В. Матрошиловой — «Мыслители России и философия Запада» 2006). Но здесь уж ничего не поделаешь, писать приходится много, как говорится, положение обязывает — Н.В. Матрошилова заведует отделом историко-философских исследований Института философии Российской академии наук.

После представления участников переписки, можно порассуждать о частном письме. С появлением телеграфа, телефона Интернета оно почти забыто. Однако, оказывается, есть еще люди, которые переписываются между собой и даже не на компьютере, а «от руки».

Сколько же частное письмо дало нашей и мировой литературе, сколько выросло из него сюжетов, сколько выпестовало оно мыслей. А в наше время угасания текущей и фундаментальной критики, оно может послужить теоретической частью литературы. Именно это и понуждает напечатать частную переписку наших авторов. Они не проявляли радости по этому поводу, но, как люди, достаточно много печатавшиеся, согласились: коль нужно, так нужно. Все остальное читатель поймет сам.

Теперь надо приниматься за собственное, ответное письмо.

4 апреля, вторник. Утром, за два часа до открытия, я отправился на Х Русский Народный Собор. Диктую эту страничку В.Я. сразу, как только вернулся, душа еще горит — ведь сложность Дневника заключается в том, что почти немедленно детали перегорают, кажутся не такими важными и нужными. А в искусстве — деталь это бог. Но о технологии потом, по надиктованному тексту все что-то добавляю и уточняю. Времени уходит даже больше, чем если сначала писать пером, а потом перепечатывать на машинке.

Зная московские порядки и тесноту на улицах, машину поставил на Пречистинке, метров за 800 от Храма Христа Спасителя. Думал, что попаду ко времени, потолкаюсь, поговорю со знакомыми. Очередь в зал Церковных Соборов меня не смутила, но я забыл, что это русская очередь. Конечно, очень приятно — кругом свои люди. Они старались каждый найти знакомого, и поэтому, медленно двигаясь вперед, очередь расширялась, как удав, съевший кролика. Появлялись какие-то дамы во вполне приличных шляпках, какие-то мужчины, с патриотическими разговорами о родине, о православном духе. Я стоял и думал, что они-то и должны создать ту ситуацию, те правила, по которым будет потом жить народ. Когда приблизились к калитке, долго наблюдал, как в нее все время входили группки непонятных мне людей. Это не были чиновники, чиновники давно были внутри, а какие-то знакомые, свои.

Собор открыл Патриарх, говорил достаточно обще и не очень интересно. Я сидел рядом с Бориславом Милошевичем, он знает меня, я знаю его. Чуть-чуть поговорили о его брате, потом подошел Дмитрий Жуков, долго стоявший в очереди и мечтавший найти место хотя бы на галерке. После Патриарха выступал митрополит Кирилл. Тема — свобода современного человека, права, церковная ответственность. Доклад оказался менее интересным, чем я ожидал. Хотя говорил он, по сути, правильные вещи — относительно абортов, эвтаназии, игорных автоматов, нетрадиционного секса, винопития; о язвах современной жизни, которые распространяют современные средства массовой информации. В остальном же речь была в духе тоталитарной церковной практики. Он уповал на инструменты — государства — законы, нормативы, запреты. Лучше было бы затронуть — голос Бога в душе каждого человека. Митрополит Кирилл говорил и о пропорциональном введении в армию священнослужителей различных конфессий. А кто будет определять пропорции? И о религии в школах — нельзя же держать в одной школе и православного священника, и муллу, и раввина…

Все эти мысли прокручивались в моей голове, когда я возвращался в институт.

Прочел две работы, поступающих в институт ребят. Девочка, кажется, из Москвы — ***Николаева Ирина.*** В рецензии я написал так: «Довольно уверенное без всплесков письмо. Небольшие рассказы-притчи, есть «волшебное», точнее, неземное, сверхъестественное, но, в отличии от других подобных работ, на русской почве, с русскими именами и русскими обстоятельствами. Девочку интересует моральная тема, меня это в ней привлекает, но делает все она в «обсказе». До экзаменов,

пока, допускаю «да», но во 2-м эшелоне». Паренек — ***Ким Дима,*** кажется из Приморского края. Вот рецензия на него: «Обидно, что, видимо не без способностей, паренек пишет «волшебную» чушь: маги, иностранные имена — Гарри Потер шагает по стране, да здравствуют наши масс-медиа. Скорее всего «нет». Наш институт ориентирован на другое». Дети, которых неверно направляет школа и телевизор.

5 апреля, среда. С утра устроил себе день здоровья, был утром в бане, где и начал писать конец главы в новый роман. Я уже знаю, когда у меня в голове возникает некий затор и дальше не пишется, надо идти в спортзал или в баню. К трем часам успел в институт, где БНТ собрал встречу с редакцией «Нового мира». Зал был почти полный, но довольно быстро все начали рассасываться. Уверенно и интересно вел встречу Андрей Василевский. Сидели за столом Михаил Бутов, Руслан Киреев, Ольга Новикова, о которой я, оказывается, написал в дневниках «умная баба». Это выяснилось, когда, уже после встречи, я с нею заговорил. Меня неизвестно почему, она интересовал больше всех других присутствующих. Говорили интересно. Поважнел за последнее время Юрий Кублановский. Отдел критики и публицистики основательно рассуждал об отсутствии цензуры, даже внутренней. В качестве примера приводили именную «Книжную полку»: она, дескать, изначально не подвергается никакой цензуре. Здесь я позволил себе отпустить реплику: а какая же может быть цензура, когда вы заказываете, обзорную статью или «полку» Алле Латыниной, а не Капитолине Кокшеневой? Бутов много и точно говорил о поведении начинающего писателя. Когда все закончилось, через некоторое время я заглянул в ректорат. Там, оказывается, устроили для гостей чай. Меня на него не позвали. Это со стороны БНТ не очень славно, хотя бы потому, что я один из известных авторов «Нового мира». Я в подобных случаях звал всех заведующих кафедрами. Вечером у нас был у нас Леня Колпаков, говорили о его только что рожденном внуке Артеме и наших литературных делах. Алексей Слаповский, с которым было все обговорено, от преподавания отказался, похоже, что откажется и очень занятый и небрежный Кублановский. Как в конце жизни писатели пекутся о своей славе!

6 апреля, четверг. Утром ездил в Киноцентр на Краснопресненскую, в Благотворительный фонд. Валя хотела бы опять съездить в Матвеевское, в Дом Ветеранов кино, и фонд дает ей бесплатную путевку на 5 дней, остальное придется оплачивать самим. Но это единственная возможность ей пообщаться с людьми, сменить обстановку, больше гулять, отдохнуть от меня в

конце концов. В Центре все великолепно, но оттуда недавно выехал Музей кино, я услышал в коридоре разговор, из которого понял, что готовятся вывозить и еще какие-то вещи Союза кинематографистов. Положение с собственностью здесь похожее на ситуацию в писательских союзах, но похоже, что кинематографисты отчуждают бывшую государственную собственность в свою пользу (словом воровство не пользуюсь) более решительно. В метро, ожидаю, пока милые женщины из Фонда откроют контору, читаю абитуриентку. Девочка из Москвы — опять нечто волшебно-фантастическое.

«Банальная беллетристика, выдуманные сюжеты — заказанная «влюбленность», «девушка со свойствами» — невыразительное слово, плохие диалоги, «неглупая девочка хочет стать писательницей». Пока скромно «да», последний эшелон, а может быть, потом и «нет». Нужна вторая селекция».

Пообщавшись с народом, я подумал, что хорошо бы написать рассказ «Мститель». Интеллигент, встречаясь с необязательностью обслуги быта, принимается мстить виновникам этих неудобств, притворяясь то врачом, то экстрасенсом, то автослесарем, то фининспектором или таможенником.

К трем часам, как было уговорено, поехал встречать Г.Д. Гачева на площадь Гагарина к новому зданию Академии. Несмотря на возраст — на семь или восемь лет старше меня — он человек предупредительный и внимательный: накануне созвонился с кем-то из своих знакомых автомобилистов и сообщил мне место явки — на троллейбусной остановке седьмого маршрута, если ехать из центра. Отправились на моей машине сначала в ИМЛИ, где и у Гачева были дела, и я должен был забрать отзыв на диссертацию у С.А. Небольсина, дальше у нас был план: пообедать и дернуть на спектакль театра Виктюка в Доме музыке на Павелецкой.

С Гачевым меня многое сближает — творческая манера, взгляда на окружающее, любовь к простой жизни. Главная его работа — огромный труд о ментальностях народов мира. Несколько томов опубликовано, но многое еще лежит в рукописи. Меня поражает: у человека с таким именем что-то лежит не востребованное! В то время, когда никого, и его тоже, не выпускали за рубеж, он, создавая книги о странах и народах — таким образом, он путешествовал. Здесь форма удивительно сплавлена с личностным началом, форма дневников забирала научные сведения и переплетала их с назидательными собственными историями. Он, мне кажется, как и я сам, человек

всем удовлетворенный и никому не завидующий. Месячный оклад старшего научного сотрудника и доктора наук в институте, где он работает, составляет 4500 рублей. Как и меня, его тревожит слабая востребованность. «Мои читатели все поумерали». Боюсь, что мои тоже. Мы не тусовались, не бегали по вечеринкам, не шушукались по кухням, проза и научная работа требуют большого времени. Свой кайф словили, когда писали свои книги, и вот — результат.

Сережа Небольсин, как и обещал, не тольконаписал свой пятистраничный отзыв, но еще и прочел роман. Как человек литературный даже оставил об этом некое свидетельство.

«Батенька! Сказал — прочту единым залпом, и прочел. Там слоев несколько.

Мне был близок тот, что соотносим со «Скучной историей» Чехова (или как там это?) Кстати, в силу того «Марбург» твой — НЕ роман.

О других слоях. Еще раз ощутил беспомощность бондаревского иностранничания в его повести про Эмму Герберт в 1945 и потом. В сравнении с твоим эта его детскость напыщенная вопиет.

Но это детали.

Об ином после поговорим.

С.Небольсин.

Р.С. Мне чуждо вникание в физическую близость и описание ее».

Последнее замечание для меня очень существенно. Я-то, наивный, начитавшись наших и зарубежных писателей второго плана, полагал, что без этого нельзя. А ведь как мучаюсь, когда что-то подобное пишу, как часто В.С. говорит мне, что этого я писать не умею.

Отзыв и письмишко лежало в картонной папочке с надписью: *«С.Н. Есину, эсквайру».*

Обедать втроем пошли на Арбат в какой-то довольно милый и не дорогой турецкий ресторан. Ели, ориентируясь на пост: рыбный суп и жареная рыба с прекрасным соусом из граната. Самым интересным по пути и за обедом были разговоры. Наша среда, наши, нашего возраста воспоминания. Цитировать что-либо не решусь, хотя рука и зудит: все писатели, и прошлое принадлежит каждому.

Завершающая часть программы — спектакль Романа Григорьевича Виктюка «Последняя любовь Дон Жуана, или эшафот любви» по пьесе Э.-Э Шмит (а —?). На программке, очень изысканной с фигурой обнаженного героя, небольшой текст самого Виктюка. «Странная история о великом обольстителе,

которого его бывшие любовницы заманили в ловушку, судили и приговорили жениться на его последней жертве или умереть. Дон Жуан выбирает…».

Георгий Дмитриевич, когда, еще до спектакля, когда мы говорили об этом мировом мифе сказал, что у его жены, литературоведа и философа Светланы Григорьевны Семеновой есть теория, по которой Дон Жуан, латентный гомосексуалист, не находя удовлетворения переходит от одной женщины к другой. Спектакль, вернее пьеса — следование этой теории. Есть, конечно, и примесь одной из историй «Опасных связей». Последняя любовь Дон Жуана — брат его возлюбленной, которого он случайно и убивает.

Гомосексуальная тема по закону парных случаев сегодня работает во всю. У молодой девушки, которую я рецензировал в Благотворительном фонде, есть такой пассаж. Герои переговариваются по Интернету: — Смотри, кто становятся гениями: левши, гомосексуалисты, больные шизофренией. Другой вопрос, почему мы их считаем гениями?

Спектакль, если бы погуще был текст пьесы, оказался бы великолепным. Столько выдумки, столько нерва! Но мысли мало, она не конкретна. Разговор Дон Жуана с последней своей возлюбленной скучны, как труды некоторых ученых. Минут десять побыли с Гачевым за кулисами. Рампа погасла, боги превратились в обычных людей. Народа в замечательном круглом зале Дома музыки было не слишком много, Роман Григорьевич сказал, что они привыкли играть в огромных залах, поэтому спектакль был трудный. И стоит ли верить всем артистам? Вспомнил фразу из Андерсена: «Но комнатным цветам верить не следует, слишком уж они близки к людям».

После спектакля отвез Г.Д. в Переделкино и, по другой дороги к 12-ти ночи вернулся домой. Дома сказали: звонила из Нью-Йорк. Моя приятельница, Илона, благодарила за выступление по «Эхо Москвы».

7 апреля, пятница. Утром погрузил коробку с фотографиями и поехал к Г.С. Костровой: полдня просидели, отбирали фото для новой книжки дневников. Атмосфера хорошо налаженного дома, замечательно меня покормили.

Говорил с Алексеем Варламовым, относительно преподавания у нас литмастерства. Это нам было бы выгодно: и хороший писатель и научное звание — он доктор филнаук. К сожалению, берем мы его только совместителем: естественно, он хочет сохранить свою трудовую книжку в Университете.

На фоне суждений, прозвучавших за последнее время об армии и об отсрочках, выписываю кое-что из «Труда» за

сегодняшний день. Сначала гневную филиппику: *«…шквал гневных откликов на новации властей вызвала не столько сама идея сократить количество отсрочек, сколько то, что в административном порыве чиновники опять не подумали о простом человеке. И не предложили никаких мер, чтобы в армию шли все, а не только дети из малообеспеченных семей».* Двойная жизнь это моя стихия, я всегда чувствую ее так же, как и потерю совести.

«Сын брянского губернатора Николая Денина Александр Денин окончил государственный университет в 2005 году. Поскольку родился он в 1981 году, то до сих пор числится призывником. Однако попытки отправить его в армию успехом не увенчались. Как сообщил собственный корреспондент «Труда» в Брянске, осенью прошлого года РОВД Брянского района получило списки граждан, уклоняющихся от воинской службы. К удивлению милиционеров, в нем значился и Александр Николаевич Денин. Однако и после того он остался призывником, который вроде бы поступил в аспирантуру и на том основании имеет право на отсрочку. Правда, корреспонденту «Труда» так и не показали документы, свидетельствующие об этом. Пресс-служба губернатора не смогла ответить на вопрос о том, чем сейчас занимается Александр Денин. По сведениям, которые удалось раздобыть из других источников, он занимается бизнесом и регулярно посещает футбольные матчи брянского «Динамо». Вот и верь после этого в общество равных возможностей. Дальше идет небольшая заметочка, которую, дабы неприязнь не утихала, переписываю целиком.

«Данные, почерпнутые из открытых источников, дают некоторое представление о том, кто из детей высокопоставленных чиновников и почему избежал службы в армии.

Антон Бурбулис, *сын члена Совета Федерации Геннадия Бурбулиса. 26 лет: выпускник Высшей школы экономики, аналитик компании «Son and Partners»*

Олег Греф, *сын главы Минэкономразвития Германа Грефа. 24 года: окончил юрфак С.-Петербургского университета, продолжает учебу в Германии.*

Дмитрий Грызлов, *сын спикера Госдумы Бориса Грызлова. 27 лет: окончил Северо-Западную Академию госслужбы при президенте РФ. Вице-президент Общенационального фонда молодежных программ «ДАР».*

Максим Драганов, *сын депутата Госдумы Валерия Драганова, 28 лет: по окончании вуза занимается юридической практикой.* ***Владислав Драганов,*** *18 лет: учится в Англии.*

Борис Ельцин, *внук экс-президента России. 24 года: учился в Англии, продолжает образование в Высшей школе бизнеса при МГУ.*

Владимир Кириенко, *сын главы Росатома Сергея Кириенко. 23 года: окончил Высшую школу экономики, финансовый директор крупной компании (Н.Новгород).*

Игорь Лебедев, *сын вице-спикера Госдумы Владимира Жириновского, 34 года: окончил Московскую государственную юридическую академию, работал помощником депутата Госдумы, сейчас в аппарате ЛДПР.*

Алексей Титов, *сын губернатора Самарской области Константина Титова. 32 года: окончил Самарскую экономическую академию, возглавлял Самарский филиал «Альфа-банка», глава совета директоров одного из крупнейших в Поволжье банка «Солидарность».*

Петр Фрадков, *сын премьер-министра Михаила Фрадкова, 28 лет: окончил МГИМО. работал заместителем гендиректора Дальневосточного морского пароходства, сейчас — директор департамента представительства Внешэкономбанка в США».*

8 апреля, суббота. Боюсь, я недооцениваю способности неимущих и детей окраин. Вышел из подъезда и встретил Сашу, парнишку, которому всегда симпатизировал. Он сын наших дворников, приехавших, кажется, из Киргизии. День и ночь они метут двор, а весной рыхлят снег и колют лед. Два года назад Саша, тоже лед рубил, но при этом все время пробивался на службу в милицию. Пробился. Когда я его встретил, он вылезал из новеньких «Жигулей».

— Твоя?

— Моя?

— Награбил?

— Это не долго.

Жизнь в России определенно с каждым днем становится все бесстыднее и страшнее.

Был днем у Нины Павловны, ездил за болванкой отзыва на диссертацию. Опять система парных случаев. Пока ехал к ней на памятном мне Бородинском мосту вспомнил о ее, Нины Павловны мемуарах, и вовсе не потому, что писал к ним предисловие, — сколько забывается, хотя первоначально казалось, что в памяти будет держаться долго. И вспомнив, подумал, что надо убедить ее продолжать записки. Мотив, по которому она колеблется, мне известен: какие-то эпизоды из своих историй она хотела бы оставить лишь в своей памяти. И вот, по этому самому закону парных чисел, Нина Павловна сама заговорила о своих мемуарах, и очень внимательно выслушала мои советы.

Нина Павловна рассказала мне несколько историй, и я опять

подумал о ее нравственной чистоте и цельности. Выслушав одну из историй, я вспомнил недавнее суждение С.А. Небольсина об описании физической близости героев в литературе. Как это точно — и одновременно и по-русски, и по-английски. И почему, идя напротив себя, я решил, что без этого элемента современная литература не существует?

Нина Павловна рассказала, между прочим, что у них в университете ввели звание почетного профессора: двойной оклад, и профессор сам определяет свою нагрузку. Правильно: есть люди, которые просто не могут сидеть без работы.

9 апреля, воскресенье. Невероятно угнетает, что мало пишу и читаю. Утром, правда, почти час разбираю английский. День проходит в секретарских, я бы сказал, делах, их обычно поручают домашним помощникам, а иногда и домработницам. Начал с того, что «перевел» банку кислой прошлогодней капусты в солянку. Спасает «сталинская» «Книга о вкусной и здоровой пище». В названии только два прилагательных, третье — подразумевается — «дешевой». Готовил солянку под перебор телевизионных шоу на кухне. Участвуют: Ваня Дыховичный, оливковое масло вместо нашенского подсолнечного, и реклама в виде непостижимой красоты кухонь, дорогой посуды, изысканных продуктов. Реклама, скрытая и явная, несмотря на путинские указы, бушует и сверкает. Жизнь раздваивается: на телевизионную демагогию и обыденное существование.

После двенадцати взял из мастерской фотографии, которые мы вместе с Г.С. Костровой выбрали с диска, посидел часок над дневником, напечатал несколько слов во вторую главу романа и поехал к Нине Павловне подписывать отзыв. Всё повторилось опять: разговор о литературе и жизни, каждый вспомнил что-то свое. Я опять обратил внимание: сколько одновременно читаемых книг в ее маленькой комнате. Но надо было ехать дальше. К счастью, созвонился с Максимом, он мне помог. По дороге позвонил друг, его сокурсник Рубинский, парень из Челябинска, он приехал как автор-поэт мюзикла, представленного на Золотую маску. Тут я подумал, что когда мы в институте, когда говорим о выпускниках, часто забываем о заочниках, а они играют в литературе важную роль.

Зашел на кафедру, нашел там последний кадровый приказ. Во-первых, В.Е. Матвеев получил прибавку за интенсивность в 5 000 рублем. У меня к Ефимовичу отношение несколько иное… Замечательный был бы завхоз, даже при прежней зарплате. И.Н. Зиновьева, главбух, получила 17 разряд, предпоследний в табели о рангах. Выяснилось, что Л.М. — это ее воля — больше не станет подписывать финансовые бумаги. Она отказалась, делить первую

подпись со Стояновским, после его выступления на перевыборном собрании. Надолго ли? Оказалось также, что А. Ужанков идет к нам работать лишь как совместитель. Формируется преданная команда, но выходит, что я этих людей недооценивал. Время покажет.

Утром улетаю на Собор народов Белоруссии, России и Украины. Все это стараниями Мих. Ивановича Кодина. Вставать надо в 6 утра, машина подойдет в 6.30. Представляю, как будут недовольны наши шоферы.

Прочел еще одну работу из присланных на конкурс.

Понизовкина С.А.

«Сразу: талантливый человек, если работа действительно принадлежит ей. Опять будущее. Игра, в которую играет планета. Несколько людей, которые от жизни и игры сходят с ума, «шизофрения». Звездная композиция, почти родные люди, но скорее из-за обстоятельств. Возможно с игрой что-то закинуто на болезнь и рефлексию. К сожалению, все в обсказе, как бы сверху. Думает, ищет, моральные проблемы. «Да», но не первый эшелон».

10 апреля, понедельник. Еще из самолета замечаешь, что Белоруссия это другая страна, не Россия. Снег уже спал, и видны готовые к пашне и севу поля. В России, поля затягиваются лесами, застраиваются кирпичными дачными домами. Потом, когда приземлились и ехали на автобусе в Минск, я обратил внимание на удивительную чистоту вдоль дороги, чего уже давно нет у нас, и типовые белые коровники и фермы. Под Москвой все они разрушены, разобраны. Теперь быстро: прекрасная гостиница профсоюзов, замечательный их же Дворец. Но всё бегом, бегом. В 12 часов уже начался Собор. Леонид Петрович Козик, сопредседатель, выступал первым, после приветствия, которое огласили от имени только что прошедшего выборы и инаугурацию А.Г.Лукашенко. В приветствии довольно обычном, было и неожиданное словосочетание: «притягательный славянский характер».

Козик говорил вещи привычные: о международном положении, о нападках на русскую православную церковь, предложил принять резолюцию о закрытии Гаагского трибунала.

Из доклада: в Белоруссии 261 доллар средняя зарплата, средняя пенсия — 107 долларов

Следующим говорил Борис Олейник, когда-то известный советский поэт, ныне в России вполне забытый.

Человек он, безусловно, умный, но, по моим старым воспоминаниям, слишком ловкий. Начал с приветствия главы Рады Л.П.Литвина.

Мне категорически не нравится (это не мои слова, а Олейнка)

привычка крутых патриотов очернять свою страну за ее пределами, говорить из-за своего плетня, о том, что не нравится у соседа. Близко к тексту передаю центральную фразу. Бывший преданнейший советский писатель ушел от всех спорных вопросов.

Г.Н. Селезнев начал с критики Европарламента, его отношения к Белоруссии. «Белоруссия стала народом». Мы не можем рассказать на российском телевидении правду о Белоруссии. «Мы выбор свой сделали: мы живем в славянской цивилизации». «Белоруссия по многим показателям опережает нашу матушку Россию».

Председатель Исполкома Собора Юрий Дорогоусов. «У славян всегда много проблем». О работе исполкома, о создании региональных организаций. Идея Собора на федеральном уровне не принималась. О казаках. Обращение к оппонентам: «Мы воюем не против кого-то, мы воюем за себя».

Потом слово передали С.Ю.Глазьеву, так сказать, звезде Собора. Его выступление на этот раз мне не понравилось. Он коснулся газа, и выступление мне показалось извилистым. Тем не менее, говорил о раздроблении единства. Белоруссия превысила уровень жизни, который был до развала Союза. О вступлении Украины в ВТО. Чиновники закрывают глаза на то, что единое пространство может не определиться.

Прозвучало довольно много приветствий. Впервые я думал о том, что это «прошивка» всего житейского человеческого пространства.

В обед познакомился с отцом Михаилом Рогозиным и всласть проговорил с ним более часа. Это удивительно, как иногда быстро сходятся люди, когда проявляется общность судьбы или интересов. Но опять действовал закон парных случаев, под знаком которого я живу. Отец Михаил священник из Гатчины. Он только семь лет назад переехал в Москву, где у него приход. Он редактирует миссионерскую газету «Голос совести». В его судьбе много чудесного: жил и родился в Гатчине, прадед — священник, следующее поколение — атеисты и партработники. Поступает в политехнический вуз на один из военных факультетов и тут же уходит в Печёрский монастырь — начинаются годы исканий. В судьбе священника даже история его прихожанина, депутата Госдумы Николая Лысенко, у которого взорвали кабинет в Думе. Боковой сюжет — 1,5 года Священника мытарили по тюрьмам и изоляторам: требовали показаний против его прихожанина и пр. и пр. Русская судьба.

«Белоруссия — единственная славянская земля, отстаивающая свое достоинство» (Бурляев), На этой ноте Коля

Бурляев прочитал стихотворение Ф.Тютчева «Славянам». Это произвело впечатление большее, чем некоторые речи.

Цитата из выступления одного из делегатов дает ощущение настроения на Соборе: «Зачем нам эти орды азиатов, ничего не умеющих и живущих за счет славян. Россия, Союз, может быть, в этом Божья воля».

11 апреля, вторник. За завтраком казаки, которые вчера на приеме ходили грудь колесом и блистали позументами, маршальскими и генеральскими звездам, лампасами, скрипели сапогами и выкрикивали иногда свое «л ю б о!» — двигались уже тихонечко, попивали соки и минеральную воду. Но в целом народ на Соборе оказался живучим, и после вечернего разгула на банкете, в основном, все оправились. Прием был, как обычно, «плотный» — стояли за фуршетными столами плечо к плечу, но еды хватило, а питья — не осилило и казачье воинство. Вообще, если говорить о белорусском гостеприимстве, то оно выше всяких похвал: и гостиница, принадлежащая лелеемым здесь профсоюзам, и Дворец, где проходили заседания, и кормежка. Всё высшего качества, но все это, включая проведение Собора, — государственная политика, делается всё по личному указанию президента, батьки, Александра Григорьевича Лукашенко.

Вообще лучшая агитация за Лукашенко, если говорить о прошедших выборах, которые Запад находит не совсем легитимными — (смотрели бы, право, за «легитимным» Бушем), — лучшая агитация это Москва, Ленинград, их телевидение и городские порядки. Попробуйте здесь, в Минске, перейти улицу на красный свет, попытайтесь бросить окурок или пустую пластиковую бутылку! Не только милиция действует четко, чувствуется общий порядок. Здесь нет рекламы, которая душит любые мысли и контролирует все желания. Объяснение этому простое: с одной стороны почти вся продукция Минска экспортируется, а с другой не дают впаривать разные Баунти, «Марсы», «памперсы» и прочее. Но в магазинах все есть и цены, кстати, значительно ниже, чем в Москве. Я не утерпел и, выбрав времечко, сподобился купить себе льняные штаны и легкие, для спортивного зала, кроссовки. И покупать-то одно удовольствие. Нет наглых, равнодушных и пошлых девок, как у нас, в каждом магазине, и сам город — чистый спокойный, с естественным количеством машин. Еще о чистоте вот что интересно: в дворниках ни одного таджика, ни одного узбека или киргиза. Нам все время впаривают, что в России никто из простых работяг на улицах и дворах и на стройках работать не хочет. Я в это не верю, просто сделано так, чтобы работали именно сверхдешевые гастарбайтеры, без семей, без требований, без налогов. Именно

такое положение позволяет наживать огромные деньги среднему и большому строительному бизнесу. Такой вот получился абзац.

Утром Собор работал по секциям. Секции культуры не было, и я посидел на секции, в названии которой было слово «духовность». Выступления были самые различные, но больше «головные» и поэтому нереальные. Многие предложения связывали с Лукашенко. Вот приедет батько, батько нас рассудит…За всем этим чувствуется оппозиция Московскому режиму, режиму Путина, двойственно относящемуся ко многим насущным проблемам.

Никаких прямых действий ни одно из трех «славянских» правительств по решениям Собора, естествен, предпринимать не будет. Значение его заключено в самом факте его проведения. Это как тлеющий на торфяном болоте костер: огонь ушел под землю, но вспыхнуть непредсказуемо и внезапно может в любое время и в любом месте. Все молчат об этом, но огонь горит. В какой-то степени это напоминает движение нацболов или скинхедов. (название не имеет значения) — взрывную силу, пролетариата прошлого века, которому нечего терять, кроме цепей, а еще хуже — молодые, отчаявшиеся и обездоленные.

Вечером улетели в Москву. Около десяти я был дома. В самолете прочел еще одну приемную работу. Юля Бабич, москвичка, еще не окончившая школу, но мечтающая стать писательницей. Вот рецензия, которую я написал для себя. ***«Увы мне. Опять короли, Свет, Тьма, друиды, эльфы, провизорское слово, дистиллированная без оттенка жизни фраза, привычные «волшебные» штампы. Вина нашей школы и нашего телевидения — «НЕТ». На «перевоспитание» уйдут годы и результаты не вполне ясны. Милый, обманутый временем и книжным рынком ребенок, будто и не читавший русской литературы».***

12 апреля, среда. Вышла Литературка со статьей про Вульфа и о его передачах. Несмотря на усталость, после полета пошел в спортзала, где тренер Андрей подверг меня щадящей экзекуции. На работе, кажется, ничего нового. Завтра состоится ученый совет, который перенесли, потому что БНТ уезжает. Утром меня перехватила Любовь Михайловна и напомнила, что вечером иду в театр, в «Современник» на спектакль с Нееловой «Шинель».

Пошел, как на праздник, столько было разговоров, такие восторги, так все необычно — Марина Неелова, недавняя травести, играет Башмачкина. К сожалению, все оказалось не так восхитительно. Неелова играет неплохо, но, несмотря на обилие придумок и приемов, было скучновато. А очень жаль, могло бы получиться, если б вспомнили, о чем это культовое для России

произведение — о маленьком человеке, о сострадании, жалости и любви к нему. Совсем это не для демонстрации возможностей актрисы. Мне было скучно. У Фокина что-то не получилось, хотя он и мастер формы. Это совсем не фильм по Кафке с Женей Мироновым и не спектакль с Костей Райкиным, где тоже форма и формальные решения. Адреналина не хватает. Обидно до слез, в этих же приемах все могло бы замечательно получиться. Шинель — и дом, и убежище. На поклоны, оставаясь как бы в образе, Неелова выходила величественная как Сара Бернар после «Гамлета». Нашим бабам нейметься, все надо повторить. Повторяют, конечно, повторяют, но вот легенда есть всего у нескольких актрис. Имени основной даже и не называю, все и так вс знают, кого имею в виду.

13 апреля, четверг. Кроме «разного», во время которого сказали, что шофер у нас болен и на машину рот особенно не разевайте, потому что мне самому не хватает (а мы и не разеваем, мы просто забыли, что третьего шофера выгнали и теперь никогда не найдем). Было также сказано, кроме опять же «разного», сказано, что пока денег на зарплату в марте нет, но полагают, что найдут; кроме этого было в повестке дня также Слово о Рубцове и доклад Ужанкова. Слово произносил Смирнов, естественно, не готовясь. Мне это напомнило, как вместо того, чтобы так же произнести слово о литературе Грозного, Вася Калугин рассказал нам о письмах Курбского. Смирнов говорил ложно значительно, обще и чувствовалось, что полно творчество поэта, возможно, не очень хорошо знает. Что касается рассуждений Ужанкова, то все это был взгляд неофита, обо всем, что он накопал и нарыл мы уже говорили на ученом совете много раз. Самое интересное, это его соображение о создании нового логина для института. С этого-то начинать! Идей новых не было. Все, что было проговорено: попечительский совет, помощь Москвы, все это уже звучало много раз и по тем или иным причинам на том этапе отвергнуто.

14 апреля, пятница. Состоялось первое заседание Общественной палаты. По картинке я увидел, что происходит оно в здании Торговой палаты. Мы столько завели разных представительских учреждений, что для них не хватает места. На этом своем заседании палата занялась кодексом своей собственной этики и расовой нетерпимостью и ксенофобией. По телевизору показали писателя-предпринимателя Липскерова, который прямо призывал устраивать обструкцию писателю Лимонову и «многим другим» деятелям искусства, которые с его точки зрения подвержены ксенофобии. Людей, которые гибнут действительно жалко. Телевидение показало нам маленький цыганский лагерь, где-то в Саратовской, кажется, области, где

восемь его обитателей, поставивших палатки на берегу реки, были побиты, а двое от побоев скончались. Обвиняют в этом скинхедов. Я не думаю, что русским свойственна какая-то расовая нетерпимость. Но в данном случае телевидение молчит, что очень многие цыганские семьи, как об этом раньше говорило само же телевидение, распространяют наркотики. Рестораны в основном у депутата Общественной палаты Липскерова, банки и нефть у Вексельберга и Абрамовича, рынки у азербайджанцев; молодежь неразумна, она не понимает, что она борется со следствиями, а не с причинами, не разбираясь в том, что своими действиями часто наносит вред людям невинным. Заткнуть эти дыры государству не удастся никакими запретами Лимонова. А к изменению государственной социальной политики государство не готово. Правда, готов Липскеров. Хорошо бы устроить русское гетто.

Вместо вторника провел семинар. Обсуждали неплохой рассказ Светланы Коноваловой.

У театра «Современник» юбилей, приезжал Путин. Имя Олега Ефремова в телевизионном сюжета произнесено не было.

15 апреля, суббота. Весь день дома, слонялся, читал свою вступительную речь, волновался, разбирался с бумагами, ходил за три троллейбусных остановки в универмаг «Москва», чтобы купить пластмассовые файлы для бумаг, но оказалось, что нынче в этом универмаге нет писче-бумажного отдела. Страна пишет на компьютере, если только пишет, и смотрит телевизор. Вечером принялся читать Сережу Шаргунова «Как меня зовут?» в пятом номере «Нового мира» за прошлый год. Это довольно обычное по содержанию и в известной мере повторяющее его «Ура!» повествование, сделанное на семейно-биографическом материале. Но как это написано! Какой замечательный стиль, какая энергия, возможно, это наиболее многообещающий молодой писатель. Я-то в его будущем уверен!

«— Перерыв, — воскликнула повариха. — Ах ты, Петичка!

Толстуха. Кумачовое имя Энгельсина. Свирепо морщинистая, как прокаженная. Красилась грубиянски. Глаза ясные похотью, и вокруг глаз распарено. Она вышла из-за стойки, бдительно качая бедрами, словно неся в себе чан с борщом».

16 апреля, воскресенье. Весь день, как и предыдущий, крутился по дому, писал документы к защите. Надо было написать ответ каждому оппоненту и выступающему, написал заключительное слово, был в некоторой прострации, когда и не думалось и не писалось и даже не жилось. Вечером приезжал на несколько минут Дима Хазарашвили. Среди прочего рассказал, что его академик Воробьев высказался о рядовом Сычеве. Не так то просто, оказывается, все произошло. После исследование у

него крови выяснилось, что у него было заболевание, при котором кровь при определенных условиях быстро свертывается, что-то обратное гемофилии, вот это Воробьев, как независимый человек, позволил себе сказать, естественно, тут на него налетели. Вспомнил Кучерену, нападающего на армию и зарабатывающего себе политические очки, а потом и суетную общественную палату. Во истину, Бог меня от ненужного бережет.

17 апреля, понедельник. Я отчетливо сознаю, что нет у меня таланта для того, чтобы передать возвышенною атмосферу, полет духа, тот восторг самоутверждения, которые иногда возникают в человеческих разговорах. Это в тех случаях, когда появляются интересные собеседники. Собственно, это всё произошло на защите моей докторской диссертации, и я могу только, как некий праздный бухгалтер, сказать: кто и что говорил и кто за кем! Возможно, я смог бы в длинной и туманно-точной прустовско-джойсовской манере поставить всё это одно за другим, собрать полные высказывания, свинтить их, отцедить сущее от повседневности. Но нужно другое время и другой интерес. Я невольно сравниваю все это с кандидатскими и докторскими защитами у нас, и должен сказать, что еще раз убедился — сколько значит плотная научная и набравшая за долгие годы сил школа и заинтересованность людей. Наши все куда-то бегут, стремятся, для них даже научная работа — это какой-то отход в сторону; все пахнет килой капустой и старческим ворчанием. Кстати, еще до защиты, размышляя над этим феноменом, а именно, — ежемесячного собрания почти в любом вузе диссертационного совета, подумал: — как это неверно, что при современной нищей профессорской жизни не предусматривается оплата за эту работу ни в виде почасовой, ни в виде повременной; нет плата для оппонентов; нет плата для ведущей организации, пишущий основной отзыв. Надо бы оплатить хотя бы проезд на такси старому профессору. Вот отсидели они почти полный день, с двух до шести часов, включая час за нищим пиршественным столом. А потом Толик, мой племянник Валера и я сам развозили этих очень немолодых людей по разным местам Москвы. Но остались и еще другие, которых тоже надо было бы отвезти. Ведь профессорский быт таков и таковы возможности, что в лучшем случае — они имеют маршрутку за 15–20. А правительство еще хочет убрать даже консультантов при подготовки докторских диссертаций. И опять — торопятся к быстрой экономии, не понимая, что разрушают так необходимую государству группу высококлассных экспертов.

Итак, как я уже написал, защита прошла в возвышенной и торжественной атмосфере. Все это возникло как-то само собой,

как у нас иногда в институте при защите дипломов, когда попадается что-то из рук выходящее, как, скажем, защита Лены Георгиевской. В основном оппоненты не читали свои отзывы, они просто войдут в стенограмму, но как бы забыв о самой диссертации, обменивались мнениями между собой «по поводу». А потом вспоминали или просто оказывалось, что говорили они именно о диссертации. Георгий Дмитриевич Гачев, например, говорил о том, что в наше время, когда вместо слова грядет видеолизация, вместо полетов творчества комбинаторика, вместо знания и парения духа — информатика, я поступил как настоящий идеалист, подняв тему духа, что это подвиг идеалиста, что я поднял на щит личность… Он назвал тезаурус, что соответствует действительности, одним из основных инструментов моего исследования, некой пирамидой личности. В атмосфере угрозы культуре слово обретает всеобщий, мировой смысл. Он говорил о сложностях русской и советской жизни. Слово было первой действительностью, все остальные формы самовыражения в масштабах той действительности были поменьше. Культура ждала того, кто выскажется в наше время о высоком смысле слова. Это право не дается, а берется. Ну, дальше Гачев говорил, что в моей работе совпали значение понятий «писатель», «рефлектирующий писатель» и «преподаватель». И хорошо, что, по мнению Гачева, Есин вспомнил, что в литературе существуют только два существа: литература и писатель. Писатель, в серьезном литературоведении, по мнению Гачева, еще не выступал, и Гачева поразило, что эта моя работа появилась в тот момент, когда в литературе и в общественной жизни наступает упадок, а впрочем — он процитировал Гегеля: «Сова Минервы вылетает ночью».

Замечательно выступал Сергей Небольсин, которому конечно уже надоели и окололитературные, но имитирующие литературу, разговоры у себя в институте. Он поставил очень интересный вопрос: кто умнее — ученый или писатель. Когда он это говорил, я все время думал об этом и искал ответ. Сергей говорил еще, что люди любят литературу за то, что она незаметно наблюдает за нами, и мы потом лакомимся этими наблюдениями. Он говорил, что по натуре я иронист и сатирик, я пишу отрицательного героя, «детей ничтожных мира», и тем не менее они выходят на высокий уровень осмысления жизни.

Уже потом, во время банкета… А банкет проходил славно, было все — вино и водка, салаты, овощи, рыба, мясо. И было еще горячее.

Ребята, официанты из кафе «Форте» занесли на 3-й этаж и посуду, и скатерти и огромные блюда с горячим шашлыком. За

столом тот же Небольсин высказывал интересную мысль, которую я, уже, вроде бы, от него, и слышал. Он считает, что я сделал то, над чем многие годы билась советская литература, я создал образ положительного героя. Он имел в виду «Марбург». В русской классической литературе положительный герой всегда как-то ущемлен — это или несчастный Онегин или несчастный Рудин, которым всегда чего-то недостает — а вот Есин создал положительного героя, хотя и страдающего, но вполне самодостаточного.

Потом неожиданно для меня выступила Нелли Васильевна Мотрошилова. Она говорила о двух литературах, об антиномии и медиоманическом писательства, говорила так возвышенно, пропуская всё через своего любимого Канта, что мне стало даже немного страшно. Всплыло имя Мераба Мамардашвили, работа о Прусте, которую мне надо обязательно прочитать.

То, что я написал для дневника — бесконечно мало, чтобы совершенно передает атмосферу происходящего. На совете возникла мысль о том, что в наши скучные советы надо запускать новых людей, хотя бы на время подобных защит. В общем, огромный этап моей жизни закончился. Слава Богу. Теперь, конечно, трепка нервов со сдачей документов, но это уже как будет, так и будет. Порадовало, что на защиту приехал Юра Авдеев, подарил мне замечательную картину Семена Кожинаё почти Левитан. Нелли Васильевна тоже пришла с памятным подарком — книжкой Бурлюка, 39 года издания. Еще последняя деталь, связанная с этой выдающейся женщиной. Когда сажали ее в потрепанную машину «Жигули» моего племянника, я сказал ей: «Нелли Васильевна! Ведь сейчас идут выборы в Академию, почему вы не баллотируетесь». И она отвечала гениальной фразой, за которой стояло полное понимание всего того, что стоит за этой баллотировкой: «Я бы пошла, но уступаю место моему сыну, который будет баллотироваться в членкоры. Ему 35 и он может пройти по молодежной квоте».

Кстати, вечером же позвонил Петр Алексеевич Николаев. Боже мой, как тесны в нашем мире связи! С ним мы поделились мыслями о нынешнем списке претендентов в Академию, который напечатала «Независимая газета». По мнению газеты, из 262 претендентов на звание академиков лишь 136 можно назвать профессиональными учеными, поскольку они максимум — завлабы, значит, не обременены многими вненаучными заботами. Другая половина — директора, замдиректора, ректоры, нужные люди. В отделе науки ЦК КПСС разобрались бы со всем быстро. Прилагается и список нужнейших людей и их библиография. Имена на поверхности, книги их, наверняка написанные

помощниками, неизвестны. Академия перестает быть академией. Но и среди 136 ученых я знаю молодых и старых монстров. Вот две подобных библиографии «ученых»: министр с.х. Гордеев А.В. — «Продовольственное обеспечение России. Проблемы и механизмы их старения». 2000 г.; Геодезия. Учебник дл с.х. вузов по спец. «Землеустройство». 1993 г.; Систер Владимир Георгиевич — генеральный директор ОАО «Московский комитет по науке и технологиям»: «Гидродинамика винтового канала: Учеб. Пособие. 2003 г.; Химико-технологические технологии переработки твердых бытовых отходов. 2003 год.». В списке еще судья Конституционного суда России, председатель наблюдательного совет банка и даже председатель Счетной палаты. Все они — люди неглупые, каждый надеется не на свои научные достижения, а на собственный административный ресурс. На первой странице газеты роскошный снимок красавца-генерала в форме. Под снимком написано: «Бравый генерал Кузык желает приобрести академический облик».

18 апреля, вторник. На семинаре обсуждали юмористический рассказ Димы Лебедева. Безвкусное и суетное упоминание еврейской проблемы, героя музыканта у него зовут Иван Израилевич, в рассказе упоминаются и «Семь сорок» и «Хава Нагила», не понятно, как он к этому всему относится, то ли заискивает, то ли намекает на что-то, не знаю, суета. Мои ребята опять вспомнили, что подобное уже читали, Дима настоящий постмодернист, не различающий своего и чужого. До семинара прочел ребятам целую лекцию об этом — своем, чужом, о премиях, тусовках, несправедливости, к которой писатель должен привыкать. Рассказал и о посещении спектакля «Шинель». «Шинель» и Неелова, и Фокин все-таки получили Золотую маску, как и Фоменко за свои «Три сестры». Такая же ситуация у нас в литературе, и в политике тоже.

Меня как-то один из критиков, читавших мой дневник, может быть, справедливо журил за то, что Есин активно интересуется чужими деньгами. Интересуюсь не потому, что мне своих не хватает, вполне хватает для того образа жизни, который я веду. Мой образ жизни подчинен моей работе, стремлению выговориться, выстроить свой мир. Но разве нет у меня воспитанной ощущением социальной справедливости боли за других? За старого профессора, который неотвязно думает о том, как его похоронят и за чей счет? За студента, который мог бы во время учебы стартовать в своем деле, науке ли, искусстве, а он продает в киоске орешки и водку? Меня волнует боязнь за завтрашний день, которой мы не знали раньше. Вот откуда мой подгляд за другими. Ведь и не я один наблюдаю, вся страна,

кроме самых богатых, задумывается об этом.

Итак, в любимой народом газете «Труд» статья под названием «Фиделя Кастро на нас нет!» Кастро — это, конечно, эвфемизм Сталина, Ленина, царя Ивана Грозного, любой сильной и настойчивой власти, которая готова укоротить бояр. Собственно, статья именно о них, но начинается она с автомашин, на которых ездят депутаты Госдумы и Совета федерации. Кастро своих бояр укоротил, заставив всех ездить в своей небогатой стране на менее навороченном транспорте, на русской «Ладе». Но для автора статьи, кстати, дамы — Ольги Тропкиной (судя по фамилии, наверное, псевдоним) все только начинает с автомашин, резвых и бронированных авто, паркующихся на Краснопресненской набережной, на коих ездят чиновники правительства. Дальше кое-что поинтереснее. Не ленюсь, пишу, переписываю дальше. Сначала о Госдуме. «… большинство депутатов люди не бедные. К примеру, в нижней палате парламента заседает 21 депутат-миллиардер (в рублевом эквиваленте). И 18 из них — члены фракции Единая Россия». Ну вот, наконец-то я и понял, почему я так не люблю этих ретивых партийцев и молодую их честолюбивую поросль в лице «Молодой России». Автор статьи высказывает не новую мысль: наши народные избранники предпочитают не светиться. Корреспондент этот процесс нарекает иначе.

«Понятно, что большинство народных избранников предпочитают не дразнить гусей, то есть избирателей, а записывать движимое имущество на жен, родственников, зятей и тещ. Впрочем, даже учитывая подобную практику, финансовые отчеты, которые представили в Центризбирком как нынешние, так и не прошедшие в парламент депутаты, весьма впечатляют. Приведем в пример лишь некоторые из них. Так, у возглавлявшего список «Единой России» по Красноярскому краю губернатора Александра Хлопонина имеются «ауди А 6», «БМВ-745», «ягуар даймлер», «мерседес-бенц S600», мотоцикл «БМВК12001.Т», мотоцикл «харлей дэвидсон», катер «фантом-46».»

Но это так сказать убежденные капиталисты и чиновники, люди обладающие материальным богатством по убеждению. А вот как обстоят дела у интеллигенции.

«Певец-«единоросс» Александр Розенбаум разъезжает на «линкольн таун кар», а еще в его автопарке «кадиллак конкурс», «мерседес S5», «линкольн» и зачем-то ГАЗ 3110.» А чтобы было! Я-то знаю своих ровесников, рожденных в бедности. Я также знаю бывшую советскую интеллигенцию, которая первой потащила из-за рубежа на свои гонораричики от песен, книг и

постановок за рубежом обои, сантехнику, кухонную и столовую посуду. Не верите, почитайте воспоминания такой осведомленной в жизни в советское время дамы как Галина Вишневская. В наше время люди идейные — самые обеспеченные. «**Гараж члена КПРФ Сергея Муравленко состоит из «порше кайен», «мерседес-бенц С200К», «мерседес-бенц С-180» и «БМВ Х5».** Теперь к представителю других партий, так заботливо относящихся к жизни и благополучию народа. **«У «единоросса» Бориса Зубицкого — «мерседес-бенц S430» и «ягуар XJ».** Другие партии. **«По количеству автомобилей пальму первенства держит экс-кандидат в президенты от ЛДПР Олег Малышкин. Он является счастливым обладателем… 21 транспортного средства.»**

Дальше корреспондент переходит от косвенных данных на наших чиновников и депутатов, защитников народа к прямым. Вот тут и начинаешь радоваться свободе слова. Возможно, лучше бы для народа свободы и поменьше, а побольше зарплаты и порядка, но знания активизируют мысль.

«Судя по официальному отчету о доходах, которые задекларировали за 2004 год члены российского правительства, министры также вполне способны себе позволить отнюдь не «жигули». Хотя до депутатов и сенаторов им, конечно, еще далеко. Самым богатым среди правительственных чиновников является глава Минтранса *Игорь Левитин* — 4,85 млн. долларов, то есть в среднем по 404 455 долл. в месяц. На втором месте — глава Минприроды *Юрий Трутнев* с 317 198 долларами. На третьем — глава Минздравсоцразвития *Михаил Зурабов*, получавший в 2004 году 119 572 доллара в месяц».

Замечу для себя самые прибыльноемкие отрасли русской деятельности: транспорт, земля, леса и поле, здравохранение. Теперь, когда эти замечательные деятели будут говорить по телевизору, всегда буду все ими сказанное перемалывать через их благосостояние.

К вопросу о деньгах: когда был в институте, расплатился с Альбертом Дмитриевичем за банкет после защиты: взял он меня по какой-то очень своей внутренней цене — всего 10000 рублей; тысячу я еще дал официантам, тысячу отдам поварам в пятницу, а пятьсот рублей отдал шоферу Мише.

19 апреля, среда. Не могу понять, как идет моя жизнь и когда закончится текущая сутолока и станет ли после этого вольготнее. Или все так и будет сочиться через силу и в имитации интеллектуальной деятельности. Утро все же провел в спортзале, потом мялся и восстанавливался дома. Звонил по телефону в собес относительно сына С.П., которому полагается пенсия за

потерю кормильца. Убедил С.П., что эту операцию надо, отложив в сторону все нравственные принципы, провести — мы слишком долго кормили и взращивали это государство, думая, что у нас общее богатство, а оказалось, что взращивали олигархов. Нет, пусть даже не совсем неимущий профессор вырвет у этого бандитского государство все, что положено и без каких либо интеллигентских колебаний.

К четырем часа поехал в Минкультуры, где состоялся экспертный совет по наградам. Наград с каждым месяцем становится, вернее, ищется все больше и больше. Местные власти довольно агрессивно и часто повторно, после того, как их кандидатуры совет отклоняет, посылают документы, жмут через разнообразные каналы, чрез администрацию президента, через губернаторов и полпредов. Но и у нас на это есть свой инструментарий. Примеры не привожу. Часто в присланных документах понятие достижения в культуре заменяют общественной деятельностью и служением власти. У меня на этот раз была задача еще и присмотреть за несколькими актерами, представленными МХАТом им. Горького. Всех я их знаю, всех видел на сцене и был готов, но прошло все легко и естественно. Вел опять все быстрый и опытный Назиров. Перед коллегией зашел к Алексею Локтионову, который угостил чаем с молоком. После его письма ко мне о членстве в коллегии, несмотря на мою отставку как ректора, я очень к нему переменился. Но и он уже не тот веселый и самонадеянный мальчик, который пришел в министерство. Кстати, кабинет у него обставлен не без вкуса, с хорошими картинами и картинками.

Специально ездил в метро, чтобы читать вступительные работы абитуриентов. Что же у нас в Москве случилось, хорошие, качественные работы поставляет провинция. Вот и опять девочка ***Усаманова Ольга Николаевна, 17 лет, из Уфы*** написала очень толковую работу. Здесь и некая сказочная история, какое-то духовное волхование, древняя еще языческая Русь, свободный полет, и небольшие, так любимые мною рассказы-размышления, где художественное начало сливается с философией. Пойдет у меня по первому эшелону, хотя и сейчас уже представляю, что работать с ней будет нелегко.

Вечером началась сутолока с моим Вступительным словом к защите докторской диссертации, которое нужно было передать стенографистке, готовящей полный отчет о защите. Искали сначала текст, потом дискетку, потом все это пересылали по электронной почте. Завтра тоже сумасшедший день: надо поехать к Г.С.Костровой, подготовить подписи к фотографиям и отвезти все это в издательство. Роман стоит. Разговаривал по телефону с

Шаргуновым.

20 апреля, четверг. В десять часов я уже был у Костровых. Часа за полтора разложили с Г.С. все фотографии к книге, сделали подписи, Катя, замечательная младшая Кострова все это напечатала и уже около двух часов все сдали в издательство. Книга готова, осталось только ее напечатать. В издательстве встретил Дину Кандахсазову, которая сделала мне королевский подарок: трехтомник «Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Словарь» и замечательное издание «Мертвых душ» Гоголя с необычными иллюстрациями. Это предметы быта, художественной жизни, картины, рисунки интерьеров и прочее прочее. От соприкосновение текста и неожиданного иллюстративного плана все становится удивительно объемным. Словарь под редакцией Скатова и под эгидой Пушкинского Дома, русская литература академически освещенная. Мельком я посмотрел: большие статьи, отфильтрованные имена. Обо мне тоже довольно большая и толкова статья. Правда, работы последних трех— четырех лет в нее не вошли. Но и за это спасибо.

На обратном пути, пока я подвозил Г. С. традиционно мы зашли пообедать. На этот раз заведение называлось «Грабли», оно размещалось в бывшем детском кинотеатре «Орленок», который в начале перестройки Федосеева-Шукшина получила под Шукшинский центр. Центр не получился, а бывший кинотеатр, видимо, не даром ушел к новым владельцам. За обедом Г.С. много рассказывала, как она готовила первое трехтомное издание Шукшина, говорили о редактуре, и в том числе о поверхностной редактуре. У нас, конечно, раньше была замечательная редактура, но и она, сколько наломала дров. Говорили о союзе Алибасова и Шукшиной. Из этого мог бы получиться рассказ. Но умолкаю… Потом поехал в институт, заходил на кафедру и в бухгалтерию.

Пока был в институте, то невольно вспомнил сцену из романа Станислава Лема «Солярис». Это когда герой пытается войти в какую-то дверь и не может, потому что с силой на нее изнутри нажимает кто-то, иная сила. В щель проема проскользнула, став на секунду заметной, кажется, соломенная шляпка. Обитателей корабля изнутри преследовали собственные фантомы. Что-то похожее оказалось и в институте. Хотел зайти в кабинет Владимира Ефимовича, чтобы лицемерно поблагодарить за машину, на которой приехала еда из кафе во время защиты, но не тут-то было. Сначала дверь не открывали, но так случилось, что кто-то из своей обслуги зашел, но следом мне зайти не удалось. Ефимыч разговаривал со мною через щелочку. За дверью бушевали Ефимовичи фантазии, а скорее всего, катилась

очередная гулянка. Отважный В.Е. человек.

Вечером по телевидению видел министра транспорта Игоря Левитина. Вспомнил о его заработках. Тут же в репортаже из Воронежа было сказано, что половина дорожных происшествий в области связано с плохими дорогами.

21 апреля, пятница. Утром, повинуясь какому-то инстинкту, я вдруг собрался и на метро поехал в Храм Христа Спасителя. Я не знаю, что меня вело, боязнь ли уже довольно близкой и постоянно в моем возрасте ожидаемой смерти, страх ее, внутренний голос, одиночество, но попал, оказывается, на одно из главных служений в году. Храм был почти пуст, я впервые был в нем днем, но сосредоточенность и возвышенное настроение меня не покидали. Здесь еще раз в евангельских чтениях прошли трагические дни Спасителя, то самое между «осанна» и «распни его», он въехал после воскрешения Лазаря в Иерусалим и почти сразу же был предан Иудой. Потом священник очень хорошо обо всем этом еще раз, в конце службы, в проповеди рассказал. Бедный, Пилат который не хотел распинать Христа! Ничего больше написать не могу. Наступило ли у меня в душе просветление? Покаялся ли я? Возникло ощущение бесконечной доброты и милости Божой. Господи, благослови и помилуй!

Пока стоял, крестился, слушал не вполне понятные чтения на старославянском языке почему-то на чувстве, которое у меня возникло, придумал финал своего нового романа-истории «Твербуль». Впрочем, название не устоялось, есть еще варианты.

День сегодня планируется как большой и трудный. Надо сходить в сберкассу, взять деньги, потому что впереди немыслимые расходы на страховку, на дачу, на жизнь. Обещал съездил с С.П. в пенсионный фонд, он должен сдать документы на потерю кормильца, на пенсию для сына, потом купить котлет и нажарить для Вити, который на мотоцикле поедет на дачу, задумал также еще и пописать немножко роман. Вечером — большое мероприятие. Еще пару дней назад на экспертном совете Юрий Соломенцев, директор и главреж Малого театра пригласил меня на спектакль гастролирующего сейчас в Москве знаменитого Майнгеймского театра. Они привезли редко играемую у нас драму «Дон Карлос, инфант испанский». Согласился потому, что от подобных предложении — не отказываются и потому что почти не знаю Шиллера.

Пока ехал в театр, начал читать еще дома, потом на ходу до станции метро, потом в вагоне приемную работу ***Игоря Быкова из Владивостока, 19 лет.*** Ах, какой прекрасный свободный и веселый язык, все чрезвычайно просто, школьный и семейные дни, потом в конце подборки появился говорящий по-русский кот.

Котов после Булгакова в русской литературе появлялось много, но это был изумительно современный. Настроение у меня в связи с этой работой поднялось, может быть, наберу настоящий и хороший курс. Не сделаю, ни одной поблажки, ни одного блатного шага.

В Малом театре не был давно. В качестве спутника определил своего бывшего секретаря Максима, который талантливо присматривает за мною. Еще когда стояли в очередь к администратору, устроил маленькую склоку, с наслаждением и вкусом. Вдруг пред нами всеми, появилась не молоденькая ушлая дама, растолкавшая очередь. «Барышня, а почему вы хотите, — самым сладким голосом спросил я, — пройти раньше всех?» Престарелая барышня объяснила тем, что ее журналистку пригласила литературная часть. И тут я ей вмазал в небольшом монологе, что меня пригласил директор театра, что я сорок с лишним лет работая журналистом себе подобного не позволял и кое-что еще. Получил удовольствие, и очередь удовольствие получила.

Не знаю, ведь держу себя за человека восторженного, как начать писать об этом спектакле, который до сих пор у меня перед глазами. Что мне дон Карлос, и что ему русская действительность! Отставать от культурной жизни нельзя, но, кажется, я попал не на престижный спектакль. В лучшем случае заполнен один ярус и партер Малого театра. Где привычная театральная тусовка, роскошные молодящиеся дамы, мальчиковые театральные критики. Некоторое недоумение вызывает первая встреча дона Карлоса и маркиза Позы. С разбегу, будто Гамлет и Горацио, бегут через сцену навстречу друг другу, а потом инфант виснет на друге, обхватив его ногами, как лошадку. Потом появляется Филипп Второй король Испанский, гениальный Юрген Хольтц. То ли лысый, то ли с бритой головой, которая наливается красным в гневе. На сцене для нашего театра происходит что-то невероятное. Будто Доронина, покойный Олег Борисов, покойный же Москвин, молодая Алиса Фрейндлих и Андрей Миронов собрались на этой сцене и играют, щедра разбрасывая в зал свою гениальную энергетику. У меня плохо работает наушник, но вообще, почему я это смотрю? Неведомый Шиллер, так хорош или игра актеров так подлинно-замечательна, или это неведомый мне режиссерский гений Йенс-Даниэль Херцог из Мангейма? А какие то ходили слухи, что лучший режиссер Европы это наш …… Ах, уж наша тусовка. Начинаю понимать, почему Шиллером зачитывалась вся Европа, и почему Станиславский трепетал перед Мангеймским театром. Из актеров хочется перечислить всех, но особенно хороши маркиз де Поза —

Флориан Ланге, похожий на нашего рабочего Володю Рыжкова и Кристианн Хокенберинк — один к одному наш император Николай Первый. Когда в конце первого акта Филиппа придворные раздели до гола, чтобы снова одеть в царское платье, то понимаешь, что это дряхлая и старая стоит Империя. Не написал о декорациях, каких-то условных полотнах (Зиша Гросс), которые лучше чем крашеные и «физические» декорации напоминают о коридорах мадридского двора. Боже мой, вот что значит заговор честных и желающих добра людей!

Но где публика? Москва потеряла чутье или потеряла уже в смысле культуры все? Видимо, заблудился, в зале бородатый Андрей Золотов, да в антракте встретился Валерий Подгородинский. Теперь он, оказывается, работает в Малом, помощником Соломина по историческому книгоиздательству, что ли. В антракте этого огромного четырехчасового действа недоуменно спрашиваю, у него, где публика, почему ее так мало на этом гениальном спектакле. Ой, а дали бы ему Золотую маску? Нет, наш удел только свои, мелкие провинциальные трюки и ползанье когда-то знаменитой травести Нееловой по сцене. После этого спектакля так все престижно-отечественное ничтожно и жалко. Тем не менее, в антракте, после двух часов поразительного и духовного зрелища треть зала победоносно сдает свои наушники, обменивают их на номерки и уходит. Валера Подгородинский говорит мне, что вчера на финал оставалось только семьдесят человек. Что с театральной Москвой? И я вспомнил себя еще мальчишкой, лет, наверное, мне семнадцать или чуть больше, меня опекает лет на шесть старше девушка Вера, мать которой работает врачом в кремлевской больнице, и поэтому приплывают в руки к ним иногда дефицитные билеты. Не только полон театр, но и вокруг кипит, спрашивая лишний билетик толпа, это в Москву приехал Французский Национальны театр Жана Виллара, играют Мариво. Тогда я увидел на сцене Марию Казарес, сейчас — Хольтца.

22 апреля, суббота. Утром вынул из почтового ящика «Труд», в котором мое большое интервью, связанное с В.И. Лениным — это традиционное, т. к. ко дню рождению. Я — писатель самого последнего роман о В.И. Ленине. Интервью делал по телефону Толя Стародубец, вернее сделал из остатков какого-то моего старого интервью. За последнее время Толя стал работать небрежнее, это уже второй материал, который он строчит, не вчитываясь и все упрощая. Кое-что я добавил, но сделал ошибку, не попросив его мне после доделок показать. Вот и прошло две ошибки: фильм Сокурова о Ленине называется «Телец», а не «Молох» — это во-первых, другая серьезнее — Толя

пропустил отрицание «не» очень важное в контексте фразы. И получилось: «по его приказу расстреляли Николая Второго со всей царской семьей». Приказа такого Ленин не давал, почти точно установлено, что это работа довольно мстительного Свердлова, оставившего после себя сейф набитый золотом и драгоценностями. Ленин был слишком хорошим политиком, что сделать это таким образом и так поспешно. В этом интервью я горжусь лишь одной мыслью, которая кое-что объясняет, в том числе и мою «верность». Не умею я предавать легко и играючи. «А насчет возможного выноса его тела из мавзолея скажу вот что. Наши родители, деды, прадеды относились к этому человеку с пиететом. Поэтому давайте еще подождем. Нельзя же выйдя после молитвы из церкви, сразу же взяться за топор и рубить иконы».

Прочел к семинару довольно большой рассказ Ромы Подлесских «Жека Жуков, сын танкиста, или поездка за город талантливого балалаечника». Рассказ легкий, хороший, с юмором. Новый русский встречается с мальчишкой-артистом, который оказывается наследником большого дворянского имения. Русские и пришлые, даже если они тоже русские и из Литвы, русских земель. У меня рухнуло предубеждение относительно Ромы. Он медленно рос и я довольно долго считал, что ему помогает его отец писатель. Кстати, сугубо патриотическая и русская направленность отца у сына сохранилась. Вот еще одно свидетельство, что кого-то передвинуть или перевоспитать в рамках института довольно трудно. Ребята, пришедшие патриотами, так патриотами и остались, но и демократы со своего места не сошли. Так много значит семья и социальные условия, в которых ребенок живет. А как же те молодые русские аристократы и дворяне, которые стали революционерами и социалистами? Или люди и их духовные запросы стали другими? Вряд ли телеведущая Ксения Собчак начнет думать о своих обездоленных сверстниках с городских окраин.

Весь день просидел за компьютером, доструживая вторую главу в роман и дневник. Я каждый раз поражаюсь на этот феномен: как только заканчивается одна часть работы, то сразу же появляется начало другой части, о которой раньше и не помышлял. Меня так радует волшебная автоматика нашего подсознания. В третьей главе Вася будет смотреть на мониторе, кто входит в институт. Я уже придумал, что всех персонажей снабжу кличками-псевдонимами. Витя благополучно кейфует на даче, куда он уехал на мотоцикле. Я дал ему поручение посадить лук. Самому удастся выбраться в Обнинск, только на следующей неделе.

Около десяти поехал в Храм Христа Спасителя. В метро было

оживленно, как и всегда бывает на праздники. Много молодежи. Но в храм не попал, даже не удалось постоять, как всегда бывало раньше, наблюдая через дорогу за крестным ходом, на Волхонке. На этот раз милиция поставила заграждение уже возле старого выхода из метро. Милиционеры были вежливы, но решительны. Я довольно долго наблюдал, как люди проходили по каким-то пропускам. Как писателю мне очень хочется написать, что лица у них были суетливы, и шли они со своими розовыми и красными билетиками, отделенные избранностью от остальной толпы. У меня даже возник некое сравнение со старыми годами и толпой парикмахеров и автослесарей, идущих по билетам своих клиентов в Дом кино. Конечно, и в толпе, в которой стоял я, и среди людей, которые проходили со своими билетиками за милицейское оцепление, было много людей, которым было «просто интересно». Но ведь стояли здесь и люди истинно верующие, пропостившиеся все сорок дней. Потом, когда я уже почти перед двенадцатью часами вернулся домой и включил телевизор, я увидел много молодых и старых мужчин и женщин, на лицах которых было начертано истинное воодушевление. Я никого осуждать не могу, я могу сказать только о себе, что просто оказался лишенным той человеческой общности и возвышенных переживаний, которые уже несколько раз посещали меня в этом и других храмах во время церковных праздников. Какое это счастье повторять что-то знакомое вслед за тысячной толпой.

Наблюдать по телевизору — это конечно другое чувство, нежели участвовать внутри, но тоже очень интересно. Я включил телевизор как раз в тот момент, когда патриарх и сопровождающие его каноники и прихожане остановились после крестного хода перед закрытой дверью в собор. За спиной патриарха были знакомые лица многих крупных чиновников. Возвышался надо всеми министр культуры Соколов. В храме несколько раз показали и находившегося там Путина, который стоял в правом приделе вместе со своим любимцем — полпредом центрального округа Полтавченко и Фрадковым. У всех в руках были красные пасхальные свечи. Роскошная и торжественная служба, характер и показ лиц было какой-то очевидной демонстрацией значительности нашего государства.

С каким наслаждением я тут же у телевизора, ночью съел кусок кулича со сливочным маслом. На то, чтобы пожарить блинчики с мясом и даже почистить пастой зубы у меня не хватило сил.

23 апреля, воскресенье. Все духовно стоит на месте. Из так сказать физических действий, т. е. перемещения тел в пространстве, было следующее! Утром отвез В.С. в Матвеевское,

где она пробудет два недели. Дай Бог! Никто и представить себе не может, как она устала от этой домашней норы, меня, нашей кухни, себя, ее постоянного ритуала отъезда на диализ и приезда с него от одного и того же места. Как устала от кухни, необходимости за собою, хоть малость, убирать, от постоянного хаоса в квартире, от книг, которые я разбрасываю, от вещей, которые не собирает она сама. А главное, там ее среда, люди, которые создают иллюзию жизни и ее плотного напряжения. Из Матвеевского я заехал к В.А., поговорил об институте. В два часа обедал у П.А. Николаева. Ира сделала роскошный, невероятно роскошный домашний обед. Все это напоминает дом, семью, мою собственную юность, когда женщины еще готовили. Была небольшая очень мне интересная компания: Леонид Макарович Крупчанов, Лена, Ира, Татьяна Аексадровна Архипова, знаменитый эстетик Юрий Бореев… Говорили, как всегда, о времени, о грядущих выборах в Академию, о литературе. Петр Алексеевич читал наизусть стихи, говорили о моей диссертации, о защите, о том, что я легко влился в научную среду. Я сказал, что эта среда мне значительно интереснее среды писательской, в писательской я не рискую долго находиться.

24 апреля, понедельник. Как я уже писал, Владимир Ефимович в машине мне в понедельник отказал — ибо надо везти ректора, ибо надо везти Горшкова, ибо третьего шофера нет, он его, Толика выгнал, и я поперся в Министерство культуры на коллегию пешком. Можно, конечно, поехать на собственной машине, но около Министерства нет стоянки, все поэтому приезжают с шоферами. У меня, боюсь, не хватило бы навыка поставить машину в центре. Вдобавок я еще перепутал часы и пришел на заседание коллегии на час раньше, не к десяти, а к девяти. Посидел, прочитал все документы, приготовил реплики. Правда, коллегия за последнее время движется все быстрее и быстрее, особенно здесь не поговоришь. Стояло два вопроса, первый — охрана памятников и объектов культуры, а у нас по стране их 25 000. Естественно, в плане взаимодействия федеральных и органов субъектов федерации, т. е. как бы не центр охраняет и бережет. Одним словом взаимодействовали. Вопрос невероятно сложный, требующий и денег, и отчетливого понимания того, что памятник, кроме того еще и, скажем так, — недвижимость, земля и пр. Второй вопрос связан реализацией давнего, от 1995 года закона «О днях воинской славы и памятных датах России». Ельцин этих дней навалял!

По первому вопросу я не выступал, но мысль о некотором объединенном органе варьировалась все время, и на коллегии сложилась в слова. Считаю, что не надо готовить целый ряд

указов и подзаконных актов, а необходимо поставить задачу о создании кодекса по охране культурного достояния России. Один вопрос вроде бы решили — о контроле за спецуправлением. Интересно было, как Соколов поднажал на Михаила Ефимовича, у которого были резонные на этот счет соображения: надзирать за экспертизой и вести экспертизу в одном и том же административном месте — нельзя. Все время, как мне кажется, речь идет не об искоренении взяток, а о том, чтобы по возможности взять их под контроль.

Для рассмотрения второго вопроса времени оставалось мало. Андрей Вульф сделал серьезный доклад, и, казалось бы, всё складывалось очень хорошо, никто не был забыт: ни Великая Отечественная война, ни триумфы Ушакова и Суворова. Все правильно, но насколько это доходит до самого народа? Слово «патриотизм» я не очень понимаю, мне кажется, что невозможно сказать «Я — патриот». Человек и должен быть патриотом своего Отечества, вернее родится им, и юбилеи мы назначаем не для того, чтобы поговорить и приветствовать ветеранов, а для воздействия на сегодняшнее наше общество. Но боюсь, что ни коллегия, ни даже это самое общество не понимают, как далеко разошлись идеология и восприятие ее народом. В связи с этим я хотел зачитать на коллегии маленький кусочек текста, я нашёл его в одной из работ, присланных абитуриентами в институт. Но не прочитал. Тем не менее, в дневник вставлю — это некий манифест сегодняшней молодежи.

«***Нам говорят, что все в нашей власти: нам говорят, что от нас зависит будущее.***

Мы говорим направо и налево, что уверены в себе и точно знаем, что нас

ждет. Мы говорим неправду.

Нас окружает мир, в котором полно соблазнов. На нас кричат плакаты с рекламой, герои фильмов говорят нам, что главное — это красивая жизнь и красивые девушки.

Мы пытаемся как-то разобраться, чего же нам хочется на самом деле. И оказывается, что нам действительно хочется красивой жизни и красивых девушек. Оказывается, что нам хочется этого в любом случае, и мы ищем самый простой путь к этому.

Герои фильмов утверждают, что для этого вовсе необязательно прикладывать много усилий. Для этого просто надо быть смелым и решительным. Герои фильмов грабят банки и катаются на дорогих машинах, и мы тоже хотим грабить банки и кататься на дорогих машинах.

Пока такой возможности нет, мы просто пьем пиво на деньги,

взятые у родителей, и разговариваем о том, что мы можем сделать.

Нам предстоит поступление в университеты.

Учителя в школе говорят нам, что поступить в университет — это попросту невозможно, разве что на коммерческой основе, учителя говорят нам, что сами не знают, что будет на экзаменах, но уверены, что почти никто их нас экзамены хорошо не сдаст. Мы слушаем их, пугаемся и немедленно забываем про это все.

Военрук говорит нам, что мы пойдем служить в армию. Он говорит, что дедовщины сейчас нет, но мы ему не верим. Мы знаем достаточно про дедовщину и про то, какая у нас армия.

Военрук говорит, что мы все обязаны служить; что служить Родине — это священный долг.

В военкомате нам сказали, что все мы здоровы, или почти все. В военкомате нам не верили, когда мы говорили, что у нас плоскостопие или постоянные головные боли. В военкомате от нас хотели только того, чтобы мы поскорее прошли медкомиссию.

Нам всем по шестнадцать лет. Мы все через два месяца заканчиваем обучение в школе. Мы говорим направо и налево, что знаем, куда будем поступать, знаем, как «отмазаться» от армии, знаем, как заработать денег, знаем, как жить. Мы так говорим. Но не верьте нам.

Мы боимся армии и боимся экзаменов, мы боимся самостоятельности и боимся неизвестности. Мы хотим пить пиво и разговаривать о том, что можем сделать.

Мы не знаем, что нам делать. Друзья говорят нам одно, родители — другое, учителя — третье, медкомиссия — четвертое, телевизор — пятое. Мы очень боимся всего того, что нам предстоит, но мы никогда в этом не признаемся. Потому что мы — это будущее».

Затем был в институте, там занимался всякими небольшими хозяйственными разборками, а вечером пошли вместе с Максимом на День интеллектуальной собственности, который объявили также и Днем книги. Вообще, 23 марта — это как бы день памяти всей нашей литературы: огромное количество в этот день рождений и классиков и неоклассиков, а также большое количество смертей, а Шекспир, например, и родился 23 марта и умер 23 марта…

В Центре у Павла Слободкина, как всегда, была большая конференция, в зале играл замечательный оркестр под управлением Никольского. Музыка простая — Моцарт, Чайковский. А после конференции — фуршет, как всегда лучший фуршет в Москве, и это очевидно связано с тем, что в приготовлении его присутствует женский догляд, а именно — его

жены Павла Слободкина Лолы. Были блины с красной икрой, фрукты, масса жареного и вареного, рыба… Говорил с А.Н. Пахмутовой, она вспомнила мой рассказ «Новые кроссовки» В ЛГ, видел А.Клевицкого, на которого после разговора со Слободкиным стал смотреть по-другому. За фуршетом разговорился с Олегом Галаховым. Говорили о природе композиторской, о том, что часто в одном человеке совмещается несколько талантливых возможностей — скажем, талант композитора и математика.

Дома продолжал читать ***«Красный Лондон»***. Конечно, в этой книге много этакой увлекательной порнографии, но она воспринимается как общее место, и я, как писатель, воспринимаю лишь что-то новое в организации сюжета, почти документального, и хорошо понимаю ситуацию: молодежь, в частности скинхеды, бунтуют сейчас повсюду. Кстати, судя по этому роману, литература опять становится остросоциальной.

25 апреля, вторник. На семинаре был, в качестве приглашенного гостя, Сережа Шаргунов. Я позвал его именно почти как сверстника моих ребят. С одной стороны — они кончают институт, им по 20–22 года, с другой — 26-летний Сережа, который выиграл в 19 лет премию «Дебют», а в 23 года стал лауреатом Премии Москвы, за роман «Ура!», опубликованный в «Новом мира». К сожалению, его новое произведение «Как меня зовут?» ребята не успели прочитать, хотя я неделю назад сделал 5 экземпляров этого романа и роздал их. Серёжа говорил очень интересно, я что-то записывал. Свою премию «Дебют» отдал сидящему тогда в тюрьме Эдуарду Лимонову. Пиар ли это или веление души? По крайней мере, свою писательскую судьбу строит. Вспомнили тут же Галковского, не взявшего свою премию «Антибукер». Говорил о полосе в «Независимой газете», которую Сережа очень ловко ведет. Полоса носит название «Свежая кровь». Сейчас он пишет новую повесть — «Птичий грипп». Мысль: писатель должен испытывать чувство соперничества, без этого писателем быть нельзя. Вообще есть две линии поведения писателя: ***а***. затворничество, ***б.*** стремление быть замеченным. Без злой конкурентной борьбы любой текст сильно проигрывает. Политика и творчество — их несовместимость, это предрассудок. Сегодня писатель выбирает новую тактику. Ответ на вопрос, какой тип писателя в наше время предпочтительнее, был таков: выживают независимые люди. Дальше последовал комплиментарный пример. «Вот Есин рискнул и принес в «Новый мир» свой новый роман, они приняли, потому что поняли, что старая колючая проволока, «опутывавшая отношения», порвалась». Это все мысли Шаргунова, он говорил также о

постмодернизме последних лет. Все предыдущее пятнадцать лет в литературе — пересмешничество. Сейчас время нового реализма. Всё объясняется попыткой зафиксировать режим, но, главное — восприятие жизни. Пересмешничество, ирония все это связано с тем, что у авторов не получается настоящей литературы. Не надо бояться низких жанров, они подпитывают большую литературу.

Разобрали рассказ Ромы Подлесских «Жека Жуков, сын танкиста, или поездка за город талантливого балалаечника». Большинство ребят говорило, что он читается легко и увлекательно, но чего-то в рассказе не хватает. Все копались в реалистических мелочах. Один только Илья Черных догадался, что это — рассказ-сказка. Он буквально снял это выражение у меня с языка; Рома написал некую русскую сказку про Ивана-дурака, который не так уж и глуп и готов залезть в чан с кипящей водой, хотя и не знает — вылезет ли оттуда. И всегда вылезает в новом кафтане.

В 4 часа договорился встретиться с Вили Люке, спутником Барбары, который приехал на стажировку в Москву. Поведу его куда-нибудь обедать. Вили пришел с разговорами и подарками от Барбары, главное, он принес лекарства. «Оксис», который я постоянно вдыхаю, стоит в Москве, да, наверное, и в Германии, дорого. Барбара прислала мне его много, теперь хватить, минимум, на год. Единственное, что расстраивает, ввел я ее, немецкую пенсионерку в дополнительный расход: в Москве «Оксис» тоже появился, а мне лекарства по приказу министерства оплачивают. Правда, раньше я этим почти никогда не пользовался. Но теперь, на фоне более небрежной траты денег, вот проректорам существенно подняли зарплату, техническому персоналу, — на этом фоне я решил прекратить экономить и стесняться.

Обедать пошли в ресторан «Маракеш» на Пушкинской площади. По дороге поговорили о реконструкции площади, в ходе которой может пострадать и институт. В ресторане заказали по лагману и два плова. Вили выпил еще бокал красного вина — все очень вкусно и сравнительно недорого. Обсуждали, в основном, закрытие отделения Славистики в Марбургском университете. Логику университетского начальства видно: укрупнить, сэкономить, поэтому и переводят славистику в соседний Гессен, на родину нашей царицы. Но, как и у нас в министерстве, совершенно отсутствует дух внутреннего, а не внешнего прагматизма. Разрушить славистику в городе, так сильно связанном через Пастернака и Ломоносова с Россией — это, по меньшей мере, неумно. Впрочем, неумными поступками в наше время можно замостить шоссе от Москвы до Берлина.

Отвозил Вили до улицы Волгина, до общежития на «Жигулях», которые энергичный Витя вчера вытащил из гаража на Белоруской. Ехали от института чуть ли не полтора часа. Говорили о счастье жить в маленьком университетском Марбурге. На дорогах начались летние кошмары.

Из внешних, так сказать, событий: Путин встречается с канцлером Меркель в Томске, в Египте жуткий теракт на морском курорте. Погибло два десятка людей и среди них вроде бы один россиянин и один белорус.

26 апреля, среда. Утром, чуть ли не с семи часов, С.П. поехал в Педуниверситет, чтобы сдать мое диссертационное дело ученому секретарю Л. Трегубовой. К счастью, на этот раз, кажется, все получилось с первого захода. К девяти пошел в ненавистный мне спортклуб, где истязал себя на снарядах. Так уговаривал себя, что сегодня очень занят, и в клуб можно не ходить, но, понимая, что это единственное мое спасение после четырнадцати лет сидения в кресле, все же пошел. Утром же с половины седьмого дочитывал роман Стюарта Хоума «Красный Лондон», который мне дали, чуть ли не, как порнографический. Последние картины штурма центра Лондона скинхед-бригадами, анархистами и проститутками очень впечатляют. С большой силой прописана ненависть ребят с окраин к богатым. Здесь определенно серьезное социальное чутье писателя, если не ожидание, по крайней мере, боязнь нападения социально невостребованной молодежи на сегодняшний уютный мир. Я с такой жадностью читал роман еще и потому что здесь возможен и некоторый наш российский прогноз. Все разговоры о ксенофобии и расовой нетерпимости видимо прикрывают те же обстоятельства, которые описаны и в романе Хоума. А здесь много всего и руководители духовных сект и «менеджеры» молодых анархистов и продажные журналисты. К последним — классовая ненависть лондонской молодежи особенно велика. У нас молодежное самосознание до этого еще не дошло, но дело к тому идет. Что касается секса, разных «картинок», то разве это не самое доступное для молодежи. Чем же ей еще развлекаться, если большинство других развлечений ей недоступны?

Днем сначала был в Московском отделении на Скарятинском, где состоялось правление, потом занес загранпаспорт и «Дневник» для В.В. Федотовой в РАО и поехал в институт. Сегодня здесь новая «литературная» встреча — с журналом «Москва». В этом особый курс, который начинает держать БНТ — у Есина были общественные деятели, разные там Жириновские, Путины, Зюгановы и Кириенки — у нас чистая литература. Я исходил не из «поиска» ребятами и преподавателями связей,

потому что все они находятся в литературе и эти связи для них естественны, а из того, что им необходимы ориентиры в жизни, ее реалии, ее рычаги и ее деятели. Даже если они не хотят этих людей брать за прототипы, то они должны их знать и ориентироваться в общественной, часто конъюнктурной мысли. Не пошел на встречу с «Москвой» еще по двум соображениям. Не хочу встречаться с Бородиным, хотя знаю, что он человек порядочный, да и каждый в моем сознании порядочный, но кто-то меня в Общественную палат из ее членов заваливал? Это как с анонимкой Маргариты Крапивиной: все вокруг, особенно мои коллеги, порядочные ребята, но после анализа стало ясно, что написана анонимка в институте. Но и в институте круг сужается и, после анализа, остаются только две кафедры, откуда могло вылететь такое сочинение. Но всех, до единого, людей на этих кафедрах я считаю порядочными. Не пошел еще и потому, что забавная возникает ситуация: встречу с журналом замыслили и назначили, не поставив в известность заведующего кафедрой литературного мастерства. Читайте объявления на стене! Я еще хорошо помню, что прошлый раз меня не позвали и на профессорское чаепитие, которое обычно возникает после таких совещаний в ректорате.

В четыре часа снова пришел, как мы договаривались накануне, Вили с Вольфгангом Дитрихом, восьмидесятилетним профессором— теологом. Я помню его еще по Марбургу, специалист по русским религиозным мыслителям. На него иногда ссылалась в своих работах Н.В. Матрошилова. Профессор очень хотел повидать Литературный институт. Я устроил маленькую экскурсию, показал комнату Герцена и комнату Платонова и отвел на обед в кафе «Форте». Супа не ели, а только греческий салат с брынзой и замечательно пожаренное мясо с соусом без гарнира. По обыкновению, вина я не пил. Вкусно, но и не дешево — 1600 рублей. Мое хобби богатые люди, деньги и цены. Рискнул ли я все же поставить себе стеклянные раздвижные двери на книжные шкафы?

Проводил милых немцев, договорились с Вили созвониться, чтобы я подвез ему подарки для Барбары, и я остался в институте. Во дворе недовольный чем-то БНТ разговаривал с какой-то музейщицей, которая его при мне же остановила, я сказал: «Я следующий». Мне надо было договориться с БНТ о командировке. Сел на лавочке и жду. Ждал минут десять, а потом развернулся и молча ушел.

Вечером прочел вступительную работу ***Васи Буйлова, 1983, средне специальное.*** Написал коротенькую рецензию: «*Василий, сын сибирского писателя Анатолия Буйнова. Одаренность, видимо,*

фамильная. Я даже не уверен, что могу его чему-нибудь научить. Самостоятельное перо, тяготеет к философскому осмыслению мира, но, не теряя красочности и образной возвышенности. Тем не менее, сохраняет еще и сибирский аромат».

В любимом «Труде» отклик на день интеллектуальной собственности. Газета сообщила, что до премьерного выхода на телеэкран сериала «Доктор Живаго», который снимался в Америке, он уже вышел на пиратских дисках. По этому поводу газета публикует ряд комментариев. Все участники медиа-тусовки рыдают. Вот что говорит певец и композитор Александр Градский о своих дорогостоющих композициях, при создании которых он привлекает даже симфонические оркестры. «Но ни одну из «хрестоматийных» композиций сейчас в эфире вы не услышите. Ни одна радиостанция бесплатно их не станет крутить. Хотя это более близко к пресловутому «формату», чем все то, что я делал раньше. Сидит там у эфирного микрофона какой-нибудь малограмотный диджей и крутит на всю страну убогие песни в три аккорда. «Мне прикольно», — отвечает он на все упреки в непрофессионализме». Боюсь, что такой «диджей» сидит и в издательстве, и в редакции гламурного журнала, и порой даже в той конторе на Старой площади, которая отвечает за весь вектор нашего искусства и пропаганды. «Мне прикольно», чтобы в эфире был тот и «прикольно» чтобы именно того печатали большими тиражами.

Путин в Томске приказал Семену Вайнштоку нефтепровод перенести на десятки километров дальше озера Байкал. Этот перенос обойдется в 900 миллионов то ли долларов, то ли рублей. Такое ощущение, что специально спроектировали так, чтобы могла эффектно проявиться монаршья воля. Сегодня годовщина катастрофы на Чернобыльской АЭС. Как хорошо помню этот день, когда приехал в Обнинск вместе с покойным Володей Шпаком. Тогда я читал лекцию в Доме культуры, дело для меня было новое, а тут какая-то пропускная система, какая-то в городе атомщиков тревога… Тоже была весна, но двадцать лет назад.

27 апреля, четверг. Утро начал с того, что прочел уже давно напечатанную, аж 21-го марта, рецензию на мою книжку в «Московской правде». Написала рецензию Елена Плахова, читай Лена Егорунина, жена Саши, девушка прямая, у которой не забалуешь. Тем приятнее, выписываю, естественно комплиментарные кусочки. **«Проза Сергея Есина, добротная, плотная, одновременно легкая и замечательно читающаяся, порадовала еще одним: это по-прежнему проза молодого человека. Конечно, за его плечами немалая жизнь, но жар**

души еще не растрачен. Быть может, поэтому так интересно читать роман «Марбург» — одно из лучших произведений Есина». Дальше Елена пишет: **«Рассказы прозаика, вошедшие в книгу, понравились мне значительно меньше, однако, уверена, именно они могут привлечь нашего замотанного жизнью читателя».** Потом стал приводить в порядок дневник. Ведение его у меня занимает до двух часов в день, причем материалов, которые я не успеваю обработать, на столе с каждым днем все больше и больше. Затем поехал на работу, где единым махом продиктовал Екатерине Яковлевне программу для 4–5 курса по нашей кафедре. Дальше разная беготня, приемная комиссия, поговорили с Л. М., которую, кажется, уговорили взять на себя первую подпись на денежных документах. Уезжая на вручение премии Солженицына Александру Варламову, встретил БНТ у проходной. Как ни странно, поговорили очень хорошо, в том числе и о моей поездке в Китай. Может быть все, что я прежде написал, это только мои фантазии. Но, тем не менее, нашептыватели есть, и враги у меня тоже, оказывается, имеются. Перед отъездом прочел довольно страшный документ, разосланный министерством: о пожаре в МГУ.

Как всегда, пишу свои заметки на том, что в этот момент под рукой. На этот раз на пригласительном билете премии Солженицына начинаю писать о церемонии награждения Варламова. Мне есть чем гордиться. В свое время при выборе героя первого «Антибукера» я довольно крепко поинтриговал, чтобы премию получил именно Варламов. Тогда моих и его оппонентов смущали его русскость и православие. А вот теперь Солженицинский фонд, где из моих знакомых Н.Д. Солженицына, Паша Басннский и Людмила Сараскина, выбрал именно Варламова. Как по-разному и в разное время я пишу о людях!

Приехал на Таганку в Дом русского зарубежья довольно рано, на четвертом этаже, еще довольно безлюдном, в свете телевизионных камер — Н.Д. Солженицына, молода, приветлива, обаятельна, но с цепким, как прицел винтовки, взглядом.

Поднимался на лифте с Валентином Курбатовым. Все почему-то спрашивают меня о моих новых ощущениях, подразумевая мою отставку, на это я искренне отвечаю, что чувствую себя первоклассником, который, выйдя из школы с тяжелыми портфелем, оттягивающим плечо, вдруг обнаружил: наступила весна, деревья стоят в молодой клейкой листве — ка-ни — ку— лы! Н.Д. показывала всем «ювелирное изделие» — диплом премии с вензелями Александра Исаевича — и очень, что вполне естественно, гордилась: «Ни у одной премии подобного нет». Увидел Людмилу Сараскину, которая всегда радует меня своим

крупным, красивым, излучающим доброжелательность лицом и всем своим приветливым видом. Я ни на минуту не забываю, что это еще и умнейшая женщина. Видимо, доброжелательность заразительна. Заметил, что и я на всех смотрю без прежнего мелочного раздражения. Всё осталось, конечно, по-прежнему, и некая неискренность тусовки, и слащавость некоторых лиц, их приветствий, но вдруг это перестало меня волновать: люди как люди, они все, как и я, имеют права на слабости, связанные с природой человека.

Из-за ремонта кольцевой станции метро народ собирался медленно. Повторяю, лица все знакомые, много людей, которыми можно было бы и восхищаться. В том числе и наши литинститутские. Сначала прошла Олеся Николаева, которая недавно получила премию «Поэт», потом Наталья Корниенко со Смирновым, которого я утром видел шагающим по нашему институтскому скверику и что-то нашептывающим Мише Стояновскому. Подобное я уже проходил — и Смирнова, также наклонявшегося ко мне в свое время и проникновенно рассказывающего о всем и о всех.

Н.Д. Солженицина. В 9-ый раз вручаем премию. Все знают о задачах и о фонде. Но, как бы для вновь пришедших людей, Н.Д. рассказывает. О двух задачах фонда: помогать бывшим политзаключенным и способствовать развитию культуры. Записываю, что успеваю, а главное, что для меня интересно. В жюри премии кооптировали Павла Любимова, театроведа и директора музея Бахрушина. Пара фраз о самом Солженицине: он сам много читает, его мнения о литературе часто оспариваются жюри.

Два члена жюри представляют нового лауреата: Павел Басинский и Валентин Непомнящий, пушкинист.

П.Басинский начал свою речь, как ни странно, со сказки Перро «Кот в сапогах». О трех братьях. О третьем брате мы все знаем, он везунчик. А какова же судьба первого брата, получившего в наследство мельницу, хозяйство, которому надо это хозяйство хранить и преумножать. Замах уже ясен, старший брат это, конечно, Варламов. Алексаей Варламов «стратегически последовательнее» всех писателей своего поколения. Из доклада ясно, что это писатель интересный, разный, умный, но, пожалуй, не самый глубокий. Впрочем, здесь уже начались уже мои размышления о младшем сыне.

В. Непомнящий говорил лишь о самой первой вещи Варламова, той самой, «антибукеровской» 1985-го года. Читал жене тогда же — «как читали книги раньше». Говорит о кризисе семьи. Прозрение писателя есть знак неоставленности нас и

литературы Богом.

Дальше говорил сам Варламов. Начинает с пушкинской цитаты из письма к Чаадаеву. Признается, что принадлежит к поколению, которому все врали, но, дескать, не всегда врала литература. Здесь я не во всем с ним могу согласиться. Меня радует, что он вспоминает о романе Ирины Головиной, публиковавшемся в «Нашем современнике».

Тем не менее, возникло ощущение некой партийности Варламова, его интеллектуальной жесткости и ригоризма. В конце говорит о литературе в советское время…

Дальше Н.Д. дала слово Н.В.Корниенко. Наталья Васильевна начала с того, что упомянула: я выступаю не как член-корреспондент, а как читатель. Мысленно от такого скромного начала я улыбнулся. Стало интересно, когда она сказала, что у нее есть некий неопубликованный текст — это её отзыв на кандидатскую диссертацию Варламова. Очень мило. Тихие голоса. Мысль о консервативности русской литературы даже в ее, модернистском изводе. О трех биографических романах Варламова — «Грин», «Ал. Толстой», «Пришвин».

Потом выдвинулась тяжелая артиллерия — Валентин Курбатов. Начал с огромной цитаты Варламова. «Как сегодня из такого скудного материала рождаются такие герои, как у Александра Варламова». Его голос всегда светлее, чем голос мира. «Наше писательство это свидетельство на Страшном суде».

Бывают особенно длинные и полные событий дни. На фуршете — знакомые места, знакомые гости, знакомое меню, все не впервые, вдруг встретил Володю Бондаренко. Я его ценю, в том числе и за то, что он всегда с сумкой и всегда готов подарить свою газету. На этот раз подарил даже два выпуска «Дня Литературы». В первом — за март — и посвященном почти целиком шестидесятилетию самого Владимира Григорьевича Бондаренко среди стенограмм многих речей, прозвучавших на его юбилее, есть и моя. Речи всегда говорятся на гребне каких-то волн, и о чем ты говорил, потом с трудом вспоминаешь. А вот теперь я знаю. Эта речь, также как и вся газета, пойдет в папку с вырезками. А вот во второй газете, за апрель (N 116) довольно большая рецензия Игоря Блудилина-Аверьяна под названием «Русский Марбург». Рецензия сделанная еще по «Новому миру», по журнальному варианту. Написано мастеровито и точно, с хорошим анализом текста, но не дотягивающим до изощренного исследования Ильи Кириллова: эту рецензию я тоже отправляю в ящик, но один абзац опять, хвастаясь, перепечатываю: «**Роман хорошо задуман и хорошо написан. А это — редкость сегодня. На нем стоит печать мастерства, увы, стремительно**

исчезающего в нашей современной литературе. Нынче молодые уже не умеют так писать. И ученики С.Есина — Р.Сенчин и С.Шаргунов — не дотягивают, увы, до учителя своего. Не тот коленкор. Не та культура. Не та глубина. Не те интересы в жизни и в литературе».

Но и это еще не все. Вечером в одиннадцатом часу позвонила Оля Шайтанова, жена Игоря Олеговича, ответственного секретаря «Букера». Ее мнение, и как филолога, и как опытного читателя, значит очень много. Настоятельно советует сдать на конкурс, но успею ли я: Ашот, которого я попросил собрать документы, по своем обыкновению, затягивает и может сорвать. Но я помню, как многим мы все Ашоту обязаны.

28 апреля, пятница. Рано утром, чтобы можно было еще проехать по Ленинскому проспекту отвез на улицу Волгина, где в общежитии остановился Вили, сумку с подарками для Барбары: огромный том о Москве, набор «Хеннеси» и блок фильмов связанных с русской классикой. Потом все почти утро занимался дневником и приведением в порядок бумаг. Кое-что разобрал. Еще накануне отдиктовал Е.Я. методические указания на 4 и 5 курс, для учебной программки. Еще раз все это просмотрел и нашел, что вполне нормально. Половина третьего, выехал на машине в институт. По дороге заехал в СП России, встретился с Николаем Добронравовым; обмен: он мне — фотографию в Кремле, когда нам вручал Путин ордена (Пахмутова, Добронравов, я, Евтушенко и, кажется, шофер Евтушенко. Жаль, что я не позвал Толика, который меня подвозил) я ему и Александре Николаевне Пахмутовой — «Ах, заграница, заграница…» и том Дневников.

На работе говорил со Стояновским о программе, о необходимости сокращать в пользу прозы поэтические семинары. Сейчас не время поэзии, она, как в отлив, находится в раковине, а прозаикам легче адаптироватся. Касались также и других проблем. Сегодня же прочел две работы наших абитуриентов. Пока полная и скучная темнота. Это все возникло из нашей сегодняшней телевизионной, радийной, даже школьной культурной жизни. Общество продолжает губить таланты.

Вечером поехал на день рождения Леши Налепина в Культурный фонд. Как интересно: после того, как ушел на другую работу, диапазон моей интеллектуальной жизни внезапно расширился. Никогда прежде не мог предположить, что организм и сознание перестали впускать в меня лишниюю информацию и лишние эмоции. Только немножко так называемого собственного творчества, чтобы еле-еле о хватило для романишка или для дневников, ну, может быть, еще чуть-чуть на английский, как на

развлечение, а все остальное — только институтские дела. Так же было построено и мое чтение: лишь функциональное. А вот вчера ночью от бессонницы снял с полки какую-то книжку, это оказалась книжка, давно подаренная мне С.Федякиным, написанная им совместно с Павлом Басинским — учебник по серебряному веку, просто зачитался. С какою легкостью и естественностью ребята обращаются с текстами! Здесь не профессорское скучное видение, которое знает, какую и у какого исследователя, мысль спереть, и какой цитатой из чуждого текста воспользоваться. Все тексты пережиты, любимы, они берутся из памяти, они много ночей подряд снились, а по книге лишь выверяются цитата. Я так порадовался тогда же ночью, что, когда днем встретил возле кафедры Федякина, не утерпел и сказал ему об этом.

Итак, я поехал на день рождения, и не потому что был близок с Алексеем, а еще из чувства благодарности: он написал один из внешних отзывов на мой реферат.

Народа было — полный зал. Как мне показалось, большинство не из-за служебных связей, а подчиняясь дружеским чувствам — генералы, артисты, казаки, депутаты. Много интересного узнал про Алексея Налепина, который, оказывается, учился в одном классе с Никитой Михалковым. Но самое главное, — уяснил себе дело, которым и Налепин, и Михалков занимаются.

Так вот о Налепинском деле — о его «Руссом архиве». Ведь и дарил мне Налепин многие тома, а когда приспичило для собственной работы, я сам принялся разыскивать том с историей вторичного захоронения праха Гоголя. Но надо было услышать здесь о содержании о 14 тома с записками Дубельта за 1849 год, надо было услышать выступление Петра Палиевского, чтобы уяснить себе значение этой работы.

29 апреля, суббота. До двенадцати ожидал С.П., который уехал в Видное за сыном. Собирал вещи, читал студенческие работы, потом воевал с замками на двери. Пришлось даже вызывать Толика, у которого что-то опять не клеится и с работой, и с семейной жизнью. Он опять вместе со своей стиральной машинкой, телевизор уже там, перебирается на дачу к С.П.

Приехали втроем в Обнинск часа в три. Сережа удивительно спокойный и славный мальчик. Ничего не сделает, не попросив разрешения. Он так лицом и тихим голосом похож на мать, что иногда меня охватывает какая-то робость. Почему ей, которая так хотела этого сына, которая с таким трудом налаживала и наладила жизнь, выпало так рано уйти?

Организовывали воду, хозяйство, кормление мальчика,

разные мелкие удобства. С.П. по обыкновению занимался кухней. Неужели Бог подарит мне еще одно лето. В.С. — в Матвеевском. Предвкушаю, что, наконец-то, высплюсь.

30 апреля, воскресенье. С радостью весь день занимался, практически, двумя вещами: копался на огороде и читал работы абитуриентов. Что касается первого, то Витя, перед тем как уехать на праздники в Пермь к своей Лене и родне, вскопал все грядки, привел в порядок теплицу и даже посадил целую грядку лука. Мне осталось засадить еще грядку петрушкой и морковкой, которая у меня растет плохо, засыпать эти посаженные грядки перегноем, наладить полив, и в теплицу под дополнительную пленку посадить еще свеклу, которая почти наверняка не вырастет. Надо было, оказывается, потратить целую жизнь, чтобы создать на даче комфорт и удобства. Здесь так тепло, просторно и уютно. Уже зазеленела трава, возле сарая вылезли синие цветочки, разошлись, обнажив «клейкие листочки» почки на черной и красной смородине, поднялся прошлогодней посадки чеснок. Как с годами начинаешь ценить и прибитую к месту доску, поставленный вовремя и где надо водяной кран или электрический штепсель, да и саму жизнь. Зеленеет ли росточек лука или пьет из жестяной бочки, налитую туда для прогрева воду серогрудая птичка.

В общей сложности прочел за два дня одиннадцать работ. Откуда при общем усредненном возрасте семнадцать-восемнадцать лет у абитуриентов такой разнос работ по языку, видению мира? Ведь в одной стране воспитывались, один и тот же телевизор смотрели, а будто на разных планетах.

Антипова Дарья, 1984, Красноярск, сообщает о себе, что получала стипендию Минкульта и участвовала в семинаре в Липках.

+ «Да», соответственно по моей шкале +, хотя многое меняв этой девушке смущает. — Описание жизни и любви молодой женщины. Претенциозно, манерно, с очень тривиальной психологией. Огромное количество «не стреляющих» подробностей. Без особых находок, информационный язык. Отказывать оснований почти нет, но и брать к себе не хочется, много головного. Может быть, к А.Е.Рекемчуку? В повести упоминаются его ученики. Да и сама абитуриентка старовата для собирающегося очень молодого и трогательного семинара. — «Да» Третий эшелон.+

Абрамова Александра, 1988, Сызрань

+ + +. ***Почему одни девочки в 20 лет пишут, как взрослые, а другие в те же 20 что-то выкапывают в своей бесконечной душе (ирония). Опять повесть «Фарфоровый слон»***

о любви — все безукоризненно по знанию мужской и женской природы. Язык плотный, ясный, помогающий донести до читателя необходимые с точки зрения автора сведения. Хорошо. + + +. «Да». Первый эшелон.

Бычкова Александра, 1989, Ковров

-, +Милый провинциальный ребенок со страстью к изящному и возвышенному. Мало культуры, нет среды, отсюда слово будто хромает. Вся эта «проза» полна добрыми намерениями. Выучить можно, но далеко не первый ряд между «да» и «нет» +, — (пока оставим, отфильтрую еще раз). Тускло.

Акулькина Наталья, 1986, Чапаевск

+ ***Скорее «нет», нежели «да». Основное достоинство — наивная непритязательность. Первую зарисовку «В поисках друга» еще можно принять, а вот детектив с оттенком мистического кинофильма вызывает уже раздражение. Почти отсутствует природный язык, почти как в газете. Скорее «нет», чем «да». Пусть читают другие. + Третий эшелон.***

Глаголев Денис, ….. Москва

+ Склонен к мистике и литературным реминисценциям. Два больших рассказа «Возвращение» — с оттенками рассказов Э.По — таинственный дом, лес, Человек, второй рассказ «Чита и Человек», где Чита — медведица, это проблески «Локиса» у Мериме. Его источники — литература, отсюда язык довольно точный, но без находок. Значительно теплее маленькая зарисовка из магазина «Пироги», где парень работает. И такой мне нужен, хотя разница в возрасте с основным массивом в 6–8 лет. «Да», + Третий эшелон.

Столбун Светлана, 1989, Тверь

+ ***Сначала мальчик рвется в искусство, потом девочка хочет стать кинорежиссером, потом описание жизни богатой (зарубежной) компании. Все очень сентиментально. Довольно привычный городской язык. Тем не менее держит внимание, думает и строит сюжет. Например, фигура трагического умолчания (смерть компании) в последнем рассказе. Колеблюсь. «Да». +Третий эшелон.***

Ларионова Ирина, 1984, Москва

— «Нет», хотя есть и живые подробности. Возможно, стоит «показать» рукопись в семинаре детской литературы. Текст сделан не изнутри, но автора волнуют внешние детали, за всем ложная важность и очень снивелированный язык. Эти герои меня не интересуют, так же, как и «стихии». Все это скорее грамотно, нежели талантливо. «нет»

Симакова Лариса, 1988, Новосибирск

+ «Да». Два рассказа — один под Достоевского, другой о любви и разлуке двух любящих друг друга женщин, а так же зарисовки — говорят, что человек и не без чувства, и не без способностей. Язык без претензий, без многословия, следит за мыслью. С большими колебаниями. Третий эшелон. «Да». +

Бурдин Максим, 1987, Кострома

+ + + Бойца видно по походке. Но есть время кое-что выявить: видимо, Бурдин где-то учится, есть сноровка. Замечательный, легкий, свободный текст, естественная речь, хорошая наблюдательность. Есть будущее. Замечательная придумка: львы и мальчики, и потом львы приходят всю жизнь. «Да», «Да» + + + Первый эшелон.

Обогрелов Антон, 1987, Щелково

+ + + «ДА». Исключительно одаренный парень. Здесь не только стремление понять всю диалектическую сложность жизни, но и понимающее сострадание к ней. Хорошее ясное сердце. Две больших работы «Маленькие люди среди грязной публики» — философское эссе с наклевышками действия и «Я умею писать» — повесть о юности будущего мастера. Здесь ясное влияние платоновской прозы, но здесь же ее смысловое преодоление. «Да», «да»! Первый эшелон.

Артюшенко Наталья, 1976, Богучар

— «НЕТ». Фэнтэзи с магами, королями, заклятиями, битвами и волшебниками. Ни школы, ни русской литературы не существует. Что же девочка читала еще? И огромное количество штампов, на первых страницах подчеркиваю: «густые тучи», «черная пелена», «ласковый шорох листвы». Типичный для русской литературы «Страж Камня». Чтобы писать подобное Литинститут не требуется. Но откуда такие амбиции? Решительное «нет».

1 мая

1 мая, понедельник. Вчера чувствовал себя, в общем, неважно, но дача, загородная жизнь, действует на меня живительным образом. Утром рано проснулся, сделал зарядку на террасе. Отметим для себя, что делать ее в заставленной пыльными книгами московской квартире и здесь на светлой террасе — это разные вещи. Потом отправились с маленьким Сережей в большую прогулку вдоль реки. Сразу отмечу, что сил, к моему удивлению, хватило без напряга на все кольцо мимо железной дороги, запаханного луга, мимо поля, которое уже несколько лет арендуют корейцы, прошли под железнодорожным мостом, его к весне выкрасили светло голубой краской, потом поднялись в гору. С горы показал Сереже наш дом, который кажется среди всех домов не очень приметным.

Пока гуляли двенадцатилетний Сережа посвящал меня в тонкости электроники. Он очень увлечен радиотехникой, ходит в какой-то кружок, рассказывал, как сделал мигалку, прибор, отпугивающий звуком комаров и грызунов, как готовится сделать электронный замок в доме. Попутно он в своих вопросах забирался в проблемы деления атома, нейтрино и термоядерный синтез. Делая вид, что и я в этом хоть как-то разбираюсь, я с интересом слушал. Также мы по дороге разбирались в сложных ситуациях в свое время поставленных Гербертом Уэльсом. В связи с этим я думал о том, что в своей нелюбви к «фэнтази» надо очень внимательно смотреть ребячьи тексты, дабы не выплеснуть чего-нибудь стоящего.

Во время прогулки с радостью обнаружил, что племя трудолюбивых корейцев опять обосновалось у реки на нашем лугу. Здесь как бы три бригады. В этом году новая технология. Из дерева, из самых простых досок еще осенью сбили каркас под теплицы и нынче обтянули все пленкой, сейчас там под второй пленкой уже посеяна капуста, кабачки и огурцы. Правда все это не очень всходит. при этой технологии. Лучше обстоит дело у бригады, где трое молодых парней. По обыкновению, я снял с них социологический опрос: не с Востока, а из Узбекистана, из Чирчика, все неплохо говорят по-русски, доброжелательны. Называют себя, шутливо, наверное, не корейским узбеками, а узбекскими казаками. Теперь об их технологии. Во-первых, у них рассада высеяна не в почву, а в горшочки, которые стоят на огромных, высотой в полметра подиумах. Во-вторых, почти вдоль всей теплицы вырыта глубиной с полметра канава, в которой установлена печка с идущей от нее через все пространство

трубой, т. е. все здесь греется от пола. Рассада уже довольно высокая, дает третий листок.

Довольно рано вернулся в Москву, читал библиографические листки в «Новом мире».

2 мая, вторник. Довольно хлопотный трудный день. Утром поехал на Пятницкую, на радио, на прямой эфир с Гришей Заславским. «Мне здесь все знакомо…» Знаменитая лестница, полупустой вестибюль, там, где раньше была бухгалтерия, теперь отдел Маяка. Гриша по телефону говорит с неким деятелем из Союза театральных деятелей. Там только что прошли какие-то выборы, на которые забыли пригласить каких-то наших известных критиков. Гриша «Марбург» еще не читал, иначе беседа бы получилась интересней. Говорили о моем бывшем ректорстве, нынешней свободе, о романах, о прошлом. Много, к сожалению, повторял из прежних своих выступлений.

На семинаре обсуждали Аэлиту Евко. Она написала повесть «Качели», в которой, сливаясь и раздваиваясь, действуют ее мать и бабка, местами кричаще замечательно. Но я ее, так же как и весь семинар, ругал, за претензию, за отсутствие внешнего действия, за постоянную «прокачку» себя. Внешняя жизнь никого не интересует. На семинаре слегка сцепился с Максимом, который выбрал удобную позицию захваливания. Некоторое раздражение по отношению к Аэлите идет от ее службы у Минералова. Я представляю, что там обо мне говорят на кафедре. Кстати, судя по моим сведениям, они решили выжить Лисунова, это не лучший вариант и для кафедры и для института. Я до сих пор не могу забыть его провидческую в чем-то предвыборную статью.

Вечером прочел маленький рассказ Олега Зоберна в «Новом мире» «Плавский чай». Я за ним упорно слежу. Судя по тексту, он совершенно спокойно обращается с приплывающими ему в сознание видениями на русском языке. Великое это для писателя дело — языковая свобода. Парень и священник, дальние родственники перегоняют машину, по дороге спонтанно во время «привала» парень, герой и автор рассказа, выпрашивает у своего дяди— священника: «Купи проститутку!», тот опрометчиво прежде обещал выполнить любое желание. Купил, но у парня ничего не получилось. «Я молился, чтобы у тебя не встал». Милая юная девочка-проститутка. Вот так распорядилась жизнь… В «Н.М» же кое-что выудил и о себе.

Сергей Есин. Время богемы прошло. Беседу вел Анатолий Стародубец. — «Труд», 2005, n 241, 23 декабря <**http:// ww.trud.ru**>.

«Заниматься настоящей литературой всегда было невероятно

тяжело. Среди хороших писателей последних десятилетий состоятельных людей почти нет. Мне бы не хотелось сейчас углубляться в этот сложнейший вопрос, связанный с несовершенством нашего законодательства в издательской сфере. Если хотите, я вам потом расскажу, кто и как обворовывает писателя на всех этапах пути его книги к читателям».

См. также: «А сейчас я пишу очень озорной роман. Героем романа будет Литературный институт. Заранее жду постные и обиженные лица, не понимающие, что роман-то не о них, о людях вообще», — говорит Сергей Есин в беседе с Владимиром Бондаренко («Строитель готических замков» — «Завтра», 2005, N 51, 21 декабря http://ww.zavtra.ru); полный вариант этого интервью см.: «День литературы», 2005, N 12, декабрь.

Здесь же в журнале читал замечательную статью Никиты Елисеева одного из моих любимых критиков о ЖЗЛовской книжке Д.Быкова о Пастернаке. Как мы быстро, все беллетристы поняли: пора переходить на документалистику или на полудокументалистику.

«Время собирать камни. Исчезли те поколения, что по статеечке, по фактику в клювиках носили материальчик в свои гнездышки. Сейчас время толстенных кирпичей, обобщающих и — в то же время — популярных работ. Но в таких работах не обойтись без концепции, без сюжета той жизни, с которой работаешь. Пиши я о Пастернаке, я бы нашел одно страшное слово, которое удивительным образом реабилитировано великим поэтом. Быков цитирует эти строчки: «Друзья, родные, милый хлам, /Вы времени пришлись по вкусу! О, как я вас еще предам, / Глупцы, ничтожества и трусы!» Да, вы угадали: это слово — предательство». Одна из самых зловещих цитат Пастернака, как жаль, что ее я в романе не использовал. Но вот еще пример, что в искусстве живуча только искренность. Но это такой для охоты на нее верткий зверь, она так предусмотрительна и так осторожна, что некоторые не выходят на нее всю жизнь. И Бог знает, что при этом о себе думают. Еще одна удивительная характеристика великого поэта.

«Что-то было в нем пугающее, что-то позволяющее ему переводить «Фауста». И все воспоминатели, все мемуаристы каким-то чудом описывают дугу вокруг этого пугающего, не называют его, а… оно все одно ощутимо. Быков, к сожалению, не называет того, кто предположил, что Врубель, часто бывавший в семье Леонида Пастернака, изобразил в качестве Демона молодого Бориса Пастернака. Это предположение петербургского литературоведа Леонида Дубшана. Но само предположение приводит. Это — верно. Это очень похоже на правду».

В следующей цитате меня привлекает масштаб сопоставлений критика. Вот почему критиком надо родиться, тогда все и получится. Оценка набоковской «Лолиты» меня вовсе не интересует.

«На мой взгляд, успех «Лолиты» человечнее успеха «Живаго» и «Тихого Дона». «Лолита» — книга куда более нравственная, чем два романа двух нобелевских лауреатов. «Так *пошлиною нравственности* ты/ Обложено в нас, чувство красоты!» — не отговорка циника, а спокойное убеждение настоящего моралиста, каковым Набоков и был. Мораль «Лолиты» очень проста: нельзя трахаться с несовершеннолетними, хотя очень хочется».

Обедали вместе с БНТом, Стояновским и Ужанковым. Говорили о разных институтских делах, в том числе о гранте на научную работу. Надо все это решить. Говорили и о новых преподавателях. Всем, ради имени, хочется Чухонцева, я реально думаю о Мориц и жене Василевского, которую я уже пару раз, как поэтессу, слышал. Чухонцеву предложение было сделано еще раньше, он не пойдет. В институт на преподавательскую работу, по втором кругу деликатно просятся Володя Личутин и Петя Алешкин. Когда дойдет до них очередь, не знаю, пока мест нет. С чувством удовлетворения я наблюдаю за тем, как к БНТу по второму кругу идут все те же персонажи, что когда-то десять-двенадцать лет назад были с теми же идеями у меня. Завтра утром еду в «Дрофу». Ашот все же не сделал документы на выдвижение меня на Букера, но хоть бы принес анкеты. Очень жалею, что всю жизнь я наивно ждал, кто и когда меня сам выдвинет, а это, судя по Диме Быкову, который вечно номинируется на все премии и конкурсы, надо все делать своими руками.

3 мая, среда. Утро началось с известия о том, что в районе Сочи ночью разбился самолет Армянской авиакомпании, летевший из Еревана. Погибло больше ста человек пассажиров. Теракт исключается, основную причину случившегося ищут в погодных условиях. Самолет не самый новый, перекупленный, но, по словам, представителя армянской авиакомпании прошедшей идеальную предполетную проверку и подготовку. Это торопливое заявление лично меня смутило. Я вспомнил о том, как во время знаменитого землетрясения в Спитаке обрушение многих домов и объектов произошло потому, что в это казенное строительство не по нормам закладывали цемент, экономя, т. е. воруя для строительства личных особняков.

Если и бывают перенасыщенные дни — то этот день был именно таким. Еще накануне договорился с Александром Федотовичем Киселевым о встрече. Он должен подписать бумаги

на выдвижение моей книги на премию «Букера». Пока делали бумагу, которую несмотря обещание Ашеот так и не подготовил, очень интересно говорили. Собеседник такого масштаба, что мне было немножко страшно. Но, впрочем, внутреннее самоуничижение мне свойственно. Здесь все перемешалось, работа в министерстве, моя попытка узнать технологию написания философских книг, много другое. Но самое интересное, когда А.Ф. вышел на собственные истории, на свою молодость, спорт, учебу. Здесь у меня — я все время на страже — здесь забрезжело нечто связанное с романом. Один эпизод в сторожке с сумасшедшим, а второй с боксерами. Но подобные замечательные эпизоды иногда становятся лишь символами. По крайней мери, очень хочется взяться за эту главу, третью, глазами уже Васи.

В институте тоже новости. Из них самая любопытная — это вроде бы разговор Миши с В.П. Смысл его сводится к одному, как новая администрация начинает свою деятельность. Вроде бы В.П. сказал, мы разве для того голосовали за тебя, чтобы ты начал с увеличения своей зарплаты. Но может быть, этого всего и не было.

В три часа повез С.П. сдавать мою диссертацию, к Речному вокзалу в информационный центр. Это микрофильмирование. Дорога длинная, боялись — опоздаем, нужно было еще потом готовые, с отметкой центра, документы отвезти в Педагогический Университет. А уже потом они пойдут в ВАК. Но при внимательной экспертизе оказалось, что 100 страниц были не отпечатаны на принтере, а их просто пересняли на ксероксе, Я хорошо помню этот эпизод, как все было. Всю диссертацию мы с Максимом напечатали уже давно, один экземпляр я забрал в переплет, второй оставили в ректорате. Потом этот экземпляр куда-то пропало. И мы стали частями, когда понадобилось, этот экземпляр восстанавливать. Там было многое всего, в том числе и отказавший принтер. Вот тут то в уверенности, что это никому не будет нужно, мы добавили в экземпляр «ксероксный» кусок. Я это все выписываю к тому, что небрежно сделанная работа, по принципу эха, потом откликнется. Так оно и получилось, в целом, включая праздники, отправка моего дела в ВАК может задержаться дней на десять, а там каникулы, а там реорганизация, о которой давно говорят, а там доброхоты положат диссертацию на дальнюю полку.

Но разве неприятности ходят в одиночку? На обратном пути уже совсем возле института, у музея Революции машина встала. Пришлось почти два часа ждать спасителя Пашу.

4 мая, четверг. То ли чувство беспокойства, то ли чувство

долга всегда поджимает меня, и я просыпаюсь без будильника. В 8 часов, сделав зарядку и позавтракав, я уже ехал по Ленинградскому шоссе сдавать диссертацию. На этот раз повезло. За час докатился до Смольной улицы, поднялся на 6 этаж и скажу, что это, наверное, единственное учреждение в Москве, посещение которого не вызывает раздражения. В 9 в приемной сидело четыре человека. Пожилой мужчина принимал дела. И вся эта очередь, которая, как я предполагал, пройдет часа за полтора, была им принята буквально за 10 минут. Каждому он помог, всем поставил нужный штамп, внимательно просмотрел рукописи, не задавал никаких вопросов.

На обратном пути, въезжая около Войковского переезда на Ленинградское шоссе, попался в руки милиции: переехал сплошную линию, был действительно виноват, да и техосмотр у меня просрочен — народу

тьма возится возле моей машины, а за мелочами проследить некому. Но дело не в этом. Они посадили меня в свою машину, в «коробочку» и пошло. Тактика у них налаженная: выяснить, где работает человек (не в администрации ли президента, не в ФСБ), потом, переговариваясь между собой, «решать» «чем наградить»: снять номера, оштрафовать, застращать. По утреннему, урожайному времени договорились довольно быстро: на одну тысячу рублей, мигом. В очереди уже стояли другие нарушители. Деньги опытные работники правопорядка сами в руки не берут, — кидай, мол, на сиденье. Я кинул, зеленая купюра упали между рычагом переключения передач и сидением. В связи с этим инцидентом у меня возник один замечательный проект: отменить всю зарплату у ГАИшиков или оставить им минимум. Но: все положенные штрафы пусть уйдут милиционерам на кормление, раньше было у воевод. Без всяких квитанций, без отчетности, но по государственному прейскуранту. И я уверен, что в этом случае везде будет порядок, не будет превышения скоростей, не будет пробок, никакого беззакония не будет допущено. Не будут и брать лишнего. Милиция сама знает, что делать, как вскапывать и унавоживать свои грядки. Но это лишь то, что касается дороги. Эту идею, насчет «кормления», можно было бы разработать и дальше. Неплохая идея, и в духе времени.

3 мая, среда. Утром рано выехал из дома, у меня было назначено свидание с Александром Федотовичем Киселевым, директором «Дрофы». Ехал, что называется, буквально огородами, потому что в моем сознании сохранилось какое-то немыслимое строительство на Сущевском валу и перед самим издательством. Но Москва строится быстрее, чем мы себе это по старинке представляем, доехал довольно просто и быстро. Пока составляли

анкеты и вносили в анкету данные, которые не внес в свое время Ашот, хорошо поговорили с А.Ф. Он человек фантастического опыта и большого ума. Это все накладывается на природное русское сознание, на характер без всякой аффектации. Я старался больше слушать. Здесь были и замечательные эпизоды административно-министерской деятельности, нрав и характеры фигурантов нашего министерства и поразительные эпизоды юности. Мне бы не забыть два: случай в Химках, когда молодой А.Ф. работал сторожем на спортивной базе и в сторожку пришел сбежавший из психиатрической больницы сумасшедший, и второй — в той же сторожке, но уже «местный» боксер. Эти эпизоды, я чувствую, дадут мне импульс для третьей главы романа. Я упорно ищу биографию и профессию Саше, спутнику моей героини, но надо, тем не менее, помнить, что мысли у него только о литературе. Иначе все зачем?

4 мая, четверг. В два тридцать из института поехал в Комитет по культуре: у нас заседание по премиям Москвы. На этот раз были, кроме В.В.Орлова, все, даже похожий на высыхающую суетливую птаху Марк Зак. Он всегда ратовал за кино, но на этот раз, несмотря на «подъем» современного кинематографа ничего представлено не было. С литературой никаких сложностей не возникло: практически представлен был один Королев, все остальное — это преувеличенное мнение авторов о своей роли в жизни общества и культуры. По театру выставлялись 92-х летний Зельдин за Дон Кихота, Марина Неелова за роль Башмачкина и Петр Фоменко за «Три сестры», спектакль, который я не видел. Как-то все сошлись, на том, что у Фоменко это не лучший спектакль, согласились, что Зельдин «несет и дает всем радость». Я говорил, почему не считаю, что «Шинель» на малой сцене «Современника» выдающаяся работа. Говорил о Гоголе, об однообразной, механической игре актрисы, о спектакле, лишенном с моей точки зрения, гуманистического содержания, свойственного русскому театру. Театральные деятели дружно возражали, высказывая сомнения в правильности моей оценки. Наши дамы театроведы (и Инна, и Вера) дружно противоречили, твердя, что актриса выдающаяся. А кто спорит? Но не за это даем премию. С другого конца стола в кабинете Андрея Парватова на меня лукаво поглядывал Боря Поюровский, который принес мне свою книгу мемуаров, при этом, к своему стыду, я обещанную ему книгу не принес, забыл. О его оценке спектакля я уже знал. В общем, мы довольно много спорили, и тут я предложил голосовать. У меня в арсенале есть изобретение — особый способ тайного голосования. Всем раздаются не бюллетени со списком фамилий, где необходимо что-либо

вычеркивать, а бумажки, где нужно отрывать только «да» или «нет». Одну часть бумажки кладешь в карман, а другую в урну. Никаких следов твоего выбора, никаких возможностей к расследованию. К сожалению, считала и объявляла голоса Любовь Михайлова. Я бы вслух не решился сказать, что в урне не было ни одного голоса «за». Вот тебе и любовь к актрисе, впрочем, замечательной, вот тебе и принципиальность публичных оценок. Зачем тогда дискуссии, споры? Не так ли, по боязни и групповым назначениям даются у нас все премии? Все повязаны — и своей неискренностью и общим сволочным положением в нашем искусстве. Точно такое же положение наблюдается на пленумах у писателей, на ученых советах. Но все реальную оценку знают.

5 мая, пятница. К десяти приехал в Олма-Пресс, получил гонорар за следующий том дневников. Очень обрадовался, во-первых расходы, которые растут, страховка, оплата за свет, оплата за две дачи, во-вторых, сразу решил купить на день рождения Вите кожаные мотоциклетные штаны, в третьих, самое главное, заплатили, — значит книжка выйдет. Поговорил с Людмилой Дмитриевой, обнаружил, что редакция, которая меня выпускает, документальная, и тут же предложил перепечатать моего «Ленина», вдруг получится. В одиннадцать уже был в институте.

День распланирован следующим образом: утром Максим Замшев, я передаю ему следующую порцию дневников. Он рассказывает мне о своей поездке в Болгарию по линии СП, о некоторой размолвке в «Московском вестнике». Ушла Жанна Галенко, что в принципе, жаль, она девка с головой. Ее основной недостаток — это представление, будто в литературе что-то можно сделать наскоком. Максим также рассказывает, что людям, которым раньше, при свободной публикации, мои дневники не очень нравились, теперь, когда они печатаются в «Русском колоколе», производят на них впечатление. Это «протестное голосование»: не ректор, не начальник, иное время, в том числе и литературное, к которому пообвыкли, — или приучил к жанру? К часу дня пришел Юрий Иванович Бундин, трогательно принес что-то к чаю, мы с Надеждой Васильевой тоже не подкачали, даже килограмм свежей клубники, встречая гостя, купили. Юрий Иванович показал мне проект закона, прошедший в Думе в первом чтении об отмене возрастных ограничений при выборе ректоров. Казалось бы, мне стоило бы потянуть… Но, с одной стороны, совершено очевидно, что какие-то мои недруги — ума не приложу, кто? — торопились меня скорее отправить в свободное плавание, а с другой, какое счастье, что все уже позади, и я ушел, разгрузив сознание и, наконец-то, как в былые

времена, радуюсь жизни.

К сожалению, поговорили мало, на два часа у меня было договорено с Мих. Стояновским разобрать институтские бумаги. Когда взялись за них, еще раз установили лирический идиотизм всеми нами любимого Ашота. Делая опись документов из сейфа, он включил в нее не только статью из Литгазеты об институте, но даже мой издательский договори на все того же «Ленина». В общем, передача документов откладывается.

В три часа дня пришлось проводить второй на этой недели творческий семинар. Обсуждали небольшую повесть Алены Бондаревой «Танец Анитры». Меня буквально затошнило, когда я прочел это название. Ну, думаю, опять что-то сугубо ителлигентское, разные там Григи и Анитры. Но, ай да Пушкин… Сколько я себя корю, что не так со своими ребятами занимаюсь, мало им уделяю времени, мало вожу в театры и приглашаю великих людей. Но кто же тогда их учит? Не сами же по себе у них получаются интересные рассказы, хорошие повести, а вот у Упатова даже роман! Прекрасная, сильная многомерная повесть получилась у Алены. Взрослая и, как положено у настоящего писателя, насыщенная мыслями о жизни. А о чем же еще думать человеку, герою? И даже хорош не сам сюжет, не это меня радует, а тотальная серьезность письма, плотность мысли и философии. А это всегда предвещает писателя.

6 мая, суббота. Утром, наконец-то, отправился перед поездкой в Китай чинить себе зубы. Еще раз понял, что с этим не следует лениться, и что никакого разумного капитализма у нас не будет. Естественно, все пошло не через кассу. Капитализм, «работа на себя», о которой долго мечтала интеллигенция, все, как при социализме эпохе застоя. Если можно обмануть, то обманем. Ходил в баню. Встретил Ивана Степановича, говорили о его докторской. Во второй половине дня поехал вместе с С.П. на дачу в Обнинск.

Весь вечер, лежа на диване, читал работы абитуриентов.

Сазонова Ольга, 1987, Московская область

Все это довольно мило: довольно современный пересказ русского фольклора. Неплохой язык, есть придумки. Это персонаж детского семинара. Не вижу возможности работать с этой небесталанной девушкой. Надо обязательно показать Торопцеву и Сефу. ***Да.*** +

Литвинова Екатерина, 1989, Ногинск

Что-то есть в последнем рассказе «Ангел смерти», а так все пустое, сплошное девичество. ***Нет.***

Липкин Геннадий, 1976, Бельгия

Языково одаренный человек. Его «каламбуры» бесконечны,

«игра слов» иногда занятная. Я бы даже сказал, что в своей области он виртуоз. Мне это определенно не подходит, обучать мне его нечему. Ему нужен преподаватель типа поэта Вишневского, такого у нас нет. На решение ректора.

Ботникова Анна, 1988, Москва

+ + + Здесь все очевидно: письмо, ум, видение. Рассказ о детстве одного ребенка, девочки. Отсюда: время, социология, фон, обстановка. Объемно, ясно, полное слово. Это напоминает памятный мне рассказ, с которым поступал Рома Подлесских. ***Да.*** + + +

Бисовко Маргарита, 1985, Королев М.О.

+ +. Талантливая девушка пишет фантастические рассказы. Многие, конечно, пишут фантастику, по-разному. «Жизнь канцеляриста», «Мир забытых людей» — здесь тематика. Письмо адекватное. За всем есть еще и реальное видение. ***Да.*** + +

Орлова Наталия, 1978, Чернигов

+ Вязкое, углубленное в себя, довольно однотонное письмо. Тематически — это одиночество, женская молодая судьба, чувство неудовлетворенности. Это однообразие тематики, однако, думает, сопоставляет, обучаема, если не уткнется (возраст) сама в себя. +. ***Да.*** Третий эшелон. Образование плотное, возьму только при том условии, если у кого-то не хватает.

Сечкина Елена, 1989, Геленджик

Нет. Откуда они только выплывают такие. Теперь — Ленгард. А впереди у девочки еще целый роман «Знак Единорога». Учить ее не хочется. Что же она из русской литературы читала? ***Нет.***

Бригаднова Алина, 1988, Казань

+. ***Да.*** Случай не простой. Девочка может стать сочинительницей дамских любовных романов. Деревенский мальчик (языческое начало) Лель, взрослеет, «романистка» заставляет маятник качнуться в другую сторону, мальчик уезжает в город, живет с бомжаи, становится «моделью», самопожертвоание, бомжи уходят в монахи…Последний эшелон. ***«Да»***.

Шалахова Елизавета, 1989, Москва

+ — Банальная девичья тоска, связанная с созреванием желез внутренней секреции, а потом банальная фантастика. Как и обычно, претензии на исключительность, молодость, когда характер и внутренний мир едва намечены. Мне — «нет».

Мишутин Андрей, 1989, Москва

+ — Я себе его точно не возьму: слишком много крови, телевидения. Скорее всего слишком молод и не читал и не учил русскую литературу. Как хочется взглянуть на родителей, на

учительницу. Но, тем не менее, перо держит, что для этого возраста и уже общей невостребованности письма удивительно. Возможно, кому-нибудь пригодится. Твердое ***«нет».***

Киселева Александра, 1988, Москва

+ + +. ***Да.*** Первый эшелон. Совершенно невероятный взгляд на жизнь. Фантастический реализм. То, что человек одарен, если только хотя бы частично здоров, очевидно. Наш сумасшедший контингент. Одна придумка с саксофонистом чего стоит. Возьму, но будет трудно.

7 мая, воскресенье. Рано утром пошел гулять с маленьким Сережей Толкачевым. Ходили к реке, не направо к пляжу и железнодорожному мосту, а к атомной станции, вдоль реки, маленьких дачек, огородиков, убогих сарайчиков. Везде начинали возиться люди, несмотря на рынок и телевизионное изобилие на московских базаах с их овощными прилавками, полными импортных продуктов. Но, тем не менее — чуть ли не 70 процентов овощей и фруктов, потребляемых населением, они отсюда, с этих убогих грядок. Двенадцатилетний Сережа без конца рассказывал мне про электричество, про современное состояние биологии, про электронику.

Когда вернулись — вместе с Сережей жгли старые сучья, оставшиеся с осени. После я опять читал рукописи абитуриентов на своем любимом диване.

Попкова Елена, 1987, Ногинск

+ +. Очень милое девичье письмо. Некоторое влечение к истории. Язык очень простой, но в пределах поставленных целей девочка с этим справляется. ***«Да»***. Второй эшелон.

Днепровская Екатерина, 1989, Москва

Нет. Девичьи милые, впрочем, довольно чистенькие упражнения. Сказка про листочки дерева, сказка про любовь. Про любовь очень похожее я читал уже много. Может быть, со временем что-то и получится, пока ум и сердце очень не созрели. ***Нет.***

Осинкина Александра, 1987, Ковдор

+ + + Немножко (множко) мрачноватый талант. Но откуда: один возраст — 19 лет и как эти девочки разно пишут. «Мир без меня» — где в том числе действует ангел и «Амина» — мир южного моря и кровавой мести. Александра в своих вещах стягивает и драматизирует мир. В этом мире живет и правит Бог, от которого исходит правда. Это, безусловно, писатель. Что касается языка, то здесь речь скорее идет о вкусе, более широком взгляде на жизнь, и культуре***. Да.*** Первый эшелон. + + +.

8 мая, понедельник. Пишу в метро, еду в зал им. Чайковского на Маяковку. Там сегодня всемирная премьера симфонии П.И.

Чайковского, которую он успел написать, но не оркестровал. Это текст-полусхема, и без серьезной авторской правки, которая способна всё расцветить и придать новый смысл, использование было бы невозможно. Но почему сам не оркестровал? Но, впрочем, и Мусоргского оркестровал Шостакович. Сегодня утром, говорят о Дне Победы и о поисках на дне Черного моря черных ящиков с армянского самолета. Черное на черном. О ветеранах много говорят, чтобы по обыкновению завтра о них забыть. Они, как морские котики в брачный сезон, повылезли со своими орденами на отмели. Путин в Кремле принял 36 человек, строго по числу посадочных мест за знаменитым круглым столом «примирения», за которым сидят иногда и олигархи. Славы. От ветеранов выступал Герой по фамилии Вартанян. Наверное, этот армянский россиянин выбран из-за политических мотивов, все тот же самолет. Но Сталин в такие же майские дни шестьдесят один год назад, забыв о политкорректности, поднял бокал за Русский народ.

О стариках много говорят, не скрывая цель — пробудить чувство патриотизма у молодежи. Но разве оно прививается подобной риторикой? Оно возникает от чувства гордости за собственную историю. Чем сегодня гордимся?

День прошел плотно: ездил за В.С. в Матвеевское, днем перед поездкой в Пекин ходил за лекарствами в аптеку, потом в четыре полетел в Ракитки, забрал оттуда СП. с сыном. Все это сопровождалось аккомпанементом: при каждой возможности читал рукописи абитуриентов. Уже появились и первые выводы. Во-первых, совершенно бестолковые девки с реминисценциями «Рыцарей короля Артура» и «Гарри Поттера». Во-вторых, их ровесники и ровесницы с прекрасным письмом и хорошими мозгами. На «хорошие» рукописи я трачу до часа, когда уже всё ясно, дочитываю, получаю, набираюсь опыта. А вот от отпрысков Артура — по десяти или пятнадцати минут. Отчетливо понимаю, что от этих «хороших» рукописей получаю подпитку, мне это интересно, и они вполне заменяют мне пока текущую литературу.

Иванов Антон, 1985, Иркутск

\+ +. Особенно хороши диалог — переговоры покойника и живого на кладбище, «про Бога», «Признание» — муж у двери жены, разговоры. Стремление понять жизнь в вопросах и уже решенных. Внутренний напор, молодая агрессия. «Да». + +.

Тюжин Александр, 1985, Оренбург

\+ + +Очень редкий жанр — короткий рассказ, зарисовка, единственный недостаток — этих зарисовок довольно много. Хорошая, активная фантазия, быстрый, социально настроенный разум, доброе сердце. + + +. «Да».

Попова Екатерина, 1979, Краснодарский край

Нет. Все та же захватывающая галиматья с Золотым Богом, тайнами, тронами, сражениями и безликими действиями. Все абстрактно, выписанное по образцам бредовых телевизионных фильмов и безумных, плохо переведенных книг, которые только и доступны провинции. А где школа, где жизнь, где русская, да и даже западная литература? ***Нет.*** И никакой надежды.

Савранская Марина, 1989, Москва

+ +. Способная, с фантазией и смыслом девушка и ее рассказы об автосамоубийстве, о застывшем во льдах ледоколе, «чужих» и «своих» волосах на голове — мне нравятся, что за всем этим — живой мир, сегодняшний человек. Без сложностей язык, простая интонация. Язык мог бы быть и побогаче, но все равно хорошо и надежно. + +.***Да.***

Кузнецова Александра, 1989, Дзержинский

+. Третий эшелон. Но можно показать кому-либо из мастеров. Довольно интересно, с ощущением языка, но сегодняшнего, почти примитивного. Основной недостаток — крайняя литературизация всего текста. Слишком много строительных кубиков и западной облегченно-массовой литературы, но не нашей. Нет исследования. Скорее «нет», хотя ***«Да». (?)***.

Королькова Елена, 1980, Великий Новгород

Новая деревенская проза. Когда деревня, как город. Ах, как хотят девочки этой городской жизни! Как бы вырваться из этой деревенской. Внутренняя социология деревенского ада. Хороший язык, интонация. ***«Да».*** + + +. Первый эшелон.

Багрянцева Елена, 1985 Воронеж

Опять довольно правильный газетно-компьютерный язык, запределье, есть опыт, будущее, линия жизни, нет проблем сегодняшней жизни. Нет. Не для Литинститута.

Кондрашина Анна, 1989,Московская область

Девичья проза, распираемая весной и созреванием. Все это — девичьи тоскливые чувства. Есть школьные сцены, даже первый секс. Нет времени, социальной картины мира, ощущение задач литературы. ***«Нет», «нет».*** Еще для Лита не созрела.

Оганезова Ирина, 1989, Москва

Нет. Чудовищно красиво, манерно, плоско. Открытие в литературе того, что открыто очень давно. За душой нет чтения и любви к литературе. Все из девичьих мечтаний. Нет.

Манайлова Мария, 1989, Вологда

+ — (?). Сентиментальное девичье-восторженное письмо, хотя первый рассказик «Белоснежная сказка» давал какие-то надежды. Дальше пошел сироп. Хороши некоторые места, но их

очень мало. Пока ***«да»***, но откажусь, если не хватит иных.

Лисенкова Елена, 1986, Волгоград

\+ — Все о том же, об исключительной девочке. Как они все себя любят и хотят, чтобы именно их истории стали историями всеобщими. Довольно нелепый рассказ о компании, в которую попадает героиня. Не обошлось без сцены насилия. Провинциальные высокосодержательные девочки всегда вызывают желание их изнасиловать. Главный недостаток — «исключительность» и все вокруг себя. Окружающего мира не видит. ***«Нет».*** + —.

Фрекауцан Ксения, 1989, Рязань

\+ + Искренняя и очень сегодняшняя девушка. Жизнь так, как она ее видит и чувствует. Три работы «Мертвые любят цветы», «Пусть..» и «Июнь» — во всем этом есть редкий у нас адреналинчик. ***«Да»***. + +

Рогова Нина, 1983, Московская область

\+ + +. Как многое в этом «молодом возрасте» значит количество прожитых лет — 23 года. Одна из лучших работ. Девушка приезжает в родной город, который покинула. Именно здесь есть волшебная дверь в другой мир, в который ее звал давний возлюбленный. Он снова зовут, он уходит. Сюжет развертывается на фоне другого, параллельного. Точная обработка материала, напряжение, интерес. ***«Да»***. + + +

Толкачев Алексей, 1979, Тольятти

Одаренность весьма средняя. Короткие рассказы не перерастают в метафоры. Язык — современный, чистый, однослойный. Если будет учиться плотно — возьму. Без особого энтузиазма. Да. Третий эшелон. +

Кротова Кристина, 1989, Московская область

\+ +. Второй эшелон. Что смущает: слишком много о театре., некоторая вторичность сюжетов. Зато держит интригу, умеет ее строить. Выбирает соц. доминанту в характерах. Есть склонность к публицистике. Язык достаточно обобщенный, но пользуется им умело. «Да», + +

Несмотря на рекламу, любимый мною с юности зал Чайковского был далеко не полон. У меня был бесплатный билет на свободные места 2-го амфитеатра. Весь залу меня перед глазами. Конечно, если бы Берстайн, если бы не «Русский оркестр», а «Виртуозы — Москва» — зал был бы полнехонек. Полный состав — оркестр огромен. Во время исполнения «Ромео и Джульетты» я только контрабасов насчитал восемь штук и десять виолончелей. Потом, когда Лапина и Мурзаев стали петь: она «Орлеанскую деву», он Роберта из «Иоланты», состав оркестра был немного уменьшен. Кончилось первое отделение финальным

дуэтом из «Онегина». Впервые подумал — финальные слова «О, жалкий жребий мой!» — а что, жребий мог стать иным? Жребий всё время витал в воздухе. Печаль, отчаяние, борьба с собственными грехами всегда присутствую у Чайковского. Может быть, и любим его так за чувство ущербности. Это делает его и по-человечески доступнее. А может быть, искусство это возможность искупления грех, и вымолить у Всевышнего прощенье?

В антракте рассматривал зал. Особенно много пустых мест в партере, в первых рядах, которые резервируются для посольств и начальства. Но кто из столпов общества не на дачах? Отсветиться надо завтра, во время банкета, во время парада. На мировой, как было объявлено, премьере не было и ни одной телевизионной камеры.

Мне трудно сказать, что представляет собою эта симфония. Она все же захватила своей щемящей доступностью. Собственно, Чайковский написал только клавир. Так бы все и лежало, если бы не некий молодой энтузиаст, тоже композитор, Петр Климов — он оркестровал. Может быть, без размаха, но с уважением и теплотой к композитору.

В конце зал хлопал и самому Петру Ильичу, и его молодому коллеге и дирижеру Василию Синайскому.

На площади Маяковского уже сделали новый выход из метро. За строительством в Москве не уследишь. Долго шел, пешком — от Маяковской до Охотного ряда, а потом до Дзержинской площади (Лубянки).

9 мая, вторник. Не вставая с постели, принялся читать работу. Все время прикидываешь, что за человек, какая семья, каким образом получил культурные навыки, главное — куда ты его поставишь на семинаре. ***(Рецензия).***

Великое это благо — не смотреть телевизор. Тем не менее,

параллельно сборам в дорогу все же видел какие-то части «Семнадцати мгновений весны». Всё остальное праздничное телевизионное пространство занято фильмами со взрывами и танками, Розенбаумом и Окуджавой, повтором утреннего военного парада. Войны в кино мы американизировали, превратив в брутальные стычки самцов. В представление нового поколения война становится рядом драк. В военных передачах возникает и много неожиданных и неизвестных ранее эпизодов. В частности, бомбежка Дрездена, захват Триеста войсками Тито, попытка Германии капитулировать западным союзникам, предательство союзников во время капитуляции Италии. Наш им на это ответ — в Будапеште. Все время ругают Сталина, но из совокупности объективных деталей этой ругани возникает образ

обратный: мудрый и решительный, заставивший уважать страну.

Ходил в магазин за водкой и шоколадом в поездку. Купил продукты чтобы оставить. Собирался долго, как всегда мучительно, многое забыл. И в перерывах опять читал работы абитуриентов. ***Рецензия***

10 мая, среда. Всё тот же знакомый просторный, удобный и роскошный аэропорт Пекина. Всё мгновенно: таможня, паспортный и медицинский контроль. Не успели пройти зону паспортного контроля, как уже идет по ленте багаж. Встретил старый знакомый Хунбо, на этот раз подстриженной модно, ежиком. Погрузили вещи на тележку и, покатили на другой, внутренний терминал. Здесь тоже все светло, чисто, быстро, хорошие лица, на девочках разные кофточки. И опить в моем сознании всё тот же русский вопрос: почему «отсталый» Китай создал условия для своего народа, построил общество, где популяция растет? А у нас — нет! В моем сознании проплывают все говорливые наши вожди последней эпохи: Брежнев, Черненко, Андропов, который мог бы, но не смогли, Горбачев и, наконец, прекрасно читающий по бумажке свои речи Путин. Все виноваты, все только обещали. Несмотря на Стабфонд, мы в промышленности не достиг ли уровня 1991 года. Разговорчики!

Через четыре часа мы погрузились в другой роскошный Боинг и еще через два с половиной были уже на юге, в провинциальном Чанша. Южные ветры, зелень, нарядная толпа в аэропорту. Опять вопрос: почему провинциальные китайские города выглядят как мировые столицы?

Со своего шестнадцатого этажа пятизвездочного отел я вижу огромный парк-сад, в котором отель стоит, искусственные озера, острова на озере, изысканно сформированные купы деревьев. Юг — в воздухе тяжелая влажность. Но почему они успели, а мы этого сделать не смогли. В аэропорте я разглядывал немыслимой элегантности молодых женщин, прекрасно одетых. Они уже, в отличие от поколений нашей молодежи с окраин, не увидят тотальной бедности, а порой и нищеты. И не ссылайтесь на войну. Ссылайтесь только на плохое правительство.

Сказал ли я, зачем сюда поплелся в шестой раз? Чтобы обнаружить лицемерие нашей политической жизни и упущение возможностей?

Во-первых, конечно, чтобы отыскать некоторую передышку, что-то написать. Во-вторых, в институте после моей защиты покатили новая волна доброжелателей. У Есина, оказывается, ничего не изменилось! Да как так! Может быть, волна поуспокоится. В-третьих, и основное — авторское общество это тоже моя работа. Я в нашей небольшой делегации представляю

некий статус. В Китае, где объявлен год России, проходит одна из книжных ярмарок.

К сожалению, моей новой книжки опять на ней не будет. Издательство «Народная книга» выпустит «Имитатора» только в сентябре. Ну что сделаешь, все живут по своей схеме, у молодых людей все впереди. Я живу — по схеме неизбежного отставания.

Несколько дней назад заходил в огромный книжный магазин напротив Моссовета. Менеджеры «Дрофы» привыкли продавать книги тоннами. Естественно моей книги «Ах, заграница, заграница…» на полке не оказалось.

Дневник. Который я веду, расстраивает меня, но утешил поданный в ресторане ужин: «луковый суп», салат из фруктов и «морских гадов» в сладком соусе. Лена Полянская и Геннадий Завеев — мои постоянные спутники в Китае — добавили себе еще и по порции баранины. Впервые в жизни, после многочасового перелета у меня опухли ноги. Об этом стараюсь не думать, но тает иллюзия, что я в счастливчиках.

По телевизору в Китае: Путин, кажется, произнес свое Послание. Обозреватели Выделяют: развитие демократии, уровень жизни, армия и что-то про газ. Не про культуру же и не про образование!

11мая, четверг. Каждый раз Китай наваливается на меня одинаково. И каждый раз новый. город. В этом есть какая-то китайская последовательность. Сначала роскошная современная гостиница: номер на шснадцатом этаже, безбрежная ванная с новейшими прибамбасами. На этот раз это был душ, стеклянная кабина и рассеиватиель величиной с тарелку. Потом являлись, более живые подробности.

Как же утром я не хотел никуда ехать. Ну, думаю, начнутся базары, магазины. Плохо спал, свалился после ужина, а потом ночью проснулся, читал Стогова, его очень неплохой детектив, немножко поработал с дневником, даже начал третью главу «Писательницы». Утром всего ломало: возраст ли или сбой часовых поясов? После завтрака с час находился в прострации и все же, пересилил себя, согласился поехать на экскурсию.

Мы действительно живем на окраине. Чанша — это большой город — 2 миллиона, а с пригородами до 6 или 9-ти. Здесь, оказывается, родина Мао, под городом есть село, где он родился и куда нас, кажется, повезут. Пока на машине внедряемся в жизнь. Между огромными домами появились совсем другие строения, из прежних эпох. Этих новенькие чудеса архитектуры — на каждом шагу. То, что в Москве кажется явлением исключительным, — здесь обыденным, Фантастические дорожные развязки, гигантские супермаркеты, двадцатиэтажные, в стекле и

свете, дома. А между ними пятиэтажки 60-х годов. На окнах коллекции детского и взрослого белья — свидетельство не только влажного климата, но и определенной скученности. На окнах жилищ, не только на первых этажах, но и сверху вниз, от первого до пятого, навешены стальные решетки. Когда у них ли, у нас ли прекратится воровство, то еще много лет два государства могут жить на этих ресурсах металла, переплавляя сторожевое железо. Именно из этих городских трущоб вылупляются в цвете молодости мальчики и девочки — шестнадцати-двадцати лет, заполняя улицы. Они главные покупатели и, хотя бы на вечер, хотят быть главными персонами. Именно для них выпендривается немыслимая, цветная, шумно шуршащая мода. Эти юбочки для принцесс и курточки для принцев. Для них самые дорогие телефоны и шлемы для мотоциклов. Но, вот удивительно, несмотря на эту откровенно западную ориентацию, на внешнюю моду, нация по-прежнему живет в своей строгой традиции. Разве не китайцы почитают старшинство, берегут могилы предков, придерживаются строгости в еде и питье, разве не у них не прививается «Макдональдс»? Нация крепка, если думает о культуре, если везде расставляет свои культурные ориентиры.

Видимо, город начинался с реки. Если идти от нее, то наткнешься на скопище пока не потревоженных реконструкцией пятиэтажек, а уже за ними — огромные столичные проспекты. Здесь же несколько храмов, старинных, и один новейший. Последний оказался для меня невероятно любопытным.

Храм очень большой, даже огромный. Пагода, небольшая насыпь, флигеля и длинная, вдоль реки терраса. Что-то похожее на набережную в летней резиденции императоров в Пекине. Мраморные балюстрады, гранитные перила.

Хорошо помню, как лет десять назад отдал целую стопку поэтических сборников Сереже Мартынову. Жизнь кончается, мне уже не пригодится. Среди книг были и два поэтических сборника древних китайских поэтов — Ду Фу и Ли Бо. Оба сборника я давно купил во время службы в армии.

Кажется, в ***Чанша??*** Ду Фу никогда не был. Но храм, террасы, прогулочный садик вдоль реки были созданы в его память и честь. На подстриженных газонах лежат гранитные огромные плоские плиты с выбитыми на них стихотворениями. Иероглифы заглублены и обведены зеленой краской. Стихи для запоминания наизусть. Спасибо, родная советская школа, что заставила выучить столько стихотворений классиков. В этих емких, в чужом круге сложившихся словах, теперь собственная духовная опора: Пушкин, Некрасов, Есенин, Никитин, Рубцов. Можно ли представить, чтобы что-то подобное сделали у нас, в наше

капиталистическое время. Что-нибудь подобное в честь летописца Нестора или автора «Слова о полку Игореве»?

Парапет, отгораживающий от реки набережную, сделан из мраморных плит. На каждой — не только стихи, но и горельефы выбиты картины отвечающие строфам Ду Фу. С каким двойным наслаждением рассматривал бы эти фигурки, если бы помнил стихи.

Днем, после обеда, пытался немножко поработать над романом, не тут то было: звонок в 17.30 перед традиционным банкетом начальство хотело бы поприветствовать участников, в частности русских.

К этому времени выяснилось, что именно русские писатели, большая их часть, из-за переноса рейсов задерживаются в Пекине. Летит еще одна делегация во главе с Витей Ерофеевым. Уже дальше во время банкета стало ясно, что произошло. Впрочем, что-то подобное, я и предвидел. Наш писатель, выученик советской власти и Союза писателей — особый зверь. Как знал, предупредил, что вовремя писатели не приедут — что-то случится. Как в воду глядел. С Курчаткиным в Пекине стало плохо, он упал, у него повысилось давление и, кажется, гематома на голове… Жалко Толю, но над ним навис проклятый Осташвили.

Итак, к половине седьмого нас троих, и еще пара примкнувших к нам русских издателей, да пара издателей корейских столпилось в небольшом зале. Приехал принимать парад интеллектуалов секретарь городского комитета партии. Выстроилось начальство, секретарь начал говорить свою речь. Тут выяснилось, что главой русской делегации «Первой китайской конференции по международному сотрудничеству вопросах авторского права» оказался, как вице-президент Российской авторского общества, именно я. Мне надо было отвечать на речь Большого начальника. Речь его, кстати, была довольно содержательной. Что стоит хотя бы его мысль о необходимости развития индустрии авторской права. Надо, дескать, создать систему производства и торговлю авторскими правами. Осваивать литературно-художественные ресурсы страны, выдвигать выдающиеся произведения на мировой рынок. Все по-китайски. Кто, интересно у нас в стране будет выдвигать? Ф.Ф.К., литературовед, В.Н.Г, член общественной палаты, Н.С.Л., чиновник от литературы, В.Г.Г. владелец издательства и тоже чиновник? Кто?

В принципе, я люблю выступать экспромтом. Сознание напрягается, начинаешь перебирать камешки. Я начал с крошечной истории, которая случилась в Китае много столетий

назад. Естественно, я не признался, что это расширенна цитата из другого поэта классика — Ли Бо.

Встретились на горной тропе два поэта-мудреца, и один спросил у другого: «Почему вы, мой друг, похудели? Неужели так трудно слагать за строфою строфу?» Это были два китайских поэта Ду Фу и Ли Бо. В тот, фантазировал я, момент в Китае впервые была зафиксирована мысль, что творчество — это некий труд, интеллектуальные усилия. Эти усилия необходимо приравнять к любым другим. Это было удачное начало, к которому еще подошло мое поминание о том, что именно в этих краях, где завтра откроется конференция, на острове Председателем Мао было написано стихотворение «Снег». Классика к классике.

Я оправдал, как королевский венец, свои седины. После поэтического начала развивать мысли о защите авторского прав было делом техники.

На банкете было довольно много начальствующих женщин, которые неплохо говорили. Мне все переводили, при этом я настоял, чтобы переводчица Нина сидела не за моим плечом, а по-товарищески, непосредственно рядом со мною. Кого-то из местного начальства пришлось потеснить.

Последнее. На Китайском банкете вместо вина и водки можно пить молоко. Молоко — это не расхожий, как у нас, продукт. Его часто, оказывается, подают, когда собираются гости. Продукт это парадный.

12 мая, пятница. Утром за завтраком выяснилась причине задержки и, случившееся, с Курчаткиным. Но до этого я встретил в коридоре на 16-м этаже Витю Ерофеева, а внизу сведения подтвердил Андрей Дмитриев. Во всем виновата неважная организация. Не так как надо писателей встретили. Толя Курчаткин расстроился, упал, разбил голову, теперь лежит в Пекине в гостинице «Аэрофлота». Несчастья просто бродят над его головой.

Утром подняли всех довольно рано и отвезли в огромный книжный магазин, где должна была открыться конференция и выставка-ярмарка. По сравнению с прошлым жарким и влажным днем я оделся полегче. Оказалось совершенно напрасно. Разместили всех в огромном, колодцем, холле магазина над которым просматривались, как в театре, четыре, кругами, яруса украшенных красными плакатами. Внизу, для приглашенных гостей стояли стулья. На каждом лежал приёмник с наушниками дл синхронного перевода и, в надежде на жаркий день, пластмассовая бутылочка с водой. Забегая вперед, скажу, что приемник, конечно, работал, но канал был только один: с

китайского языка на русский

Обстановочный, ритуальный момент имеет в Китае огромное значение. В большей степени, чем в России, здесь работает правило: начальник умнее и начальник всегда прав. Для меня стало удачей проследить от начала до конца одну из китайских церемоний. По сути, она адекватна любой нашей партийной ли, советской ли, демократической ли, но форма более откровенна. Здесь с очевидностью ясно, что действие творят только жрецы. На них нацелено телевидение и пресса, а для остальных отведена роль значащего фона. Все первые места были строго регламентированы: на каждом стуле висела ленточка с фамилией. Первый ряд, конечно, где сидело самое большое начальство, состоял из кресел. Церемония началась с того, что диктор, одного за другим, стал вызывать участников. Именовалась должность, заслуги, имя. Каждый вставал и раскланивался. Пресса неистовствовала, все камеры захлебывались. Куда все это могло быть помещено, какой канал мог все это вместить — не знаю. Мне иногда казалось, что подобной суматохой выражалось подобострастие или почтительное уважение к начальству. Выкрикивание происходило долго.

Потом сыграли гимн Китайской республики. Он показался мне величественным, как марш из Аиды.

Потом выступили министр, партийный чиновник и кто-то из администрации. Суть их речей была не столь важна, как сама идея прививать мысль о важности сохранения интеллектуальной собственности. Мысль тяжелая для народа, который всегда привык ценить в первую очередь слово императора. Для постороннего, а значит непривычного к подобным китайским церемониям, интереснее наблюдать, как высокие чиновники выходили к трибуне, украшенной цветами. Как каждый раз чиновника эскортировала очаровательная молоденькая красотка в длинном, с боковыми разрезами, платье с лентой через плечо. Пока чиновник говорил, красотка стояла за его спиной и поблескивала, придавая особый смысл речи, своими глазками.

Следующий этап, это торжественный акт, вернее артефакты перерезания алой ленточки. Ленточка-то одно, а начальников, часто находящихся между собой в сложнейших драматических отношениях, много. Здесь найден был гениальный выход. Около двадцати девиц выстраиваются на сцене. Они держа в руках символическую, в бантах, ленточку. За ним выстраиваются главные чиновники с ножницами в руках. Один миг — и ленточка разрезана на много частей. Фейерверк!

Я иногда, как в море, бросаюсь в новые впечатления. Сейчас,

когда уже поздно, все разошлись по номерам, пытаюсь определить, что же было главное, необходимое, а где я просто поддался человеческой слабости.

Во-первых после обеда потерял время, дочитывая так понравившуюся мне книгу Ильи Стогоff «Отвертка». Мне бы сразу понять, что и название уже претенциозное, вторичное, у знаменитого нашего режиссера Рустама Хамдамова уже было что-то подобное «Анна Карамазоff». Нет, я легкомысленно вперся, дал себя увлечь легкости, описанию журналистской тусовкой, сумел не заметить следы Ремарка и Хеменгуэя, размягчился от реминисценций некого Тибетского сюжета, от пейзажей и этнографии так любимого мною Ленинграда, а потом пошла белиберда, неправда, политическое злословие и — бросил. А ушло на все это часа три или четыре. Да еще у книжки предисловие Павла Крусанова. И тебе, голубчик, урок, не давай, когда книга «недотягивает», предисловий. Читатель тебе верит, а ты его надуваешь, чаще всего искренне.

Половина седьмого начался очередной банкет. На этот раз я уже не сидел за большим круглым чуть ли не на тридцать персон столом. Зато вместе со своими спутниками за обычным круглым столом, но наиболее близко стоящим к столу начальства. Это все, оказывается, важно, как во времена местничеств. Ну, чего, спрашивается, говорить о китайской кухни? Все было замечательно, а особенно говядина с ростками бамбука и репсом, который я раньше всегда принимал за капусту. Как его выращивают и как готовить меня просветила моя соседка по столу Вероника Льянг (на карточке у нее написано Veronica Liang).

Сидел: я с Леной и Зареевым, директор авторского агентства Поповым и его помощник Женей — о нем, если будет время, разговор особый. Сидела также девушка, представляющая посольство Казахстана. *Я* рассказал о новом фильме Хандамова. За столом также были и трое художников, чьи картины выставку я уже видел в помещениях выставки, и — об этом уже написал — Вероника, китаянка, искусствовед и театровед из Петербурга. Здесь опять проблема судьбы, связей, выбора, семейных традиций. Вероника, безукоризненно владеет русским, профессорствует в Герценовском институте, но каждый год привозит в Китай, предварительно четко отобрав, выставку художников. Делается это при поддержке правительства, но за всем этим еще и коммерческий интерес.

Выставку посмотрел еще днем — крепкий, чуть провинциально-старомодный стиль — для офиса, загородного дома. Как бы в противовес русским художником

традиционалистам целый большой зал посвящен и китайским молодым мастерам.

Вечером, уже после банкета, Виктория ездила с нами в город, в чайный дом. Китайская чайная церемония, полная дивной грации и какого-то метафизического смысла. Время на глазах замедляется, каждый предмет на столе укрупняется до символа. Вся церемония — это парад утраченных за жизнь возможностей. Не ухожу ли я весь и целиком в Дневник?

13 мая, суббота. Утро началось с заседания, на котором выступали «свои» и «чужие» (Сингапур и Гонконг) и где постепенно для меня начала прояснилась суть происходящего. Не такое это уже начальственное и никчемное дело, мне показалось вначале. Это своеобразный отчет для мирового сообщества по авторскому праву. Отрапортовали, конференцию провели. Ситуация по своей сути сходная с нашей. Да, мы ничего не можем сделать с пиратством в области авторского права. Россия проводит устрашающие акции с бульдозерами и автоматчиками, а вот мы, дескать, в Китае проводим конференции, мы тоже делаем всё, что можем. Другое дело, что низкими ценами на эту пиратскую продукцию мы держим в дурмане повиновения свои народы. Не будет дешевых зрелищ и развлечений — кое-что может и случиться. Народ восставал, не только когда не хватало хлеба, но и когда отсутствовали зрелища! Перестраивайтесь, ищите новые пути.

Новый сюжет.

Еще вчера побывал в парке возле гостиницы. С шоссе видно, что возле огромных скругленных наподобие галактик башен гостинице на холме видна какая-то пагода. Вчера же вместе с Г.Г. и Леной немножко прошлись, замечательный, стилизованный под старый китайский сад, беседки, вылитые из бетона, дорожки, выложенные разноцветной на цементе галькой, масса зелени, в кадках, в горшках, старых, будто исковерканных непогодой деревьев, искусственный водопад. Через висячий на цепях мост прошли на другую сторону реки, там, на холме трехэтажная пагода, красота неимоверная. Обнаружили стайку кроликов бегающих и щипающих травку между кустов и стаю рыб, томно стоящих возле одного из мостиков через пруд и ожидающих кормежки. Отель предназначен и для отдыха состоятельных людей, что-то вроде санатория без лечения, но зато есть терренкуры.

После обеда пошел на разведку. Еще вчера понял, что где-то внизу существуют еще какие-то неизведанные участки. Сначала обошел отель по набережной. Стриженое зеленое идущее между дорогой и небольшой рекой, уложенной в большой каменной

кладки каньон — это поле для гольфа. Ходить по нему было страшно, как по драгоценному паркету в царском дворце. Выбрито, вычищено, выглажено. Трое китайских ребят с машинками для стрижки травы обкашивают кусты. На другой стороне реки очень по нашим маркам тесно стоят жилые дома. У самой реки, старые кирпичные казармы для рабочих. Всякие социологические размышления о богатых и бедных оставляю в стороне. Они мне и сами надоели. И все-таки надо иметь в виду, что современный капитализм, если он хочет выжить, должен знать, что он лишь форма даже не владения, а управления собственностью. Если наш русский капитализм этого не поймет, он будет сметен

Перешел реку, наткнулся на какой-то жертвенник, подобный круглому столу. Возле него скамейка, вросшая в земле. В середине лежат фрукты и тарелки с едой. Рой мух, пировавших в тарелке, меня не раздражал. А внизу, сначала мне показалось, что это кладбище. Ничего подобного я, конечно, не видел. Переплетение тропинок, камней, в специальном месте и специально посаженные цветы, подстриженные кустарники, искусственно выращенные, вернее сжатые, как когда-то дамская ножка, деревья. Здесь же маленькие искусственные пруды, водопады, бамбуковые изгороди, льющаяся вода и вода с плавающими по ней кувшинками. За одно я ручаюсь, такой сад нельзя вырастить ни за десять, ни за двадцать лет. Это какое-то редчайшее уже давно насиженное место. А что отель, он появился, наверняка, много позднее. Боже мой, сколько труда и терпения, чтоб подобное чудо сохранить.

За обедом интересно говорили с одним из чиновников министерства Юрием Сергеевичем Пулей и другим, много его старше, тоже каким-то видимо крупным начальником. Все о разных аспектах авторского права. Моя мысль, что ни Китай, ни Россия по-настоящему не сдадут это беззаконие, которое, конечно, можно было бы пресечь. За этим стоит огромная социальная проблема. Зрелища стали дороже хлеба. Ни у того, ни у другого государства нет средств, чтобы заткнуть эту дыру. Взлетевшие в пять-шесть раз по стоимости диски могут привести к социальному потрясению.

Вечером был прощальный банкет. В меню новинка — мясо краба, не очень помногу, но всем досталось. Речи и длинные представления начальства друг другу. Я дал интервью телевидению. При переводе все, конечно, будет нивелировано. Меня поразила девушка, которая задавала вопросы — полное и тотальное незнание китайской классики. Но ведь и американцы не знают собственную классику, и студенты Лита кое-что так и не

прочтут из родного.

14 мая, воскресенье. У нас был выбор: или экскурсия в Шаошань, в село на родину Мао Цзэдуна, или куда-то в буддийский монастырь к одной из пяти знаменитых китайских гор. По преданию, на вершинах этих пяти гор живут настоящие сини, герои. Здесь можно пообщаться с их духами. Художники Гусаров и Шевчук, водимые китаянкой Вероникой, выбрали Будду и горы, мы — новую идеологию. Хотелось и того и другого. Совместить это смог только хитрец Витя Ерофеев. Вчера он не остался, как я, как дурак, на пленарное заседание и ездил в Шаошань. Сегодня — отправился с художниками. Но, правда, я еще замечательно гулял по саду. Организм у меня, как заведенный, привык просыпаться в шесть или семь по Москве. Всю дорогу около двух часов я спал в автобусе, лишь изредка просыпаясь, чтобы взглянуть на пейзаж.

Местность горная, холмистая и, как везде на юге, много зелени. В Китае все первично.

Дом Мао напоминает дом Лу Синя, но победнее поменьше. Сейчас это еще и макет крестьянского, полагаю, по степени зажиточности «кулацкого» дома среднего достатка. Кстати, дом этот, семья делила с соседями.

Слово макет произнесено недаром. Под одной крышей семьи, скот, кладовка, сарай для дров, кухня, столовая. В середине строения крошечный открытый дворик. В непогоду можно было не выходить из-под крыши. Практически огонь был только в кухне, был еще маленький огонек в столовой, но вряд ли для обогрева, ну может, чтобы погреть руки. Здесь же — интересная система спанья. Большая широкая кровать с матрасом и просторный полог из темной материи: в зимнее время сохранялось тепло. В летнее, полог, наверное, берег от комаров. Есть ли комары в Китае?

Здесь, в этом домике, в котором, наверное, мало подлинного, — сужу по музеям Ленина в России — «зарождались многие легенды. Их с удовольствием рассказывают экскурсоводы. Перед тем как Мао должен был родиться, его отец видел будто бы во сне дракона желтого, золотого цвета. Что это обозначает? Власть неба и власть императорскую.

Вторую легенду я услышал возле памятника Мао на центральной площади деревни. Памятник этот был отлит из бронзы в Нанкине и вот, когда перевозили на место, машина остановилась в каком-то месте, связанном с некими победами революционера Мао. И тут машина не пошла. Решили заночевать. Утром встали, поклонились Вождю всего Востока — именно такое имя дали родители своему сыну — и сказали: «Дорогой вождь, но

памятник ждут на твоей родине, отпусти нас». И будто бы машине тут же завелась.

Китайцы часто определенным действиям придают символическое значение или это символическое значение заранее планируют. Чаще всего это совпадает, символ обрастает подробностями или символическое значение выводится из необходимости.

У четырехметрового памятника Мао в Шаошане тоже всё неслучайно. Четыре метра высотой означает, что Мао руководил партией 40 лет. К подножию памятника ведут ТРИ параллельных марша лестниц по ВОСЕМЬ ступеней. Это тоже, оказывается, не продиктовано размером и площади и архитектурным замыслом, ну, может быть и продиктовано, но несет в себе и дополнительное значение: Мао прожил ВОСЕМЬДЕСЯТ ТРИ года.

В деревне есть школа, где учился маленький Вождь всего Востока. У частного учителя, которого обычно приглашали вскладчину. Есть в деревне и храм предков Мао. Я полагаю, что и было некое капище, в котором выставлялись таблички с именами предков, потом всё обросло значениями и небольшими постройками. Посещение и храма и долины бесплатно. Всем посетителям выдают цветную листовку — на память.

Не большой, но и не малый одноэтажный дом стоит у подножья горы поросший лесом. Всё поселение расположено между двумя грядами невысоких гор: ущелье, переходящее в небольшую долину. По краям, ближе к лесам и горам дома, а в середине замечательно выровненные, один уровень от другого отбит разделительными стенками, блестя сочной зеленью и водою, рисовые поля. Возле исторического дома поле лотоса.

Корень лотоса, прорезанный бороздками вдоль, довольно вкусная еда. Но если говорить о китайской кухне, то можно далеко уйти.

Итак, небольшое именьице с деревянными решетками на внутренних окнах, с небольшим навесом по фасаду стоит возле пруда. Такой же пруд есть и по другую сторону дороги. В этом любители мистики тоже просматриваю символ. Дом спиной опирается на землю, а пруд — это котёл, достаток, удача.

Всем, естественно, хотелось бы сфотографироваться: а) на фоне памятника, б) на фоне дома, где родился Председатель. Есть специальная скамейка-подставка, на которой экскурсанты могут выстроиться в два ряда, чтобы потом увезти снимок на память.

В любом месте память о вожде обложена данью коммерции. Вход-то бесплатный, но здесь столько сувениров с изображением вождя, столько книг с его фотографиями и его именем на обложках. Как богата человеческая деловая фантазия: есть

портреты и портретики, запонки, портмоне, кошелки, сумочки, сигаретницы, зажигалки, я не смог перечислить и часть этого изобилия. Но есть еще тарелки, ножи, брелоки для машины, подстаканники, кружки, чашки, платки и пр. и пр. Я за 30 юаней купил зажигалку с изображением Мао, которая еще играет мелодию песню «Красный восток». Было еще несколько цитатников, в красных пластмассовых переплетах, принадлежащих еще «тому» времени. В том числе и на русском языке 1968 года издания. Такой же я привез, когда летел через Китай во Вьетнам и подарил Арсению Ларионову, с которым тогда вместе работал и дружил.

Во всем этим, конечно, некий поддерживаемый идеологией и коммерцией культ. Он, конечно, удобен, но несколько на сегодняшний день диковат. В одном из залов «храма» есть неплохо сделанная кукла Мао в натуральную величину. Он сидит с восковым похожим лицом, заложив нога на ногу в плетеном кресле. На всякий случай в этой же комнате, а вдруг воск потечет, стоит напольный холодильник-кондиционер. Здесь, даже в горах, бывают жаркие дни. С этим «живым» Мао можно сфотографироваться. Так в начале перестройки на улице — тогда Горького, ныне Тверской, можно было сфотографироваться с каким-то муляжом Горбачева. На фото получается довольно естественно. Но в принципе, счастлив, должен быть и удачлив народ, которому есть на что опереться в своей истории. Петр Первый — жестокий сатрап. Екатерина Первая — девка из-под Меньшикова, царица Елизавета — тайно вышла замуж за певчего и любила сержантов. Екатерина Вторая — убила мужа…

На даче Мао — чуть позже и о ней — тоже есть такая же кукла, возле нее вас сфотографируют. Я видел, как пара немолодых супругов очень достойно стояла возле человека, подойти близко к которому они когда-то и не мечтали. Что это-тщеславие или выражение признательности поколения? Но есть и еще картиночка. В «храме» на столе большой портрет Мао, а рядом россыпью лежат сигареты. Мао курил всю жизнь и любил курить Это добровольная чистосердечная жертва Божеству.

Отправляясь на родину к Председателю Мао, я никогда не предполагал, что найду здесь еще один объект для очень заинтересованных наблюдений. Сначала, так сказать, история вопроса. Сам или не сам решил в 61 году строить еще одну Госдачу? Или подсуетились подхалимы — «На вашей, дескать, родине, в горах летняя прохлада». Это тебе не дача Сталина на озере Рицца. Сейчас тоже объект для туризма и за большие деньги, говорят, на даче можно переночевать. Здесь не готовое озеро, к которому нужно подвести дорогу. Здесь все надо сначала

построить. И построили три плотины, чтобы перегородить ущелье и сделать озеро. Но зато почти рядом с отчим домом, стоит лишь перемахнуть не очень высокий хребет. Там выше, если идти от дачи с одной стороны хребта, или если идти от отчего дома с другой стороны могилы прабабушки. Жаль только, что Председатель прожил здесь, на родине только единожды — 10 дней, в 1965 году, дачу строили с 1961 по 1964. Но станут ли когда-нибудь музеями многочисленные госдачи в центральной России, на Дальнем Востоке и в Карелии? Станет ли музеем даже дворец в Стрельне, и кому?

Всё это, все построено на узком участке земли между горами, «подпирающими спину построек» и двумя искусственными озерами. Вход снизу, от ворот охраняемых китайскими отборными гвардейцами, хорошенькими и неподвижными, как кремлевская рота почетного караула. Дальше дорога, как в Сочи, к Бочаровому ручью, идет вверх. Прохлада, зелень, хорошо укрепленные склоны. В некоторых местах в скальный массив вставлены гранитные плиты с выбитыми на них иероглифами — стихи самого Мао, отрывки из так называемой родовой книги. На одном таком камне изображено факсимиле погибшего сына Мао. Подпись на русском и на китайском «люблю»… Дальше китайскими иероглифами название отчей местности — Шаошань.

Дальше, если идти вверх, — справа казарма, внизу — «фитнес-центр для солдат», на крошечном пятачке над самым озером два спортивных снаряда — турник и параллельны брусья.

Забыл сказать в этой ситуации совершено необходимое. Стоимость посещения этой жизни вождя среди свежести, прохлады и хрустального воздуха — 33 юаня, 4 доллара, сто двадцать рублей. Идет, как и к домику вождя, толпа. Очередь в Мавзолей, но значительно быстрее и веселей, с детьми, со старухами.

Наконец показывается и сама знаменитая дача — одноэтажное здание из особого кирпича. Перед зданием, примыкая к нему, фонтан и бассейн. В бассейне — огромные золотые рыбки, и тяжелые от спокойной и сытой жизни карпы.

Я брал в Кремле интервью у А. Микояна. В здании ЦК, в Улан-Баторе разговаривал с Юмжагином Цеденбалом. Тогда я совершил непростительный промах, сказав ему о некотором, через его жену Анастасию, полумифическом родстве. Я разговаривал с Путиным в Кремле, с Шираком в Елисейском дворце, но я никогда не видел намека на быт вождей.

В плане дача Мао представляет собой параллелепипед, где размещены, один за другим, покои. Возможно, позже с обеих сторон или только с одной вытянутой стороны, появилась

застекленная сплошь терраса. Галерея была изначала, с другой стороны. Вот по этим террасам вкруговую и идет неутихающая толпа, приникая к открытым окнам. Обзор. В обстановке, в гигиенической простоте стиля ощущается влияние сталинской дачи на Рублевке, и вообще сталинский вкус. Видимо, Мао хорошо запомнилось долгое сидение в Москве, когда Сталин решал… Хозяин определенно обладал невероятной харизмой. Всё запомнилось. Запомнилась и челядь, шнырявшая туда-сюда. «Москва-Пекин, Москва-Пекин, идут, идут вперед народы».

Итак, первая, большая, чем все остальные, комната. Широкие массивные кресла в полотняных чехлах. Середина комнаты пуста, кресла стоят по периметру. Есть дань китайской традиции — у каждого кресла по китайской, с крышкой, чашка для чая. Место для совещаний. Мао здесь жил мало, только 10 дней, прощание с родиной, но чаще и дольше бывал первый президент страны… Представить, какие речи здесь произносились вполне возможно. Демагогия и партийная терминология у всех еще на слуху. Дальше следующие окна и следующая комната — кабинет председателя. Властители в наше время стремятся к строгости и аскетизму в личной жизни. Нынче аскетизм— это еще почерк и признак подлинного богатства и власти. Бог с ним, с прошлой жизнью, у старых тиранов был свой почерк, идущий еще и от привычек подлинных интеллигентов старой закалки. Сегодня надо следить за ложной простотой и аскетизмом нынешних властителей. Здесь всё на политическую продажу.

За залом заседаний, как я уже написал, шал кабинет Председателя. Письменный стол, плетеное кресло, небольшой стеллаж с книгами. Что здесь стоит — понять трудно, книги, чтобы по ним судить хозяина, подбираются годами. Но Мао, как и Сталин, любил читать. Он даже обладал вредной привычкой сибарита: любил читать лежа.

В его спальне, следующей комнате сквозной анфилады, стоит что-то похожее на канапе или лежанку, с приподнятым изголовьем. Стоит этот агрегат у дальнего окна, находящегося от обозревателя в противоположной стороне. Это, чтобы с книжкой прикорнуть днем. По-сути это огромная, очень широкая кровать с нетолстым матрасом и боковой полкой. Ах, как я это понимаю, я тоже ложусь в Москве, на свой широкий диван, обложившись книгами. Мне нравится, когда книги собираются и лежат вокруг меня, прочитанными разворотами уткнувшись в одеяло, в постель. Просыпаешься ночью, не глядя, берешь книгу, включаешь лампу и продолжаешь читать с того места, где закрыл глаза. Это постарались местные умельцы, изготовившие необычный станок для спанья, они знали привычки кормчего-земляка. Две

следующие комнаты неинтересны, у них нет лица и воспоминаний. Они предназначались для третьей жены Мао. которая здесь никогда не была. Маленькая киноактриса, взметенная волей случая к вершинам власти, имела другие интересы. Может быть, чему-то она и научилась у своего великого мужа. Сам конец ее был ужасен. Кажется, она умерла в тюрьме, но до этого поднялась до члена ЦК и участника знаменитой «банды четырех», чуть ли не захватившей власть в государстве.

Иногда китайцы проявляют себя как замечательные, хотя и наивные экспозиционщики. Но эту деталь я осмыслил и разглядел, когда по другому коридору двигался в обратном направлении. Комнаты были в два света, окна выходили на обе стороны. На кровати, предназначавшейся жене Председателя, стопкой лежало чистое белье и одеяло в пододеяльнике. Ожидание. Последняя комната — это комната для игры в пинг-понг. Там стоит деревянный стол из чуть рассохшихся за сорок лет досок. На память сразу пришла «пинг-понговая дипломатия», придуманная хитрецом Мао. Он пригласил на соревнование в Пекин американскую команду игроков в эту игру. Так впервые обозначились американо-китайские контакты.

Две детали на закуску. Я недаром назвал китайцев добросовестными, но наивными… Как детали иногда подчеркивают всю совокупность отношений.

Бывая иногда, как турист, и в Зимнем дворце, и в Версале, я всегда, тайно стыдясь подобных мыслей, думал «про это». Недавно в фильме про Людовика Х1У показали, как король-солнце публично садится на ночной горшок, предварительно задернув занавеску. Три окна с дугой стороны показали туалетную комнату личных апартаментов. Кафель, ванная, такая же в то время ставили в Сочи, в лечебных мацестинскмх корпусах. Хороший большой, по форме почти не устаревший, наверное, тогда импортный унитаз с крышкой. И потрясающая деталь — высокий, как в Москве в то время, в ресторане «Метрополь», писсуар. На одного человека. Вождь писал, получая полное ощущение, что он где-нибудь в общественном туалете, вместе со своим народом.

Самое последнее: окна зала заседания, оказывается, зашторивали. Невидимые мною раньше с другой стороны, в конце зала заседаний стояли два современных проекционных киноаппарата. Как и Сталин, Мао любил кино.

Вечером около 10-ти улетели в Пекин.

15 мая, понедельник. Сквозь, начинающееся утро посмотрел, в окно: звезда на шпиле, то ли ВДНХ то ли дом на Котельнической и, успокоенный, снова заснул до семи. Вечером, вернее уже ночью, после двенадцати Хунбо привез нас всех в гостиницу: художники с Валерией, завтра утром улетают через Хельсинки в Петербург. В гостинице Попов со своим помощником и женой и нас трое. Почему же в Китае со мною (или я с ними) всегда хорошие люди. На этот раз не успели забронировать гостиницу в центре — живем на окраине. Возле местной ВДНХ, нашей постройки, значит, со звездой ночью я не ошибся, неподалеку Зоопарка — я уже нацелился. Собственно, отсюда и жилой комплекс, в котором ночуем — что-то вроде дома колхозника, гостиницы «Восход» и «Заря».

В принципе, для меня не очень избалованного люксом, все приемлемо, но, видимо, русских здесь знают. О, эта несчастная русская орда бывших челноков, она как ледник оставила после себя глыбы и валуны предубеждений. В холле гостиницы объявление: «русский борщ — суп» — столько-то юаней. В рецепции категорически заявили, что нужен определенный задаток оплаты за номер: вдруг будете звонить по междугороднему телефону? О, русская земля, ты уже за холмом.

Сейчас в Китае очень много разговоров о деньгах, они фоном проходят всюду, все напоминает: проверьте свои ресурсы. В номере две бутылочки с водой, на каждой из них плакатику: стоит три глотка воды 12 юаней. В ресторане нам долго объясняли про надбавку в 25 %, если мы захотим, есть не китайскую, а европейскую пищу.

О моде китайской и европейской.

Утром читал «Российский колокол», который я предназначил в качестве подарке для Хунбо. Там, в моих дневниках, есть упоминание и о нем. Но я эгоистически читал в нем только свои материалы, не обращая внимания на других авторов. Кстати, я вычитал, что в церкви Сен-Женевьев у меня прах Декарта и Бунина. Хорош знаток! Возможно, на церковь Сен-Женевьев плюнул кто-нибудь из интеллигентской корректуры, перепутал с кладбищем Сен-Женевьев де Буа. Бунин похоронен именно там, в Париже же похоронен Буало. О, интеллигенция, и ее полузнания!

Весь день прошел в разговорах о жизни, литературе и обществе и долгих хождениях по магазинам. Чтобы покончить со

второй темой, в центре купили запас подарочных чаев, а потом делали покупки в Центральном универмаге и в большом супермаркете, где мы живем. Если бы я все же кое-что не знал о Пекине. Если бы не понимал, что описать чужой город полно невозможно. Если бы не знал, что все зависит от округленности и точности словесных формул. От непродуктивного хождения из магазина в магазин, я бы просто завыл, но кто сказал, что писатель не извлекает полезное для «его литературы» даже из самого даже случайного!

О магазинах — цены почти московские, моды почти европейские. В провинции молодежная мода даже круче. Покупателей много, затоваривание при высоких ценах в центре почти очевидно. Каждая продавщица буквально цепляется за потенциального покупателя. Такая назойливость отвращает. Несколько раз я пытался, что-то выбрав, купить. Но, когда на стадии «пригляда», взволнованная продавщица бросается показать мне рубашку, на которой останавливался мой взгляд, я немедленно ретируюсь. Скольких же потенциальных покупателей они разогнали!

В окраинном, рабоче-крестьянском универмаге всё проще и, кстати, дешевле. Купил себе пару летних ботинок за 160 юаней (25 долларов).

Что касается деловых разговоров, то они не были так невинны. Я давно себе говорю, не лезь в драку, не переустраивай мир, не ищи врагов, не вызывай раздражение, но трусливое безрассудство гонит меня. Сначала, во время деловых переговоров между РАО с одной стороны и Китайским агентством авторских прав — с другой.

Со стороны китайцев люди все знакомые, неплохие. Подписание договоров, обман делегациями, взаимные удобства, вот наша жизнь, которой стоит радоваться. Я уже до этого знал, что китайцы идут за рынком, мало переводят художественной литературы, хотя рынок и спрос на эту литературу, хотя бы у людей старше 40 лет, огромен. Выпускается политическая литература, про КГБ, про политические преступления, про нездоровые проблемы общества. Я уже, кажется, писал о чуть ли не 30 книгах Дины Еникеевой. О существовании этого автора узнал лишь в Китае на выставке русской книги. Вот полюса творчества: «Любовница и жена — это день и ночь», «Интим в холодильнике», «Суперсекс», «Геи и лесбиянки». Автор кандидат медицинских наук представляет еще и собрание наипошлейших очерков.

Я также знал, что китайцы постоянно еще задерживают гонорар. Он иногда, вопреки договорам, крутится в агентстве до

года и больше. Вот я и обнажил вопрос: почему задерживают гонорары, за которыми стоят часто не очень обеспеченные авторы, и каким образом государственное агентство продвигает в Китае русских авторов?

Теперь я несколько прервусь и обозначу проблему с другой стороны.

Почти сразу же после переговоров состоялся парадный изысканный китайский обед. Кроме нас троих и трех китайцев («Наташа», моя старая знакомая, г-жа Цзоу Узянхуа, заместитель председателя Китайского агентства, был еще и главный специалист, переводчик, и главный, хотя и не всегда разумный Хуно. Еще присутствовал улетающий завтра Виктор Ерофеев. Он молодец, энергичный телеведущий — женщины глядели ему в рот — взял разговор в свои руки. Среди вопросов, которые Виктор задал, был тоже один очень «неделикатный». — Какими критериями руководствуется агентство в стране, где практически нет частных издательств, при отборе книг авторов на перевод?

Дальше он даже разъяснил нюансы возможного ответа: желанием издательств, мнениями экспертов, личными пристрастиями работников Капа?

Витя попал в точку. Здесь занервничали все. Уже во втором раз за сегодняшнее утро. Первый раз после моего вопроса во время переговоров.

Тогда все, действительно, занервничали. Были какие-то лепетания относительно занятости всех сотрудников, начали приводиться имена… Но дело в том, что с так называемым рыночным регулированием мы сдали позиции не только на востоке, но и на западе.

С изменением техники и технических условий наш РАО стал получать довольно большие деньги без особых хлопот с телевидения и радио. Их оставалось только перераспределять. Зачем возиться с литературой и щипать по кусочку, когда отваливают целый куш. Отсюда перестали вкладывать деньги в информационные сборники, вестники. Сегодняшняя ситуация победила понимание того, что литература — это фундамент всех искусств. Все это оказалось брошенным на самотек. Издательства, пытаясь получить наибольшую выгоду, выбросили, в том числе и на Запад, такой вал низкосортной продукции, что надорвали интерес к русской литературе. Пока она была не похожей на западную, ее читали. РАО, понимая, что всегда его можно обойти, угодливо заключало любые договоры и «продвинуло» то, что не принесло русской литературе славы.

Приблизительно об этом в дискуссии я осторожно и говорил, упирая, что при этой ситуации РАО вытеснением с рынка

частными агентствами. И тут в беседу включился Владимир Попов, руководитель почти единственного в России преуспевающего частного агентства. Опускаю подробности возникновения этого агентства и то, как к агентству отошли права наследников знаменитых писателей: А.Ахматовой, К.Чуковского, Н. Гумилева и некоторых других. Это особая песня, мотивом которой может оказаться мелодия, которая сопутствовала возникновению крупных состояний. Надо так же добавить, что Вл. Попов долгие годы работал в ВОАПе, в предшественнике РАО, и сам он человек знающий и энергичный. Я сам при всех своих теориях готов уйти к нему под крыло. Писатель может или писать и будет успевать отсылать свои старые рукописи по изданиям, времени, чтобы вести процесс параллельно нет. РАО нынче в отличие от прежних времен никого не представляет и не пропагандирует. Если и случается по-другому, то это связано с книжными отношениями. Попов, как бы споря со мною, вполне, впрочем, резонно заметил, что особенно волноваться не следует: рынок так велик, что всем хватит места, За этим стояли еще нюансы, но их опускаю.

К сожалению, Володя со своим очень молодым помощником Женей, специализирующимся по Китаю и немножко владеющим китайским, на обед не остались. Ковали горячее железо. Окажутся ли он снова за государственный счет в Пекине? Попутно скажу, что китаист Женя, ужа начавший напрямую работать с китайскими издательствами, безусловно, очень скоро по всем статьям, несмотря на давние связи и море обаяния, нашу Лену Полянскую затрет.

Обед прошел замечательно. Самое главное, было интересно. Гвоздем здесь, конечно, был Ерофеев. Витя обладает умением задавать острые вопросы и оживлять беседу нетривиальными рассказами. Тем не менее, у него растет беспокойство — по моим наблюдениям —, касающееся его места в литературе. Судя по книгам, он все чаще уходит в политическую журналистику, ориентированную, в первую очередь, на вкусы и вопросы западного потребителя.

Когда речь зашла о наших поездках в Шаошань, Витя вдруг сформулировал нелегкий для нашей хозяйки вопрос: «Какие заслуги перед Китаем у Мао?» Кое-какие вопросы задал и я. Например, есть ли в Китайской литературе молодой лидер, сопоставимый по интересу к нему с Пелевиным? В ответ мне привели фамилию. Она у меня в записной книжке. Впрочем, когда называет фамилии писателя или в московском случае, его премируют. это совсем не означает, что его книги читают.

Вечером в гостинице принялся читать в четвертом номере

«Знамени» новую повесть Руслана***Киреева «Пятьдесят лет в раю» (большая вставка с компьютера).***

18 мая, четверг. Пекин. На так называемом Пекинском Жемчужном рынке — иностранцев привозят туда в обязательном порядке. Наша «Горбушка» Описывать изобилие невозможно, но я все время думал, неужели эти сотни фигурок, изображающих персонажей китайской мифологии, тысячи одинаковых шкатулок, настольных ламп, речных пепельниц, будут раскуплены и, такие одинаковые и потому скучные здесь, украсят чьи-то дома, станут фетишами воспоминаний, в иных домах символами изысканности.

Рынок это не только изделия мастеров, часто символизирующие наступление рынка даже в интимную, художественную деятельность человека. Рынок это еще и более земные требования человека. Человеку нужно что-то носить, одевать, обувать. Ему нужно белье, башмаки, кружки, из которых пьют чай, тарелки, на которых едят. Ему нужны, трусы, и зонт, который бережет от дождя и зноя, ложка, чтобы хлебать суп.

Описывать китайский рынок бесполезно. Это значит описывать судьбу. Два дня назад, в центре Пекина, меня поразила стоянка велосипедов возле большого торгового пассажа. Они стояли один к одному, тесно, на расстоянии ста метров. Так в фантастических романах марсиане наступают, сомкнув строй. Не уместившиеся в рядах машины лежали плашмя сверху на рулях и сидениях.

Торговля с иностранцем — это особый разговор. Так же как и по сравнению с Москвой, особая дешевизна. Все эти штаны, рюкзаки и магнитофоны, продаваемые в Пекине, казалось бы, не отличаются от китайского ширпотреба, продаваемо в Москве, но в Москве этот ширпотреб качеством много ниже, чем на Жемчужном рынке. Это уже заслуга наших челноков скупающих все эксклюзивно дешевое.

Москву в Пекине вспоминал постоянно. Во-первых, Пекин совсем не так безобразен своим высотным однообразием, будто все спланировано и спроектировано одним архитектором, как Москва. Дело здесь не в ином уровне замысливания, а скорее в другом уровне коррупции и пригляда. Партия в этом случае совсем не пустое дело. Кое-что из безобразий, творимых сейчас в нашей стране, даже наша бы ветхая КПСС не допустила. Надо бы, во-вторых, рассказать о положительном влиянии Пекина на Москву. Все центральные автострады в столице Поднебесной вдоль разделительных полос и тротуаров в один ряд засажены розами. Чайная роза, я полагаю, это роза китайская. Мне кажется, что цветовое московское изобилие с весны — это не из какой-

либо поездки Лужкова в Пекин? Засадим все незабудками, ровняясь на столицу Китая Мэр в кожаной кепке не учел одного — климата, а отсюда и затрачиваемых на оцетление денег. Розы на зиму не выкапывают и особенно не закрывают в Пекине, а какие бешеные суммы некоторые цветочные фирмы зарабатывают на анютиных глазках, на этажерках с ними, расставленных по всем центральным перекресткам.

С иностранца на рынке сразу запрашивается минимум втрое. Надо чуть-чуть реально представлять себе истинный разброс цен, чтобы не сдержаться от чудовищной переплаты. Такая же по виду рубашка, сшитая из плохого материала, где-нибудь на подпольном подмосковном заводе китайцами же, живущими без регистрации, все равно в Москве, стоит вдвое дороже, чем в Пекине. В Нью-Йорке и Мадриде тоже. На это и расчет, а также на то, что в торговле никто цену не назначит втрое, вчетверо выше, чем в реальной жизни. Практический ход до идиотизма невероятный, но очень точный. Начинается психологическая дуэль. Ее все время надо вести на грани обоюдных интересов. Торговец просто не может продать вещь ниже цены, по которой она ему досталась. Задача покупателя как можно ближе к ней подойти. Здесь могут быть демонстративные уходы, великодушные возвращения и пр. и пр. Это не только экономическое противоборство, но и увлекательная, подстегивающая нервы психологическая борьба. Иногда задумываешься, только ли экономический это инструмент или в отдельных случаях это еще и социальный театр общения.

Напротив того, что я называю пекинской ВДНХ, — большая, просто огромная городская площадь. Такая же, словно океанская отмель, была площадь перед Манежем и напротив гостиницы «Космос». В Москве эти площади Лужков бездарно застроил, подчиняясь или собственному эстетическому вкусу, или нуждам Гермеса или политической необходимости. Мы все отчетливо помним, какую политическую роль в свое время сыграла Манежная площадь в политических событиях последнего периода. Ее бы переменчивым на мнения демократам надо было оставить хотя бы в качестве памятного места. Люди моего поколения не помнят такого скопления, как во время тех, прошлых политических противостояний. Было бы, что показывать потомкам.

Итак — площадь. В прошлое воскресенье, когда мы приехали в Пекин, над этой площадью раздавались взрывы петард, музыка, двигалась неясная масса народа. Объяснение очень простое: воскресный день, судорожное прощание с праздником.

На этот раз, уже около девяти-десяти, совершенно не

собираясь рано никуда выходить до следующего утра, я вдруг понял, что без прощальной прогулки по Пекину, еще раз под подошвами ботинок не ощутив эту землюя не смогу уснуть.

Возле гостиницы течет река. Та самая, которая проходит через Зоопарк. По утрам там купаются и плавают средних лет

мужчины. Некоторые приезжают на машинах или велосипедах и везут с собою канистру с водой. После купания облиться «верняковой» водой.

Поглядел на темную воду, блики огней, плавучие рестораны. На другом берегу кто-то плескался в воде. Повернул обратно и пошел вдоль стены Китайской филармонии. Через открытые шторы виден зал и фойе — неплохо было бы такой зал в Москву. Филармония тоже построена, как говорит Вэй Хун, милая дама, которая сейчас курирует от имени Министерства, Китайское агентство, с помощью Советского Союза. Перед парадным входомв Филармонию стоит большой шлифованного гранита пьедестал «неизвестному вождю». Я полагаю, что вождю, разжалованному из вождей?

Какой воздух, какая мягкая, обволакивающая, но не досаждающая жара. Подобное умиротворение и ощущение физического здоровья у меня было только в юные годы во время командировок в Среднюю Азию. Написал ли я о том, что перед этим мы замечательно пообедали в центре Пекина с Вэн Пой, самой замечательной китаянкой, милой молодой женщиной, которую я несколько лет назад впервые встретил в издательстве «Народная литература». Она потом побывала в Москве? Напишу, об этом, может быть позже.

Спокойный, сытый, размягченный выхожу на площадь напротив входа в Китайскую ВДНХ. Жизнь площади интересно наблюдать в любое время суток. Днем это пустое ощерившееся от солнца пространство. Вечером — буйное народное гуляние с фейерверками. Вглядимся в вечернюю географию

Площадь сейчас условно разделена на четыре сегмента. В правом ближнем от меня углу молодежь катается на роликовых коньках и скейтбордах — на катящихся досках, и выделывают

рискованные номера. Особенно хорошо едут девушки, правильно, как спортивные конькобежцы, закладывая виражи. Здесь же, чуть сбоку сегмент, где молодые люди режутся в бадминтон, волан порхает с ракетки на ракетку. Никто никому не мешает, никаких амбиций, молодежных стычек самолюбии, наскоков, напряжения враждующих групп. Нация привыкла жить в тесноте и уважает суверенитет соседа. Не отсюда ли из-за скученности, из-за того, что иначе жить нельзя, китайская церемонная вежливость?

В следующем, правом, поближе к наблюдателюсегменте, расположился неизвестно откуда взявшийся блошиный рынок. Старая, но тщательно отчищенная обувь, здесь же и то, что нужно для молодежи: батарейки для телефонов и плееров, перочинные ножи, фонарики, стопки мужских брюк, спортивные трусы и футболки. Все это ждет своего часа на ковриках, разложенное в привлекательном порядке. Возле каждого такого торгового гнездовья вещей сидит хозяин-продавец. Вот и опять начинаешь задумываться, чего здесь больше: —мелочной нужды или стремления к публичности, к общению, страсти к разговорам и диалогу!?

Но из дальнего левого угла площади, от трамвайных путей доносится музыка. Я предполагаю, что здесь какое-нибудь пение или другой уличный аттракцион. Подхожу ближе. Ничего подобного — здесь нечто неожиданное — настоящий народный бал.

Это так не похоже на наши танцплощадки: пятачки, окруженные хулиганствующей молодежью. Здесь тоже есть молодежь, та, которая не катается на скейтбордах и не бьет «чеканку». Она, молчаливым кольцом окружает танцующих. В кругу — молодые, среднего возраста и пожилые пары.

Танцуют не очень быстрые западныве танцы прошлого века. Отдельные пары танцуют щегольски с «выходами», с вращением партнерши, с изысканными фиксируемыми жестами, такими же по сути, с которые китайцы делают, занимаясь своей знаменитой утренней зарядкой. Во всем этом свобода и ощущение полноты жизни. Нечестолюбивое существования. Внутренняя чистота светится в этих людях, радуешься: кому-то в этом мире хорошо. Хорошо не потому, что у соседа сдохла корова.

Здесь начинают роиться дуги мысли. Если в старой терминологии, — мысли о единстве партии и народа. Кто-то достойно и мудро блюдет общность интересов.

Никакого скандала нет, за моей спиной проходит эта самая молодая пара — ОНА и ОН. Кто они, что он сказал, что она ответила? Деньги, измена, ревность, тщеславие? Когда они идут по стеклянной дорожке к выходу, девушка берет своего спутника под руку. Всё забыто. Последнее, на что я обращаю внимание, огромные, в 12–13 см. каблуки на ее босоножках…

(Рассказ о массе подарков, которые мечутся по всему свету).

Вставка куда-нибудь сразу лее после 29 апреля. Из коммерсанта

За несколькими бывшими начальниками я недоброжелатель слежу. В частности за бывшим главой Минатома Евгением Адамовым. Эмоциональный предлог — это *с\о* выступление в

Госдуме, когда он был министром. Здесь Адамов с пеной у рта. хорошо зная дело и на много голов интеллектуально выше противостоящим ему, по чувствующим нужды отечества, 'депутатам. Он требовал, чтобы мы разрешили завоз к нам на переработку атомных отходов. Все и я в том числе представляли, какие за этими разрешениями и ввозами пойдут взятки. Потом Адамова привлекли к ответственности в Америке за кражу американских денег. Я отчетливо понимал, что и мы его требовали экстрадировать. чтобы лишнего не сказал и про нужных людей не сболтнул, но вот все же нам его выдали. Как всегда защитник всех подобных дел: государство против ловкого предпринимателя Генри Резник. Адамова и двух его подельников обвиняют в хищении 3 млрд. на такую сумму его деятельность нанесла ущерб государству. В Америке лично Адамова обвиняли в хищении только 9 мл. долларов.

16 мая, вторник, Пекин. Заранее знал, что весь день у меня будет состоять из двух непростых эпизодов, что машина придет в 7 утра, поэтому, как всегда в подобных случаях, нервничал, проснулся рано. Включил телевизор и смотрел «Пекинскую оперу». Два очень немолодых человека, мужчины, густо накрашенные, изображают некое действие. Их пение похоже на крик, но я смотрю с жадность, не отрываясь. Постепенно начинаю видеть, как очень точно музыкальные ноты соответствуют движениям руки и тело. Я слежу за указательным пальцем, и его движение становится для меня важным и существенным.

В семь утра пришла машина с очаровательной крошечной девочкой-переводчицей. Все русисты в Китае обычно, зная, как русские тяжело запоминают их имена, присваивают себе русские псевдонимы. Например, Хунбо называет себя Олегом. Крошечная девчушка с основательным, но еще не отшлифованным русским, зовется Любой. По своей привычке, — мы едем далеко, через весь город, за аэродром, — я снимаю с Любы «показания». Она аспирантка, у нее диссертация о русском еврозийстве. Упоминает фамилию Вернадского, потом других евразийцев. Геннадий Геннадьевич вспоминает недавнюю статью Дм. Галковского в «Литгазете». В статье тот довольно сурово судит русских философов, в частности Бердяева. Я думаю, надо бы прочесть, Голковский для меня один из немногих сегодняшних авторитетов.

Попутно вспоминаем знаменитый «пароход философов». Ленин выслал не смирившуюся интеллигенцию в ссылку. Но ведь не расстрелял, как поступила бы другая революция.

Люба из крестьянской семьи, из провинции. Рассказывала, что в Китае сейчас многие хотели бы получить образование;

поступить в университет было трудно. Расспрашиваю, какие вопросы ей задавали, когда она поступала в аспирантуру. Вопрос был интересный, отвечать надо было на русском языке. Что нового внес Путин в международную и внутреннюю политику? Я бы смог ответить на этот вопрос только в том случае, если бы хорошо знал политические вкусы спрашивавшего. Все так зыбко, все так неопределенно, так часто формулировки расходились с делом. Потом, пол дня наблюдая за Любой, я подумал, что со временем, если все у нее сойдется, он станет какой-нибудь энергичной профессоршей. А если повезет, то и какой-нибудь китайской Милицией Нечкиной.

Первая беседа у нас с новым заместителем министра печати. В его ведении в том числе авторские права. Я многих министров и заместителей министров уже знаю несколько. Этот, пожалуй, первый по-настоящему запомнился. Недаром, значит, я вез в Китай белый костюм. *(фамилия, на карточка у Ген. Ген.)**Это***практик, довольно долго перед этим возглавлял издательство. На протокольном языке это называет обменом мнений. Я кое-что рассказал ему о своем понимании авторского права и в России и в Китае и о ситуации, которая объективно складывается с этим правом в наших странах. Мне понравилась моя интерпретация прошедшей в Шаошане конференции. В проблемы не углублялись. Чуть-чуть о литературе. Он: Толстой, Достоевский, Горький, Островский. Я напомнил о том, что русская литература моложе китайской минимум на две тысячи лет. Сказал, что как писателя меня тревожит подмена художественной литературы произведениями сугубо журналистских жанров, в частности многочисленная «дворцовая» литература. Такая литература уходит и приходит, а Горький и Лао Шэ остаются, и именно на классике воспитаны лучшие чувства у народа. Подарили друг другу казенные подарки. Я э сумел процедуру расцветить всякими байками. Между прочим, сказал, что осенью у меня выходит роман в «Народной литературе», китайский начальник сказал, что уверен в успехе романа и что это лучшее китайское издательство. Спросил о тематике, в которой я работаю. Я ответил, что моей жертвой является переменчивая интеллигенция, которую я недолюбливаю, за ее приспособленчество. Спросил, не нуждаюсь ли я как автор, в какого рода помощи, я постарался все эти вопросы отклонить, но между фразами все же влепил, что хотел бы увидеть переведенным в Китае мой роман о Ленине. От уточнений я ушел, вспомнив про себя, с какой готовностью во время прежнего моего посещения Китая тогдашний начальник говорил, что это очень нужный в наше время роман, и они обязательно его напечатают. Я

полагаю, забыли тут же. Сидящий здесь же «бывший Хунбо» по фамилии ***Гуансюй,***, кстати, по рассказам, хороший переводчик с русского, выразил готовность роман перевести. Вписываю несколько последних фраз исключительно из нелюбви к неконтролирующего свои слова чиновничеству. Всегда готового услужить в подходящую минуте. Надеюсь, что это не коснется моего собственного романа. Должно же идеологии хоть когда-то прилично себя вести.

Днем исполнилась моя давняя мечта, мы все втроем сходили в Пекинский зоопарк. Это интересное заведение и от прогулки, и от бедных животных я получил удовольствие. Здесь немножко другая система показа. Много вольеров с обезьянами, медведями, слонами. Зверям возможно посвободнее, нежели в других зоопарках. Но никогда я не забуду купающихся за стеклом и ныряющих белых медведей в Дании. Здесь, в Пекине часто животных отделяют от людей стеклом. Разве уговоришь ребенка или даже взрослого не кормить зверя. В вольере у медведей можно наблюдать такую сцену. Сверху, от парапета в ров, где посиживает опытный и дошлый бурый мишка кто-нибудь льет тоненькой струйкой из бутылки — сладкую воду или пива. Миша становится на задние лапы точно под струю и еще машет передней: дескать, давай, давай лей! В зоопарке был в помещении с пандами. Оно как бы отделено от всего комплекса и у здесь своя цена на билет.

Здесь же купил в киоске с сувенирами. большую бархатную игрушку панды для В.С… Она очень любит этого зверя и всегда смотрит передачи..

Вечером пришлось опять возвращаться в центр, потому что должна была состояться беседа с редакторам об авторском праве. Все прошло довольно формально. Было человек десять главных редакторов местных издательств. Как тенденцию, пожалуй, отметить определенную критику, которая прозвучала в адрес Китайского агентства. Медленно работают, невелика информация о русских книгах. Я отбивался и защищал Хубо и его фирму. Здесь опять проявилась тенденция, о которой я говорил прежде, частные агентства могут перехватить инициативу. Это может сказаться и на РАО.

В десять вечера приехал узнать результаты нашей деятельности Хунбо. Я, кстати, рассказал ему о недостатках в его и нашей совместной работе. Потом довольно долго сидели в гостинице в баре. Хунбо рассказывал, что ужинал вчера вместе с Ерофеевым и переводчицей его книги. Все было забавно и один к одному, как я и предвидел.

17 мая, среда, Пекин. Утром встал в семь часов и до до

десяти часов дочитал «Пятьдесят лет в раю». Избранные годы» Русла Киреева. Это сочинение в четвертом номере «Знамени» идет под рубрикой «поп fiction». Начал читать еще позавчера поздно вечером. Предполагая прочесть Анну Кузнецову, за которую я несколько раз уже брался, но как-то не идет, хотя были определенные отзывы о статье, листанул журнал. Поначалу повествование Киреева показалось мне несколько манерным, такое ощущение, что вообще проза Кирееву трудно дается, ему мучительно необходимо зацепиться за какой-то факт собственной биографии, что-то вспомнить из пережитого. К нему, как ни к кому можно применить высказывание Достоевского, что роман это два-три сильных воспоминания детства. Может быть, я чего-то с цитированием по памяти и путаю. Потом я зацепился за некоторые высказывания Руслана, по поводу нашего ремеслом и преподавания и тут понеслось. Вчера вечером взялся за текст, а уже сегодня к десяти все прочел. Такая удивительная наивность, правдивость и боль, можно только задохнуться от восхищения. Я ведь тоже человек не самый скрытый, у меня все на распашку, но Руслан берет полной исчерпаемостью внутреннего материала. Я, пожалуй, скольжу по поверхности, работаю вне традиции, а у него все обдумано, последовательно точно и — этому я тоже завидую — солидно. Я завидую также, что он пишет о своих соучениках, преподавателях, писателях, которых знал и с которым учился. У меня не было таких друзей и не было таких кумиров. Единственное соображение — все кумиры и боги одного набора и ряда. Ну, и что, примем венок этой благодарности и порадуемся, у меня будет или получается другой ряд и другие имена. Особенно мне понравились его прописи о жене и дочерях. Замечателен пассаж, где Киреев сравнивает Шагинян и Надежду Яковлевну Мандельштам, которую и я считаю величайшей писательской женой. Но, впрочем, кто знает, может быть, жена, которой на кухне муж читает почти сорок лет все свои сочинения и более велика? Кто это сочтет? Здесь я почти цитирую Руслана.

В Пекине меня на этот раз не радует отсутствие на этот раз большой культурной программы, но, может быть, свободное плавание по городу еще более крупный заряд эмоций.

Под руководством Лены я потихонечку становлюсь специалистам по покупкам и мастером по сбавлению цены. Что меня уже несколько дней по настоящему угнетает. Конечно, телефонные переговоры и, главное, тревога за В.С. Ее больная рука, которая началась с, казалось бы, вытравленного уксусной кислотой на пальце пятна. Все оказалась серьезно. Вроде бы показали хирургу, сама заживет, впрочем, один из хирургов что-то на пальце срезал. Думали, что медленно заживающая язва.

Потом покраснели три пальца. В.С., с ее страстным желанием самолечения, сразу опробовала какие-то мази. Потом, после консультации с какой-то своей товаркой по диализу решила, что это псориаз и уже нацелилась на покупку какого-то дорогущего снадобья, но уже в мое отсутствие выяснилось: все идет от закупорившейся на левой руке фистулы. Теперь надо искать хорошего сосудистого хирурга. Это еще одна сложная операция, а в возрасте В.С. любая операция может оказаться трагической.

Я вижу тревожные и очень плохие сны, которые множат мои дневные беспокойства. Надо решать, где проводить операцию, рядом обязательно необходим диализ. Все время также думаю о двух смертях, которые только что на нас на всех нагрянули. Умер Сергей Гончаренко, знаменитый переводчик с испанского и хороший поэт. Совсем недавно в доме Литераторов я выступал у него на юбилее. И умер Александр Александрович Зиновьев.

Я знал, что дни его сочтены, но так с ним и не попрощался, хотя жил он недалеко от меня. Совсем, казалось бы, недавно он вернулся в Россию, я вручал ему билет профессор Литинститута. Я не очень любил и его прозу, головную, умную, но не мою. Покойный стоял в ряду тех, кто сумели расшатать действительность. Может быть, если бы ее не раскачивали, она бы и не расшаталась? Масштаб личности значителен. Зиновьев настоящим диссидентом. Его точка зрения менялась, он, как все подлинные, диссиденты, не поддержал расстрел Белого дома. Зиновьев критически отнесся к тем процессам, что начались в России не без его поддержки импульса. Целились в советскую власть, а попали в Росси.

Утром Лена поехала читать доклад о РАО, а мы с Ген. Ген. пошли гулять по ближайшим магазинам, выяснять сколько мы переплатили в больших супермаркетах. Китай, конечно, торговая страна. Если самое крупное достижение русского рынка — знаменитая московская Горбушку, то только в районе пекинской ВДНХ подобных суперторжищ несколько. Такое большое количество людей надо одеть, создать им быт, перевозить их по городу это сложная задача и, как человек не без опыта, я наблюдал ее решение постоянно. Наблюдал и результаты, спокойную хорошо одетую толпу. В ней я особенно выделяю молодежь. Конечно, генетически даже в одной нации есть разные породы людей, но в основном надо прощаться с мифом о низкорослом заморыше китайце. Высокие и стройные юноши, прелестные, часто длинноногие девушки. Одетые сегодня повсеместно в европейское платье, девушки хотят быть модными, по-европейски женственными. Чудные барышни ходят по улицам.

После долгого дефиле по коридорам ближайшей к нам

«Горбушки», во время которого я купил ботинки для своего крестика сына СП. Сережи, несколько рубашек для сопутствующего моей жизни рабочего молодняка, мы с Ген. Ген. пообедали в ресторанчике «Пицца». За десять долларов — 280 рублей в Китае, при внимательном обслуживании и комфортабельном месте можно получить большой стакан первоклассного сока, фруктово-овощной салат с креветками и спагетти с мясом, грибами и острым соусом. Сытые и довольные по дороге в гостиницу мы рассуждали о том, как Китай, переимчивый, как и весь Восток. Как Китай быстро европеизировался. Но ведь остались внутри сами по себе, предпочитают китайскую пищу, дарующую долголетие. Между прочем, весь мир приучили есть то, что едят они сами.

Вечером пришел Саша, мой замечательный переводчик. Я и без причин догадываюсь, сколько у него работы. Через несколько дней, 21-го грядет, торжественный визит российских писателей. Здесь все интересно: финансирует этот визит Внешэкономбанк. Это, если не иметь в виду фона, вполне понятно, банк традиционно работает с Китаем и кому, как не этому банку все это спонсировать. Условия, как обычно, одинаковые для партнеров: пролет за счет приезжающей стороны, а внутри страны,

гостиница, жилье, текущие расходы, питание, культурная программа за счет стороны принимающей. Значит, на следующий год, когда наступит время торжеств китайской культуры в России, китайских писателей будет принимать Союз писателей России. Этим традиционно занимается всегда Олег Бавыкин. Найдутся ли деньги в союзе писателей или опять профинансирует расходы банк — это в данном случае неважно. Краткий, запомнил не всех, списочек приезжающих: В.Ганичев, В.Крупин, В.Распутин, Л.Бородин, А.Сегень, ред. газеты, В.Бондаренко с женой Ларисой. Писатели и вверенная пресса. Подробность: раньше, по словам Саши, в списке стояла Марина Ганичева. Видимо писатели осмелели и заговорили о коррупции. В принципе, не плохой список, но, естественно, не вполне адекватный современному процессу русской литературе. И баланс, как всегда установил М.Швыдкой, все поправил, откорректировал. Именно он дал деньги на поездку девяти писателей-москвичей, Союза во главе с Риммой Казаковой. Его же ведомство подписало гарантию, что когда на следующий год девять китайских писателей прилетят в Москву, то все и про все даст деньги М.Е.Швыдкой. Подробность интересна только тем, что деление литературы идет уже на чиновничьем уровне. Никто не стесняется говорить, что поддерживает и любит только «своих».

Вторая новость касалась моей книги. Оказывается, в предварительный список членов делегации РАО в Китай раньше меня не включали. Готовя яичко к Христову дню, Вэнь спросила: «Есин в мае приедет?» Ах, не приедет? И перенесла мою книгу на осень. Честно говоря, меня это не волнует, волнуют это только мои очень немолодые годы. Успеть бы…

Обедали с Сашей неподалеку в ресторане «Москва», принадлежащий все тому же выставочному комплексу, построенному Советским Союзом Звезда со шпиля главного павильона видна из окна моего номера. Совершенно изумительное здание, прекрасный круглый зал с колоннами, удобная, но тяжелая мебель пятидесятых годов. Наши кинематографисты, когда наши менеджеры от рыночной экономики окончательно изведут представляющие художественную ценность интерьеры гостиницы «Украина», как уже извели интерьеры и мебель гостиницы «Москва» в столице нашей родины, будут, наверное, ездить снимать исторические фильмы про советскую жизнь сюда, в Пекин. Кормежка тоже была прекрасная и дешевая. Саша, любитель русской кухни. Талантливо и без закидонов выбрал: овощной салат, называемый здесь кавказским — огурцы, помидоры, репчатый лук и заправка уксусом, русский борщ, Киевские котлеты, мороженое. Выпили, правда, еще по бокалу вина.

За столом много говорили о китайской литературе, о литературе нашей, вспомнили общих знакомых: Пулатова, Гусева, Мухамадиева. Вспомнили и С.В.Михалкова, который вроде бы собирается осенью приехать в Китай на книжную выставку.

Все это я пишу под аккомпанемент телевизора: ну, какая прелесть пекинская опера! Самое в ней невероятное это точность актеров, их выучка, выносливость, батальные сцены почище, чем в «Ромео и Джульетте» в постановке Лавровского.

19 мая, пятница. Добрался, наконец, до московских новостей. Что касается перелета, проводов, отъезда из гостиницы, все как обычно, рутинно. Уже привычным стал пекинский аэропорт, который, боюсь, уже через пол года не узнаешь, там опять что-то строят. Сервис в «Аэрофлоте», по крайней мере, в первом классе, сильно улучшился. Обед был просто замечательный: крабы и соленая семга, протертый суп из грибов, по выбору мясо, курица, говядина или вегетарианское блюдо, на десерт мороженое в шоколадной упаковке. Соки, воды, мор, шампанское, пиво, коньяк и красное вино — немерянно. Только ощущение, что все российские старые мужики ездят в первом классе.

В самолете часа три дописывал дневник и читал книгу

Федякина и Басинского. Толково и увлекательно написано, кое-что отчеркнул, возможно, использую в своем новом романе..

В аэропорту встретил Миша на ГАЗЕЛи. Несмотря на пятницу, когда все едут из города, мы с Мишей из Шереметьево добирались до центра несколько часов. Беда наших дорог — это не только отвратительное их планирование строительство, но и как социальная проблема: мы позволили свезти к себе из Европы и Японии всю их металлосвалку. Городские власти торопились снять вершки со строительства высоток и престижных жилых комплексов, а надо уже давно строить четвертое и даже пятое кольцо. Но на транспорте, по словам Миши, есть и новости. Милицию лишили ее голубых номеров. Продлили так же время похождения техосмотра, работать ГАИ станут дольше, но разве это поможет. Коррупция в этой области жизни установилась прочная, милиционер привык к определенной сумме и он обязательно должен изловчиться, ее получить.

В.С. ложится в понедельник в больницу. Теперь я раздумаю, как ее туда везти. В мое отсутствие Витя потерял бумажник в моими документами, правами и техпаспортом. Кстати, случилось это именно в милиции, где он так и не прошел техосмотра на Жигулях. Проверяющий всегда найдет возможность отыскать какой-нибудь недостаток, стимулируя граждан к помощи его бедной семье.

По приемнику услышал новости образования: количество бюджетных студентов будет уменьшаться за счет «не находящих востребование специальностей». Понято, какие специальности пойдут под нож?

20, 21 мая. Суббота, воскресенье. Поденно писать дневник — это когда что-то происходит, когда куда-то движешься, когда от души срываются и летят в разные стороны духовные наблюдения. Ну, какие здесь, в Москве, наблюдения, какие события, хотя бы внешние? Читал абитуриентов, читал залпом, два дня и в субботу, и в воскресенье. В перерывы — то схожу в магазин, то соберу сумку для В.С… Она ложится в понедельник на операцию. Я подсчитал — это будет ее восьмой операцией. В.С. спокойна и даже весела. Что это — прививка к боли, прививка к несчастьям? Вот уже мотив для раздумий о чужой судьбе, да и какой чужой — своей собственной.

В институте не очень спокойно, какие-то обострения с Альбертом, ему подняли аренду чуть ли не в два раза. Может быть, и правильно, ведь жизнь идет, и требования растут, доллар дешевеет. Теперь Альберт будет кормить всех как благотворитель, значит, потеряет зависимость от нас, мы становимся лишь арендодателями. Раньше были партнерами. Боюсь, что

благотворительность станет влиять на качество питания. Ну что ж — больше денег в институте, больше возможностей истратить их на что угодно. По моим сведениям, не очень гладко дело в общежитии, боюсь, что там происходит «несанкционированная сдача» комнат, как это и бывало.

Сенсационная история с Колей Матвеевым, который был студентом, потом у нас работал шофером. В.С. все время удивлялась его, как выпускника Литинститута, тотальному невежеств. Я уже писал о нем, что это не реализовавшаяся судьба, и сам он не очень хотел учиться, но и мы не приложили определенных стараний. Помню его защиту и замечания, которые я высказал в адрес Олеси Николаевой. Потом Коля встретил прелестную девушку, внучку Марка Галлая, началась эйфория влюбленности. Они быстро сошлись, и Коля вступил в мир богатых людей. Ему подарили машину и, как я заметил, стали приспосабливать к переделкинскому хозяйству: то он едет зимой чинить отопление, то занимается машиной. Как-то приехал в институт показывал свои фотографии: на отдыхе за границей.

На Спиридоновке висит на знаменательном для меня доме (причину утаю) мемориальная доска Марка Галлая. Среди других писателей и общественных деятелей я бумагу Лужкову по поводу этой доски. И вот Коля развелся, как я и предполагал. Уличили его, беднягу, в криминале, говорят, показывали по телевизору — вроде бы увел машину, присвоил какие-то дорогие книги…

Люди стремятся жить богаче своих соседей, а над всем сгущается растлевающая атмосфера достатка.

В «Труде» прочитал, что прожиточный минимум в Москве — 5600 рублей. Это тема для размышлений. Может ли учреждение платить зарплату меньше? А сколько мы платим методистам, секретарям, уборщицам? Люди должны жить на эти нищии деньги, и вот эта нестыковка меня всегда очень волнует. Но жить становится с каждым днем опаснее. В прессе назвали 120 наименований лекарств, которые подделаны. Вместо лекарственных порошков и таблеток — сода, стиральный порошок, а то и мука. Причем, это лекарства самые ходовые. В связи с этими историями запархало имя Брынцалова.

Когда езду на дачу в Сопово, всегда вижу чистенькую аллейку, ведущую к его заводу, я всегда думаю: водка, медикаменты. Вот тебе и знаменитый Ферейн!

В воскресенье смотрел передачу Эллы Меркель о Сергее Апполинарьевиче Герасимове. Говоря о работе режиссера, Герасимов утверждал, что самое главное в ней — строительство себя. Мне это близко, тема моя, я отчетливо понимаю, что только так можно прийти к результату в искусстве. Ты долго

затачиваешь резец, а получится картина или нет — ты не знаешь.

Два дня подряд читал работы абитуриентов. Иногда это меня даже увлекает.

Бригаднова Алина, 1988, Казань

+. Случай не простой. Девочка может стать сочинительницей дамских любовных романов. Деревенский мальчик Лель (языческое начало) взрослеет Романистка заставляет маятник качнуться в другую сторону. Мальчик уезжает в город, живет с бомжами, становится «моделью». Самопожертвование, бомжи уходят в монахи. Последний эшелон. «Да».

Шалахова Елизавета, 1989, Москва

+ — Банальная девичья тоска, связанная с созреванием желез внутренней секреции, а потом банальная фантастика. Как и обычно, претензии на исключительность, молодость. Характеры и внутренний мир едва намечены. Мне в семинар — «нет».

Мишу тин Андрей, J 989, Москва

+ — Я себе его точно не возьму: слишком много крови, телевидения. Скорее всего и слишком молод, и не читал, и не учил русскую литературу. Как хочется взглянуть на родителей, на учительницу. Но, тем не менее, перо держит, что для этого возраста удивительно. Возможно, кому-нибудь пригодится. Твердое «нет».

Киселева Александра, 1988, Москва

+ + +. Первый эшелон. Совершенно невероятный взгляд на жизнь. Фантастический реализм. То. что человек одарен, если только хотя бы частично здоров. очевидно. Наш сумасшедший контингент. Одна придумка с саксофонистом чего стоит. Возьму, но будет трудно.

22 мая, понедельник. Ехал на работу пешком. От метро «Охотный ряд» шел той улицей, которая раньше называлась улицей Горького. Я уже писал, что мое отсутствие произошел несчастный случай — Витя потерял мои права на машину и документы на «Ниву-Шевроле», подарок Е.Б… При наличии двух машин теперь я оказался без транспорта. Иду вдоль бывшего здания Совета министров, отделяя от тротуара проезжую часть, стоят крепки и упорные гранитные надолбы. Это Государственная дума. Дальше новый кордон, отделяющий персональную стоянку депутатов и служащих Думы от остального мира. Жизненное пространство сжимается, чтобы расширить пространство власти. Может власть побаивается своего народа? Кстати, перед самим входом в Думу установили стеклянный шатер, в котором идет предварительный просмотр документов на входе.

Для меня, все выше описанное, — свежие впечатления. Давно в этом районе не был.

23 мая, вторник. Семинар начал в 10 часов утра. Это предпоследний семинар в этом году, тут же я ставлю зачеты. Читали небольшую работу Игоря Каверина, он, вопреки природной лени, обладает большим талантом. Он сделал замечательные новеллы — жизнь наших окраин. Похоже и на английскую литературу, и на американскую литературу 70-х годов в интеллектуально-маргинальном поле. Здесь всё: и дефекты совести, и непонятная злоба, стокость, и наркотики, и пиво, и вся эта жизнь, как образ жизни.

Есть сцены жесткие: милицейский газик проезжает по ногам одного из героев, или другая: беспричинный вандализм молодежи. И, тем не менее, маргинал потом выбивается в люди, начинается спокойная жизнь в тихой благополучной Вене. Туда мальчик приехал на стажировку.

В этом году усложнили зачет, каждый студент пишет отчет,

состоящий из 3-х частей: 1. Что я написал за 4 года 2. Что мне дал

институт3. Лидеры и аутсайдеры семинара. Мое собственное ощущение и самооценка роботы. Во второй пункт входит описание будущего диплома, план, наметки и т. п. Пока поставил «незачет» двоим; Лёше К….. и Максиму Клейменову. От последнего я этого совершенно не ожидал, он очень шел, но, говорят, сейчас занят выпуском какого-то сетевого журнала.

Во второй половине дня встретился с А.Н.Ужанковым, он показал мне написанное им письмо Путину, которое должно быть опубликовано в «Литературной газете». Смысл: нужно 350 млн. рублей для реставрации института. Опасное это дело в случае осечки. Письмо мне не понравилось. Тут же узнал, что у нас в Институте планируется — Попечительский совет. Надо набрать коллекцию жирных котов. Я чуть ли не ляпнул, что в Клубе Рыжкова мог бы насобирать таких попечителей за 30 минут. Молчу, молчу…

Когда я прошу машину, чтобы поехать в этот самый клуб в Данилов монастырь, или в Министерство культуры на коллегию, то В.Е. говорит, что машину мне дать ему не совсем удобно. Я-то могу поехать и на метро, просто неловко подъезжать на троллейбусе к Министерству и в Данилов монастырь на трамвае. Вот пусть и учредителей ищет дорогой В.Е.

24мая, среда. Утром позвонила В.С.: операцию внезапно назначили на сегодня, на час дня. Когда я уже был в метро, В.С. снова перезвонила: операцию еще перенесли на два часа, Просила не приезжать. Ну, уж, нет. Я все рассчитал и, с присущим мне рационализмом, за который я себя постоянно виню, решил что сначала съезжу за медицинской справкой для ГАИа, а уже потом в

больницу.

По наводке Вити поехал в Свиблово, где в платной поликлинике «справки выдают, и даже не смотрят». Оказалось, врачи принимают с часа дня. Сидел на лавочке во дворе и опять читал абитуриентов.

Кулаков Максим, 1989, Нижний Новгород. *Милая, правильная проза школьника-отличника. Все, как надо. И в Липках побывал. Хороша, по факту, сцена «националов» в московской школе. Без наивности. Если бы еще адреналина, цены бы не было. +. «Да». Третий эшелон.*

ЯхлаковВасилий,1988, Печора. *Очень жалко мальчишку. Это попытка написать повесть о юности двух друзей, даже, вернее, одного. Ряд эпизодов, наверное, типичных для юности в небольших городках, попытка разглядеть жизнь, но все это изложено жутким, не корявым, а мещански-плохим языком. Редкое косноязычие, слишком много словесного люрекса. Если бы можно было сбить с парня эту пену, я бы взял, но скорее «нет».*

Еркова Александра, 1989, Владимир. *Слезливая, сентиментальная, детская, школьная, но любовь. Так сказать, в чистом виде. Много банального, сентиментального, даже пошлого. Как бы девочке больше не о чем писать. Но, правда есть несколько сцен (стр.20), заставляющие серьезно взглянуть на девочку. Пожалуй. даже в семинаре была бы нужна. + +. «Да».*

Глазкова Светлана, 1989, Владимирская обл*Умная, образованная, неплохо владеющая пером девушка. Склонная скорее к эссеистике, нежели к изображению картин жизни. Два типа изложения: или собственно девичье, или придуманное книжное, нет эмоций, страсти, тем. «Да». + — (1\2). Ближе к 3-му эшелону. Из отлични* ц.

Медицинскую справку все же дали. В платной поликлинике все поставлено просто, четко, быстро. Не могу сказать, что давали просто за плату. Молодая врачиха и зрение посмотрела, и координацию, вдобавок ко всему заставила меня сделать электрокардиограмму. Все очень быстро –450 рублей. Там же и поел в кафе, цены аналогичные: стакан чая и три ложки картофельного пюре 50 рублей.

В больницу успел, с операции вез В.С. на коляске сам. Выглядит она бодро, меня старается ничем не беспокоить. Операцию делали под местным наркозом. Привез в палату, и сразу же она бросилась поить меня чаем и кормить бутербродами с ветчиной. Это чисто женская психология. Также когда мы еще жениховались, немедленно, когда, приходила ко мне в гости, вынимала из сумки продукты и начинала готовить.

25 мая, четверг. Утром отправился к П.А. Николаеву,

сегодня день рождения Ирины, его помощницы, я с нею дружу. Ира прекрасная молодая женщина, кстати, бывший офицер милиции. П.А. держится исключительно благодаря ее вниманию и заботе. Все по дому делает Ира: готовит, стирает, делает уколы, внутривенные вливания, убирает, готовит. Какая у них договоренность об оплате я не представляю, но более добросовестного и терпеливого человека не знаю. Ирина записывает книги, которые кто-нибудь берет у академика читать. Отнес Ире небольшой подарок, а Петру Алексеевичу коробку китайского дорогого чая урожая этого года. Академик звали меня на «бал» вечером, но мне надо идти на заключительное собрание бюро в Московское отделение. Напросился на завтрак. Представить невозможно, какой вечером будет пир!

Утром же была замечательная манная каша. Говорили о выборах в академию. Петр Алексеевич очень расстроен, что не выбрали Борева(?), которого он продвигал. Оказалась, что когда шло представление на секции Борев, становившегося лидером, вошел президент академии, у которого была другая «молодая» кандидатура некого Логинова. Подробность: молодой член-корреспондент Б.Березовский постоянно «голосует» из Лондона. После нажима президента часть академиков переметнулось. П.А. особенно выделял здесь академика Челышева, о котором ходят разнообразные слухи, как о мастере сегодняшнего дня. Почему люди в старости так не блюдут своего духовного мира? В результате этой административной операции голоса разделились поровну 14:14. Никто не оказался выборным, и отделение, как положено по уставу в подобных случаях, потеряло место. Это уже не первый раз, когда гуманитарии не могли договориться. Не выбранными оказались действительно выдающиеся ученые: Светлана Семенова, Валентин Непомнящий, ни один доктор из ИМЛИ. Я это отношу не только за счет коррупционности, которая царит во всех сферах нашей жизни, но и за счет особой атмосферы в гуманитарных науках. Не знаю состава отделения, но ведь всегда туда толкали не самую научную, но зато самую партийную публику.

Выбору в Академии предшествовал ряд скандалов, связанный с чиновничьим нашествием. Знаменательно, что С.В.Степашин снял свою кандидатуру, хотя на предварительных выборах прошел. Это свидетельство не только его трезвого ума и авторитета, но и очень высоких амбиций. Интересно П.А. рассказал об Але Большаковой, которая тоже сняла свою кандидатуру, предварительно написав открытое письмо президенту Академии. Надо бы письмо посмотреть, но суть его ясна — все та же коррупция, в которой погрязла вся наша, в том

числе и научная жизнь. По-другому мы уже и не умеем. Алла, судя по общему раскладу, конечно бы не прошла, но поступок ее, в котором есть и расчетливость, мужественный и гражданский. Выгоднее, конечно, сидеть и помалкивать, когда-нибудь за послушание и пройдешь. Говорят, Алла получила, чуть ли не тысячу писем из разных концов мира.

Днем дома, как ни странно, сумел собраться и сделал третий вариант второй главы «Твербуля». Похоже, что нашел новую интонацию, которая позволит вместить все, что хотелось. Но только где время, затягивает

хозяйство надо сделать одно, другое, третье, я не рассчитываю со своим временем. Когда теперь я смог эту работу продолжить!

Разбаловался компьютер, не знаю, как буду восстанавливать Китай, часть которого куда-то улетела. Вот этот сюжет я пишу уже второй раз, потому что предыдущий последний вариант растаял, как сахар в стакане. Но, как всегда повторять все в той же последовательности лень. Еще один феномен, если все снова и быстро не запишется, то текст окажется совершенно иным. Так есть тогда или отсутствует объективность? Или она соотнесена и нерасторжима с актом творчества? И что более важно событие или его описание? Что пропало?

Ездил вечером на Скарятинский на секцию прозы. «Распределяли» премию Есенина, вокруг которой всегда целый ураган страстей. На всякий случай, начиняя дискуссию по этому вопросу, я сразу же сказал: у меня лично на эту премию претензий нет. Все, кажется, вздохнули, и мы дружно отдали премию Игорю Блудилину-Аверьяну. Здесь же на секции мне подарили предпоследние новые листки «Литературной России», где в статье о Гусеве В.Огрызконичтожно подгрызает меня. Я-то думал, что этот орган уже не выходит. Творческий метод В.Огрызко очень традиционен, он подбирает слухи, сплетни и домыслы. Мыслей особых нет, или они лежит на поверхности. Если Есин, значит, «имитатор», самому придумать что-нибудь сложно. Бульварно-литературный конструктор. Потом из «конструкций» Огрызко создает книжки. Газета бульварной литературы. В мелкой компании направленной против меня нет ничего неожиданного, вместе собрался ряд людей, которым я не люб. Кроме самого В.Огрызко здесь еще и Рома Сенчен, ушедший из института и Саша Гриценко, в свое время по моему недосмотру и с подачи Сережи Сибирцева, который вряд ли что-нибудь читает, получил диплом премии Розова. Как точно работает принцип: не делай людям ничего хорошего, обязательно пожалеешь. Но и этого, оказалось, мало. Сегодня, кажется, вышел

еще один номер с большой рецензией Ю.Павлова, литератором из провинции, посвященная «Марбургу». Я полагаю, это реакция на мою защиту диссертации. Кому-то, скорее всего в нашем институте, неймётся. С другой стороны, а что ты, Есин, стонешь! Кого только не обгрызала недалекая и завистливая пресса! От Толстого и Достоевского до Солженицына и Шолохова. Так как «Литературная Россия» почти некогда не трогает и не рецензирует вещей, печатавшихся в журналах либерального направления, то данной заказной рецензией можно гордиться. Значит, перенесли меня в ранг крупных врагов.

Вышел новый номер «Русского колокола». Боюсь, поместив довольно много болгарских материалов, сделав это, в обмен на свою поездку в Болгарию, Максим несколько посадил номер. А ведь журнал, находится в стадии раскрутки.

26 мая, пятница. Весь день до вечера провел в Бутово, в ГАИ. Восстанавливал документы. Как бы мы не были злы на милицию, но дело как-то идет, и все стало заметно легче. Уже меньше по залам и возле

Окошечек толпится народу. Здесь много уже налажено, пишу об этом, потому что в 2000 году менял здесь свои права, и все помню. Теперь хотя бы не нужно ездить за три квартала в сберкассу. Пункт банка находится здесь же. В здании же работает и ксерокс, и столовая. Но везде, правда, не европейские, а

африканские цены. «Ксерокс» — 10 рублей за одну сторону листа. Банк берете за единственную операцию 7 процентов, столько не приносит на западе даже в год и недвижимость. В кафе комплексный обед — 270 рублей, маленькая бутылка коллы –30. Я взял один «хачипури» и маленькую бутылку «Святой воды» — это обошлось в 70рублей. На всякий случай. Чтобы бойче шла торговля водой, в «придворном» кафе лчая никому не дают. Где оформляются документы шныряет русского, модавского и кавказского народа с блатными глазами. Практически временные документы на вождение и потом повторное свидетельство о регистрации автомобиля я добыл шее семь часов. Правда, во время последнего стояния я вдруг почувствовал, что могу упасть.

Все время старался что-то читать из работ абитуриентов.

Барматина Елена, 1989, Климовск. *Опять все то же: он-она-он. Он ее не любит. В данном случае на фоне какой-то музыкальной группы. Графомания, выспренная тоска, все хотят быть танцорами и певцами. Современную литературу не читает. «Нет».*

Никитина Ольга, 1985, Москва. Читать это невозможно: разбалансированная, выспренняя графомания. Сюжетная и языковая каша. Много о душе и все очень возвышенно. Круг наблюдений телевизионно-книжный (книги с лотка). «Нет и нет»!

Гладий Диана, 1989, Сургут.

Вот тебе и экзотические имена, такие, как Гренделина, и фантазия, и фантастика! Но когда есть смысл и стиль — все идет, как на сливочном масле. Два рассказа: «Влюбленная людоедка» и «Свинья — это животное» позволяют говорить о талантливой девушке. Людоедка-великанша влюбляется в торговца и поросенок-поэт и эстет, и волки. Замечательно. «Да». + +

ПискаревaМарьяна, 1988, Москва

Знакомые мотивы — мятущаяся девичья душа. Открывается все признанием: «Жизнь стала просто невыносима. Боль, разрывая душу и плоть, перешла все допустимые границы». Коротенькие рассказы не так плохи — здесь микро-философское содержание. Потом «девичья» повесть — это получше. Но все это я читал в десятках вариаций. Визуальный и смысловой фокус — на себя, тонкость, исключительность. Тем не менее, надеюсь, что это не потеряется. — Мне — «нет».

Кадралиева Инна, 1987, Реутов

Экстатическая проза назывных предложений. Смысл с трудом, как переводная картинка под влажным пальцем, проявляется и высвобождается из-под массы слов. За кулисами текста назойливая исключительность автора. Мне не подойдет. + — Мне — «нет»

Тимченко Григорий, 1989, Москва

+ + +. Ряд рассказов-размышлений, в которых главные герой очень непростое «я». Автор и повествователь. Все это близко к замечательной русской эссеистике, где так много значит «совесть», «сострадание», «вера». Отчетливо индивидуальный язык, духовная взрослость. Опять удивлен — парень-москвич… «Да». + + +

Комарова Дарья, 1988, Павлодар. Девочка в прошлом. Это стиль и изящная романтика прошлого века. Есть все шпаги. маркизы, рассветы, есть даже умение складывать слова. По очень молода, еще не созрела. нет жизни. Для меня «нет» + –

Вечером дома всосался в «Литературную газету»

27 мая, суббота, 28 мая, воскресенье. Наконец-то, машиной выехал с СП. на дачу. Сегодня довольно холодно. По дороге заезжали в «Перекресток», затоваривались продуктами. Витя еще раньше, в пятницу вместе с Сережей уехали туда на мотоцикле. В теплицах у меня полный разор и запустение. Топили баню, что-то случилось с проводкой, где-то замкнуло, утром начнем смотреть. Много читал абитуриентов, утром в воскресенье занимался дневником. Вечером около семи позвонила после диализа В.С., она, как только может, охраняет мой дачный режим, понимая, что здесь мое здоровье, сказала, что видела меня по телевизору по

«Культуре». Это старая передача, которую зимой готовила Таня Земскова. О чем я там говорил, я естественно, уже не помню. Свитер на мне, сказала В.С., был хороший. Но если она меня не ругает, то, значит, все было неплохо. Все утром читал абитуриентов.

Вечером уже в Москве смотрел по видео фильм Аттенборо «Голый завтрак» по Берроузу. Как мне нравится сильный, очень точный и крупны, по метафоре, фильмы Аттенборо. Есть определенные параллели между стилем определенных писателей и стилем кинорежиссеров. Очень удивился, когда узнал, что фильм этот 91-го года, но ведь не устарел. В.С., оказывается, его видела еще в 94-м, на фестивале в Каровых Варах.

Чтение перед сном. А собственный роман — стоит.

29 мая, понедельник. Живу в ощущении ожидании боли и предательства. В большой степени это связано с тем, что сознание мое занято постоянными размышлениями о судьбе В.С. Еще никогда я так не ругал себя за некоторое отдаление от её проблем и никогда так много о ней не думал. Заканчивается не только лимит жизни, но и лимит терпения и противостояния — а, в принципе, жить так интересно и увлекательно. Столько можно еще сделать, доказать и написать,

Привез на работу целую груду «произведений» абитуриентов. Ну, собственно говоря, об этом я уже писал, писал и об уровне, и о подходах, и обнаружилось, что в Приемной комиссии таких работ еще непочатый край. Конкурса, который идет в этом году, не было никогда, и это — свидетельство той планомерной работы института как элитного учреждения, которую сначала вел я, а теперь, возможно, ведет БНТ. Но это также связано и с тем, что Литинститут, наверное, относится к тем вузам, куда можно проскочить не за деньги, а за талант. Для целого ряда молодых людей здесь последний шанс.

Произошло несколько событий. Св. Мих. пожаловалась мне, что, по ее сведениям, не всё в порядке в общежитии. Я и сам чувствовал это. Много народу живет там «левым» способом. Ей об этом говорил кто-то из наших постояльцев, пришедших платить за жилье. Я-то отчетливее кого бы то ни было понимаю, что общежитие и гостиница один из основных источников финансирования. Я как раз собирался идти к ректору, надо было решать вопрос с министерским грантом на научную работу. В разговоре упомянул о приеме, об общежитии. Что удивительно? Довольно быстро Б.Н.Т. (уже за обедом, при Л.М. и Стояновском) сказал, что они собираются ехать, по моей наводке, проверять общежитие. Не думаю, что конфиденциальные информации надо распространять, и уже в следующий раз, если речь зайдет о

коренных интересах института — а обстановка в общежитии как раз и относится к таким интересам — я уже ректору ничего и никогда говорить не стану. Сам по себе их рейд, в 6 часов вечера, на машине, бессмыслен, потому что о нем все знают. Складывается занятная ситуация: Лыгарев, похоже, нашел общий язык с Матвеевым, Миша ездит с Лыгаревым (и с детьми) отдыхать на Азовское море. Для Л.М., при всей специфике отношений, Лыгарев — свояк. Я умел приезжать в общежитие в 11–12 вечера. Не говорю уже, что главным администратор гостиницы и наша главбух — боевые подруги. По словам СМ., доход от гостиницы через кассу в этом месяце составил 9 тыс. рублей. Раньше все хотя бы боялись моих ночных приездов и проверок.

Днем встречался с Седых и Михайловым, говорили о будущей книге и о работе кафедры. Прикинули план, даже возникли новые идеи.

Вечером на кафедру зашел Слава, мой приятель из Норильска. Я интересуюсь этим городом еще с того времени, когда Юра Апенченко писал очерки о Зевенягине. В многочисленных прежних разговорах представлял город, поэтому принялся Славу расспрашивать. Тем более, что недавно имя Потанина возникло в разговоре с А.Н.Ужанковым. Я все время думал, откуда такое страстное желание финансировать образование. Содержать 12ВУЗов. Я полагаю, что страсть олигарха платить за культуру проистекает еще и из затаенного комплекса вины. У нас ведь не только звездное небо над головой, но и еще внутренние законы. Они точат, совесть начинает страдать за будущее потомство. А есть за что страдать. Норильский комбинат был оценен в 1 миллиардов 640 миллионов — валюта ли, рублей, здесь это не имеет никакого значения, важен порядок цифр, — а продан за 650 миллионов. Строился и город, и комбинат все страной, а в основном силами заключенных, их кровью и жизнями. Сталинские командиры производств умели строить, позабыв о ценах жизней, а сыновья бывших министров и зам. министров умею талантливо покупать всенародную собственность.

Приехал домой, сел за дневник.

30 мая, вторник. Между 6 и 8 часами утра опять читал работы абитуриентов. Вспомнился Мао, у которого, точно так же, как и у меня, или у меня, как у него на постели лежали книг, рукописи, документы.

Истомина Анастасия, 1988, Алтай *+ +Два рассказа. Первый, без названая, о встрече девушки из православного села с мусульманином-иноверцем, о вспыхнувшем чувстве. Какая очень*

важная деталь: прекрасно выписанная этнография русской старинной свадьбы, есть цитаты. Второй — та же тема — «случайной» любви — молодой испанец встречает девушку. Ее «рецепт» счастья, но она смертельно больна. Счастье не осуществилось. Очень прилично, особенно первый рассаз, зримо написано. Как краска для будущего семинара. Такого, русского, еще не б ыло. «Да». + +

Петрошай Анна, 1989, Смоленская обл. + **—** Маловат объем, чтобы решить судьбу. «Рассказ из жизни». 18-летняя девочка уходит из дома к 35-летнему парню. Отношение к родителям, к родному городу, к Москве. Есть определенная, жесткость. Почты без стиля, но внятно. + –

Марышева Светлана, 1986, Санкт-Петербург + **—** *Довольно изощренная литературщина с проблесками подлинного. Описание современного рынка и реминисценции времен Великих географических открытий. Манерный, вычурный язык. Мне это не подойдет.*

В 10 часов провел последний семинар в этом году. Было интересно, читали вслух студенческие отчеты. Каждый написал о своей работе, о своих друзьях, встречались размышления о жизни, институте. Есть интересные пассажи. В конце семинара довольно долго говорил с Максимом Клейменовым, которому не поставил зачета. Учится он хорошо, но у него нет не только работы за год, у него нет и курсовика. Он очень подробно и серьезно мне всё объяснил. Судя по всему, это человек глубоко, верующий, но несколько формально. Свое нежелание писать он связывает с нежеланием прожить грешную жизнь героя, а это, по его словам, удел писателя. Я сказал ему на это: «Дорогой мой! Я тоже христианин и, по твоей логики, не имею права тебя искушать, требуя от тебя текста. Если ты считаешь, что занятия литературой — это искушение, то не искушай меня, заставляя требовать». Далее я говорил о гуманной сути Бога, о его всепрощении. Бог значительно добрее, чем мы иногда себе представляем, сурова — церковь, потому что она имеет дело с массой. В конце концов, церковь — всего лишь люди с их ограниченными знаниями.

К 12 все закончил, ребята написали мне отчеты. В них много и правды и наивной смелости. Надо бы сделать из них выписки. Но, крайней мере, когда осенью будем делать новую книгу, посмотрим.

В Доме композиторов отмечали 20-летие Союза музыкальных деятелей. Ради этого я решил пропустить Литературный обед, на котором мне, конечно, надо было бы быть. Но надо и расплачиваться за долги, и не гоже бросать своих. Собственную речь на заседании опускаю. Я был в духе и говорил хорошо. О

прошлом и о сегодняшнем дне. О гражданском подвиг Ирины Константиновны Архиповой и Владислава Ивановича Пьявко. Двадцать лет, в годы страстной любви начальства к плохой эстраде они вытягивал русское классическое музыкальное искусство. Я бы даже сказал, что они подняли в этом смысле всю провинцию, внушив губернаторам необходимость заниматься серьезной музыкой, хотя бы в ее певческой изводе.

В перерыве я посидел с Ириной Константиновной за кулисами. Само по себе даже находится в одной комнате с легендами нашего искусства удивительно. В разговоре участвовала и Мария Лукьяновна Биешу, когда-то легендарная Чио-Чио-Сан. На этот раз Ирина Константиновна была во всех своих регалиях, недоступных никакому олигарху. Орден и цепь Андрея Первозданного, звезды ордена за Заслугу перед отечеством, Золотя Звезда Героя. Она плохо ходит, но сознание совершенно ясно, глаза молодые и мудрые. Говорят, она очень точно умеет работать, как педагог и педагог замечательный. Отсюда некая формула: Вишневская — по слухам — не может преподавать, но имеет возможность это делать, а Архипова может, но ни своей школы, ни академии, ни здания не имеет.

Не могу не вписать интересную деталь. В комнату президиума вошла уже знакомая мне Веа(?) Добролюбова, тоже Народная артистка, лауреат многих международных конкурсов, в частности королевы Елизаветы и нашего Глинки, везде первые премии. Я помню, совсем недавно она была вице-губернатором и Начальником управления культуры Ивановской области. Теперь срок у нее закончился, также как и губернатора. Пришли новы люди, ей надо устраиваться на работу. Есть филармония, которую она открывала и куда поставила директорствовать свою подругу, по крайней мере, единомышленницу. Так вот та, ее не берет. Ссылается на нового Начальника управления, даму из учителей. Как это все похоже на русские наши порядки, как это все похоже даже на наш институт. Спасибо министерство, которое все же сделало мне соответствующий договор.

К четырем, поставив машину в Знаменском переулке возле музея им. Пушкина, я уже на конференции у Глазунова. В том, что мировая живопись соседствует с нашим 75-летним современником, есть, определенная мистическая связь. Входил в галерею с каким-то мистическим интересом. Дом всегда меня привлекал, в начале перестройки здесь была какая-то шумная и скандальная дискотека геев и лесбиянок. А перед этим, кажется, здание служило дворцом пионеров. Мне всегда хотелось знать историю этих башенок, высоких окон и замысловатого фасада в самом центре Москвы. Оказалось, дворец Нарышкины и, Боже

мой, с какой немыслимой роскошью и красотой все это отделано и реставрировано. Но и сам Глазунов, художник редкого вкуса, очень точно развел все интерьеры.

Конференции посвящена и Достоевскому, у которого очередной юбилей, и рисункам И.С. Глазунова, ставшими классикой иллюстраций к романам Ф.М. Об этом я чуть позже, найдя определенные слова, я и сказал. Народа было довольно много, но, как я понял, здесь был не только специально приглашенные люди, но и много «своих», для которых не явится, значит иметь сложности — преподаватели и студенты Академии. Попутно была рассказана и история возникновения Академии, когда с подачи Горбачева, было освобождено здание ВХТМ. Вот и те случайные преимущества, которые дала перестройка.

Естественно больше говорили о Глазунове, чем о Достоевском. Сначала о начале своей работы над рисунками говорил сам И.С. Потом довольно пусто и с передержками немолодой Ванслов. Затем, интересно, как всегда, Игорь Волгин. В это время я разглядывал зал, в котором сидела публика. По всем четырем стенам висели самые знаменитые четыре картины. Здесь собственно, и была изображена наша истории. Пожалуй, ни в одном из залов Москвы, кроме Кремля, я не испытывал такого волнения. Потом я сказал об этом в своей небольшой речи. Тогда же я намекнул о передержках, которыми изобилуют все наши высказывания. Например, что будто никто не слышал до шестидесятых годов о Достоевском. Будто все церкви Александра Невского в Москве, числом шестнадцать, были, как одна, снесены по личному приказу Сталина. Я опирался на мысль о соответствии литературы и изобразительного рисунка, о счастливом попадании, которое само по себе чудо. Гюстав Доре и Библия, Кола Брюньон и Кибрик, Боклевский и Гоголь. Глазунов — это такая же классика, это образы, который теперь неотделимые от Достоевского. В своей речи я вспомнил и свою службу в армии, и Володю Кейдана, которому я, понимаю только сейчас, я так многим обязан, и мое давнее посещение мастерской Глазунова вместе с космонавтом Джанибековым*(?)*. История прикоснулась полой своего плаща к художнику, разве этого мало? Интересно ли все это было, интересно!

Опять вспомнил мысль Герасимова — художник должен до последнего совершенствовать и строить себя.

Еще в машине, возвращаясь из галереи Глазунова, услышал по «Маяку» первые результаты «Большой книги». Показ назвали три фамилии: Улицкая, Коржавин и Быков, известные писатели. Сказали также, что большое жюри премии состоит, чуть ли не из 100 человек. Уже в ночи Фляркевский дополнил этот список

Кантором с его книгой «Уроки рисования» и фамилией Толи Королева. В какой-то мере список становится все более и более интересным по своему составу. В том, что меня там нет, я абсолютно уверен, не в том родильном доме рожден.

Паше Слободкину дали «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Я очень за него рад, а уж как он рад!

Опять читал абитуриентов.

Петухова Мария, 1988, Краснодар*Ох, уж эти студентки-журналистки из провинции — некий условный дневник героини — масса немодного ныне постмодернизма. По отдельности кое-что смотрится. Все вместе производит ощущение рынка старых вещей. Ох, уж это стремление к тонкости чувств и к прогрессу в литературе. «Нет».*

Билик Дмитрий, 1986, Башкортостан. *«Да». Приходится думать не только о том, что будущая литература может оказаться похожей на твою собственную, но и оказаться другой. Два рассказа. Очень занятная реминисценция американского фильма с переселением душ. Пересменка. Души ждут очереди, чтобы выйти из тела. Здесь своя бюрократия. Любовь побеждает смерть. Второй рассказ об Атлантиде — инопланетяне «выращивали» Землю. Дневник атланта. Читается с интересом, много подробностей, есть связь с сегодняшней жизнью. Бледноват, хотя и без ошибок, язык. Пелевин тоже вырос из фантастики. «Да». + +*

31 мая, среда. Утром поменял свое обычное расписание и поехал к В.С. в больницу. Птичка немножко расправила перышки и уже бродит, хотя врачи предупредили, чтобы она постаралась меньше двигаться Не дай Бог, подвернет ногу и обопрется о больную руку. Читал утром рукописи еще в постели и потом в метро.

Когай Виктория, 1989, Тверская обл.*Что-то подобное, в тех же словах, я уже з читал: «И. жду тебя, мое вдохновение, мой идеал, мой восторг» — это основная интонация, все вокруг личных, исключительных мотивов. Наверное, от молодости, быстро в литературе зреют только безусловно одаренные люди. Скорее «нет», нежели «да».*

ЦойАнна, 1989, Тверская обл. — Довольно ладно изложена и школьная история, и история любви, но все скорее в плане личном, нежели как факт или предмет литературы. Получше последние рассказы (про муравья). Все слишком гладко. + –

Боярская Анна, 1988, Москва. *Прозе еще девичья — московская. Здесь чуть лучше. Подборка рассказов-портретов и небольшая повесть о мальчике Майе. Иногда возникает серьезность. + -*

Саржевская Галина, 1989, Москва. Школьные дни с мелкой, много раз прописанной фантастикой, многословие, претензии, стилистика любовного романа. Первый этюд «Гроза» чудовищен по стилю. Нет.

Концевая Дарья, 1988, Москва. *Нет. Отсутствие содержания и полное отсутствие необходимого для Лита языка. Банально и скверно. Нет!*

Токарева Глена, 1987, Москва. Нет. *Очень бледное «девичье» содержание. Абсолютно разбалансированная речь. Слово отсутствует. Нет. Нет. Нет!*

Родионова Дарья, 1988, Москва. Оснований, чтобы заниматься прозой, нет. как. впрочем, наверное, и стихами.

Галкина Анастасия, 1987, Москва. *Для меня все это слишком манерно, изысканно, слишком много форм, много ощущений, переживания, а не переживаний. Возможно, со временем эта девочка станет нашим контингентом. Пока решительное «нет», пусть посмотрят иные мастера, но не Оля меня. Несмотря на некоторое протежирование Королева*

Гумерова Альбина, 1984, Казань. *Не мое. Все это и первый рассказ «про молодую женщину, больную раком», и второй — журналистка и убийца — все это журнализм со слабым газетным языком. Кое-что есть в фактуре, но нет ни внутренней идеи, ни внутренней жизни. Все, что абитуриентка знает и чувствует на поверхности, за текстом пусто. «Нет».*

Улинич Елизавета, 1989, Москва. + — Милая девочка, с ясным миром и довольно хорошим языком. Второй и третий рассказики милые, школьный и домашний опыт. Со временем, может быть, и запишет. Пока ничего особенного, кроме этой наивной чистоты нет. Пусть посмотрит кто-нибудь еще.

Калинина Мария, 1989, Москва*Да. Ну, девушки дают! «Последний дракон» начинается со сцен, где совершенно отчетливо и со знанием дел, рисуются своеобразные «семейные отношения» двух парней. Конкретные сцены с включением родителей. Написано увлекательно, пластично, читается с интересом. Дальше пошла фантастика: ребята превращаются в каких-то хороших драконов. «Да» +*

После больницы своим ходом приехал в институт, пообедал, как всегда, все перепутал и, полагая, что сегодня уже 1-ое июня полетел в Минкульт на заседание Экспертного совета. Не тут-то было.

Пока ехал в метро прочел две совершено замечательных рукописи, которые ошибочно пометил 1-м числом.

Уже дома открыл сначала Литературку, потом «Труд». В любимой народом газете «Труд» небольшая рецензия на мою

книжку в «Дрофе» «Ах, заграница, заграница..». Рецензия, а может быть, и аннотация под рубрикой Книжная полка. Обложка и небольшой текст Анатолия Сатродубца. Чувствуется, что Анатолию больше понравилась «Хургада», что же, понятно… Под этой рецензией такой же по объему материал, посвященный «Семейной хронике Льва Аннинского». Мне это показалось занятным. Для «Заграницы» Лева писал предисловие. Узок крут революционеров.

Здесь же в «Труде» довольно большой материал на тему, которая меня давно интересует. Условно я называю ее «старт». Небольшая подборочка общественного и делового статуса детишек крупных чиновников — **«Дети больших родителей».** ***«Фирюза Рахманова,*** *старшая дочь президента Таджикистана, владеет сетью бутиков в центре Дюшанбе.* ***Петр Фрадков,*** *сын премьер-министра РФ, возглавляет департамент во Внешэкономбанке.* ***Гульнара Каримова,*** *дочь президента Узбекистана, имеет долю в узбекской компании мобильной связи.* ***Виталий и Андрей Черномырдины,*** *сыновья экс-премьер-министра РФ — крупнейшие акционеры компании «Стройтрансгаз».* ***Урал Рахимов,*** *сын президента Башкортостана, возглавляет крупные ОАО «Башкирэнерго» и «Башнефтехи».* ***Олег Воронин,*** *сын президента Молдавии, владеет крупнейшим в Молдавии банком.* ***Мурад Ниязов,*** *сын президента Туркмении, живет на Западе, владеет оффшорными фирмами на Кипре.* ***Марина Рогачева,*** *дочь орловского губернатора Егора Строева — представитель Орловской области в Совете федерации».* Тонкость в том, что, как правило, все это дети крупнейших советских деятелей. Вспомнился здесь «Моральный кодекс строителей коммунизма». Но есть и еще аспект. Беглый анализ этого совсем не полного списочка убедительно свидетельствует о том, что мы быстро и благополучно из социализма и потом капитализма перешли в феодализм с его наследственной и родовой властью. Ура! Но и это еще не все. Очень урожайный списочек этот подверстан к большой статье об одном из основных моих героев, за которым я внимательно и давно слежу. Речь в статье идет о «наследии» Николая Емельяновича Аксененко бывшем, ныне скончавшемся министре железнодорожного транспорта, которого в свое время чуть ли не сделали приемником Ельцина. Пресса довольно много писала и о самом министре, а потом о его сыне, которому, видимо по наследству, на основании суверенного феодального права кое-что досталось и досталось, видимо, так много, что опять доблестная швейцарская Фемида в который раз им заинтересовалась. Статья называется «Рельсы упираются в казенный дом». Почему мне интересны именно подобные

персонажи? Ну, черт с ними с Березовскими и скромными Абрамовичами, ни они, ни их отцы ничего не декларировали, они не воспитывались и не жили в атмосфере советской элиты! Мысль понятна? Это все прежнее советское и постсоветское лицемерие и при таких людях, как наши властители и выдающиеся партийные деятели режим не мог не рухнуть!

1 июня

1 июня, четверг. Утром почему-то стал переживать из-за конкурса Большая Книга. Ашот положил мне в почтовый ящик из «Коммерсанта» вырезку со статьей Лизы Новиковой. Она, видимо в мать — пишет всегда не только подробно, но и скрыто умно, по крайней мере, можно обнаружить истинное положение вещей. Но до этого я уже видел несколько кадров по телевидению с этой «библиотекой», устроенной в демонстрационном зале ГУМа. Место найдено не случайно — книга превратилась в торговлю. Расстраиваться мне, повода нет, но какой я мудак, что сразу же не учуял правил игры. Я все надеюсь и думаю о справедливости. Я ведь тоже много раз был в жюри и всегда поступал не по тусовочному и национальному признаку, а по своему пониманию литературы и искусства. Можно удивляться лишь тому, что я попал в большой список. При всем слагаемом этого жюри, в котором 97 заинтересованных в своей литературе и бизнесе людей, при моих очень сложных отношениях с ними и с экспертами, я вообще не должен был на что-нибудь рассчитывать. Мое имя в Большом списке — это удивительный недосмотр и какая-то робость. И вот здесь мне на память пришла вчерашняя статья Александра Неверова все в том же урожайном «Труде». «Главной особенностью нынешней премиальной жизни — ее групповой характер, отражающий разделение литературы и общества на два лагеря — «национально-патриотический» и «либерально-демократический». «Патриоты» никогда не получат «Триумф», как Шолоховская премия или «России верные сыны» в принципе не светят либералам, — это все пишет Саша Неверов. И продолжает: — Между прочим, этот водораздел обозначился не вчера. Но, тем не менее, в советское время, скажем, Госпремия СССР присуждалась авторам разных направлений Абрамову и Бакланову, Распутину и Вознесенскому, Белову и Евтушенко…» Так вот, если теперь вернуться к статье Лизы Новиковой, то она описыват таки коллизии. «И в этот вот «читальный зал» разом заглянули банкиры, чиновники, литераторы всех мастей.» Я абсолютно уверен, что не было лишь одной масти: Распутина, Белова, Полякова. «Близкое знакомство с «большими книгами» им показалось нелегким испытанием. А ведь многим из присутствующих, среди замеченных были Александр Гафин, Петр Авен, Алксандр Мамут, Михаил Фридман, Юрий Лаптев, Алена Долецкая, Антон Златопольский и Сергей Сельянов, еще и предстояло эти книги прочитать». Собственно, насколько я понимаю, многие из этих господ члены жюри. Так-почему же,

даже если не они читали первый эшелон, а эксперты, то они должны подбирать себе экспертов других? Выяснилось из статьи, кто возглавляет Литературную Академию премии: Радзинский и мой старый знакомый Гранин. Ну, не Солженицын с его широким пониманием литературы будет же эту Большую книгу возглавлять! Из статьи, свом обиженным и возмущенным сознанием, я вычленил и список финалистов: Марина Палей, Оля Славникова, Александр Кабаков, Максим Кантор, Дмитрий Быков, Михаил Шишкин, Наум Коржавин, Людмила Улицкая, Александр Ильичевский, Андрей Волос, Анатолий Королев, Далия Трускиновская, Юрий Волков. Какие уж здесь комментарии. Народ, давший миру Толстого, Тургенева, Достоевского, Чехова, Шолохова, Лескова, Замятина, Леонова — в литературе, по крайней мере, в прозе — бездарен! Это причина и повод, чтобы извлечь урок моего литературного поведения.

Но опять это не все! Что могут участники и члены Академии, когда существуют эксперты! Нашел в Интернет и экспертов, которые так хорошо относятся ко мне. Люди, как люди, имеют право не любить меня и зам Барметовой Алексей Андреев, и Юлия Феликсовна Рахаева зав. отделом культуры «Вечерней Москвы», плохо написавшей о романе, когда весь он еще не вышел, и Карен Ашотович Степанян зав. отделом критики журнала «Знамя» и обозреватель радио «София» Дмитрий Борисович Сучков, недоучившийся наш студент, который ушел из института с должности начальника отдела кадров по моей инициативе, и ответственный секретарь журнала «Знамя» Елена Сергеевна Холмогорова и даже Володя Березин, тоже наш выпускник, работающий в «Книжном обозрении». Занятно, ни одной фамилии из «другого» лагеря. Каким я стал подозрительным сплетником!

Астрахимович Елена. 1988, Минск. Довольно странные рассказы — притчи. В тексте нет ни одного русского имени: Майкл, Джульетт и пр. Как-то девушка все это вывертывает, с особой наивной корявостью, но интерес ее не на славянском поле. В конце подборки драматургия. Мне кажется это довольно безнадежным и не вполне здоровым.

Шаяхметова Виктория, 1988, Башкортостан. Экстатический взволнованный дневник о себе любимом. Всё доказывают, какие они тонкие, изысканные и чуткие, здесь же невыразительные журналистские описания города. Ни тени сюжета, ни тени характеров. Это письмо не писателя, нет густоты, индивидуальности, стиля и отношения к жизни. На первом месте «Я».

Теняева Светлана, 1989, Москва. «Главы» из жизни

персонажей с иностранными именами вне контекста всего произведения показались мне нарочито неестественными. Все это не близко внутренней эстетике института. Зачем? Повод? «Нет».

Пискалова Антонина, 1984. Москва. *Неглупая, образованная девочка с представлением о литературе, как жизни с изысканными страстями и романтическими героями. Литературщина. Фразы иногда есть, но ни героев, ни характеров. Возможно, станет когда-нибудь журналисткой, но, наверное, никогда писательницей. Скулы сводит. «Нет». —*

Шемарова Александра, 1987, Чебоксары. Легко, просто, замечательно пишет. Особенно хорош первый рассказ про мальчика-ангела, залетевшего в квартиру. Героиня поит его чаем. С юмором, что редко. Свобода обращения со словом. «Да». + + +

Иванькова Елена. 1988. Московская обл. Реутов. + + *Очень одаренная девочка. Здесь и личная жизнь молодой девочки, и семья, нелюбимый муж и наркоман, и социология, и трудности жизни. Рассказы мастера. Очень хорошо и свежо, если, правда, сама. Внимание во время этюда. Безжалостно буду ставить тройки и двойки, если рукопись не совпадет с письмом.*

Чекалин Артем, 1988, Москва. *++. Даже опыт курьера в этом возрасте — великая вещь. Главное: простота, ясность, простые, как положено школьнику, но надежные мысли. Хорошо. ++. «Да»*

Вечером Анатолий привез рассаду помидоров, которую купил в Темирязевских теплицах.

2июня, пятниц. Собственно каждый из последних дней — это чтение работ абитуриентов. Меня все больше и больше беспокоит критерий отбора. Безусловно, вырос и уровень литературной глупости и литературного мастерства. Все написанное более и менее крепко, но все подчинено какой-то литературной моде, какому-то самоудовлетворению от вроде бы складного говорению текста. Что брать, остро замысленное или яркий стиль? Как правило, правда, и то и другое уживается. Совсем недавно мы брали в институт лишь казалось бы абитуриентов, которые просто умел складывать слова, теперь большинство пишут почти лучше наших недавних выпускников. Помню, как везли целый семинар албанцев и выдали это за интернациональную помощь, а практически некем было заполнять контрольные цифры набора. Теперь положение изменилось. Есть хлеб, телевидение давно внушило, что никакой другой специальности для порядочною человека кроме специальности банкира, проститутки и артистки не существует. Все бросились по этим следам.

Безжалостно я отсеиваю только уже полную глупость,

описание «красивой» киножизни и все, что связано с драконами, замками и плащами. Но какое обилие девушек, которые трепещут только над своим неповторимым «Я». Как правило, это «Я» только «я». Мелкое, ничтожное, с занятыми на «Фабрике звезд» чувствами. Сколько этих переживательниц возвышенных чувств, любовного трепета и собственной неповторимости! Девушки, которые уже поступили и учатся на филологов и журналистов, тоже хотят переквалифицироваться, в писательниц. Все хотят телевидения и известности. Впрочем, иногда вылавливаю из этого потока и безусловно талантливых людей. Читаю и, зная всю демагогию нашего времен, все время думаю, сколько придется еще пережить объяснений с родителями «талантливых» девиц и сколько еще будет написано жалоб.

Галкина Антонина, 1989, Москва.*Ручку в руках держит. Мне кажется, это я читал раз двадцать. Школа, уроки, улица, музыка. Не выходит за рамки личного опыта. Видимо, хорошая семья. Для меня «мимо», но + —*

Шульга Елизавета,1988, Москва. *Жизнь ребят с окраины, полумаргиналов. Музыка, мир подростков, самостоятельность, конфликты с родителями. Много описательности, все довольно точно, неторопливое, как в 19 веке, повествование. «Да».*

Малицкая Анна, 1983, Москва. *«История жизни». Длинный, повествовательный, где жизнь и течение времени, рассказ. Почти ушедшая манера повествования. Это, конечно, чье-то родственное. Любопытные детали, есть характеры, и существует время и фон — предвоенное. Смущает «документация» — а не появится ли у автора еще один «родственный» объект, сможет ли он работать в**иных**манерах? «Да». +*

Котиков Дмитрий, 1985, Москва. + — Здесь некоторая набоковщина, усложненная рефлексия, толчется вокруг давно решенных вопросов и идей. Все это бесконечно скучно. Писать подобный текст еще можно, но читать — Боже упаси. Возможно, я не прав, допускаю.

Аксенов Петр, 1988, Бронницы. +. Да. Большой очерк о работе «поисковиков», раскапывающих места боев. Русские и немцы, кости, останки. Есть ужас и трагизм ситуации. «Да». +. Но без особого восторга. Не брат ли это Вани Аксенова?

Залесская Любовь, 1982, Москва. Холодная, рассудочная, интеллигентская проза много читавшего человека. Научить ее ничему нельзя. Отрава от Томаса Манна — брызжет. Все гладко, причесано, как у большинства наших писателей. Мне «нет», но пусть посмотрит кто-нибудь из мастеров.

Бабиков Павел, 1988Ю Москва. *+. Очень наивное, но очевидно самостоятельное письмо. Рассказ про мальчика Рони и его*

друга, негритянского мальчика. Наркотики, смерть и т. д. Второй маленький рассказ — о солдате и его службе. Очень наивно, но есть какая-то внутренняя уверенность. — «Да»

Джинанян Наринэ, 1989, Москва

Скучно, вторично, не интересно. Ну, зачем писать повесть из жизни английского колледжа? Хотя о Турции интересней. Жизни колледжа не знает. Повествовательная, раздумчивая манера устарела. Мне — «нет»

Под вечер позвонила по сотовому телефону Л.М… На меня пришла жалоба на имя Фурсенко. Ее написал бывший советский офицер Анатлий Дьяченко, преподаватель кафедры литературного мастерства. Сколько раз говорил себе: не делай бескорыстно людям добро, отплатят.

Не исключено, что без моего выступления на Специализированном совете по защите диссертаций, когда я, правда, спасал честь мундира скорее В.И.Гусева, пропустившего слабую, с чертовщиной и буддизмом диссертацию о драматургии, как теоретическую работу. Анатолий Дьяченко, возможно, не не защитился бы без меня, не жил бы в Москве, не преподавал бы в институте. Я, конечно, не отрицаю, что и он седлал инсценировку моего роман, и сделал инсценировку по повести пьесы В.С… Но ведь не сделал главного, что я хотел, не создал ни теорию инсценировок, ни театра инсценировок преподавателей нашего института. Не сделал ни спектакля по Орлову, ни по Кирееву. С чего у нас начался конфликт? Он перестал работать со студентами. У него был свой театр, который на основе взаимности мы разрешили ему создать в институте.

Дьяченко пишет министру, что я «из чувства мести» за проигранные выборы… Ну, уж я-то их не проиграл. Выборы проиграл он сам, не явившись на выборы, где мог получить ноль голосов. Из чувства мести, пишет «офицер», я перевел его на 0,25 ставки, не даю набирать семинар. Но тогда вопрос. Где же ваш, Анатолий, семинар, который вы три года назад набрали? Никого вроде не выпускали, а куда же семинар делся? Анатолий занятый человек, у него нет времени придти на выборы, где он баллотируется на должность ректора. Но за все время, что он работал, я, может быть, только два раза видел его на заседании кафедры. Офицер преуспел в ином: он держит первое место среди преподавателей по жалобам в министерство. Не знаю, правда, как у него обстоит дело с анонимными доносами. За пять месяцев это уже вторая жалоба. Нет собственных в большой литературе пьес, романов, рассказов, но есть жалобы — творческая жизнь продолжается.

Мы набирали второй семинар драматургии, как некий

семинар практики при театре. Но и помним, как после разгромного ученого совета, «уезжал» театр из института, разрушив и разломав все, что только можно.

Чуть-чуть высвободил свою душу, написав несколько этих слов, из-под гнета этих жалоб? Теперь, как всегда, жди, какие несчастья свалятся на голову бывшего «советского офицера», честолюбиво решившего, что он пролезет везде и заработает себе имя. Я-то теперь знаю, кто он такой!

В десять часов с минутами агентства передали об отставке Генерального прокурора Устинова. Я про себя отметил, что он бывший прокурор Сочи, а на таких местах *простых* прокуроров не бывает. Пожалел также наши хлопоты в Китае по проталкиванию его книги о гибели «Курска». Из Москвы нас подгоняли: скорее, скорее. Как человек умеющий выстраивать определенную цепочку отчетливо представлял, с чем эта торопливость была связана. Кого еще в демократическом государстве мы теперь срочно начнем проталкивать? ***3–4 июля, суббота и воскресенье.*** Теперь уже не езжу на дачу в пятницу, а жду, когда С. П. съездит за своим сынишкой Сережей. Выехали из города около часа дня и по дороге слушали радио. По «Маяку» очень неглупая девушка Елена Щедрунова разговаривала с «политиками». Среди поседних был и Мигранян, который говорил об отставке Генерального прокурора. Целый час «политики» ходили вокруг да около. Как никогда у меня появилось ощущение их несвободы, боязни, конъюнктуры и даже некоторого стыда за Щедрунову. Так раздражают эти мелкие пересуды, кто куда, кого, куда выдвинули, кто, на что может претендовать. Это какое-то собрание сплетников. Правды ни о кремлевских перестановках, ни о причинах, побудивших Путина снять Устинова радиослушатели не узнали. У меня возникает и крепнет убеждение, что этот, очень борзой политик Путин, чтобы он не говорил, играет не за нас. Олигархи и крупные бизнесмены вот его товарищи, а может быть и предмет тайного восхищения. Приехали в Обнинск только часа в три.

Успел вечером посадить в теплицу помидоры и сразу принялся читать абитуриентов. Проснулся в три часа ночи, послушал, как замечательно поют предрассветные птицы, и опять принялся читать. Возникло ощущение, что, может быть, слышу этот птичий утренний концерт в последний раз. Не скрою события последних дней, жюри Большой книги, жалоба «советского офицера» сильно мешают, и жить, и нормально читать.

Дерлятко Маргарита, 1988, Москва. Нет. К сожалению, все это безнадежно сентиментально и вычурно. А жаль — девочка пишет о Москве. «Нет», но эти плохо пишущие девочки мне

ближе, чем те, где я чувствую помощь взрослых. Но как это определить? Лит остается последней лазейкой. «Нет».

Имаева Иондоз, 1989, Уфа. *+. Довольно разбалансированный, корявый язык. Но, пожалуй, это единственная абитуриентка, которая пытается поднять тяжелый пласт жизни в сегодняшней прозе. Мучительное проживание, тайные страсти. «Да». +*

Никитин Дмитрий, 1985, Москва. *+ +. В подборке значительно больше того, что необходимо для поступления в институт. Органичная, плотная, работающая на мысль, но не чурающаяся слова, проза. Есть озарения («Несчастный случай»). «Как будто он жив» — это из области прозрения. Без стилистических срывов, язык, как инструмент общего. Чему учит? Буду учиться. + + +.*

Ковалев Андрей, 1981, Серпухов. *+ Очень способный парень с замечательными возможностями структурировать свои пристрастия. Все достаточно земное, и дворник, и переписка еврейской семьи. Любит сопоставлять пласты действительности. Возникает редкостный объем. Письма белого офицера. + + +. Да.*

Максимович Евгения, 1989, Видное. *+ + Иная интонация, нежели чем у всех 16-летних девочек. Жесткая фраза без прилагательных. Лучшая вещь трагическая, ясная — «Дневник». Здесь жизнь подростков в маленьком подмосковном городе. Жизнь в подъездах, на крышах, их песни и стихи. Почти новый взгляд в очень суровой стилистике, без капли сентиментальности. «Да»*

Маличенко Алена, 1984, Кременчуг. *«Нет». — Это советская литература в ее худшем изводе. Журналистское повествование с многочисленными штампами и привычными словосочетаниями. Все с чужих слов, не пропущено через себя. «Нет»*

Сидоркина Мария, 1988, Москва. *«Нет». — Стихи еще хуже прозы. Сентиментальны мечтания: по следам Андерсена, по мотивам святочных и пасхальных рассказов. Нет опыта, ощущение своей исключительности, без знаний и уроков русской литературы, все о своей необыкновенности. «Нет».*

Феоктистова Неждана, 1987, Ярославль. *Все пропущено через себя, предельно индивидуализировано, поставлено на «собственный голос»: сказки, книжные обзоры, эссе. О книгах и писателях так, как пишут наши студенты, не через мысль и дефиниции, а через образ, слово. Книга, стилизация для абитуриентки основной мотив. Здесь Розанов, Беккет, Блок. Это не совсем проза и не совсем мой профиль. Хорошо бы посмотрел В.В.Гусев. + «Да»*

Лукина Анна, 1984, Москва. *«Нет» — это все тот же бесконечный монолог девушки в 17 лет: он, она, девушка, юноша,*

тоска, бренность жизни. Как правило, он ее бросил, она тоскует. Пыталась что-то выдумать, но время писать еще не пришло. «Нет».

Мельник Дарья, 1985, Москва. *. Хороший плотный текст в стилистике 19 века. Удивительно, конечно, как пришла к историческому роману, как собирала материал. Хотя и филологиня, но работа перерастает филологическую начитанность. Но зачем студентке-фиологу (3 курс) учиться у нас? Оснований отказывать нет, но лучше бы продолжала учиться, как училась. + +.*

Вадова Таисия, 1988, Москва. *«Нет». — Среди действующих лиц граф, его сыновья, гувернер-истязатель и молодой человек, заказывающий в кафе «роллы и угря». Все возвышенно, форма неясная — похоже на киносценарий. «Нет»*

Карева Виктория, 1988, Жуковский. *+. Все больше меня охватывает тревога, что я читаю не рассказы 17-летних девочек, а что-то из Интернета, что-то приготовленное некими аспирантами и студентами. И родится ли из этих рассказов большая литература? Но что о Каревой — отличные взрослые рассказы-зарисовки, точные по деталям, художественно полные. Особенно хорош «двор» с девушкой-проституткой и детьми, да все хорошо. Но слишком уж обилен весь улов. Как набирать курс? Кого наберу?*

Шала тин Игорь, 1955, Москва. *+ +. Сложившееся письмо, точное, со своими приемами, мыслями. Чему учиться? Если только для интереса. Итак, с удовольствием +. «Да». Но лучше на ВЛК, не среди девочек. Возраст.*

Николаева Екатерина, 1989, Москва. *+ +. Три рассказа «про чудесное»: один под Андерсена, сказка, другой — Страшный суд, на котором хозяйка магазина, третий — девушка и «добрый ангел» — все увлекательно, достоверно и точно. Хороший язык, точный, + + «Да»*

Спиридонова Дарья, 1989, Москва. *+ — В середине подборки рассказик о влюбленном и ближе к концу «Письмо». Здесь что-то понятно и сюжетно, все остальное расплывается. Подобных девочек уже много. + –*

Подъяко Анна, 1987, Беларусь. *+ —. Все под поверхностью бренной земли. Общий случай: неплохие фразы, фрагменты, абзацы. О чем, не знаю. Это поток чувств, чувствований и слов. Содержание далее не угадывается. Одна восклицающая юность. Страсть к собственному «Я». + –*

Агапонова Екатерина, 1987, Москва. *+ +. «Да». Очень способная девушка. Очень объемное действо с точной расстановкой пяти или шести характеров. Точная оптика слова, ясность. Чуть*

излишне увлечена рефлексией. Вполне взрослое письмо. Да + — Посмотрим этюд.

Панин Виктория, 1979, Москва. *+ —. Бодро пишущая девица. Обычная история: хочется писать, да не о чем. «Сельский» рассказ с условной стилистикой и «условное» — «американское кино». Внутри все пустовато. Девиз: «Хочу стать писательницей». А вдруг? + —*

Петренко Юлия, 1989, Башкортостан. *Нет. Отрывки и впечатления. Все мозаично, само по себе и, хотя не совсем плохо, цельного впечатления о характере и индивидуальности будущего писателя нет. Претензия сразу стать классиком. Ощущение, что все это я уже читал, особенно отрывок «В начале было слово».*

Требушинина Ирина, 1989, Москва. *+ + + Мешает первый врез, сделанный как бы чужой рукой, а дальше все прекрасно «приключенческая повесть», и даже столь не любимая мной мистика, «потустороннее», показались мне естественными. Все сотворено с искусством не 17-ти лет. Да*

Николаева Анна, 1985, Архангельск. *+ — Мне это не нравится. Манерная, филологическая проза. В 21 можно писать лучше. Ум — это еще не талант. Из вежливости: + —*

Бунина Екатерина, 1989, Москва.

Девочка с милыми задумками, но с совершенно разбалаисированной повествовательной речью. Это видно уже по первой фразе. Таких случаев немало. Но по содержанию «Божья коровка» мне нравится. Что делать, не знаю. И все же «нет».

Петрова Алла, 1986, Москва. *Нет. Три материала, названия коорых говорят за себя. «История о маленьком карлике» — мечта и вздохи; «Американские глазки» — монолог и третий рассказ «Рыжая душа», здеь преданность собаки. Здесь тожевседовольно привычное. «Нет».*

Чутак Екатерина, 1988, Наро-Фоминск. *+ —. Объем слишком мал, чтобы определить одаренность и подготовленность абитуриентки к поступлению в институт. Две милых картины: описание экскурсии и житье у бабушки сделаны и мило, и довольно точно. Хорошие детали, хороший взгляд на мир, но этого мало для старта в Литинституте. Нет опыта.*

Корзун*Антон,/987,****Беларусь.*** *+ —. Замечательная мужская проза, с драйвом. Все читается с напряжением и нервом. Не знаю, что лучше: «Суицид» — игра музыкантов или «Андерграунд» — автогонки и игра в автогонки. Здесь слово и литература. Правда, парню на 2 года больше, чем остальным. С ним будет трудно — своя воля, чему учить?*

Романов Кирилл, 1986, Москва. *«Да». Много выпендривается, умничает, сытый и довольный. В текстах и романтически-сказочная мура, и этюды с претензией на философию. Есть*

хороший рассказик в диалогах «Перед зеркалом». Несколько зажатый язык. За душой не много.

Камынин Алексей, 1989, Москва. *Без особого нерва несколько рассудочная, очень правильная проза, а скорее еще не вполне вызревшая до конца философия сегодняшней жизни. Добр, домашен, внимателен. Да.*

5 июня, это понедельник. Когда прихожу в институт, трудно бывает что-либо потом вспомнить, время уходит в какую-то мелкую воронку. Утром принес БНТ заявление СП., он уходит со штатной должности и остается только руководителем семинара на кафедре литературного мастерства. Для института это двойная потеря — во-первых, это доктор наук, во-вторых — прекрасный специалист по современной английской литература. И всё это в преддверии аттестации. Что касается наших штатных специалистов, то Елена Алимовна, в лучшем случае, это «озерная школа» и восторги вокруг Блейка. Джимбинов современную литературу, полагаю, не читает, он блестящий специалист по Джойсу, а ребята-англичане, которых мы выпускаем, должны знать современную литературу, им жить с сегодняшними реалиями.

Довольно долго говорили с ректором о так называемом научном секторе. Я не понимаю логику двух вещей: почему руководство этим научным сектором должно финансироваться из денег, отпущенных на научную работу, практически из гранта? С моей точки зрения, это не целевое расходование бюджетных средств. И я уж не говорю о том, что возникает в сознании старая присказка: «Один с сошкой — семеро с ложкой». И второе: почему при такой системе, когда у нас один грант, связанный с основным, сакральным событием в институте — созданием научного исследования об обучении литературному мастерству — почему этот грант, словно какой-то пришлый со стороны, должен обслуживаться бухгалтерией опять за какие-то дополнительные денежные суммы. И мысль о том, что это, как наши дамы считают, дополнительная работа для бухгалтерии института, меня убивает. Я понимаю, если этот грант был бы пришлым, как, например, грант Демина, или в свое время грант Тарасова… Некие движения науки вообще, не связанные с тематикой Лита. Но здесь ведьсвое, родное, чем кормимся, с чего, если уж на то пошло, получают свое образование все дочки, внучки и племянницы наших сотрудников, включая бухгалтерию. Каким-то образом довольно быстро, без всяких помощников за прошлый грант отчитался Сергей Петрович, никогда раньше этого не делавший. Теперь же, мы должны создавать некую новую бюрократическую структуру. Задача этой структуры ставить

нолики и плюсики в специальной таблице, бланке годового отчета.

В два часа обедали почти в том же составе, в котором совещались у ректора, говорили о приемных работах — о них писать не буду, уже много писал.

К семи вечера, каки обещал Вишневской, поехал в Геликон-

оперу на презентацию неких премий, учрежденных журналом «Планета красоты». Сразу скажу, что все это выглядело солидно, хотя, как точно подметил В.Андреев, при слове «элита» его пробирает дрожь. Неужели мы тоже эта самая элита? Приятная неожиданность заключалась в том, что началось все с неплохого фуршета, к которому я, к сожалению, не притронулся, а СП., планируя на вечер прямо из своего нового «Университет», со своим знаменитым рюкзаком за плечами, по-моему, хорошо отоварился. В институте пошла мода на рюкзаки для комсостава среднего и старшего возраста. С рюкзаком ходит Чудакова, СП., я и Леша Тиматков. Хотел бы отметить, что все люди подвижные, энергичные и творческие. Я, к сожалению, фуршет не потерзал, разговаривал с дамами.

Система этой элитарной театральной премии была такова: сначала — «Любимые «народные», потом лучшие актрисы, лучшие художницы и проч. и проч. Все описывать не буду, не моё это дело, и не стоит этим заниматься. Но презентация «народных» — вещь достаточно занятная. На сцене сидели вызванные туда «Большие» дамы — я подозреваю, что всем им, может быть за редким исключением, по 80 лет. Я помню их еще мальчишкой (может быть, правда, они рано начали, а может, я замедленно рос). Итак, сидела легендарная Шмыга в платье с воротником елизаветинской моды, сидела вечно молодея Касаткина, вся в белом, с расчетливо контрастирующим к белому зеленым шарфом; сидела и наша бесценная Инна Люциановна, на этот раз как-то ушедшая в тень, в белой кофточке и довольно простоватой юбке. Пока в Люциановне не было заметно ее обычная авантажности, впрочем, она появилась в ней позже. Когда она врезала по «кавалерам». Сидела и моя соседка по гаражу Вера Васильева, тут же была и совсем неизвестная мне художник-дизайнер Сельвинская. Подумать только знаменитая дочь знаменитого отца-поэта. Первым говорил Володя Андреев, который до сих пор работает со Шмыгой в спектакле «Перекресток», столь любимом мною. Вот надо бы посмотреть, я видел этот спектакль с Э.Быстрицкой, тоже было не слабо.

Композиция была такова: дамы, как герцогини на приеме у короля, сидели на табуретах, а рядом с ними стояли навытяжку, словно гвардейский караул, кавалеры. У каждой дамы — свой

собственный. Я по этому поводу надел даже новенький свой костюм с сюртуком, сшитый Зайцевым.

Владимир Алексеевич говорил как об актрисе, о товарище. Здесь — «все ясно». Володя редкий, природный умница, поэтому говорил хорошо. Как я его по человечески люблю, как я понимаю его тоску: он тоже из тех русских людей, которые недополучили. Потом говорил о Вере Кузминишне Васильевой — режиссер Мамин, автор «Окна в Париж» и «Фонтана». Мне бы надо было внимательно его послушать, но я внутренне готовился говорить сам. Но сначала слово дали Женовчу, который в первую очередь поинтересовался у меня, стоящего с ним рядом: прошел ли наш с ним эфир, и я угомонил его, сказав, что эфир, слава Богу, прошел. К счастью, этой передачи я не видел. У меня были для выступления кое-какие заготовочки. Я начал говорить о тяжелой роли Париса, перед которым было лишь три богини, претендующие на яблоко, а перед нами — их сидит пятеро, и надо бы сказать о каждой, потому что каждою мы все хорошо помним и хочется приобщить всех присутствующих к своим воспоминаниям. Я умышленно не употреблял слова «детство», хотя, так сказать, временные перепады порхали в воздухе… Потом именно по поводу «подразумевания» возраста, под гогот всего зала Инна Люциановна, когда микрофон передали ей, и врезала: «Да почему они все такие памятливые!». Говорил, я, что диковато для меня оказаться вместе с этими дамами на одной сцене. У них слава, у нас — известность. Постепенно я входил в привычный для меня в подобных случаях, искренний транс, когда прошлое и настоящее начинало перемешиваться, и воспоминания пузырились. Известность писатели парит где-то по чердакам, среди старух, изредка смотрящих телевизор, а слава актрис — она со знаменем тут же, на асфальте жизни. Наш духовный мир составляют и отблески литературы, и отблески экрана, сюда включены и воспоминания о том, что произнесено этими женщинами в момент их яркого духовного взлета на сцене ли или в кино. Я говорил о времени, которое не очень радовало Вишневскую, но которое ей и многое дало: она окончила вуз в Москве, получила престижное звание, но тут же была сослана в Ташкент. Это замечательная женщина, которая была всегда верна своему времени. Она помнила не только о среднеазиатской ссылке, но и о том, что время дало ей звание профессора, ученую степень доктора. У меня в кармане лежала написанная ею от руки автобиография, датированная годом ее поступления старшим преподавателем в институт в 1956 год. Я немножко поиграл фразами из нее. И тут я вспомнил цитату из Пушкина, который в своем письме к Чаадаеву говорил, что никогда не хотел бы

сменить свое Отечество и принимает его историю такой, какая она есть. Перед этим ловко и широко выступившая Вера Максимова упомянула о 40 книгах, написанных Вишневской. Тут, собственно, и все. Была, правда, смешная история с В.Максимовой, презентовавшей молодых актрис из театра Табакова, но это чуть дальше. Верочка призывала зрителей восторгаться их талантом, их фигурами, но потом выяснилось, что из двух этих девочек одна актриса, а другая просто «получательница премии» — помощник режиссера, актриса не смогла придти. Верь после этого искусствоведению. Вообще девушки все были хорошие и мною любимые — и Генриетта Яновская, и Ира Кузьмина, говорившая в своем строгом и ясном стиле. Я иногда думаю, что театр и подобные тусовки, хороши еще и тем, что показывают нам таких вот невероятных женщин изысканных и рафинированных, выведенных на сцене специально для того, чтобы человек не глупел и никогда не скатывался в болото мелких и повседневных бытовых нужд. Какие туалеты, какие походки, какие улыбки! Я уж не говорю о совсем молоденьких дамах! Но какие за каждой невероятные воспоминания.

Как же я хотел есть, когда вернулся домой!

Русских Екатерина, 1988, Ижевск. «Нет». К сожалению, сама повесть «Поиграем в жизнь» довольно неестественная, с «красивыми», но неорганичными ходами; язык с неверным словоупотреблением, мещанский, полный штампов.

6 июня, вторник. Утром ездил в «Библио-Глобус», потому что нужно было купить мою книжку, чтобы отнести и подарить В.А.Андрееву. Только русские люди так умеют быть благодарными даже за мелочь, за крошечную статейку. Влад. Алексеевич готов прочесть у меня на презентации в Глобусе рассказ из «Хургады». Я встретил его накануне возле «Геликон-оперы». Не успел еще начать подбираться, а как, дескать, ты, Володя, занят в пятницу? Как он при слове презентация сразу сказал: приду! Принеси мне завтра в театр книгу, и я все, что ты хочешь, прочту или пришлю классного чтеца. А вот когда вечером я схватился, то выяснилось, что ни у меня нет ни одного экземпляра, ни в институтской книжной лавке. Здесь «Марбург» продают все же по божеской цене, расхватали. Но какова цена в «Глобусе» — 322 рубля. Купил на всякий случай два экземпляра. Книжные магазины наматывают наценку в 50–60 процентов на книгу. Тут же у кассы, оторопев от этой цены стал думать, что давно пора принимать закон, во-первых, диктующий хотя бы минимальную цену на каждый печатный лист, выпускаемый издательством. Во-вторых, диктующий максимальную наценку

при продаже опять же на каждый экземпляр. Заодно посмотрел зал: как все же занятно выкладываются книги! Какие девочки это делают! На проходе стоит том Славниковой, я теперь примусь читать Олю не раньше, чем она соберет все свои премии.

У Андреева, в театре Ермоловой долго плутал по разным закоулкам, пока не нашел зал, где Владимир Алексеевич репетировал со студентами. Быстренько состоялась передача, под аккомпанемент взаимных шуток. На обратном пути я не удержался и заглянул на сцену. Все-таки здесь когда-то работал великий ТИМ — Мейерхольд, Ильинский, Бабанова. Людей уже нет, а воспоминания еще витают. Это тот самый пол сцены!

В три часа состоялась процедура выдачи дипломов. Народа было много, меня, как еще принимавшего в институт этих студентов, ректора засадили за стол президиума. Говорил я о трагическом ощущении начала пути. Потом говорили Гусев и Смирнов: пушкинский день, знаковый день рождения литературы, о традиции. Вместе с дипломом дарили студентам и мою книгу «Власть слова». Я просил Светлану Викторовну еще раньше сделать небольшую именную надпись, как и в прошлый год, но или поленились, или забыли. Перед самым вручением я зашел в деканат и торопливо на каждом экземпляре расписался.

Теперь приступаю к самой предвкушаемой части сегодняшних записей. Если уж моя несчастная учебная и писательская жизнь, то пусть она будет на фоне. Из Совета Федерации попросили уйти еще одного сенатора. Совершенно смятый прошлогодним нападением на меня армянских, крепок спаянных интеллигентов, пытавшихся навязать мне незаконное обучение в институте армянской не очень одаренной девицы, я теперь слежу за их действием и особенно в Совете Федерации, откуда один из сенаторов прислал мне совершенно демагогическое и наглое письмо. Так вот теперь за коррупцию из сената уходи и уходит под суд еще один представитель этого крепко спаянного клана. Конечно, негодяи есть повсюду…Опять, как и всегда, пользуюсь «Трудом». На этот раз это некий Левон Чехмахчян.

Вот цитата: «Еще 2 июня Левона Чехмахчяна и главного бухгалтера «Ассоциации российско-армянского делового сотрудничества» Игоря Арушанова задержали в Москве сотрудники ФСБ (чуть ранее был задержан зять сенатора — Армен Оганесян, помощник аудитора Счетной палаты)…»

Не успел я прочесть эти строки, как на меня повеяло чем-то знакомым! Вспомнил, то самое наглое и демагогическое письмо, пришедшее ко мне из Верхней Палаты, было подписано неким главой этой самой ассоциации и сенатором. Так что, все армяне у

нас собрались в Совете Федерации? Неужели тот самый? «…В любом случае следствие располагает сведениями, что задержанные требовали у некого предпринимателя 1,5 млн. долларов, чтобы исключить негативную информацию из материалов проверок Счетной палаты». Дальше «Труд» проходится по вехам жизни своего героя: здесь и работа в ЦК, и бизнес, и переходы из партии в партию. Помещен и парадный портрет бывшего сенатора. Интеллектуал снят за письменным столом со стило в руке и на фоне портрета — В.В.Путина. Лучшие люди страны!

Ланищенкова Светлана, 1989, Москва. *+ — Милые, детские, вполне кондиционные сочинения. Для меня не хватает взрослой, сочиненной или прочувствованной морально-этической жизни. Все очень однообразно — подобное я уже много раз читал. Мне — «нет»*

Мурашова Татьяна, 1986, Армавир. *Во-первых, свой прекрасный, пластичный и современный язык. Есть русский добрый юмор. Во-вторых, сегодняшний, написанный с сочувствием, день. Замечательно — «Похождение Алисы». «Да». + + +*

Башкурова Вероника Викторовна, 1989, Вологодская обл. *Нет. Подборка состоит из трех «разделов»: коротенькие зарисовки лирического характера, по существу — альбомная проза; короткое и не очень глубокое, скорее восклицательное эссе о Рубцове, и третье — милая юношеская журналистика. Нет, как обычно бывает у по-настоящему «призванных», раннего созревания. Станет, м.б. хорошей журналисткой. Нет.*

Перепелкина Елена, 1989, Чувашия. *Вязкое, длинное письмо. Многое от журналистики: рассказы о сентиментальном военном времени, артековские «заметки» длинны и надуманны. Что-то есть в описаниях природы и сельской жизни. Попробуем: «да».*

Белов Александр Валерьевич, 1988, *Москва. Нет. Замечательное произведение, которое может прочесть лишь его автор. Автор и читатель — это одно лицо. Не расшифровывается. Нет. Нет. Нет. В полной растерянности: о чем? Интернет?*

Родионова Дарья, 1988, Москва *Оснований, чтобы заниматься прозой, нет, как, впрочем, наверное, и стихами. Нет.*

Скачкова Ксения 1988, Омск. *Нет. Довольно вязкое, в том числе по языку, повествование. Тяга к неглубокой, демонстрационной философии, самое интересное — представление о небесной канцелярии, как о коммунальной квартире. Но все ведет к повествовательности, все стремится к земле, а не к духу. Нет*

Федорова Ольга Сергеевна, 1987, Рязань. *Нет. Все это замкнуто только на собственные чувства, которые пока у 16-летней девушки мелки. Некоторый вялый интерес вызывает 1-й*

рассказ о суициде, попытке самоубийстве. Но во всем слишком много непродуктивной депресухи. Нет

Сухонин Артур, 1988, Московская обл. *+. Да. И у него слишком много страсти к потустороннему, к фантазиям из специфического кино и псевдоготической литературы, но два первых рассказа «Дыхание тьмы» о фантастической остановке метро и мыслях об измене девушки Маши и второй рассказ — о приключениях пива «Оболонь» дают шанс. Если поступит, фантастическое выбьем.*

Самоха Роман, 1985, Москва

Нет. Попытка как-нибудь под специальным ракурсом прочесть работу, чтобы все же допустить парня до экзаменов, провалилась. Это просто какой-то Хичкок. К сожалению, по языку «не держит» обстановку, плохо представляет, о чем пишет. Нет.

7 июня, среда. Утром поехал к В.С. в больницу, собрал ей бельишко и газеты. По дороге, естественно, читал, сколько мог. С моим смутно телевизионным лицом я умудряюсь везде проходить без пропуска. Так и тут поднялся в корпус на пятый этаж. Валя, как только я вошел в палату, сразу же засуетилась, запорхала, своей больной рукой принялась ставить чайник, потом упорхнула к холодильнику в другую палату за ветчиной. Как я шучу у нее страсть всегда и при всех обстоятельствах кормить мужа. Посидел, поболтали, узнал от нее все телевизионные и радио новости. Она у меня связная по прессе и средствам массовой информации. В частности, узнал, что у Церетели замечательные собаки, в том числе ротвейлеры. По «Свободе» рассказали, что Ходорковский в изоляторе, за то, что дал кому-то из заключенных съестное из своей посылки.

В час началось заседание приемной комиссии. Обнародовали то, что уже было известно: в прозе на дневном отделении 10 человек на место, поэзия –17, прибавилась драматургия и критика. Все набирающие семинары преподаватели сказали несколько слов о своих впечатлениях. Собственно, мои впечатления передавать не надо, я их уже изложил в дневнике. Все это подтверждено и мнениями других наблюдателей. Резкое, как правило, падение уровня прозы, если мы имеем дело с москвичами. Все самое интересное и ценное за Кольцевой дорогой, в маленьких русских городках. Может быть, мы в Москве воспитываем особых монстров, с особыми чувствованиями? А.Варламов отметил рост литературной техники, которая не соответствует уровню чувствования. Говорили, о так называемой христианской литературе, которая, как раньше партийная, ничтожна. Лобанов сделал ряд наблюдений, в частности, о падении социального напряжения в прозе. Торопцев сказал, что

именно в детской литературе легче всего напечататься, поэтому в погоне за прибылью издатели идут на откровенную халтуру. Но хороши же эти молодые писательницы, которые «ради книги», пишут эту «проходимую» ерунду! Вспомнили одну нашу последнюю очень в коммерческом плане успешную выпускницу. Но как плохо пишет!

В три начали заседание госкомиссии: защищали дипломы. Всего было семь человек, в основном, это не очень благополучные студенты Самида Агеева. Мало вкуса и, как правило, плохой язык. С особой, принципиальной отвагой, что я очень оценил, выступили Руслан Киреев и Татьяна Александровна Архипова. Было даже произнесена фраза о только формально завершенном образовании.

Вечером сидел у Юры Авдеева с прелестными разговорами о жизни, искусстве, деньгах и так далее. Здесь совершенно другая жизнь и другое отношение к ней. Увидел натюрморт, который Семен сделал для какой-то богатой дачи. Я понимаю, что всегда художники работали на заказчика. Не пугает меня и то, что в натюрморте есть по-новому скомпонованные элементы с картин многих очень крупных художников — это обычная манера мастеров в любой эпохе. Ну а другие «элементы» — кувшины и вазы Авдеевское, живопись с натуры. В последний момент заказчица попросила поменять общий натюрморта — под цвет обоев в гостиной.

8 июня, четверг. Утром был в Педуниверситете у Л.В. Трегубовой, завез ей чай, который привез из Китая. Она много для меня сделала. Порадовался за порядок в делах, а их там огромное количество. Она сказала, что недавно у них была проверка ВАКа, и проверка прошла очень успешно. Днем звонил в «Знамя» своей бывшей семинаристке Анне Кузнецовой, звал ее на мою презентацию. Разговаривала Анна со мной очень осторожно. Сидят в общей комнате, боялась, кто-нибудь не догадается, с кем она разговаривает. Ничего не читал, ничего не писал, телевизор тоже не смотрел. Довольно много размышлял о новом романе. Вдруг почувствовал некий вкус к продолжению. И также появилась некая технологическая деталь: новую главу надо написать от руки. В ней также будет описание нашей Бронной, а?

Краснушкина Надежда, 1985, Москва. *Почти рад внятной, интеллигентной речи, которой раньше, в 19 веке, и начале 20 века писали письма. Ныне подобная речь выдается за прозу. Кстати, типичная проза студентов-филологов и историков. Понимание дает ощущение умелости, но это лишь видимость мастерства. По сути, повесть в письмах к любимому. Рефлексия мелкая и неаргументированная. Такой девочке только учиться платно.*

«Нет».

*Колногоров**Александр, 1986, Глазов.** + «Паровоз Платонова» — небольшой сборник рассказов. Все вокруг критического состояния. Жизнь в ожидании смерти. Больной ли. лежащий с открытым ртом, поход ли в аптеку. Последний, коротки рассказик в подборке — в нем Достоевский. Редкое ощущение взаимосвязанности сущего. Следование мировоззрению — может быть, оно исконно русское, — но не стилю Платонова, что немедленно узнается. Среди прочего: широкий социальный охват. + + +. «Да». Первый эшелон.*

9 июня, пятниц. Может быть из-за возраста, из-за горечи жизни, которую чувствую за последнее время, я и вообще потерял возможность и вкус к письму? Объективно не получается? Дьяченко, «Большая книга», операция В.С. и ее больница, результаты выборов и давление на меня в институте, предательство бывших друзей, невероятное число рукописей на конкурс и набор курс, это все мешает или уже просто физиологически не могу? Упадок сил, угасание творческой активности? Практически все утро, кроме небольших выходов на рынок, читал рукописи. Даже на рынке, когда стоял в очередь в палатку с овощами «Совхоза Московский», — В.С. называет «палатка для бедных» — тоже что-то читал. Аккомпанировали разговоры в очереди про медицину и безобразия олигархов. Не заслоняюсь ли я этим чтением рукописей абитуриентов, чтобы не двигать дальше роман? Ведь и читать можно «с налета», бросать, когда все ясно. Но нет, я все, особенно хорошее, талантливое, дочитываю до конца, до последней странички. Уже много позже, когда пришел на презентацию в «Библио-Глобус» на Лубянку и встретил там Игоря Михайловича Блудилина-Аверьяна, он мне признавался: у него тоже два начатых романа, и вот он мечется от одного к другому и оба не идут. Или я впервые в жизни попал в мертвую зону творческой депрессии?

***Вдонина Юлия, 1988, Моск. обл.** +К собственному удивлению понравился «фантастический» рассказ. Общество будущего, отброшенное назад, где совесть есть некий искомый элемент прогресса. Второй рассказ «о любви» читается с интересом, но чуть переложено математики. Не очень свой язык, почти компьютерная интонация. Пусть попробует. «Да».*

***Гатина Алина, 1984, Казахстан.** В институте, на прозе, этой девушке делать нечего. В этом смысле, для моего семинара, категорическое «нет». Но хорошо бы на ВЛК, в крайнем случае, на публицистику. Для меня «нет».*

Ситнина Валерия, 1987, Москва

Довольно сложная ситуация. Уверен, что брать девочку не

надо. Из трех «зарисовок» лучшая первая, про цыган. Здесь есть некий вздох жизни. Язык усредненный, т. е. его почти нет, он функция. И, тем не менее, пока «Да».

К началу пятого, с целым рюкзаком книг, здесь «Власть слова» и «Дневники», которые собирался подарить некоторым своим гостям, я уже был в магазине. Постепенно приходили гости. Я занял наблюдательное место у спуска на первый уровень у входа в кафе. Первым появился Паша Быков. Он с привычным порт-пледом, в котором концертный костюм. Здесь я подумал, что он уже настоящий артист, для которого одинаково важно любое выступление, даже когда от него требуется просто милая любительщина. Он уже обошел магазин и порадовался, что и его книжка есть на прилавках в магазине, сказал, что обещал 200 рублей аккомпаниатору. Дал. Потом пришел народный артист Алексей Михайлович Шейнин, которого вместо себя прислал Володя Андреев. Он был с отцом. Фронтовиком. Все, включая, вскоре подошедшего Игоря Блудилина-Аверьяна, сели пить чай. Это был самый дорогой чай в моей жизни, дороже даже того самого, так запомнившегося мне чая на норвежско-шведской границе — 50 рублей за чашку. Шейнин рассказывал о театре, о своей жизни на две страны. У него во Франции семья и сын, видимо еще в молодости женился на француженке работавшей в посольстве. Подтягивались все остальные. Пришел Илья Кириллов, который оказался, не я, героем вечера. Он тоже обежал магазин и тоже попросил денег, ему надо было купить какую-то книжку, которая потом сыграла свою роль в презентации. Приходили и рассаживались в зале на этом самом первом уровне в основном мои знакомые. Если это мой праздник, то это хорошо, если он устраивается для прессы, то я плохо все организовал. Не пришли Женя Лесин и Саша Вознесенский. Не думаю, что это связано было с тем, что пришли бы к ректору. Не пришел парень из «Российской газеты», которого должен был прислать Саша Щуплов, но это в его духе и за это его судьба и наказывает. Но зато приехала Рената Григорьевна и вдруг, как некоторый подарок Бога и судьбы, появился Григорий Соломонович, лучший, как я его про себя называю, еврей планеты. Мы с ним обнялись. Был Андрей Кожин, были наши девочки из библиотеки, пришел Лева Скворцов, Юра Аверин, который всю первую часть презентации болтал с Левой, несколько человек забрело с верхних этажей. Вел все это и очень удачно Леня Колпаков. Если говорить в целом, то я всем остался доволен. Как сказал Леня, который уж подобного много видел, прошло «с куражом». Надо как-то подправлять судьбу. Может быть, это была просто моя жертва ей, отдал, что положено? Во всяком случае, ничего

практического я от этого мероприятия и не ждал, но ведь я всю жизнь протестую против этого «практического», выигрывая у него своей нерасчетливостью. Шейнин густым медовым голосом прочел рассказ из «Хургады», Паша спел три романса Рахманинова, которые мне показались значительными и к случаю, Максим Ларентьев прочел три стихотворения из своей новой книжки, причем одно, кажется, про парус «не одинокий», внутренне посвящено мне, хорошо говорил Блудилин-Аверьян, с чем-то сравнив мой роман. Героем дня был, выступивший первым Илья Кириллов. Дело даже не во мне и в тех похвалах, которые он довольно скупо раздавал, а общем тоне, в уровне наблюдений над литературой. Боюсь, что на таком уровне аналитики у нас мало кто из критиков говорит, приспособившись к журналистской профессиональной и интеллектуальной легкости.

Он начал с провинцализма русской литературы, которая замкнулась на своей самодостаточности. Это — один полюс, другой «Марбург», как тенденция, но тенденция, которая не слабее многого на Западе. Это, конечно, круто. Интересны были его многочисленные уточнения, которые окружали его речь. О Шолохове и Бродском, об английском языке, как языке черни, о европеизме литературы и пр. и пр. Вот всегда так, все записываю, а когда касается меня, отношусь с легкомыслием. Утешает то, что никогда ничего подобного не услышат в свой адрес ни Дима Быков, ни Оля Славникова, очень крупные мастера пиара. В качестве примера Илья отчего-то приводит француза Мишеля Уэльбека, публикующегося у нас на русском. Сам Илья читает его на французском. Для выпускника Лита, не переводчика, два языка это не слабо. Рассказывает содержание и вдруг — в этот момент Александр Николаевич Шаталов, который в своей передаче элегантно бросает не понравившуюся ему книгу в мусорную корзину, может отдыхать, разрывает на две части роман Уэльбека. Мне нравится смысл того, о чем говорит Илья, но не уверен в его действиях.

За столом, который был накрыт в том же самом кафе, все хорошо и славно

говорили, директор магазина Есенькин, заглянувший на огонек, подарил мне новый альбом о Моцарте. Есенькин вообще производит на меня собранностью характера сильное впечатление. Сам факт организации такого огромного дела тоже за себя говорит. На обратном пути помог мне нести рюкзак Олег Цибулько, это был единственный студент, который пришел, хотя свой семинар я звал весь.

10, 11, 12 июня, суббота, воскресенье, понедельник. В Обнинске, в теплице, на прогулке вдоль реки, опять подвязываю

помидоры. Наконец-то переехал в маленькую комнату, которую строю уже несколько лет возле террасы, возле спортзала. В спортзал перенесли даже шведскую стенку. Благодать одиночества. Блаженство лежа читать и после каждой прочитанной работы на пять минут выходит на воздух.

Щербинин Илья, 1986, Новосибирск. *+ +. Редчайшее сочинение о народной жизни, о селе. Ищут метеорит. Все сплелось: судьба мальчика, народная речь и обычаи, село, сегодняшняя жизнь, фантастика, юмор, трагедия, случай, приметы, природа, смерть и сверхъестественное. Ощущение письма крупного мастера. Свой язык и интонация.*

Шестакова Дарила, 1988, Архан. обл. Нет. Чудовищный язык. Если бы писала просто, а ведь пишет про животных и работу-ветеринара. Ах, этот психологизм! Нет.

Клемантович Дарья, 1989, Чебоксары. Нет. Бредовое, «романтическое» содержание и чудовищный «романтический» язык. Ни тени соприкосновения с жизнью и современной литературой. Один компьютер. Что же преподают в школе? Нет.

Ганъжина Татьяна, 1989, Екатеринбург

Нет. Опять принцесса, восточное царство, поклоны, реверансы, волшебные города. Но все это еще написано компьютерным языком, как бы перевод с английского. Решительно нет.

Саратова Данута, 1987, Тула. *Независимо от весьма сомнительного содержания — обсказ некого общества будущего. Здесь полно своих штампов — язык повествования чудовищно далек от привычного, от жизни. Это какое-то интеллектуальное нездоровье речи, которое невозможно исправить. Все привычно, штампованно и плоско. Нет.*

Щеглин Кирилл, 1986, Москва. *+. Не только хорошо написанная повесть или рассказ из жизни кадетов: и наблюдательность, и юмор, и видение, и своя интонация, и хорошая фантастика, «туман войны»: противники под влиянием наркотиков иначе видят друг друга — из-за этого война. Да. + + +*

Шестакова Дарила, 1988, Архан. обл. *Нет. Чудовищный язык. Если бы писала просто, а ведь пишет про животных и работу ветеринара. Ах, этот психологизм! Нет. —*

Кетер Александр, 1969, Москва. *Да. Художественное исследование по поводу так называемых «детей индиго». Больше рационального, чем художественного, но все довольно гладко. Скорее всего, учиться не будет (36 лет). «Да». +.*

Между этим чтением поместился обед, ужин, даже баня, телевизор потерял для меня всякий интерес, также как и политика, за чем-то слежу только по инерции и по природной,

русской мстительности к неправде и мздоимству. Мы все ждем Божьего суда, именно Господь должен за нас отомстить, ну, хорошо, навести порядок, потому что сами мы нерешительны и неактивны. Иногда он действительно просыпается и протягивает к нам всемогущую длань Пока снят генеральный прокурор Устинов. В преддверии выборов президента и выборов в Думу Господь занялся коррупцией.

Литвинова Алина, 1989, Калининград. Да. Внесоциальная, однообразная проза: ОН и ОНА. Только об этом. Иногда с таким опытом и настойчивостью, что начинаешь задумываться: кто же автор? «А помнишь сны, помнишь сны о молчании?» — первый рассказ: здесь всему веришь: молодая девушка и парень постарше. Это и самое убедительное. Дальше — скорее грамотно, нежели спонтанно. Но не хуже, чем у других допущенных к экзамену абитуриентах. Смотреть тексты при проверке этюда. Язык однообразен по лексике и синтаксису. «Да».

Наранович Станислав, 1989, Москва. *+. Да. Занятный для его возраста паренек — он занят психологией творчества. Вместе с тем в его небольших рассказах жизнь современной, особого уровня, московского, молодежи. Встречи, обычаи, тусовки. Занятным является фрагмент на 18-й странице: молодая девушка попадает в творческий вуз (видимо, Лит), сдав чужие работы. Много, однако, в рассказах абитуриента не интуитивного, а головного, знает, читал, представляет. Да.*

Брановец Иван, 1984, Москва. *+ + +. Знает слово, видит, современен, держит внимание читателя. За всем своя, горькая мысль. Умный человек-человек с языком. «Да».*

Бова Кристина, 1987, Москва. *+. Лучший рассказ — «Капля в море» — о девочке, продавщице в зоомагазине. В остальных есть холодность, расчет, нет спонтанности, которая обязательна у писателя. Кроме этой «Капли» все холодновато. Тем не менее «да».*

Палкина Анна, 1980, Москва. *+. Рассказы одного приема: когда читаешь, интересно, прочтешь, сразу выпадают из памяти. «Очки» — «некто» в банке, любит читать, заканчивается трупами; «Эх, не перевелась богатырская сила на Великой Руси» — анекдот о женщине, борющейся с медведем; «Сумерки» — не родившийся ребенок. «Один день из жизни фотографа» — ряд эпизодов: пес Моисей, парень, который бросился с крыши. Переписываю названия рассказов, чтобы лучше понять, что передо мной за будущая писательница. Ей 22 года, она старше почти всех, хотя есть дар слова. Допускать не хочется, но оснований это сделать нет. «Да».*
+

Уже в три часа дня выехали из Обнинска. Какая-то дурь кинула меня возвращаться по Киевскому, а не по привычному

Калужскому шоссе. Ехал через сплошные пробки. Пробки любят возникать возле тех мест, где стоит милиционер, делающий вид, что регулирует движение. Тем не менее, рядом с ним, с его постом, нарушая рядность, по обочине, поднимая пыль, одна за другой катят и катят машины, которые не хотят ехать с общей скоростью. Я тоже так иногда поступал, но в своей психологии в этот момент разобраться не могу. А вот когда подобны образом поступают вокруг, меня это раздражает невероятно. Я все время думаю о людях за рулем. Кто они, какой их социальный или образовательный статус? Единственно утешение за время томительных часов за рулем это передача об интеллектуальном потенциале России, которая шла по «Маяку». Разговаривали Лева Аннинский, который был амбивалентен, т. е. диалектичен, как обычно, и директор института искусствознания Алексей Ильич Комич. Вот уж кто бескомпромиссный боец, Девушка ведущая в день России все наезжала на него с неким позитивом, который принесла нам якобы свободы, а он все лениво, как лев с шавкой, с нею играл, приводя все новые и новые данные полного пренебрежения правительством сферы культуры и науки. В том числе приводил данные по зарплате в своем институте. Чудовищно. Как бедная девушка старалась, чтобы ее собеседники что-нибудь высказали во славу случившемуся пятнадцать лет назад государственному перевороту! Ни слова. Комеч был, как скала.

ЛебедевВиктор, 1987, Оренбургская обл. *+. Да. Здесь редкая подлинность и самобытность интонации. Маргинальная литература. Хороший, но бедный парень попадает в банду. «Святочные» мотивы, как и положено, подобной литературе в конце: больная мать выздоравливает, парень уходит в честную жизнь, похищенное возвращается. Стихийное христианство. «Да». — +.*

Вечером, когда приехал, пошел мыться, у нас на месяц отключена горячая вода — к Юре Авдееву. Перед этим ходили с ним в «Букафе» — дорого, но зато все декорировано книгами, в основном альбомами, которые можно рассматривать.

13 июня, вторник. Утром отвозили Клавдию Макаровну, мать СП. в 1-ю градскую больницу. У Клавдии Макаровны, она еле ходит, но операцию, такую же, как сделала себе Барабара в Германии и Генриетта Карповна в Гатчине делать не хочет. Вахтеру у шлагбаума дали «барашка», 20 рублей и он без объяснений машину пропустил. Я не знаю что лучше, вот так за крошечные деньги, или как при советской власти с кучей звонков, объяснений и согласований. Пока ожидал, когда закончатся все формальности и ее положат, прочел две работы абитуриентов.

На работе Е.Я. быстро продиктовал три страницы для «ЛГ» и начал кафедру. Опять не было Вишневской, Дьяченко, Куняев в отъезде, Королев в Праге, Толкачева, Тиматкова, Арутюнова, Варламова, но до него, возможно. не дозвонились, он новенький. Говорили о заканчивающемся учебном годе, о необходимости каждому написать по работе о своих принципах методической работы и прочее. Николаева рассказывала о своей поездке на Кубу, а Саша Сегень о поездке в Китай. Из новых для меня деталей — Харбин, где восстановили историческое название центральной улицы города — улиц Гоголя и русский клуб в Шанхае. Именно за счет русского клуба издал Сегень свою новую книгу. Я слушал все это с большим удовлетворением, но это далеко не всем интересно. На кафедре пили чай с пирогами, который принес Саша Сегень. Повод — он у нас стал штатным преподавателем.

Попутно переговорил с Михайловым и Седых о возможной кафедральой книге, уже кое-что мне ясно. Историческую часть будет делать Г.И., а мы с Сашей центральную, методическую. Я совсем не нацелен на халтуру. Перед этим имел опять разговор с БНТ о составе группы и оплате. М.В. Иванова твердо не хочет, и в данном случае она права, стать «начальником», роль которого только отчет. У нее проект по реформированию деканата. По-новому сформулирован проекте приказа о гранте. С чувством удовлетворения заметил, что на тысячу рублей сокращена оплата бухгалтерии. Слава Богу, догадались и, видимо, подействовали мои резоны.

В три часа начали сессию по защите дипломных работ на заочном отделении. Защищались студенты Киреева и Кострова. Оба мастера хорошо ь и умно говорили. Оба о современном литературном процессе. Речь Кострова я пунктирно успел записать. Он в частности говорил об исчезновении в современном стихотворении того, что Пушкин называл простодушием, о размывании формы. Количество и упор на метафору еще не делает стихотворение фактом искусства. Скорее всего, это мысль о примате чувства. Во время зашиты возник спор между Олесей Николаевой и Турковым. Суть в том, что Галя Седых, она без этого не может, сильно лоббировала Свету Ворошилову неплохую поэтессу и гражданскую жену погибшего Сережи Королева. В ее стихах очень много наворотов, которые при всем их кажущемся глубокомыслии и остроте, по сути, мысли никакой не несут. Но Олеся Александровна запела, запела, и в своем выступлении Турков достаточно жестко об этом сказал: смысл, точность выражения, простата — вот Бог поэзии.

На обратном пути из института, когда я Туркова подвозил до

дома, мы очень хорошо с ним, как всегда поговорили. Грусть об уходящих сверстниках и старших товарищах. Я спросил о Бакланове, Турков сказал, что два года назад ему вырезали почку. Так стало жалко человека. Все связное с собственными обидами я позабыл.

Кутыкова Татьяна, 1989, Алтай. *К сожалению, очень трудно говорить о литературы. Очень низок вкус к слову «Маша сидела в роскошном мягком кресле на балконе своего огромного дома в центре города. В ее фужере искрилось и не спеша (?) перекатывалось вино». Все по слуху, по новостям, по ТВ! Бледный язык.*

Красильникова Яна, 1989, Московская обл. *Нет. Это еще один пример, когда возраст, а отсюда недостаток жизненного опыта, становятся преградой. Писать нечего. Зарисовка про кота, но в работах других абитуриентов коты были лучше. Решительное «нет», хотя претензии девочки понятны. Нет*

Тихонов Сергей, 1986, Москва. Для меня — «нет». Для 2 курсов факультета журналистики и семестра в Лите, для 20 лет этого маловато. Исключительно зациклен на себе, рефлексия, иногда интересная, но все вокруг собственного «я». Будто бы объективного мира не существует, только мой внутренний. Тихонов смотрит на Тверскую через окна Макдональдса. Амбивалентность зрения — самое интересное в подборке. Вторая половина ее — это дневниковые записи, которые могли бы быть интересными, если бы крупнее была личность. Через пару лет, возможно.

На выходе из дома встретил своего соседа профессора-математика из МГУ. До метро говорили о профессорских зарплатах, о будущем нашей науки. Перспективы, несмотря на весь треск по телевидению президента и других чиновников, неутешительные. Платят в МГУ приблизительно столько же, сколько и у нас, тысяч двенадцать. Мысль профессора заключалась в том, что подобные зарплаты не удержат молодежь. Будут ехать на запад и восток. Профессор привел пример: если в Америке предпринимателю надо решить, кого взять в лабораторию местного китайца, гражданина США, получившего образование в этой стране или нашего недавнего студента, то предприниматель возьму нашего. Китаец, конечно, будет усердно работать, но наш что-то придумает и решит проблему. Я задал прямой вопрос: у нас, русских действительно такие замечательные мозги от природы? Ответ был такой: мы не глупая нация, но за годы советской власти возник некий социально-генетический феномен. Личность могла проявить себя и быть самостоятельна, жить немного по-другому, чем все, только если

человек занимался наукой или преподавал в высшей школе. Вот так и возник некий поразительный отбор — лучших. У нас собралась уникальная школа преподавателей.

Приехал к В.С., сумел пройти в корпус. У нее сняли с руки швы и вчера попытались «разносить» новую фистулу. Я всегда думаю, что лучше бы все случилось со мной. Я привез В.С. бельишко и газеты, а она в ответ сразу же принялась меня кормить и поить чаем. Сидел у нее до часа и поехал в институт, где в три начиналась защита дипломных работ, в половине шестого семинар со старшими «иркутами», а в семь я и Максим должны выступать в Доме Булгакова. Зачем я со своим заиканием согласился что-нибудь там прочесть?

Защита прошла довольно обычно, необычными оказались только два диплома: Л.В. Дорохина, ленинградка составила свой диплом из критических статей. Я сунул в них свой нос и сразу немножко обомлел. Все это значительно интересней, чем наша студенческая выморочная проза. Потом, когда мы подводили итоги, именно я настоял, а А.М.Турков с этим согласился, дали девочке «отлично». Второй диплом отличался совсем с другой стороны. Здесь с прозой, с повестью «Женщина с ребенком» защищалась молодая некая О. Дробышевская. Это был какой-то нелепый сериал. Кстати милая дама работала на телевидении. Позже я спросил у нее, член ли она просто творческой группы или сидит на «оценке». Оказалось, что у нее своя маленькая передача. Был довольно жесток и сам руководитель Ю.Апенченко, и Б.Анашенко, оппонент. Я не утерпел и сказал, вот мы понавыпускаем с дипломами Литинститута подобных молодых дам, а потом, когда мы же к ним придем, они нас начнут учить как надо, потому что у них в руках диплом именно Литинститута.

К моему удивлению вечер в Доме Булгакова прошел успешно. Я не ожидал, что я сумею так хорошо прочесть два рассказа из «Хургады». Но все дополняли и вели замечательные стихи Максима.

Нечаев Алексей, J 986, Москва *+ +. Одинаково хорош, как в серии притч, умных, глубоких и точных, так и разворачивая свою повесть об альпинистах. Со словом все в порядке, оно, как бывает у певцов с голосом, поставлено от природы. Единств, недостаток слишком умен, отсюда некоторое стеснение, ирония и не прямой рассказ. + +. «Да».*

Балихипа Анастасия, 1989, Москва

Нет. + —. В подборке два, условно, рассказа, написанных с предельной уверенностью. Первый — «Бой продолжается» про две войны некого Стенли: подлинную, с врагом и уже старого Стенли со стаей молодых парней. Второй рассказ — «школьный», в основе

лежит та же мысль, что у Г.Успенского: жизнь и соприкосновение с большим искусством. В обоих рассказах есть некая искусственность, определенная боязнь сегодняшней жизни. Для меня — «нет».

15 июня, четверг. Очередной вне привычного для всех расписания — последний четверг месяца ученый совет. Все обычно, довольно рутинно, мне показалось умно, но без полета прочел Слово о Киреевском Александр Зимин. Параллельно пили чай с бутербродами и голосовали на должность наших преподавателей. В том числе было много кандидатур по нашей кафедре: Лобанов, Костров — профессор, Михайлов, Агаев, Королев доцента. Л.М. — на должность заведующего кафедрой. Здесь, при подобных голосованиях, действует звание молчаливое соглашение нейтралитета, все понимают время, когда работа — это все и понимают, что оружие голосования это инструмент обоюдоострый. Результаты были замечательно однообразны

ни протии кого не было ни одного голоса, все «за». Расстроила меня только внутренняя политика ректора, БИТ, которую он объявил. Здесь опять любовь к авторитетам и мысли о своем внедрении в иную среду. Опять о некой помощи со стороны, опять попытка привлечь к институту Союзы писателей. В сентябре собираются созвать конференцию, с участием всех союзов. Я-то помню, что все союзы только и думают о возвращение института под их державную и нищую руку. Судя по всему, БНТу очень нравятся многочисленные совещания и собрания. Рассказал о своей встрече с В.Бавыхиным (?), потом о собрании ректоров, на котором выступал и Путин. Это было интересно, потому что еще делал доклад и Садовничий. Все это очень корреспондируется, как сейчас говорят, с вчерашним утренним разговором с моим соседом-профессором. На ученом совете пришла в голову мысль, что институт, его глобальные интересы от меня отчалили, надо заниматься учениками и самим собой. После совета была Лариса Ягункова, мы говорили с ней о Горьком, сказать мне кроме самых общих слов мне о нем нечего.

Домой шел по бывшей улице Горького и зашел в «Москву». С большим трудом разглядел на полке, отмаркированнй буквой «Е» среди обоих Ерофеевых свою книжечку. Наверное, мой звонок Н.Л. с просьбой обратиться к ее приятельнице директору «Москвы» поставить мою книжку получше, был напрасным. На авансцене рынка совсем другие книги, которые, думаю, не являются литературой.

Вечером из Парижа звонил Толя Ливри. Потерял со мною связь и не хочет теряться. Всех мои перипетии знает. Попутно немножко жаловался на Славу Огрызко, который внезапно и

немотивированно прекратил с ним связь. Ну, чего здесь сказать? Огрызко есть Огрызко. Несколько дней назад Олеся Николаева говорила мне о некой, не читанной мною, статье Огрызко, в которой он, с присущей ему манерой собирателя слухов и тайного завистника любому литературному успеху, ответил на присуждение Николаевой премии. Причем, видимо, воспользовался здесь как материалом цитатами из моих Дневников, я полагаю вне контекста, потому что наши отношения много раз менялись в зависимости только от отношения к студентам и моего видения учебного процесса. Как, впрочем, менялась и сама Олеся Александровна и менялся я сам вместе со своим отношением к людям. Олеся Александровна мне попеняла по поводу этой публикации Огрызко с моимиинвективамииз Дневника. Я подумал о нечистоплотности редакторе «Советской России»: со мною в ссоре, о Дневниках, в зависимости от конъюнктуры, отзывается плохо, а везде цитирует. Хороша птица!

Вот что я начитал за сегодня.

Сергеева Аврора, 1988, Москва

Нет. К сожалению. Благие намерения описать военное время, эвакуацию. Но! Очень не в порядке язык и нет ощущения правды и изменчивости мира: деревенское окно в войну затянуто полиэтиленом. Много неправды, не собранный сюжет. Решительное «Нет»

Вишневская Анастасия, 1987, Санкт-Петербург

+. Хорошо держит тон, спокойное, умное письмо. Девочку интересуют не картина жизни, а и комментарии к ней. Между прозой и публицистикой. Судя по некоторым высказываниям в тексте — дочь рабочих. Это вызывает у меня сочувствие. Отказывать оснований нет. Пусть пробует. +

Вечером из Парижа звонил Толя Ливри. Потерял со мною связь и не хочет теряться. Всех мои перипетии знает. Попутно немножко жаловался на Славу Огрызко, который внезапно и немотивированно прекратил с ним связь. Ну, чего здесь сказать? Несколько дней назад Олеся Николаева говорила мне о некой, не читанной мною, статье, в которой Огрызк, с присущей ему манерой собирателя слухов и завистника любому литературному успеху, ответил на присуждение Николаевой премии. Причем, видимо, воспользовался здесь как материалом цитатами из моих Дневников, я полагаю вне контекста, потому что наши отношения много раз менялись в зависимости от отношения к студентам и моего видения учебного процесса. Как, впрочем, менялась и сама Олеся Александровна и менялся я сам вместе со своим отношением к людям. Олеся Александровна мне попеняла по поводу этой чужой публикации с моими собственными

инвективами из Дневника. Я подумал о странной позиции редактора: со мною вроде в неприязни, о Дневниках, в зависимости от конъюнктуры, отзывается плохо, а везде цитирует.

16 июня, пятница. Абитуриентов читаю уже с ненавистью. Даже когда я кого-нибудь хвалю, это мало что значит, планку приходится искусственно занижать.

Гарипова Асия, 1986, Татарстан

+. Головная, сухая, с усредненным языком проза. Некие алгебраические задачи, впрочем, успешно решаемые. Одна из таких задачек — фантастика: любовь с инопланетянами. Вопрос не в том, чтобы взять, а наоборот… Но здесь — как распорядится Бог и Случай.

Калинина Наталья, 1982, Юрьев-Польский

Проще пареной репы — отказать, тем более, что название, казалось бы, говорит за себя: «Крик души или Маленькое чудовище». Однако все не так просто. Центр повести — это дневник «чудовища», которое было изнасиловано с согласия матери отцом и жестоко отомстило. Картины убийств и «расчлененка». Здесь же два огромных комментария: один — рассуждения о любви, другой — о смертной казни и терроризме. Какое-то во всем новое веяние в литературе: документ и вымысел. Язык плотный, хороший. Аб.24 года. Вполне ли она здорова? Но не в этом дело. «Да»

Клюева Анастасия, 1989, Москва

Нет. Как надоело это однообразно-рассчитанное письмо, с правильно расставленными словами, со скудным смыслом. Это все так далеко от нашей жизни, даже имена какие-то вымышленные. Все крутится вокруг собственной нездоровой рефлексии. Нет

Цорин Николай, 1988, Моск. обл.

+.Да. Прелестные страницы («Птенец») о 5-летнем мальчике, упорно хотящем летать, а вот второй отрывок с драконами, видениями, карликами значительно хуже. Много путаного.

Семина Анастасия, 1987, Москва

+ + +. Без претензий. Прочел от начала до конца. Интересно: молодежь, дневник девочки, которая, оказывается, больна СПИДом. Ясная, выразительная форма, социальный фон. Хорошо компонует эпизоды. Простой, выразительный язык. В будущем еще много напишет.

Байдикова Александра, 1986, Бронницы

+. Да. Пожалуй, можно принять первый рассказ «Мечтатели», потом цепь сюжетов, основа некоторых — видения, наркотические сны, психическое нездоровье. Все напоминает плохо и не

талантливо воспринятую фантастическую прозу, здесь же Берроуз и американцы 70-х. Куда эту прозу потом девать, не представляю. Установка на шедевры и исключительность, но, как говорит Антонов, придерживаясь масштабов Лицея и наших подготовительных курсов, «может писать живо». Да.

Ну, уж я себя запустил, так запустил! Был у Эллы Ивановны зубного врача, парадантоз у меня, оказывается, цветет. Что-то Элла Ивановна мне помазала, перенаправила к даме, которая займется моими деснами, и договорились встретиться аж 3-го июля. Все уходят в отпуска, я не вижу и надежды. И впереди еще огромная верстка моих дневников. Но, правда, слава Богу, осталось лишь несколько работ абитуриентов.

Вечером ездил на метро в Центр драматургии и режиссуры, в театр. Мне все больше и больше нравится общегражданский метод передвижения по Москве. Машину беру только в случаях, когда сразу же надо посетить много мест в одном районе. В Центре играли спектакль, финансирование которого проходило через экспертный совет «Новая сцена». Вот уж действительно не зря потраченные деньги. Какой спектакль, какие актеры! Как зажирели и как цинично ведут себя старые носороги, ничего почти не отдавая молодежи. А настоящее, дающее энергетику и мысли искусство только у нее. Играли «Героические деяния и речения доблестных Пантагрюэля и Панурга». Два актера, одного из которых, Глеба Подгородинского, я уже давно видел и отметил Чацким в Малом театре. Но рядом с ним другой, просто гений, русской сцены — Алексей Дубровский. Большой, в отличии от Алексея, светлый и очень пластичный парень. Что они только на сцене не выделывают, как органично, с какими поразительными нюансами. Я поклялся себе, что добьюсь для них какой-нибудь премии. Режиссировал спектакль совершенно неизвестный мне, видимо, тоже молодой Олег Юмов. И после всего этого мы еще говорим о какой-то выдающейся актерской работе у Нееловой в «Шинели» и выдающейся режиссуре Фокина. Если по-настоящему и надо давать кому-то «Золотые маски», то только подобным ребятам. Перед глазами стоят у меня замечательные руки и улыбка Дубровского. Оба парни бравые, оба хороши!

17 июня, суббота. Что сказать после целого дня чтения лишь нескольких работ абитуриентов? Как должно быть счастлив писатель, нигде не работающий, которому судьба дала на прокорм и ведение свободной деятельности. Эта работа, которая, по словам Моэма, является для писателя лучшим наблюдательным пунктом, еще и изматывает писателя, обескровливает его. А может быть, это зависит от человека, от его отношения к обязательствам, которые он на себя взял. Сколько

раз я видел у своих знакомых и друзей, даже своих сослуживцев «быстрое», «небрежное» отношение к делу, так выкраивается время для себя, для работы.

Мысли эти возникли у меня после чтения двух материалов в 6-м номере «Нового мира». Это большая статья Виктора Есипова «Сановник и поэт. К истории конфликта Пушкин с графом М.С. Воронцовым» и «Все тот же спор. Неопубликованное письмо Лидии Чуковской Давиду Самойлову». В первой история вопроса и конфликт, закончившийся высылкой Пушкина из все-таки «культурной» Одессы с ее обществом и оперным театром в глухое Михайловское. Но главное — вечная невозможность занимающихся разными видами деятельности людей понять друг друга, разные масштабы взглядов, неумение заглянуть в заботы другого. Есть от этой статьи, всецело и полностью, что, наверное, и справедливо, стоящей на стороне Пушкина, и некоторый осадок обиды за чиновничество, без которого и жизнь была бы невозможна для «гуманитарных» людей, и деятельность которого (чиновничества) в судьбах отечества по-своему значительна. Справедливы слова Ахматовой, что истории и жизни многих людей упокоились в понятии «век Пушкина», но и труды Потемкина, важны не только в альковной службе, и Воронцов известен не только как «гонитель» Пушкина. Я полагаю, там, за чертой горизонта они, как тени одного времени и близкого масштаба разберутся друг с другом скорее.

Письмо же Л.Чуковской открывает глаза на другого Солженицына, показывает его как иной пример. Сколько, оказывается, к недоброжелательству по отношению к нему примешивалось писательской завести. Человек ощутивший себя гнием, и дотягивающийся до этого звания. Но здесь надо от чего-то отказываться.

Теперь — «улов» за день.

Шкудов Василий, Москва

+ +. Да. Вопрос: допускать или не допускать при чтении решается довольно быстро. Но сразу же пора представить, что делать с абитуриентом дальше, если он станет студентом. Во-первых, у этого хорошо пишущего парня иной, чем у большинства возраст — 22 года и два курса вуза, вызрел… И во-вторых, очень большая концентрация на себе, именно на своем духовном мире. Преимущ. детские картины: мать, детская площадка, детство. Как наваждение — бумага, лист. Характер типа эссеистско-философский, беллетрестический. Вот так и будет писать. Таких ребят уже много.

Морозова Екатерина, 1989, Москва

+. И маленькие рассказики, и сказочки, и абсурдистские

штудии, и фантазии — все не ровно. Нет жизненного опыта, что-то изобретает. Понравились люди в зеркалах, ктайцы. +. Да. Но слабовато.

Печко Светлана, 1978, Москва

+ + + Прочел все — это часа четыре-пять, хотя можно было бы этого и не делать, все ясно после первых десяти страниц. Печко С.О. — профессионал, талантливый, умный, разнообразный в письме. Мне лично учить ее нечему. «Долгожданный отпуск» — прекрасное захватывающее сочинение, умный «женский» роман, полный иронии, знания жизни, сегодняшнего дня и понимания мира женщины и мужчины. В семинаре с ней возникнут сложности. Самое место — ВЛК. Естественно + + +. Да. Но лучше не брать

Насибуллина Гульнара, 1988, г. Октябрьский

Нет. + —. Но, скорее всего, категоричное нет. Это изящество стиля, оснащенность лит. образами и именами, эти тонкие, с изысканными чувствами девушки стали общим местом этого набора. Почти все они мило складывают фразы, у всех претензии, у многих место действия: палата для душевнобольных, большинство из них начитанны и составят сильную конкуренцию тем ребятам, которые по-настоящему могли бы стать писателями.

Для моего семинара «нет».

Монастырева Людмила, 1984, Волгоград

Нет. Ни одного слова про сегодняшнюю жизнь. Традиционная филологическая, вернее, проза по филологии. Все гладко, но ничего не трогает. Нет

18 июня, воскресенье. Утром с С.П. отправились в большую прогулку по нашим полям и тропинкам. Погода хорошая, река полна свежести. Я-то встал уже в шесть утра, и к этому времени и почитал, и сделал зарядку. Возле реки, где мы прежде гуляли с собакой, тишина. Даже купальщиков в этом году почти нет. Лишь на той части поля, которая арендована корейцами, кипит работа. У них уже довольно крупные кустики кабачков и капусты.

Рано приехали в Москву. В почтовом ящике вырезка из «Коммерсанта», которую мне положил Ашот: умер Давид Никитич Кугультинов. Перед этим, как пишет газета, ушли Расул Гамзатов, Мустай Карим. С этими именами и рухнула многонациональная советская поэзия. Такого больше никогда не повторится. А ведь этих поэтов знала вся страна!

Уже несколько дней хожу с книжкой Гачева в рюкзаке. Все, конечно, я читать не буду, чтобы не продолжать смертельно завидовать, но в цель, то-есть в меня он попал сразу. Почему люди так одинаково иногда начинают думать? Значит, есть какая-то объективность в искусстве. Или ее диктуют общие для всех,

универсальные навыки.

19 июня, понедельник. Основное, превратить собственную жизнь во что-то радостное, не хмурится и не гневить Бога своим вечным брюзжанием. Ну, что делать, и у всех жизнь не простая. Утром был опять у зубного врача. Уютная очень немолодая женщина, ловкая и сноровистая, внимательная и профессионально ласковая: зуб называет «зубиком», следит, чтобы пациент отдохнул. Сразу же после врача поехал в университет «Туро» повидаться с Ренатой и только что приехавшей Соней. Они меня одарили замечательной, в металлической коробке рубашкой. Сидели, долго разговаривали о театральной и научной судьбе Сони. Так приятно было видеть эту исступленную заботу матери о будущем дочери. В университете же я и пообедал, бесплатно, как гость. Вот он прекрасный порядок без так называемой демократии: чистота, дисциплина, предельное внимание преподавателей к студентам. И случая быть не может, чтобы кто-нибудь из преподавателей не пришел на заседание кафедры. И — если ты отпросился на час, значит не до конца дня, а на час. Работой здесь называется не времяпровождение, а работа.

У нас в Лите тишина. Миша подготовил акт «Передачи-приемки дел и материальных ценностей государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Литературный институт имени А.М.Горького» (Приказ N 198 от 16 июля 2006 г.). По сути это список того, что я в институте сделал. Смешно было бы мне все это описывать. Сейчас это все лишь пункты и строки в бумагах, за всем этим моя кровь и здоровье. Все делалось с трудом и напряжением. Говорили с БНТ о характере работ абитуриентов, он всегда слушает с огромным вниманием, как бы подзаряжается. Все помнит, имена, фамилии, даты. В этом смысл они очень похожи с С.П. Потом БНТ начал меня расспрашивать, почему не делают электропроводку, которую обещали сделать после звонка Эрнста в прошлом году. А потому что с Матвеевым, его любимцем, никто не хочет считаться, потому что ему в это надо включаться самому.

Вечером немножко работал над романом. Герой уже обошел театр Пушкина, не нашел окон квартиры Швыдкова, в которые хотел бросить дохлую кошку и вспомнил об Алисе Коонен и Таирове.

По телевизору все время про какие-то очередные убийства и о смене Генерального прокурора. Теперь им стал Чайка. С чувством глубокого удовлетворения наблюдаю за тем, как с паузой в 6 лет снова стали ворошить дело «Трех китов» — беспошлинныая провозка мебели. Пресса говорит, о том, что это дело снова

инициировано с подачи президента. С этим же связывается и уход Устинова. Хорошо помню, как С.С. Федотов наставлял своих подчиненных скорее, скорее заключать договор в Китае на книжку Генпрокурора о гибели «Курска».

Пришло письмо от Толи Ливри со стихами. Он также пишет, что ему предстоит какой-то литературный процесс. В его письме есть и такая строчка: «Мне передали из Сорбонны «Новый мир» (10–11 номера за прошлый год) с вашим МАРБУРГОМ, от которого я был в восторге. На новогодней передаче парижского радио courtoisie, когда речь зашла о современной русской литературе, я говорил о нем».

20 июня, вторник. Сегодня день рождения у Людмилы Михайловны. С утра ходил в магазин покупать ей подарок. Купил с некоторым тайным значением три тефалевых кастрюли. Все время в подтексте стояло: «Мастерица варить кашу». Что-то туманное я сказал и на вечере, который собрали в зале ученого совета. Еда, как и всегда, была самого лучшего качества, домашняя. Я налегал на рыбу. Довольно демонстративно я сел в конец стола на самое неудобное место. Неподалеку от меня сидели неразлучные коммерческие друзья Ирина Николаевна и Владимир Ефимович. Чтобы их не смущать и не ворошить недоброжелательность, — а я прекрасно понимаю, за что они меня недолюбливают, и правы, — я довольно быстро ушел. Почему-то как никогда Зоя Михайловна, моя боевая подруга, говорила самым своим неестественным голосом. Из тостов можно было бы отметить только умницу Олега Кривцун. Он подарил книжку, которая, кажется, называется: «Искусство поцелуя».

21 июня, среда. Еще две, чуть ли «не самые последних» из работ абитуриентов этого года прочел в метро по дороге в больницу к В.С. К сожалению, работы не слишком удачные.

Онищенко Анна, 1979, Москва

Бесконечный монолог, посвященный себе, любимой и исключительной. К сожалению, эта «песня» не является ничем, кроме частного случая. Другого мира и жизни нет. Огромное количество «красивостей», штампов. Нет писательского зрения и глубины. «Нет».

Евдокимова Нина, 1987, Челяб. обл.

А проза здесь причем? Очень мило для журналистики в самом начале пути, но очень уж заштампована по мысли. (см заметки по тексту). Да, да

Данилова Дарья, 1989, Калиниград

Есть несколько («Игрушечная история», «Исповедь Бабы Яги») очень милых рассказиков, все остальное тонет в восторженной студийной эстетике открытия для себя феномена гладкого

литературного письма. Опять, как много раз прежде, появился некий Ангел, опять страдает от неразделенной любви и вулканизирующих желез внутренней секреции девичья душа. «Нет».

Наконец-то понял, что такое «искусственная фистула» — это похоже на вена, которую вытащили из тела и прочистили. В.С. делали операцию под местным наркозом, и она слышала, как врачи говорили, что «вена не идет и ее надо тащить интенсивнее». Возможно, что она уже в четверг приедет домой. 28-го июня ей сделают новую операцию, заглушат старую фистулу. Слава Богу, кажется, заработала фистула новая. Эта очередная, девятая по счету операция должна пройти значительно легче, чем предыдущая. С В.С. поговорили о политике, о радиостанции «Эхо Москвы». В.С. слушает сейчас именно эту станцию вместо еще недавно слушаемой «Свободы». Я покатывался, когда она рассказывала, как Доренко, который сейчас коммунист, вел передачу о вице-спикере Любови Слизке. Особенно хороша здесь была ленинская цитата из «Государства и революции» о том, кто может в России управлять государством.

Естественно, еще до всей этой лакомой политинформации В.С. напоила меня чаем и накормила двумя горячими пирожками, которые она купила к моему приходу в буфете.

В институте начал с того, что вместе с Л.М. попил чаю с большим куском ее вчерашнего именинного торта.

Еще вчера начала разыгрываться довольно странная история с Сережей Гридневым, сегодня она получила свое завершение. Раньше, пока я еще был ректором, я бы ее, эту историю описал поделикатнее, но теперь мое положение изменилось, я получил возможность описывать все наиболее близко к моему собственному видению. Многое также прояснилось и в моем статусе, и в отношении ко мне ряда людей. Не только Владимира Ефимовича, который, естественно, боится моего знания или хотя бы моих предположений относительно его хозяйственных проделок, но и иных персонажей, внутреннее недоброжелательство которых я чувствую. Собака вряд ли залаяла бы, если бы хозяин не разрешил. Чувства, которые обуревают хозяина, я прекрасно понимаю. Каждого определяет то, с кем он дружит. Это вполне понятное для многих предисловие.

Сережа Гриднев, который только что получил аттестат за 9 классов и который получает самую маленькую зарплату из всех наших рабочих — 6000 рублей, при официальном прожиточном минимуме в 5500, подошел в В.Е. и в своей мальчишеской манере, имея, конечно, в виду, что тот к нему хорошо относится, попросил добавить. В.Е. вроде бы сходил посоветоваться с

Людмилой Михайловной. Людмила Михайловна, с которой я сегодня разговаривал, сказала, что Гриднев не платит свою тысячу рублей за общежитие и поэтому, дескать, пусть едет к себе на Дон. С этим В.Е. и пришел к Сереже, который тут же написал заявление об уходе с 1-го июля. Мне конечно жалко команды, которую я с трудом, соблюдая определенный баланс всех интересов, собирал, но, боюсь, дело здесь в другом.

Сегодня же мне стало известно, что В.Е. хотел бы, чтобы из института ушел и Витя Вотинов, через которого до меня могла докатывается кое-какая информация. А Витя, между прочем, почти идеальный работник. Но есть и более простая гипотеза. Внутреннее недовольство мною. Я раздражаю уже тем, что сами раскрылись во время выборов ректора, а теперь наступило некоторое душевное волнение. Ушел крепкий специалист, Толкачев. Институт теряет доктора. Уходит, конечно, не только как человек недовольный своим заведующим кафедрой, но и как человек во время выборов написавший убийственную статью, касающуюся в первую очередь Михаила Стояновского, Алексей Лисунов. Вместо него, великолепного специалиста по Пушкину и ученика покойного Еремина, Ю.И. Минералов берет Светлану Молчанову. Вместо кандидата филологии берет кандидата искусствоведения.

Теперь о завершении Гридневского дела. Еще никого так быстро не увольняли из института. В течении суток на него подписали приказ и заставили заполнить «бегунок». Вдруг передумает!

В три часа провели очень интересную защиту, которую пришлось в отсутствии Андрея Михайловича вести мне. Это было особенно для меня трудно, потому что это — проза, значит много читать. Два диплома получили «отличие». Это, во первых, гражданка Кореи ***Хан Хан На.*** Она впервые именно с русского, а не с японского, как очень давно, и не с английского, что случалась позже, а именно с языка первоисточника, с русского перевела «Алые паруса» Александра Грина. Для меня это было особенно приятно, потому что здесь я увидел тенденцию. Еще несколько лет назад у нас какой-то парень-кореец перевел с языка первоисточника Горьковскую пьесу. Вот оно влияние Литинститута на мировую культуру. Кстати, «красный цвет» для корейцев цвет тревоги, врага, битвы. Хан Хан На перевела название, как «Красный свет парусов». Здесь все, кроме самого качества перевода, о котором знают лишь рецензенты, очевидно.

Второй отличник это ***Валерий Халяпин.*** Он ученик Седых, но стихи не стали основным в его дипломе. Это книга умного и интересного писателя, где многое сплавлено: разный опыт и

воображение. Подробность: этот русский парень живет в Литве, учится у нас, преподает английский язык маленьким китайцам в Гонконге. По этой работе был небольшой спор, слишком уж парень умный, не космополит ли. Я вспомнил характеристику Николая 1 Пушкину — умнейший человек в России.

Вечером собирался на «Рюи Блаза» во МХАт, но Максим со мною не пошел, да и я устал. Позволил себе забытое удовольствие: пил пиво у Альберта Дмитриевича и ел креветок. Говорили о футболе и институтских делах Ничего подобного, чтобы не попасть в зависимость, я не позволял себе все то время, пока был ректором. Очень было вкусно. До Охотного ряда шел пешком.

Сегодня же ребята-шофера рассказали мне еще интересную историю. Под вечер прибегает Вл, Ефим. Пропал шланг. Крик: «Это вы утащили к себе на дачу или утащили на дачу к Есину». Шофера, которые как бывшие собутыльники, относятся к нему по простому, послали его очень далеко. Через двадцать минут выяснилось, что поливочный шланг взял один из киргизов, который живет в институтской столярке.

22 июня, четверг. Утром ездил в посольство, к Елене Калистратовой. Она готовит некий подарок Рексусу, так любящему гостей и публичность, к очередному празднику — на этот раз уходу на пенсию. Это будет перекидной календарь с фотографиями разных «деятелей». Каждый месяц представляет какой-нибудь деятель: то Горбачев, то, на этот раз, Есин. Лена откопала где-то славные фотографии. Рексус в поварском колпаке, а Есин робко притулился к его плечу. Лена рассказала, что в посольстве сейчас иной стиль, культурой занимаются меньше. Ничего в этом удивительного нет, видимо это мировая тенденция, и у нас культура в общественном смысле затухает, становится площе, с упором на песни и танцы. Подарил Лене «Марбург», надежд, что она роман прочтет, мало.

В три началась защита дипломов. В отсутствии А.М. Туркова, пришлось вести мне. Еще до этого Надежда Васильевна расстроила меня разговором со Стояновским. На этот раз его взволновал расчет часов для наших преподавателей. Немного, оказывается, не хватает у Рейна, немного у Рекемчука, а у меня переработка, о которой объявляли на ученом совете. Она, оказывается, может быть у Минералова, Горшкова и Гусева, а у Есина нет. А ведь в прошлом и позапрошлом году считал все тот же Стояновский. Надежда Васильевна это Стояновскому напомнила. Хотел бы посмотреть, если Кострову, Рейну и Рекемчуку уменьшат зарплату. Особенно на фоне того повышения, которое немедленно по смене режима организовали

себе начальники. Как хорошо живется маленькой группке «олигархов», когда есть против кого бороться. Но мистический туман рассеивается. Где тот РУБОП, о котором М.Ю. намекнул на собрании?

После этих, так взволновавших меня, разговоров, мне передали письмо Геннадия Зареева. Это меня немножко успокоило. Боюсь, что моим аппонентам писем никогда не получать.

Дорогой Сергей Николаевич!

Пролистал ваш «дневник» и единым махом прочёл «Марбург».

С дневником поступил, уж извините, как с булкой с изюмом, но его так и надо читать, иначе его надо самому прожить. И сразу выковырял много изюмин: чудный диалог с В.С. Розовым, встречи с В.Г. Распутиным в Иркутске, и прочее и прочее. Приятно было встретить однокашников по филфаку: Лёшу Зверева, с которым были дружны и куролесили вместе, Борю Василевского.

Но какой же вы трудяга и невероятной энергии человек — но и вседневные заботы претворяете в литературу! С удовольствием наблюдал за вашей круглосуточной и всечасной работой, и в записях, и в проговорах. Ещё в Китае по ассоциации с этим вспомнилось мне моё самовнушение:

Пени оставь на препоны, дела,
Беды, болезни, лишенья,
Наши дела будто сажа бела,
Думай ты лишь о свершенье.
Так у Петрония старый поэт
Не помышлял об отсрочке,
Гибнет корабль в урагане, но нет:
«Дайте закончить мне строчку!».

О «Марбурге» много можно говорить, но вы и сами всё знаете. И всё же каков вы Павлин Павлинович: открытая конструкция, един в трёх лицах, позволяете себе всё — вплоть до голой публицистики. Но каков напор, какая упругость текста, а лирический лейтмотив просто мощно захватывает. А само «сопряжение далековатых понятий» — Ломоносов и Пастернак, поданное, правда, самой историей, но как глубоко развитое. Замечательный роман о любви, о России, о литературе, то есть опять-таки о любви. А концовка! Вот кончил, так кончил! — простите за вульгаризм.

Вот, как-то заполнил нехватку общения с вами.

Спасибо. Г. Зареев

Защищалось восемь человек, студенты Балашова, одна студентка Приставкина — ***Людмила Ильина.*** Последней, Ильиной не помог даже почти восторженный отзыв А.Е.

Рекемчука. Приставкин с Рекемчуком дружат, что естественно. Встала Т.А.Архипова и все надежды похоронила. Было два диплома с отличием. У студентки Инны Люциановны — ***Людмилы Крищенко*** и одна диковатая студентка Э.Балашова — ***Светлана Игнатова***. Здесь очень занятные стихи, а у Крищенко очень милая, умная пьеса. Очень хорошо, без демагогии, а по существу выступали на защите наши молодые кандидаты наук: Игорь Болычев, Сергей Казначеев и не кандидат, но специалист Сережа Арутюнов и, как всегда Анита Борисовна Можаева. Всегда можно узнать рецензию или отзыв человека, всей своей жизнью погруженного в литературу. Почему-то на защите не было Карпушкиной, а ее рецензия была школьной, формальной и неубедительной. Мне пришлось довольно много говорить по каждому диплому, кажется, у меня это получилось. Традицию «последнего урока», которую ввел А.М.Турков я, по возможности, свято блюду. Конечно, я знаю что-то иное, нежели он, и внешне все звучит убедительно, но отчетливо сознаю, что до Туркова, конечно, не дотягиваю.

Внезапно из больницы приехала В.С. Слава Богу, кажется, искусственная фистула у нее пошла, значит, можно скоро будет перекрыть старую и тогда посмотрим, возможно лучше будет с рукой. Следующую операцию назначили на 28 июня.

23 июня, пятница. Остался в Москве, потому что надо было идти к зубному. Это уже третья у меня за последнее время атака парадонтоза. К половине первого освободился и видел занятную передачу: Общественная палата в лице Кучерены, пригласила мэра Лужкова на заседание все по тому же поводу: выселение семьи Прокофьевых из Южного Бутова. Вместо Лужкова, который сейчас в Монголии, пошел председатель Мосгордумы Платонов. Кучерене ассистировал Сванидзе. Я внимательно вслушивался во все перипетии дела, о которых большинство зрителей не знает. Отчетливо представляю метраж дома. Прокофьевым первоначально давали две однокомнатных квартиры: матери и сыну. Одну на правах личной собственности, а вторую — на правах социального найма. Они на эти условия не согласились: они хотели бы обе квартиры получить на правах личной собственности. Город, практически, выкупал строение. За спиной у Прокофьевых, у которых это единственное жилье, стоят «собственники», для которых это все давно стало дачам. Противно. Я никогда не был защитником бездушных формалистов, но вижу одну демагогию. Почему, дескать, сам Лужков или префект лично не поехали в Южное Бутово, кто отдавал указание милиции и пр. Отчетливо ощущаю, что Кучерена куда-то метит в политику. Понимает ли сам, что стоит

его «справедливость». Думаю, что понимает. Вот тебе и Общественная палата!

24 июня, суббота. Приехал еще в пятницу вечером, успел полить огород, который становится совершенно бессмысленным, и поесть. А утром увидел, что распустились два пиона. Они были целомудренно розовые. Подумал, что такая красота и свежесть, как и жизнь, очень недолга. Первую половину дня возился на огороде, сажал цветы в горшки. Мне в институте дали штук двадцать кустиков анютиных глазок. Перед Макдональдсом пересаживали, удаляя отцветшие или потерявшие свежесть, и выкопанные кустики наши умельцы привезли в институт.

Днем приехал С.П., обедали, разошлись по комнатам каждый со своей работой. Практически весь день и накануне вечером я читал дипломную работу Наталии Алеевой «Земное царствие», а потом «Люди-блюди» ***Аллы Рейдель.*** Отношение к обеим работам не, как говорится, однозначное. К сожалению, обе решились, может быть, и не признаваясь в этом, на «шедевры». Каждая делала, как могла. Наташа объединила свои «рассказы и зарисовки» в некое философски прочувствованное полотно. Зарисовки и рассказы, как правило, из иностранной жизни. Большинство наблюдений тоже связно с тем берегом. Иногда возникают очень точные воспоминания-сожаления о прошедшем строе. Здесь собственное детство писательницы, работа ее деда, тоже, видно по всему, писателя. Два просчета: прицел на полную философичность и отсутствие собственного, отечественного материала. Философствовать на чужом материале невозможно. Недостаток: практически ничего не запоминается, стиль и синтаксис однообразно моторный, в едином приеме.

У **Аллы Рейдель** (фамилия, видимо, по мужу) два прекрасно найденных образа, они же сюжета. Девушка работает в дорогом ресторане в качестве блюда. Впрочем, что-то похожее, женщину-рыбу я видел в одном из фильмов, описание***Рейдель***, как мне кажется, не без этого влияния. Девушка поднос, на котором раскладывают разнообразную снедь. Здесь прекрасные описания, очень выразительные, зримые композиции съестного. Каждое блюдо имеет название. Скажем «Медуза Горгона» из античной мифологии. В качестве нереализованных возможностей замечательно написанная фигура повара-художника. Какая бы здесь получилась повесть, если бы ***Редель*** сосредоточилась. Тут все могло бы получиться серьезно. Но девушку уманили другие принципы литературы. Сюжет вдруг усложнился детективной канвой, причем канвой не всегда четко прописной. Появился некий богач и аристократ, бесплотный вздыхатель, коллекционер антикварной посуды. Потом появился его брат, как и положено,

рядом с черным клоуном белый. Как мы понимаем, в богатой коллекции обязательно должен был появиться новый раритет. И все стало неинтересным. И сны, и демонстрация коллекции и скомканная, из мистического кинотриллера концовка. Здесь уместен вопрос, а как все это соотносится, большая рукопись, чуть ли не 120 страниц с диплом Литинститута. Здесь все ясно: мы ведь выпускаем не мастеров шедевров. Здесь у нас начинающий мастер беллетрист. И только от него зависит, уйдет он в большую литературу или останется в той, где есть тиражи, финансовый успех и телевизионная популярность. В повести **Редель** есть еще ряд сцен, где видно, что человек этот одаренный. Например, разгадывание гастрономического кроссворда, гротесковое изображение двух «потерпевших» в больнице.

Написал с явной прикидкой на представление и рецензию, которые продиктую завтра. Честно говоря, свою Алееву я, как следует, прочесть так и не смог.

25 июня, воскресенье. Утром сажал цветы, поливал, собирался в Москву, ехал, смотрел телевизор все с тем же Кучереной, разбирал коробки с документами, которые привезли из института. На даче Игорь, сын соседа Володи Шимитовского рассказывал, что на прошедшей недели у кинотеатра «Берюсинка» состоялся митинг граждан-москвичей, которые чувствуют себя притесненными пришлыми за последнее время этническими группами. Был какой-то конфликт — или с армянами, или с азербайджанцами. На уровне семьи с мелкими недоразумениями. Кажется, наш кого-то поколотил за чуть ли не умышленную попытку наезда. В тот же вечер двести человек осадили обидчика с криками угрозами шовинистического характера. На следующий день к кинотеатру подошло 2000 русских людей, говоривших о засилии некоренной национальности в милиции, в жилищных конторах, на рынках и прочее. Все это Игорь рассказывал в противовес Южно Бутовской истории, вот, дескать, о подобном пресса не говорит.

Вечером звонил Пете Кузменко, он стоически переносит свои несчастья. В Москве до 30 градусов жары. К вечеру пошел дождь. В мое отсутствие звонил В.С. Бушин, который прочитал мою статью о Горьком в «Правде». Перезвонил: выражает признательность за позицию.

26 июля, понедельник. Утром состоялась коллегия Минкультуры. В повестке дня три вопроса. О присуждении премий правительства имени Федора Волкова за вклад в развитие театрального искусства, план работы коллегии на второе полугодие и утверждение решений экспертного совета по наградам. Перед этим по поводу некоторых наград даже мне

звонили домой. В частности по поводу замены советом просимого звания «Народный артист РФ» на почетное звание «Заслуженный деятель искусств РФ» для «продюсера Российской ассоциации музыкальных продюсеров»…. Владимира Петровича Преснякова. По этому поводу, наверное, тоже взбодренный звонком, вставал даже Андрей Вульф, объясняя, что Владимир Петрович еще и много играет или еще недавно играл сам, и что он выдающийся саксофонист, собравший много разных ансамблей, как музыкант и продюсер. Министр поддержал единогласное решение совета. Я потом Андрею Вульфу объяснил, что в совет входит Бриль, который разбирается в игре на саксафоне и Павел Слободкин, знающий, что означает собрать ансамбль.

По первому вопросу я выступил, когда стало известно, что на совместном собрании СТД и представителей Роскультуры из списка выкинули Николая Коляду. Было, дескать, только одно письмо и не хватало остальных документов. Мы-то знаем, что когда кто-нибудь не хочет дать, освободить место для своего, то отыщут тысячу причин. Отодвинул также и ярославскую актрису ***Татьяну Иваньеву***, потому что недавно ей дали «Золотую маску» за «честь и достоинство». Честь — русской актрисе; деньги — своим любимцам. Приблизительно об этом я и говорил в своем выступлении. Намекая на единодушие СТД и Минкульта, я привел пример с «закрытым» голосованием по спектаклю «Современника», когда при тайном голосовании все ратовавшие первоначально «за» оказались «против». В результате я добился приоритета для Николая Коляды на следующий год.

В институте написал рецензию на ***Радель*** и представлние на Алееву. В общей сложности Наталья проучилась в институте 12 лет, начинала, как переводчица, потом до меня училась у Киреева. По внутренней сосредоточенности и серьезности письма этот диплом, безусловно, заслуживает оценки отлично. Также написал письмо Анатолию Ливри.

Дорогой Толя!

Я получил Ваше письмо, которое, как всегда, содержательно и интересно. Естественно, я сделаю все, что меня попросит для Вас сделать Савкин, если это речь идет о предисловии к книжке Ваших рассказов. Они мне нравятся, в них я нахожу что-то такое едкое и свое, чего совершенно лишена наша проза. Ваши стихи я воспринимаю скорее биологически — это мое. Но там такая бездна подтекстов, что нужна пауза, чтобы точно определить — это наше с вами.

Объективно мои дела идут очень неплохо. Сутолока вместе с уходом ректорских забот постепенно удаляется, хотя, может быть, прибавилось работы. Но теперь я могу себе позволить то, чего не

позволял раньше: например, дойти пешком от Министерства культуры (в Китай-городе) до нашего Литинститута, спокойно с кем-нибудь поговорить, а самое главное — у меня потихоньку пошел роман. Писал ли я Вам, что героем нового романа будет Литинститут? Конечно, это не документ, хотя и близко, а если кое-что и притворится документом, то для того, чтобы окончательно спрятать все концы в воду. Естественно, в моей жизни много обид, несправедливостей, я рефлектирую, но, как писал Вийон, «отчаянье мне силы придает». Я изобретатель редчайшей и своеобразнейшей формы: Дневников, которые, скорее, похожи не на дневники, а на литературные записки, основанные на постоянном дуэлировании. У меня поэтому есть невероятная возможность постепенно разделываться со всеми моими недругами. Моя репутация уже сложилась, и ее ничто не изменит, даже пожар Рима, а вот репутация моих так наз. врагов (хотя этого слово не из моей лексики) — у меня в руках. Они не всегда это понимают, а когда поймут — будет поздно. Видимо осенью, выйдет том моих Дневников, что-то около 800 стр., за 3 года…

А в небольшом альманахе «Российский колокол», пристально читаемом литературной общественностью, постепенно идут, месяц за месяцем тоже мои Дневники за 2005 год. И такое, должен сказать, я испытываю мстительное счастье, когда все время подсыпаю порох в эту бочку, на которой сижу не я, но фитиль которой, могу всегда поджечь. Простите, что пишу так грустно-весело, как могу.

Обнимаю Вас — Сергей ЕСИН.

Сегодня объявили, что в Ираке погибли три российских дипломаа, их захватили и расстреляли. Виноват, конечно, местный беспредел, начавшийся сразу после свержения Хусейна, но и американцы это все допустившие и спровоцировавшие. На этом фоне продолжается скандал в Южном Бутове. Дама Прокофьева не согласилась на вторую квартиру. Почему я безоговорочно в этом случае на стороне мэра и города?

27 июня, вторник. С одного обязательного мероприятия я переползаю на другое, внимательно в это время обдумывая, как попаду на третье. Все время приходится рассчитывать свои силы и думать, чтобы их хватило на завтрашний день. Утром началась аттестация студентов первого курса. В отъезде БНТ ее проводит Миша Стояновский. Мне его даже становится жалко, но он отрабатывает свое положение и надежды. Никого из проректоров больше нет, из заведующих кафедрами сидит только А.К.Михальская, но она что-то на первом курсе читает. Я полтора часа, можно сказать, присутствую из вежливости. Долго и

пространно, почти оправдываясь, представляет своих учеников Толя Королев. У него четверо ребят из семинара ушли, и он недоумевает. Две девочки-платницы поступают снова. Одну я уже твердо не пропустил, вторая пишет очень неплохо про животных.

В 12 часов начался Авторский совет в РАО. Проходил он в новом, вернее перепланированном и отремонтировнном зале, очень красиво и, наверное, удобно. О сумме откатов при ремонтах я не говорю, об этом мы недавно перемолвились за обедом в «Форте» с «угольщиком», который снимает в институте Флигель, Женей. После наркотиков это сама прибыльный бизнес. Здесь отмываются и основные от наркоты деньги.

Авторский совет проходил в атмосфере, как и всегда у С.С., некоторой спонтанности, с одной стороны, а с другой, таинственности. Повестка дня не была заранее разослана, документы тоже, многое невозможно оценить с налета и проанализировать влет.

Сначала говорили о Совете музыкальных издателей при Авторском совете. Под понятием «издатели» на западный манер мы теперь понимаем правообладателей. Я отчетливо понимаю, что это такое и в социальном и в общественном плане. Юра Антонов образно определил: «Молодые люди в рваных джинсах и с прыщами на мордах». Он же говорил о том, что эти люди только и ждут возможности внедриться в РАО. Такую систему сборов гонорара, как РАО, сегодня создать никто не сможет. По-другому мелких гонораров с «публички» не соберешь. Тем не менее, Антонов понимает их молодую силу и уважает этих людей за дело. Таковы условия рынка. Меня смущало, что м ы действуем без какого-либо письма от этих издателей, без их просьбы, без списка претендентов пожелавших войти в этот совет. Именно поэтому я воздержался при голосовании. Впрочем, сделал это, глядя на Антонова. Автоматически, значит, воздержался и Слободкин. Уезжая на неделю на отдых, Павел оставил мне доверенность. Доверенность от Рощина была у Федотовой. Меня попросили объяснить мотивы моего голосования, я объяснил.

Как я понимаю, главное беспокойство С.С., Веры Владимировны и входящего в комплот и чувствующего себя барчуком, Саши Клевицкого — это здание. Мы слишком долго о здании не думали и отступали, возможно, выгодно было платить аренду, а теперь сразу написали письмо Соколову, в администрацию президента, Президенту, которому должен был передать письмо Примаков. Устроить передачу «достучатся» до Примакова взялся Клевицкий. Надежд на быстрое монаршее решение мало, но они есть. Юра Антонов подал прекрасную идею организовать просьбы о помощи РАО еще и западных партнеров.

Решили при необходимости идти на торги, занимая деньги на выкуп в Сбербанке.

Третий вопросе — об итогах сборов за пять месяцев прошел легко, потому что есть рост. Но, тем не менее, я довольно долго говорил об почти полном отсутствии сборов со стран СГ. В частности с Украины. Даже маленькая Белоруссия дает денег в два раза больше. Мы этим просто не занимаемся. Антонов привел пример с получением гонорара, который произошел у него с одесситами. Украина просто не хочет платить, предпочитая в лапу, а чаще — никому и ничего, кроме исполнителя. Я высказал свое старое предложение о создании в странах СНГ представительств.

В три часа началась защита дипломных работ… Надо бы все законспектировад для истории литературы, но стращно стал уставать.

С чувством глубокой удовлетворенности воспринял отставку 13-ти заместителей Генерального прокурора и прокурора Москвы, которую потребовал новый Генпрокурор Чайка. Впрочем, не пропадут.

29 июня, четверг. Утром в 10 сидел на аттестации второго курса, у меня лишь Лена Шадаева. Она отличница, у меня тоже все с ней в порядке. Мне кажется, что в самом начале я с нею был излишне строг, в ее рукописях тоже поднимается некая сила.

Днем очень быстро прошел совет по наградам, который вел Л.Н.Надиров. Когда вернулся в институт, то позвонил Егор Анашкин, который сидел у нас в Гатчине в жюри, и пригласил на фильм в Госкино. Никуда в другое место я по этой жаре бы и не пошел, а здесь — напротив в Госкино. У меня нет ни программки, ни памяти на иностранные имена. Фильм крепко сделан. Это история трансвестита, работающего проституткой, в которого влюбился эдакий мачо, работающий грузчиком. Но мачо тоже не без странностей и хотел бы чтобы «его девочка» такой и оставалась, а девочка хочет стать настоящей девочкой. Фильм называется «Двадцать сантиметров». У обоих героев в «личном счету» по 20 см., «которыми могли бы хвастаться другие парни». Не в сантиметрах, оказывается, счастье. По фильму идут интересные зонги. Сразу же после фильма отправились вместе с Егором на презентацию новой книги Андрея Плахова «Кинофестивали». Это происходило в Новинском пассаже, в ресторане. В небольшом полутемном зале тьма народа со смутно знакомыми телевизионными лицами. С большим трудом узнал огрузневшую Светлану Конеген, потом я подвез ее до дома, она где-то сейчас что-то ведет на радио и только об этом и говорит. Был Саша Шаталов, на это раз с неясной мне надменностью. Я

что-то сказал ему о своем новом романе, он что-то неясное мне ответил.

Домой приехал около двенадцати часов. Вот это денек!

30 июня, пятница. Никогда я время так не рассчитывал. Правда, раньше все нужно просто успеть, а теперь еще и сделать. Хотел сегодня подготовить материал для «Литучебы» о Лене Георгиевской, представление читателям. В подборке у нее три рассказа, в одном — действие происходит в общежитие Литинститута. Редакция страхуется: ей нужен кто-то из бесспорных, с именем профессоров: Рекемчук или я. Так мне Лена объяснила пару дней назад по телефону. В этих обстоятельствах не откажешься, я отчетливо представлю, каково нынче печататься молодым… И мне не к чему светится и с этой темой и вообще в журнале, который не могу сказать, что мне дружественен. Это площадка иных персонажей. Тем не менее, изловчился, и Екатерине Яковлевне продиктовал статейку еще в четверг. Но в четверг у нее физически не хватило времени, чтобы расшифровать стенограмму, а сегодня, я уже не мог ждать позднее двенадцати, потому что договорился встретиться с Галиной Степановной Костровой. Издательство планирует выпустить книжку к осенней книжной выставке, время остается чуть-чуть.

В десять сидел на аттестации. У меня Дима Лебедев, который после всех перипетий в следующем году заканчивает бакалавриат. Ведет аттестацию Стояновский, все проходит живее.

В двенадцать, предварительно получив в институтской кассе отпускные, приехал на Астраханский. Ведь для всех преподавателей отпуск, а у меня он еще и не видится. И в понедельник придется в институт приезжать, и во вторник. Писательский этот дом в бывшем Безбожном переулке — пример советского общежития. Если, не дай, конечно, Бог, в этом доме взорвется, скажем, газ, то остатки писателей социалистического реализма исчезнут враз. Видя этот роскошный дом, сразу задаешь себе несколько вопросов. Как здесь вести дискуссию, например, и спорить, если все ходят, чуть ли не через один подъезд и жены все равно дружат? Но, с другой стороны, как это было в Лаврушинском, так же дружили жены, так же здоровались, встречаясь у лифта, писатели, но один вполне мог оказаться жертвой, а другой доносчиком. Теперь, правда, не то, но так быстро меняются времена, так зыбка нравственность писателя, с таким мастерством он может уговорить собственную совесть. Не продолжаю.

Поднялся наверх, в квартиру. У Костровых мне всегда очень уютно. Впервые я здесь побывал больше двадцати лет назад. В

отличии от моего дома, уютно, очень чисто. Обе дочки Галины и Володи: Даша и Катя мне очень нравятся, потому что при всей их образованности, современности, легкости в общении в обеих есть какой-то исчезающий русский, идущий видимо не только от отца и матери, но и от деревенской родни спокойный и надежный замес. Пушкин очень хорошо сказал в «Е.О.» о такого типа молодых женщинах, когда в конце описывал Татьяну глазами Онегина. Но я ушел от темы.

Сидели часов пять или шесть, пока не сделали почти весь словник ко второму тому «Дневников». Если бы не Г.В. не вышел бы ни первый том, ни второй. Это она, в основном, внушила мне, что надо и продолжать писать, и продолжать печатать.

Груда дневников, верстка, лежала на столе в главной комнате глыбой. Издательство, кажется, перепутало оригиналы и напечатало верстку без предварительной правки. Г.С. пришлось прореживать восьмисотстраничный массив второй раз. Правда, корректор текст уже прочел. Буквально каждая страница была в птичьих следах пометок и редакционной правки и корректора и редактора. Я-то, естественно, забыл, что там написано и как. Боюсь, опять буду переживать из-за того, что кого-то обидел и о ком-то написал лишнее. Но браться теперь еще и мне, чтобы все читать и прорубать такую массу, уже нет сил. Нельзя все время сидеть в перемалывании собственных рукописей. Еще за несколько дней до нашего свидания мы с Г.С. договорились, что я читать рукопись, чтобы не задерживать процесса, не буду. Я тут вспомнил точку зрения гениального газетного редактора Алексея Аджубея, когда он видел ошибку в подписной полосе: пусть лучше пройдет ошибка, нежели опоздает к читателю газета. Впрочем, я столько раз опаздывал. Отказавшись читать верстку, я и себя лишил удовольствия пролистать большой, трехгодичный отрезок собственной жизни.

По очереди мы просматривали страницы, выбирая из них имена персонажей. Потом девочки в издательстве на компьютере сделают словник. На все, как хотелось бы, не торопясь и вглядываясь в каждую запятую, времени уже нет.

Вернулся домой, а в доме пусто. Сегодня уехал домой в отпуск Витя и в Ростов — Сережа. Я думаю, что Сереже это может сломать жизнь, по крайней мере, лишит неких возможностей, хотя бы учиться. Сережа был силен и работящ, как слон. Как теперь без рабочих будут обходиться, я не знаю. Л.М. справедливо, но меланхолично заметила, возьмут москвича тысяч за 15.

1 июля

1-го июля, суббота. Первый день второго месяца лета ознаменовался осенней погодой. Вчера было около тридцати, а утром сегодня чуть больше десяти градусов. К вечеру я задышал плохо.

Вечером был у Толи Богомолова и Наташи, здесь же в Обнинске. Не видел их много лет Анатолию уже 76,он только что из больницы. Наташа оправилась после депрессии. Диагноз необычный: депрессия, вызванная перестройкой. Рассказывала, что когда читала «Возрождение» Брежнева, то плакала, когда там рассказывалось о восстановлении металлургических заводов, она по профессии инженер-металлург и знает этому цену. Депрессию вызвала разруха, которая царила в стране. С Анатолием вспомнили многих деятелей последнего времени, Горбачева, Ельцина, Егора Яковлева, с которым Анатолий был дружен. «Вначале я понимал, куда идем, сейчас нет». Анатолий и сейчас работает, в Союзе журналистов. Этот союз, как и Союз писателей, никому не нужен. Путин, по мнению Богомолова сейчас занят только тем, чтобы сохранить, чтобы не разрушалось дальше… Ушел в двенадцать. У Богомолова из всех их прекрасных левреток осталась только одна, ей 13 лет. Я опять вспомнил Долли.

Часа два работал над романом, Саня уже обошел храм и театр и поразмышлял возле домом с почтой. Кажется, получилась и сцена с мусором. Посмотрим, как пойдет дальше.

2 июля, воскресенье. Проснулся около шести утра бодрый и готовый к работе, но, проведя несложный подсчет, понял, что надо закрыть глаза и сразу же провалился до девяти. Великое счастье хотя бы раз в неделю высыпаться. В девять позвонила В.С.; она уже дома. Лучше ли ей, никто не знает, все мы сейчас балансируем по кромке стекла. Или мы обрежемся, или треснет хрупкое стекло.

Ходил гулять по обычному маршруту, проявив определенное усилие воли. Мы все начинаем беречь здоровье, когда оно уже истончилось. По дороге у реки встретил молодого человека. Он шел со спиннингом в одной руке и с топором в другой. Но, главное, — одетый в зеленый генеральский плащ, с генеральскими же погонами. Я спросил у него: «Ваша фамилия, случайно, не Раскольников?» Оба посмеялись и разошлись.

3 июля, понедельник. Уже в двенадцать дня отвезли вместе с Г.С. Костровой уже вычитанную рукопись дневников в издательство. Я до сих пор не верю, что книга может выйти. И, конечно, если бы не Г.С. она бы никогда не вышла. Здесь нужна

власть и воля женщины. Эти соображения, как ни странно посетили меня утром, когда к девяти я пошел к Элле Ивановне, зубному врачу. Больше часа она медленно, как ювелир, ковырялась над моим коренным зубом. Ни у одного мужчины на это никогда не хватило бы терпения. Этой мыслью я с нею поделился и что же услышал в ответе? Мужчина на кропотливую, медленную, не дающую быстрого результата работу, действительно подходит мало, в частности, у них в стоматологии уже давно подмечено, что удаления нервов в корнях зубов мужчина делать практически не может. Но дело все же в ином, в быстром и безаппеляционном решении, во внутренней воле, с которой женщина врач берется за дело. Вот так же Г.С. взялась и за мою книгу, там, где я рефлектировал и сомневался, как же, собственные прижизненные дневники, она после «Нашего современника» прочла, взялась и с настойчивостью пробила все до завершения.

Почувствовал временно некоторое облегчение, но сразу же возникли в памяти «долги», которые я сам на себя и понавесил. Ну зачем, собственно, нужно было брать на себя предисловие к рассказам Лены Георгиевской? Зачем в свое время вызвался сделать «Вестник РАО»? Зачем за три дня до защиты нужно было брать на оппонирование работу самоуверенной ***Рейдль***? Вот теперь и хлебаю. Любое благодеяние не проходит безнаказанно. Помню, когда я написал небольшое предисловие к рассказикам Вани Аксенова, он тоже был недоволен и сказал, что многое я перепутал.

После издательства мы с Г.С. традиционно пообедали в «Граблях» и потом я заехал в институт, чтобы взять тексты Георгиевской. Тут мимоходом у меня состоялся нехороший разговор с Тарасовым. Он, как и обещал, прошел **Рейдль**, но в его оценках моей ошибки был все та же формальная линия, не писательская, а архивная линия, за которой чувствовалось глухое раздражение. Я про общую оценку, мне — про допущенную мною описку. Я о ней и сам знаю, и как она образовалась, тоже знаю. У БНТ цепкая память на детали. Отношение ко мне даже не связано с теми аплодисментами, которыми меня, так некстати, как бы в оппозицию, встретили ребята при вручении диплома, а в необходимости оглядываться на меня и мое мнение. Но я то твердо и самоуверенно знаю, что такое недоброжелательство по отношению ко мне заканчивается неприятностями.

Вечером внимательно прочел статью Ильи Кириллова в «Завтра литературы». Как он разбазаривает свои мысли. Во-первых, о вторых ролях, на которых оказалась русская литература в двадцатом веке. Хотим мы этого или не хотим, нам с этим

придется согласиться. А мы-то все по привычке полагаем себя, чуть ли не ближайшими наследниками Толстого и Достоевского. Отчасти эти мысль прозвучала на презентации в «Библио-Глобусе». Здесь она уточнена. «… сразу же после Чехова (не считаем Толстого, он принадлежит, разумеется, веку девятнадцатому) мы впали в литературный и гуманитарный провинциализм, сомнений нет. Теперь при трезвой оценке Серебряного века, соцреализма, литературы постсоветского периода, отрицать совершившийся факт было бы непростительным самообманом…».

«Я не люблю Чехова с детства, с ранней юности, не умея объяснить себе причину этого». У меня с юности же возникло точно такое же ощущение. Далее Илья приводит цитату из Аннинского, доправляя ее интересным соображением, скорее точно найденным словом об *оскудении* русской жизни. Вот теперь Аннинский: «Любите ли вы Чехова?.. О, конечно, любите…Но что сказать о времени, которое готово называть Чехова чуть ли не великим? Я перечитал опять Чехова… И неужто же, точно, надо было вязнуть в болотах Достоевского и рубить с Толстым вековые деревья, чтобы стать обладательницей этого палисадника… Выморочная, бедная душа, общипанная маргаритка вместо души».

Опять у Кириллова нечто оглушительное, хотя, казалось бы, и давно знакомое по мысли. К мыслям надо уметь подбирать слова.

«Возражение Иннокентия Аннинского можно было бы признать безоговорочным в том случае, если общее оскудение жизни обернулось бы у Чехова художественным обольщением либо моральной неразборчивостью. (История русской литературы знает творческий пример этому. Гоголь)»

Весь смысл этого пассажа в имени в самом конце. Вот тебе и тихий римский страдалец.

Статью, конечно, надо читать, она вся в маленьких открытиях и формулировках. Особенно интересен Кирилловский анализ отношений Толстого и Чехова. Вот чеховская «Моя жизнь». «Толстой, тем не менее, отозвался о повести снисходительно, даже радушно. На первый взгляд такая оценка объясняется благородством Толстого, готовностью следовать собственной тории и простить довольно-таки язвительную полемику в свой адрес». Это в начале большой «раскатки» посвященной этому произведению. А вот заканчивается все по-другому. «Снисходительная оценка Толстого… могла быть вызвана удовлетворением проигранного Чеховым сражения на территории заведомо ему малознакомой». Дальше идет короткий, но безукоризненный анализ содержания «Мужиков» и «Новой дачи». И опять критик проявляет себя как безукоризненный психолог.

«И, опять же, едва ли в силу того, что идея «опрощения» и сближения с народом изображена здесь несостоятельной. Скорее всего, Толстой был уязвлен в чеховских произведениях изображением народа, того «простого народа» …в Толстом заговорило оскорбленное чувство принадлежности к сословию, веками державшему этот народ в рабстве и после освобождения бросившему его на полпути без всякой ответственности». Дальше замечательные слова о «Воскресенье» во многом новые и значительные, но уже устал делать выписки.

4 июля, вторник. Спал очень плохо, в памяти пережевывая ту ловушку, в которую я попал с дипломной работой. Как легко, оказывается, меня выбить из седла. Проснулся уже в три часа и почти до пяти сначала смотрел «Лоуренса аравийского», а потом читал дневники Кузмина, в основном комментарии и словник. О таких комментариях можно только мечтать. Возникла тут же мысль, взять одного из безвестных персонажей из этих дневников и разогнать его до повести. Само по себе знаменательно, что совершенно не претендующий не только на бессмертие, но даже и на упоминание в истории человек, какой-нибудь мальчишка, гимназист или банщик вдруг становится персонажем литературы.

Утром до работы заезжал Максим, чтобы взять текст моей заметки для Литучебы о Лене Георгиевской.

В четыре часа поехал встречать Татьяну, которая приезжает на три или четыре дня. Кстати, ее полет типичный поступок западного человека. Я разве мало летаю? Но разве я когда-нибудь собирал бонусы за поездки? Каждый раз я забывал о том, где я был. А авиационный билет, не задумываясь о каком-то собирательстве, выбрасывал в мусорную корзину, а вот порядочные люди, оказывается, эти билетики собирают и, когда накапливается определенное количество поездок и полетов, авиакомпания представляет бесплатный билет. Вот именно таким образом Татьяна второй уже раз прилетает в Москву, поболтать и повидаться с подружками, сходить на кладбище к отцу.

В Шереметьево, как всегда, бардак, впрочем, как призналась Татьяна, и в Эйр Франс тоже, поэтому они прилетели на час позже. Я посмотрел на табло прилетов и поплелся в сторону выхода «В». А там с табличкой наперевес Нина Александровна встречает китайскую делегацию, из университета, в котором мы с Л.М. и С.П. были два года назад. Нина Александровна сказала, что завтра будет обед, чтобы я пришел. Но я сказал, что меня и не предупредили, и не позвали. Если не позвонят, то не пойду. Естественно, не позвонят, естественно завтра я никуда не пойду, кроме как на день рождения Наташи, жены моего племянника Валеры, который уже тоже не работает в охране института. Так,

значит, я сказал, так, значит, я подумал, в этот момент Татьяна потянула меня за плечо: «Сереня, я уже прилетела». Мы потом специально пошли смотреть табло, а какое «крыло» должны были выходить французы. Я, оказалось, если судить по объявлению, ждал совершенно правильно. Но, как говорил в «Фанафан — Тюльпане» Герт, «наш противник нам изменил».

В машине Татьяна совершенно изумительно рассказывала про эмигрантов из России. Сразу же спросила, нет ли каких-либо погромов армян в Москве? Я естественно посмеялся, а она захлебываясь стала рассказывать, как сейчас во Франции, по крайней мере, у них на Севере, волна армян, дагестанцев и чеченцев, накат. И все рассказывают об ужасах своей жизни. Татьяна к этому, зная наши порядки, относится своеобразно, иронично отзывается о властях и своих соотечественниках с их любовью к фратерните, эгалите. Во время последних волнений относительно «первого контракта» двери колледжа, где она преподает, перекрыли самые бездарные двоечники. Ее реплика: «Вы не пропускаете меня в здание, вы нарушаете мои права, записанные в конституции, на работу». Другие эпизоды не привожу, потому что перевести их из устного изложения в письменный ряд займет, чтобы они не потеряли красочности, много времени.

Вечером ужинали, пожарив купаты и замостырив салат. Салат, кстати, я привез в воскресенье с дачи. Таня достала из сумки бутылку изумительного Токая.

5 июля, среда. Работаю сразу на несколько фронтов: заканчиваю учебный год, пытаюсь дописать новый роман, который, буквально, надо весь вынимать из головы, работаю с дневником, обдумываю научную плановую работу, за которую уже получаю деньги. Я плохо слежу за сегодняшней политической жизнью, почти не заношу в дневник свежих политических новостей, ничего не пишу о жизни сегодня в писательском сообществе. А Валентина Сергеевна тем не менее работает: смотрит телевизор, читает все газеты, слушает радио, общается со своими товарищами по гемодиализу и все это выкладывает мне. Попробую теперь как-то все это уложить, хотя и понимаю, смогу я это сделать только в хаотическом порядке. Самая большая и самая «личная» для меня новость: Москва, наконец-то, стала самым дорогим городом мира. А я-то все удивляюсь, куда так быстро расползаются довольно большие деньги, которые я получаю. Наверное, отсюда очень высоки уровень у нас коррупции среди чиновников: не хватает на жизнь, черную икру, на обучение своих детей в тех же учебных заведениях, где учатся сыновья шейхов из Саудовской Аравии и Дубаи, не достает на

приличный автомобиль с приборной доской из черного драгоценного дерева и золотой инкрустацией. Но за этим, тайно, полагаю, завидуя, смотрят другие чиновники и даже, возможно, Путин. Мы ведь тоже все отлично понимаем, что просто так отослать крупного, проштрафившегося чиновника послом, не роняя собственного лица, в какую-нибудь страну седьмого ранга, как поступало раньше Политбюро никак нельзя. И слишком много иногда чиновники знают и со зла могут наболтать, и все уже на уровне детей и внуков давно породнились, а свой человек, это родной человек, поэтому своих переставляют или пересаживают из кресла в кресло. Возможно, со временем, когда пристальность пропадет, отсадят подальше. Но я, кажется, писал о рокировке Устинова и Чайки. Один из замов Устинова, как писали газеты, непосредственно вел дело «Китов» и «Гранда». Теперь в этом деле плутает какой-то ленинградский следователь. Попутно, если смотреть телевидение, то можно заметить, что без рокировки каждый день сажают и арестовывают чиновников: таможенников на контрабанде, мэров на служении своим интересам и пр. и пр. Газеты вообще пишут очень интересно, надо только их внимательно читать. Например, о полном провале последнего Московского Кинофестиваля. Боюсь, что самым заметным на нем явлением стала презентация книги Андрея Плахова о фестивалях вообще. Он опытный наблюдатель, видимо делал заметки давно, кое-что есть и с желтым оттенком, но очень интересно, читал до двух ночи. Издатели тоже книжку, видимо, сразу же прочухали — тираж, как у Марининой или Донцовой, — 55 тысяч, но думаю, еще будут переиздавать. Из звезд только Депардье, приманенный премией с именем Станиславского. Два знаменитых режиссера — Гринуэй и Хенеке от председательства отказались. Командовал парадом режиссер Жулевский, поднятый со скамейки запасных. Все прошло, в отличии от прошлых лет, так неярко, что я даже забыл кого и за что наградили. Было время — «8 1/2»!

Почти из области кино: Жириновский, сын юриста, ездил в Израиль, где нашел могилу отца. По этому поводу были его соображения, а телеведущие задавали ему интересные вопросы. Я думаю, это не просто жизненный момент, а какое-то изменение в политическом видении, потому что у Жириновского нюх собаки на общественное мнение.

Исполнилось 70 лет со дня смерти Горького, «Правда» напечатала интервью со мною — «Горького от народа не отлучить». Интервью сделала Лариса Ягункова, моя соседка по улице, сегодня газету положила в почтовый ящик. Еще раньше по поводу этого интервью мне звонил В. Бушин и В.Усков. Лариса — молодец, собой я недоволен, можно было бы говорить менее

демагогично.

В пять часов с Татьяной поехали на улицу Свободы к Валере и Наталье, у которой сегодня юбилей, 50 лет. Как всегда был полон стол, масса салатов, а потом курица с картошкой, мороженое и чай с тортом. С каким-то полувосторгом я окунулся в родственную атмосферу, в разговоры, фотографирование, в воспоминание былого. Был также Анатолий Силин со Светланой, мальчишки-сыновья: Сережа и прелестный Алешка, его дружок Денис, с которым мы поговорили, — они оба учатся в какой-то танцевальной школе — о балете и будущем. У Дениса, видимо, все получается по полному разряду, у Алексея чуть пока хуже. Алексей занимается фокусами, в его комнате портреты Давида Копперфильда, но Алексей мечтает о карьере артиста. Я решил показать его осенью Вл. Алекс. Андрееву, как когда-то показал Татьяну, дочь Анатолия Силина, Табакову и он ее от тетра отвадил: способностей нет. Все было замечательно, разговоры, еда, мальчишки, погода, зенит лета. Вечером узнали, что французы в футбол выиграли у Португалии и вышли в финал. Для меня в этом нет ничего неожиданного: это, в отличии от нынешней талейрантной России, нация. Страна, идеология, держава. Только Саркази, министр внутренних дел Франции, мог сказать: «Кому не нравится Франция, могут уезжать». Кого из наших деятелей можно было бы представить говорящим подобные слова? Грызлова, Слизку, Миронова, Зюганова?

6 июля, четверг. Слишком много времени проваливается в быт и хозяйство. Утром поехал в институт, чтобы забрать документы на могилу отца, они хранились в сейфе — нужны Тане. Там все по-летнему, начальство в сборе, в приемной комиссии шуршат документы. БНТ предложил пообедать с китайцами, но мне надо к четырем часам к врачу, вынужден был отказаться. Переговорили с Л.М., институт, хозяйство, перспективы. Ставят новые окна на заочке, это последнее по поводу чего я распорядился. Как обычно, если я что-нибудь поручаю Владимиру Ефимовичу, то все получается с его высшим образованием строителя не так, как надо. На этот раз померили только одно окно, решив, что они все одинаковые, хотя невооруженным взглядом было видно, что окна разные, и теперь расширяют оконные проемы, подгоняют, рабочие вытаскивают из здания носилки с битым кирпичом и штукатуркой. Во что этот прогрессивный метод замера и хозяйствования обойдется институту, я не знаю, но уж не даром.

Заходил в книжную лавку к Василию Николаевичу Гыдову. Купил три томика «Ах, заграница, заграница…» Это была такая ошибка не вынести на обложку «Марбург». По сути, если мерить

по советским меркам, то правильно, а с точки зрения коммерции «закрывать» два знакомых слова и названия, уже засветившиеся в журналах «Хургаду» и «Марбург» — ошибка. Один томик подарю Белле Абрамовне, с которой у меня назначенное еще вчера, свидание, один для Татьяны и Татьяны Алексеевны, которые наверняка роман не прочтут, Татьяна еще «не дочитала» моих дневников, один — в запас. Вася, молодец, все-таки достал по моей просьбе книжечку из серии «Повседневная жизнь», которую выпускает «Молодая гвардия». Не известный мне автор Валентина Антипина, посвящена книжка «советским писателям». Целиком название звучит так: «Повседневная жизнь советских писателей. 1930–1950 годы».

Здесь много замечательных архивных сведений, так сказать, взятых в «моем ракурсе». Постараюсь дальше что-нибудь занятное поцитировать, а пока эпизодик, который я обязательно вставлю в новый роман. Кое-что я о Таирове, его снятии в присутствии будущего ректора Литинститута Пименова, о Алисе Георгиевне Коонен уже написал, теперь анонимная «деталька»: «Съезд писателей закончился несколько дней назад — банкетом в Колонном зале. Рассказывают, что было очень пьяно. Что какой-то нарезавшийся поэт ударил Таирова, обругав его предварительно «эстетом»…

Встретился с Беллой Абрамовной Ушаренко, моим вторым зубным врачом. Довольно долго болтали, пока Белла Абрамовна что-то мне ремонтировала. Говорили о Турции, о памятниках античной культуры. И Белла Абрамовна, и вчерашний врач Элла Ивановна много интересного мне рассказали о физиологии. О повальном пародонтозе в средние века, когда на куске мяса за столом мог остаться зуб — появилась вилка, о моде на декольте, об особенностях организма и о многом другом.

Вечером поднялась температура, то ли от истерзанных моих челюстей, то ли от простуды, которую нажил в машине, когда ехали от Валеры.

Уже пару дней читаю Кундеру. Начинаю понимать, о чем говорил Кириллов, сравнивая между собой русский и европейский современные романы. Звонил А. Ф. Киселев из «Дрофы». Им в издательство пришла бумага из Букеровского комитета: номинированный издательством роман С. Есина «Марбург» вошел в длинный список. У меня по этому случаю ни ликования, ни радости нет. Мне никакой награды не видать.

7 июля, пятница. Как обычно Ашот, положил мне в почтовый ящик газетные вырезки, касающиеся литературы, на этот раз это «дружественные» «Коммерсант» и «дружественная» «Культура». Объявляя о длинном списке, я в нем, кажется, стою под 15

номером, газеты, естественно, объявили только самых известных писателей: «В лонг-лист вошли уже нашумевшие романы — такие как «Москва-ква-ква» Василия Аксенова, «Учебник рисования» Максима Кантора, «Санькя» Захара Прилепина — и новые произведения известных авторов — «2017» Ольги Славниковой, «Ниязбек» Юлии Латыниной, «Хвастунья» Инны Лиснянской». Я автор неизвестный. Начинаю верить, что в прессе действительно существуют некий лист с «неупоминаемыми» в положительном плане фамилиями. На этот раз, — это было бы мне понятно, — заметка в «Коммерсанте» подписана даже не Лизой Новиковой, некой Майей Стравинской. О «Культуре» не говорю, если в ней такой *мулодец* редактор, сумевший растерять и былой авторитет и тираж, если в ней работает и пишет скучищу о кино Света Хохрякова, ученица Вишневской. Отзывы последней о своей ученице — утаю. Так как у меня нет своей газеты, а есть чувство и ощущение несправедливости, начну писать об этих девочках и мальчиках, критиках, в своих Дневниках. Есть у меня и что сказать о Лизе Новиковой, как о дочери ее отца. Но вот и цитата из «Культуры», где с литературой разбиралась Елена Гаревская. «В длинном списке много произведений писателей, которые рецензировались в «Культуре»: Ольга Славникова «2017», Лев Тимофеев «Портрет художника в траурной рамке», Захар Прилепин «Санькя», Василий Аксенов «Москва-Ква-Ква» и многие другие». В список романистов, которых рецензирует «Культура», я не вошел.

С восторгом и трепетом читаю историю советских писателей. Какие поразительные факты.

8 июля, суббота. Щека болит, распухли железки под челюстью. Утром провожали Татьяну. Ее взялся в аэропорт везти Толик: для меня это и свободное время и поддержка человека в беде. Он пока без работы, суд у него через пару дней. Он, наконец, мне признался, что в суде ему уже намекнули, что оправдательный приговор обойдется ему в 15 тысяч рублей. Но не с Толиковым характером подобное выслушивать, как он при этом еще и не заехал в морду, я не знаю. Пока мы с ним договорились, что летом, если его лишат водительских прав, его машина пусть постоит на даче у С.П., а зимой в гараже в Обнинске. Я все равно в Обнинск приезжаю зимой на новой «Ниве», которая в гараж не входит.

Толик повез Татьяну, я выехал, прихватив С.П. в одиннадцать. По дороге в Обнинске мы заехали в «Техносилу». Здесь совершенно другой стиль, нежели в Москве, где все равно все равно купят, и продавцы уже привыкли и плевали на капитализм. Здесь каждый продавец может остаться без работы. С.П. купил

себе именно здесь телефон для дома, с определителем, как он любит, и бачок для подогрева воды — у него тоже грядет отключение. Если все будет благополучно, то на следующий год я тоже куплю себе большой бойлер и установлю в шкафу в туалете — горячая вода весь месяц «отключки» будет и в ванной, и на кухне. В Обнинске благодать, но почему-то, от жары или от старости, сил никаких нет. Только читаю и иногда смотрю фильмы.

По мере чтения «Советских писателей» возникла идея кое-что сгруппировать вокруг наших «непоставленных» мемориальных досок, если я не ошибаюсь, то хотели открыть доску, связанную с именем Павла Васильева. Вот это было бы здорово: здесь столько о предательстве наших письменников…

Как же это я ничего не сказал о замечательных фрагментах интернет-конференции, на которой Путин разговаривал с человечеством? Это не справедливо. Он придумал чудные пассажи. В ответ на вопрос дамы из Би-Би-Си не снизят ли уменьшенные поставки нефти в Европу имидж России, Путин сразу же раскусил, что речь идет об Украине с ее претензиями и Крыме, и спросил у смелой дамы, сколько стоит ее ожерелье и не собирается ли она его отдать первому встречному? Помогайте кому хотите, но за свой счет, не за счет русских. Второй эпизод. Он связан с двойными стандартами в современной политике. Если вдруг Южная Осетия, на референдуме решит присоединиться к России и, если Преднестровье заявит на референдуме тоже самое, то почему мы не должны прислушиваться к праву на самоопределение народа? А как же единство Грузии? А пусть Грузия проведет в Южной Осетии референдум: хотят осетины быть в составе России или в составе Грузии? Дальше пошел пример с краем Косово, получающим самостоятельность. Потом якобы наивный и справедливый вопрос: почему в этом случае не давать свободу Чечне? Не провести там референдум? Ответ: а Чечня во время принятия своей конституции проголосовала за пунктом в ней о единстве с Россией. Вот тебе и референдум! Очень все кругло.

9 июля, воскресенье. С восьми до десяти утром занимался теплицами и садом, поливкой, прополкой, организовал маленькую клумбу с анютиными глазками. С вечера накануне посмотрел темы для этюдов, которые представили преподаватели. Наверное, в этом году для прозы я сделаю несколько вариантов тем для этюдов по прозе. У меня отобрано 100 человек. Если, дай Бог, все приедут, то я сойду с ума, читая одно и тоже. Вперед, за работу. Не вызывают никаких сомнений темы у Гусева и Вишневской.

Проза, первый вариант.

1. «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?» (Б.Пастернак)

2. Русский литератор берет интервью у Наполеона на острове св. Елены.

3. Это лист салата, он тоже дышит.

4. Роман с дурью.

5. Памятник себе. Материал, объем, идея?

6. Разъяренные феминистки атакуют мужское общежитие.

Проза, второй вариант.

1. Вы тоже выбрали для школьного сочинения тему горьковского «На дне»? Почему?

2. Народ, который зимой ест мороженое, победить нельзя.

3. Олигарх уходит в монастырь.

4. Особенность границы между городом и деревней.

5. В меня влюбился мотоцикл.

6. Гламур не для дур?

Проза, третий вариант.

1. Микельанджело: «Не надо бояться смерти, если тебе нравится жизнь, то и смерть тоже понравится. Ведь это дело рук одного Мастера».

2. Фрагмент из 3 тома «Мертвых душ».

3. В трех верстах от Рублевки.

4. Девочка без персиков (по картине В.Серова).

5. Мне жалко зверей в цирке.

6. В общежитии Сорбонны тоже случаются беспорядки.

Уже по темам ясно, что и я в своем выборе изменился, и время ушло вперед, и литература двинулась. Уже нет смысла давать открыто социальные и изобразительные темы сами по себе, — это бессмысленно, все напишут, и ничего не узнаешь. А хочется узнать основное: есть ли сердце? Постараюсь через БНТ пробить идею неких «билетов»: каждый из абитуриентов получает один из трех или двух «вариантов» тем, номер пакета фиксируется. Есть решение и по проверке этюдов. Проверять надо сериями. Здесь появится возможность объективно выявить лучших. При таком способе легче установить критерий для оценок. Это надо делать особенно, потому что в этом году опять будет действовать стобалльная система.

Поэзия.

1. «Я родился в маленьком городе, и чтобы он не стал еще меньше, я никогда не уеду из него». Плутарх.

2. Гармония или свобода в поэзии? (По Гегелю, Шиллеру, Пушкину, Блоку).

3. За что я ненавижу великую русскую литературу?

4. Что означает Родину любить?

5. «Когда судьба по следу шла за нами». А.Тарковский.

6. «А шарик улетел…» Б.Окуджава.

Критика.

1. В чем обаяние Обломова?

2. Трое Толстых, четвертая Толстая: случайность? Каковы места по ранжиру?

3. Погода и литература.

4. Бывает ли буржуазная литература?

5. Робот пишет стихи. Почему не художественно?

6. Полезен ли Интернет для литературы?

Гусев он всегда Гусев — работает в «десятку», в его темах и проблема и сегодняшний день, а главное есть над чем думать.

Драматургия.

1. Новая драма или новое приспособление.

2. Что такое русский национальный театр?

3. Футбол под фанатов, пение под фанеру.

4. Диалог с сержантом ГБДД.

5. «Чайка» — сюжет для небольшого рассказа.

6. Почему Литературный институт носит имя Горького.

Выборка из тем, которые представила И.Л.Вишневская. Всего тем 22, но очень много сделано здесь по старинной филологической инерции. Надо ли сражаться с ветряными мельницами? Страшная смерть отечественных поэтов. А где, так сказать, «драматургическая» компонента?

Детская литература.

1. Выступление Левши в Министерстве Образования России.

2. Спор Бабы Яги и Карлсона о полетах и детях.

3. Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет — пословица для дураков.

4. История пса, брошенного хозяином.

5. Я — победитель конкурса красоты среди нищих.

6. Ребенок — существо думающее.

Это уже Ал. Торопцев, тоже почти в точку. Уверен, что первую тему мое новое начальство вырежет. А вдруг нет?

Публицистика.

1. «Мечты, которые сбываются, это не мечты, а планы» (А.Вампилов)

2. Почему я хожу (не хожу) на выборы.

3. Эту книгу я перечитывал(а) много раз.

4. В пределах (за пределами) МКАД. Взгляд москвича (не москвича).

5. Милосердие начинается у себя дома. (Английская пословица).

6. Что означает родину любить?

Не успел доехать до Москвы, как ужасное известие: в Иркутске разбился аэробус. Иногда я думаю, что лучше такие новости и не узнавать сразу. Они заполонили всю жизнь, каждый день кого-нибудь убивают, кто-нибудь разбивается. Показали по ТВ и саму катастрофу, столб пламени, в котором сгорел самолет. Они что не понимают, что показывают огонь, в котором в этот момент горят живые люди? Самолет уже сел, но что-то случилось с тормозами или какая-то разладка, и машина покатила, ничем не сдерживаемая, по взлетной полосе, потом дала скосяка, пробила бетонное ограждение и уткнулась в кирпичные индивидуальные гаражи. Специалисты предполагали разные причины, но возникло еще одно условие, которое оказалось не выполненным. Вокруг летного поля должна быть двухсотметровая засыпанная гравием полоса и никаких гаражей. Возможно, в этих двухстах метрах самолет бы увяз. Какая здесь меня взяла злость. Я отчетливо представил себе, как за положение, за взятку, за блага или даже по любви к начальству одни чиновники разрешили это строительство, другие, которые должны были надзирать за порядком, на все это не обратили внимание. В Иркутске — министр транспорта Игорь Ливитин, о зарплате которого недавно писал «Труд». Может быть, свои собственные коммерчески дела отвлекают? Сколько говорится слов чиновниками, а люди гибнут. В списке погибших, которые опубликован телевидением, есть и имя Марии Распутиной. У меня все сжалось, такая возникла тоска, такая жалость, так что-то стало комом в горле. Через несколько минут В.С. позвонил Слава Басков, худшее подтвердилось — это дочь Валентина Григорьевича. Как же он это перенесет?

Тем не менее, моя печаль, она локальная, это бедному отцу жить теперь с этим все годы до смерти.

Стал смотреть футбол, решающий матч между Францией и Италией. Но до этого прочел новый и любимый «Труд». Внимание привлекла небольшая заметка: солдатика, ефрейтора, бедного мальчика некого Гугаева отослали служить на дачу к бывшему повару, который стал держать его за раба. Полковника Александра Погудина (полковник не боевой, служащий в академии в Санкт-Петербурге, в батальоне обеспечения, значит хозяйственник, снабженец) присудил наш российский справедливый суд всего к штрафу в 50 тысяч рублей. Какой позор, из армии даже не выгнали. В рабстве этот мальчик был у повара, наверняка бывшего сослуживца этого неразжалованного полковника. Я хотел бы взглянуть, что бы сделал наш русский царь, если бы ему на глаза попалось подобное дело. В порошок бы стер, выгнал из армии, насильно постриг в монахи, лишил

дворянства. Полковника, видит те ли, хорошо характеризовали. Это опять все те же гаражи за взлетной полосой.

Я болел за Францию, команды были равные. В самом конце матча итальянский игрок Марко Маторацци что-то видимо обидное сказал Зидану, тот ударил его головой, игрок упал, Зидана, лучшего игрока планеты, удалили с поля. Какое мужское благородство, на обиду ответить тут же, не ведя никаких подсчетов! Но что ему было сказано?

10 июня, понедельник. Решил на ревизию поехать в Сопово. Все утро собирался и стаскивал в машину книги и бумаги, скопившиеся после того, как я освободил свой кабинет. Как изменилась моя жизнь и сколько осталось бумаг и памятных вещей от прежней. Выехал часов в одиннадцать и ехал довольно легко, по дороге заехав в магазин, где смотрел печные трубы, а потом на рынке в Электрогорске покупал продукты, молоко, сметану, овощи. На всякий случай купил полкило сарделек, потому что вроде бы обещал после разбора его «пьяного дела» приехать Толик.

Он приехал под вечер, мы поговорили, и что меня в этом разговоре порадовало? Ой, какая странная и большая страна Россия. Судья, которая должна была разбирать его дело, оказалась не такой уж простенькой и быстрой, как по нашей прессе мы представляем себе суд. Мальчика-секретаря, который уверял, что «проблема решаема» не было. Кажется, и судья была другая. Толик все рассказал и судья, разбирая бумаги, представленные милицией и «летучей» милицейской экспертизой отнеслась к ним без должного доверия. Вы не производите впечатление пьющего человека. Это реплика судьи. Читая акт, она остановилась на фразе: дрожали руки. У вас и сейчас дрожат руки, и это ни о чем не говорит, также, что вы говорили тихим голосом. Вот такая сцена, в результате которой Толик, кажется, повез в комиссию частное определение. Но все будет решаться дальше и решатся без его участия.

По телефону В.С. сказала, что убили Басаева. Я не могу радоваться, такой уж у меня характер, смерти ни одного человека. Смерть человек это умаление Божьей сущности в этом мире. И не с чем здесь друг друга поздравлять.

11 июля, вторник. Утром позвонила Оксана Лисковая и сказала, что БНТ просит, чтобы я показал ему темы этюдов. Я боюсь, что эта инициатива инспирирована самой Оксаной Павловной. Знание тем — это свобода действий. Наши преподаватели, кажется, уже выучили всех своих детей и внуков. Но я помню, как совсем недавно рассказал один парень, поступающий на журфак, что он заплатил репетитору 2000

долларов за список тем, которые якобы будут на экзамене. С другой стороны, черт с ними с нашими страдальцами за бюрократию, пусть делают что хотят. Темы у меня готовы, но удивительно, с БНТ мы договорились на 17-ое, когда я даю первую консультацию.

Завтра очередная операция у В. С. Придется с дачи уезжать. А здесь так просторно и хорошо, после того как я чуть-чуть разобрался. Делал я это с удовольствием, соскучился по хозяйству, но есть одна сложность. Племянник покойного Ю.М. не очень добросовестно, видимо, дачу строил, сел угол у террасы, и просел пол в зале. Завтра должен приехать Анатолий, он собирается вскрыть полы и, хотя бы посмотреть, не лежат ли балки прямо на земле.

12 июля, среда. Утром поехал в институт на машине. Мирно поговорил с БНТ, обсудили с ним темы по этюду. Кое-что он резонно поправил. Я рассказал все что знал о экзаменах и опасностях, которые здесь нас поджидают. Тут же все разложили в конверты и оставили все в сейфе. БНТ попросил меня посмотреть и Модестовские темы. Сложность здесь в том, что они в принципе, все посвящены одному: что такое переводчик. Если ты готов к одной, автоматически пишешь и все остальные. Но, коли ребята выбрали на всю жизнь английский язык, кое-что они должны знать и об Англии? В этом духе я и предложил. «Что вы знаете из книг, телевизионных передач и кинофильмов об Англии?», «Чем бы занялся в наши дни Левша в столице Британии?»

Потом на метро поехал к В.С. Ей операцию уже сделали, она не очень сложная, но мучительная. Но В.С. мастерски терпит любые боли. Когда я пришел, она уже вскипятила чайник, и не отпустила меня, пока я не съел пару бутербродов с беконом и колбасой.

Обсудили с ней в первую очередь выступление председателя избиркома Вишнякова, комментирующего последние законы о выборах. Как и ему, мне тоже кажется, что все это довольно страшно. В любой момент во время избирательной компании тебя могу обвинить, в чем бы то ни было и снять с выборов. Выборы без выборов. Вопрос и необычность ситуации в том, как чиновник такого уровня решился на подобное, практически уйти в оппозицию. Это еще раз говорит о том, что в русском человеке есть неконтролируемый элемент жизни. А декабристы чего полезли против власти?

Потихонечку работаю над романом. В Москве жарко, силы у меня появляются только возле компьютера.

13 июля, четверг. Утром позвонила Галина Степановна. Она

плачет, потому что знала Машу Распутину и дружит со Светланой Ивановной и Валентином Григорьевичем. Рассказала, что собирался накануне ехать в Иркутск Володя Крупин, но потом позвонил сын В.Г. Сергей и сказал, что этого лучше пока не делать. Это и понятно, в горе человек старается закрыться, уйти от всех. Вроде бы — это сведения опять через Крупина — В.Г. опознал дочь, по нательному крестику. Крестик этот вроде бы привез из Палестины в подарок Маше Владимир Николаевич Крупин. Но тут же сказал, что это тело опознал также кто-то из других родственников погибших. Состоятся ли завтра похороны или нет, неизвестно.

Я сказал Г.С., что хотел послать телеграмму В.Г., но постеснялся, в этой ситуации быть нескромным. Г.С. довольно решительно сказала мне — пошли. Телеграмму я быстро написал дома, но вот отослать ее оказалось довольно трудно: на почте по Ленинскому 72 телеграммы не принимают, отослал меня на почту Ленинский 64. Там что-то испортилось, и довольно грубо меня отправили не объяснив адреса. Я пешком пошел на знакомую мне почту на проспекте Вернадского возле сберкассы. Они вообще телеграмм не принимают, но девушка посоветовала мне отправить ее из дома, по телефону 06. Это оказалось довольно просто, но теперь с квитанцией, которая прибудет, надо будет снова идти на почту, чтобы платить. Все быстро и хорошо у нас случается только на телевидении.

Весь вечер читал библиографический словарь «Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги». Это для романа, кое-что я в нем уже нашел.

14 июля, пятница. Перед тем как уехать в Обнинск убрался в квартире и погладил белье. Еще вчера выстирал все полотенца и кофточки В.С. Она собирается приехать домой после диализа в субботу и, быть может, хоть это ее порадует.

В «Труде» большая подборка материалов — «Песня для Марии»: здесь Мария Распутина, прощальные слова о ней и два поразительных фото: ее портрет и большой снимок: Светлана Ивановна, Сергей и Валентин Григорьевич выходят из машины после поездки в морг. Жутко!

По дороге после путепровода через железную дорогу подсадил какого-то парня. Без рубашки и без каких-либо вещей очень он упорно шагал в сторону Калуги. Любопытство у меня сильнее страха, что убьют, ограбят, отберут машину — посадил и довез до перекрестка, где одно шоссе уходит на Калугу, а другое на Малый Ярославец. Парня зовут Андрей, ему 33 года. Что-то в его откровенности мне не нравилось, так легко и понятно говорят обычно осужденные, когда выходят на свободу. Как тот парень, я

уже забыл, как его звали, который во время строительства дачи мне помогал, и еще тот молодой мужик, ночевавший в одной гостинице со мною в Горькой Балке, ему я подарил рубашку. Меня еще тогда покойный председатель Чуприна предупредил, толку от подобных людей не бывает, почувствовав свободу, они уже не могут осесть. Тот молодой мужик тоже не стал работать в колхозе и на следующее утро ушел. Возможно, (и скорее всего) рассказанное им чистая правда. Андрей брел в Калугу откуда-то из-под Подольска. Несколько раз его подсаживали, но в основном он рассчитывает только на свои ноги: сажают неохотно, денег, чтобы ехать на автобусе, у него нет.

Несколько месяцев он работает на стройке сварщиком — специалист по железным дверям. Вчера должен был получить полный расчет. Наниматель, некто грузин по имени Сергей Борисович все это время выдавал небольшие авансы — на жизнь и на питание; должен он Андрею что-то около 45 тысяч рублей. Так вот вчера, когда они пришли за расчетом, оказалось, что офис открыт, компьютера и телефонов нет, нет и нанимателя, который, оказывается, был на подряде. Андрей понял, что его кинули.

Вторая линия — биография. Воевал несколько лет в разведроте в Чечне, довольно подробно и конкретно об этом рассказывает. Вернувшись, ничего не приобрел. Живет где-то в поселке, в доме, который с братьями делить не хочет. Третья линия — это несчастная семейная жизнь. Жена, лет на десять его моложе, с ней он прижил дочку, связалась с каким-то своим ровесником-охранником и уходит к нему. У Андрея сравнительно недавно была какая-то операция. Жена не хочет, чтобы дочка забыла отца, которого любит. «Я и стирал, и гулял, и в садик за ней ходил. Моя это дочка». Теперь жена предлагает, чтобы Андрей жил с ней, с дочкой и ее новым мужем, в его квартире. С мужем Андрей знаком. Но как это все изобразить в литературе, я не представляю.

В Обнинске впервые за несколько последних дней стал смотреть телевизор. Опускаю политические подробности, но саммит, который начинается завтра, это интересно: Константиновский дворец, ужин Путина и Буша при свечах с лакеями в перчатках. Лакеев можно назвать и официантами. Империя! Показали в Константиновском дворце первую машину Путина — белый «Запорожец». Он купил его, когда был студентом. У меня был такой же, только желтого цвета. Но время у меня было другое: мой ушастый «Запорожец» появился у меня, когда мне исполнилось 40 лет.

15–16 июля, суббота, воскресенье. Сдвоил дни, потому что провел их, как никогда однообразно: с напряжением и потерей

времени прорывался через следующий эпизод романа. Мой герой идет вдоль нашего литинститутского кафе «Форте». Здесь ему приходят в голову разные мысли относительно поэзии и поэтов, которых засадили их же товарищи. Я ни за что бы не одолел этот «перевал», если бы не подарок Дины Кандаксазовой — словарь «Русская литература. XX век». В нем я нашел все, что мне недоставало для работы. Практически за два дня, все время находясь в поле романа, я вчерне сбил эпизод, и сразу же что-то замаячило впереди новенькое. Еще раз убедился, что озлобление плохой советчик в литературе, почему-то передумал сводить некоторые литературные счеты, хотя хочется. Больше всего я последнее время думаю о М.Ю., оказавшемся видимо заложником своих игривых разговоров во времени выборов. Теперь я много думаю о Мише и как о духовном выученике Ю.И.Минералова, и пытаюсь не думать о нем, как о возможном литературном персонаже.

Вообще, хотя С.П. и советовал мне по собственному примеру не думать об институте, я постоянно думаю, а в частности, о будущей судьбе. В некоторых материалах проходило сожаление, что институт утратил свою особенность и элитарность. Я-то, в отличие от воспоминателей собственной молодости, понимаю, что раньше, хотя также редко и мало выходило из институт крупных, заметных писателей, но сама принадлежность к литинститутскому сообществу как бы гарантировала восхищение, я-то понимаю, что дело в том, когда везде и все было запрещено, в институте что-то было все же можно. Это были не новые идеи, а только возможность говорить о самом банальном. В тот момент, когда со сменой времени свою свободу это институт утратил, я повел его по единственному верному пути: сбережение и сохранении традиции. В конечном итоге Малый театр переиграл новаторства Мейерхольда.

Из дачных подвигов, кроме большой поливки, я еще посадил банку семенного лука. Может быть, к осени вырастит зелень. И так меня радуют петунии, которые поднялись в цветочном горшке. И почему я так полюбил цветы — м.б., их неверная и недолгая красота особенно близка старым людям, сознающим, как мимолетна жизнь.

За субботу и воскресенье, когда приехал С. П., пока свободно распоряжающийся своим временем, потому что его сын сейчас в Крыму, посмотрели на диске два американских фильма средней руки. Первый «Где же правда» — скорее не об убийстве, а об мерзости людей в шоу-бизесе. Второй фильм «Торговля телами» о проституции, в частности детской, об импорте из восточной Европы живого товара. Самое интересное то, что наши проблемы

подняли американцы.

По всем каналам Путин и саммит. Путин стал раскованнее и как-то добрее. Мне нравится в нем все время вылезающее мальчишеское, что-то свойственное его дворовому детству.

В.С. в субботу вернулась, как я и предполагал, из больницы и смотрела телевизор. Ура!

17 июля, понедельник. Утром на метро ездил на Октябрьское поле в аптеку за рекармоном. На этот раз дали шесть коробок, это на полтора месяца — во время диализа В.С. принимает по две ампулы, на неделю коробку. Посмотрел на цену — 7225 рублей 02 копейки упаковка. Как хорошо, что во время психоза с монетизацией льгот, Валя не согласилась ни на какую денежную компенсацию. В институте, когда вернулся из аптеки, поставил лекарство в холодильник в отделе кадров. Евгения Александровна, которая только что сделала операцию, чувствует себя по видимости неплохо, по крайней мере, вид у нее бодрый. Дай Бог, чтобы пронесло.

Все время нахожусь в поле воскресной работы над романом. В библиотеке взял Клычкова, Корнилова и Васильева. Кажется, меня ожидает юношеское удовольствие от поэзии.

В три часа началась моя консультация по этюду. В конференц-зале ребята стояли. БНТ хотел на консультации присутствовать. Я все начал с того, что представился сам и представил ректора. БНТ очень неплохо и толково сказал вступительное слово. Я, как обычно, начал со своего старого постулата о интеллектуальной гигиене писателя. Вот, дескать, в тринадцатый или в пятнадцатый раз провожу консультацию и знаю, что если хоть раз повторюсь, употреблю во время своего выступления привычные формулы, то это означает — погиб. На этот раз я выбрал такую стремительную форму вопросов, когда каждый вопрос облекаю в целый кокон своих высказываний. Это принцип института, мы привычные

18 июля, вторник. Я уже вчера понял, что мой роман окончательно встал. Возможно, что-то возобновиться, когда закончу все экзамены, по крайней мере, все, что касается моего семинара. Но в этом и заключается особенность точно начатой работы… В свое время мне говорил об этом Г.Я. Бакланов. Подобная работа, как воронка, в нее засасывает все… Это действительно справедливо, уже сделанное начинает притягивать к себе все остальное.

Приехал утром к 9 часам в институт, слишком рано, встретил там Инну Ивановну Ростовцеву, которая в этом году начинает вести у нас семинар. Она дала мне статью о поэте советской поры Владимире Державине, о котором я знал как о знаменитом

переводчике. Говорили, как его еще молодого, поэта, так сказать, классической школы, оттесняли от трибуны и печати. Я даже не представлял, какая борьба, в том числе и за собственную практику шла на 1-м съезде писателей. Как упорно оттеснялись конкуренты, как вступил против именно классической манеры Державина Семен Кирсанов. Устаревшее письмо, он даже Державина поцитировал. Свой всегда должен помогать своим, — потом Вера Инбер попеняла самому Бухарину, что он столько времени в докладе уделил Брюсову, обделив Кирсанова. У Инны Ивановны замечательный в статье появился термин «прицельная критика». Это то, о чем я сейчас пишу. В романе воспользуюсь этим термином, не мною изобретенным, сноску делать не стану, а вот в дневнике не отметить этого не могу. Инна Ивановна очень высоко оценивает стихи Максима Лаврентьева. Я этим горжусь.

В десять часов посадили всех студентов в аудитории и начали экзамен. У меня на двадцать мест восемьдесят абитуриентов. Писали все довольно разнообразно. Проверял работы и считал баллы до восьми часов, около трети прочел, остальное буду читать завтра.

Обедал с Б.Н., он спросил: когда я собираюсь идти в отпуск. Внутри себя я поулыбался.

Вечером сидели в приемной комиссии. Разговорились с Лешей Антоновым о Лисунове. Обсуждали его увольнение из института. Картина довольно подлая. Заодно поговорили о том, что наша матушка Молчанова, оказывается, согласилась пойти на живое и теплое место Лисунова. Я вспомнил, как в свое время, когда Молчанову теснил с кафедры Гусев, я сумел ее сохранить в институте. Это своеобразие верующих людей, пришедших к вере непосредственно из партбюро. Лисунов по почте, в то время когда он лежал в больнице, получил уведомление, что контракт с ним продлен быть не может. За чьей, интересно, подписью. Я уже перестал задумываться, чей ученик Миша Стояновский.

19июля, среда. Утром до двенадцати читал этюды, ничего выдающегося пока нет. Совершенно неожиданно позвонил Паша Басинский. Сергей Николаевич, купите в пятницу нашу «толстушку» и прочтите там статью о Вашем романе. Попутно поговорили о конкурсе «Большая книга». Паша посоветовал мне заглянуть в Интернет. Там уже выставлен, дескать, и короткий список. Ребята его, Павла, поколения разобрали и распределили все места между собой. Потом мне Леня Колпаков сказал, что выкинули не только меня, но буквально всех, кто не участвует в их поколенчески-либеральной тусовке. Жалко, конечно, бедный Степашин, хотел, как президент Книжного союза нормальной честной премии, а за спиной получил игру либералов, людей, как

мне кажется, не вполне близких ему, и мелкую возню, осененную его именем.

20 июля, четверг. Смотрел опять фильмы Ким Ки Дука. До конца посмотрел «Береговую охрану», а потом и «Натянутую тетиву». Можно говорить и о реализме, и о поэтическом кино, и о верности жизни, и о ее полетах. Для искусства это не имеет никакого значения. Лишь бы точно складывалось действие в каждом эпизоде. Это также, как и в прозе.

21 июля, пятница. Очень нервничал, что сегодня надо обязательно побывать и на дне рождения Валентина Васильевича Сорокина, которому исполняется 70 лет, и сегодня же, и даже в тот же самый час, на юбилее «Дрофы». По этому поводу звонил сам Александр Федотович Киселев, директор, ему я ни в чем и никогда отказать до конца моей жизни не смогу. Принялся звонить Сорокину, но, оказалось, я как обычно все перепутал, его юбилей во вторник. С облегчением сразу же побежал за «толстушкой» «Российской газеты». Ночью, между прочим, спал плохо. Во сне также думал об этой, Басинского, статье о моем романе. Старый мужик, все видел и все перетер, а тебя еще волнует статья литературного критика! Правда, критик не простой, Басинский сейчас, возможно, один из лучших, если не лучший. По крайней мере, человек не только замечательного вкуса и близкого к моему, серединного, мировоззрения, но и обладатель не нужного, как мне всегда казалось в критике рудимента — сердца. Там же на улице, прислонившись у метро к какому-то ларьку, прочел.

Вот несколько фрагментов из этой статьи, мне важных. Начинается все с большого и очень любопытного рассуждения о романе. *«Главное отличие русского романа от европейского в том, что русский роман — это роман «со смещенным центром тяжести». Поскольку «центром тяжести» любого романа является главный герой, то русский роман — это роман, где акцент с главного героя смещен на другие персонажи».* Дальше идут примеры и уточнения. Потом Павел приступает ко мне. *«Самое интересное, что новый роман известного писателя Сергея Есина написан как раз в узнаваемой европейской манере. Причем современной европейской манере. Современная серьезная европейская проза, как правило, бессюжетна и крайне индивидуалистична. На реального читателя она не ориентированна, с его ритмом жизни не считается. Время течет вязко, медленно, детали громоздятся друг на друга, часто повторяясь, когда автор почему-либо желает одну и ту же деталь смаковать. И обязательно в сердцевине темы — болезнь. Физическая или психическая. Здоровый человек этой прозе*

неинтересен. Здоровый человек — это норма, а зачем норме писатель? Она и так всем известна. Герой должен быть либо импотентом, либо маньяком.

Поверхностно новый роман Сергея Есина можно и так прочитать…»

Дальше выпускаю, выпускаю. Кое-где Паша прозорлив до изумления. Докапывается до потаенного, тщательно скрываемого мною, кажется, что это я сам говорю о себе. *«Пожалуй, это первый из известных мне романов, где любовь приравнена к ответственности за любимого человека. Донести свою ношу и закончиться как личность, потому что смысл твоей жизни в том, что ты — носильщик. И ты счастлив, потому что тебе не пришлось выбирать своей крест. Тебе его просто подарили».* Невероятно прозорливо. Что бы, собственно, я делал и в жизни и в литературе без этого «креста»? *«Герой обязан быть здоров, потому что больна жена. Потому что на высокий индивидуализм нет морального права».*

Ну, а теперь и то, что может показаться автору обидным или хотя бы его смутить, но без чего этот автор не может обойтись. *«Те, кто читали не так давно изданные дневники Сергея Есина (прижизненные, как сейчас принято), знают, что сюжет более, чем реален для автора. Стоило ли из своей реальной жизни делать полупридуманный роман — вопрос лично для меня открытый. Жанр прижизненно опубликованных дневников в этом случае мне кажется более внятным. Но соединение Ломоносова с Пастернаком в контексте болезни жены героя — ход удивительно неожиданный!»*

Все-таки так редко обо мне писали, не зажав завистливо губу! Я полагаю, что Паша прочел и большую статью Левы Аннинского. Критики между собой не спорят, один говорит поверх другого. Паша, к счастью, не человек моего жуткого поколения.

«Но главное — в романе (что, конечно, невозможно в дневниках) просматривается важная христианская мысль, Это мысль христианская, известная, но мало кем сегодня понимаемая. Бог дает человеку такой крест, какой он способен вынести. Главный герой романа — это очень сильный человек».

Около часа из института, куда я завозил проверенные этюды, выехал на празднество «Дрофы». Встретил БНТ, А.К. Михальскую и нашего выпускника Олега Цыбулько. Последнее время меня заинтересовал этот парень, собирающийся идти в аспирантуру. Мягок, улыбчив, контактен, что у него за душой? Рывок он за время института сделал большой, от хорошего спортсмена-пловца почти до аспиранта. Тем не менее, что-то в нем мне мерещится холодно-рациональное. Состоялся интересный разговор с БНТ,

мной и Михальской о сегодняшнем студенте и о его владении русским языком.

Сегодня Анна Константиновна диктовала абитуриентам текст для изложения, это был текст Бунина. Она обратила внимание, что огромное количество слов — уже непонятно. Они не знают, например, слова «нагайка», «Черкесска». Как же они будут читать художественную литературу? Телевидение с его бездумными ведущими и безумными примитивными текстами вымывает лексику, язык оскудевает.

Торжество должно было состояться в спортивном парке «Волен». Это на 63-м километре Дмитровского шоссе. Пока ехал, удивлялся. Я ведь столько раз в молодости катал по этой дороге в Хлебниково, где у тещи Антонины Петровны была дача. Когда переезжал по мосту над каналом, отчетливо увидел себя на байдарке посередине воды. Какая молодость, какая сила, сколько всего впереди! Впомнилось, как плавали по водохранилищу с Валей. Я тогда работал в «Комсомольской правде», если я в тот день дежурил, то до двух часов проводил время на воде.

Все сильно изменилось, куда делись маленькие деревянные дачки с верандами, тетки, торговавшие ягодами возле дороги. И вообще мы, сидя у своих телевизоров, плохо представляем, как меняется жизнь. Газетные статьи мало рассказывают, о том, как реально она меняется. Мы все думаем о бедных, об их тоске и нищете, а тем временем вырос уже целый класс богатых. Парк «Волен» — это, видимо, большой и дорогой комплекс, для занятий зимними видами спорта. Но и летом, видимо, есть чем здесь заняться.

От шоссе дорога поднималась резко в гору, а на вершине на плато построен и этот «парк» — большой отель, стоянки для автомашин. Везде ворота, загородки, масса охраны и обслуживающего персонала, один мир надежно отделен от другого. На стоянке толпы машин, несколько больших автобусов. Я не предполагал масштаба праздника.

Из-за пробок, я, наверное, на полчаса опоздал, но, хотя все уже сидели за роскошно накрытыми столами, церемония еще не началась. Мой стол оказался номер третий. А столов этих была уйма. Все рассчитывалось, видимо, на жаркую погоду.

Мне бы надо записать имена людей, с которыми я оказался за столом, но это обычное мое свойство, что с первого раза ничего не могу запоминать. Лучше я запомнил еду и саму церемонию. Наверное, почти так кормили и поили толпы гостей, обслуживающего персонала и журналистов в Ленинграде на путинском саммите. А здесь надо говорить в первую очередь о другом моем знакомом все о том же Александре Федотовиче.

Он все это гениально придумал и гениально сам вел. За всем чувствовался характер, уверенность в себе и личность. Передать это почти невозможно. Под благодушный восторг зала, он сказал, что хотя он и доктор наук, и приготовил доклад минут на сорок, но прочел десять или двадцать стихотворных строф об издательстве.

Прошли, уже 15 лет
и, наконец, нас ждет Банкет…
Все стихотворение не цитирую, а для истории надо бы.

15 лет она творит
Шедевры новых школьных книг.

После, как оказалось, всеми любимого сьтихотворца выступил Олег Ткач, люди из академии наук, читали адреса от С.М.Миронова и Думы, от Людмилы Путиной, от министерства. Кого-то наградили грамотами, все быстро и четко. Встретился глазами с Виктором Антоновичем Садовничьим, сидевшим почти рядом со мною за соседним столом. Я все думал, что надо бы ему как-нибудь передать или хотя бы сказать, что написан роман об ученом и поэте, именем которого назван Университет. Он смутно меня узнал, рядом с ним сидел зам. министра образования. В карих холодных глазах математика, я не прочел желания говорить с бывшим ректором. Все совсем не так как было еще со всем недавно.

Александр Федотович объявил меня и как ректора многие годы возглавлявшего вуз, и как автора издательства, и как писателя. Я говорил в микрофон о старых учебниках, называл фамилии Крючкова, Бархударова, Перышкина и желал, чтобы современные учебники также запомнились нынешним школьникам, как в свое время учебники моего поколения.

Уехал довольно быстро, как только начали петь неумирающие, но уже обветшавшие «Самоцветы» и как только попробовал барашка. Не знаю, уж везде ли его подавали или только в ВИП-шатре, где мы сидели. По своей крохоборской привычке перепечатываю меню горячего. За столом я удачно имитировал свою приобщенность к празднику, налив в огромный бокал алого, как вино, вишневого сока. Но каково меню! Ждали Л.И.Путину, она обещала приехать, но начался московский саммит руководителей стран СНГ. Завтра скачки на приз Президента на ипподроме, дамы обязаны быть в шляпках.

Корейка ягненка, печеная на углях.
Сега-гриль под щавелевым соусом
Курица в соусе терияки с кунжутом
Мини-кальмары на гриле с чесноком и зеленым маслом.

Фирменный шашлык из свинины

Баклажаны, печеные на углях.

Что-то подобное, я ел на приеме в честь принца Майкла года два или три назад. Тогда тоже был ягненок, каких-то драгоценных свойств.

22 июля, суббота. Есть у меня темы, о которых я не могу сразу написать. Здесь, видимо, срабатывают какие-то защитные свойства психики. Все до поры до времени остается в себе, и только позже, когда жар углей ослабевает, я начинаю спокойнее об этом размышлять. Я не поставил в дневник свою рецензию на австрийскую студентку ***Райдль (?)***, потому что чувствовал себя трагически обиженным, и ее жалобой, и даже реакцией БНТ. Ну, наконец-то, дескать, попался на некомпетентности или недобросовестности! Все меня угнетало! Здесь пришло бы все объяснять с точки зрения восприятия искусства, доказывать несостоятельность фрагментов текста. У меня настолько определилось чувство своей правоты, что появилась определенная брезгливости, не позволившая поводу спорить и доказывать.

Также я настроен по отношению к событиям, происходящим в Ливане. Уже неделю в ответ на похищение палестинцами двух израильских солдат Израиль бомбит юг Ливана. Разрушаются огромные материальные ценности, гибнут люди. Но, пожалуй, впервые Израиль испытывает определенное сопротивление. Представители шиитской Хизбалы, — по определению это почти 40 процентов населения Ливана, — самодеятельными ракетами бомбардируют израильские города. В частности — Хайфу. Вчера у на ливанскую территорию уже прошли израильские танки. Военная мощь против дерзости. На этот раз Голиаф против Давида. Победит, конечно, Давид, но у меня ощущение, что перевод ливанского сопротивление в сферу партизанской войны может оказаться для Израиля роковым.

Во всем это поразительный двойной счет, причем все отчетливо понимают, на чьей стороне не бумажная, а истинная справедливость. Даже наши средства массовой информации, формально поддерживающие Ливан, иногда прорываются в более крутых формулировках. Так хорошо и настойчиво какой-то парень говорил по Маяку, когда я возвращался из Яхромы о двойных стандартах. Пословица «На миру и смерть красна» — это пословица о русском характере и русской, не умолкающей никогда совести. Когда ехал из Яхромы, позвонил Ваня Журавлев, в этом году окончивший институт, умер его отец Сергей Иванович Журавлев. Мы с ним ездили в Ирак, вместе состоим в Иракском комитете.

Пишу это уже в Обнинске, значит, завтра же придется

возвращаться в Москву, да еще Толику я обещал передать домкрат. Полы на даче в Сопово немножко сели, и я боюсь, что скоро может сгнить весь пол. Все с огромной настойчивостью уводит меня от моих собственных дел.

23 июля воскресенье. Все же в пятницу на праздновании «Дрофы» я простудился. И дело даже не в каком-то легком ветерке, на который я попал в машине без кондиционера, а в том, что моя собственный старый механизм предупреждает, мол, не стоит давать ему такие перегрузки. Утром сделал зарядку и пошел на большой круг. У реки порадовался, что у корейцев, за которыми я с таким вниманием наблюдал весною, все зеленеет и уже давно пошли огурцы и кабачки. Правда, они жалуются, что после холодных ночных туманов огурцы частично пожелтели и приостановились в росте. Я уже перестал задавать себе вопрос, почему корейцы, а не наши возделывают роскошное поле у реки. Видимо, каждому свое. Но почему остальная часть этого поля стоит пустой? Почему на противоположном берегу реки одна за другой вырастают дачи? Опять думал о гастарбайтерах: благо они или зло для России? Наверное ситуация эта выгодна только людям, которые нанимают, продают, меняют.

На даче был Игорь, сын Володи. Рассказывал, что в Москве есть целая сеть, которая наживается на этих людях. Например, один из менеджеров по живому товару едет куда-нибудь в Тулу, где целые лагеря таджиков и узбеков. Отбирает десять человек, их на маленьком автобусе с затененными стеклами привозят в Москву. Первый месяц им что-то дают, чтобы они не умерли с голода, а потом, накануне зарплаты их всех забирает милиция, у которой хозяин стройки их «выкупает».

Полчаса разговаривал по телефону с Леней Колпаковым, и узнал много литературных новостей. Мне начинает казаться, что я положительно на обочине жизни. В частности рассказал о скандале, который возник во время передачи «Школа злословья». Дуня Смирнова и Таня Толстая пригласили Игоря Волгина, широкого и самоигрального человека и вдруг спросили его как вы, дескать, может печататься в таком низкопробном и антисемитском издании, как «Литературная газета». Акцент был, конечно, сделан на понятие «антисемитская». Леня сказал, что газета, подает судебный иск на двух дам, обвиняя из в разжигании национальной розни. Про себя я подумал: старая песня. Бездоказательные обвинения, от которых невозможно отмыться. Да, и от чего отмываться? В русском человеке нет застарелой биологической злобы к людям другой национальности. Я уже много раз писал, что понятие «еврей» возникает тогда, когда без достаточного таланта человек лезет на

не принадлежащее ему место. А понятие «русское быдло», когда человек моей национальности начинает, не имея на то прав и способностей, командовать и воображать себя аристократом.

В четвертом часу все же уехал в Москву, хотя так надоело мотаться на машине. Отсидеться, отдохнуть, отдышатся.

В Москве сразу же проверил температуру. Около 38! Интенсивно принялся лечиться. Мой сосед Михаил Михайлович, тут же по телефону поставил мне диагноз. На фоне тотального падения уровня медицины мне повезло знать нескольких врачей, которые обладают широким кругозором и искусно лечат и диагностируют. Это покойный Саша Науменко, это Дима Хазирашвили, это Мих. Мих.

Вечером, наконец, прочел телевизионную полосу в «Литературной газете». Большая статья Волгина, беседа Ксении Лариной и Пеотровской по «Эху Москвы». Все расценивают выпад двух образованных дам как некую домашнюю заготовку. За живое их берет «Литературная газета». Отвечая двум «комиссаршам в пыльных шлемах», Игорь Волгин пишет. (Привожу цитату, потому что в ней образный комментарий на исторический процесс; Игорь не только замечательный историк литературы, но и историк вообще.) «Что касается распада Союза, мне и впрямь трудно почесть эту глобальную катастрофу великим историческим благом. Хотя всегда найдутся охотники отплясывать качучу на костях собственной страны. Положим, я не люблю Ленина, Сталина, Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова. Но отнюдь не следует восторгаться эпохой, символом которой стала коробка из-под ксерокса. Да, позорное десятилетие. Т.Толстая и А.Смирнова пытаются уверить нас в том, что переход к новой России обошелся малой кровью. О чем идет речь? Тысячи и тысячи трупов в гражданских войнах — в Москве, Чечне, Абхазии, Приднестровье и т. д. и т. п., взрывы домов, убийства детей, наконец, криминальные войны — это что, малая кровь?»

24 июля понедельник. К утру, кажется, немножко оправился. Но битву с нездоровьем решил не прекращать. Перед тем, как ехать на похороны Сергея Ивановича Журавлева, был в аптеке и вооружился. Лекарства перечислять не стану, все равно сделаю ошибку, но зато купил замечательно удобный и дорогой электронный градусник.

Чужие похороны я все чаще и чаще рассматриваю как некую модель своих. Выступавший на похоронах священник очень точно сказал, что Господь забирает человека в самое выгодное именно для человека время. Это нам кажется, что иногда это безвременно или слишком поздно, человек мучается, пути Господни не видны,

но в идею самого благоприятного для человека времени я верю. Может быть, и меня держит на свете, чтобы я что-то успел. На похоронах Сергея Ивановича первым выступил Ю.В.Бондарев, потом Валентин Варенников, потом от СП Станислав Куняев. Я промолчал, хотя если бы выкликнули, сказал о мужском мужестве и смелости этого человека. Все о Сергее Ивановиче говорили очень точно и правильно. Не было ни обычно случающихся в подобных случаях рассказов о себе, ни искусственных преувеличений. Мне было бы трудно говорить о С.И., потому что все сказанное о нем было точно и правдиво. Замечательно сильный, мужественный и энергичный русский человек. Замечательно говорила о верности Надежда Дмитриевна, жена. Таким убитым горем и понурым я ВаниюЖуравлева еще не видел. Рядом с ним стоял такой же крепенький, как боровичок, его брат Дима.

Куняев сказал, что в августовском номере идут мои дневники. Этой публикации я не радуюсь. Редактировал меня Женя Шишкин, правда, он же редактировал меня и в «Нижнем Новгороде». Прошлый раз С.Ю. вырезал из дневников все, кроме политики и еврейского вопроса, который в сгущенном виде мне не свойственен. Кстати, видимо, интересующийся моим творчеством содиализник В.К., полковник в отставке, который ездит с нею на скорой помощи, передал ей для меня два высказывания Димы Быкова по еврейскому вопросу. Видимо, интерес к нему поутих, и Дима решил его несколько оживить. Не разжигает ли Дима национальную рознь, восстанавливая умный и деловой еврейский народ против русских? Вот цитаты. «На Россию пока не махнули рукой только евреи — все копошатся, все им чего-то надо». Далее. «Еврей ведь — тот, кого много, тот, кому всегда чего-то надо».

Телевизор почти не смотрю. Как бы его совсем выключить из жизни. В Краснодаре губернатор Ткачев, который мне нравится, решил переименовать Краснодарский край в Екатеринодарский. В этом я не вижу ничего особенного, если можно, пусть историческая справедливость проявится. Но первое, что сделал Ткачев, это снял с постамента памятник Ленину. На этом месте будет памятник Екатерине Великой. Я думаю, что Екатерина это бы не одобрила. Мне вообще кажется, что Екатерина скорее бы нашла общий язык с Лениным и Сталиным, нежели с Ельциным и Чубайсом. Ткачева бы она пожурила за неловкую почтительность.

25 июля, вторник. Ночью и потом утром читал книгу Басинского о Горьком. Читаю выборочно, смерть Горького, отношение с сыном, о том, как в Америке писалась «Мать». Все это снабжено поразительным количеством материала и

обогащено не заемной, а естественной, органической эрудицией. Я уже писал, о моем «совпадении» с Басинским в освещении ряда вопросов. Здесь нет оголтелой схемы, которая присуща большинству наших документальных писателей. Вы мне скажите, как думать, и я придумаю. Все сложно, как и сам человек, в любом явлении много смыслов, и поводы всегда, как и причины, многовекторны. Я не вытерпел, и когда довольно рано приехал в институт, похвалил книжку Басинского Сереже Федякину. Он как раз вместе с Антоновым ждал, когда зашифруют работы по литературе — шел экзамен. Вот тут я еще раз получил маленький урок, насколько мы все одинаковы. Сережа книжки товарища, с которым он только что написал учебник, не читал, нет времени. И это так *одному* мне не понятно, но так мне *другому* ясно и понятно. Как отчетливо я вижу эту постоянную гонку, ощущение, что время уходит.

Приехал в институт рано, решив сразу, одним махом избавиться от нескольких висящих на мне дел. Во-первых, в три часа должен был начаться в нашем кафе юбилейный вечер Валентина Васильевича Сорокина, во-вторых, я решил сходить к С.С.Федотову в РАО. И ненаписанный протокол, и недоделанный «Вестник» меня давно и сильно угнетали. «Вестник» обилием технических мелочей, которые нужно бы доделать, а протокол полным незнанием, как это сделать. Вдобавок ко всему я потерял «повестку дня». Конечно, все бы я по записям восстановил, и, собственно, за протоколом и решил пойти. Сделать это я собирался до юбилейных торжеств, но у С.С.Федотова оказались какие-то встречи, и решили перенести свидание на половину пятого.

У Сорокина церемония проходила довольно удачно. Народ был в основном союзовский, из организаций писательских, а не институтский. Во главе стола, как и положено, сидел ректор, рядом с ним Гусев. Я вошел в зал, когда все в основном уже заняли места, а какая-то женщина моталась по залу, расставляя таблички с фамилиями. Я вовремя углядел табличку со своей фамилией в ее руке. Придет ли Есин, не придет? Женщина немножко растерялась, пытаясь посадить меня между «президиумом» и первым столом, где уже кто-то сидел из «Современника». И вот тогда я увидел за последнем столом ребят из Московской писательской организации: Максима Замшева, Ваню Голубничева. Туда, туда! Потом за этот стол сел и Лева Катюков. Кайф я получил от этого перемещения невероятный, вот будет разговоров

В начале церемонии показали ДВД-диск — родня, детские фотографии, правда, слишком много было обложки книги Вал.

Вас. о С.Есенине с названием «Крест поэта». Кто несет этот крест, Сорокин ли, Есенин ли? Хотя очевидно Сорокин — председатель Есенинского комитета и здесь делает много…

Теперь о походе к Федотову. Он сидел совершенно замученный в своем новом кабинете в клубах дыма. Он быстро все понял про «Вестник». Забрал у меня бумаги. Дальше этим будет заниматься Геннадий Геннадьевич. Я по своему характеру специалист по идеям, по компановке, по общему смыслу. Если с эти номером все получится, то у меня уже несколько идей на следующие: мемуары, детектив и прочее.

Федотов, по-моему, любит делать все сам и не на кого не надеется. В этом смысле я на него привык, чтобы не говорили о его молодости и прочее, полагаться и здесь мы очень похожи. У него и протокол в его редактуре, хороший, выверенный, оказывается, уже был готов. Я внес в него лишь одно маленькое замечание относительно представительства на Украине и в Казахстане.

На празднование юбилея я уже не вернулся. Зашел в книжную лавку поболтать с Василием Николаевичем и сразу же бросилась в глаза книга Л.М. Видгофа «Москва Мандельштама. Книга-экскурсия». Разве это не судьба? Пришел домой и уже до глубокой ночи книжку из рук не выпускал. Какое я здесь нашел письмо Ставского Ягоде, какой изысканный и очень советский образец профессионального и человеческого предательства.

26 июля, среда. День начался со счастливого известия. Позвонил Толик: прямо в зале суда ему отдали права. По запросу судьи медицинская комиссия снова рассмотрела его бумаги и решила, что вся эта милицейская кляуза не объективна. Но ведь этот милицейский гаденыш, который сразу же предложил дать ему 15 тысяч, чтобы «решить вопрос» и выдерживал его на дороге несколько часов, чтобы парень дозрел, будет еще и еще мучить людей. Утром продолжал читать книгу о Мандельштановской Москве и биографию Горького. По телевидению беззаконная война, которую ведет Давид против безоружного Голиафа. На этот раз новые достижения в технике помогают плохо. Война идет уже чуть ли не десятый день, жертвы среди победительного народа растут, а «варвар» Голиаф запустил партизанскую войну. Меня волнует здесь полное бесстыдство принципа, который пытаются внушить всему миру: еврейская кровь ценнее любой другой и еврейская жизнь важнее, еврейский закон справедливее. По телевидению сообщили и о завергении майской истории с армянским самолете рухнувшем в море возле Сочи. На основании анализа данных «черных ящиков» установлено: человеческий фактор, виноваты армянские пилоты; как говорят профессионалы

на своем сленге, пилоты «уронили» самолет.

Вечером приехал из Ленинграда Вася Калинин. «Василек, любимый цветок…». Он в отпуске и решил немножко развеяться, сменить обстановку. Слава Богу, мне будет с кем на три-четыре дня поехать на дачу. Вася, как всегда, с кучей разных увлекательных рассказов.

27 июля, четверг. Выехали на дачу только после двенадцати, потому что надо было отнести тяжелую сумку В.С… По дороге побезумствовали с продуктами и заехали на строительную ярмарку. Наконец-то купил жароустойчивый герметик для печки в Сопово. Вася худ, как дон Кихот, несмотря на свое майорство. Приехали в пятом часу, я кинулся поливать огород.

28 июля, пятница. Обнинск, похолодало, огурцы идут плоховато, Вася спит и медленно, как микстуру, попивает, когда просыпается, водочку, я в божественной тишине разбираюсь с бумагами. Звонила В.С., после диализа ей ту руку, которую оперировали, уже бинтовали не всю, не полностью, а только пальцы. Состояние у меня сложное. Это какое-то прекращение душевной работы и невозможность сосредоточится и одним махом закончить хотя бы главу романа. Когда я за него берусь, то вижу, что все довольно живо движется, но работаю урывками. Сознание расщеплено между экзаменами, размышлениями об институте, размышлениями о несправедливости, необходимостью вести дневник, который оттягивает меня от романа. Нависает научная работа по кафедре, дом, быт, будущее, собственные амбиции, беспокойство за неутвержденную пока докторскую, тревога за то, что мало читаю.

Два дня назад получил большое серьезное письмо от Марка Авербуха. Здесь много информационного для меня. К его письмам я отношусь еще и как к персту литературной судьбы часто указывающей мне направление мысли и чтения. На письмо я, наверное, отвечу позже, когда спадет накал нехватки времени. 13 лет я практически жил у себя на работе, в моем кабинете оказалось такое невероятное количество бумаг, сувениров, книг, картин, фотографий, которые надо было куда-то деть. В основном все это оказалось у меня в квартире, но огромное количество времени занимает приведение всего в порядок, да хотя бы просто рассовать пачки по углам. Так что пусть Марк уж тут меня простит. Пока из письма выбираю то, что является темой моих записей: институт, немножко психологии, ученики, мои собственные истории..

Сначала об истории нашего знакомства. Мне то кажется, что Марк как-то материализовался из воздуха книжных волн на Франкфуртской ярмарке. Я, конечно, помню, его вопрос об Олеге

Павлове, но все остальное в тумане. Тоже, конечно, интересно: я объяснял, как найти, чтобы вручить премию, человека, с которым в то время находился в напряженных отношениях. Но, оказывается, есть и еще история и она, как обычно и у меня «с раскруткой».

«В годы молодые, по окончании Харьковского Политеха, я работал в одном из отраслевых научных институтов. И там, в своём исступлённом, невоплотившемся стремлении попасть в аспирантуру, я, чтобы сдать кандидатский минимум, выучил от корки до корки учебник философии Спиркина и ещё двух авторов. С тех пор я зауважал эту науку мудрости, её законы и категории. Одна из них уместна в контексте этого письма, а именно, категория **случайность** и **закономерность.**

Едва ли не единственная **случайность** в том, что мы общаемся, смею утверждать, дружим вот уже почти 3 года — совпадение во времени нашего посещения кафетерия во Франкфурте, когда Соня обратилась к продавщице за лишней вилкой, и Вы переспросили её по-английски о том же…»

29 июля, суббота. Весь день работал на участке, что-то убирал, копал. Вася всем этим предводительствовал. В этом смысле он похож на муравья, не прекращает работу ни на одну минуту. Это и крестьянские корни, и врожденное трудолюбие. Кое-что, заведенное Васей еще год назад во время его очередного приезда, уже традиция, живет и сегодня.

Утром взял в руки последний номер «Московского литератора» и прочел колонку редактора, которую ведет Ваня Голубничий. Не всегда эту колонку читаю, побаиваясь демагогии, но здесь прочел. Прекрасная и деловая статья об обществе, о роли телевидения в оболванивании народа. Но это все, казалось бы, общие места. Дальше коротенькая фразочка. *«Вообще, в деле оболванивания народа современный российский кинематограф уверенно играет одну из первых ролей»*. Фраза знаковая, потому что все грехи мы привыкли списывать исключительно на телевидение, а наши кинематографисты всегда исполняют некую чистую и святую роль, как будто не они снимают ужасные сериалы и отвратительные клипы. Будто бы их заставляют чуть ли не угрозой лагерей. Вот Лиознова, например, не снимает. Здесь же очень точный и злой анализ нового фильма Рогожкина «Перегон». О Рогожкине я всегда думал, как о человеке, который своим художественно-финансовым методом сделал нелюбовь к России. Эту нелюбовь я обнаружил, когда мы с ним вместе сидели в жюри, и пытался понять, откуда она взялась: из репрессий, с которыми связана его родня, из плохого детства, из комплекса художественной неполноценности — большого-то стиля нет!

«Глумливая русофобия выливается на зрителя под видом «трагикомедии»….

30 июля, воскресенье. Накануне напился с вечера чая, смотрел телевизор, показывали пение наших и зарубежных эстрадников по поводу дня рождения Раймонда Паулса. В принципе, все это довольно убого, особенно, когда начинается пародия. Верка Сердючка пела «Эй, вы там, наверху..» Типичный случай паразитирования, на уже кем-то сделанном. Если бы не Пугачева, не образ этой песни, который каждый держал в этот момент в уме, кому бы нужен был сомнительный исполнитель? Но неестественно моложавая Пугачева в своих белых перьях тоже явление своеобразное. Эти перья у нас в Общественной палате. Потом, также с имитацией молодости и звездности, София Ротару и Валерий Леонтьев, вооруженный неизменным гульфиком. Но тема в другом. А вечером Пресняков-младший и певец Агутин на два голоса, стараясь и показывая телодвижениями страсть, тряся кудрями, что-то изображали. Неужели они думают, что это святое и чистое искусство? Наверное, даже они не думают. Впрочем, деньги всем им даются с трудом. Но деньги не малые: Дима Билан за последние 12 месяцев заработал 3,1 мл. долларов, Филипп Киркоров 2,9 миллиона, Алла Пугачева 2,7. Потом Акунин и Никита Михалков. Эти сведения из газет. А я удивляюсь, почему Михалков взялся играть в «Жмурках»! А тем временем сгорело Мураново, дом Тютчева.

Во время бессонницы опять терзал книгу о Мандельштаме, в ней есть приложение с замечательными избранными стихами и статьями. Ну, во что я должен был впереться? Естественно в статью «Литературная Москва». Или есть мысли универсальные для всех времен, или сами времена поворачиваются своим боком под уже готовые цитаты. Статья 1922 года.

«Для Москвы самый печальный знак — богородичное рукоделие Марины Цветаевой, перекликающейся с сомнительной торжественностью петербургской поэтессы Анны Радловой. Худшее в литературной Москве — это женская поэзия… На долю женщин в поэзии выпала огромная область пародии…Большинство московских поэтесс ушиблены метафорой.

Адалис и Марина Цветаева пророчицы, сюда же и София Парнок. Пророчество, как домашнее рукоделие…» Как все это напоминает сегодняшнюю ситуацию, это бесконечное лужение псалтыря, эта ритмическая проза, выдаваемая за откровение. Так они и веселятся, развлекая друг друга и пророчествуя друг другу.

Ну, почему я всегда недолюбливал стихи Цветаевой? Видимо всегда чувствовал их самоспровоцированность, возвышенную сделанность, бунт неудовлетворенной женственности. А какие

глазки делала Галя Седых, когда я осторожно говорил о своем «особом мнении». Теперь я не одинок. *«Безвкусица и историческая фальшь стихов Марины Цветаевой о России — лженародных и лжемосковских …»* К чему продолжать, здесь и Мандельштам в своих сравнениях допускает ошибку.

Дальше идут очень важные для меня фразы, просто поддерживающие меня в собственной работе. Я еще вернусь к этому интересному цитированию. Но пока настигшее меня самонаблюдение. Теперь я перешел к работе над основным, т. е над романом только по утрам. Дальше уже нет сил и воли. Для работы хватает только ранних часов. Поняв это, я развил мысль дальше: не браться ни за что, пока не отработаю на компьютере хотя бы положенный час. Только так складывается страничка к страничке.

Утром, хотя после хождений, начала и окончания чтений, приема снотворного проспал до двенадцати дня, взял на колени свой компьютер и снова намотал полторы странички. В этом странном, как я думаю, романе, «не художественном» скажет Павел Нерлер, не романе, скажет Наталья Иванова, который я сейчас пишу, вдруг возникают странные прорывы, которые я, наученный опытом, не пытаюсь осаживать. Сегодня вдруг появился «Гастроном» у Никитских ворот, которого нет уже лет тридцать, кинотеатр на Тверском бульваре возле Пушкинской площади. Что это за роман? Роман воспоминание, роман места.

31 июля, понедельник. Утром, как обычно, начали собеседование. Обжегшись на прошлом годе, когда слишком мало вызвали народа, в этом году устроили конкурс очень обширный. Чуть ли не семьдесят человек. Все это продолжалось до десяти часов вечера. Для БАНТа дело это было новое, и он с ним справился очень неплохо. Хотя, с моей точки зрения, как и любой академист, слишком много обращал внимания на формальное знание литературы. У меня ход несколько другой. Он хорошо узнавал формальный потенциал каждого студента. Я шел скорее от впечатлений, которые меня редко обманывали. Думаю, всем нравилось, что с ними так подробно и обстоятельно беседуют. Но это продолжалось слишком долго, и я немножко нервировал, потому что все знали, что я никогда на собеседование не повторяю один и тот же прием, один и тот же вопрос. Это разница в художественном и человеческом методе. Тем не менее, мне, как ведущему мастеру семинара, в этом году было собирать ребят легче, чем обычно. Все-таки, работали не на один голос, а на два. У меня не осталось после работы ни раздражения, ни неудовлетворенности. Вот список ребят, которых я взял:

Денисенко, Семина, Иванов, Иванькова, Требушинина,

Травников, Колногоров, Евдокимова, Рейман, Власов, Нелюба, Кирюхин, Максимович, Брановец, Буйлов, Киселева, Аксенов, Осинкина, Корзун, Бессмертная.

Последняя в этом списке — внучка Юрия Визбора. Вот и опять встретились, тогда мы были чуть постарше, чем его внучка. Перед этим заходила ее бабушка, Женя Уралова, предпоследняя жена Юры, когда-то знаменитая актриса. Но руку к этому, я по своему обыкновению, не приложил, только внимательнее прочел. А потом буквально, забыл ее фамилию, девочка очень неплохо пробивалась сама. Никого не предупреждал, чтобы посмотрели внимательнее, никого не просил. Только перед самым собеседованием отыскал телефон Жени Ураловой, чтобы задать ей вопрос: «Как фамилия твоей внучки?» Но и этого не понадобилось. Девочка, которая шла одной из первых, так прелестно отвечала на вопросы, так была обаятельна и мила, что ее просто внесли в институт. Кстати, и умна: фамилия ее деда на комиссии не прозвучала. Мы не любим детей знаменитостей. Попал в этот эшелон и брат Вани Аксенова. Я какое-то время сомневался, не брат ли написал вступительную работу, выяснилось, что брат не в курсе, и младший брат прекрасно написал этюд. Текст старшего Аксенова из очень немногих текстов этого семинара я совершенно отчетливо помню. Видимо, судьба моя, помнить тексты подмосковных провинциалов Аксеновых. Занятная может получиться ситуация: два знаменитых брата.

Весь день был совершенно болен, но деваться некуда. Вечером кашлял, стала отходить мокрота с гнилью.

1 августа

1 августа, вторник. Накануне ночью, в перерывах между засыпанием и засыпанием со снотворным начал читать монографию Дональда Рейфилда «Жизнь Антона Чехова». Я уже привык, что все лучшее в этом роде, как в свое время Фаулза издает «Независимая газета». Особенность этих основательных зарубежных биографий в том, что они имеют дело в первую очередь с человеком, наши всегда стыдливо помнят, что это великий писатель. Стыдятся, что у великого писателя есть обычная обывательская жизнь. Я взялся с последней части, где я что-то знаю. Кроме прекрасного, но скользящего литературоведения, такое трагическое обнажение жизни! Попытка зачать с Книппер-Чеховой ребенка, кровохаркание, террор семьи, жена, живущая с главным режиссером театра, где она служит. Только в таком конгломерате событий, на которые писатель сам шел, как на рожон, и могла возникнуть великая литература. Но кое-что следовало бы и опустить, не для публики.

Сразу после десяти — собеседование с абитуриентами семинара поэзии. Инна Ивановна Ростовцева и Борис Николаевич Тарасов открыли торжественную перекличку русской классической литературы X1X века. В их обстоятельности был своей резон. У поэтов на собеседовании есть одно преимущество перед прозаиками: во время чтения первого же собственного стихотворения все становится ясно. Постепенно этот принцип начал прояснять картину, и дело пошло побыстрее. Инна Ивановна обладает даром, которому можно позавидовать, она точно отыскивает лучшие, опорные строки у абитуриента. К сожалению, я очень плохо себя чувствовал, и пришлось уехать уже в шесть часов.

О Ливане и Израиле писать скороговоркой не хочется. В Израиле, видимо, есть люди, которые ощущают, несмотря на сломанные, как спичечные коробки, ливанские дома, правду страны. И правду избранного народа, в подножье которого должны быть все остальные. Есть и историческая аналогия: все это похоже на уничтожение индейцев по-европейски вооруженными войсками испанцев.

2 августа, среда. Начинать приходится с трагического известия: умер Саша Щуплов. Вечером позвонил Айрат, парнишка-татарин, который жил у Щуплова и занимался хозяйством. Многих людей Саша вывел в люди, многих приохотил к литературе и научил писать. Долгие годы он руководил литобъединением в Жуковском. Он десять или одиннадцать раз

побывал на Фестивале в Гатчине, а потом целый год везде шли его статьи. Такие, как он, составляют глубинную основу нашей культурной жизни. Недавно звонил, сказал, что подарит мне новую книгу… Ведь писал стихи до самого последнего дня. Так жалко!

К двенадцати часам приехал в институт. Сначала пошла детская литература, где были такой красоты девицы, что можно подумать, будто Александр Петрович выбирал их исключительно за внешность. На критике возникла редкая для Литинститута, но все время ожидаемая ситуация. У одного парня оказалась очень интересна работа по критике с точно и даже изыскано сформулированной темой «Романтический герой в декорациях XX века». В ней из Хименгуэя, Ремарка… Начали мальчика пытать на общую образованность и постепенно обнаружился определенный раскосяк между его реальными знаниями и эрудицией, выраженной в его письменной работе. Пошли по линии «источников». Папа — переводчик, мама — филолог с серьезным образованием… Мальчик к нам в институт не попал. Фамилии не привожу, с такой же фамилией у меня лет десять назад уже был ученик из одной писательской семьи, звали ученика Гриша. Во время собеседования с драматургами я обрел еще одну студентку в свой семинар, которая кисло проходила на драматургию, а у меня получила три «плюса». Но в последний момент все же ко мне идти струсила. И правильно сделала.

3 августа, четверг. Утром звонила Галя Кострова. Рассказала о том, что сейчас читает дневники Бунина и нашла в них некую фразу для меня. Говорили о жизни, о трагедии Распутина.

Уже несколько дней идет скандал по поводу грандиозных краж в Эрмитаже и пропаж из кладовых двухсот экспонатов. В основном это легко транспортируемые ювелирные украшения и иконы в окладах. Сегодня одна из этих икон нашлась и была показана по телевидению. Нашли ее в мусорном баке напротив управления милиции. Позвонил неизвестный и сказал, где икону в окладе следует поискать. Скандалы с кражами в Эрмитаже, не впервой. Я помню, как гасили и заминали предыдущий. Совсем еще недавно тот же Михаил Пиотровский, нынешний директор, поднял дикий крик, когда в многосерийном фильме «Бандитский Петербург» показали, как из Эрмитажа похищают ценности. Такого не может быть! Но искусство всегда разведчик.

Еще вчера «Труд», который и при новом редакторе пока остался глубинно оппозиционной газетой, дал просторный комментарий. Здесь интервью Пиотровского и других официальных лиц. Директор Эрмитажа говорит о возможной

причастности к краже сотрудников. Страстно прокомментировал все это знаменитый искусствовед и реставратор Савелий Ямщиков. Я не могу утерпеть и перепечатываю этот комментарий целиком. *«Для меня новая кража эрмитажных ценностей не стала неожиданностей. Когда в конце 90-х Счетная палата РФ устроила проверку Эрмитажа, то обнаружилось, что немало сокровищ, указанных в инвентарных книгах музея, попросту отсутствуют. А несколько выставок, составленных из шедевров Эрмитажа, гастролируют на Западе незастрахованными. А значит, в случае их утери, наша страна не получила бы никаких компенсаций. Меня тогда озадачила позиция директора Эрмитажа Михаила Пиотровского, который заявил, что тогдашний зам. председателя Счетной палаты Юрий Болдырев, дескать, ничего не понимает в музейном деле. На что Болдырев невозмутимо ответил: «Я в музейном деле, может быть, ничего не понимаю, но вы предметы нам отсутствующие покажите. Где они?» Дело тогда замяли. Вскоре Болдырев ушел из Счетной палаты.*

Могли бы подобную кражу совершить воры со стороны? Чтобы уголовники таскали «ювелирку» в таких масштабах из Эрмитажа — исключено. Это классическая кража «изнутри». Не хочу никого обвинять, но то, что в краже замешаны музейные работники, — сто процентов.

Лет 25 назад, когда Эрмитажем руководил отец нынешнего директора Борис Пиотровский, тот же Русский отдел музея уже был основательно обворован. Тогда следственная комиссия установила, что музейный хранитель подменил множество ювелирных изделий на стекляшки и преспокойно эмигрировал в Израиль. Мой приятель работал в этой комиссии, поэтому я знаю все из первых рук. Пиотровский старший тогда чудом удержался в директорском кресле…» У Саввы здесь свои счеты и резоны, ударным здесь является понятие династии, Эрмитаж становится семейным предприятием. И потом я невольно сравниваю: Антонову и Пиотровского. Последняя занята только этим своим делом.

Еще несколько дней назад по телефону дал интервью для немецкой газеты. Сегодня прислали мне предварительный текст, есть там и острые места. А чего мне терять? Я не Путин, я хранить тайны не умею.

Кашель у меня не проходит, пора идти к врачу.

4 августа, пятница. Бог меня подвигнул, и я записался к дежурному врачу Артемовой. Здесь хватка чем-то напомнившая мне невероятную пытливость А.Г.Чучалина. Правда, потом еще часа два я ждал рентгена. С вечера начал лечится. Большое нужно искусство, чтобы самому себе вкатить укол антибиотика. Мне

прописали сразу пять снадобий. В три руки, потому что у В.С. действует только одна, два часа готовили фаршированные рисом и овощами перцы. Зато еда — блаженство.

5 августа, суббота. В Москве сырость, холод, все промозгло. У метро «Университет» у молодой грузинки купил два куста лилий, чтобы ехать простится с Сашей Щупловым. Вот и закончилось: с того момента, когда я услышал от покойного же поэта Володи Шпака о том, что есть очень интересный парень, поэт, который твердо ведет литобъединение в Жуковском, до звонка в четверг: умер Щуплов. Володя умер, так и не передав мне книгу с моим предисловием и не успев сказать мне «спасибо». Сколько потом в институте и в литературе встречалось мне выкормышей Жуковской школы.

У самого сил ехать за рулем не осталось, температура какая-то диковатая, скачками, между 35 и 37 градусов, несмотря на антибиотики, кашель меня сотрясает, везет Толик.

Ехали по Окружной, несмотря на субботу полную машин, долго кружили с заездом на Волгоградском проспекте. Наконец, нашли огромную территорию Госпиталя для ветеранов войны номер 2. Это уже не первый морг, который я вижу в Москве. Приглядываюсь я к ним с подозрительным вниманием. Решил, что ни в церковь, ни на кладбище, ни на поминки в «Российскую газету» не поеду.

Говорили все минут двадцать. Саша был легкий и внимательный человек. Начала гражданскую панихиду Р.Ф.Казакова, потом говорила Ядвига Юферова из «Российской газеты», удивительно теплая и милая женщина, плакал его ученик Айрат. На похороны приехала и его мама, такая же высокая, как и Айрат женщин, сын на нее похож. Он смог выдавить из себя чрез рыдания только несколько слов, но они были искренними. И пишет Айрат так же, наивно, без злобы. Очень жалко, что он не стал поступать к нам на прозу, хотя и прошел конкурс. Может быть, лучше всех говорил Леня Колпаков — в «Литературной газете» Саша вел колонку «Станционный смотритель». Фотография, сопровождавшая колонку, была смешной: Щуплов в треуголке. Она сделана была во время Гатчинского фестиваля в Выре, на постоялом дворе, описанном Пушкиным. Саша был на одиннадцати фестивалях, на всех, кроме последнего, когда он уже заболел. Сколько раз он брал у меня интервью! В.С. тоже ему была признательна, мы говорили об этом дома. Когда он работал в «Н.Г», он первым ввел ее в команду экспертов. Саша лежал в сером костюме и белой рубашке без галстука, непохожий на себя.

Было много, несмотря на дождь и плохую погоду, его учеников, родственников, знакомых, сослуживцев. Хозяйственной

стороною распоряжался Андрей Макаров, ученик Саши. Он несколько раз бывал у нас в институте, когда что-нибудь происходило, его отчеты я потом читал в газетах. Я удивился, не увидев товарища Саши его тезки Александра Шаталова. Леня Колпаков, отвечая на мою мысль, сказал: «Саша Шаталов звонил, просил: «Если будете ставить на полосу некролог, включите и меня».

Два похоронных автобуса, ушли в дождь, в церковь, потом на кладбище. Прощай, Саша. Поплелся к машине.

Вечером дождался В.С. и впервые за это лето вывез ее в Обнинск.

6 августа, воскресенье. Утром, не вставая с постели, опять принялся читать Мандельштама. Здесь редкое для меня попадание и согласие с чужими мыслями. В прозе, в рецензиях он, может быть, еще больше прозорлив, чем в своих стихах. Кстати, эра «тонкошеих вождей» наступила только сейчас. Читал статью о Чаадаеве, кое-что здесь объяснено по-другому, нежели в книге «Другой Петербург». Здесь о родине и Западе. Мандельштам чувствует себя прикованным к России, как наручниками к батарее. Но он, и так никуда не убежит, скрепы здесь другие. Это через любовь, но слишком пристальный суд. Мандельштам о Чаадаеве. «Он ощущал себя избранником и сосудом истинной народности, но народ уже был ему не судья». Для «нас, демократов», привыкших к собственной демагогии, в которой народ высшее судилище, читать подобное непривычно. (О, современный трибун Сванидзе, имеющий ничтожный рейтинг на телевидении!) Но вот что в следующем абзаце. «Какая разительная противоположность национализму, этому нищенству духа, который непрерывно апеллирует к чудовищному судилищу толпы». Все это вокруг мысли, почему Чаадаев, два года прожив на Западе и, вкусив его Римские ценности, все же улетел в Россию. Среди прочего Мандельштам все время где-то в глубине размышляет, почему он сам-то остался. Сначала идет один пассаж: «Когда Борис Годунов, предвосхищая мысль Петра, отправил за границу русских молодых людей, ни один из них не вернулся». Я специально разделил абзац и мысль, чтобы между двух предложений вставить и сказать, что причины человеческих поступков более сложные, чем мы предполагаем и чем о них думает поэт. «Они не вернулись по той простой причине, что нет пути обратно от бытия к небытию, что в душной Москве задохнулись бы вкусившие бессмертной весны неумирающего Рима». Теперь самый конец страницы, взбудораженной еще несколькими абзацами. «Но горе тому, кто, покружив возле родного гнезда, малодушно возвращается обратно». Чего я,

спрашивается, это выписываю? Это не написанный финал моего интервью для Германии «Профессорский ответ на президентский указ»? Воспоминание о смерти Зиновьева или, зависть к оборотистому Войновичу писателю и художнику?

Вечером смотрел уже в Москве «Вассу Железнову» Глеба Панфилова с Инной Чуриковой. Поймал себя на том, что в театре ли в кино, когда смотрю вещь калибра подобного, «Ревизору», «Вассе», «Горю от ума», всегда думаю в первую очередь о божестве драматургии. Все остальное, включая иногда гениальную актерскую игру, кажется мне рукотворным.

После фильма сделал сам себе укол «Клафорана» (84.00 руб.) и сел формировать темы этюдов для заочников.

Проза

1. «Пройдите мимо нас и простите нам наше счастье». Ф. Достоевский.

2. «Казнить нельзя помиловать» (где поставить запятую).

3. Особенность границы между городом и деревней.

4. Что значит состояться в России? Или русский успех.

5. Жаворонок и соловей… Продолжи тему и напиши.

6. «Палящий дух врачует песнопенье» Баратынский.

7. История семьи — история страны.

На этот раз формирование списка идет очень трудно, предложений, которые должны были сдавать руководители семинаров мало, и они не все качественные. У нас много инерции, раньше достаточно было дать тему «уличный переход» и она проходила, нынче все усложнилось, ребята стали грамотнее. К тому же все позабыли, что есть две «сессии», для очников и для заочников.

7 августа, понедельник. День расщепляется на две части: потихонечку продвигаю роман, взяв на этот раз не дневники, а именно его за приоритет, и составляю список тем. Все это надо приладить одно рядом с другим, убрать смысловые и тематические повторы. Третья глава движется к завершению, потихонечку выстраивается следующая четвертая глава. Если говорить о картинке, то я покойников рассажу с живыми, и в какой-то момент героиня увидит, как живые превращаются в покойников.

Поэзия

1. «И дым отечества нам сладок и приятен» А.Грибоедов.

2. «Все во мне и я во всем!..» Ф.Тютчев

3. «Дано мне тело, что мне делать с ним?» О.Мандельштам

4. «…За всех не расплачусь. За всех расплачусь». В.Маяковский. Ударение!

5. «Берегите всех зверей внутри природы. Убивайте лишь

зверей внутри себя». Роберт Рождественский.

6. «Добро должно быть с кулаками». С.Куняев

7. «Писатель, если он волна, а океан Россия, не может быть не возмущен, когда возмущена Россия». Я.Полонский

Критика

1. Почему у Пушкина нет темы матери?

2. Влияла ли философия Л.Н.Толстого на его художественный мир?

3. Гоголь и Булгаков в чем сходство?

4. Памятник А.Н.Герцену в Литинституте, анахронизм?

5. «Пророк» Пушкина и Лермонтова. Что мне ближе? Но постарайтесь быть не банальными.

6. Литературная журналистика «толстяков»: современна ли она?

Утром ездил сдавать анализы в поликлинику на Гагаринский переулок. Напротив поликлиники висит дощечка с объяснением, что в этом переулке много домов принадлежало этому княжескому семейству. Но и Рылеев мне очень дорог, стоит бояться, что со временем из обихода исчезнет очень много понятий, связанных с культурой. Естественно ли жизнь мельчает, или мы искусственно на ее течении ставим плотины?

Обратно долго шел пешком. Что же со мной происходит, как же я прожил жизнь в Москве, сколько не увидел, даже в тех местах, где когда-то жил. Прошел Левшинский переулок, где обнаружил памятник Фритьефу Нансену. Много лет назад я был в посольстве Палестины. Еще тогда я заметил, что на его стене висит какая-то мемориальная доска. А теперь обнаглел и прямо попросил, охраняющего здание милиционера, прочесть, что на ней написано. Здесь, в этом доме, оказывается, родился Петр Кропоткин. Игра случая или умствование МИДа, его управления дипкорпуса, что именно в этот дом вселили Палестину?

Опять занимался подбором тем к этюдам. Три последних темы в «театре» и вся публицистика только моя придумка — вот почему все и получилось.

Драматургия

1. Почему мир поклоняется Чехову?

2. Что я знаю о молодой драматургии?

3. «Документальный театр» — новое изобретение?

4. Скульптура Церетели, как персонаж современной пьесы.

5. Последняя пьеса А.Н.Островского: «Охотный ряд в 2006 году».

Детская литература

1. Бабушкин сундук.

2. Наши дни: Татьяна пишет письмо Онегину.

3. Баба Яга и Карлсон — две теории полетов.

4. Интернет: деловая переписка младенцев.

6. Нужны ли Всероссийские Гуманитарные игры для школьников?

Публицистика.

1. Минздрав предупреждает: размышления опасны для жизни.

2. Израиль и Ливан. Две правды или одна?

3. Телевидение, как зодчий нового общества.

4. Родословное дерево олигарха.

5. Возле «Золотого кольца» сидели…

6. Евроремонт в подъезде

Доволен собой очень.

Вечером поехал в гости к Андрею Мальгину. Лена опять наготовила много разностей. Андрей рассказывал о некоторых трудностях у себя на работе.

8 августа, вторник. К трем ездил в Минкульт на межведомственный совет по присуждению премии правительства Российской Федерации в области Культуры. В повестке дня три вопроса: порядок рассмотрения, образование экспертных комиссий по отдельным видам культуры и искусства и внесение изменений в состав совета. Основным был второй вопрос. Своей задачей я всегда вижу одно: остановить советскую коррупцию в искусстве, секретарский принцип, групповщину, а сейчас еще тесно связный с нею и национальный принцип. От того, как эксперты вещь представят, и кто эти эксперты зависит очень многое. В области литературы экспертами оказались Юрий Михайлович Лощиц писатель и секретарь Союза писателей России и Николай Владимирович Переяслов «прозаик, поэт, секретарь Союза писателей России» известный мне, как руки и уши В.В. Ганичева. И Ганичев же выдвинут на премию. Оба парни бравые, оба хорошы. Если иметь в виду, что в России семь союзов писателей, то нет никакой логики, отдавать экспертизу заведомо ангажированным в пользу одного направления людям. Я назвал троих, кто еще могли бы стать экспертами наверняка со своим мнением. Это — Павел Басинский, Алексей Варламов и Людмила Сараскина. К счастью, Л.Н. Надирову, который вел совещание, ничего не нужно было объяснять. Моя попытка ввести в качестве эксперта по изобразительному искусству Савелия Ямщикова закончилась неудачей. Зато, когда вытеснили Михаила Кабанова под справедливое соображение, что негоже, если экспертом станет артист театра соискателя премии (выдвинута Доронина и ее «Васса»), я сумел выдинуть достаточно объективного и неплохо относящегося к Т.В. Гришу Заславского.

Но на этом мой «премиальный» день не закончился. Пешком,

через весь центр, через Ильинские ворота, мимо Политехнического музея, Детского мира, где воочию видел огромную очередь за билетами на концерт Мадонны, по Рождественке, по Рождественскому бульвару в офис Е.В. Богородицкой, где находится и фонд Виктора Розова. Две таблички на дверях смотрятся очень неплохо. Сначала довольно долго занимались с Юрой Голубицким грядущими ежегодными премиями фонда. Здесь тоже свои трудности и политика. Надо соблюсти и внешний представительный ряд и справедливость; я также борюсь, чтобы была молодежь. В искусстве нашего времени уже появилась некая коррупция старых людей. Они, конечно, не без заслуг, но как будет пробиваться молодежь и когда? Внес в номинацию связанную с пропагандой искусства, в частности русского, национального И.С.Глазунова, в номинацию прозы Антона Тихолоза, в номинацию поэзии Максима Лаврентьева, в театр — спектакль «Героические деятния и речения доблестных Пантагруэля и Панурга» (режиссера Олега Юмова, художницу Марию Вольскую и двух блестящих актеров Глеба Подгородинского и Алексея Дубровского), в номинацию русского искусства за рубежом выставил турнир поэтов Олега Борушко. После этого замечательно посидели в офисе с Еленой Всеволодовной, приехал еще и Мих. Иван. Кодин. Это было заседание малого Совнаркома.

Вечером в книге о Мандельштаме узнавал те места, по которым я что проходил утром. Все восстает совершенно по другому.

9 августа, среда. Утром поставил себе десятый укол и решил ознаменовать окончание официального лечения поездкой в Донские бани. Иногда пар и хороший веник помогают последним штрихом выздоровлению. Объективно, кажется, мне это помогло.

Вечером к шести поехал в институт. В кафе «Форте», где наш клуб свил себе гнездо, празднуют день рождения Юрия Яковлевича Таранухи. Я по своему обыкновению не очень хорошо помню, кем она работает, но мужик замечательного обаяния, спокойствия и редкой доброжелательности. Перед тем как зайти в «Форте» побывал — без подарка-то приходить на день рождения не гоже — в книжной лавке. Купил две своих книжки «Ах, заграница, заграница…» и порылся в местном богатстве. Оказалось, что та книга о гибели Маяковского, которую мне показал Андрей Мальгин, в книжной лавке тоже есть, и ее я тоже прихватил с собой.

День рождения проходил, как обычно, играла музыка, и кое-кто из присутствующих говорил. Я тоже сказал несколько слов для вновь испеченного «шестидесятника», подарил книгу. Хорошо

кормили, я ел жареную свинину.

Дома включил телевизор. В знаменитом ЦГАЛИ украли архив Якова Черникова, знаменитого архитектора, о котором я недавно писал.

10 августа, четверг. Еще с вечера взял и утром «добил», буквально проглотил толстенную книгу «Следственное дело В.В.Маяковского. Документы. Воспоминания современников». Ощущение какой-то нечистой игры и сетей, расставленных над птичкой поэтом. Что-то здесь найду к «портрету Маяковского» в свой роман. Хотя бы замечательный момент с лишней, вставленной, видимо, по просьбу Лили Брик запятой в «завещание» Маяковского. Эта запятая сразу увеличивала количество «наследников» Владимира Владимировича на одного человека — мужа Л.Брик. Хороши и сцены «советов» Лилички Веронике Полонской. Все здесь не очень чисто: Полонская, принимающая ухаживания великого поэта, муж М.М. Яншин, закрывающий на это глаза. Интересны детали эпохи и отношений. Вася Гыдов дал мне книжку «на просмотр». В отличии от «Мандельштама», которого я вчера все же купил, эту я, пожалуй, верну. Как только открыл книгу, то в первой же сноске увидел имя и фамилию покойного Вали Скарятина, который долго и упорно, как и подобает ростовскому журналисту, работал над историей смерти В.В… У него здесь была своя история. Вот теперь Валя умер, и я только могу посетовать, что мало его слушало, раздражали меня его однотемье и его водка. А как много человек сделал, пожалуй, один из первых призвал на все связное со смертью В.В. внимательное посмотреть.

Утром раскрыл «Литературную газету» и прочел большой материал «Пекинский список». Это старая тема «Литгазеты» — любимцы Сеславинского и Григорьева и книжная выставка в Пекине. Разговор о том «Кто поедет в Пекин?» за счет государства. Любимцы все те же, о них чуть ниже. Определился и «крайний» в формировании списка — это фонд С.А. Филатова. В свою очередь фонд приводит мотивы своих пристрастий «наличие у авторов книг, изданных в Китае, их популярность в этой стране». Дальше Литературка занятно и не без яда пишет: «Особенно воодушевляет учёт мнения специалистов, в частности авторитетного литературоведа Владимира Агеносова, который, кстати, в своих статьях, публикующихся на страницах «ЛГ», почему-то гораздо объективнее представляет современный литературный процесс, нежели это удалось ему в пекинском списке». Писал ли я, что в Яхроме на праздновании юбилея «Дрофы» встретил Агеносова и его жену проф. Ли из Пекина. Интересно, что именно эта симпатичная женщина в свое время

переводила какую-то мою повесть из «Юности». Но самое интересное здесь все же список. Не стану лениться, а перепечатаю его полностью: Владимир Агеносов, Василий Аксенов, Максим Амелин, Александр Архангельский, Евгений Бунимович, Равиль Бухараев, Дмитрий Быков, Алексей Варламов, Александр Кабаков, Римма Казакова, Владимир Маканин, Всеволод Овчинников, Эдвард Радзинский, Ольга Славникова, Роман Солнцев, Михаил Тарковский, Эдуард Успенский, Михаил Шишкин.

В три часа провел консультацию по этюду для заочников. До этого отдал наметки этюдов БНТу, он в одном случае правил цитату, которую я не верно выписал и добавил в каждую рубрику по поэтической строке. Новых абитуриентов было ощутимо меньше, чем абитуриентов очного отделения. Обедал с БНТ, потом поехал домой, где в почтовом ящике лежала газета «Патриот». Газету эту я почти не читаю, так мельком, но тут не смог утерпеть. Феликсу Кузнецову. Эпиграмма. «Все знают михалковский клон — От Мурманска до Евпатории… Шолохокрад и пустозвон — Так и войдёшь в историю».

Получил небольшое письмишко из Италии. Профессора Спендель помню, года три назад она была в институте, мы встретились во дворе института. Густое лето, студентов почти нет. Милая, самодостаточная и уверенная в себе дама. В этот момент я держал в руках только что купленный том с воспоминаниями Эммы Герштейн. Разговорились. Том я подарил. Открыточку. На обороте замок Валентино в Турине и река По.

Многоуважаемый проф. Есин,

Нашла случайно Вашу книгу «На рубеже веков. Дневник ректора» в нашей библиотеке и начала читать, не пропуская свободной минуты. Книга состоит из минимальных моментов профессиональной и личной жизни, которые указывают ясно и точно Вашу ежедневную борьбу за существование Литинститута. Как накормить студентов, как найти спонсоров, как починить крышу… После чтения книги я Вас очень оценила не только как писателя, но и как человека. Почему я Вам пишу? Не могла Вам не написать о моем восторге насчет книги. Всего Вам наилучшего, продолжайте и в будущем так Вашу работу со студентами и с Вашими сотрудниками. ***Джованна Спендель.***

Сегодня же по телевидению показали интервью с Пиотровским. Из большой фразы, где перечислялись многие кражи в крупнейших музеях мира, в том числе и в Лувре я выбрал лишь начало и окончание периода. *«Что касается моей личной отставки…. От меня не дождетесь»* Я полагаю, что первое, что надо сделать, это наградить Пиотровского за заслуги перед Отечеством.

11 августа, пятница. Утром был у врача Валентины Васильевны Артемьевой. Это один из тех врачей, которых и называть хочется врачами. Наверное, даже у ненавистника медицины Мольера не было бы к ней претензий. Прописала она мне еще пару дней колоться, но главное — у меня очень неплохой рентген. Удивило меня также давление: 130 на 70, такого у меня не было последние пятнадцать лет, вот что значит поменять образ жизни и избавиться от тотальной ответственности. Из поликлиники заехал в институт. Заочники пишут этюды. Говорил с БНТ, накануне он дал мне для прочтения роман израильского писателя Амоса Оза. Израильтянин будет в начале сентября на Книжной выставке, нам вменяется устроить с ним встречу. Наверное, этот писатель говорит по— русски. Ожидая приема у врача, я начал роман читать. Написано грамотно, с подробностями жизни и этнографии, которые я так люблю. Есть описания Иерусалима, его улиц и быта. Смутила меня, конечно, реплика на первой обложке, что это «Госпожа Бовари» XX века». На последней странице еще одно интересное сообщение. «Роман «Мой Михаэль», включенный Международной ассоциацией издателей в список «100 лучших романов двадцатого века», переведен на 28 языков и издавался более 60 раз в разных уголках мира». Мне интересно, чего здесь больше: любви издателей к Израилю, который, это не секрет, для многих является исторической родиной, или действительных литературных достоинств. Увижу.

Днем, уже из дома ходил в аптеку и на рынок. Уже пару дней рынок закрыт. Я представляю, как в темных ларьках парятся и портятся продукты, предприниматели не тот сорт людей, которые что-либо выбросят. Университетский рынок начало лихорадить еще раньше. Я помню, как несколько дней назад я ходил за осетриной для В.С., она захотела сварить себе из нее суп, осетрина единственный сорт рыбы, который она может есть из-за своей болезни. В тот день рынок работал, но несколько рыбных палаток, расположенных рядом были подозрительно закрыты, продавцы отсутствовали, жалюзи не подняты. Я подошел к какому-то парню таджику, местному подносчику, и спросил. С большой готовностью парнишка ответил, что ожидают комиссию, и поэтому продавцы не вышли. Очень специфическая реакция, но откуда узнали о визите комиссии? Сколько и кому заплатили за эти сведения?

Стационарные палатки все были закрыты. Вокруг рынка небольшими группками стояли хорошо одетые усатые владельцы и нервно беседовали между собой на иностранном языке или по мобильным телефонам. Возмущались. Лишь в середине рынка

работал овощной ряд. Проходя мимо, я услышал, взвинченный голос: «Когда будет медицинская книжка, тогда и откроем». Но суть моих наблюдений в другом, она менее романтична. Я выбрал картошку, которую продавала женщина славянского вида, она мне отвесила два килограмма, получила свои 36 рублей. И картошка мне показалась легковатой, и настроение у меня было сегодня склочное. В общем, я не поленился пройти двадцать метров и поставил картошку на контрольные весы. Может быть, и правильно Лужков собирается закрыть эти рынки мелких перекупщиков. Как же они нас грабят. В моем случае не хватало ровно одной восьмой — 250 граммов. Какой упоительный скандал я устроил, вернувшись, продавщице.

Около семи с компьютером, книгами и продуктами уехал в Обнинск. Витя поехал утром на казенной машине с шоферами в Сопово, повезли штук двадцать коробок с книгами и мой архив.

12 августа, суббота. Среди многих мотивов заставляющих меня писать роман, есть и еще один: скоро приедет Боря Тихоненко, а что я ему предъявлю? Но как вообще все переменилось с того времени, когда я, раздраженный и безжалостный, сел писать этот свой новый роман. Может быть, доброта и покладистость не самое лучшее качество для романиста. В общем, почти весь день занимался романом. Утром попил какао, потом, якобы для здоровья, пошел по обычному кругу выходного дня, мимо реки, мимо корейских полей, мимо покрашенного нелепой синей краской моста. Я шел, стараясь глубже дышать своей кашляющей грудью, но на самом-то деле выхаживал следующий эпизод в роман, выхаживал его, нянчил, искал варианты. А потом уже в доме долго тянул, занимался кухней, копал чеснок, мыл и сушил его, это я тоже все время себя настраивал. Какая каторга это интеллектуальное письмо.

Погода все время стоит неважная. Корейцы, тем не менее, уже собирают капусту. У меня тоже в теплице есть некоторый урожай и огурцов и помидоров. По крайней мере, чеснока я в этом году покупать не буду, накопал уже килограмма два.

К вечеру благодаря мобильной связи стали поступать интересные сообщения. Меня собирается навестить Серега, который все же работает неподалеку в деревне Воробьи и, кажется, у кого-то из представителей шоу-бизнеса. Потом стало ясно, что Серега и Витя созвонились и Витя из Сопово, на перекладных едет в Обнинск. Первым прибыл часов около девяти Серега. Главная цель у Сереги, кроме, конечно, того, чтобы повидаться с Витей, была одна: помыться. Тут я порадовался, что вода горячая в бойлере всегда есть, и в водопроводе есть напор. Живут они на месте будущей дачи шоу-бизнесмена скверно: спят

на полу на втором этаже, а на полу на первом спят киргизы, которые строят забор. Пока им на питание, на троих или на четверых, выдали только 3500 рублей. Из чего я сделал вывод, что в конечном итоге, должно быть, обманут. Серегу уже несколько раз вместе с его друзьями обманывали в Ростове, он сменил несколько работ. Но ехать домой, он заносчиво не хочет, потрепавшись в городе: что там делать!

Пока я его кормил на кухне, Серега не переставая болтал. Среди прочего рассказал, как в прошлое воскресенье они ездили в Обнинск и взяли там на троих проститутку лет тридцати. Сегодня его друзья решили таким же образом попраздновать, но Серега предпочел заехать к нам, помыться и повидаться с Витьком. А скорее по-настоящему его тянула среда, костер, который наши поселковые ребята разжигают ночью в лесу. В предыдущее воскресенье сексуальное мероприятие наши работяги проводили где-то в местном мотеле. Я опять думал, об этом ужасном и преступном времени, когда парень, вместо того чтобы учиться, мотается по заработкам. И главное, у него впереди никакой перспективы: что будет дальше, какая у него судьба? Я думал о том, что преступна сама обстановка, когда люди со всей страны съезжаются в Москву. Вот где корень нашего кризиса. Правительство и власть не сумела организовать жизнь на местах, и люди тянутся под ярем в столицу. А за спиной их родина малая, черная, лишенная работы и нормальной жизни. Но ведь раньше-то были люди счастливы во многих городах страны. Я думал о русской деревне, которая обречена, принесена в жертву городу. А русская жизнь, русская цивилизация может существовать и развиваться только на основе деревенского бытия и быта.

К двенадцати ночи поехали с Серегой встречать на станцию Витю. Дальше все по заведенному порядку — ребята поели и в два часа побежали в лес, на костер. Вернулись где-то в начале пятого.

Сегодня Совет безопасности наконец-то принял резолюцию о прекращении огня в Ливане. Это первая война, которая прошла для израильтян не так удачно, как раньше. И к ним пришла пора огорчений и страданий. Здесь много уроков, в том числе и грозный урок хорошо организованной партизанской войны. Это при том, что у Израиля совершеннейшее тяжелое вооружение. У меня ощущение, что резолюция, на которую Израиль быстро согласился, спасает еврейское государство от затяжной, похожей на Вьетнамскую, войну.

13 августа, воскресенье. В половине девятого напарники позвонили Сергею по мобильному и, даже не попив чая, Серега полетел на шоссе. Я по своему обыкновению пошел на

воскресную часовую прогулку.

На корейском поле немногочисленные наши дачники собирают огурцы, за килограмм они здесь платят не 30–20 рублей, как в городе, а лишь 15. Возле моста встретил известных мне еще по Радио моих соседей. Они окликнули меня по имени. Помогал им вытаскивать из колеи машину. На что люди не идут в поисках дешевизны и качества. Правда, по весне корейцы под каждый кустик выкладывали по несколько гранул химического удобрения. Не многовато ли? Но под каждый, не разбрасывали, осмысленно. Пока вытаскивали машину, меня буквально окатило жидкой грязью из-под колеса. Теперь все придется стирать.

За два дня Витя переделал кучу всяких хозяйственных дел, которые меня беспокоили. В Сопово посадил на герметик печные трубы, а в Обнинске вычистил водосборник под душем и перекрыл несколько листов шифера над сараем, где дожди закатывались под кровлю, и стропила начали гнить. Глядя на него, на его сноровку, ухватистость, молчаливое упорство в работе, я все время думаю и о русском мужике, и о сказке Салтыкова-Шедрина «Как мужик трех генералов прокормил».

С костра в лесу Витя принес нехорошее известие. Был один парень, который приходил на эти костры из Обнинска. Он умер, он оказался наркоманом. Задолжал цыганам около 50 тысяч рублей, его смертным боем били, а потом вроде бы ввели наркотик с передозировкой. В одном Мария Арбатова, может быть, права, когда выступает против смертной казни. Она должна по-прежнему существовать только для распространителей наркотиков. Это сознательные и упорные убийцы.

В воскресенье Витя вычистил всю квартиру. Качество жизни с его приездом изменилось к лучшему. Для меня он еще и некоторый объект наблюдений: образец молодого человека, который, выбившись из заболоченной колеи, теперь осмысленно и упорно строит свою жизнь. Во — первых, он очень по-взрослому, по-мужски ведет себя со своей девушкой Леной. Что стоят его ежедневные часовые переговоры по телефону по льготному тарифу. Не болтается и не бегает по бабам в Москве. Он умеет работать, сосредоточен. Во-вторых, конечно, учится, это тоже не мало. Если в этом году институт не заплатит за его учебу, то я твердо решил за него внести деньги в вуз.

14 августа, понедельник. Утро начал с похода. Это я стараюсь делать по совету С.П. В Москве, правда, это почти не удается. На сей раз я выбрал большой маршрут. Через метро «Университет» пошел к главному зданию МГУ, зашел на Воробьевых горах в маленькую церковку, купил там книжку «Великая заутреня и Литургия» и оттуда направился к

метромосту. Москва по-своему не менее интересна, чем Париж, но ей, в отличие от столицы Франции, не очень повезло в литературе. Шел я в основном по территории Университета и по дороге обнаружил: не так уж ладно, там, оказывается, несмотря на красную строку в бюджете, ведется хозяйство. В парадном центре, у фасадов в идеальном состоянии, но общая территория в большом упадке. Жалко деревья, выросшие на моих глазах, жалко дорогостоящих оград, каменные фундаменты которых рушатся, а металлические, в основном чугунные, решетки без краски ржавеют и ветшают. Дорого станет все восстанавливать. Особенно насаждения. Многие деревья засохли, многие требуют обрезки. Сколько во все это было вложено труда и как мы всем гордились. Боюсь, что прославленный ректор Садовничий не такой уж хороший хозяин, каким может показаться и каким его пытаются представить его приближенные и зависимые от него люди. В грустном виде застал я и не известный мне ранее памятник юристу Кони. Памятник стоит поблизости от метро, рядом проложена дорожка, по которой идут на филфак и к центральному входу. Вокруг ни цветочка, в огороженном партере, где стоит памятник, намусорено, корни деревьев вздыбили грунт.

Вечером поехал на еженедельное заседание Фонда Розова. По дороге заехал на Университетский рынок. Он еще закрыт, но какие-то восточные женщины вытащили мне из опечатанной палатки, где стоят игральные автоматы, жалкий букет гладиолусов. Цену, пользуясь дефицитом, заломили немалую — 300 рублей. Я, как обычно, залупился от этой несправедливости. Так как нечего больше было купить, купил большой десятикилограммовый арбуз.

Лена Богородицкая всегда устраивает собрания с особой царской выдумкой. Хороша была рыба и сыр, похожий на мой любимый «Рокофр». Как обычно, приехали Мих. Ив. Кодин, Юр. Ив. Голубицкий, Слава Гуляев. Интересно говорили о долларе, о политике, о коррупции. Здесь теория у меня не новая: если бы она, коррупция, не была выгодна новым богачам, ее бы уничтожили в два счета. Мне очень нравится, как наш любимый В.В.Путин, имеющий такой немыслимый накачанный рейтинг, умело от всего дистанцируется, будто бы это его и не касается. И как хорошо и умно, как правило, по бумажке, об этом говорит. К слову сказать, меня надирает еще и понятие «национальные проекты», во главе которых стоит Дм. Медведев. В.С. полагает, что молодой человек никогда не сможет стать президентом. Что же вы, демократы, столько лет делали с образованием, с медициной, если понадобилось на это насущное, постоянно востребованное, вводить понятие «национальные проекты». Да

теперь, сколько медицине не давай государство, она уже развращена. Ни к кому в белом халате без взятки уже, говорят, подойти невозможно.

В этом году номинаций по премии Розова будет меньше.

15 августа, вторник. В десять утра началось собеседование заочников. Это особая группа, все с высшим образованием, им не надо сдавать, кроме профильных, никаких экзаменов. Было человек двадцать — двадцать пять — осмысленные люди, которые понимают, что скорее всего литература не принесет им достатка и славы. Она нужна им для себя, чтобы реализовать свои мечты, чтобы расширить внутренний мир, поучаствовать в ее больших и дерзких полетах. Во многих из них сочетались определенная одаренность и очевидное литературное невежество. С этим противоречием Литинституту и предстоит справиться. По крайней мере, в себе ребята разберутся.

БНТ продолжал привычный круг интервью, почти не было новых вопросов и ходов. Возможно, в этом зондаже литературы XIX века есть какой-то не очень пока понятный мне прием, хотя бы напоминание абитуриенту, как мало он знает из русской литературы. Но некоторая счастливая переакцентировка уже произошла: каждое такое микрособеседование стало как бы предварительным уроком в Лите. Из этих расспросов мне стало ясно, сколь низок общекультурный уровень выпускников наших вузов. Даже гуманитарии в лучшем случае только слышали о Бальзаке, о Гюго (последнему повезло больше — мюзикл «Собор Парижской Богоматери»). Представление о современной литературе самое поверхностное: Пелевин, Сорокин, Толстая, Донцова; Токарева и Щербакова уже как эксклюзив. Еще хуже обстоит дело с поэзией. Это поколение поэтов, читающих только себя.

Около трех часов вместе с БНТом мы пообедали в нашем кафе. Я ел замечательный рыбный суп с кетой. К сожалению, и это впервые, до начала сентября не будут кормить ни наш персонал и рабочих. Шоферов, работяг, уборщиц мне жалко, на это они всегда рассчитывают. Во время обеда заговорили о литературных премиях. Пришел факс из правительства города о присуждении Королеву премии Москвы. БНТ сказал, что вроде бы к нему был подход со стороны премии «Триумф». Любопытно, кто пытался номинировать — сама ли Зоя Богуславская или кто-либо из ее жюри. Ответ БНТа был для меня поучителен: я не могу брать премию из рук Березовского. Это очень серьезное и убежденное заявление. А я — отказался бы? Но кто предлагал? Тем не менее, сегодня же придумал для романа две банки с чайным грибом в кабинете ректора. Гриб не требует особой

подпитки, а, знай себе, растет и растет на свету в стеклянной таре. Для каждого из двух грибов у меня есть и название, но я, пожалуй, приводить эти названия не стану. В кабинет же проректора я решил поместить воздушного змея с мочальным хвостом. Почему, не знаю. Но эта идея возникла у меня, после того как БНТ рассказал мне, что скромный и тихий Миша Стояновский подходил к нему с идеей: на земле, отведенной под общежитие, воздвигнуть за счет спонсоров пристройку «с квартирами для работников института». Я быстренько прикинул этот списочек, он состоит из пяти-шести человек. Идея эта старая, я ее уже прорабатывал, но мысль у меня была другая: сделать пристройку к гостинице, нужен доход. Несколько квартир — в мансарде. Почему Стояновский не взял освободившуюся комнату в жилой части дома я могу только догадываться. И догадываюсь. Ах, свободно плывущий воздушный змей! Тему эту я дальше развивать не стал, а мысли есть.

Вчера, когда ехал домой со Страстного бульвара, слушал по «Маяку» очень интересное выступление Привалова о ценах на московскую недвижимость и о ливанской проблеме. Высказано все было довольно корректно, но по внутреннему закадровому кипению Привалов вроде меня: те же чувства и наблюдения. Весь день я думал о Ливане и противостоящем ему Израиле. Где мои мысли, где приваловские — теперь и не разберу, все слилось, но фамилию этого острого и принципиального человека оставляю. Проиграл на этот раз Израиль. Выяснилось, что и хорошо вооруженным войскам можно противостоять. Израильтяне не получили двух своих пленных солдат (из-за которых, собственно, и начался конфликт), но, даже обладая мощным оружием, не сумели даже уничтожить пункты пуска ракет, которые бомбардировали Израиль.

Вечер был посвящен кухне: шарлотка из соседских яблок, мои еще не вызрели, и творожная запеканка.

16 августа, среда. Между четырьмя и пятью часами утра читал Георгия Иванова. А утром, когда проснулся, решил свозить В.С. на дачу к С.П., чтобы она немножно продышалась. Ночью шел дождь, бушевал ураган, казалось, что молнии и гром веселились прямо над нашим домом. Но утром опять засияло ветреное солнце. Ехали довольно долго, проталкиваясь между большегрузными автомобилями. Но на участке Сергея Петровича, маленьком, еще не заставленном бытом, с молодыми яблонями и низкой травой — милый, огороженный с четырех сторон рай. Правда, на эту скромную лужайку, на маленький, бедный, почти кукольный домик со всех сторон заглядывают огромные особняки. Мне кажется, что подобное строительство производится

для того, чтобы отпугивать смерть, есть ощущение, что она к богатым липнет меньше. Пробыли здесь часов пять, пили чай, потом В.С., сидя во дворе в кресле, читала ворох газет, а я отправился в большую разминочную прогулку. Опять те же мысли о никчемности в жизни больших усилий. За каждым забором торчит по нелепому, не соответствующему летним запросам на этом крошечном участке дому. Ощущение, что целый класс людей пытается выдать себя за олигархов на шести сотках. Когда вернулся с прогулки, прочел, опять же в «Труде», в «Деловом вторнике», огромную статью об Эрмитаже. Еще пять или шесть лет назад «Деловой вторник», после ревизии Счетной палаты, предупреждал, что мы в ближайшее же время, столкнемся с потерями художественных сокровищ. Зачем же экспроприировали именем народа, лишали людей собственности? Чтобы потом разворовать? Для меня очевидно, что «хозяин» Эрмитажа занят собой, но не своим хозяйством. Представительствовать интереснее, чем следить за хозяйством и вникать в мелочи. Тогда Швыдкой защищал Пиотровского и Пиотровский говорил, что Палата в искусстве ничего не понимает. Вскоре ревизор, начавший расследование, скончался, Болдырев ушел из палаты. Пишу об этом еще и потому, что во вторник назначили коллегию министерств по этому вопросу.

Вечером, перечитывая две перве отредактированные Борей Тихоненко, главы нового романа, нашел разработанный им план собрания моих сочинений в восьми томах. Он соединил отдельные мои романы и повести с дневниками. Получилось редкостно интересно. Какой замечательный редактор не нашел своего места.

17 августа, четверг. Опять день начал с посещения поликлиники. Поехал без машины. Пользуюсь каждой возможностью, чтобы «разносить» ноги, но, похоже, идут какие-то необратимые возрастные процессы. Боль накрывает всего, как сеткой. Вера Васильевна Артемова, врач, прописала что-то еще пить. А вот давление меня удивляет: 130 на 70 — такого нормального давления у меня не было и в молодые годы.

Еще накануне я строил планы так: приду от врача и сразу же в машину и на дачу. Только сварю себе борщ. Приехал из поликлиники рано, В.С. еще не уезжала на диализ, получил у нее консультацию относительно борща, капуста была, а свеклу привез еще в воскресенье с дачи. Как ни странно борщ получился, но тут же уезжать я все же не стал. Так обычно, я целый день кручусь, а потом приезжаю в Обнинск, и сил хватает только чтобы полить теплицу, поесть, а дальше — телевизор или книга. Поэтому решил: пока не продвину роман дальше хоть на чуточку, никуда

не поеду.

Окончание третей главы идет вязко, в этих бесконечных описаниях института я потерял, как мне кажется, нерв, и дальше все ползет не по «новомировскому». Новомировские тексты, их упругость и непрерывность внутреннего действия для меня эталон. Писать стало скучновато, может быть, потому, что все уже придумал и теперь эти «политические» придумки, вроде письма Ставского Ежову о Мандельштаме, разбавляю довольно традиционной беллетристикой. Довел все уже до этого самого письма.

Наверное, повторяюсь. Уже несколько дней, точнее с понедельника, когда Инна Ивановна Ростовцева на собеседовании назвала третий том — воспоминания — Георгия Иванова, все время его читаю. Собственно, впервые не из лекций, не из учебников, а из этих, представленных в третьем томе текстов, становится ясной картина литературной жизни начала века. Серебряный век, молоды честолюбцы, прорастающий через наследие Блока и Сологуба, акмеизм, футуризм и прочее. Цитировать здесь почти нечего, все интересно, как романы Дюма. Но одну цитату, с которой я, наверное, начну учебный новый году у первокурсников, выписываю. Это, как ни странно для индивидуалиста Иванова, цитата о коллективной работе. Но это опять Мандельштам, со статьи о котором я и начал читать книгу.

«Я не профессиональный критик, я член «Цеха», ближайший сотрудник «Аполлона», товарищ Гумилева, Ахматовой, Лозинского и того же Мандельштама. Читая его «Собрание сочинений», я вспоминаю сотни подробностей, как его стихи создавались, впервые читались, обсуждались в «Цехе» и перерабатывались. Вот эта строфа «Адмиралтейства» целиком сочинена Гумилевым, а первоначальная — «Так музой зодчества вскормлен мудрый лебедь», — по общему цеховому согласию уничтожена. Вот эти строки оды «Бетховен» забракованы Ахматовой. А здесь Мандельштама вывел из тупика наш общепризнанный арбитр вкуса Лозинский. И поэтому я, более чем кто либо в наши дни, знаю, какое значение для вечно сомневающегося, вечно колеблющегося Мандельштама имела окружающая среда»

Наверное, я позднее ***опять*** буду что-то цитировать, но рискну повториться: «Петербургские зимы» мемуар о начале века и начале литературе это совершенно необычный вид подобного изложения. Надо обязательно взять себе на вооружение эту якобы дробность, этот летящий стиль. Даже холодную ясность прозрения по отношению к близким и любящим людям.

18 августа, пятница. Около десяти все же выехал из Москвы. По дороге опять заехал в недавно открывшийся на Старо-

Калужском шоссе огромный супермаркет «Перекресток». Это уже традиционно, я покупаю продукты во время поездки на дачу на всю неделю. Здесь есть и некоторые удобства — на машине и к собственному подъезду. Но дело еще и в том, что за последнее время появилась боязнь продуктов на московских рынках. Сплошь смуглые хозяева палаток, целая гурьба, которую я увидел, когда закрыли на несколько, видимо, дней Университетский рынок, их недовольные презрительные выкрики, меня очень насторожили. Хотя в запечатанных палатках урчат холодильники, но я представляю эти продукты, которые все же наверняка будут проданы. Много пишет и пресса о рынка, о качестве продуктов, о мясе, с соей, о своеобразии колбасы. В больших супермаркетах за качеством все же следят. Потом я заметил, что и цены здесь, особенно если прикинуть все рыночные недовесы, здесь часто на овощи и фрукты ниже. Взял картошку, лук, помидоры, купил нулевой кефир, пельмени и много другое… Я уже стал, как и в прошлое лето, молоко, масло и творог брать на даче, с машины, которая приходит откуда-то из Калуги.

Без телевизора.

На даче читал Георгия Иванова и роман Амоса Оз. Роман израильского писателя постепенно затягивает, это, конечно, очень неплохо и близко к бытовому стилю наших шестидесятников. У Георгия Иванова поразил анализ творчества Кузмина и Есенина. Поразила мысль о всеобщем понижении уровня восприятия и задач публики. Вслед за этим упал уровень и поэзии. Никогда не веря в то, что Есенина убили, я тут, прочтя Иванова, впервые задумался, как сильно он начал мешать именно не евреям, как часто пытаются намекнуть, а власти, которая не знала, что с ним делать. Кузмин, как выразитель, аполитичной, внесоциальной и эстетствующей публики. Есенин — олицетворение нового народа, без интеллигенции, без водительства церкви. Все, конечно, значительно сложнее. Оба фантастически талантливы. Если было не так, разве говорили бы о них и читали сегодня. Но дневники Кузмина читаются сегодня с не меньшим интересом, чем воспоминания Георгия Иванова, а его стихи — гениальны.

19 августа, суббота. В шесть часов вечер приехал из Москвы С.П. к этому времени Витя натопил баню. В Обнинске затарились пивом, даже я взял себе маленькую баночку сидра, иначе веник и пар идет плохо. Замечательно и блаженно заснул в маленькой комнате с размышлениями о текстах Георгия Иванова. Он так умен и наблюдателен, что читать его всего опасно, невольно начинаешь подражать. Я иногда завидую чужим находкам и чужому движению мысли, но еще больше боюсь

незаметно уйти в чужой лес, начать подражать. Стиль это то, без чего писатель снова превращается в ученика.

Без телевизора.

Практически откомментировал все письмо Ставского. Но чего-то здесь, повторяю, не хватает. Действие остановилось. Без комментария осталась лишь одна последняя строчка. Оргсекретать СП СССР пишет министру внутренних дел: «с коммунистическим приветом». Здесь я, наверное, попляшу. Некоторые мысли есть. В том числе, и такая — а не «материализовать» ли Ставского возле сейфа бывшего партбюро?. В диалог можно включить и мысль о «письме 42-х». Завтра вечером загляну в словарь Казака и поговорю с И.Л. Вишневской — она знает все.

20 августа, воскресенье. Ночью шел дождь, а утром небо серое и низкое. Витя уехал на своем мотоцикле сразу после обеда — а вдруг снова польет, тогда он не выберется. Я, к несчастью, решил задержаться и попал в жестокую часовую пробку пред постом ГАИ у Вороьбев. Навстречу машины уже не шли, а со стороны области, к Москве машины лезли по обочине, по встречной полосе. Я был раздражен и плохо думал об этих людях, которые, как правило, на огромных вездеходах и иномарках, внаглую старались обойти других. Время прокламируемого индивидуализма. Как мне хотелось, взять легкое ружье и бить по колесам. Но боюсь, что скоро захочу миномет.

Минут через десять машины выползли, бампером одна у другой; двери открылись, кто-то, воспользовавшись остановкой, побежал в лесок, на дороге начались разговоры. Нашлись знающие люди. Оказалось, что в десяти километрах от поста ГАИ есть некий поселок Барсуки. «Заборы выше неба». Связывают его с именем Черномырдина, но, вроде, там обитает и другое начальство. Произнесено было слово «правительство». Я вспомнил, кто владеет молокозаводом в Жуково, на родине маршала. Молоко и молочные продукты, видимо, идут оттуда. Оказалось, что пробки случаются довольно часто, когда власти завершают отдых. В этих случаях закрывают два шоссе: Калужское и Киевское, кортеж идет по лучу, пересекает Калужское и, без помех поворачивая на опустевшее Киевское, мчится прямиком на Можайку. Сегодня что-то припозднились, ходили, наверное, по грибы. Я долго не мог понять, зачем держат на этом луче ГАИ, а теперь отчетливо представил себе наших доблестных милиционеров, наглых и подобострастных, стоящих, втянув животы, пока лакированные машины с бабами, невинными детьми и кухарками пролетают мимо них. Я призывал на голову этих слуг-господ разные кары, от мин до геморроя каждому,

включая малолетних детей и невинных младенцев. Ах, слуги-господа! Ах, мой любимый, покорный народ! Во Франции из-за такого стояния начались бы волнения. Подозреваю, что мысли о минах и геморрое в течении этого часа посетили не одну голову.

Дома, приехав, замариновал шесть банок огурцов.

21 августа, понедельник. Последний рентген показал остеохандроз. Ездил делать массаж, дорого. Вернулся, сидел за компьютером, потом долго занимался кухней: большая запеканка и большая шарлотка. Не смог поехать к Лене на традиционный совет.

22 августа, вторник. Отправил на машине Витю в институт, а сам на метро поехал в министерство культуры — там сегодня внеочередная коллегия. Поехал бы на машине, но там ставить ее некуда или очень трудно. А просить машину у Вл. Еф. и оскорбительно, потому что наткнешься на отказ, и бесполезно — с машинами он все равно дело наладить не сможет. Руководить — это всегда предвидеть последствия и собственного решения и неисполнения решения.

Пришел рановато, в зале пусто, потом появился Пиотровский. Все в том же «знаковом» черном шарфе на плечах. Поздоровались. Потом все собрались, министр без тени неуверенности начал заседание. Непривычным казенным «карандашиком» пользоваться не стал, достал собственную авторучку. Коллегия, объявил Соколов, не плановая, проводится по поручению Президента. Сначала поздравил с 70-летием Алексея Ильича Комечуа. Затем перешел к информации о бюджете. Основное — некоторое укрепление министерства, финансирование в следующем году будет увеличено на 30 процентов. На правительстве, судя по рассказу, Соколов держался уверенно и представил недостающие позиции. Министр не производит впечатление боязливого человека. (Записываю все подряд именно потому, что придаю своим дневникам гласный характер. Публике не часто приходится заглядывать на такие собрания, и позиция государства часто публике неведома.) Министерство получит дополнительный миллиард на организацию вещания в Таджикистане, на фестивали оркестров мира, на переезд Мариинки в связи с ремонтом, на случай аварийного отключения электричества в театре. Я тут же вспомнил дневник Теляковского и электрическую машину в Большом театре, которая, как оказалось потом, несколько лет не работала.

Соколов много говорил о комплексной ревизии музейных ценностей РФ. Очень аккуратно перешел к последним событиям в Эрмитаже. Вообще, судя по списку выступающих, вопрос берется шире — сохранность национального художественного достояния.

Случившееся волнует не только музейных работников, но и всё общество. «Трагический инцидент» — так на Совете музеев определено произошедшее. Еще когда Совет собирали, я подумал, что это умелая амортизация. Соколов говорит об розданных к коллегии справках, в том числе и об утратах, просит не повторяться.

Занятная максима: «Любая проверка в сфере культуры воспринимается с обидой».

М.Е. Швыдкой — первый докладчик. Начал с реакции прессы, которая, по его мнению, неадекватна. Произошедшее, можно определить как частный случай. В самом инциденте для М.Е. многое непонятно. Непонятна и коллективная истерика. На кону, дескать, репутация корпорации. В 91-м, когда рухнул железный занавес, музейщики оказались в иной ситуации. Открытость несла с собой и соблазны? Говорит, что в настоящее время при работе с персоналом, принимая их на работу нужно заводить «базу». Фигура заместителя по кадрам в музее — должна стать ключевой. (Здесь меня передернуло.) Дальше — разумный тезис: у нас хорошие инструкции, но их нужно выполнять. (А кто, собственно, говоря, за этим должен следить?) В Эрмитаже мы обнаружили, продолжал М.Е.Швыдкой, что инструкции не выполняют. Если человек работает в музее 30 лет, в сумку к нему охрана не полезет. Конструкция житейской случайности была представлена М.Е. прекрасно. Он очень опытный докладчик, информированный, умеет создать настроение. Но — дальше: в стране за все время простроено всего два специальных фондохранилища. (Третьяковка и Эрмитаж). Это серьезно, это отношение государства к ценностям и культуре и неготовность самой культуры требовать что-либо от государства. Большинство фондохранилищ — не специально построенные и оборудованные здания, а церкви и памятники культуры. За последнее время было построено и введено в действие не больше 10 музеев. В охране мы сосредоточены на периметре, а внутри охраняемой зоны вещь перемещается свободно. Методика учета и хранения такая же, как во Франции и Германии, не хуже. Но музейный хранитель сейчас получает по 6-му разряду, как кладовщик. Поэтому всех хранителей сделали научными работниками (14 разряд). Очень важный тезис: художественная вещь, попавшая в музей, теряет свою денежную стоимость.

То, что говорит Швыдкой, казалось бы, точно и справедливо, но есть ощущение и другой правды. Я полагаю, что реакция прессы, на которую Швыдкой жаловался, это понимание вилки между тем что много лет говорит этот чиновник о культуре и самой культурой. Точно так же пресса интуитивно начала

относиться к Пиотровскому: очевиден зазор между его жизнью с выставками по всем странам мира и рутинной работой, которая идет в самом Эртмитаже.

О выставках, упреки в обилие которых пресса бросила и Пиотровскому, Швыдкой тоже говорил правильно: это, дескать, мониторинг, подтверждение подлинности произведений. Но если хорошо хранить, для чего подтверждать? В заключении М.Е. Швыдкой нажал на цифры: раньше, дескать, в музейном отделе Минукульта СССР работало 70 человек, а вот теперь, в агентстве, у него только четыре. Но ведь было 15 республик, и наверняка был у каждой куратор, и потом ты столько лет этим занимаешься, борись. Или признавайся, что не можешь.

Я умышленно переношу выступление Б.А.Боярского руководителя Росохранкультуры в самый конец, потому что здесь поиск других причин.

Козлов Д.П, руководитель Росархива говорил о множестве решений по защите архивов, которые не были выполнены, о парламентских слушаниях, рекомендации которых тоже не выполнены. Все рассматривалось, но ничего не делается, потому что не финансируется. За минувшие пять лет — 11 краж. Три кражи совершили сотрудники, но до суда доведены только два дела. Говорит, что не все факты краж выявлены. Что крадут? Раритеты, открытки, имеющие устойчивую цену. Причины краж: а) не все работники боятся потерять место (необеспеченность, бедность — средняя зарплата 5,5 тысяч); б) Чтобы компенсировать низкую зарплату, директора вынуждены расширять деятельность, это не всегда способствует сохранности; в) в 2,5 раза увеличился объем использования архивных материалов, запросов. А число работников уменьшилось. Идет постепенная проверка дел. За последнее время 20 процентов — это один миллион дел, проверены полистно. Попутно, в связи с кражами, решили проверить все архивные дела бывшие за последние десять лет на выставках.

Все стало затягиваться. А.И. Комеч иногда засыпает, но спит, как орел: лишь шорох — и он встрепенется.

Замечательную реплику бросил ***А.С.Соколов*** о том, что нужна выборочная проверка: «Ей Богу, мы знаем, что и где проверять».

Дальше подробно мне стало записывать скучно. ***В.Ю.Дмитриев,*** заместитель директора Госфильмофонда. У кино два родовых проклятья: одно — оно механическое искусство, это искусство тиражированное. Как его хранить? Копию или негатив? Негатив «Потемкина» — это раритет, он рассыпается. Дмитриев рассказывает, как пошли на обострение, не отдали во Францию

негативы фильмов Тарковского. Вспомнил требование еще недавно звучащее: раздать все по республикам. Все советское кино — в Госфильмофонде, правда, при этом 80 процентов немых картин русского производства не сохранилось и половина фильмов, вышедших до 1950-го года, пропала.

Второе родовое проклятье — кино это коммерческое искусство. Я пропускаю развитие этой мысли. Как я понимаю, Дмитриев выступает, чтобы отвести от Белых Столбов надвигающееся на них строительство Кирпичного завода — все равно построят! И оптовой базы

Пиотровский М.Б. Делать хранение приоритетным. До этого приоритетом была доступность. Хорошо защищаем вход, но забываем про выход. Нужна помощь: строить фондохранилище. Не хочет проводить тендер — долго, лучше заказчик, выбранный Роскультурой. Нужны внебюджетные средства, государственных мало.

Был лаконичен до изумления, ощущение, что сам музей, его содержание его не интересует.

Больше всего меня изумило выступление ***Т.М.Горячевой,*** директора бывшего ЦГАЛИ — Российского государственного архива Литературы и Искусств. Сначала все было очень верно: о потребительском отношении общества к архивам. Из выступления выяснилось, что некоторое время назад пропало 8 страниц оригинала, подлинника поэмы Блока «Возмездие». Из хранилища. Куда закрыт доступ и откуда рукописи не выдаются. Значит, свои, кто-то из работников. Говорила о хищении фонда Чернихова. Опять прозвучало очень сомнительная тенденция: превратить архив в архив-музей. И дальше — невероятно: эта привлектельная и с виду вполне интеллигентная женщина предложила при приеме на работу применять детектор лжи. Чудовищно! А почему бы тогда снова не ввести смертную казнь? Это из одного ряда.

От выступления ***Ирины Александровны Антоновой*** у меня осталось ощущение скрытого наезда. На кого только? На Соколова или на Швыдкого? Для всех очевидно, что ничего подобного случившемуся в Эрмитаже, в музее изобразительных искусств произойти не могло. Я записал: «Необъяснимое событие приводит нас к определенным выводам. Вещи могут пропадать не только потому, что они украдены, они теряются. Назрело заседание правительства, на котором мы сами поднимем эти вопросы. Наши права недостаточно активно отстаиваются». Рассказывает о письме Президенту и ответе: деньги вы получите. Но их не получили. Я про себя вспомнил, как тоже писал в Администраию президента и оттуда мне звонили, а потом все заглохло. Имитация и ее распознание — это моя специальность.

У меня сложилось ощущение тихого наезда на Швыдкого.

Комеч о пропажах в храмах. Общая ситуация трагична: 20 процентов находится «в уходящем состоянии».

Б. Боярский: «Мое выступление станет диссонансом к выступлению Михаила Ефимовича». Говорит о ином видении проблемы сохранности. За два года Агентство провело ревизию в 168 местах, причем последние 10–15 лет подобные ревизии не проводились. Отмечает и, весьма категорически, основное — администрация большинства музеев не знает нормативных актов и законов, регламентирующих музейное дело. Привел в пример Саратовский музей. Вообще о директорском корпусе Боярский говорит очень жестко. Органы МВД раскрывают от 50 до 70 краж в год в музеях. Две категории преступников: первая — откровенные бандиты, вторая — бандитские сообщества, работающие вместе с хранителями. Отмечает общий рост преступности и рост неоправданной выставочной деятельности, которая часто ведет к потерям. Часто бороться с преступностью мешает отсутствие законов. В качестве примера: 180 предметов, в основном оружия, были похищены из Петропавловской крепости, но наказать никого не смогли — нет соответствующего закона. Боярский не может — это почти прямая речь — согласиться с Мих. Ефим., что в музейном деле все у нас хорошо; отмечает, что при сопоставимом размере в Росархиве Роскультуры, которой подчиняются музеи, проверки проходят своевременно. Центральная мысль (опять почти прямая речь): происшествие в Эрмитаже это следствие разложения всей музейной службы — от директора до хранителя. Тут Боярский вспомнил об усадьбе Мураново, в которой только что случился пожар. После этого архивы страны тут же взяли на временные хранение мурановские книги, а вот музеи (подтекст: возглавляемые Швыдким) до сих пор торгуются о материальных условиях. Боярский требует ужесточения контроля за финансовой деятельностью.

Его фраза: «Надо прекратить использование залов музеев для всяких завтраков на «Авроре» и праздников», — вполне прозвучала прозрачно. Боряский сказал то, что никто и никогда еще здесь не говорил.

Приехал в институт около часа, прямо к перерыву в собеседовании. Что-то даже поел за казенный счет. Слушали студентов Алексея Варламова, а потом — дети, проза, критика и публицистика. Все прошло благополучно, хотя и медленно. Как всегда, зондаж: что вы ждете от института? — и круг чтения. Варламов вел свою линию уверенно, спокойно и абсолютно доброжелательно. Мне почему-то кажется, что в институте ему уготовлена долгая и удачная жизнь. Интуиция меня обычно не

подводит, хотя памятны и те три случая, когда я ошибся с людьми. В инициалах это выглядит так: М.В., М.Ю. и А.В. О последнем персонаже со мной очень интересно говорил Алексей. Еще когда персонаж поступал в аспирантуру, то сидя с Алексеем на бульваре, показал на здание и сказал: когда-нибудь я там буду ректором. У меня вообще есть ощущение, что должность ректора Литинститута для каждого четвертого из работающих в институте кажется вполне подходящей. Правда, у троих из этих «четвертых» хватает ума это не декларировать.

На собеседовании произошел занятный эпизод. Не очень молодая абитуриентка-заочница на вопрос «круг вашего чтения?» вдруг стала рассказывать о коллективном чтении в общежитии книги Есина «Попутные мысли». Может быть, для него они и попутные, а для нас это так важно. Мне, естественно, было приятно, остальным пришлось сжевать. Закончилось собеседование около восьми, и сразу же поехал к Копыловым.

Тоня Копылова написала новую книгу о своей семье и ее друзьях. На этот раз она ограничилась временем, когда они жили в Навои. В книге есть и фрагмент, связанный со мною. Здесь две стороны: во-первых, книга о семье и молодых годах, сама по себе знаковое явление. Во-вторых, Навои, атомная промышленность — это знаменательный фрагмент когда-то секретной эпопеи. Секретность закончилась, и все пропало. Хорошо, что Тоня все это восстановила.

Был еще один повод поехать в гости. Прилетел с Коморских островов Дима Копылов. Пока они кормили меня дыней, я поговорил о его переезде туда вместе с немалой семьей. Невероятно экзотическое место, куда самолет летит с несколькими остановками и первая в Дубаях. Я восхитился здоровым чувством авантюризма младшего Копылова. Как переменилось время! У меня уже переменились суждения о людях, легко отъезжающих на другой конец света. В душе они всегда остаются русскими. Обязанность человека перед собой быть счастливым. Я загорелся как-нибудь, ЕБЖ, слетать, на Коморы.

23 августа, среда. Расчетливо приехал на последнее собеседование тремя часами позже. Для себя, после того как оставил пост ректора, я решил: пусть хоть земля лопнет, но сначала я посижу час над романом у компьютера. Чуть-чуть продвинул вперед сцену со Ставским. При упорной работе всегда что-нибудь интересное возникает. Кстати, вчера я задал вопрос о Ставском, не знает ли он что-либо об этом герое 37-го года, и он припомнил его отношения с Пришвиным. Я об этом тоже читал. Пришвин, Ставского не любил, но тот помогал ему в истории с

разводом. Вот и этот маленький штрих лег в роман.

Приехал домой около десяти, а, может быть, и позже и еще долго, поставив машину, дослушивал передачу по «Маяку». Военные специалисты говорили о войне Ливана и Израиля. Это для меня как попутное действие любовной истории Михаэля и Ханы, которую я сейчас читаю. Кажется, действительно неплохой роман, по крайней мере, в неумении точно держать женскую психологию — роман написан от лица героини — автора не упрекнешь. Другое дело, все время отрываюсь на что-то документальное, которое захватывает сильнее. Но, возможно, это особенность времени. Сначала это был Георгий Иванов с его воспоминаниями, а вот теперь возникла прекрасная ЖЗЛовская книжка о Франсуа Виньоне. Гениально построенный сюжет: комментарий к персонажам, событиям и предметам «Большого завещания». Но я, увлекшись, ушел от темы. Итак, дослушивал передачу. Теперь уже в прямую говорят, о проигранной Израилем войне. Выводы у специалистов такие: а) исчез миф о непобедимости израильской армии; б) лопнуло представление об израильской разведке как лучшей в мире; в) оказывается, не всегда сильное вооружение гарантирует армии победу. Арабы подбили 40 израильских танков. Говорили также о советском оружии, которое, видимо, действовало на стороне арабов.

24 августа, четверг. Сегодня день траура по погибшим в невероятной авиационной катастрофе нашего самолета, летевшего из Анапы в Ленинград. Погибло 170 человек, и так как Анапа детский курорт, — очень много детей. Версий несколько, и главная — самолет попал из-за грозы в плоский штопор. Ни одного спасшегося. Как всегда: материальная помощь родным и близким; ленинградцы, их около пятидесяти, будут похоронены на одном из центральных кладбищ; Путин подписал указ о дне траура. МЧС работает — это все время повторяет телевидение — четко, все отлажено: сбор трупов, автобусы для родственников, поиск черных ящиков, генетическая экспертиза. Такое ощущение, что только МЧС и работает без сбоев, а все остальные ждут катастроф и чрезвычайных ситуаций.

Утро работал над дневником, потом поехал в «Наш современник». В 8-м номере появились «Выбранные места за 2005 год». В тот же день все и прочел. Отредактировано (Женей Шишкиным, с которым мы раньше препирались) довольно неплохо, нет резкостей, хотя, если бы мне показали гранки или верстку, то еще я бы подубрал кое-что: в частности одно не очень справедливое суждение о Кирееве, навеянное книгой Яковлева, и одно место о Волгине: вопрос с его двойным профессорством давно решен, он «исправился», пора бы мне и уняться. В редакции

поговорил с Сережей Куняевым. Он сейчас пишет книгу о Николае Клюеве и, в связи с этим, кое-что рассказал мне о Яр-Кравченко, с которым был знаком. А главное — Сережа расширил искомый мною список литературных предательств. За Люсечевским, оказывается, экспертиза не только на Заболоцкого, но и на Бориса Корнилова. Вроде бы в 90-х годах это напечатано в «Литературной России», возможно, есть и в словаре В.Огрызко.

Встретился с Юр. Авдеевым, питались с ним японской едой в кафе «Терра» возле его дома. Я делал вид, что японская кухня для меня привычна. Дома пили чай, говорили о живописи и разглядывали прекрасную акварель Семена Кожина — пейзаж Ирландии. Если бы у меня были свободные деньги, я, пожалуй, эту акварель купил бы. Что может быть лучше, чем, сидя за компьютером, время от времени поднимать взгляд и видеть фиолетовые холмы, озеро, схватку облаков над землей. Тут же вспомнил о Саре Смит и Стэнфорде. Был бы я человеком богатым, купил бы для них.

Вечером разбирался с Витей, который где-то долго гулял и выпил пивка. В качестве лечения предложил ему арбуз, купленный при возвращении из редакции. Безусловное достоинство Вити: во хмелю не агрессивен и чувствует себя виноватым.

25 августа, пятница. Утром вывез В.С. на воздух — на дачу к С.П. Пока не пошел дождь, косил траву, потом, лежа на верху, занимался дневником, пока не устала спина. Разговаривал по телефону с Ильей Кирилловым и Максимом. У Максима стихи пошли в «Новом мире» и в «Дружбе народов». Я не ошибся в нем — и когда его брал в институт, и когда после первого сборника назвал его выдающимся будущим русским поэтом. Будущее превращается в настоящее.

Но закончился день не так легко. Я не смог отговорить В.С. от самостоятельной поездки в Дом кино, где сегодня начинается фестиваль. Начинается с «Живого» Велидинского. Это фильм о как бы материализовавшейся тени солдата, убитого в Чечне. Ничего подобного, особенно о Чечне, я смотреть не хочу, за этим всегда, даже если автор очень талантливый человек, стоит какая-то историческая либо этическая неправда. В.С. пошла одна, упала уже по дороге, потом позвонила мне из Дома кино. Я был готов сразу за ней приехать, но она сказала, что все же пойдет на фильм. Кончилось тем, что все-таки я съездил за нею, бинтовал разбитую руку, утешал. Днем читал роман Амоса Оза «Мой Михаэль». Надо согласиться, что здорово написано, вне привычной сегодня конструкции, что и привлекает, и затягивает. Интересно будет встретиться с автором, видимо, во время

книжной ярмарки в начале сентября.

Россию и Ленинград преследуют катастрофы. Я полагаю, что это связано с тем, что начальство все занимается «глобалкой», решением общих вопросов, имитацией заинтересованности в общем деле, а дела мелкие, повседневные — уходят на задний план. Сгорел знаменитый Троицкий собор, построенный Василием Стасовым. Выгорел огромный деревянный купол. Даже в Советское время остался живым и целым, а тут открыли, начали ремонтировать, во время реставрации — сгорел. Боюсь за институт. БНТ, похоже, все хозяйственные дела передоверил Колобку, а тот живет лишь сегодняшним днем и исполнением желаний начальства. Сейчас ремонтирует кабинет Стояновского. Из института ушел Слава — маляр, которого я долго берег. Я знал о его запоях, но когда он работал — работал замечательно, упорно и быстро. Теперь даже мой бывший кабинет, по рассказу Максима, ремонтируют какие-то смуглые люди с юга. Может быть, так и стоит жить, легко и непринужденно. Гони «видуху». Я все время помнил о том, что, раздав институтские деньги пришлым, на сторону, меньше оставим нам самим, на зарплату преподавателям. Платим ведь из общего котла.

26 сентября, суббота. Витя вчера улетел, как ветер на мотоцикле в Сопово, он потихонечку делает там отопление и наводит порядок после ремонта. Сегодня ознаменовано днем рождения С.П. Наверное, проводив В.С. на диализ, поеду вместе с ним на дачу, жарить шашлык и смотреть кино. Утром передали по ТВ, что горит угловой дом на Петровке, я его хорошо помню, модерн начала века. По привычке я все время думаю, как бы не случилось чего-нибудь в институте.

Вчера же передали, что некий Игорь Тарасевич, мэр Пятигорска, на внедорожнике врезался в Жигули с «простыми людьми». Пять человек погибло. Какая-то неясная история с пропавшим шофером и испарившимися пассажирами джипа, видимо, в нем ехало начальство. Попытка ГАИ и врачей скрыть происшествие. «Труд» сегодня поместил огромную статью на первой странице. «Власть на встречной полосе. Продолжается неравный бой на дорогах страны: сановные авто таранят машины простых россиян». Здесь же список этих безнаказанных трагических наездов. Много не только губернаторов и сенаторов, но и их родни, сына Сергея Иванова, сына Руцкого. В каждом таком случае доблестный и справедливый наш суд находит оправдание и губернаторам, и их сыновьям, и сыновьям министров. И какие формулировки! «Когда в Москве Александр Иванов, сын министра обороны России Сергея Иванова, на автомобиле «Фольксваген» на регулируемом пешеходном

перекрестке сбил 68-летнюю пенсионерку Светлану Боридзе, в результате чего она погибла, уголовное дело было прекращено. Поскольку «водитель Иванов А.С. не имел технической возможности предотвратить наезд на пешехода Боридзе С.К.».

27 августа, воскресенье. По телевидению передали, что в США к девяти годам все же приговорили бывшего премьера Украины Лазаренко. Надежда России, как я неоднократно замечал, только на правосудие Америки.

Читаю сразу несколько книг. Я, кажется, уже писал, что читаю жзловскую биографию «Франсуа Вийона». Ее написал Жан Фавье. Какой блеск, какие подробности и какой литературный талант. Не даром академик. Интересно, что в России мы подобную академию создать бы не смогли, ее состав немедленно был бы опознан, как узко клановый. Соседство Солженицына с Быковым и Славниковой невозможно.

Теперь — к книге. Поражает — сохранившееся в архивах судов и церквей той поры. Сама непререкаемость их постановлений. Хотя есть и то, что роднит наших ученых юристов и судейство французских. Те же самые ученые юристы и судьи, которые приговорили к сожжению ведьму Жанну д'Арк, через два года, посмертно ее оправдали (во Франции принято говорить об «аннуляции осуждения»). Меня при чтении восхитило «королевское прощение», которое давалось очень широко. Здесь и прагматизм, и понимание, что всех не пересажаешь. Хотя — и тогда, и у нас сейчас — надо бы через одного.

28 августа, понедельник. Утром, хочешь-не хочешь, пришлось поехать на работу. Здесь две причины: именно в этот день закончился отпуск и вдобавок ко всему с воскресенья у меня вдруг заспух и покраснел левый глаз. Еще утром, когда я проснулся, то почувствовал, что-то не в порядке. Зеркало тоже показало лик не самый веселый, глаз затянулся в щелочку, веко распухло, придав взгляду не свойственную мне торжественность. Вечером по дороге домой заехал в аптеку и купил «Альбуцид», думал, как всегда при конъюнктивите, все быстро пройдет. Но не тут-то было. Утром решил поехать к окулисту в глазной институт на Мамоновский переулок. Там всегда, хотя и не очень быстро, но глаза лечат качественно. До того, как отправиться к врачу, успел продиктовать Е.Я. поправки к моему вступлению на конференции в галерее И.Глазунова. В общем, после всех уточнений, получилось так:

Счастье мифа

Мое знакомство с Ильей Сергеевичем Глазуновым состоялось много лет назад. До этого были легенды, разговоры в обществе, очередь на его выставку, два раза окрутившая Манеж,

утверждающееся в большом искусстве имя, рождающийся миф; сохранилась и дата этого знакомства — 2 сентября 1979 года.

Глазунов уже тогда был фигурой столь легендарной, что на это знакомство я никогда не осмелился бы пойти сам. Крупный мастер, художник, который портретировал венценосных особ, и — начинающий писатель. Кое-что у меня тогда появилось в журнале «Юность», но «Имитатор» не был даже задуман.

Я шел на это свидание вместе с космонавтом Джанибековым, с которым был знаком, так как занимался космическими делами. Мы пришли в огромный дом Моссельпрома, в знаменитую башню, дом-музей, дом-картинную галерею. Играла тихая музыка, хозяин был мил и обаятелен. Хорошо помню — напоил чаем и покормил, была «отдельная» колбаса, которая тогда пахла как сейчас пахнут деликатесы… Когда мы уходили, И.С.Глазунов подарил мне большой рисунок, сделанный фломастером тут же, при мне, т. е. я как бы вынудил его, принеся с собой огромную гостевую книгу. Здесь всё было символично, хотя, полагаю, что символы были уже «наезжены», уже привычны. Огромная лестница, на которой где-то в середине обозначен точкой человек; дерево, небосвод, церковь. Человек поднимается к храму. Лестница обозначает задачу каждого, наверное и самого Глазунова, подняться на самую вершину. Судя по всему, задача выполнена.

Сегодня мы собрались на Конференцию, посвященную творчеству И.С. Глазунова, в залах Галереи. Пока я сидел в нашем центральном зале, я разглядывал картины, висящие на стенах. Практически, это удивительное состояние и удивительное чувство — оказаться в центре обступивших тебя со всех сторон лиц нашей истории. В этом смысле место это какое-то волшебное, заставляющее думать и о нелегком пути русской истории и о самом художнике, дерзнувшем этот путь определить. Но сегодня мы говорим совершенно о другом — о выставленных в соседнем зале этой галереи замечательных рисунках к произведениям Ф.М.Достоевского, 8 рисунках, уже бесспорно вошедших в классику, в галерею портретов героев русской литературы. Я невольно вспомнил, разглядывая их, одно из соображений В.Набокова, сказавшего, что человек должен быть счастлив, если история только прикоснулась к нему полою своего плаща. В этом смысле уже даже как автор только этих рисунков И.С.Глазунов — тот самый счастливец. И в этом его огромная заслуга перед нашим искусством. На этой Конференции уже неоднократно и очень точно говорилось о том (и это вполне естественно для каждой эпохи), что существует огромное количество писателей, артистов, художников, которые активно действуют в наше время. И тем не менее, имена их очень слабо известны широкой публике.

Имен «на плаву», имен первого ряда в каждой эпохе немного. Обычно о таких именах говорят. Приведу пример.

Сначала несколько слов о том, что моему роману «Имитатор» достаточно искусственно приписали прототипы. Но прототипы для писателя почти всегда неинтересны, его больше интересуют т и п ы, они более величественны, они возвышаются над мелочами быта и ежедневными ассоциациями. В свое время я писал, отвечая любителям, желавшим связать в «неразрывную цепь» меня, моего героя и знаменитого русского художника. Но вернемся к первоначальной мысли. Во время моих встреч с читателями, в тот момент, когда вышел роман «Имитатор» и когда интеллигенция судорожно искала в своих рядах прототипов, мне неизменно задавались разные коварные вопросы, и каждый раз, почти в любой аудитории я проводил один и тот же наглядный эксперимент. Я спрашивал у аудитории: поднимите руки те, кто знает художника Глазунова, кто может представить себе хотя бы одну его картину, кто в своей памяти держит хотя бы одно лицо с этой картины или портрета. В таких случаях руки поднимала вся библиотека (как правило, такие конференции происходили в библиотеках). Я шел дальше. Теперь поднимите руки те, кто знает художника Шилова и кто знает его картины. Рук поднималось значительно меньше, что-нибудь около половины. Теперь поднимите руки, кто знает одного из таких художников — и я называл Осовского, Нисского, братьев Ткачевых. И тогда поднимались в лучшем случае две-три руки, или даже одна рука. И после этого я обращался к фантазерам, так хорошо придумавшим, с их точки зрения, прототип моего героя: «Получается так, что если вы не обладаете знанием большого количества ассоциаций, не знаете имен многих художников, которые могли бы стать героями моего романа, вы, в принципе, привязываете моего героя к первому знакомому вам имени». Понятна моя мысль? Как я уже сказал, Набоков писал о счастье любого художника остаться в истории. Продолжая его мысль, можно говорить о высшем ранге жизни в искусстве, о человеке, создавшем в искусстве свой собственный мир. Такие люди есть всегда, они существуют в науке, в литературе, в живописи.

Сегодня мы говорим о Глазунове как об иллюстраторе Достоевского. И я со всей ответственностью заявляю, что существует Достоевский Глазунова. Что бы мы ни читали из великой классики, какие бы внутренние картины в этот момент ни стояли перед глазами, — наши память и воображение играют с нами по точным законам психологии: перед глазами встают всегда иллюстрации, виденные, видимо, раньше, которые создал Глазунов. Конечно, искусство неостановимо, и, возможно, придет

новый художник, который предложит нам другую систему видения. Но что поделаешь, пока, когда мы говорим о Гоголе — мы видим рисунки Баклевского, когда о Библии — вспоминаем знаменитого иллюстратора Библии Гюстава Дорэ, когда говорим о Кола Брюньоне Ромен Роллана — всегда думаем о знаменитой «вишенке» Кибрика. Как ни грустно, но с этим приходится считаться. Миф создан, и нужна невероятная сила художественного прозрения, чтобы его разрушить и вместо него предложить свой.

Один из самых счастливых моментов жизни художника Глазунова, исторического живописца и портретиста, это рисунки к творчеству Достоевского, ставшие мифом искусства, мифом Достоевского, мифом Глазунова, и, как я уже говорил, образы Достоевского мы теперь не видим вне этих рисунков. Причем феномен этот распространяется и на другие виды искусства. Я хорошо знаю театр, отчетливо представляю себе достижения кинематографа, разбираюсь в том, что «варится» в каждом художнике, и трудно сказать: кто у кого что взял и что с этим делать (в этом одна из особенностей искусства). Но мы всегда можем оценить результат, выделить его из хаотическиго нагромождения влияний, мотивов, зависимостей, и можем сказать кому этот результат принадлежит: «миф» Достоевского в русском изобразительном искусстве принадлежит И.С.Глазунову.

29 августа, вторник. К уже давно запланированному вручению премии Москвы вдруг внезапно прибавился экспертный совет по наградам Минкульта. На этот раз решил отправить машину с Витей в институт, а сам вызвал институтскую машину. По дороге из дома шофер Миша пожаловался на свои житейские трудности. Живут они в самом центре, чуть ли не на Трубной площади, выселяют из старого дома, но людям, привыкшим к этому району, дают что-то не то. Идет знакомая бюрократическая возня, при которой чиновник никогда не проиграет. Квартира коммунальная, здесь особые сложности. Начальство понукает соглашаться, угрожает, что может заселить в свободные комнаты таджиков или узбеков-дворников.

Москва в коммунально-рабочем смысле поделена. Об этом мне рассказывал еще Андрюша Мальгин, когда я был у него в гостях. Район Трубной — это таджики, в других районах татары и узбеки. Бедная пришлая молодежь обязательно приносит своему старшему — «смотрящему» — чуть ли не половину зарплаты, оставляя себе копейки. Кражи, разбои, нападения — в том числе и отсюда. Раньше лидировали азербайджанцы, теперь, судя по телеящику, — армяне. Наших русских ребят показывают реже, но сегодня отличился один семнадцатилетний удалец. Попытался

изнасиловать одиннадцатилетнего пацана. Милиция отбивала негодника от разяренных жителей. Но это все, так сказать, попутно.

Утром дочитывал «Моего Михаэля». Делал это уже с некоторым трудом, характеры давно обрисованы, дальнейшее действие практически известно. Книга сильная, обрисовано сумасшествие еврейской женщины и ее «духовный» адюльтер. Много замечательных частностей, например этюд Иерусалима. Москву еще никому так, как следовало бы, описать не удавалось. А с какой поразительной оглядкой на русскую литературу все составлено! Я не критик, подробно разобрать не смогу, а кратко. Здорово, но чего-то не хватает. Это не русский роман ясной метафоры, здесь прелестные частности.

Совет в Минкульте закончился довольно быстро, хотя претендентов на почести было много. Вспомнил Наполеона, который говаривал, что, давая солдату или чиновнику крест, он привязывает к себе человека на всю жизнь. Выкинули из обширного списка пару чиновников от искусства, желающих стать «заслуженными» и «народными», кое-кого из «заслуженных» и «народных» перевели в ранг «заслуженных работников культуры» или «заслуженных деятелей искусств». Некоторую заминку вызвал Филипп Бедросович Киркоров, вспомнили его распрю с армянской журналистской из Ростова, но потом, припомнив другие подобные случаи с влиятельными и «любимыми народом», решили, что администрация президента все равно уступит гнету телефонных звонков. Для того, чтобы решать независимо, нужен царь. Или ЦК КПСС, там с этим было строже. В том же списке, на той же страничке, на такое же звание выдвинута балерина Диана Вишнева. Звание-то одно, а уровень космически разный.

В мэрии, куда я приехал аккурат к началу праздника, все было как и год назад: зал, публика, телевидение. Только Лужков постарел и говорил немножко хуже. Долго «въезжал» в тему искусства, не получалось, но все заиграло, когда заговорил о восстановлении Царицина, о театре Немировича-Данченко. Заиграна не только любовь к городу, но еще и хобби — строить! Лужков любит большие проекты, но думаю, когда он уйдет, его засудят не только за трагическое изменение облика Москвы, а постараются еще и ошельмовать. Говорил Лужков и о бюджете, который — и это немаловажная заслуга — и в этом году «социально ориентирован». Но тут уж: как только проедут, так и забудут.

Список лауреатов интересен, хотя все они люди не очень молодые. Даже, я бы сказал, старые. И главный архитектор Москвы (за реставрацию Манежа), и Вл. Трошин, и Зельдин, и

искусствовед Уварова. Большинство держали ответную речь. И неуклюже, стыдно говорили о Лужкове. Мед растекался по огромному ковру Все это напоминало давнее время, когда (и ведь тоже никто никого не обязывал) на Новый год первый тост пили за здоровье Сталина. И Сталину это было не нужно, и Лужкову ни к чему. За книгу «Быть Босхом» получил премию Толя Королев. Он тоже выступил. Говорил о литературной географии Москвы. Об отсутствии в Москве памятника Твардовскому, о памятнике Булгакову, который все же пора поставить. Высоцкому, с которого началась духовная криминализация страны, памятник есть, Окуджаве, барду интеллигентской кухни тоже есть, а вот классику — пока не построили.

Кормят в мэрии все более скромно, но букеты были хорошие и дорогие. Красная икра на этот раз давалась в порционном виде — порция на столовой ложке. Лежали ложки на тарелках, изображали своим рисунком солнечный круг. Так солнце изображали при Людовике XIV. Каждая ложка была не полной. Икру ели ложками, но не полными.

Дошел пешком до института, взял машину и приехал, усталый и совершенно разбитый, домой.

30 августа, среда. К вечеру все же закончил третью главу. Тот, кто пишет, поймет, как трудно сплести общую канву. Дальше уже дело техники — заполнить оставшиеся лакуны, тем более, они у меня помечены. Например, несколько слов о Михоэлсе, Клочков, Корнилов, их предатели и доносчики. Эти места я выделил жирным шрифтом, сделать их можно быстро и хорошо, материал и внутренняя интонация есть, но еще следует подумать — надо ли. В целом глава даже выписана, почти без общих мест, без эпизодов, которые бы меня не удовлетворяли. Мне ведь, когда я почти все закончил в воскресенье и даже похвастался С.П., думалось, что осталось написать лишь несколько фраз «подслушанного» на кафедре диалога, но оказалось, что можно — и это органически получилось — еще «войти» на кафедру, описать круглый стол, застеленный зеленым сукном и встретить несколько новых теней. Еще раз убеждаюсь, надо идти за интуицией. Как все это обогатило эпизод, вот оно столь любимое мною «замедление». С другой стороны, я всегда буду говорить своим ученикам: не пишите «под меня». Это особый, часто мучительный взгляд на жизнь, особый метод ее обработки. По большому счету, быстро и беллетристично, как сам я люблю читать, я писать не умею. Как прав был для сегодняшнего дня Дима Быков: пишите быстро.

31 августа, четверг. В два часа уехал из дома: в три на Радио России у меня часовая передача, которая идет на несколько

десятков стран. Особенность передачи в том, что ее, кажется, еще снимали и на телевидение. С моим-то распухшим глазом. Но я помню: из тележки легко выпасть, но трудно в нее снова забраться. Телевизионная версия пойдет и по Интернету. О самой передаче не говорю, ее вел директор компании «Русское радио» Армен Оганесян. Меня сначала привели к нему в кабинет. Это бывший кабинет помощника С.Г. Лапина. Кабинет самого председателя Гостелерадио перестроен. Каждый раз, когда я бываю в этом здании, столько воспоминаний наваливается н меня! Кстати, в одном из вопросов, который задали мне слушатели, оказалось и упоминание моего старого рассказа «При свете маленького прожектора». Боже мой, люди помнят еще и это! Вопросы были довольно стандартные, причем много про институт. Когда я упомянул об «оловянных глазах министра Фурсенко», — цитата из учительского письма в «Труде» — в студии повисла пауза. Не вытерпел, подарил девушкам два тома «Власти слова» и «Марбург», Кстати, был еще и вопрос о дороговизне книг. Мой «Марбург» в институтском книжном киоске стоит 280 рублей.

В связи с началом нового учебного года обострилась дискуссия: вводить ли, хотя бы опытным путем, основы православного вероучения в средней школе. Уже несколько дней слежу, как талантливо многочисленные ведущие «отжимают» от эфира всех защитников этой идеи. Дело здесь, конечно, не в религии, а в нравственности и в стране. По аналогичному поводу по радио или по телевидению выступал кто-то из военных. Здесь свои проблемы: вводить ли в армии полкового священника или ротного муллу. При этом ехидно выступающий подчеркнул, что ни одного солдата, которому требовался бы раввин, в современной армии он, этот военный, не видел. Некоторый, конечно, пересол, но по существу верно. Теперь и за это замечание меня снова сочтут антисемитом.

Выступая по случаю начала учебного года по телевидению, Людмила Алексеевна Путина сказала: «Родителям я бы пожелала: быть всегда на стороне своего ребенка». И по-женски, и очень точно.

Но есть дни, которые тянутся «дольше века». Уже поздно принялся смотреть: американский фильм «Капоте» — про знаменитого американского писателя, автора «Завтрака у Тифани» и «Хладнокровного убийства». Слава «Иностранной литературе», мы все это прочли еще в юности. Фильм очень сильный, и я еще раз убедился, как гадок и мерзок тип писателя вообще.

1 сентября

1 сентября, пятница. С опозданием на 30–40 минут начали традиционный митинг. Погода с утра дождливая, холодная, Наверное, поэтому, кроме первокурсников, народу было поменьше, чем в прошлом году. Выступал с продуманной речью, с цитатами БНТ, потом говорил я, потом Костров, потом Болычев. Вечером В.С. на машине с Витей уехала в кино, а я с Сашей Соколовым ходил на Цветной бульвар есть японскую пищу. Интересно поговорили о картинах, об этом сложном бизнесе, я кое-что вспомнил из откровенного и рад этому, потому что при рассказе это откровенное зафиксировалось в моем сознании, как художественное. Как заметно, когда человек хочет расти, обязательно надо подарить Саше «Власть слова». Писал ли я, что вышел «Вестник» с письмами Н.В. Мотрошиловой и моими? Если впереди нет моего ответа Н.В. то, пожалуй, его стоит сюда внести. Пока — письмо Марку, которое сегодня Максим перенес на компьютер.

1 сентября 2006 г

Дорогой Марк!

Не сердитесь. Мы уже проработали с Вами этот тезис, и даже когда компьютерная связь не так бойка, мы всё равно думаем друг о друге, переговариваемся друг с другом и даже, я бы сказал, больше: для кого, считаете Вы, я пишу свой роман — для тысячи читателей, для наших замечательных критиков, для сонма недоброжелателей? Да нет, дорогой Марк, по большому счету я его пишу для пяти-шести, от силы десяти людей, которых держу в памяти, в своем сознании, образы которых у меня перед глазами. В этот небольшой список давно уже попали и Вы, поэтому берегитесь — скоро Вам придется прочесть эти скучные бредовые страницы, отражающие поиск Истины, отражающие поиск открытого предательства и в русской и в советской литературе. Я вообще четко не понимаю: что мною руководит, почему я взялся за этот роман, действие которого, казалось бы, происходит в Литинституте (а на самом деле во всей литературе), и почему я думаю, что новый роман у меня скорее всего будет о молодом человеке с окраины, которого я наверное сделаю или нацболом или просто молодым бунтарем, Против чего я-то бунтую — благополучный человек, заканчивающий свой век? Впрочем, век — не нашего ума дело; наше дело каждый день исполнять свой долг, ощущая бесконечность жизни и зная, что пределы её определят высшие силы. Каждый день надо проходить через равнину, бороться и терпеть поражения, и, может быть, в

поражениях мы и обретаем свою силу.

Лето прошло у меня трудно, я так мечтал хотя бы на неделю съездить к морю, но, во-первых, просто не с кем, а во-вторых, как всегда летом, начались сложности со здоровьем Валентины Сергеевны, всякие домашние обострения. Вообще, этот год для меня — один из самых тяжелых, надо было скруглить дела, связанные с институтом, разобрать огромный архив, который еще не распределён и не разобран, «переехать» из института домой, растащить библиотеку по разным углам, надо было писать роман, вести Дневник, читать вёрстки, книги. Сейчас я читаю две очень неплохие книги — это издание ЖЗЛ, биография Франсуа Вийона, вызывающая у меня кучу мыслей о современной жизни, и книга известного израильского писателя Амоса Оза «Мой Михаэль». Вторую книгу мне навязали прочесть, так как он в сентябре будет в институте, но я вчитался, много интересного по технологии, по взглядам, по медленному внедрению в жизнь. Боюсь, что наша литература, прокатившись на этом поразительном семафоре сестер Кох, почти под куполом цирка, опять спускается к своим истокам и с каждым днем становится все более и более жреческой. Вот так мы и идем — как оборванные дервиши, в рваных плащах, под холодным звездным небом. И ведь иной доли нам не хочется, не хочется громкой судьбы, славы мелкой литературы. Десять присных вполне нас устраивает.

Как здоровье Сони? Я часто думаю о ней и понимаю, что при её деятельном характере болезнь для нее вдвое тяжелее.

Теперь последнее. Наш грант им. Анны Хавинсон я вручил нашей выпускнице — Лене Георгиевской. Девушка она взбаломошная, но внутренне очень честная и порядочная. Не уверен, что она напишет Вам письмо, но в памяти её Вы останетесь навсегда, и вообще мысль о том, что нам не дано ничего предугадать — очень точна, особенно по отношению к писателю. В отношении Лены — думаю, что деньги эти для литературы не пропадут. Что касается нашего друга, молодого рыцаря литературы, то деньги и диплом пока лежат в сейфе, я жду общества, людности, зависти со стороны его коллег, так что вручение будет в самом начале сентября. Тогда и напишу и Вам и что-нибудь в средства массовой информации.

Пока всё, дорогой Марк. Писатель любит писать о себе, и поэтому сообщаю, что сейчас передо мной расстилается поле последней главы моего романа — зал, где происходит защита дипломных работ…

Пока не напишу, дорогой Марк, ничего более не рассказываю. Обнимаю.

PS. Завтра в Московской Мэрии вручают премию имени

Москвы Анатолию Королеву, нашему преподавателю. Его роман «Быть Босхом» печатался в «Знамени». Естественно, премию он получает с моей подачи.

Ваш С. ЕСИН

2 сентября, суббота. Всю неделю был такой ливень, что подвал затопило и воду пришлось откачивать. В условиях подводной лодки Витя натопил баню. Баня была сдобрена еще и арбузом — это продолжение дня рождения С.П. Глаз у меня потихонечку отходит, но я еще волнуюсь. Кажется, Витя Широков был прав: капаешь — пройдет через семь дней, не будешь капать — пройдет через неделю. До бани успел выкопать лук, и постричь половину участка. Цветы, которые меня так радовали, жухнут, поселок становится пустым и печальным.

3 сентября, воскресенье. Как нужна молодость, когда появились внутренняя свобода и ничего не может остановить фантазию. Молодость — это возможность работать с утра и до вечера. Днем опять полил дождь, так приятно лежать в теплой комнате под шум дождя и читать книгу. Душу точит червячок: надо бы начинать четвертую главу, но колеблюсь между острой сатирой и острой жалостью к происходящему и людям. Да и в чем конкретный конфликт? Как его выписать? Чтобы его выписать так, как я его впервые увидел, нужна такая злоба и такая энергия. Днем ходил к соседям, встретил Сашу, который уже вышел из больницы, теперь ему предстоит операция на сердце. Саша офицер ВД, только что ушедший на пенсию, рассказывает, что когда он пришел в ведомственную поликлинику, где он и грохнулся в обморок, его даже в госпиталь не хотели класть, отвезли в какую-то больницу. У нас, дескать, все забито молодыми, их надо лечить. Ощущение, что нынешнему поколению все пожилые люди мешают, скорее бы они ушли…

Вечером в Москве опять консервировал огурцы и помидоры. Попутно читал документы к завтрашней коллегии Минкульта. Наблюдения не самые занятные, но завтра послушаем.

4 сентября, понедельник. Самое интересное — во время разговора за обедом. Я приехал в институт около часа, получил зарплату, а после пошел с Максимом обедать в нашу столовую. Там и состоялся разговор с нашими арендаторами-угольщикам. Они снимают один из институтских флигелей. Люди, которые поставляют и продают уголь, естественно, его не производят. Так вот они говорят о новом конфликте, который назревает с Украиной. Попадет ли он в прессу? Я по наивности, непростительной в моем возрасте, думал, что нынче все, что происходит, особенно криминального или политического, немедленно попадает на страницы прессы или в телевидение. Но

оказывается, и о конфликте, который случился в Карельской Кондопоге, с убийствами, дракой, поджогами, огромным для этого маленького города митингом, мы узнали только через неделю, потому что власти старательно прятали его от средств массовой информации. И такое возможно, но обо этом позже.

Оказывается, милые украинцы придумали интересную игру, получив специальный, именно для перевозки угля, отвечающий экологическим стандартам вагон, они возвращают не его, новенький, хорошо работающий и дорогой, а свой собственный старый — отстой, вагоны другого класса и уже устаревшие, изношенные. За всем этим стоит деревенская, местечковая психология. Причем, все это не единичные случаи: в обороте тысячи вагонов, каждый из которых стоит до 25 тысяч долларов. Подобные случаи бывали раньше, на этот раз наше управление ж.д. издало приказ о сокращении поставок на Украину на 50 процентов в течении шести месяцев. Это, как я понимаю, немедленно ударит по украинской экономике. Как это похоже на украинское же воровство газа.

Теперь с Кондопогой. Здесь много версий, но результат такой: люди с Кавказа, кажется, чеченцы, сошлись с коренным населением, и двое славян было убито. В ответ славяне подожгли ресторан, в котором проходила драка. Из передачи по радио, которое постоянно слушаю в машине, я понял, что начались погромы. Потом собрался митинг, на который пришел каждый десятый из трудоспособных жителей. Значит, допекли. В пересчете на Москву, где не 35 тысяч человек, вышел бы миллион. Это уже революция. Классовая ли здесь ненависть? Не думаю, что все пришлые чеченцы, бедняки. Расовая неприязнь? Но что-то в России не так кругло, как в Европе. И случай, подобный этому, не единичен. В радиообзоре из уст кого-то из слушателей можно было услышать: одна-две семьи с Кавказа — милейшие люди, но когда они сбиваются в стаю, — это звери. Так и было сказано.

Теперь последнее, из сегодняшних «событий». Здесь у нас, в Капотне, в одной из тюрем заключенные захватили в заложники начальника тюрьмы и кое-кого из персонала — всего 15 человек. Вечером тюрьму брал ОМОН. Это на фоне только что прошедшего дня Москвы. На Лужкове была красивая декоративная цепь.

Теперь начну с начала. Утром состоялась коллегия Минкультуры. Еще в воскресенье на даче я прочел справку министерства и всех его агентств «О выполнении плана мероприятий федеральной целевой программы «Культура России» (2006–2010 годы) за 1 полугодие 2006 года». На капитальное строительство отпущено 74,5 процентов средств от общего

объема финансирования. В свою очередь, большая часть, если не 90 процентов этой суммы, уйдет на реставрацию Большого театра, строительство новой сцены в Мариинском театре и на МХАТ им. Чехова. Занятно и страшно читать о тех дефектах, которые были вскрыты при реставрации Большого. Практически это значит, что в любой момент вся позолота и роскошь могла рухнуть на зрителя. «Зрительская часть театра расчленена сквозными трещинами на деформационные блоки»… «поперечные кирпичные сцены оторваны от продольных стен»… «все вскрытые металлические внутренние связи разорваны»… «кирпичные своды находятся в деформированном и аварийном состоянии»… Я отчетливо представляю, как кирпичные своды, увлекая за собой муз с потолка, летят на головы меломанов и балетоманов. Естественно, уже выявлено, что полная реставрация обойдется дороже, чем планировалось.

Что кается остатков, особенно гуманитарных, то они истрачены на фестивали, спонсирование фильмов, книжные программы. В списке фестивалей «Литература и кино» стоит на втором месте, после анимационного кино.

Я сперва намеревался говорить о том, что надо внимательнее следить за тем, что финансируем, что «Сволочи» должны были сниматься не за госсчет, хотел говорить по гласности книжных проектов. Но потом передумал. После окончания коллегии перекинулся несколькими словами с Соколовым. Ему доложили о моей позиции на Экспертном совете, и он со мной согласен. Оба мы понимаем, что Филиппу Бедросовичу все равно дадут звание народного артиста. Скучно, уже засыпаю. В институте выяснил, что С.П. не дали причитающихся ему Лужковских денег, а мне не выплатили матпомощь к отпуску, причитающуюся по договору. С чувством глубокого удовлетворения сообщил об этом БНТу. Л.М. сказала, что все это случайно, никто не желал С.П. ущучить. На это я ответил, что весь Фрейд построен на оговорках и бессознательном.

5 сентября, вторник. Сегодня я ощутил себя чем-то вроде знаменитой балерины, которой предстоит очередной спектакль. Волноваться начинаешь за несколько дней, и чем ближе, тем волнение сильнее и безнадежнее. Полная прострация и апатия утром, но надо собираться, что-то съесть, привести себя в порядок, чуть размяться; в уме что-то повторяешь, ощущение полного провала; потом едешь, еще не собранный и сонный, подходишь к театру, слоняешься, ожидая полного провала, в кулисах; наконец, звонит звонок, стоишь перед чертой света, черной настороженной глубиной зрительного зала, и вот выскакиваешь на сцену и вдруг — все получается, все становится

осмысленным полным сил и тоскующей энергии. Что-то подобное я испытал сегодня. Никогда не был, казалось мне, таким не подготовленным, думая о полном провале и о двух семинарах, которые надо провести. Соединить семинары почти невозможно. И дело не столько в возрасте, а скольно в несовместимости поколений. Потом, когда провел «молодой» семинар, я понял, что влюбился в них с первого взгляда. Все было, с моей стороны, почти обычно. Первый семинар: задачи, быть писателем, постоянная работа, навыки, потом знакомства, определили, что будем обсуждать на следующем занятии. Не было младшего Аксенова, поэтому начнем с Бессмертной, внучки Визбора. Второй семинар, старший, прошел довольно скучно: определили график обсуждения дипломных работ. Не думаю, что защиты будут триумфальные: время, когда собирался «старший» семинар, было тяжелое, ямное.

В «Труде» некоторые подробности Кондопогского происшествия. Во время драки в ресторане «Чайка», принадлежащего братьям Имановым (братьев четверо), убито два человека, местные житили. Один из них, Ильяз, был в советское время начальником райпо. Вскоре состоялся несанкционированный митинг. Были сожжены палатки и магазины, принадлежавшие выходцам с Кавказа, зал игровых автоматов, гаражи. Мать одного из убитых призывала на митинге власти признать, что драка не бытовая, а возникла по национальному признаку. Митинги и попытки поджогов состоялись неоднократно. Наболело, настрадались. Сейчас в Кондопоге введен комендантский час. Диаспора выдала милиции троих, участвовавших, по ее определению, в драке. Между тем власти Карелии вынуждены были выполнить основное требование митингующих. Более 250 представителей чеченцев уехали из города и пока обосновались в Петрозаводске. Газета также печатает и совсем неизвестное: что-то подобное, оказывается, происходило и в Сальске, и в Астраханской области. Тут я вспомнил рассказы Толика и Сережи о дагестанцах в их краях, об угонах скота, перекупках и пр.

Днем разговаривал с Седых. Получилось смешно, вроде бы ей звонил БНТ и говорил, не ссылаясь на меня, о месте моего зама. Галя не была бы Галей, всегда недовольной и нелояльной, если бы сразу не сказала, что согласится, если только ей прибавят денег. Я ей ответил, что решение мое не окончательное и теперь этого не будет.

6 сентября, среда. Вечером после дождя ходил гулять, сделал круг: Ленинский проспект, Марии Ульяновой, проспект Вернадского, улица Строителей. На Строителей и углу дома,

ближе к Ленинскому решил купить арбуз. Продавал какой-то не старый узбек. Разговорились. Он — из Каракалпакии, арбузы — из Волгограда; у него на родине — никакой работы, голодно. Когда принялся расплачиваться, обнаружил, что у меня в бумажнике только одна бумажка: тысяча рублей, сдачи нет. «Ладно бери арбуз, завтра занесешь».

Днем с перерывами занимался дневником и романом. Прочел «Опыт автобиографии» Юры Голубицкого. До этого читал два его огромных рассказа. Читал не без жадности. Потом ему сказал: ах, какая замечательная был у тебя молодость! Автобиография сделана, как и вообще жизнь, по сравнению с примечаниями «художественности» лучше, живее и достовернее. Удивительная вещь: точное и грамотное письмо, мысль, наблюдение, а крупного писателя нет. Мерка самоопределения очень высокая, с меньшими представлениями о себе люди выходят в первые ряды литературы. Здесь есть, и по автобиографии это прочерчивается, некий дефект самой, если говорить о писателе, жизни. Слишком умен, слишком отдавался самой жизни, слишком любил ее радости, любил кино, искусство меньшей сосредоточенности, нежели литература. Литература просто так в руки не падает. Рассказы постараюсь отдать в «Колокол».

Судили — через три года — «оборотней в погонах», среди них и один генерал из МЧС, милиция из МУРа. Вымогательство, коррупция, взятки, оружие, огромные деньги в тайниках и банковских ячейках, собственность за рубежом. Потом по ТВ в ночной передаче сказали, что у одного из них в загородном доме был унитаз из золота. В шутку, всерьез? Ленинская идея о будущем воплощенная в нашем настоящем? Адвокаты и подсудимые говорят несправедливости суда. Что защищают адвокаты: какую-то свою правду или только правила игры, только щель, через которую можно ускользнуть?

Дума, которая только что открылась, не желает рассматривать Кондопожское дело, как дело о национальной розни. Не желает, потому что это их, в первую очередь, вина — их стремления держать страну в таком виде и на таком социальном уровне. В газетах новые подробности: кавказская молодежь на Мерседесах без номеров устраивала гонки по центральной улице. В Кондопоге подожгли еще и спортивную школу. Глухо прозвучало, потому что в ней жили рабочие с Кавказа. Трактуют как хулиганство. А просто социального протеста не хотите? А протеста против лжи телевидения не желаете?

В Интернете на одном из сайтов называющемся «Граф… мурло» (или что-то в этом роде) встретил рассуждение — совершенно справедливое — о моих дневниках 2004 года в

«Нашем современнике». Дело касается моего скрытого недоброжелательства по отношению к Андрею Василевскому. Я воспользовался цитатой из книги Яковлева, который служил в «Новом мире». Мне упрек: о редакторе пишет плохо, а потом тащит в журнал, этому редактору, свой роман? Совершенно справедливо. Если бы С.Куняев и Е.Шишкин дали мне посмотреть верстку, я бы кое-что обязательно убрал. Приходится страдать из-за своего легкомыслия. Убрал бы и о Кирееве и Волгине.

Утром по непонятной для меня причине вернулся к неприятному старому и прочел статью о себе в компилятивной книге В. Огрызко «Кто делает литературу». Талантливо составленная из чужих раскавыченных (и закавыченных) мнений статья. Цитаты противоречат друг другу и часто не компонуются. А мы их сапогом! Каждая такая цитата оборвана на нужном, чтобы создать определенное настроение, месте. Если, по мнению Огрызко, я «имитатор» и ремесленник, то, исходя из его же суждениий, ремесленник очень неплохой. Горжусь.

7 сентября, четверг. В три часа назначили собрание коллектива, которое я, обычно, проводил в самом конце августа и, по возможности, в день зарплаты, чтобы не гонять людей лишний раз. Народа было немного, даже наши проректоры Сорокин и Горшков доблестно отсутствовали. БНТ прочел довольно внятный, хотя и в замедленном темпе, доклад. Это приемные дела и будущие планы. Отнесся я к этому как к детскому рассказу, понимаю счастливую радость оттого, что набрали много платных студентов, и ребята оказались ничего, и парней много, но все это для меня уже пережитое. В планах много замечательных воздушных замков и иллюзорных мечтаний, но в принципе хорошо, что Ужанков пишет письма и ходит с ними. Здесь практический интерес: Ужанкову нравится ходить и, может быть, из этого что-то получится. Мы так долго стреляем по цели, что стена должна дать трещину. Пока все идет в соответствии с той стратегией и теми планами, которые вырабатывал я, ничего нового, никакого приварка пока нет. В конце собрания я сказал несколько слов. О проблеме аттестации, о работе деканата, где опять не сделали памятку студентам. С расписанием по курсам, телефонами и адресами физкультурного диспансера, потому что М.В. Иванова, как всегда не хочет никакой дополнительной работы. Я еще по этому поводу напишу докладную записку. Высказал озабоченность слишком большим числом платных студентов: известно, когда студентов с несколько пониженными возможностями, т. е. «платных», оказывается на курсе больше 20–25 процентов, то курс или семинар «садится».

Утром написал все же две странички в роман. Пока он опять

остановился, полной ясности нет. Вечером довольно долго читал материал Марии Бессмертной. Талантливая девочка с письмом, которому можно позавидовать. Ее короткие рассказы — интонация и внутренняя уверенность, но это почти дневники. При первом чтении во время приемных экзаменов я ее недооценил. Раздумываю теперь, в какую сторону гранить. Началось: семинар в субботу, а я схожу с ума уже со среды.

8 сентября, пятница. День сложный, я скорее веду себя как свободный и очень любопытный человек, нежели как писатель, который должен все время работать и вести себя осмотрительно. Позволяю себе то, что давно запретил: в один день два или три каких-то дела. К двенадцати подъехал к Московскому отделению вместе с Максимом Зашевым, были и другие авторы «Российского колокола», отправились на ВДНХ на Книжную ярмарку.

Был я там недолго, но мне показалось, что понятие ярмарка начало нагло перевешивать понятие книжная. Уже у входа меня встретил какой-то телевизионный целитель со своей книжкой. Потом возле одного из стендов плясали три почти голых манекенщицы. Потом за сто рублей можно было купить любую книжку Букеровского лауреата. Но английские лауреаты, в отличие от Донцовой, у нас принимаются плохо. Были, конечно, и книжки превосходные, но мне показалось, что книжный рынок у нас маргинализируется. Русский купец и предприниматель, он все же остается русским купцом, желающим содрать все и сейчас. Даже собственное будущее его волнует не очень сильно. В собственном будущем он уверен еще меньше, чем в будущем своей торговли. Боже мой, а сколько никому не известных писателей, которые со всех стендов кричат, какие они гениальные!

Довольно трудно говорить в аудиторию, которой, по сути, нет. Но тем не менее микрофоны и трансляция были в полном порядке, и я надеялся, что сказанное хоть как-то западает в ухо тем, кому это интересно. Я говорил о феномене появления нового журнала, что попыток немало, но приживаются журналы очень редко. Перед этим очень убедительно говорил Замшев. Когда я отвечал на вопрос какой-то забежавшей на «огонек» слушательницы, перепутал двух писателей Потемкина и еще кого-то. Увы мне, бедному!

Вот что значит ездить без машины. К трем часа я успел даже на встречу с Амосом Озом, писателем из Израиля, роман которого я только что прочел. Боюсь, я был единственным читателем этого писателя. Ребята наши, которые все отвязные и раскованные, вопросы задавали, так сказать, с вершины холма. Бориса Николаевича заинтересовал важный, но технический вопрос:

каким образом Оз стал членом редколлегии в «Континенте» еще Максимова? Тут я сразу вспомнил, как именно БНТ водил меня в гости к Максимову, жившему где-то на бульваре Фоша.

Все прошло, с моей точки зрения, очень удачно. Я всегда переживаю, что наши студенты на подобные встречи ходят редко. В свое время я буквально загонял их на подобные собрания. На этот раз в качестве публики отмобилизовали первый курс, сняв его со старославянского языка.

Сначала Оз рассказывал свою биографию. Ему 67 лет, самый свой знаменитый роман «Мой Михаэль» он написал в 24. Родители из России. «Между собой они всегда говорили по-русски, чтобы я не понимал». Говорил о связи русской и русской еврейской культур.

Дальше рассказывал о возникновении современного государства Израиль и второго извода, «возвращенного» иврита. «Большинство людей, которые создавали наше государство прибыли из России». Далее (по записной книжке): «В русской литературе существует пласт еврейских генов». «Дедушка, который вырос в Одессе, никогда не произносил слово Россия, держа руки в карманах». О терзании перед чистым листом бумаги. Дальше шло много интересного, но, видимо, много раз использованного в выступлениях, среди этих привычных метафор возникали и точные наблюдения опытного писателя. «Всегда начинайте рассказ голосом того героя, которого вы хорошо знаете и видите».

Дальше пошел очень интересный рассказ о возникновении иврита. Это язык, на котором люди говорили 3500 лет назад. «То, что на иврите говорят сейчас, Иисус Христос понял бы в значительной степени». «Если бы он обратился ко мне, я бы понял каждое слов». 1700 лет иврит был языком мертвым. Им пользовались, как латынью в церкви и науке, лишь в синагоге. О литературе на иврите в средние века в Испании — самое либеральное время. Литературу создавали раввины, это была любовная, эротическая, даже гомосексуальная литература. Во, давали! В ХУШ в России создавалась проза на иврите. Писали, но не говорили. Назвал какого-то еврейского гения, который создал современный словарь иврита, причем сам придумал 6000 слов. Иврит, как единственно средство общения при переселении евреев в Израиль. В начале 90-х Х1Х века на иврите говорило несколько сот человек. Сейчас на иврите говорят 7 миллионов, это больше, чем во времена Шекспира, говорило людей на английском языке.

Интересное, и очень близкое мне из внутренней технологии: о любви писателя ко всем своим героям. Любить надо всех, и

плохих и хороших.

Вопросы, которые задавали студенты, были скучные, потому что никто не читал. Для себя еще раз отметил: поколение очень свободное. Авторитеты — только они, без малейшей неуверенности и рефлексии. Пожалел, что не было никого из старших студентов, моего пятого курса тоже не было. Если я еще не написал, то делаю это: блестящий переводчик Виктор Радунский, с замечательно глубоким знанием русского языка. Он переводил роман, и писателю можно только позавидовать: такой блестящий перевод, так пластично, без швов и стыков

9 сентября, суббота. В понедельник вместе с клубом Н.И.Рыжкова я улетаю в Запорожье, поэтому заранее, по договоренности с ребятами, провел семинар сегодня утром. Семинар всегда труден, когда работа хорошая и особенно говорить не о чем, поэтому внутренне долго и много готовился, еще раз накануне перечитал текст и утром еще раз просмотрел свою коллекцию карточек. Казалось бы, есть книга «Власть слова», в которой так много всего из моей собственной теории литературы, бери главу оттуда и — вперед! Но не могу, нужна и новая мысль, и какие-то новые, и значит интересные для меня, материалы. Каждый раз рутинную работу я пытаюсь превратить в акт творчества и выхожу после семинара с мокрой спиной и в полном упадке сил.

Ребята собрались на удивление точно. Стоит на первом занятии кого-то опоздавшего не пустить в аудиторию и уже бегут с точностью строго хронометра. Постепенно раскачивал аудиторию на широкие высказывания, на умение найти в первую очередь что-то хорошее, на возможность открыть что-то свое. В общем, обсуждение прошло успешно.

В начале семинара, в ходе «раскачки» оперировал и собранными мною года два назад цитатами из книги моего недоброжелателя Вл. Иван. Новикова «Роман с языком». Цитаты в свое время выписал, руководствуясь скорее интуицией. Но почему-то сегодня они мне показались более актуальными и существенными. Отдельные положения я просто ранее и не пониамал, потому что сам не прочувствовал. Например, о толстых журналах: чтение «российской толстожурнальной прозы — занятие энергоемкое, оно забирает сил много раз больше, чем возвращает потом».

Кто-то из ребят, к счастью, помог мне отделить, так сказать, обычную интернетовскую девичью болтовню, называемую живой жизнью, от действительно рассказов. В заключительном слове я определил и редкую Машину одаренность в умении зацепить характер, и социальную ситуацию, но вместе с тем, и отсутствие

тех, часто неясных и мне, литературных скреп, которые делают текст чувственно запоминающимся. Без этого литература не существует. Ребята сделали по небольшому тексту: «Что я ожидаю от Литературного института». Это я им всем покажу, ЕБЖ, через пять лет.

Когда шел обратно к метро, вдруг увидел новый «Националь», частично освобожденный от лесов, построенный вместо разобранного панельного здания. Видна общность декора со старым «Националем», но очень кудряво, и все это какой-то не русский модерн, какая-то нефтяная роскошь.

Вечером прочел в «Российском колоколе», во-первых, собственный отрывок из дневника. Все говорят, что это интересно, и мне, как ни странно, это тоже интересно. Период действительно занятный — защита диссертации и статья в «Компромате». Потом прочел очень любопытный материал о встрече Татьяны Толстой в Германии с эмигрантами. Молодцы ребята, они ей спуску не давали, не чинились перед знаменитой писательницей. Здесь особо расстарался ловкий едкий Сережа Дебрер. Когда читаешь подобные материалы, начинаешь ценить профессию журналиста.

«Вопрос из зала:

— Нет ли вины руссийской творческой интеллигенции, к которой как к совести всегда прислушивался читатель, в том, что около 30 процентов населения голосуют за коммунистов?

— Ваш вопрос как бы наивный, — снисходительно усмехнулась героиня вечера, удобней умещиваясь в тесноватом ей кресле. — А как вы себе представляете: что должна делать интеллигенция? — И, видимо, запамятовав, что ее только что представляли, как особу голубых кровей, перешла на язык, более, вероятно, доступный аудитории.

— Интеллигенция ломанулась туда, где кормят. И виноваты в том те, у кого есть деньги, они ими расшвыриваются направо-налево, не позаботившись о том, чтобы проплатить творческой интеллигенции за поддержку реформ. Ей заплатишь — она и будет двигать либеральные идеи. Виноваты те, у кого денег много, а им жаль, дуракам!» К Кудрину это относится или к самому В.В.Путину?

10 сентября, воскресенье. Опять налетела какая-то лихоманка. Я это почувствовал утром, когда проснулся только в одиннадцатом часу — долгий сон для меня верный показатель начала заболевания. Но терафлю, которое мне обычно в самом начале помогает, не было, выбрался в аптеку только в двенадцать часов. Жив в ломоте, вознобе, в чиханье. Только вчера все было хорошо, я даже удивлялся, что чувствую себя бодро, в уме

бродили какие-то планы. Но это особенность нашей профессии, по крайней мере, моего сознания: ничего невозможно делать, кроме как читать, смотреть телевизор и разговаривать по телефону. Правда у меня иногда бывает и так, что к вечеру я расхаживаюсь и принимаюсь за что-то. А это «что-то» для меня — продолжать роман, который остановился по совершенно неизвестной мне причине. Но пока такого прилива сил у меня нет. А вдруг? Вечером, около девяти, во время «ЧП за неделю» по ТВ, вдруг раздался звонок от Саши Неверова. «ЧП» — это самая для меня интересная передача, факты как таковые. Здесь все: социология, национальные проблемы, общественное мнение, генетический тип народа, его быт, психология, желания. Совсем не даром так любил Достоевский читать судебную хронику.

Видел сегодня еще две передачи: катающиеся на коньках «звезды» и реклама нового ток-шоу, которое будет вести Татьян Догилева. Первая передача — знаменитые фигуристы в паре с молодыми звездами тусовок. Между пародией и светской жизнью. В жюри среди совершенно неизвестных мне лиц — бывший балетный премьер — Цискаридзе. Совсем недавно его видел, он танцует уже не так, как раньше, той удивительной выразительности, которая всегда есть у Плисецкой, и которой достаточно, чтобы при продолжении артистической деятельности, над тобой не смелялись, достаточно только кружить руками, — увы, этого у председателя жюри уже нет. С Догилевой, судя по рекламе, тоже привычная наша тусовка. Я разглядел даже неувядаемого Якубовича. Одни ведут передачи, другие в них, передачах, — статисты или гости, потом все меняются местами. В общем, вдруг подумал, что недаром актеров не хоронили в освященной земле, что-то в их природе есть лживое. А ведь только вчера, вернувшись из института, вдруг вперился в фильм-спектакль 1952 года «Лес». Это постановка бывшего Ленинградского БДТ. Какой Меркурьев, какой Борисов, какой Толубеев, какова Тимме в роли Гурмыжской! Разве и их нельзя хоронить в освященной земле?

Так вот, о чем звонил Саша Неверов. Начался разговор с того, что надо бы написать страничку в Литгазету о времени Л.И. Брежнева — какой-то юбилей бывшего генсека. Я обещал, а потом в разговоре вышли на так называемых диссидентов. Многих я знаю, но ко всем и к этой проблеме отношусь своеобразно. Не люблю профессиональных борцов за лучшую долю для народа и себя.

11 сентября, понедельник. Внуково. Делать нечего: чтобы не горевать, приходится работать. Утром позвонил Вл. Ефимович. Как ни в чем не бывало спрашивает: «А во сколько, Сергей

Николаевич, вам нужна машина?» «А она мне но нужна, я больше на институтской машине ездить не буду, а причину я вам объясню, когда приеду».

А уже в 2 часа звонок от Стояновского. Он позвонил мне на сотовый телефон, наверное, с городского, служебного, позабыв, что только что меня сотовой связи лишили, перестав выдавать карту на тариф стоимостью в 20 у.е. Миша говорил в обычной своей плачуще-сочувственной манере. Как раз сегодня я думал о том, что всё в Литинституте, вся нахлынувшая атмосфера напоминает мне что-то хорошо знакомое: те же тихие, деликатные голоса, та же мягкость, а за ними — жесткий, непоколебимый бюрократический порядок — ничего чужим, утаптываем свое место.

Миша передал мне, что БНТ, Цареву и СП. хочет видеть какой-то инспектор РУБОПа — непременно сегодня. Миша у нас связной по неприятностям. Ничего, чего мне стоило бы бояться, нет. Хотя живем в Шемякиной стране, и недругов у меня — от бывшего председателя комиссии по помилованию до членов Общественной палаты — тьма. Трясешь-трясешь память, но ничего, чем мог бы заинтересоваться РУБОП, не находишь. Представляю, как трухнул наш ректорат, млеющий от любого звонка сверху и пугающийся любой бумажки, которую готов, не читая, принять к исполнению. При этом М.Ю. прекрасно знал, что я сегодня вечером улетаю. Но всё же, вместо того, чтобы отбиться самому, позвонил и спросил, не смогу ли я прибыть к трем часам в институт. В это время я жарил мясной фарш с луком и варил макароны «Мокша», чтобы оставить нахлебникам. И ответил: «Нет, не могу, раньше четверга никак не могу».

Меньше чем за час — вот так привыкают к жизни простых, несановных людей — без машины, на метро и автобусе, добрался до Внукова. Видимо, многие рассчитывали на московские пробки, на заторы — приехали раньше назначенного для всех срока. Вот особенность клуба: не только мимолетное удовлетворение от встречи, но еще и предвкушение разговоров со знакомыми людьми, обмолвок, общности, объединения мысли. Долго сидели, пили кофе (а я шоколад), разговаривали. О чем? — о своем и об общем. Лена Богородицкая, ее муж Андрей, совершенно замечательный редкого внутреннего спокойствия мужик; как с такими мужиками и бывает — он платил; сидели за столом Вера Голубицкая и Геннадий Петрович Воронин.

А потом я вдруг вгрызся в Н.И. Рыжкова. Здесь свой сюжет. Уже несколько дней у меня восьмой номер «Нашего современника» с моим дневником. (Я опять сожалею, что не видел гранок и в тексте осталась совершенно не нужная, и в

цельном контексте даже подлая — потому что из чужих уст — инвектива против Руслана и Андрея, людяей, которым я многим обязан.) И вот, проглядывая еще раз журнал, наталкиваюсь на огромный очерк «Суверенитет по-прибалтийски» Николая Рыжкова. Я сначала даже растерялся: тот ли Рыжков? Вперился и за утро, еще не поднимаясь с кровати, все прочел.

Больше всего меня интересовало два вопроса: как возник импульс и кто помогал собирать материалы? С этого я и начал.

Весь длинный разговор пересказывать нет смысла, это не мои материалы и не мои наблюдения. Здесь интересные сведения о начале Азербайджано-армянской войны, ощущения очевидца, детали, которые невозможно выдумать и из которых состоит «подводная часть» истории. Потом разговор перешел на диссидентов, на ситуацию, предшествующую развалу СССР, на землетрясение в Армении, разговор И.И.Рыжкова с премьер-министром Швеции по еврейским выездам. У Н.И. интересные данные по геноциду и холокосту в Прибалтике. Попили еврейской кровушки просвещенные и цивилизованные эстонцы, латыши и литовцы. Н.И. приводит любопытнейшие рассуждения и документы о Клайпеде, когда-то Мемельском крае. Боже мой, сколько же эти безумные, самоуверенные демократы отдали добытого и завоеванного нашими предками и тяглом народа!

А что же — полет? Полет как полет. Новенькая, с иголочки, международная часть Внуковского аэропорта. Я с любопытством наблюдал: снимут ли девочки на контроле ботинки с бывшего и узнаваемого премьер-министра? Сняли.

Пропускаю сам полет. Перескочу к главному. С аэродрома нас сразу повезли на остров Хортицу, в ресторан, где Кучма встречался с Путиным.

Хозяином сегодняшней встречи был А.В. Богуслаев, директор огромной фирмы ЗапорожСич. Это огромное экономическое княжество, каких было много в СССР, со своими заводами, базами отдыха, своими пароходами на реке, своим самолетом, регулярно летающим в Москву, со своими даже телевизионными станциями и вещанием по всей области.

Ресторан огромный, пустой. Церемония ужина была не очень длинной; по моим сведениям, оказались невостребованными несколько мясных перемен. Но — если бы я знал названия всех блюд, которые подавали! Не знаю даже, с чем их сравнить. Уж во всяком случае не с Кремлем, с его скучной едой. Может быть, эта пышная и разнообразная еда конкурирует с лучшими кухнями мира, а я просто об этом не знал? Какое сало трех сортов, какие фаршированные щуки и жареная рыба, какие колбасы, какие блинчики с красной икрой, малосольные огурцы, какие меды и

взвары… На слове «взвар» понял, что повторяю экстатическую интонацию Гоголя. Я не думал, что у его литературного описания — гастрономическая фантазия — нет. Я о том, что застольная, сложнейшая и тихая жизнь, не обмелела с годами. Застольные речи пропускаю. Всё, естественно, держится на невероятном авторитете Н.И. Рыжкова и спокойном мудром Л.И. Абалкине.

Поселили в очень неплохой гостинице. Раньше это было общежитие областной Партшколы.

12 сентября, вторник. Вчера, мельком, светящимся на ночной реке пунктиром видел Днепрогес — легенду минувшей советской жизни. Сегодня в программе и посещение заводскою музея, и посещение Днепрогеса, и прогулка по реке, и заседание Клуба.

Понимаю, что я последний летописец минувшего. Но чтобы всё описать подробно и увлекательно — на это боюсь, надо жизнь положить и иметь несколько помощников.

Сначала, тем не менее, общие наблюдения. В моем сознании Запорожье с его Днепрогэсом — вечный город, потому что слышу о нем с детства, с первого класса, а широкая картинка с линейным урезом плотины — чуть ли не из букваря. Но все не совсем так. Напротив Днепровсккх порогов стояла Александровская крепость, построенная по приказу Екатерины. Лишь в советское время, по плану ГОЭЛРО, поставили чудо-плотину и возле нее сад-город. План этого рабочего соцгорода — замах в будущее — получил золотую медаль на Парижской выставке.

Потом я видел город с реки — фантастический частокол фабричных труб, марсианская картина. Пейзажи Запорожья вошли в романтические городские кадры «Весны на Заречной улицы», кинематографисты знают, что и как выбирать. Желто-зеленое облако, поднимающееся над городом, — шесть или семь огромных заводов: сталелитейные, какой-то химический. Город стоит под вектором основных ветров. Экология ужасная. Дома вроде бы планировали ставить на другом берегу. Сталин спросил: «Сколько рабочие будут ездить до работы?» «Сорок-сорок пять минут». «Надо не больше пятнадцати». Мысль верная, но Сталин, говорят, ткнул пальцем. Никто не спорил. Впрочем, на Сталина стараются сейчас свалить всё.

Попадаются, правда, иные точки зрения. «Весь экологический опыт России свидетельствует в пользу огосударствления. Наиболее динамичными в экономическом отношении периодами ее истории были времена усиления государственничаских контрреформационных тенденций. Понятием «экономическое чудо» можно характеризовать хозяйственное развитие страны в

периоды правления Александра III и И.В. Сталина. Констатация данного факта позволяет говорить об огосударствлении как определенном принципе развития Российской и мировой экономики». Это из статьи Вардана Багдасаряна в «Нашем Современнике». «Мотор-Сиг» раньше, во времена СССР, назывался по-другому, длинно — это советское название — уже 100 лет. Описать и разъяснить все виды деятельности, объединения под силу человеку не с моими мозгами. Вкратце: огромные КБ, опытное предприятие и завод (а, может быть, и ряд заводов) для производства авиационных моторов. Несколько конкурирующих (тогда, при советской власти) подобных предприятий обслуживали все нужды страны: аэрофлот, армию, флот. Цифры были внушительные, сейчас они меньше везде. Но для сегодняшнего времени, с боингами на линиях, и это много. Половина советского самолетного парка, летает сейчас в Азии и Африке. Приспосабливаясь к новому времени, предприятие сейчас выпускает все — от мясорубок и мини-тракторов до моторов к вертолетам. Кооперация с более чем 400 российских предприятий. Не описываю музей: в нем даже мотоцикл — тоже своего производства. Не описываю и производство — еще недавно секретное. Средняя зарплата — 250–270 долларов. Кстати, 5 долларов я опустил в хромированную копилку, когда возили в собор Андрея Первозванного. Сам храм — низкое ампирное здание с позолоченым, но как-то странно нахлобученным куполом. Рядом стоит колокольня. Оказалось, раньше — кинотеатр им. Чапаева. После модернизации получился храм.

Ничего так не демонстрирует невероятную сложность жизни, как разглядывание современной техники. Тут понимаешь, что такая вещь, как «мотор» — сложнейшее соединение деталей, что фюзеляж — это не только некая покрышка с окошками в ней, но еще и хитроумное соединение внутренних элементов. Как все это разъять? И куда денем мы историю? Во время экскурсии Вячеслав Александрович Богуслаев рассказал, что когда в 36-м или 37 году вдруг посадили как врагов народа всю бригаду, собиравшую модель нового двигателя, то директор (имени я, увы, не помню) сел на свой самолет и добился приема у Сталина. Естественно, мотор оказался дороже амбиций опричников. И куда денешь из истории того же мотора волю Сталина? Разве всё это забудешь? Разве всё это разъединишь?

13 сентября, среда. Утром что-то сочинял в блокнот, потом — завтрак и первый пункт нашей программы — «круглые столы». Силы брошены немалые. Пункт первый: «Экономическое сотрудничество России и Украины». Ведущий здесь — знаменитый экономист — академик Л.И.Абалкин — и — другие

люди, известные всей стране, Генрих Васильевич Новожилов, дважды Герой Соцтруда, создатель знаменитых ИЛов, П.И.Бурак — директор института региональных экономических исследований. Пункт второй: «Славянское единство и молодежь» (Михаил Иванович Кодин, Игорь Владимирович Касатонов и Борислав Милошевич). И третий пункт: «Наука, культура, искусство — основа духовного единства братских народов России и Украины». Здесь ведут Елена Всеволодовна Богородицая, которая оказалась довольно жестким полемистом и я. С нами еще Юра Строев из «Говорит Москва», Виталий Розе из Ленинграда и Валерий Сдобняков, который редактирует Нижегородскую «Вертикаль». А из хозяев — директора местных театров, председатель отделения СП Украины, писатели, главный дирижер филармонии. Я говорил о том, почему за последние 20 лет в литературе нет шедевров. Мысли, может быть, не самые новые, но аргументация личностная, волнующая и захватывающая меня непосредственно. Тут со всей наглядностью я увидел, как складывается общественное мнение. Убедился, что вот работа, которую проводили мы за нашими и другими круглыми столами, она не пройдет даром. Надо вооружать людей не только формами и аргументами, но и собственной энергией и запалом.

Но, вот мы все и на легендарной Хортице. Несколько лет назад здесь, почти под плотиной, нашли кладбище кораблей середины XVIII века: казацкие подлинные чайки и казенная «Бригантина», построенная тут же, на порогах. Вещи редкостные, много говорящие о времени. Я невольно вспомнил знаменитый корабль «Ваза», виденный мной в Швеции. Он, правда, побольше и чуть постарше. И восстановлен при государственной поддержке и государственной заинтересованности. А в конечном итоге шведы получили еще приносящий доходы аттракцион. Когда же археологи нашли «кладбище кораблей», случайно размытое весенним сливом с плотины «Днепрогесса», государство не заинтересовалось. Культура тоже не заинтересовалась, а может быть, испугалась, потому что при предполагаемой дележке, начал бы действовать закон «никому — ничего», мы-то знаем наш славянский характер: не важно что мне плохо, важно, чтобы у соседа корова сдохла. Возле кораблей все и заговорили, о том, что денег на подъем дал Андрей Макаревич. Вроде бы он перечислил в фонд этого подъема выручку от концерта в Днепропетровске. И — молчок, никому ни слова. А ведь, говорят, человек не самый щедрый и разгульный. Кораблики стоят сейчас на металлических стапелях, их неторопливо реставрируют. Я подумал, что даже песни Макаревича со временем могут забыться, а вот маленькая табличка с его именем, если в народе

есть чувство благодарности, останется на музейных стапелях.

Потом показали «казацкий цирк»: пляски, вольтижировку — все красиво, мощно, по-настоящему. Потом началось посвящение в казаки и «испытания». Первым вышел Ал. Ал. Алтунин, председатель Совета национальной фондовой ассоциации. Ал. Ал. — мужчина еще молодой, но массивности знаменитого некогда штангиста Жаботинского. Давали ему в руку веточку, а затем кнутом эту веточку перерубали. Для этого нужны нервы крепкие. Выдержавшему психологическое испытание, подавали чарку на сабле. Кружка была большая, но наливали не очень много. Мужественно, не моргнув глазом, прошел испытания кнутом и самогоном чемпион мира по шахматам Карпов. Потом выкликнули меня. Роль несколько шутовская: завязывали глаза, пугали, как бы хлестали кнутом. Потом я пил самогон, сладкий, как мед. Улетали с аэродрома Мотор-Сич. Провожал Вячеслав Александрович и его помощники. Днем всем подарили по серебренной монете — 10 гривен. А в Москве, когда выходили из самолета, дали по пакету: шмат сала, две банки меда, большая бутылка горилки. О, Украина, ласкова любовь моя!

14 сентября, четверг. В институте допрос: в три часа встретился со следователем. Похоже это обычный дознаватель, собирающий документы. Встреча состоялась в моем бывшем кабинете, который мне не кажется моим, чужая комната. Были Людмила Михайловна, М.Ю. Стояновский. Перед этим я зашел к БНТу и попросил его поприсутствовать. Мой аргумент: готовьтесь, вас ожидает точно такая же процедура — когда закончится срок, а может быть, и раньше. БНТ сослался на занятость. Письмо, подписанное неведомым мне выпускником, очень похоже на то, что уже приходило в министерство перед выборами. Хотя есть и кое-что новенькое. Например, что выборы сфальсифицированы, и Тарасов тоже ставленник Есина, который по-прежнему руководит институтом. Если бы кто-нибудь знал, какая таинственность сейчас царит в институте, как мало ведает, о чем-либо Есин, как тщательно от него, опытного в хозяйстве и администрации, все скрывают!

В письме собраны все доступные фантазии. Например, что у Есина в Подмосковье четыре дачи, которые он построил на ворованные деньги. Увы, ребята, только две, собственно Есинская и его брата, которая существовала еще до того, как Есин стал ректором. О том, что у Есина есть человек, приставленный к его собаке. Но собака сдохла (умерла) более года назад. И многое другое в том же духе. Насмотревшись сериалов, люди говорят о денежных потоках, не представляя, что это такое и какими они могут быть в крошечном институте.

Интересно вот что: посвященное в основном хозяйственным вопросам письмо очень ловко обходит фигуру главного хозяйственника — Владимира Ефимовича Матвеева. Почему он не входит в банду? Интересно и другое: автор обходит молчанием то, что многие годы в общежитии, лишь на условно коммерческих основаниях, проживают два проректора и многие преподаватели. Это притом, что здесь-то как раз налицо коммерческие деньги, которые идут на зарплату. Или еще один захватывающий факт: многие годы в институте существовал театр, который пользовался институтскими помещениями и вообще существовал, не платя никакой аренды. Или на каких условиях существует в институте еще параллельно с редакционно-издательским отделом коммерческое издательство?

Кстати, дознаватель, которого зовут Игорь Анатольевич, сказал, что десять дней телефон, указанный в заявлении, молчит. Только вчера ответил. Автор в настоящее время лежит в больнице с инсультом, но вроде бы с ним обещал встретиться некий президент общества выпускников Литинститута. Воображаю, что таковой президент придет в театральном гриме. После всех последних событий, после выступлений во время выборной компании, я имею право на подозрительность.

Вечером, вернувшись домой, принялся читать к семинару большую повесть Аэлиты Евко «Качели».

Основная сюжетная идея с прошлого года не изменилась. Я-то думал, что Аэлита все же напишет что-то новое. В первую очередь меня смущала сложность попытки совместить историю молодой женщины (теперь она не Олеся, а Ася) и ее матери. Чувства и предчувствия, истории, вбирающие одна другую. Поначалу все было очень хорошо, у меня даже мелькнула мысль о появлении нового литературного шедевра. Но тут стали попадаться более слабые куски, кое-что я даже начал редактировать. В принципе — письмо местами мощное, но девочке не хватает опыта сложить все, что она узнала о жизни и что прочувствовала.

15 сентябрь, пятница. Утром закончил читать текст Аэлиты. Потом, когда В.С. проснулась, пока завтракал, все время думал, что же мне с этой повестью делать дальше, как ее обсуждать. На второй половине текст сломался, пропала «пыльца с крыльев бабочки», пошли встречи героини с парнями. Чувственная эротика здесь соприкасается с удивительной искренностью и внутренней чистотой героини. Здесь Игнат, Антон, Николай — Евко пишет с ласковой горечью, у каждого эпизода свой сюжет. И все это, как бы отделяясь от героини, зажило свой самодостаточной жизнью.

Все утро угнетало обещание, данное Неверову. Но мыслей никаких в голову не приходило. Я ведь, в отличие от В.С., не политик. Но на всякий случай спросил совета у нее. Она напомнила мне, что существовало два периода. Полагает, что смещение Хрущева было процессом необходимым. Потом, когда Брежнев стал старым, волей его начало управлять окружение. Я в тот момент думал, что ладно и так, а как надо, мне никогда не написать. У меня, правда, прежде был уже план некого текста с рефреном «но кому это было нужно?». О бесплатной жилплощади, о стоимости хлеба и молока, о гонорарах для средних писателей. Кому это было нужно? Но, когда это было придумано, я за компьютер не сел, и текст, как обычно бывает, переродился. Таким сначала бегло записав, я его и продиктовал Александру Неверову. Про себя при том думая: как хорошо, что в Литгазете у меня появился «свой», хорошо знающий мои возможности, редактор.

В четыре часа провел семинар для 5-го курса. Народа пришло мало, пятикурсники в пятницу не учатся, нахватали себе работу. У меня было два оппонента — Женя Ильин и Роман Подлесских. Основное они улавливают: сломы в тексте, массу нереализованных возможностей, лишних деталей. Талантливая девка, а диплома нет. Аэлита вообще как-то стремилась отойти в сторону, возможно, что-то ей внушили на кафедере у Ю.И., где она подрабатывала лаборантом.

Во время семинара по сотовому позвонили из издательства: во избежание судебных процессов из дневников предложили снять ряд характеристик. Издательство побаивается. Вот оно и пришло, время цензуры. С другой стороны, когда дело с анонимкой прояснится, я ведь тоже подам в суд. По крайней мере, мысль побудить Тарасова защитить честь и достоинство ряда сотрудников у меня есть.

К семи часам вместе с Юрой Авдеевым пошел на премьеру в театр Дорониной. Сегодня «Женитьба Белугина». Я недавно понял, что мне достаточно одной газеты, достаточно одного театра. И так радовался, что спектакль получился. Театр, кстати, был полон. Началось все с аплодисментов. Где-то ко второму акту возникла мысль, что Доронина и ее театр пожар безвременья, пожалуй, уже перестрадали и вынырнули из хаоса школ и студий театром, академическим не только по наименованию. Они оказались хранителями мастерства и традиций Островского даже в большей мере, нежели Малый театр. Второе: Т. В. одолела какой-то новый экзамен на режиссуру: выкристаллизовался до полной очевидности опыт: предельная ясность без единого пустого слова. Так все у актеров наполнено и ярко.

После спектакля обмывали премьеру. Был и еще один праздник — двенадцатый ЕЕ день рождения. Еще один год. И я все в той же столовой на 6-м этаже. Столы стоят «покоем»; кажется, и меню не поменялось с прошлого года. Огромное блюдо с холодцом (с него, с холодца Татьяна Васильевна и начнет), большие куски фа ршированного и запеченного мяса с картошкой на подносе. Как правило, все пьют водку, хотя есть кто и не пьет. И люди все те же. Андрей Чупченко, игравший в Белугине главную роль, стал заслуженным артистом. Похоже, они с женой (тоже актриса) ожидают второго ребенка. Максим ….лауреатом премии имени Виктора Розова. Любимицы Дорониной — Мардасова и Любовь Стриженова. Я начинаю привыкать к актерам этого театра. Вот так: один театр, одна газета, одна программа на телевидении. Есть и молодые лица: Константин Сергеевич, совсем молодой человек, — художник по костюмам, и еще два красавца актера:

Когда мы с Авдеевым по бесконечным коридорам из фойе шли на шестой этаж, то где-то краем глаза увидели, как после всех улыбок, поклонов и горы цветов Доронина «разбирала полеты» с актерами, участвовавшими в спектакле. Стоял львиный рык. Уже никакой благостности. Это было сильно, как кусок страсти. Любите ли вы театр? Нас как ветром сдуло

Как обычно, к премьере Татьяна Васильевна дарит всем маленькие подарки. На этот раз она привезла с юбилея Малого театра памятные книги, блюдо, еще целый ворох милых сувениров. Вот так и надо жить! Я тоже соберу как-нибудь дома побольше мелочей, которые так милы в молодости и так мало стоят в зрелые годы и все их раздарю ученикам. Выпускники Щепки, училища Малого театра получают сувениры «по праву». Каждый будет потом вспоминать те особые слова, которые при этом сказала Доронина. И последнее: я получил самое лестное в моей жизни предложение: стать помощником худрука МХАТа имени Горького. Как у Табакова Смеляский. Место классика. Отсюда только на Ваганьковское. Нужен ли я ей или нет, не знаю? Но единственная, — конкретно позаботилась. «Мы вам положим что-нибудь 25 тысяч рублей».

16–17 сентября, суббота, воскресенье. Последняя неделя прошла под знаком скандалов и трагических происшествий. Главное из них, наиболее страшное, это арест 15 депутатов во главе со спикером в Тверской области — коррупция: тарифы, аренды, отвод участков под строительство. Все остальное — даже лишение депутатов мигалок и «флажковых номеров» на автомашины — по сравнению с этим мелочь. К убийствам, поджогам, кровавым разборкам мы уже привыкли. В Красногорске

под Москвой, взорвалась станция перекачки канализационных вод, нарушен и водозабор: питьевую воду в городе выдают три раза в день по часу; еле-еле удалось предотвратить спуск фекальных вод в Москву-реку. Убили в Сокольниках первого заместителя министра финансов Андрея Козлова, который курировал частные банки и многие из них позакрывал. В связи с этим пресса испугалась и кое-что разъяснила, а именно, что через эти маленькие коммерческие банки отмываются миллиардные деньги — огромные. Федеральных министров еще пока не убивали.

В Обнинск собирался медленно, заезжал в «Перекресток» и в хозяйственные магазины. В воскресенье вечером был день больших заготовок: засолил целую банку собственной петрушки и сделал две трехлитровых банки перетертых с собственным чесноком помидоров. Завтра займусь яблоками, которых с дачи привез три сумки. Время провел замечательно! Витя, который уехал на электричке еще вечером в пятницу, выкачал из подвала воду и натопил баню. Значит, в субботу баня, а перед тем занимался дневником, собрал остатки огурцов, пожег ботву, проверил, как покрасили сетку на заборе. Читал работу Артема Сухонина «Рассказ о Боге Тьмы». С этой работой Артем поступал в институт, и брать мне его не очень хотелось. Это фентэзи, так мне ненавистное. Парень учится платно. Довольно тщательно, с карандашом в руках занялся только стилистикой. О содержании спорить не буду, объявлю декоративно.

18 сентября, понедельник. Ездил в Олма-пресс вместе с Галиной Степановной. Мне передали мою огромную рукопись после сверки, с большим количеством карандашных пометок — все связаны с политикой, с возможностью кого-то подать на меня в суд, устроить скандал. Судя по всему, читал, кроме рецензентов, юрисконсульт. Все это мне напомнило программных редакторов на радио, их мелочное, без понимания контекста чтений. На всякий случай. Цензура, конечно, не возвращается, хотя о ней говорят постоянно, но поле политической свободы уже сужено. Пометки в рукописи в основном касаются характеристик Путина и высших чиновников. Ничего государственного не тронь!

В тот же день часов шесть просидел, считывая отмеченные места. Просмотрел 500 из 850 страниц. Кое-что поправил, самые резкие выражения смягчил. На Московскую книжную ярмарку, как планировалось, книга опоздала, но, тем не менее, как я благодарен издательству за эту вовсе не коммерческую работу. Значит, это кому-нибудь нужно. Естественно, главный мотор здесь Г.С. Кострова. Все мои дневники могли вообще утонуть, и моя жизнь тогда покатилась бы в другую сторону. Дневники меня

захватили ужасно. Возможно, как более легкий вид, по сравнению с романистикой, работы.

На обратном пути из издательства, заезжал в институт. Взял к завтрашнему обсуждению работу Пети Аксенова. В институте меня ожидала книжка с повестью дипломной работы Андрея Коротеева «Пришлые люди». Взрослые ученики дают о себе знать: в тот же день позвонила Лена Нестерина — она написала роман, хочет, чтобы я его прочел.

Довольно любопытный разговор с Б.Н.Тарасовым. Я ответил на вопрос, почему мы разошлись с Минераловым, с которым когда-то были в добрых отношениях. Высказал мысль о том, почему нашу профессуру, которая так активно ездила в начале перестройки за границу, перестали приглашать. В частности и потому, что читала она довольно скучно и не глубоко.

19 сентября, вторник. Теперь для меня вторник — центральный день недели, потому что новый курс, новые студенты и, главное, мне интересно с ними работать. Теперь это стало приносить радость, даже счастье. Я хорошо к семинару подготовился, все продумал, подобрал, как обычно делаю, несколько цитат о творчестве из мировых классиков. На этот раз это были цитаты из «Казановы» Стефана Цвейга. О последней степени выписанности смысла и об отношениях писателя и правды жизни, т. е. самой жизни. Место писателя все же за столом — жизнь изучается им опосредованно. Только жуиры живут ради того чтобы жить. Приятно, что и ребята были — согласны. Опыт, который я позаимствовал у Седых, обязательно назначать двух оппонентов, оказался плодотворным.

Обсуждали работу Пети Аксенова об «искателях», людях которые ведут поиски останков погибших в ВОВ, и рассказ Артура С…… который мне не понравился еще во время приема. Понятно, что мнения разделились. Но интересно, что некоторым студентам то, о чем пишет Петя, было не интересно, очень уж далеко, очень уж не сегодня, то другой половине все это было понято и близко. Для меня это был еще и повод поговорить о специфике житейского прочтения. Можно не принимать вещь, но смысл и профессиональные качества надо всегда замечать. Здесь же выявилось несколько талантливых критиков. Острой и точной в суждениях оказалась еще одна из девушек — Абрамова. На следующем занятии мы разбираем ее работу.

Прочли рассказ о том, как прошел первый семинар, по моему заданию его блестяще сделала Маша Котова, студентка Приставкина, которая хотела бы ходить ко мне. Разобрал также два этюда «Чего я жду от Литинститута», которым я нагрузил ребят на первом семинаре.

20 сентября, среда. День здоровья. Пришлось идти на массаж. Последний рентген так и показал: сильный остеохондроз позвоночника, массаж стоит 1000 рублей, надо 10–12 сеансов. Не уверен, что массажист хороший, но другого нет. Меня зовет в Одинцово мой ученик, Саша Карелин, который, судя по всему, не «гладильщик», но, хотя, как я знаю, он кое-кому из наших преподавательниц делает массаж, я, по своему обыкновению, завязываться на это не хочу: не стало бы себе дороже. И это не из-за каких-то подозрений, а потому что такой у меня характер.

В Венгрии продолжаются начавшиеся еще в воскресенье волнения, «народ», состоящий из оппозиции и хулиганов, настаивают на отставке премьера. В Венгерский премьер Ференц Дьюдь сказал в своей речи: «Мы облажались», из-за чего и разгорелся весь сыр-бор. Этот парень не сдается. Все понимают, что это вроде «революции роз» — много хулиганства и людей, желающих перемен во чтобы то ни стало и власти в первую очередь себе или для себя. Знакомо. Волнения вызвал некой специфической сеанс лжи из уст премьер-министра. «Мы врали народу полтора года о нашей экономике». А какое правительство не лжет, иногда ради того же народа, чтобы сохранить стабильность? Вот у нас в России самое правдивое в мире правительство! В Тайланде — переворот: премьер быстренько уступил военным и улетел в Лондон, где у него тьма собственности.

Утром писал роман и дневник. Вечером наметил чтение мемуаров Н.П.Михальской.

21 сентября, четверг. Почти бросив читать художественную литературу, я некоей страстью присосался к мемуарам Михальской. Это практически я убедил Нину Павловну написать продолжение книги воспоминаний. Уже тогда, по первым главам, мне показалось, что это неординарное сочинение, в нем таится какая-то магия. И я расшифровал ее так: это магия жизни порядочного, достойного человека, много добившегося в своей жизни. Здесь есть чему научиться, помня, конечно, о тех духовных качествах, которыми Н.П. обладает от рождения и которые могут стать только примером: стиль, памятливость, умение формулировать мысли, прямота характера, умение держать в уме повествование во всей целостности. И, конечно, это интереснее фантазий наших не очень хороших беллетристов. Дальше Нина Павловна писать не захотела, ссылаясь на отрезок жизни, который был для нее плохим. Это плохое отчасти в новых главах выписано. Рад, что убедил Нину Павловну продолжить работу. Надо сказать, что продуктивность у нее в 80 лет замечательная — почти 100 страниц за лето.

В три часа состоялся ученый совет с традиционно-скучной повесткой. Сначала Стояновский, в привычной манере плача рассказывал о будущем лицензировании и аккредитации. Потом о наборое этого года говорила Лисковая. Потом БНТ напомнил о своем письме Путину и о том, что надо бы попасть в бюджет и планы 2006 года. В бюджет 2007 мы уже не попали, это знакомо. Вроде бы письму, под которым много подписей самых первых в нашей культуре лиц, дан какой-то ход, и есть надежда, что оно попадет к Фрадкову с резолюцией президента. Дай-то Бог!

Довольно долго сидел у Евгении Александровны в отделе кадров. Там же сидел и Скворцов. Я больше не считаю нужным скрывать собственные размышления и об авторе письма, — он известен и дал расписку следователю, что говорит правду, а значит — теперь появилась возможность привлечь его к ответственности. Но главное — о вдохновителях, об информаторах. Назвал Леве несколько имен и прямо сказал ему: «Как тебе не стыдно с ними дружить?». Сказал, что узнал одну его фразу в письме Крапивиной, — почти уверен, что нечто подобное он произнес в разговоре с Минераловым или Смирновым. Правда, Лева утверждает, что этим ребятам, которые «наконец-то прижучили» (Смирнов), он ответил. «Я слишком хорошо знаю Сергея, взять чужое он себе не позволит». От себя добавлю: с детства смертельно боюсь в первую очередь рефлексии совести и вообще боюсь. Минералов говорил следователю (Н.В.): «Есин, конечно, честный человек, но если покопать поглубже…» Интересный эпизод рассказал Лева, отвечая на мою мысль, о некотором дефиците самодостаточности у наших преподавателей: такие все подавали надежды. Недавно ему звонил Смирнов и среди прочего сказал, — это, конечно, может служить предметом гордости преподавателя, — что в МГИМО, где он читает, кажется, русскую литературу, студенты последний раз встретили его аплодисментами. Все это было бы прекрасно и могло сойти за чистую монету, если бы сын Льва Ивановича Ярослав, мой крестник, и его внук Саша — один не работал деканом в МГИМО, а другой не учился на том самом курсе, где свои лекции Смирнов и читает. Так вот, внук рассказал, что эти аплодисменты он и организовал. А дело было так. Некоторые преподаватели, в их числе и уважаемый Владимир Павлович, стали опаздывать на лекции на десять, пятнадцать, а иногда и двадцать минут. Вот и договорились, что первому опоздавшему устроят овацию: дескать, спасибо, что наконец-то явились, господин педагог. Именно под этот дождь студенческой любви наш герой и попал. Можно подивиться профессорской чуткости: любовь к себе и воспоминания старых полетов духа пересилили зоркость.

22 сентября, пятница. Не первый раз я начинаю очередную запись стоном: какой сегодня трудный день. Это не день трудный, а сил мало, впрочем. Впрочем… Вчера вечером немножко подгулял Витя, пришел домой после двенадцати, принес арбуз, пришлось с ним его есть, потом он звонил своей невесте, угомонились в 2 ночи. Естественно, я не выспался, встал, чтобы всех по очереди будить в семь, будил, кормил, довез Витю, понимая его нелегкое состояние, тем более, что ему в пятницу еще и учиться, до Института и поехал в издательство. Рукопись в восемьсот с лишним страниц прочитана и именно ее я везу в редакцию.

Встретился с Линой, сравнительно молодой женщиной, редактором издательства. Решили, несмотря на то, что я кое-что сделал, рукопись просмотреть от начала и до конца. По старым пометам обсуждали каждое выделенное место. Все это заняло часа три. Потом пообедали. Впереди у меня была еще одна верстка, в «Российском колоколе», и в четыре часа семинар в институте. В Москве плотная осенняя жара, — самым трудным оказалось час с лишним ехать от ВДНХ до площади Восстания.

Обсуждали Катю Шадаеву, она написала рассказ страниц на двенадцать под названием «Бумеранг». Сцены есть очень сильные. Особенно, как молодая девушка, скорее еще девочка, когда мать привела в дом молодого мужчину, из чувства ревности к матери пытается его соблазнить. Весь рассказ череда подобных сцен. Вещь скорее философско-публицистическая. Но наши ребята любят, чтобы еще было «художественно», поэтому вещь не вполне поняли, она показалась им только умной, а умную вещь у нас ценят меньше, требуют, повторяю, художественность. Я сам много думал, что делать с этим рассказом, как его переделывать. Во-первых, надо сменить заголовок, который все упрощает и сужает. Как ни странно, помог мне Саша Карелин. Он вообще за последнее время очень вырос. Становится интеллектуалом, станет ли писателем — не знаю. Хотя вроде бы роман написал и, не показывая мне, собирается его печатать. Саша вдруг вспомнил о моей «Хургаде», где главное — мое настроение, все остальное подстраивается под него, все остальное — придуманные и никогда мною не виденные ранее эпизоды. Все вместе — это и есть высказывание. Что-то подобное, жесткое и сухое, я предложил сделать Кате.

Весь день по радио, «Маяку», передавали одну очень тревожащую меня новость. Разыскивается некий десятиклассник, грузин по национальности, учащийся одной из школ на юге Москвы. Он ударил ножом своего товарища, тоже десятиклассника, по национальности азербайджанца. Это все

радио подчеркивало. Грузин с места преступления скрылся, азербайджанец в тяжелом положении находится в больнице.

Дома немножко полежал, дождался из института Витю, заехали за С.П. — Витя за рулем, и поехали на дачу. По дороге заглянули в «Перекресток», затоварился на неделю продуктами и пивом на баню. Приехали уже после 12 ночи. Я все выдержал.

23–24 сентября, суббота и воскресенье. Время ускользает и такая жалость, что так много исчезает в быту, в неумении жить и работать без потерь. Тут и понимаешь: как хорошо было писателям в девятнадцатом веке — люди имущие, они свободно распоряжались своим временем. В.С. из Москвы, как обычно, сказала несколько не очень приятных слов. «Вы там блаженствуете…» Потом: «Мир хижинам, война дворцам». Но я езжу на дачу, не только чтобы выспаться и сходить в баню, главное — я там работаю. Жалко мало, потому что все время отвлекает хозяйство. Вот за два дня покрасил окно на террасе, которое следовало бы покрасить два года назад, сжег мусор и вынес ботву из теплицы, привел в порядок туалет, перемыл посуду. Потом занимался с электриком, — тот поменял проводку в сарае, заплатил ему 2300 рублей. Витя топил баню, откачивал из подвала воду, ездил за шифером, закончил чинить забор. С.П. готовил обед, дежурил по кухне, потом много часов провел у компьютера — готовился к лекциям.

Пока ехали в Обнинск, много говорили о последней статье в «Труде»: ссылаясь на Госкомстат, газета признала, что у миллионов людей в России нет денег даже на хлеб. Средняя цена булки или кирпича хлеба — 10 рублей. Москва не в счет. В Москве, кстати, прожиточный уровень, та самая пресловутая «продовольственная корзина» — 5100 рублей. Вспомнил, потому что недавно упомянул об этом на ученом совете, когда речь зашла о прибавке лаборантам.

Так уж сложилось, что много размышлял о политике. Жизнь такая, что каждый день что-нибудь происходит. Ну, взрывается что-нибудь, ну где-нибудь рухнет мост; сегодня, в воскресенье, опять пожар на Черкизовско рынке. В последнее время много толкуют об лишении депутатов мигалок и специальных, с флажком, номеров на машинах. Все это смешно, потому что нечестно и нелепо в основе. Я всегда думал, когда поднималась очередная волна об депутатских и министерских зарплатах, какая это чушь. Для такой огромной и мощной страны какие-то 3 тысячи долларов. Смешно! Но — если бы все делали свою работу, если иметь в виду не марионеток, а независимых людей. Вот, дескать, депутатские машины мешают движению. И опять глупость. Если в Москве спланировать движение, если бы страна

не оказалась свалкой иномарок, если бы правительственные номера не продавались, если бы под сияние мигалок и кряканье правительственных сигналов не гнали по девкам и собственным делам шофера, — кому бы помешали эти мигалки и сам принцип экономии времени «государственных людей». Но ведь все останется по старому и без мигалок по-прежнему перекрывать движение на Калужском шоссе, когда там объявятся чада Черномырдина или каких-то других «высших людей». А я буду стоять по часу.

Утром принялся (уже методически, ранее только просмотрел) читать книгу Дональда Рейфилда «Жизнь Антона Чехова». Интересно, что подготовило и перевело ее издательство «Независимой газеты», которое всегда отличалось тонким филологическим выбором. Уже после прочтения пары глав решил, что, пока сохраняется интерес, буду вносить из этой книги в дневник отдельные цитаты. Все здесь идет по началу, полно важного для понимания литературы смысла.

«Из всех русских классиков он (Чехов — С.Е.) наиболее доступен и понятен, особенно для иностранцев, — как в книгах, так и на сцене». Это надо обязательно прочесть моим ребятам.

Теперь о жанре биографии. Мы цитируем их еще и потому, что совершенно согласны с мыслью автора, просто он высказал ее более точно или сформулировал наши предощущения. *«Любая биография — это вымысел, который тем не менее должен быть увязан с документальными данными».* Как бы хорошо усвоить это не только нашим «историческим» писателям, но и политическим журналистам, несущих Бог знает что о людях, перед именами которых еще вчера немели.

Опять об Антоне Павловиче, но будто бы и обо мне (но у меня нет ни его воли, ни его органической быстроты, ни его поразительного таланта): *«Его постоянно тяготила непримиримость интересовхудожника с обязательствами перед семьей и друзьями…»*

А вот объем творчества, объем творческой деятельности совершенно несоизмерим с тем, что делаем мы сегодня. Мы заседаем, говорим по телефону, мелко и мелочно интригуем. «На сегодняшний день опубликовано около пяти тысяч Чехова, причем иные из них — с безжалостными купюрами» Полторы тысячи еще утеряно. О купюрах не говорю, здесь — как готический храм, непомерные объемы.

Теперь крошечный эпизодик о Чеховской родне по матери. «Иван Яковлевич Морозов, человек щепетильный и порядочный, как-то отказался продавать подпорченную икру и в результате потерял место». Каким-то образом я совмещаю это высказывание

с морем паленой водки, от которой в России умирали и умирают тысячи и стони тысяч, с продажей несвежей еды, негодных продуктов. И ни у кого не дрогнет сердце! Бога для людей уже нет или в каждом погасло сострадание.

В воскресенье утром прочел к семинару два рассказа Абрамовой. Письмо взрослое, много психологии, но все это как бы утонуло в семидесятых годах. Подумал: современная литература должна быть более дерзкой, менее углубляться в себя, не просто выходить на читателя, но и пытаться говорить на его языке. Сегодняшний мальчишка в быстро мелькающих на экране символах разбирается значительно лучше и быстрее. Он видит там, где человек моей замедленной биологии XX века не замечает ничего. Что-то важное забыл. Так трудно носить в себе весь день смысловые повороты, чтобы сохранить для дневника, столько теряешь.

25 сентября, понедельник. Объявил день здоровья, а в перерывах занимался дневником, чуть-чуть продвинул роман и смотрел телевизор. Хозяйства тоже никто не отменял. Прочел два рассказа Абрамовой, скорее перечел: «Ласточкино гнездо» и «Фарфоровый слон», и Семину Настю — небольшую повесть «Совпали». Абрамова пишет чисто, очень для своих 18 лет грамотно, правильно, без ошибок. Уже сейчас это сложившийся профессионал: в 70-е годы эти рассказы взял бы «Октябрь», сегодня читать их довольно скучно. Во время семинара буду девочку пытать на знание Трифонова, наверняка она его читала. Семина — стихийно талантлива — все знает и почти не сбилась. Я помню ее «повесть» еще по летнему чтению абитуриентов. Всего так и не распутал, но — здорово.

По ТВ показали новый, без кавычек, подвиг лимоновцев. Зсли бы я был моложе, я бы пересилил свою природную трусость и стал одним из них. На этот раз они захватили здание Минфина на Ильинке и протестовали против неоправданной преждевременной выплаты долгов Всемирному банку в ущерб возможному возмещению вкладов населения после дефолта. Народ им явно симпатизирует, власть явно боится, недаром на этот раз с ними довольно вежливо поступили, никого не посадили.

Показали также митинг «обманутых вкладчиков» — соинвесторы съехались со всей страны, что свидетельствует: идея «пирамиды» в строительстве овладела «массами». В известной мере, как мне кажется, вся эта ситуация спровоцирована Москвой и ее строительным бумом. Тем не менее, цена на жилье растет неимоверно. «Обманутые вкладчики» захватили одно из строящихся зданий в центре Москвы и устроили в нем голодовку. Сейчас идет «мирное выкуривание», милиции приказано быть

вежливой.

Общее впечатление: как бы существуют две России (иногда в банке послойно уживаются, не смешиваясь, вода и масло): чистая, подающая надежды Россия Путина, которой начинаешь гордиться, но которая все же в своей экономике не достигла уровня 1993 года, и Россия обманутых вкладчиков.

Вечером по «Культуре» — все же это, наверное, лучший телевизионный канал в мире — смотрел передачу о Шостаковиче. Хорошо и интересно говорили Вишневская, Ростропович и Щедрин. Крупные, умные люди. Впервые подумал, что моя нелюбовь к ним вызвана, единственно, их отношением к предыдущему строю. Он всё им дал, а они его предали. Народные артисты СССР! А справедлив ли я в этих размышлениях? Не зависть ли это к их судьбе? Да, я не умел торговать своим талантом писателя, а они сумели своим универсальным талантом распорядиться.

26 сентября, вторник. Всё закончилось отъездом в Ленинград на выездную коллегию Минкульта. Жутко дорогой билет на поезд, чуть ли ни четыре тысячи рублей. О поезде чуть позже — новая жизнь несет свои приметы. Но пропустить поездку не мог — влечет Дневник.

Утром с десяти был в институте. Как это важно — просто быть: перекинулись несколькими словами с Инной Люциановной — о методологии ведения семинара, потом с Михайловым. Меня волнует то научное издание, которое я должен сделать к концу года. Возможно, выбор я сделал не лучший, потому что и Седых, и Михайлов еще только примериваются. Я, правда, как всегда много думаю о своих обязательствах. Кстати, вчера мне позвонила Н. П. Михальская: состоялся экспертный совет, и моя докторская работа прошла. Президиум состоится в октябре. Диплом важен теперь в этом возрасте только одним — зарплатой. Внутренняя осанка и кандидата и доктора у меня уже есть. Защита, при всей ее формальности, многое дает, это крупный барьер, одолеть который нужно уметь.

В час — кафедра. Как обычно быстро, по-деловому: планы на этот год, разговоры о методике, студентах. Был Дьяченко, жалкий, ничтожный. От его магнетизма прямого взгляда больше ничего не осталось.

На кафедре впервые был Алексей Варламов. Я уже давно заметил: чем крупнее писатель, чем выше его духовный статус, тем меньше он демонстрирует собственную независимость и осведомленность. Таков Костров, такова Вишневская, — им всегда проще сделать, чем вести дискуссию «по поводу», таковы наши молодые ребята, да и Рекемчук, который, может быть, один из

немногих в институте имеет большее право на свободу. Варламова я брал с определенным прицелом, и спасибо БНТ, что он поддержал и даже инициировал прием Алексея. Это будущий заведующий кафедрой, как мне кажется. В нем есть художественная широта и научная зоркость.

Не нарадуюсь, как проходит у меня семинар, какие замечательные подобрались ребята. О работах Семиной и Абрамовой я уже писал, мои оценки не особенно изменились. Но сам семинар проходит для меня по-новому: серьезнее, мощнее. Мне меньше приходится утверждать себя, завоевывать право на лидерство. Быть руководителем семинара — это не формальное, а духовное право, когда многие сами понимают, насколько ты самодостаточен, эрудирован, умен, быстр, широк, независим. Если этих качеств нет, то их приходится в себе открывать. И — закапывать все плохое, что в тебе есть. Кажется, я опять подхожу к старой мысли: учиться до самого последнего.

Вечером ходил с Юрием Ивановичем Бундиным в кафе «Форте». Посидели часа два, времени до моего отъезда в Ленинград оставалось достаточно. Обычные наши ежемесячные посиделки. А может быть, такие собрания явление возрастное? Вот Инна Люциановна раз в месяц встречается с подругами, якобы для болтовни, а на самом деле — для обсуждения вопросов, связанных с жизнью и искусством.

Говорили о литературе и политике. Болезненную для него область — Минкульт — я старался не затрагивать. О Степашине тоже говорили, но мало — что же здесь много говорить? И он, и я искрение к нему относимся. Ю.И. довольно скупо рассказал о том, как проходит у коллегия Счетной палаты. Прямо ничего сказано не было, но у меня сложилось представление о некоем «теневом кабинете», который более эрудирован, экономически и политически подкован, нежели кабинет основной. Я рассказал о своем новом романе, а Ю.И. — о серии передач, которую он делает для телевидения по своей книжке «Праздники». Книжка превосходная — я, помню, брал ее с некоторой боязнью, остерегаясь, что придется пускаться в холодные комплименты, чего я не умею.

Ю.И. сообщил среди прочего, что Дума приняла поправку к закону об образовании — возрастные ограничения отменены. По словам Юрия Ивановича принято также постановление о введении института президенства, а все попытки протолкнуть власть попечительского совета окончились ничем, Президентом попечительского совета может быть только одно лицо — ректор, проработавший не менее 10 лет. Мне это не нужно, благодарю Бога, что закон этот не появился раньше, сейчас я не мыслю себя

снова в этом хомуте.

Около полуночи я зашел в вагон и окончательно понял, что жизнь сильно изменилась. Как-то Сергей Петрович мне рассказал о разговоре с одним студентом. С.П., проверяя его анкету, обнаружил, что в его адресе указаны улица, номер дома и даже этаж, но нет номера квартиры. «А как писать письмо? — спросил СП. — На 3-й этаж?» Оказалось, что «на третьем этаже живу я, а на первом и втором папа и мама». Я думаю, что мне в такую жизнь уже не попасть, да и не хочется, а вот обдумать — любопытно: познавательный материал… Литература всегда обладала раскидистыми ветвями: мир богатых, мир бедных. Мир бедных мне понятнее, в нем бродят близкие мне протестные соки. Так вот, войдя в вагон, я обнаружил, что в таком СВ я еще не ездил. Недаром обалдел от стоимости билета — 4 тысячи. Сосед, молодой бизнесмен, объяснил мне, что здесь, в движущемся поезде, есть и скоростной интернет, и висящий над головой телевизор, который я, правда, сразу же выключил, и радиоприемник, и разовые тапочки, как в японской гостинице; на завтрак можно заказать и яичницу, и шашлык, и солянку — что хочешь. Это не поезд, а гостиница на колесах. Мы ехали в 13-ом вагоне, самом дешевом, а первый мог вообще оказаться состоящим из двух купе.

27 сентября, среда. И я еще иногда тешу себя иллюзиями, будто это я пишу дневник, а не Дневник пишет меня. Я, может быть, и мог не поехать на эту Коллегию, но — поехал, чтобы быть в курсе, так как интересуюсь общими проблемами строительства культуры, политикой, день за днем веду наблюдения, а сидя на месте хороших наблюдений не накопишь. Очень часто мысль рождает собственное движение. Хорошо знаю: когда что-то стопорится в романе — надо идти гулять, это и я делаю.

Утром Г.К. Егибекова встретила меня около вагона. Я рад ее видеть, но опасался, вспоминая свою Барбару, за результаты операции. Г.К. еще ходит с палкой, но, кажется, всё обошлось благополучно. Палку собирается вскоре бросить.

Еще в Москве я сказал: «Зачем вам меня встречать?» Генриетта Карловна ответила: «Мы лишних полтора часа с вами прощебечем». «Прощебетали» план фестиваля, уточнили ряд формулировок, кандидатов в жюри, выяснили попутно, что в фильме «Сороковой день» играла Елена Соловей, которую мы собираемся пригласить на Фестиваль.

Сразу отправились в Гатчину. Там меня накормили завтраком. Обсудили фильмы Коли Романова и Игоря Черницкого, решили, что молодое жюри возглавит Максим Лаврентьев. В общем, «провели серьезную работу», план уже есть.

По моей просьбе заехали на кладбище на могилу Алибека, мужа Генриетты;я ведь не был там, а знал его лет 12. Хороший участок, гранитная плита с портретом Алибека. Участок выбран запасливо — на троих. Постоял, помолчал, подумал, как близко и как навсегда далеко… Единственное, чему я могу сейчас завидовать — это такому участку и твердой вере, что хотя бы раз в год к тебе кто-то придет…

Перед Коллегией я прошелся по Смольному, где никогда раньше не был. Перед входом, в цветочной клумбе, стоит Ленин. Я думаю, что Петербург лучше подготовлен для представительских форм власти, чем Москва. Здесь больше трепета перед Смольным, чем у нас перед раззолоченным Моссоветом. На фронтоне новенький орел. Мысленно скорреспондировал орла и Ленина. К сожалению, на удалось посетить знаменитого зала, где состоялся II съезд Советов, не был в комнате, где Ленин спал на полу с Зиновьевым, видел комнату Крупской с ее штопаными кофтами…

Коллегия была посвящена строительству Карпинского театра. Сроки уже пропущены, денег нужно всё больше и больше. Если иметь в виду, что Мариинка и Большой отнимают чуть ли не 70 процентов бюджета на культуру, то понимаешь: что не остается практически ничего.

Видел Витю Лобко, с которым когда-то учился и который теперь правая рука Вал. Матвиенко. Она вела Коллегию жестко и ловко, сидя рядом с Соколовым. В.И. знает дело и кусок за куском вырывала финансирование из общего российского бюджета. Говорила «о золочении дворца». Вокруг этого золочения на фоне современной нищей жизни можно хорошо пофантазировать: 140 кг золота дает президент; думаю, наступил коленом на горло какому-нибудь олигарху. Власть стремится к тому, чтобы декорации, окружающие ее, блестели.

После окончания коллегии пили кофе с Еленой Драпеко внизу, в буфете. Она ленинградка, знает все ходы и выходы. Говорили о двух слоях жизни: верхний, благополучный, — это «сливочки» над общей серой жизнью, над деревней, над неучащейся молодежью,

Обратно ехал в дешевом литерном вагоне, и ничего — выспался.

27 сентября, четверг. Приехал в шесть утра. Как всегда, когда нет большого багажа и не нужна машина, очень быстро добрался до дома. Там все спали. Подремал до восьми, для засыпания чуть почитал М.Кузмина. Потом поехал на работу. Отдиктовал Е.Я. свои впечатления за два последних дня, поговорил на кафедре, побродил по институту и поехал к

Е.В.Богородицкой в фонд, на Экспертный совет. Там узнал, что Вас. Сем. Лановой, оказывается, в этом году председательствует. Я-то думал, что делать это придется мне. Понимаю: моим друзьям хотелось бы видеть более значительную подпись под протоколом, тем более, М.И. только что приехал из Китая, где Васино лицо — культ: Вася и на обложке «Как закалялась сталь» и в кино.

Из членов совета присутствовали, кроме Лены Богородицкой, М.Ю, Ю.И, Вас. Сем. Ланового, еще и академик ***Воротников***, председатель Гуманитарного фонда, и молодой, но уже главный режиссер Костромского театра. Он всем очень понравился, когда год или два назад ему вручали премию Розова. Он сразу же, когда стали обсуждать Коляду, он пошел в рукопашную, защищая провинцию и молодых актеров.

Потом был небольшой ужин, где все говорили по заведенному порядку. Меня поразил Михаил Иванович, когда он представлял слово мне. Может быть, я уже заслужил его слова, может, общественное мнение уже как-то вызрело и определилось? Каждый из писателей знает себе истинную цену, знаю и я. Но точные, продуманные формулировки писатель всегда сразу отличает от комплиментарной части. Лесть и легкий комплемент только раздражают.

Заезжал к Авдееву, который живет рядом, мне с ним интересно и поучительно. Дома нашел в «Литгазете» кусочек, который просили меня написать об эпохе Брежнева. Не в моем духе заголовок и, к сожалению, не вполне сохранился конец.

28 сентября, пятница. Утром, хотя времени было мало, вывез В.С. на воздух, на дачу к С.П. Погода хорошая, живительная свежесть и солнце. В.С. сразу расположилась в кресле возле крыльца читать газеты, а я пошел косить траву. Толик второй раз, после того как недели две назад это сделал я, прокосил участок, но не весь — вот эту часть я и докашивал.

Брал с собой компьютер, но пошел «размять ноги» и понаблюдать «иную» жизнь. Если где и есть пресловутые гастарбайтеры, то они все на подмосковных участках. Здесь в основном таджики. У хозяев гигантских особняков есть страсть приращивать и совершенствовать свои владения. В других масштабах и мне это знакомо. Если бы не годы, и я бы что-нибудь принялся перестраивать. Обходя по кромке леса участки, видел кроликов, мирно щипавших травку возле каких-то, так же мирно работающих, таджиков.

Телефон все же зазвонил, прямой эфир все же состоится. Поэтому уже в первом часу собрались и поехали в Москву. Эфир в три, еле успел перекусить. По Москве уже совершенно невозможно ездить на машине — на Татарскую, где расположена

станция «Говорит Москва» добирался почти два часа. Какие тут мигалки! Всего лишь неумение предвидеть и управлять! Да еще я не сообразил, что сегодня пятница, вернее, не представлял, что вся Татарская будет забита машинами — мусульмане приехали на пятничную службу. Проехав почти всю улицу, вынужден был пятиться обратно и ставить машину возле здания бывшего Гостелерадио. Какой же я пришел злой! С этого и начал — с неумения управлять и т. д. Набор моих высказываний был не слишком нов: литература, сегодня, можно ли научить писать; успел еще сказать о музее экслибриса, которому исполняется 15 лет и о клубе Рыжкова. Звонков было не очень много, один меня тронул: сравнительно молодая женщина издавна читает меня. Был вопрос о преподавании культуры православия в школе. Ну, как я мог ответить? Сказал, что подобное преподавание еще никому не повредило. Что в христианской стране оно вполне естественно.

Практически провел в машине большую часть дня, поэтому слушал радио. Все станции говорят о Грузии, где арестовали, обвинив в шпионаже, несколько русских офицеров. Москва прекратила выдавать грузинам визы и отозвала посла. У грузинского посольства несколько небольших демонстраций. Пикет отставных военнослужащих предлагает отбить военных силой, военные действия. Молодые ребята кинули в сторону посольства свиную голову с чертами Саакашвили. Из посольства выскочил какой-то грузинский «патриот» и принялся молотить парня, которого схватил ОМОН, ногами. Среди радиослушателей во время опроса, воевать или не воевать, один молодой человек сказал: «Откуда вы взяли, что это дружеская страна?». Очень много людей, призывавших к миру, имеют в Тбилиси родственников. Вечером по телевидению русская женщина, которая жила там при Гамсахурдии, вспоминала о том, как тогда нагло и беспардонно вытесняли русских из Грузии. Сказали также о большом количестве преступлений, которые грузины совершают в России. Перед тем как уехать в десять часов вечера на дачу, именно в это время приходит из института Витя, читал свою любимую газету «Труд». Вот заметочка.

Дело было в Ингушетии. Там судья Наздрановского района Алек Ярыжев ехал на личном и скромном ВАЗ-2112. Его изловили некие преступники, вывезли за город, побили, после чего отпустили, предварительно изъяв 7 тысяч долларов и 35 тысяч рублей. Сам по себе этот факт ничего и не стоит, мало ли в стране бандитов, но скажите мне, откуда вез судья 7 тысяч долларов и 35 тысяч рублей? Это к вопросу о неподкупности нашего суда

30 сентября, суббота. Опять хороший, теплый, солнечный день. Такое ощущение, что метеожрецы перестали ворожить, и погода наладилась, давая компенсацию за лето. В теплице еще растет один плененный кабачок; по траве там и сям лежат палые яблоки. Утро, как всегда, провел в работе по земле. При этом компьютер не выключал. Вчера удалось немножко посидеть у компьютера вечером, и сегодня чуть тронул вперед роман. Написал сценку во дворе института с Основным хозяйственником. Я знаю, кто это, и все узнают, но не придерешься. Потом возникла долгая пауза на монтаж следующего эпизода, но под вечер и с этим я справился. Завтра утром, Бог даст, напишу. Последняя глава становится если не опасной, то некорректной. Я, конечно, люблю всех, но литература мне дороже. Возникла мысль при напечатании романа прямо и объявить, что последняя глава опубликована пока не будет. Но для этого ее надо написать. На это меня натолкнуло воспоминание о том, как в свое время В.И.Белов при публикации «Привычного дела» в журнале «Север» поставил «*продолжение следует»,* а никакого продолжения он и не предполагал.

По наводке С.П. прочел несколько рассказов английского писателя Джулиана Барнса из книги «По ту сторону Ла-Манша». Восхитило свободное фантазирование. Буду читать дальше, мне это близко, но так писать не умею, хотя хочу. Здесь виртуозная работа со смыслами, надо постоянно читать именно западную литературу, свою-то я просматриваю, рано или поздно все лучшее попадает мне в руки. Готовлюсь читать Кантора, но сначала надо закончить роман. Потом — новый долг, научная работа по кафедре, пособие.

1 октября

1 октября, воскресенье. Абсолютно точно установилась моя технология подготовки к семинару. Если тексты учеников не самые большие, то надо их читать не в среду, четверг или пятницу, а начинать в субботу, воскресенье. До этого ты их рассматриваешь, предвкушаешь, вспоминаешь студента и — «предвидишь». Это как бы расчистка и активизация главного твоего оружия — подсознания. Почему тексты надо читать в субботу и воскресенье? Они лучше запомнятся, усвоятся, так полное знание их можно донести до вторника. Потом, когда тексты прочитаны, два дня продолжается другая работа: как лучше все скомпоновать, какие еще привлечь к семинару материалы, что рассказать, что вспомнить.

Утром заканчивал вперемешку читать Барнса и работы двух своих студентов, Андрея Колногорова и Веры Матвеевой. Рассказы Андрея читал и раньше — их хоть сейчас ставь на диплом. Первый в подборке называется «Паровоз Платонова». Здесь, как и у Каротеева, точное указание на привязанность, на стилистику, хотя содержание шире — вплоть до мистики. Это, если за годы учебы не сопьется, будущий классик. У Веры, которая учится не на бюджете, положение более сложное: есть какая-та социальность, напор, есть точные наблюдения, ирония, но весь текст неровен и очень разбалансирован, а главное — пока не наработан вкус, а природного, от рождения родители не наградили. Ее рассказ называется «Папина дочка». На первом семинаре, когда все знакомились друг с другом, она сказала, что дочь богатых родителей, но вроде бы сейчас уже не таких богатых. Возможно, рассказ, написан по автобиографическим ходам, ситуация там похожая. Не забыть бы на занятия принести выписки о мате.

Утром же почти закончил Барнса. Как это справедливо: литература должна быть увлекательной. Я даже не могу понять, почему с такой жадностью, как корова весной свежие цветочки, я проглатываю эти тексты. С.П. правильно заметил, что по взгляду на жизнь, по творческой манере это похоже на мое писание. Здесь тоже в расход идет все, что попадается на глаза и давно продумано. Но Барнс, конечно, изящнее, филологичнее, он пишет средний класс, жизнь устоявшуюся и полную привычных культурных стереотипов. Тем не менее, по моей теме вытащил одно соображение.

«Да-да, так вернее: жизнь склоняется, идет под уклон… А тут брезжит еще одно значеие: уклонятся, ускользать. «Теперь я вижу,

что всегда боялся жизни», однажды прзнлся Флобер. Свойственно ли это всем писателям? И является ли обязательным условием: то есть, чтобы стать пиателем, нужно в определенном смыле уклоняться от жизни? Или так: человек ровно в той мере писатель, в какой он способен уклоняться от жизни?»

Это невероятно справедливо. Вот почему хорошо быть богатым. Иметь, как у Пруста, родителей фабрикантов, как Толстой владеть Ясной Поляной, располагать, как многие из детей, какими-нибудь сотками в Пределкино, или начинать с драматургической макулатуры.

Вечером досматривал «Парфюмера», все время думая: какие же в этом сочинении есть литературные достоинства? Первую половину этого разрекламированного фильма я видел еще на даче. Отношение сложное, фильм — нечто между умным и коммерческим. Меня, как всегда, захватывает эпоха, технология приготовления духов и пр. Философия же лежит не очень глубоко. Когда много лет назад я читал роман в «Иностранке», он мне не показался шедевром. С.П. говорит, что роман изумительный. Перечитаю, если не забуду.

В мой почтовый ящик Ашот положил вырезку из «Коммерсанта» — интервью американского писателя Джона Ирвинга. Здесь кусочек темы, интересующей меня — художественная и документальная литература сегодня.

«— Вы не раз утверждали, что самое ценное в ваших романах — это то, что является плодом вашего воображения. А ведь очень многие писатели сегодня насыщают свои книги реальными событиями и узнаваемыми персонажами.

— Никто не отрицает, что события собственной биографии — источник вдохновения любого мастера. Но сегодня они из источника превратились в материал и перекочевывают в книги практически непереработанными. Возможно, это явление стало массовым потому, что теперь огромное количество журналистов взялись писать романы, а единственный доступный им вид прозы — это нон-фикшн. Ведь это совсем не просто — взять и выдумать из головы огромное количество персонажей и событий. Кроме того сейчас на книжный рынок выплеснулось огромное количество мемуаров, и средства массовой информации набросились на них с каким-то нездоровым интересом. Дело не в каком-то особом интересе сегодняшних авторов к описаниям реальных событий, дело в том, что сегодняшнее медиа с неестественной силой увлечены деталями жизни частных людей».

2 октября, понедельник. Осуществилась мечта идиота! Сегодня вывел свои книги, стоящие в коридоре на закрытых стеллажах, из заточения. Все лето раздумывал, торговался и,

наконец, неделю назад решился: заказал новые стеклянные раздвигающиеся двери. Стоит это, на мой счет, баснословных денег, чуть ли не три тысячи долларов. Рабочие на руках подняли тяжелые стеклянные панели на пятый этаж. Постепенно прихожая преображалась. Что может быть красивее и наряднее книг. Это, кроме того, живые и естественные декорации нашего существования. Но книги, спрятанные в шкафах, книги, которые не на виду, корешки которых не попадают ежеминутно в поле зрения — это неработающие книги. Потом я вообще люблю атмосферу стройки, созидание, возникновение из деталей нового. Получилось замечательно, теперь осталось все расставить по некоторому порядку. Как я в нем разбираюсь. Но это, видимо, довольно обычная черта поведения работающего со словом и мыслью человека. Дальше приведу цитату. Оправданность ее заключается лишь в том, что отыскал я ее сегодня, пока двое пожилых рабочих трудились в квартире. Но какой у них был инструмент!

Собственно, за письменный стол я сел еще утром. Две причины: во-первых, дневник, а во-вторых, я теперь, не в пример прежним годам, больше готовлюсь к семинарам. Дневник всегда дополняется за предыдущий день, вписываются цитаты, уточняются формулировки, а что касается семинара, то у меня перед глазами стоит целая не разобранная коробка с цитатами. Эту цитату, повинуясь какому-то внутреннему голосу, я выписал из Фаулза. «Кротовые норы» я читал по совету Нины Павловны. Сейчас, встретившись с цитатой о книгах, думаю, что хорошо бы кое-что добавить во «Власть слова» или в ту новую книгу, которую обязательно напишу для «Дрофы».

«Всю жизнь я собирают старые книги, и теперь они могли бы составить небольшую библиотеку. Запомнить, где что находится, выше моих сил, хотя каким-то загадочным образом я прекрасно помню обо всем, что у меня где-то имеется. Мне надо бы ввести какую-то разумную систему, чтобы беспрепятственно подходить к нужной полке в нужном случае, вместо того чтобы заниматься частыми и раздражающе бесплодными поисками».

Я полагаю, что мои новые шкафы это тоже попытка найти систему, но знаю, что все останется по-прежнему. На столе гора бумаг и стопки книг — чтобы все было на глазах, газеты на кресле, работы учеников на диване, где раньше жила собака. Дня не проходит, чтобы я о собаке не вспомнил.

Вечером передали о прекращении почтового, воздушного и железнодорожного сообщения с Грузией. В «Труде» вчера была заметка об одиннадцати ворах в законе, которые недавно

собирались на сходку в Москве. Однако уже сегодня утром, наших военных, сидящих в Тбилисском узилище, отпустили. Все наши политические деятели выступили, оговорившись, что все они любят грузинский народ. Я тоже абстрактно люблю грузинский народ. Но я ненавижу чванливых молодых грузин, которые, ковыряя в зубах, рассматривают как надоевшую добычу русских женщин на пляжах, которые пренебрежительно разговаривают со слабыми на улицах, которые наглы и беззастенчивы на базарах.

3 октября, вторник. Просто хоть не приезжай в институт, обязательно случится какая-нибудь гадость. Тарасов собирается в Италию на некую-то конференцию, связанную то ли с языком, то ли с литературой. Еще в прошлый вторник встретил Евг. Солоновича во дворе. Но только теперь понял, его как бы извиняющуюся интонацию, тогда я деталей не знал. Вот, дескать, едем в Италию уже без вас. Интонация была правильная, потому что все, связанное с итальянским языком, с итальянскими связями, начинал именно я. И Евг. Мих. это прекрасно и отчетливо понимал. Его слова я тогда пропустил мимо ушей, даже как бы успокоил Солоновича: едут вдвоем с ректором, это естественно и нормально. Но оказалось, что Тарасов берет с собою еще Варламова и Королева. Его сокровенные желания мне понятны, как понятно, чего он хотел бы в будущем. Притом я знаю, что этого, при всей ловкости, не получится, — не хватит внутреннего потенциала и не тот жанр. Почувствовал себя уязвленным, в сознании замаячило легкое словцо «непорядочность». Догадываюсь, заложником каких сил и обещаний стал уважаемый БНТ. И печатая, если это случится, эту часть дневника я и не подумаю сделать купюры. Ни с кем я не хочу воевать, но никого и не стану щадить, спасая чужую репутацию.

В пятницу, как мне рассказали, но я и об это знал, состоялось чествование наверху в зале защиты дипломных работ В.П. Смирнова. По этому поводу Литгазета дала крошечную заметочку, в которой перечислены все заслуги дорогого профессора. Чувствуется, что натягивали, как только могли. Я бы об этом и не вспомнил, если бы утром в понедельник Надежда Васильевна не потребовала, чтобы я вписал все, связанное с моей общественной и научно-исследовательной работой за год в мой листок нагрузки. Это требуют от всех работников кафедры. Я сначала растерялся и чего-то написал о защищенной диссертации, но потом, когда взял листок Галины Ивановны Седых, понял, как надо писать о себе.

Но к дню рождения В.П. Наибольшей сенсацией было появление Гали Низовой и Вас. Вас. Калугина. Их встретили

аплодисментами. Калугин, конечно, никогда не узнает, что несколько лет назад, когда уезжал за границу Сиромаха, я уже предлагал взять его к нам на работу, однако все наши «соротники» по кафедре запротивились: «Вы-то, Сергей Николаевич, со своей добротой его простили, а мы простить его не можем». У В.П. кто-то провокационно спросил, пригласил ли он С.Н. На что В.П. с присущей ему рисовкой ответил: «Приглашены только мои друзья». Здесь же был и Е.Ю.Сидоров, которого В.П. так мило во время моих выборов называл Сидорини. Лев Иванович на этот день рождения не пришел. После нашего с ним разговора?

До начала семинара успел съездить в резиденцию посла Германии на прием по случаю дня Воссоединения. Приехал рано, но залы уже были полны. Грустно втал возле камина, ожидая только одного человека, ради которого и приехал. Думал, что она уже и не появится, но вдруг она появилась. Так хорошо, но маловато поговорили, зато вместе пошли поесть в шатер, в сад. В посольстве Германии все же лучшая в Москве кормежка.

Здесь отвлекусь и вспомню, что я за этот день ел. Утром пришла бабушка Кати Поляковой и принесла горячую пиццу, которую уложила на стол Н.В., и мне — цветы. (Тем не менее, и несмотря ни на что, я сказал, что никакого диплома у девочки не будет, пока она не обсудится на семинаре. Диплом это особая вещь, особое состояние студента и никакие отличные оценки по другим предметам здесь не помогут.) Итак, была съедена, вернее попробована ***пицца***. Но до этого еще дома, ***фасоль с помидорами и луком*** и ***пшенная каша***. (Не повторяю ли я здесь гастрономию и стилистику романа Мердок «Море, море»?) Потом с двумя сумками еды и напитков пришел Толя Королев: он решил обмыть свою премию. Спросил меня, не с моей ли подачи БНТ посылает его в Италию, я сказал, что нет. Свою реплику о других институтских претендентах на премию я пропускаю. Из Толиной корзинки я съел два кусочка ***пахлавы***.

Теперь пора возвратиться в шатер, где поят белым и красным вином и замечательным немецким пивом. Последнее не по моей части, потому что впереди у меня семинар. На моей тарелке оказались две ***жареные сосиски***, большой ломоть замечательного ***колбасного фарша***, большой кусок горячего***свиного окорока***, который тут же, задрав корочку, нарезал умелец-повар. Особые слова надо сказать о замечательной негорькой ***горчице***.

За разговорами о смысле жизни и новых работах у каждого, мы это съели. Мелькали какие-то знакомые и смутно знакомые люди. Пробежал мимо с искательным выражением лица, полной тарелкой и большим стаканом пива наш, по болезни находящийся

в отпуске, преподаватель Анатолий Игнатьевич Приставкин. Ему, старому пенсионеру, как и мне, надо поддерживать отношения. Понимаю.

Чтобы не касаться темы романа Мердок, вспомню: вечером, заехав после семинара к Юре Авдееву, съел несколько долек ***шоколада***, две порции ***чечевицы с луком***, поджаренным на ***сливочном масле***, большой кусок ***макового торта***, — ел такой впервые в жизни, — и выпил большую бульонную чашку ***красного чая***. Приехав, домой в десять часов съел еще и два сочный ломоть куска ***арбуза***.

Особе слово следует сказать о двух порциях десерта.

После того, как мы с Нэлей Васильевной закусили свиной ногой, а времени до начала моего семинара уже оставалось совсем немного, мы поднялись в большой парадный зал, где еще раньше я приметил стол с потрясающими немецкими десертами. ***Крем с тонким, как папиросная бумага, кусочком груши,*** — это восторг! Что, чего описывать — это неописуемое, да интересно читать, — интересно *попробовать*! С большим аппетитом опустошил вазочку с этим кремом и даже, признаюсь, две съел.

Поднимаясь в зал, как раз возле стола с десертом, встретили мы двоих — знаменитого политика Александра Шохина и моего почти коллегу — заместителя министра культуры Анатолия Назирова. Я представил им Нэлю Васильевну как знаменитого философа — это не комплиментарно, это справедливо, и мы о чем-то светски поболтали. И вот на какую-то реплику Шохина, кажется, он сказал, что был рад познакомиться, Нэли Васильевна вдруг ясно, холодно и определенно ответила: так уж и рад, вы даже не взглянули на меня, потому что я вам не нужна. Как-то эта ситуация затерлась, мы разошлись и уже за кремом, к которому мы приступили, она призналась, что давно хотела сказать это кому-нибудь из наших чиновников. Подвернулся Шохин. Потом она спросила: вы заметили, когда вас встречал посол, он глядел на вас, смотрел вам в глаза?..

Семинар прошел хорошо, Из цитат, которые я постоянно извлекаю из своего собрания, опять прочел из Фаулза: «Не знаю, что хуже — обладать словом и иметь идеи или наоборот. Думаю, все-таки первое хуже».

4 октября, среда. Традиционный день здоровья: утро посвятил бане. В три часа, на минуточку забежав домой, пошел к П.А.Николаеву. Он в это время занимается со студентами, а я всегда хотел у кого-нибудь поучиться. Да и не был у него с начала лета, соскучился, а потом могло создаться впечатление, будто захожу, лишь когда мне что-нибудь надо. У Николаева сидел один паренек, который пишет диссертацию на тему — западная

рефлексия в романах Тургенева. Стали говорить, такое невероятное удовольствие и от чужих мыслей и от того, когда в столкновении, возникают собственные. Это такое удовольствие — чистый мыслительный процесс. Тургенев — первый знаменитый на западе русский писатель. Говорили о двойственности положения: где писатель, где агент русского государства? С одной стороны эстет и романтик, влюбленный в оперную примадонну, с другой — аналитик общественного мнения.

Умерла Наталья Шахалова, директор Литературного музея, мне Ашот положил в почтовый ящик некролог из «Коммерсанта». Я знал ее, энергичная и решительная. Оказывается, она была одной из ближайших подруг П.А… Я стал для него вестником ее смерти. П.А. рассказал поразительную историю, как, будучи студентом и когда у него родился сын, искал для него молоко. Я подумал, что надо бы завести папочку с рассказами П.А., но у меня столько планов и так мало сил.

Ира накормила обедом, меня радует, что она немножко помолодела.

Самое значительное в этом дне — это некий рейд по московской грузинской мафии. Об этом передало телевидение. Я невольно вспомнил об одном моем знакомом писателе грузине, у которого я был в гостях. Уверен, хотя бы — надеюсь, что его бизнес абсолютно чистый. Пресса, как будто бы ей кто-то снял повязку со рта, вдруг заговорила о большом числе воров в законе — выходцев из Грузии, о невероятном количестве грузин, проживающих в Москве, о грузинском землячестве. Землячество посмотрели, его помещение превращено в общежитие: грязь, койки впритык, немытая посуда. Все это в центре Москвы. Из семидесяти тысяч грузин, недавно прибывших в Россию, зарегистрировано, а значит, платят налоги, только 20. Но самое интересное, это закрытие знаменитого огромного казино «Голден палас» в центре Москвы у Белорусского вокзала. Показали десант ОМОНа, рассказали об отсутствии необходимых бумаг, разрешений. Практически очень крупное московское государственное воровство. Здесь есть масса возможностей порассуждать, но такого быть не могло бы, если бы этого в свое время не захотела власть — и московская, и центральная.

5 октября, четверг. Все утро мужественно сидел дома и работал над романом. С одной стороны не могу писать, пока нет выхоженного и увиденного эпизода; с другой, уже за столом нападает ворох слов, и они сами начинают строиться, дополняя и уточняя ранее придуманное. Что мука и вода, а что дрожжи — не знаю. В предыдущую придумку с клоунами пришлось укладывать еще и пантомиму. Но, наверное, если бы не было сильнейшего

раздражения с поездкой в Италию, я бы так ловко этого эпизода не закончил. В три часа пошел в большое путешествие по магазинам в поисках ботинок. Обошел весь Ленинский и побывал в «Москве». Если сравнить с советским временем — то народа мало, но товара, и дорогого, и хорошего, значительно больше. Хотел присмотреть себе какой-нибудь костюм, но даже среди дорогих ничего для меня подходящего так и не нашел.

Часов с четырех принялся читать проект дипломной работы Жени Ильина, которого я люблю и которому симпатизирую. Первый рассказ — замечательный «Гагарин», с которым он поступал. Потом — много, и не хуже по стилю, по языку и доброте отношения к людям, но без так волнующего меня социального замеса. Было видно, как с совершенствованием языка пропадает внимание к человеку и писатель сосредотачивается на себе. Даже талантливо писать дачу, любовь, юность, летние ночи и костры, печаль, первые звезды легче, по себе знаю, чем существующую вокруг нас жизнь. В каком-то смысле, несмотря на мою к нему любовь, Женя меня разочаровал. Я всегда держал его рядом с таким же милым балбесом, как Игорь Каверин. Они, кстати, оба футболисты и прекрасно бьют по мячу. Но здесь, похоже, Женя проиграл. Много думал о структуре будущего диплома, что располагать и как все переделывать, материал-то есть.

Похоже, русскому народу надо до земли поклониться Михаилу Саакашвили. Он довел ситуацию до предела и, видимо, очень сильно уязвил лично Путина, вот и начались грузинские проверки. Встречаются поразительные дела, непонятно только, каким образом все это, мирно существуя, много лет, вдруг в одночасье вскрывается. Находятся приличествующие обстоятельства, находится даже воля что-то узнать и решить.

Будто бы внезапно у власти открылись глаза. Уже не только грузины и их казино, Путин заговорил о рынках, куда обычный производитель не пробьется, все скуплено, все приносит доход криминальным хозяевам. Президентом было даже произнесено даже слово «беспредел». Но Путин ли это говорит, отвлекшись от своих блистательных международных дел, или близкие выборы?

Давно с таким интересом не смотрел «Культурную революцию». О презумпции невиновности, нужна ли она в наше время. Спорили адвокат Астахов и писатель Веллер. Это был тот редкий случай, когда мне нравилась аргументация обоих спорщиков и ни один из них меня не раздражал. Веллер говорил о народе, как творце закона. Примеры приблизительно такие: все знают, кто жулик и взять его не могут. Говорил о нашем суде, неправом по своей сути, о возможности богатого запутать в суде

бедного. Астахов был академичен и мил. Насколько Астахов *искренне* и глубже, чем адвокат Кучерена, который не слазит с телеэкрана. «Социальная опасность исходит сегодня от тех, в чьих руках закон» — Веллер о власти. Нашей. С ним, естественно, не могли согласиться Э.Тополь, Т.Сотникова, М.Арбатова.

Во время заседания РАО звонил из Ленинграда Некрасов, директор Державинского и Пушкинского музеев, приглашал приехать на литературный вечер, о котором с ним договаривались. Я и Максим; я согласился.

6 октября, пятница. Из дома уехал, еще не было девяти. Теперь у меня два семинара и пятницу я сделал присутственным днем. Мелкие дела по кафедре, телефоны. В отпуск ушел ректор и, значит, никого на работ нет. Единственное утешение: появился специально приехал для меня Максим, который еще не отгулял отпуск, и перевел в компьютерную версию несколько страниц дневника и надиктованный мною ранее текст о «Женитьбе Белугина». Вечером, уже дома, я эти тексты упрятал в дневник.

Днем тихо и мирно прошло заседание президиума Авторского Совета в РАО. Были: Эшпай, Антонов, Слободкин, Матецкий, Пахмутова, Вера Федотова, В. Вольский, А.Клевицкий, … Еще больше, чем присутствующих, было доверенностей. Ощущение, что кто-то все время боится переворота и запасается «союзными» голосами. Это все проходит мимо меня, я только фиксирую. Расклад доверенностей очень занятен и выявляет или «дающую руку», или «лагерь». Неизменно Миша Рощин дает доверенность Вере Федотовой, Бриль — Паше Слободкину, Макаревич — Матецкому.

Главный вопрос — дом, из которого разные силы стараются Общество выселить. Самое важное здесь — «строительное пятно». Если дом снести и на его месте построить высоточку или торговый центр, то деньги получатся огромные. Россия помешалась на деньгах, мне кажется, такого цинизма нет даже в Америке. Судя по тому, что говорилось С.С. Федотовым, наш председатель правления сделал здесь многое. Сумели даже через Примакова передать Путину письмо. Ничего кардинального, правда, не добились. Цель единственная: заставить Минимущество передать здание в оперативное управление. Пока, правда, торги, которыми грозились, отодвинуты до 1-го декабря. Чиновник силен и талантливо во имя собственной выгоды пренебрегает не только общегосударственными интересами, но и волей начальства. Мне-то подобное знакомо, я тоже с энтузиазмом в свое время писал письма всем вплоть до Путина. Правда, уповал больше на почту.

По этому вопросу: что делать дальше? — долго говорили.

Мнения были разные, но все крутилось вокруг какого-то мистического и для России, и для русской литературы письма наверх. Письмо, кажется, придется писать мне вместе с Федотовым. Будет ли это открытое письмо общественности или открыто письмо Фрадкову, пока неизвестно. Дело нехитрое — напишем несколько вариантов, я уже думаю. Остальные вопросы были не так существенны.

Вел собрание А.Эшпай. Практически он передоверил процедуру Федотову. Последний был и докладчиком по всем вопросам. С.С. Федотов за последнее время сильно вырос. Речь его внятна, точна, продуманна. Он стал производить впечатление серьезного молодого специалиста, каковым и является, а не молодого человека, делающего стремительную карьеру. Он для меня некий образец современного молодого человека.

В четыре начал семинар.

7 октября, суббота. Я, как старая собака, стараюсь все время прилечь, затаится, превозмогаю себя, все жду, что станет полегче. Но лучше не станет, ни молодость, ни выносливость, ни силы не вернутся. Уехал из Москвы где-то в одиннадцатом часу. Сначала Витя вернулся из института, потом приехал с работы Серега. Подсадили по дороге С.П. с полной сумкой продуктов. Витя — за рулем, он ведет осторожно, уверенно и быстро. Как всегда по пути, заехали в «Перекресток», купили запасы на неделю. Магазин, несмотря на ночную пору, полон. Ощущение богатого равенства и раскрепощённости. Приехали в Обнинск около часа ночи, ужинали, потом ребята принялись смотреть в большой комнате фильмы, а я ушел в свою маленькую и быстро заснул.

Утром все как обычно: компьютер, собирал яблоки, копал морковку, вырыл немножко свеклы. Такая тьма работы, что я даже не могу опомниться. Надо еще читать работы на семинар.

8 октября, воскресенье. Утром, на свежую голову, читал рассказы Андрея Ковалева, нашего замечательного семинарского ирониста, чьи концертные выступления на семинарах мне так нравятся. Имеет оказывается, право, этот острый мальчик и понасмешничать над чужой прозой и поиронизировать. Его первый рассказ «Филипп» о городском дворнике вполне мог бы существовать в дипломной работе этого года. Старый влюбленный в молодую женщину дворник. Потом пошли истории про беспризорников. Сначала про некоего «необыкновенного мальчика» Витю, которого нашли в коробке и усыновили граждане Италии. Не «необыкновенный» оказался мальчик. Это о генетике. Потом о мальчике Вадике, который сбежал от папы и мамы и теперь, когда иногда возвращается в семью «на побывку», дружит только со своею крошечной, недавно родившейся сестрой.

Это об отчуждении от семьи. Потом о Вике и Юре. Вика выдумала историю, будто она дочь очень богатых родителей, и что теперь с этой историей делать, не знает. Потом в подборке Андрея Ковалев идет серия из «пачек писем». «Пачка первая» — это история революция глазами «белых», письма из окопов в Париж и пр. И «Пачка вторая» — это переписка двух евреев из местечка, тоже революция. И белые и красные — все хороши. Как же молодые помешаны на истории! Это в наше время, по нашим учебникам она была как железная дорога Москва-Ленинград, без зигзагов и поворотов, по линейке, как ее начертал Николай Павлович, император. Так вот дальше у Андрюши рассказик «Здравствуй, бессонница!». Это сегодняшняя деревенская география, увиденная через пруд, в котором в 41-м утонула, провалившись под лед, рота немецких солдат. Потом описания еще двух прудов, двух кладбищ — и везде своя история. Потом идет «Сочинение ко дню защитника отечества» — инвалиды, старость, нищета. «В семье Матвея и Варвары не было телевизора, и поэтому не слышали они ни поздравлений президента, ни бравурных речей, произносимых с эстрады министром обороны и придворными генералами». Вот такая пошла молодежь.

Утром доправил и дописал статью про премьеру во МХАТе на Тверском — как всегда у меня, это о Татьяне Васильевне. Ничего с собой поделать не могу. Служу и восхищаюсь.

Вечером ездил в кинотеатр «Ролан» на Чистых прудах. Там смотрел фильм «Иллюзионист» — о фокуснике и маге, родившемся в еврейском местечке. Все очень мило и романтично, в духе времени, с историей, с показом Вены, императорского двора. Крепко завязанная интрига, которая вдруг разрешается очень неожиданно: фокусник-еврей всех обвел вокруг пальца. И не понятно — в назидание зрителям, или как порицание фокусников? Думаю.

9 октября, понедельник. Все утро звонил Федотову — когда примемся за открытое письмо президенту? Не дозвонился. Боролся с возникшим нездоровьем — пил терафлю, надел теплые носки. Потом принялся читать своего студента Марка Максимова ***(?)***. Начал с фантастического рассказа. Сначала мне показалось, что это такое же легкое письмо, как у Юры Глазова, но все не так просто. Марк пишет фантастику — скорее фантастическую антиутопию. Земля захвачена какими-то существами, новой породой людей, похожих на нацболов. От Юры Марка отличает напряженность местами оригинальной мысли. Правда, хочет он все сразу: и чтобы содержание было новым и язык необыкновенным. Рассказ называется «Мотыльковый шар». Дальше немного хуже, мешает стремление наскоро разобраться в

русском патриотизме, в русской жизни, которая всегда у тонкого юноши вызывает сомнения и нарекания. С Юрой Глазовым я соединяю Марка не случайно. Мешает им обоим эта общность взглядов, идущая, видимо, от генетики. Юра на первых курсах тоже хотел захватить все и во всех жанрах.

Думаю о письме президенту, которое мне поручили написать на правлении РАО. Исхожу из того, что его должны подписать первые лица нашего искусства: Вишневская, Спиваков, Петров, Табаков, Григорович. Коллективная психология.

10 октября, вторник. Распорядок сложился давно: во вторник стараюсь приезжать на работу до 10 утра: на кафедре это горячий день, надо поговорить с одним-другим, ведь для любого руководителя (это я знаю еще по работе на радио) главное — общение с людьми, только так можно создать ту человеческо-этическую однородность, которая называется коллективом. Как всегда, ревностно (что скрывать — я отдал институту 25 лет жизни) наблюдаю за тем, что происходит. Министерство выделило нам три миллиона рублей. На них шикарно отремонтировали кабинет для декана — научного секретаря, а теперь наводят королевский блеск в бухгалтерии. Я бы, конечно, поступил по-другому и деньги не распылял, потому что знаю: не в порядке крыша на центральном здании, не в порядке крыша заочки, практически вышла из строя тепловая система коммуникаций. В этом году, когда летом промывали батареи, вода из них еле текла. Но ход мыслей радетелей за такой вид хозяйствования мне понятен, Привыкаю относиться к этому отстраненно и даже не впускать это в сознание, но жизнь подбрасывает все новые и новые факты. Думаю, Б.Н.Т. зря поддался на уговоры своего шофера и затонировал стекла своей новой машины. Деньги, конечно, небольшие, но слухов может вызвать много, и не лучших. Обычно так тонируют стекла или очень крупные начальники или бандюки.

В половине второго, как и всегда, состоялся семинар. Вообще день был поразительно длинным и тяжелым. Обсуждали Андрея Ковалева и Марка Семенова. Интересно сказал Карелин, что, дескать, наш Марк похож на Юру Глазова — из моего же семинара пятикурсников. Не ожидал, что в своей подборке, а там, как я уже писал, большой рассказ и много мелких материалов, Марк займется проблемой нацболов. Я думаю, что это — общественный психоз определенной части публики, они не могут не напоминать о себе, и напрасно. А у Марка еще желание подавать любое свое высказывание как высказывание классика. Но классика освящена не только формулой письма, но и его именем.

К 6 часам, предварительно сговорившись с СП., поехали к Н.П. Михальской. Недавно у нее был день рождения, и, по-моему, в любом возрасте, надо его отметить. Это мой оппонент, мой второй руководитель, человек, инициировавший мою научную работу; а эта работа, в свою очередь, раскрепостила меня в институте; у меня поубавился традиционный пиетет к нашей профессуре. Да и профессура, может быть, помельчала! По крайней мере, могу сказать: ребята, я ведь теперь тоже умею работать по-вашему, а вот умеете ли вы работать так, как работаю я? Мысль ясна, и нечего о ней трезвонить.

Нина Павловна уступила прежнюю квартиру, где я бывал, внуку, и переселилась на первый или второй этаж. Здесь сразу становится ясно: интеллигенция живет с единственной претензией — быть интеллигенцией и делать то, что хочет. В каждом уголке, в каждом предмете отражена история и собственная жизнь. И понимаешь вдруг, насколько эти старые шкафы, столы, тумбочки, этажерки, сохранившиеся от шквала времени, лучше, красивее, нарядней современной позолоченой мебельной мишуры.

Другой внук Н.П., в квартире которого она сейчас живет, — биолог. Над шкафом отгорожен вольер, где иногда обитают какие-то тропические птицы; есть аквариум; говорящий по-русски и по-английски попугай живет на кухне. Все эти непередаваемые детали московского быта носят название жизни внутренней.

Мы замечательно посидели у стола. Пришла Анна Константиновна, разложила салфетки, поставила чашки, и обычный московский ужин стал парадным — будто вернулось старинное, довоенное время: сыр, ветчина, крепкий чай, замечательно! Меня поразил учебник английской литературы, новое издание которого показала Н.П… Я позавидовал английско-русской филологии: как всё точно, определенно и ясно. Ну, хорошо, теперь (возвращаюсь к учебнику Нины Павловны): древние времена, XIX век, все уже отстоялось; но ведь и русская филология отфильтровала собственное сознание, выявила приоритеты и выделила XX век. В английской литературе XX век кончается Питером Акройдом, и этому можно позавидовать. Но кем заканчивается XX век русской литературы? Сорокиным, Искандером, Шишкиным, Лимоновым или Поляковым?

Поговорили о новой книге Нины Павловны, которую нужно обязательно сделать. Если мне не удастся убедить «Дрофу» открыть серию и напечатать «профессорские мемуары», придется издавать за собственный счет.

На этом день не закончился. Машину я оставил в институте, и когда мы шли с СП. к метро, как всегда последнее время при

ходьбе заболела левая рука и под лопаткой. С.П. поехал домой, потому что коммерческая жизнь это коммерческая жизнь: вставать надо рано, опаздывать нельзя, это не наша академическая вольница, хотя и свободный американский университет. Взяв в институте машину, поехал на Чистые пруды в кинотеатр «Ролан», там премьера нового фильма Александра Сокурова «Элегия. Вишневская. Ростропович».

У меня всегда было сложное отношение к Вишневской и Растроповичу. Я не мог понять их ненависть к Советскому Союзу, к той эпохе. Но за последнее время что-то стало меняться. Что же делать? Случившееся не отменишь, да и возвращать прошлое не надо, я уже не хотел бы жить в то время. Надо совершенствовать свое время, а что случилось — то случилось. Это не заговор, а движение истории, недоработки предыдущего режима.

На премьере Вишневскую встретили аплодисментами. Но ожидаемой толпы не было, несмотря на присутствие Сокурова. Я вообще не знаю — на что можно поднять московскую публику — на «Мадонну» она не поднялась, в театр на серьезные вещи она не ходит… Были свободные места.

Фильм построен как интервью двух мировых звезд Сокурову. Потом его комментарий. Иногда комментарий не проходит. Среди прочего показали золотую свадьбу Ростроповича и Вишневской. Огромный зал ресторана Метрополь, столы, заваленные ландышами. Сколько же здесь было ландышей! Наверное, оборвали все Подмосковье. Официанты в белых камзолах. За круглым центральным столом короли, несколько принцев, министр культуры. Ну что же — такой итог жизни, до некоторой степени публичной, умение распорядиться талантом и богатством, которое принес талант. Показали трехэтажный дом в Петербурге, собственно там, среди золота и картин происходит основное действие. Нашему народу, привыкшему к бескорыстию искусства, понять это будет трудно. Зачем людям, плывущим всю жизнь в мире прекрасных идей и прекрасных звуков, это нужно? Ну, а зачем мне нужно все время перестраивать дачу и копать огород?

11 октября, среда. Свой роман я будто высекаю из камня, видимо, мне уже скучно, нужен все больший и больший крен в чистую литературу. Вот уже с некими героинями добрался до деканата… даю Шекспировские имена: Гонерилья, Регана. Практически, осталось две сцены: дотянуть до аудитории и показать защиту, процесс защиты. Я опять думаю о спасительной задержке письма. Вот уже появилась мысль о разнице художественного и научного темперамента. Даст Бог, может быть, всё и получится. Утром читал только что вышедший в «Русском

колоколе» свой Дневник, а к трем часам пошел на семинар к академику. Такая тоска бывает оттого, что ты как бы самодостаточен и никому не нужен, даже книги порой не добавляют нового и оригинального знания. И такая радость, что в 70 лет ты можешь чему-нибудь научиться! Пётр Алексеевич говорит уже не так легко и свободно, как раньше, но мысль держит как железный солдат, четко и ясно. Казалось бы, много знакомого, привычного, из учебника, но всё это обрастает поразительными добавлениями и цитированием. Академик, по-моему, знает наизусть почти всю поэзию xx века. Проблема языка, науки и проблема литературы — это еще и проблема художественной функции, где эта функция начинает хромать, нужно снова искать баланс художественного и информационного. Я последнее время много думал о многословии как о некоем существенном признаке литературного текста. Но, оказывается, не только я об этом думал: как скрывают лишние слова суть потайного естества, царицу нитку: «и Винокуров нам давно сказал, что лишнее дано, необходимо даже!» Слава тебе, старый профессор, что ты нам об этом напомнил. Вот это «лишнее» и сидит во мне, как заноза.

Традиционно профессор покормил обедом.

Читаю Рейнольдса, про Чехова. Как много, оказывается, у Чехова возникло в детстве, например, этот жесткий Лопахин в «Вишневом саду». Я подозревал, что у Чехова было трудное детство, но оно было и чрезвычайно самостоятельное. Отец Дзержинского преподавал у Чехова в гимназии. Мир определенно закруглен.

Пришла, как обычно по средам Литературка. После смешной заметочки о В.П. Смирнове я стал тщательнее смотреть колонку с новостями. И не ошибся.

17 октября исполняется 75 лет Анатолию Игнатьевичу Приставкину — известному писателю и общественному деятелю, в недавние времена председателю Комиссии по помилованиям. По его представлениям было помиловано немало осуждённых. Творческая деятельность литератора началась в Сибири, откуда в середине 70-х Анатолий Приставкин перебрался в Москву. Его творчество было посвящено рабочему классу, великим свершениям социализма, а в годы перестройки получила известность повесть писателя «Ночевала тучка золотая», рассказывающая о различных эпизодах депортации чеченского народа. Повесть была написана с модных тогда перестроечных позиций. За это произведение писатель был удостоен в 1988 году Государственной премии СССР. Сегодняшняя деятельность писателя вызывает интерес не только общественности, но и

коллег. Стал широко известен роман Андрея Мальгина «Советник президента», прототипом героя которого, очевидно, стал сегодняшний юбиляр. Одним словом, поздравляем!

12 октября, четверг. С утра на работе. Написал по просьбе РАО письмо Путину и вспомнил, что совсем перестал думать о книге про то, как писать письма. С.С. Федотова на работе не было, он болеет. Поговорили с Верой Владимировной, попоила она меня чаем и очень похвалила. Да я и сам знаю, что письмо получилось Здесь главное — найти интонацию, четко знать, о чем просишь и как начальнику выполнить творю просьбу. Ты должен обязательно подсказать не только резолюцию, но и глубинный мотив любого решения. Что касается книги, то она может получиться только при одном условии: если я и Екатерина Яковлевна будем здоровы, потому что без нее мне с этим не справиться: именно в диктовке ко мне приходят мысли, появляется «бред разума» который в литературе только и стоит чего-то.

Не успел вернуться из РАО, пришел Паша Лукьянов, подарил мне «Знамя» со своими стихами. Вот молодец парень, настоящий писатель, хотя я отчетливо понимаю, что проза у него лучше, но до прозы Лукьянова наши журналы еще не дозрели. Паша уже несколько лет живет в Швейцарии, где занимается своим криогеном. Что-то они в рамках Европейского проекта исследуют, ловят какие-то частицы, для чего магниты охлаждают почти до абсолютного нуля. Паша один из тех людей, для которых занятие искусством, чем бы они в жизни не занимались, естественно и органично. Это продолжение их бытовой и производственной жизни. И все у них получается легко и свободно. Так и бывает с талантливым человеком: все ему в руки идет само.

Получил письмо из Филадельфии от Марка. Он искренне пишет, что его личная жизнь окрепла и оживилась от нашей переписки, а я могу сказать, что и моя тоже! Писать есть смысл только людям, которые готовы тебя выслушать и понять. Он напоминает, что в эти дни минула третья годовщина нашей с ним встречи во Франкфурте, а по ощущениям — я знаком с ним всю жизнь. Может быть, я, как в зеркале, смотрю на этого еврея из Америки. Самое интересное в его письме то, что он уже два месяца работает над книгой, которую назвал «Вокруг евреев». Подзаголовок тоже есть: «Еврейский вопрос в России. Мемуарные и художественные хроники сочувствующих и негодующих». Я понял внутренний ход его повествования — он хочет поместить здесь большое количество цитат по этому вопросу, опыт Солженицына.

Вот что пишет Марк: «Во-первых, я хотел бы поместить Ваш

взгляд на данную проблему, что ни буквы, ни слова, ни запятой в ней отредактировано не будет. Я давно знаком с Вашим творчеством, чтобы не осознавать, что эта тематика остро и глубоко Вас интересует и волнует. Вы о нем написали много и разно, где-то даже упомянули, что у Вас есть специальная лапка с выборками на эту тему. Стало быть, многое уже сказано или есть что сказать. Не могли бы Вы подсказать мне, если, конечно, согласны дать материал, чем можно воспользоваться… Или вот я подсказываю: в книге «Алмазные грани хрустальной розы» есть отдельная главка: «Еврейский вопрос» и «библейские размышления» или во второй книжке «Власти слова» — первоклассное эссе «Праздник жизни и смерти», а может быть, есть и что-то новенькое». К письму приложено страниц 8 или 10 текста. Этот текст прочту лишь после того, как отвечу Марку на письмо, потому что мысли у меня на этот счет новые имеются. Вечером, несмотря на загруженность, придумал в роман крошечную сценку: свидание моего героя с деканом. Это даст мне возможность пристроить одну мысль — теперь уже из Фаулза — об отличии творческого человека от просто умного. Эту мысль в нашем институте надо вколачивать и вколачивать.

Под вечер, перед отъездом домой, ходил пить чай к Евгении Александровне. Был и еще один повод: повидаться с Музой, в которой я после смерти Долли вижу какую-то связь с моей собакой. Может быть, они переговариваются между собою? Сижу, как говорится, пью чай, Муза ласково и вожделенно на меня смотрит. Вдруг входит свежий от дождя Анатолий Дьяченко. Что де во мне сработало? Холодное презрение или наболевшее чувство мести? Я сразу говорю фразу, да так ловко и непринужденно, будто заранее запланировал эту ситуацию. Я говорю: «Толя, ты так много и так упорно пишешь на мня доносы, что позволь, я больше не буду с тобой здороваться». Вечером, когда об этой сцене я рассказал Инне Люциановне Вишневской, она сказала мне: «Я всегда думала, что подобные реплики бывают только в американском кино». Потом она, правда, добавила: как у тебя на это хватило сил? После таких сцен обычно наступает инфаркт. Здесь она, правда, не ошиблась, чувствовал я себя весь вечер просто ужасно. И, главное, никакой к нему злобы…

Дома сразу же принялся читать к завтрашнему семинару текст Анны Морозовой «Время замков». Приготовился к интеллектуальной муке, но текст оказался живой и легкий. Это какой-то своеобразный вид честной и доброй беллетристики. Анна «обрастила» повесть о прогулке двух мальчиков и двух девочек, которую мы читали в прошлом году, новыми подробностями: родители, время; прописала характеры. К ночи, с

промежутками на последние известия по телевизору к ночи все благополучно закончил.

Если можно было бы подумать, что жизнь в этот день прошла у нас в стране без катастроф! Но нет, ошибешься. В Выборге рухнул жилой дом, давно объявленный аварийным, и из-под завалов вытаскивали людей, а в другой глубинке, ближе к Уральскому хребту тепловоз наехал на переезде на школьный автобус.

Саакашвили косвенно препятствует высылке из Москвы грузин — не разрешает посадку наших самолетов в Тбилисском аэропорту. Туда мы бесплатно возим нарушителей паспортного режима. Обратным ходом эти самолеты вывозят наших, оказавшихся в Грузии по тем или внезапным причинам, людей.

13 октября, пятница. Утром полетел на Октябрьское поле в аптеку за лекарством для В.С… Вчера вечером она принесла бесплатный рецепт, я знал, что никуда это дорогое, для нас драгоценное лекарство не денется, но тем не менее сразу поскакал на Октябрьское поле. Сидит во мне это советское: всем не хватит! Утром же открыл бакалаврскую работу Вадика Чуркина. Воткнулся и, как вчера, с работой Ани Морозовой, просто ахнул. Я, конечно, был готов, что тексты у него хорошие, но оказалось, что этот косноязычный старый мальчик еще и вдумчивый литературовед. Читал в метро всю не близкую дорогу: туда и обратно. Много дельных соображений по поводу сегодняшней литературы. Для него авторитеты и мнения не существуют, задел даже Распутина за его последнюю работу. Днем же, приехав где-то к 12 на работу, чтобы не забыть и не читать второй раз, тут же продиктовал рецензию на эту работу Вадика Екатерине Яковлевне.

Свою работу Вадим Чуркин завершает насколько кокетливо: «Почетный дворник Литинститута Чуркин В.В., 9 октября сего года». При всем это существенный компонент: Вадим учится в институте с 1993 года по настоящее время, по 2006 год. И в своем предисловии к работе он, как некую грустную константу, отмечает: «В 1992, в апреле, поступил в Высшее военно-морское училище им. Фрунзе на штурманский факультет. В апреле 1993 г. был отчислен из училища по неуспеваемости». Что-то у паренька не заладилось тогда, не очень хорошо складывалось и в Литинституте. Причина этому — не нерадивость, не отсутствие знаний, а какая-то глубинная психическая заторможенность, какое-то определенное и, может быть, счастливое свойство характера.

Вот что, приблизительно по такому же поводу, пишет классик английской литературы Дж. Фаулз:

«У меня давно сформировалось убеждение, что отсутствие памяти (справочной, энциклопедической), которой обладают хорошие преподаватели, есть величайшее благо для создателей художественных произведений, одной из самых собственных причин — почему из высокоинтеллектуальных университетских преподавателей, да и из ученых, редко получаются приличные писатели!»

Что касается «приличного писателя» — есть уверенность в том, что В. Чуркин именно по кафедре литературного мастерства удачно закончит институт, и эта уверенность меня не оставляла никогда, и вот мы имеем просто и легко написанные, с какой-то удивительной неторопливой пристальностью, рассказы о студенческом быте и жизни. Только один рассказ, о работе на бумажном комбинате, немного выбивается из общей тематики, но здесь, так сказать, первооснова, та нищета и мизерабелъностъ жизни, из которой произошел сам Чуркмн. Где-то, от своего ли лица, от лица ли своих героев, он справедливо писал, что в крайнем случае родители могли помочь своему сыну-студенту лишь банкой варенья или мешком картошки, которые пересылали со знакомым проводником. Вот такою жизнью жил и Вадим Чуркин, подрабатывая институтским дворником. И эта жизнь с беспощадной фотографическом четкостью отразилась в его рассказах. Все пристрастия здесь налицо: страстная привязанность к компьютеру, к миру иллюзий, любовь к продукции телевидения, особенно к той, в которой кипят настоящие страсти к футболу, забота о еде — в общем, скромный и тяжелый быт чуркинских товарищей по общежитию, любовь, которая на разных этажах — ну, где не разврат, а «совместное ведение хозяйства». Все это он пишет четко, ясно, остро и сюжетно увлекательно. Но всё это мне, в известной мере, было знакомо. Новостью стал очень интересный, глубокий реферат о самом Вадиме, о его привязанностях к литературе, об авторах, которых он читает, о реализме и постмодернизме, о духовном начале в литературе, о слове и Боге. И все это изобилует очень точными, иногда и оригинальными положениями и деталями, не выписанными, как часто бывает, из учебников и энциклопедических статей, а пропущеными через собственное сознание. Можно говорить даже о чуркинском литературоведении и чуркинской философии. Я отчетливо сознаю, что в известной мере это философия литературного маргинала, что-то напоминает и нашего бывшего выпускника Романа Сенчина, и выпускницу Маргариту Шарапову.

Но есть и собственный компонент: фатализм, христианское смирение перед текущей жизнью. Но, как сказано в Священном

Писании, хромые внидут первыми. Думаю, что и Чуркин, если ему перепадет хоть капля энергии, может оказаться в числе тех, кем гордится Литературной институт. Дли меня бесспорно, что это не только «бакалаврская» работа, но работа вполне достойного специалиста, да и специалистов такого уровня найдется не слишком много.

Прощаясь с Вадимом, я с грустью ощущаю некоторую недовыполненность своего долга перед ним — закончить бы ему еще и пятый курс, а не останавливаться на этом тоскливом бакалавриате. Может быть, это тот случай, когда мы сочли бы нужным рискнуть и дать образование за счет института.

Руководитель семинара профессор С.Н. ЕСИН

Днем обедал со Стояновским и высказал ему давно созревшую в моей голове мысль, что это сейчас, пока его нет в письмах Дьяченко, он с этим самым Дьяченко возится, но и он появится. Высказал также мысль, что его стремление остаться за схваткой, втайне инициируя движения против меня, долго не сохранится: он может появиться в ближайшем подметном письме. Толя вообще странный человек. По рассказам моих девушек, он, заходя на кафедру, сразу спрашивает: ну что происходит, какие слухи, сплетни? Я также сказал Мише, что его постоянные конференции с Дьяченко, какие бы они ни были, это нелояльно по отношению к Тарасову, который тоже фигурант письма. Это сейчас Дьяченко обвиняет его, что он ставленник Есина и незаконно, нелигитимно выиграл выборы; со временем появится, за что можно действительно зацепить, кто-нибудь подскажет.

В четыре провел семинар по повести Ани Морозовой. Критики было довольно много, но ребята все же согласились, что материал для дипломной работы есть. По обычаю отбивал прошла от Ромы Подлесских и некоторых других суровых критиков.

Вечером звонил Юрий Васильевич Бондарев. Хвалил мои дневники в «Современнике». Читал и сам, и его жена Валентина. Что-то «Дневниках» было о нем, надо бы посмотреть.

14 октября, суббота. Почти три часа вел семинар первого курса. Переносить на субботу приходится потому, что в понедельник еду в Ленинград. Мы с Максимом продолжаем публичную литературную деятельность: он будет читать стихи, я «Хургаду». Приглашает Мойка, 12, Сергей Михайлович Некрасов. Чтение будет в Лицее, во вторник, оттуда мы сразу на вокзал и на поезд. Опять проблема: что читать, что одевать, как обойтись с деньгами? Билеты Максим уже взял. У Максима, кстати, вышла подборка в «Дружбе народов».

Семинара собрали по поводу рассказа Анны «Девочка».

Маленький рассказ в 10 страниц. Здесь много искреннего, но пока мало художественного, дай Бог, все появится. Девочка 17 лет уходит из дома к 35-летнему бугаю. В отличии от Лолиты она своего партнера любит. Семинар построил так: час читал и комментировал главу из своей книги «Власть слова», то место, которое посвящено рассказу как жанру — теоретическая часть; потом обсуждали наш конкретный рассказ. Читал также мемуары Трошина, мне предстоит написать к ним предисловие. Вот какая вылезла подробность: первое отделение концертов Марлен Дитрих в Москве вел именно Трошин. По этому поводу было чуть ли не решение ЦК.

На дачу уехал только в четыре. Это уже случалось прежде: через Профсоюзную пробивались чуть ли не два часа, после «Ашана» на Калужском шоссе и «Икеи» все сразу стало свободно. Вся Москва ездит в эти гигантские супермаркеты. Не думаю, что за продуктами: это еще свободное и доступное времяпрепровождение.

Перед отъездом из дома заглянул в «Труд». Закрыли еще какие-то казино с грузинскими именами владельцев. Самое интересное: ни одно из этих закрытых учреждений не платило нормальных налогов. Если мне не изменяет память, то общий налог ввели, чтобы бизнесмены перестали давать своим служащим деньги в конвертах. Получается, что и при этом государству «отстегивают» не все, а самую малость. Вырастили класс замечательно ловких жуликов. Демократия — вернейший путь к коррупции. Докажите мне, что это не так.

15 октября, воскресенье. На даче все шло по ускоренной программе. Обед, сбор яблок, дневник, баня. Благодаря С.П. и его тесной связи с визуальными искусствами, (он покупает диски с фильмами) на даче я часто смотрю кино по компьютеру. Внизу звон веника и вода (я больше двух парений не выдерживают), а наверху, в моей комнате пошел киносеанс. В прошлый раз смотрел «Парфюмера», ничего особенного, да и сам роман, как мне кажется, не так хорош, как о нем говорят. Хотя в нем, конечно, много умного, — а почему коммерческое не должно быть умным? Роман обязательно перечитаю.

Яблоки упорно собираю и вожу в Москву: замечательный, говорят, из них делают компот у нас в столовой для студентов. Я думаю, на пару компотов еще осталось на траве и на деревьях. Яблоки, что еще висят, я стараюсь снимать специальным шестом, чтобы сложить в подвале, каждое завернув в бумажку. Для этой цели приходится рвать старые журналы. Прошло лет пятнадцать, как собственно журнальная традиция прервалась, а я еще ни разу ни в один журнал, тьма которых хранится на полках, не заглянул.

Хороши яблоки, завернутые в «Октябрь» и «Знамя».

Вечером звонила Светлана Николаевна Лакшина. Поговорили о статье в «Литературной России». Кажется, ее писал тот же «заказной» автор, что и о моем «Марбурге». Я его не читал, но теперь обязательно возьму из библиотеки. Какой в этом смысле молодец Рекемчук: когда бывает в институте, обязательно заходит в читальный зал. Меня-то писательские новости совсем не интересуют. Светлана Николаевна подсказала мне и о источнике моей цитаты в «Современнике» о Ю.Бондареве. Я, оказывается, вспомнил его выступление на парконференции — о самолете, взлетевшем в неизвестное. Может быть, я напрасно недооцениваю эти подрезанные публикации в «Нашем современнике»?

16 октября, понедельник. Поехали на дневном поезде и замечательно провели все 8 часов. Как хороша поездная еда: можно есть бесконтрольно, ссылаясь на дорогу. Как хорошо и поездное чтение. Всю дорогу я читал большой том Лакшина, который долго стоял у меня на полке. Вот оно верхоглядства: все, мол, знаю, ничего нет там нового. А новое есть. Сначала с жадностью читал отповедь Солженицину, «Бодался теленок с дубом». Названа она чрезвычайно деликатно: «Солженицин, Твардовский и «Новый мир». Труд его, как понимал и сам покойный В.Я.Лакшин, неблагодарный. Он заведомо не победитель, вернее — победитель моральный, а яркий, торжественный нобелиант — всегда будет прав. *«Ореол всемирной славы дал ему долгожданную обеспеченность и безопасность. Твардовский в могиле. И я чувствую на себе долг ответить за него. Зная наши условия, Солженицын, возможно, надеялся, что мне и другим людям, не принадлежащим к числуказенных публицистов, придется промолчать и сглотнуть его мемуаристику молча».* Но рыцарь все равно поднимает копье! Импульс к книге — это защита в первую очередь имени Твардовского. Об образе самого Солженицина тут уже говорить не приходится. К чему ему входить в чужие обстоятельства, в благодарность, в чужие трудности, к чему понимать, что без публикации «Ивана Денисовича» его просто бы не было. Победитель судит армию, которую он толкнул в бой, ее обозы, начальников штабов, всех и каждого. Мне знакомо это кипение, которой наполнена книга Лакшина, я сам от этого страдал, я сам много раз кулаком пытался ударить в железную стену. О, наша интеллигенция. Начало книги В.Я.: *«Когда летом 1975 года я прочитал впервые изданные в Париже мемуары Солженицына, не сразу мог поверить, что это им написано, подумал, что заболеваю. Слишком я любил и почитал этого человека и писателя, чтобы равнодушно выслушать*

его, мягко говоря, пристрастный суд о журнале «Новый мир», о Твардовском, о людях, которых близко знал. Невеликодушие его памяти меня ошеломило».

Все надо читать, понимать, что происходило. Мне в этом смысле легче, многое происходило на моих глазах. При всем восхищении А.И.Солжницине я тоже понимаю, что путь к славе не прост, здесь много издержек. Между прочим, еще одна цитата из Лакшина: *«Я довольно давно и близко знаю писательское племя и какой-то частью сам к нему принадлежу. Потому могу подтвердить: за малыми исключениями все авторы, в особенности понюхавшие дыма славы, амбициозны, чувствительны к похвалам, как дети, и не переносят малейшей критики, уязвимы, пристрастны, эгоцентричны».* Совершенно согласен, тоже знаю.

Потом прочел старую статью В.Я., которую я в свое время проглядел в «Независимой». Здесь много иронии по поводу умничаний Левы Аннинского и выступлений от имени русского народа в тоне гуру. «*Что такое эта пресловутая «русская идея» в последнее время, неустанно разъясняет нам популярный критик Л.Аннинский. Во-первых, утверждает он, русский это и есть «совок»: «Советское — это русское двадцатого века», — пишет он в программной своей статье (МК, 16.02.1993). Сколько бы ни противопоставляли «совковое» хамство русскому радушию и «расейское» разгильдяйство советской целеустремленности — это «ОДНА реальность, ОДНА ментальность». Специалист по национальному менталитету, он изобличает «двойную жизнь русской души», находит «сквозной закон русской души» в том, что «правда на Руси всегда прикидывалась ложью…»*

Но это еще не все. Во-вторых, русский, по Аннинскому, — это большевик. «Большевизм, — считает он, — не антипод русской духовности, а ее воплощение или, лучше сказать, восполнение».

В-третьих, утверждает Аннинский (в беседе с И.Глазуновым по ТВ), если мы, русские, приняли сатану в образе большевиков, значит, есть в нас нечто сатанинское!

В-четвертых, русские, само собой, исконно имперский народ, и вовсе наивно утешаться тем, что в России была какая-то особая интеллигенция: «Где империя — там интеллигенция… Русский синдром — разжигать революцию, которая ее же, интеллигенцию, задушит» («Дружба народов», 1992, N 10, с.246)»

И высказывания староваты, художник меняется с годами, и статья самого Владимира Яковлевича тоже не сегодняшнего дня, но подобные взгляды не оригинальны и обладают способностью время от времени всплывать. Лучше бы не всплывали.

Теперь центральный отрывок из знаменитой статьи Лакшина. Отчетливо понимаю, что иногда от больших книг оторваться

трудно, они подавляют своей фундаментальностью, но так будет жаль, если этот острый — кто бы, кроме него подобное высказал, — отчаянный пассаж пропадет.

«Поделюсь безотрадным наблюдением: понятие «русский» мало-помалу приобрело в нашей демократической и либеральной печати сомнительный, если не прямо одиозный смысл. Исчезает само это слово. Его стараются избегать, заменяя в необходимых случаях словом «российский», как несколько ранее словом «советский». Это понятно для государственного употребления, когда подчеркивается многонациональный характер страны, где помимо русских живут и отстаивают свою культуру и язык татары, башкиры, якуты, калмыки и другие народности. Но огромный народ, искони говорящий на русском языке, имеющий свою историю и культуру, свой «этнос», сильно влиявший на всю культуру мира, — куда он исчез? Почему, скажем, даже в библиографических списках «Книжного обозрения» пропал раздел «Русская художественная литература», замененный странным словосочетанием: «Общенациональная художественная литература»? Что это значит? Чья «общенациональная»? Или почему в газетах для обозначения русского населения в странах Балтии или на Украине упрямо фигурирует шершавый термин «русскоязычные»? И кому в голову пришло для обозначения тех же русских, ставших беженцами вследствие ущемления их гражданских прав, называть их «этнические россияне»? Государственные соображения? Но никто из англичан не говорит о себе: «Мы — великобританцы». И не слыхать, чтобы американцы называли себя «соединенно-штатцы»… Банально повторять, что нация — это не «кровь», а прежде всего традиции, верования, образ мыслей. И пока мы стесняемся слова «русский», американцы спокойно употребляют его для обозначения поселенцев из России на Брайтон-бич».

Заканчивается это все замечательным наблюдением.

«Большая же часть демократической прессы — будем откровенны — к понятию «русский» прибегает лишь тогда, когда имеется в виду разоблачительный эффект».

В Ленинграде, встретил нас шофер Сергея Михайловича Дима и отвез на Мойку 12 — исторический, известный всей стране адрес. Вот только вошел я в ворота… но тут нужно особое описание.

С Сергеем Михайловичем встретились возле флигеля во дворе. (он сказал, что это не флигель, а бывшие конюшни, принадлежавшие сыну Бирона). В кабинет С.М. сразу заметил, как близки мы по манере жить и хозяйствовать. Кабинет сплошь завален бумагами — это мое, как и стремление все время

приращивать пространство обитания культуры. Чуть ли не 200 семей в свое время отселено было из Державинского дворца на Мойке, 44, и тьма народа из этого дома. Когда я сюда в первый раз попал, здесь были открыты 5 или 6 комнат, а Пушкин-то занимал их 11. Еще подробность, которую сообщил С.М.; при семье жило два десятка слуг. Определенно, писателю в прошлое время жилось в бытовом смысле проще. И никаких тебе: Есин, открой лекарство. Есин, порежь копусту…

На ночлег нас с Максимом отправили в Державинский дворец. Ну наконец-то сподобился до жизни во дворце. И здесь опять я вижу хозяйскую руку моего тезки: дворец дворцом, а при нем — крошечная гостиница.

17 октября, вторник… Единственное неудобство для ночевки у дворца Гаврилы Романович — это некоторая сырость в совсем недавно реставрированных комнатах. В моей-то было еще потеплее, а вот в большей, которую занял Максим, батареи отопления были полуотключены. Несмотря на это перетащили в мою малую комнату и электронагреватель, а Максиму я вручил дополнительное одеяло.

На новом месте спал довольно плохо, все время ожидал явления классика. Около 12 ночи и впрямь что-то затрещало внизу, на первом этаже.

Утром отправились на большую экскурсию по Петербургу. Удивительный город, полный неистончающейся истории. В любом дворе что-нибудь способное разбудить нашу память. Для меня главным было наконец-то увидеть «Новую Голландию» и сходить в Русский музей, внимательно рассмотреть «Государственный совет» Репина..

До «Новой Голландии» я прежде все время не доходил. Величественные руины, позволяющие представить технологию старой торговой жизни: суда, подходили к причалам этого острова торговых складов и площадей. Нужна была дерзость Петра, чтобы решиться на подобное строительство, и, главное — представить его воплощенным в своем сознании. Воображение и смелость мысли ценю больше. Как врос этот кирпичный городок в островную землю, какие мощные деревья окружают его, склоняясь к воде. И как же полыхало это военное городище совсем недавно! Без малого три столетия, когда и техники такой противопожарной не было, — берегли и склады служили делу, а вот в наше оборотистое время спалили. Большая радость для строителей. Теперь будем в Европе заказывать проекты и силами инвесторов возводить культурно-развлекательный центр! Ура! Наконец-то освободили место для нового возрождения культуры!..

По дороге к Русскому музею столько прекрасных мемориальных досок! На здании, где в 1917 году помещался один из флотских экипажей, — даже матросу Кошке, тому самому, Севастопольскому герою. Сколько всего: и родился Набоков, и жил Гоголь, и писал музыку Чайковский. Возле Невского даже доску великой балерине Дудинской — огромная, выше человеческого роста. Прав был Товстоногов, сказавший, что любое новое училище или школу искусства надо открывать только в Ленинграде: сам город воспитывает! Я всегда хотел жить в этом городе — просто ходить по улицам и пялить глаза.

Члены Государственного Совета, увы, не собрались; во вторник у них выходной, по вторникам все музеи города закрыты. Так что погуляли по городу и поехали в Царское село.

В машине С.М. познакомил меня со своим замом по науке ….Иезуитовой. Она специалист по Пушкину и Жуковскому, всю жизнь проработала в Пушкинском доме. Сманил. Говорили о двух подходах к науке сегодня: с одной стороны — быстрое и хамское комментирование, с другой — толкование произведения социальными причинами, психологическими и семейными трудностями, случайностями. Вот и пригодился термин С.Н.Лакшиной «совпадение вибраций».

Оставляю почти без описаний с Максимом прогулка по Царскому вокруг озера, через дворцовый партер, через все поля русской литератур. Смуглый отрок… Говорили о Хлебникове, Введенском, Хармсе. Трепетные и сладостные разговоры под осенним небом. На озере возле берега плещутся утки, ветер гонит низкую воду.

В пять — в лицее, в том же амфитеатре, где лицеисты слушали Куницина, состоялся наш с Максимом литературный вечер, смешанный пополам с мастер-классом. Максим блистал, для меня слишком было темновато, приходилось все врем вглядываться в собственный текст. На первой парте, как отличник, сидел Сергей Михайлович, и также как и я в подобных случаях задавал вопросы. Замечательная порода русских администраторов. В Ленинграде, во дворе дома на Мойке, 12 и, в Лицее меня преследовали несколько мыслей. Во-первых, о проницательности царской власти: это же надо, в школе, находящейся почти в покоях царя, в одном доме с ним, воспитывать будущих самых своих знаменитых чиновников и граждан. Для иллюстрации этого положения хватает двух имен: Пушкин и Горчаков! Способна ли была на что-либо подобное советская власть? Второе, это конечно, иное место положения Литинститута — только в Ленинграде, где сам воздух связан с идеей искусства, только здесь возле этих дворцов и озер. Третье

более реальное, я поделился этим с Сергеем Михайловичем: не набрать ли в связи с приближающимся юбилеем Лицея (200 лет со дня открытия) маленький 10–12 человек курс из самых способных детей России?

18 октября, среда. Поезд пришел в 5.56 — дома был уже в 6. 45, — на метро, не торопясь. В прихожей под лампой ждали вырезки из газет и последний «Труд». Начал с «себя», с Букера. Под заголовком «Бессмысленный и беспощадный. Объявлен «короткий список» Букера за 2006 год» «НГ exlibris» напечатала статью Евгения Лесина и Яна Шенкмана. Два раз в статье повторяется одна и та же мысль, которая в первом случае звучит очень определенно: «Главная интрига этого года, разумеется, Ольга Славникова. Войдет или не войдет роман «2017» в короткий список и далее. Вошел». Как следует из следующего абзаца, речь пойдет о людях, не равнодушных к собственной судьбе, хотя, конечно, ничего подобного по напору и энергии Оли Славниковой нет и в ближайшее времени не предвидится. Но каждая группа выставляет своего фаворита. Впрочем, все это разбивается о совершенно невероятное жюри (Бак, Кибиров, Солнцев, Сорокина, Кабаков), где я лично, кроме Дмитрия Бака, не вижу никого, кто был бы серьезно озабочен литературой и ее действительным смыслом. Роман Солнцев «смотрел на претендентов глазами сибиряков», Светлана Сорокина — «она просто читатель». Везде полутона: групповые, национальные, тусовочные. Дальше в статье такой абзац, которым я хочу подчеркнуть свою мысль: «Кроме Славниковой явными фаворитами были Павел Крусанов с «Американской дыркой», Максим Кантор с романищем «Учебник рисования». Ну, вероятно, еще Слаповский… и Дина Рубина. Слаповского «прокатили» (жаль), Рубина вошла (хорошо). Крусанов не вошел — что ж, бывает. Кантор тоже не вошел — сам виноват, не надо такие длинные книги писать.

Кто еще не попал в «короткий список»? Аксенов (хватит с него), Юрий Арабов, Сергей Есин (жаль) Инна Лиснянская (очень жаль) Валерий Попов (очень-очень жаль)».

Второе известие — это некролог в «Российской газете» «Умерла Нея Зоркая». Меня просто по сердцу полоснуло. Написала небольшую заметку Елена Стишова, сделала это хорошо и сердечно. Покойную Нею, оказывается, по паспорту звали Энергия — дань моде середины двадцатых. Совсем недавно я говорил о Нее Марковне с Машей и опять, когда узнал, что безнадежно, так защемило сердце.

«Ясная Поляна» снова присудила премию. Конец года. Из статьи Лизы Новиковой я узнал основное правило этой премии:

«осенять именем Толстого можно только те произведения, что были обойдены другими литературными наградами». Несколько иронический тон Лизы опускаю. Мысленно я восхитился, как это верно для нашего литературного времени и точно. Жюри не слабое: знаменитейшие критики, все с устоявшейся репутацией: Лев Аннинский, Павел Басинский, Игорь Золотусский, Валентин Курбатов и Владислав Отрошенко. На этот раз, после прошлогодней Кимовской культовой «Белки» премию дали за опять же культовую и классическую книгу Василия Белова «Привычное дело». Совершенно гениальное решение. Опять опускаю деловую иронию Новиковой по поводу повести. Девочка она, конечно, к литературе чуткая, но видимо таковы рабочие требования к разбору национальной русской литературы.

И еще одна грустная заметка в газете. Когда вчера шли сначала из дворца Державина, потом искали Новую Голландию, потом возвращались в центр, то по ходу этого большого путешествия прошли мимо двух военных училищ. Я еще рассматривал мемориальные доски на стенах. Видимо Артиллерийское — входом стояли пушки. И было другое, скомпонованное в целый квартал, связанное, опять по деталям, видимо с космосом и авиацией. А теперь очень грустная новость. (Цитаты, к сожалению, не будет, потом у что В.С. взяла у меня со стола газету, и теперь найти ее очень трудно). Суть такова: 68 курсантов, будущих летчиков и космонавтов, заразились, и теперь — заболели брюшным тифом. Это потому что, видите ли, кормление курсантов поручено какой-то коммерческой фирме. А где коммерческая фирма — там гастарбайтеры из Таджикистана или Молдавии. Это уже установили, ребята заразились через кухню. Я абсолютно уверен, что за этим стоят взятки, конверты, деньги, которые получил кто-то из умников, решивших, что военных должны кормить фирмы со стороны…

В институте новость: у черной «Волги» стекла затоннировали. Теперь она отдаленно похожа на «правительственную» машину. Я представляю нашу «Газель» с Мишей в качестве машины сопровождения. Вторая новость — из бывшей комнаты преподавателей, занимающихся русским языком с иностранцами, сделали кабинет для декана — Марии Валерьевны. Ситуация просится в роман!

В три часа — ученый совет. Особенно интересно не было, кроме некого разговора о моем Чуркине. Не сговариваясь, я и Гусев определили его как очень талантливого человека. А перед этим М.В Иванова начала приводить списки возможных претендентов в магистратуру. Мне показалось, что за этим опять стремление не возиться, иметь не писателей для дальнейшего

совершенствования, а отличников. Я попросил уточнить, кого мы по диплому готовим — литературных работников? Так давайте по литературе, а не по литературоведению ровняться. Решили вопрос о претендентах «завесить», поговорю со своим семинаром. У меня в качестве претендентов могли стать Упатов, Ильин, Соловьев, Каверин. Я уверен в будущем этих ребят. Возник студенческий совет во главе с Леной Моцарт. Как мне показалось, в совете собрались все самые активные ребята, но активные это не значит самые талантливые.

А в шесть очередное мероприятие — встреча с издательством «Молодая гвардия», ЖЗЛ. В зале собраны молодогвардейцы — ЖЗЛовцы от М.П.Лобанова и Ст. Куняева до А.Варламова и Б.Тарасова. Внутренним, возможно неосознанным поводом, думаю, стало переиздание тарасовского «Паскаля», впереди и Чаадаев. Я сидел на своем обычном месте у двери, а рядом сел Юра Лощиц, которого я не видел уже давно. Это, пожалуй, мой университетский кумир. Он, кстати, тоже автор двух книг о Гончарове и о Дмитрии Донском. В свое время книги вызывали большие споры. Кое-что с Юрой мы обсудили. В частности ужасно длинный, полный слов доклад главного редактора и директора самой «Молодой гвардии» и, значит, проекта ЖЗЛ Андрея Витальевича Петрова. У него черная борода. (Были бороды в зале и еще). Слушать было довольно занудливо, к тому же, понимая, что сидят и помалкивают действительно интересные люди. В перечислении томов ЖЗЛ читалась определенная конъюнктура, особенно в новой серии! как бы еще «замечательных» еще при жизни. Можно представить, как эти новые «замечательные» еще приходили с большими деньгами в издательство. Хвалили книгу Вл. Ив. Новикова о Вл. Высоцком. Вл. Ив. встал, — похудел и обтянулся, мне немножко жалко, что я с ним в ссоре.

Я высказал Юре свою точку зрения на Высоцкого — с него началась духовная и этическая криминализация страны; он ответил на вызов начальства: все преступники!

После часового доклада начались вопросы. Прежде чем привести вопрос студента Гриши Назарова, я должен сказать, что в принципе такие встречи мне не нравятся. Мне кажется, что «обычным» нашим студентам нужны их будущие герои, так сказать, первооснова. В литературе они сами до многого дойдут. Так вот Гриша, сидящий с друзьями в зале, спросил у рассказчика Петрова:

— Я вас правильно понимаю, Вы готовы охотно сотрудничать со студентами Литинститута?

— Да, правильно, — ответил Петров.

— Тогда возникает вопрос, почему наша первая встреча

посвящена именно ЖЗЛ? Я не хочу никого обидеть, но не уверен, что среди наших студентов с 1-го по 5-ый курс наберется когорта, способная «потянуть» эту серию.

Все почему-то занервничали. Даже старый автор серии, которого, кстати, только что переиздали, Б.Н. Тарасов начал что-то разъяснять. Прием обнажился окончательно. Всегда в толпе найдется маленький мальчик, который что-то выкрикнет.

19 октября, четверг. К 11 утра поехал на панихиду по Нее Зоркой в церкви св. Татьяны на Моховой. Сразу скажу — это была одно из самых внятных и сердечных прощаний с деятелем искусств. Люди пришли не для того, чтобы, как часто бывает, засветиться среди известных персонажей — для всех это прощание со взглядом замечательной женщины на мир и на мир кино. Да, был характер: исключение из партии, значит, почти без работы, реабилитация, а в партию после этого не вступила.

Многих я не узнал. Как сильно людей корежит время, смутно опознанные Андрей Смирнов, Витя Матизен, Костя Щербаков; были и наши, институтские: Олеся Николаева, Ира Шишкова, Людмила Михайловна, Зоя, Трубина. Машу Зоркую в институте и любят, и уважают; она в мать — женщина сильная. Когда поступала в университет, там уже знали про Нею, задача была девочку не пропустить: «Сколько нужно было бы Гитлеру дивизий, — устный дополнительный вопрос на экзамене, — чтобы победить СССР?» — «Гитлер этого не знал, а вы хотели бы, чтобы это знала я!» — ответ.

Службу вел муж Олеси Николаевой, он когда-то служил у нас в институте панихиду по А.С. Пушкину, замечательно пел хор, особенно, когда начали прощаться. У меня помещение церкви, вызывало свои странные воспоминания. Лет 40–45 назад здесь был студенческий театр. Вспомнился нашумевший спектакль чешского драматурга Павла Когоута, что-то про любовь и покинутую молодую женщину. Неистовой чистоты и свежести стояла в свете прожектора в какой-то синей блузочке студентка журфака Ия Саввина, будущая народная артистка СССР.

Еще утром, уезжая на панихиду, раскрыл в метро рукопись Кати Литвиновой. Диплом, с картинками которым я так не доверяю, с разными шрифтами на первом листе — «Приключение Пенелопы». Заранее ужаснулся: как много придется читать дурного текста. Катя поступала в институт вместе с Чуркиным, так сказать моя замедленная выпечка. Рожала, теперь у нее трое; грузнела; редко ходила на занятия. Но рукопись оказалась — не оторвешься. Детектив, написанный от лица женщины с двумя малолетними детьми, у которой пропал молодой муж. Она его разыскивает, всюду мотаясь со своей парой карапузов.

Прелестная женская линия — пахнет домом, манной кашей на молоке, младенцами. Читал быстро, почти без поправок, правда, все время думал, за что выдавать это в ходе защиты.

20 октября, пятница. Как говорится, день широкого диапазона. Утром ходил в аптеку за бенакортом, резал с В.С. овощи на борщ, который поедет в сегодня же на дачу, потом — полетел в институт. Там пустовато: Тарасов, Стояновский и Царева дружно собрались и полетели в Китай. В институте пообедал с Ужанковым, рассказал ему, что «найденные» проекты, в частности «Словарь выпускников» — это полностью моя задумка и работа. Технически ее делал ряд людей, а завершал и все сводил Борис Тихоненко, и я выпускать этого из своих рук не собираюсь. До обеда под дверью слушал, как Ужанков читает свой спецсеминар, похоже очень неплохо. За обедом А.Н. рассказывал об ударении: «повесть временнЫх лет» (Д.Лихачев) или «повесть врЕменных лет» (его версия) все довольно складно и беллетристично. Занимался еще ребятами, собирающимися в магистратуру. Как я и обещал, разнюхали о ней, а это отсрочка, самые хитрожопые, по крайней мере Карнетов. На совете о нем говорила Вишневская. Литературы от этого можно не ожидать. У Вишневской есть более сильный Димахин, а у меня в прозе — Упатов, Каверин, Соловьев.

В четыре часа начал семинар. Самых сильных моих ребят, способных убедительно оценить работу, не было. Как обычно защищал работу от семинара, все ушли удовлетворенные. Во время занятия раздались один за другим два звонка: С.П. и Нина Павловна — президиум ВАКАа утвердил мою докторскую диссертацию. Как оказалась рада этому дома Валентина Сергеевна! Она-то твердо знает, где мне не додают.

В семь уже был на концерте молодых певцов в зале у Павла Слободкина. Очередной концерт, который дает фонд Ирины Архиповой. Много пенсионеров, им за счет Москвы, раздают билеты бесплатно. Это тот редкий случай, когда старых людей снова вовлекают в привычную жизнь. Аплодисментами встретили появление в зале Ирины Архиповой. Так трогательно: подошла к ней какая-то старушка и подарила программку Большого театра за 1974 год — пела Архипова.

Среди исполнителей Паша Быков. Мы с Максимом кричали ему браво. В основном современная или близко к современной музыка. Лучше всех, конечно, прозвучал Свиридов, которого пел Алексей Смирнов, бас. Здесь не столько голос и ор, а внутренняя сила. С нами на концерт ходил и приятель Максима, Саша, вегетарианец и очень тонкий человек. Саша рассказал, что сегодня попал на презентацию новой книги В.Маканина в

книжном магазине. Было две служительницы и два человека публики (один из них — Саша). Писатель замечательный, но время мы свое, кажется, изжили.

Цены в буфете у Паши Слободкина такие: два бутерброды с семгой и два кофе (один с молоком) — 310 рублей.

Уехали на дачу только в одиннадцать часов, тем не менее, традиционно заехал в «Перекресток».

По дороге в машине С.П. рассказал такой эпизод. У него в в американском университете студент опоздал на лекцию. Желая его, как говорится, «приколоть» С. П. сказал: «У вас по дороге, наверное, заглохла ваша иномарка?» — «Нет, — ответил студент, — у меня проспал водитель». Из университета С. П. уходит, я ожидал, что это произойдет еще раньше. Тяжелейший ритм работы и вдобавок ко всему какие-то женские интриги. Он молодец, что ради денег не хочет губить себя. Я замечал, как последнее время он из-за работы сужал круг интересов и чтения.

23 октября, понедельник. Все утро диктовал Е.Я. письма. Написал Александру Ивановичу, Льву Ивановичу, Нине Павловне — это с благодарностью и по поводу утверждении моей диссертации. Лев здесь вел, конечно, первую скрипку, он меня подбадривал и все время говорил, что по своему уровню я давно уже это звание мог бы получить. Не могу забыть и смешной эпизод, когда он написал мне очень формализованный план кандидатской диссертации, а я вместо этого, хоть казалось бы, по плану написал еще одну монографию. Написал также довольно большое письмо Марку по поводу его книги по еврейскому вопросу. Вот так все утро и прошло, после обеда пошел в поликлинику на Бронной, напротив синагоги, к Алексндру, врачу инфекционисту. В Москве вдруг пропала вакцина против гриппа, созвонился я с ним в пятницу. Познакомился я с Александром и с медсестрами, во время прививок, которые мы делали несколько лет подряд всему институту сначала от гепатита, а потом и от гриппа. Все проходило быстро, я бегал по аудиториям, сгонял народ, потом чуть подплачивали медсестрам, а потом уже сам медперсонал следил, чтобы прививки повторить или отыскать недостоющих студентов. В этом году я предполагал, что трудностей для института не возникнет. Ан, нет. Сразу же меня встретили жалобой, что без вас, дескать, С.Н. стало хуже. И Б.Н. встретил медицину без должного внимания и понимания. А выбор для прививок института, при недостачах вакцины и большом районе, это скорее добрая воля наших соседей. Но особенно медики жаловались на Марью Валерьевну, которая вела себя надменно. Прививки в этом году институту не сделали, наша вакцина от гриппа ушла в другое госучреждение — ТАСС.

Хотел пораньше приехать домой, потому что, как всегда, в ночь с воскресенье на понедельник спал плохо, но около трех раздался на кафедру звонок от Жени Миронова. Он приглашает на сегодняшний вечере молодой поэзии в Политехнический музей. Дело в том, что в Москве проходит некий фестиваль «Территория». Этот фестиваль проводится для творческой молодежи. Отставших от последних веяний, не знающих московского боевого авангарда, студентов творческих вузов со всей страны свезли в столицу, где начали приобщать к современности. Показали этим юношам, ходящим в семейных деревенских трусах, и девушкам, в бабушкиных юбках, самые передовые спектакли и картины. Некий художник, прославившийся своими «перфоменсами», (один из них я видел на презентации нового перевода Улиса: на публике он вынул не стоящий член и начал его теребить) итак, сей художник что-то, может быть, менее экстравагантное покажет провинциальным недотепам? Москва желает распространить свою культурную экспансию на всю страну! Забудьте, идиоты, какие-то традиции, даже традиции великого русского искусства! Первый «акт» фестиваля проходил на станции метро «Воробьевы горы», символизирующий современность. В общем, что-то всю неделю происходило, студенты развивались. Теперь наступило время поэзии. Ну как не пойти? Во-первых, я заведующий кафедры: мне хотелось бы разведать нынешнее состояние поэзии. Чего там молодежь пишет? Интересно мне было и то, что читать стихи должны были самые известные молодые актеры. Это во вторых.

Почти до семи маялся на работе и потом вместе с Максимом отправился в Политехнический. Я не был там лет шесть-семь, с тех пор как институт проводил там вечер «Учителя и ученики». Народа было очень много, билеты нам дали хорошие. К сожалению, я не взял записную книжку, а надо бы кое-что записать, по крайней мере, фамилии замечательных молодых актеров, которые читали стихи. Из поэтов я кое-кого запомнил. Первым, кстати, выступал Дима Плахов, сын Андрея. Из моих знакомых — прекрасно читала Лена Морозова. Стихи девушки-поэтессы, псевдоним которой Яшка Казанова — пишет о любви к девушкам.

Если говорить об общих впечатлениях от молодой поэзии, то они такие. Вся она вращается только вокруг сугубо личных переживаний, она практически потеряла свое крупнейшее русское качество — социальную наполненность. Вместе с этим уходит и жесткость формы, а это в свою очередь не позволяет поэзии выработать свои легкозапоминающиеся формулировки: «Мой дядя самых честных правил». А с понижением уровня поэзии,

резко понизился и уровень читателей, а в данном случае — слушателей. Такие раздавались любострастные подхихикивания при каждом скаберзном слове! Упал уровень восприятия поэзии. В связи с этим такой эпизод (до сих пор не могу понять, зондаж ли это молодой командой Швыдкова восприятия публики или подыгрывание самым низким ее инстинктам). В середине всего шоу, кстати, его придумывал Кирилл Серебенников; здесь был экран с ползущим абстрактным изображением, какие-то музыкальные штрихи: так вот вышел — я так и не понял, сам ли автор или актер — некий человек явно еврейского вида с всклоченными черными волосами и бородой, и принялся читать невероятную похабщину. Зал был в восторге, хотя не уверен, что весь. По крайней мере, Максим, для которого поэзия дело жизни, встал и, протиснувшись через ряды, — ушел. Потом он сорок пять минут ждал меня в вестибюле.

На вечер пришел с рукой на перевязи, ели двигаясь, Андрей Вознесенский. Удивило, что он выслушал весь этот парнографический бред, и в конце «100 минут поэзии» прочитал какое-то невнятное стихотворение про Марлена Хуциева, поигрывая именем Марлен в разных словообразованиях.

24 октября, вторник. Готовился к сегодняшнему дню чуть ли не заранее, не очень отчетливо представляя себе, что все смогу вынести. Однако, человеческие возможности, видимо, больше, чем мы представляем. Сначала был семинар, где обсуждали Светлану Столбун. Тексты у этой семнадцатилетней девушки слабенькие, но есть проклевушки и любви к людям и своего взгляда на жизнь. Всем ее мечтаниям только полгода и такой же стаж всех ее сочинений. Один рассказик у нее поинтереснее: маленькая девочка-бомжиха, живущая с совершенно пьяной матерью, которая все время «лечится» и у которой «папа летчик». Она показывает фотографию летчика, извлекая ее из какого-то тряпья. На фотографии — Гагарин. Разобрал рассказ, особенно напирая на стиль. Мялся вокруг двух цитат: Оскар Уальда и Владимира Набокова. Потом долго говорил о прямом высказывании писателя, о том, как оно трудно. Я старюсь подобные вещи иллюстрировать работами самих же студентов. В данном случае выбрал серьезное эссе Васи Буйлова «Что я жду от Литинститута».

Семинар пришлось начать на полчаса раньше, потому что на три был назначен экспертный совет по наградам. На этот раз он шел целых два часа, но сделано было много. Я полагаю, что заслуга Паши Слободкина и моя, что совет не запал на молчаливое согласие, а занялся настоящим исследованием. Так приятно повышать кое-когда статус награды! Однако чаще

спотыкались о суждения быстрых и самоуверенных людей. Юрий Мифодьевич Соломин приводил примеры чудовищного бюрократизма. Скажем, в представлении на Э. Быстрицкую оказалась странная ошибка: ее стаж в театре и кино не 42 года, а 41 год и 8 месяцев. Документ не визируется. Это может, оказывается, повлиять на прохождение документа о награде. Чушь какая-то…

В шесть часов у меня был прямой эфир на Народном радио. Говорили, вернее, меня спрашивали, а я отвечал об институте, о культуре, о том, что я пишу. Вопросов было много, одна из слушательниц вспомнила даже мой рассказ «При свете маленького прожектора». Но вот уйдут последние советские читательницы, и все исчезнет, забудется и то, что я писал. Среди прочего я рассказал о Максиме Лаврентьеве, как он ушел из Политехнического музея.

Вечером, уже в девятом, приехал на день рождения Петра Алексеевича Николаева. Народ собрался у него все тот же. Были Эсалнек, Татьяна Александровна Архипова с сыном, Лена, Ира, которая как всегда возделала замечательную поляну. И холодец, и жаренные караси, и печеночный торт. А! Среди гостей был молодой человек откровенно грузинской внешности. Родословная у него удивительная. Его бабка по фамилию Чеснокова была секретарем Замоскворецкого райком Москвы, т. е. партбилет В.И.Ленина выдавала именно она. Парень этот действительно с грузинскими связями, встречался с Саакашвили, когда тот боролся с коррупцией и был министром связи. Жил в Англии, в Швейцарии, в Швеции, в Америке. Рассказал о продаже красавцем Касьяновым русского леса на вывоз за «Икею», полную китайских дешевых товаров. И еще о том, что МГУ на Ленинских горах подплывает на своем фундаменте и все время под фундамент закачивают азот, точно также, говорят, плывут «Алые паруса». Насчет МГУ мне не очень верилось. В трех домах возле Мосфильмовской решили забетонировать до 40 этажа лифтные шахты — борются за устойчивость. Какой-то странный разговор о московском строительстве. Жить с каждым днем становится все опаснее.

25 октября, среда. Сегодня В.В. Путин опять по Интернету, телевидению и по радио 2 часа говорил с народом. Речь его увлекательна, как пение сирен, но я последнее время все отчетливее и отчетливее понимаю, что не отражение реальных событий, некая песня, где слова и музыку пишут люди далекие от тех, с которыми он говорит. Здесь все для исследователя: лексика, фразеология, паузы. Это социальная демагогия высшего класса, выработанная непосредственно самим оратором. Есть

замечательные рассуждения, результаты которых отодвинуты на будущее. Но я уже жил в ожидании сладкого будущего, и жизнь прошла. Путин определенно обладает каким-то магнетизмом убеждения, не говоря уже о прекрасной подготовленности и оперативной памяти. Все это привлекает, но позитивный материал диалога закончился в тот момент, когда кто-то из пенсионеров сказал: на пенсию в 3.000 — 3.400 рублей жить практически нельзя. Не спасло ни упоминание о двукратном повышении пенсии в несколько сот рублей в прошлом году, ни разговоры о повышении в будущем, ни напоминание о том, что еще недавно существовали с пенсиями задержки. Все это звучит жалко. Старики мешают, слишком уж много денег надо, чтобы они жили достойно.

Второе событие по времени удачно дополняющее беседу Путина с народом — это обокраденная квартира первого вице-спикера Думы Любови Слизки. В доме, где проживают депутаты, воры не оставили никаких следов. Средства массовой информции, естественно, не говорят, что украдено. Из подробностей только такая: пытались унести и 100-килогрммовый сейф, но сумели дотащить его только до порога квартиры. Я полагаю, что в сейфе были, конечно, секретные документы, а не деньги и драгоценности.

Читают диплом Юры Глазова. Мне кажется, что в свое время я в нем чуть— чуть ошибся.

26 октября, четверг. Утром ходил в аптеку, покупать лекарства, рецепты В.С. героически вырывает у врачей. Очень часто она достает и бесплатные рецепты, хотя для этого надо просидеть иногда у двери кабинета несколько часов. Я не останавливаю: поход в поликлинику для нее — целое путешествие, потом рассказы о диалогах с врачами, социальные выводы — это часть жизни на нашем краю. Приводил в порядок дневник, днем, по пути из немецкого посольства приезжали Юра Авдеев и Саша. Саша за рулем какого-то маленького внедорожника, экономят на бензине. Кормил ребят «шулюмом», который варил еще в воскресенье. Саше очень понравилась моя самодельная «аджика» — перетертые помидоры и чеснок. Ребята рассказывали об интересном путешествии, которое они собираются совершить по Германии. Кажется, это их галерейные дела.

Утром же говорил с Инной Люциановной относительно моей статьи в журнале «Планета красота» о новом спектакле в театре Т.В.Дорониной. Какие-то несостоятельные претензии: вычеркнуть упоминание «стабилизационного фонда», которое в ироническом смысле упомянуто в тексте, когда я пишу о том, как разбогател

старший Белугин: не стал отсылать свои деньги в стабилизационный фонд, а построил фабрику. Это цензура политики или глупости? Но слишком часто подобное стало у меня попадаться.

Читал работы к семинару. Теперь у меня так: в пятницу семинар пятого курса, а во вторник первого. В одном случае работа завершается, в другом начинается — там и там требуется особое и пристальное внимание.

Прочел серию отрывков и рассказов Юры Глазова. Это очень грамотно и хорошо по технике написано. Из вороха слов выглядывает и сам Юра со своей одинокой жизнью, поиском женщины и сильных возвышенных и ярких чувств. Где здесь автор, где герой? Особенность его текстов: читаешь легко, в них есть, казалось бы, интеллектуальное напряжение, а уже через несколько минут, после того, как закроешь страницу, спрашиваешь себя: о чем? Все какой-то «сиреневый туман» довольно высокого качества. Кого Юра только не читал: и Набоков, и Кафка, и Джойс, все места и все разработки текстов заняты. Юру сжигает страсть стать знаменитым, дай Бог, чтобы у него все получилось, пока получается не все, но выше уровня моих ожиданий. И тем не менее, в его отрывках жизнь какого-то современного жалкого Деточкина, где чувство любви прорывается через нищету жизни. Опять какое-то полумаргинальное взросление. Запомнил сцену похорон урны с прахом отца, когда мать и сын по очереди копают могилу. Мое напряженное отношение к нему пропало, но я думаю теперь, как это собрание неплохих текстов, превратить в диплом.

К вечеру, когда сердце немножко успокоилось за тексты Глазова, вдруг чуть-чуть продвинулся роман, Саша, главный герой уже в аудитории. Это собственно последние сцены. Опять звонила И.Л., она снабжает меня сведениями из истории Литинститута.

27 октября, пятница. С раннего утра в Лите. БНТ со Стояновским и Царевой приехали из Китая вечером в среду, а вчера Тарасов вместе с Королевым и Варламовым улетели в Италию. Рассказы Л.М. о Китае скудные, лишь о том, что их возили на родину Конфуция. Там есть кладбище, где хоронят всех потомков мудреца. Вот бы посмотреть, зажегся неосуществимой завистью! Звонил А.Е.Рекемчук, который законно волнуется, что его идею литинститутского журнала перехватывает Саня Михайлов. Саня мальчик не промах, он, вроде бы уже переговорил с начальством и пытается забить себе место главного редактора. У меня таких амбиций нет, но волнует одно: Саня ориентирован только на новейшую литературу, в этом смысле

Рекемчук мог бы быть более полезным. Но особенно меня это не беспокоит, я знаю: на все надо найти деньги, а где они? Другой звонок о недавней публикации Тарасова в Литгазете. Судя по всему, это сделано по его книге «Куда идет паровоз истории?» У статьи-интервью, которую подготовил готовый на все и сразу Сережа Казначеев, то же название. Ко мне этот номер «Литературки» еще не пришел. По телефону мне с некоторым искусственным испугом говорили об апологетике Николая Первого, об полном отрицании декабристов и Герцена. Не думаю, что по этому поводу идет скандал, как говорил мой собеседник, среди интеллигенции, даже еврейской. Я не люблю ломку мифов. Да и слишком это попахивает конъюнктурой.

Вечером ходил в училище Гнессиных. Давали «Евгения Онегина», где Паша Быков поет заглавную партию. После первого отделения уехал, потому что собрался на дачу в Сопово. В какой-то момент причудилось, что нахожусь на премьере оперы в Малом театре; тогда, правда, пели студенты консерватории. Пели ребята все мило, но в опере молодость, оказывается, совсем не главное свойство. Паша по сцене ходил очень надутый. Молодой артист немедленно веселел и становился естественным, когда его ария уже пропета. Таки милым оказался Ленский в первом акте, когда пропел ариозо «Я люблю вас, Ольга», до этого выхаживал, как школьный учитель..

Когда в ночь и в дождь уезжал на дачу, вынул из почтового ящика «Труд»: на первой полосе огромный портрет нашего вице-спикера и аншлаг «Слизкины дела». Положил в рюкзак рядом с компьютером.

28 октября, суббота. Одно плохо — не гулял, не выходил во двор, а весь день был занят печкой, перекладкой книг, потому что еще летом свез в Сопово свой институтский архив. Вряд ли здесь есть много интересного, но при моей любви к бумажкам, выбросить что-нибудь жалко. Нашел, правда, папку с рецензиями на дипломные работы прошлого выпуска, какие-то еще интересные по прошествию времени дела, когда-нибудь все может пригодиться. Вопрос стоит так: успеет ли пригодиться? А живу я по-прежнему не в духовном, а в материальном, да так, будто собираюсь еще прожить лет сто. Столько денег и сил уходит на переоборудование дачи в Сопово. Ну, не буду я часто ездить сюда зимой, а вот уже два года делаю водяное электрическое здесь отопление. Зачем, кому?

«Труд» довольно крепко взялся за инцидент со Слизкой. Видимо, давняя неприязнь к той власти, в которой нет культуры, полета и у которой — журналисты это видят, при всей зависимой сложности их профессии, — отсутствие интеллигентности.

«Весть об ограблении вице-спикера Госдумы Любови Слиски три дня не сходит с газетных страниц. Случай действительно не рядовой: и потерпевшая — не последний в стране человек, и дом на улице Улефа Пальме в Москве, где живут народные избранники, охраняется спецслужбами, и слухи о похищенном поражают воображение. Но за всеми деталями, впечатляющими обывателя, есть вопросы, представляющие действительно общественный интерес. Например, кто подарил сугубо гражданскому человеку боевое оружие и откуда у Любови Слиски столько денег».

В статье два раздела: «Откуда взялся пистолет?» и «Откуда взялись деньги?». Кое-что по этому поводу если не объяснено, то поведано. В частности страна наконец-то узнала то, что ее давно интересовало: роскошные и разнообразные прически госпожи вице-спикера. Я сам много раз, встречаясь с Любовью Константиновной, задавал себе разные технологические вопросы: сколько на это уходит времени и приходит ли парикмахер на дом? Журналисты область моих догадок расширили: «стрижет, красит и укладывает Любовь Константиновну одна из самых дорогих мастеров в Москве. «Только подравнять волосы у мастеров из салона «Долорес» стоит 5500 рублей, вместе с покраской — 10 тысяч. Завсегдатаи салона видят здесь известного политика по два раза на неделе — перед пленарными заседаниями Госдумы». Что касается «откуда деньги, Зин?» в газете довольно много информации, есть даже сведения о двух пакетах акций, о которых госпожа вице-спикер сама поведала журналистам. А о скольком не поведала? Сумма материального ущерба от дерзкого ограбления колеблется от 250 тысяч до полумиллиона долларов. Сообщена и сумма небольшой на этом фоне зарплаты народной избранницы от «Единой России» — 100.000 рублей. Но зачем ей пять наручных часов, каждые по 30 тысяч долларов?

Пишу обо всем этом с элементом мелкой мстительности: три человека долго вели со мною, когда я был ректором, переговоры о встрече со студентами, но не нашли времени, чтобы придти в институт: Любовь Константиновна, спикер Московской думы Платонов и любимец народа Сергей Кежугетович. Чья очередь?

Вечером в Сопово звонил из Нью-Йорка по мобильной связи Миша Цукерник, бывший студент-заочник, с которым я довольно долго раньше переписывался. Очень милый парень, работает в Нью-Йорке врачом-анестезиологом. В свое время Миша эмигрировал откуда-то из Сибири, дела у него складывались хорошо, но русская культура тянула: Литинститут, связи. Во время встреч с ним много раз говорили об его сыне, который

очень хорошо вписался в обстановку, современный, яркий.

К русской культуре Мишу по-прежнему тянет. Говорит, что уже написал письмо БНТ, с которым в Нью-Йорке встречался, когда тот ездил туда. Я кажется, с Мишей БНТ и знакомил. Теперь Миша, со следующего года, хочет на ВЛК. По тону я сразу понял, что у Миши не все в порядке и сразу же попал в точку: сын! Дело не в том, что, я, кажется, угадал, а во фразе, которую дальше Миша произнес: «Эмиграция мстит через детей».

Спать ложусь рано, это значит, проснусь в четыре или в пять утра.

29 октября, воскресенье. Как же я люблю Сопово, тишину близкий лес, почти полное отсутствие голосов осенью и никаких электричек. Здесь, в отличии от Обнинска, низко стоящий почти на земле дом: нет никаких ступенек; уже желтая трава, опавшие листья, запах земли. Проснулся очень рано, по старому времени еще не было пяти, включил электричество, перевел на один час назад часы, отодвинул занавеску — первый снег. Наверное, с час занимался романом, какие повороты приходят в голову, когда чувствуешь себя свободным! Я впрочем, чувствую всегда последнее время лишь отсрочку. Какую гадость еще мне приготовят коллеги?

До сих пор под впечатлением беседы со Стояновским. Нам обоим кое-что удалось друг другу сказать. Все слишком долго, чтобы об этом писать в дневнике со многими подробностями. Но кое-что, оказывается, Миша не знал, я его со временем просвещу. Так бы все тихо и мирно существовало, если бы меня не трогали, теперь я начинаю копать вглубь. По моим сведениям, Ю.И. Минералов плохо говорил обо мне шоферам. Ему что высказаться некому?

Уехали из Сопово около 3-часов и произвели необходимые замеры: до Москвы, до дома 103 км., ну, на 2-3 км. больше, чем от Обнинска и в пути по более сложной трассе Горьковского шоссе всего 2 часа 20 минут.

Два дня подряд читал переписку Кузмина и Нувеля. Уж коли «Литературная Россия», разбирая мой роман, пишет о моем особом интересе к этому гениальному писателю, то не стану их разочаровывать. В романе у меня будет обязательно Кузмин присутствовать: героиня пишет пьесу по мотивам его дневников, которые я сейчас и читаю. У нее есть даже мысль сыграть эту пьесу, где Кузминым станет она, а всеми его друзьями ее собственный любовник. Анализируйте! Инсценировки, правда, не фирменное блюдо драматургов в Лите, но Розов поступал к нам именно с инсценировкой по Гончарову.

Дома с чувством удовлетворения прочел новый сказ про

Любовь Константиновну Слизку. Все-таки молодец новый редактор Симонов, старый Потапов долго бы колебался и смягчал формулировки. Наотмашь. Материал свидетельствует о полной коррупционности власти. Одновременно с этим в почтовом ящике и вырезка из «Российской газеты» — оклады и собственность чиновников высшего звена: Министров и премьер-министра.

«Сказать, что «список Слиски» удивляет — это значит ничего не сказать. Поражает разнообразие художественного вкуса вице-спикера. Здесь вам и «яйцо под Фаберже», и пластина с видом итальянского парламента, и монеты к 300-летию преставления святителя Митрофана, и икона Богородицы. Рядом с ними десятки колец, колье, часов. А какие звучные имена, ласкающие слух: Тиффани, Лувр, Шопард, Фрэнк Мюллер. Все это лучшие ювелирные дома мира, каждое изделие которых исключительно эксклюзивно и выпускается в нескольких экземплярах. Несколько особняком стоит «брошь из белого золота» — подарок крупного столичного чиновника. Думается, искренний даритель, увидев свою фамилию в газете, много раз подумает в следующий раз, кому и что дарить.

Весьма двусмысленно смотрится в списке и «крест из белого золота с бриллиантами на платиновой цепочке», заявленный как «подарок» Нино Бурджанадзе. Поясним, что спикер парламента Грузии известна как один из самых активных антироссийских политиков. Странно, что такой дорогой подарок был принят и непонятно, почему он оказался в квартире Слиски, а не в Госхранилище.

Скандал, судя по всему, только набирает обороты. Абсолютно ясно, что воров навели люди, близко знакомые с семьей вице-спикера, бывавшие в ее доме. Придется ей рассказать и о том, с кем она общается и кого подозревает.

Политические противники Слиски и «Единой России» намерены инициировать запрос и расследование в Госдуме. Вероятно, есть у этого скандала и политическая подоплека. Любовь Константиновну не раз называли как кандидата на самые престижные государственные должности. Понятно, что сейчас этот вопрос перестанет быть актуальным.

В истории с публикацией списка украденного есть еще одна пикантная подробность. Говорят, что чиновник, передавший список в СМИ, вычеркнул из него целый ряд фамилий «дарителей». Но пообещал при этом, что, возможно, он их восстановит. Если что..»

Занятно эта небольшая статейка Руслана Гусева и названа: **«Всё, что нажито непосильным трудом…»**

Ленин не даром читал за день газеты скопом: как бы получался некий другой объем. Может быть газеты сговорились

немножко наехать на власть? Параллельно Слизкиному делу «Российская газета» публикует огромный материал «Сколько зарабатывает министр?» Тоже, естественно, труд непосильный. Здесь я подобрал некоторые отрывки, преимущественно связанные с интересующими меня лицами. Вот что пишут о министре транспорта. Летом, в связи с аварией самолета под Иркутском я заметил, что этому министру просто некогда заниматься государственными делами, слишком много дел своих. Так оно, видимо, и получилось. *«Если в 2004 году наибольший доход получал министр транспорта Игорь Левитин, пишет «Российская газета», то в 2005 году с большим отрывом от своих коллег лидировал министр природных ресурсов Юрий Трутнев, перебив и прошлогодний рекорд по доходам Левитина более чем на 80 миллионов рублей»*. Но тем не менее и в 2005 году, когда некогда было инспектировать аэродромы и смотреть за дорогами, следить за безопасностью в аэропортах «Министру транспорта все же удалось удержаться на втором месте, несмотря ни на что. Его доход составил 11 979 109 рублей». Надо, конечно, понимать, что министры парни не простые и тоже стараются по возможности не все показывать, переводя доходы, как в свое время было с министром Аксененко, на своих энергично работающих родственников.

Иногда правительственная газета не удерживается от убийственной иронии. «*Несмотря на серьезный имущественный багаж в виде одной маленькой квартиры, где министр информационных технологий и связи Леонид Рейман имеет лишь четверть от 55 кв. метров и еще пяти квартир площадью от 151,5 кв. м до 283,7, дачного дома в 330 квадратов, двух участков от 95,24 сотки до 11 660 кв. м, двух машиномест на 17 и 16 квадратов, гаража, а также квартиры, «находящейся в пользовании» (229,4 кв. м), его доход занимает лишь третье место в чиновничьем рейтинге*». Эти пять «скромных» квартир и участок 11 с половиной гектаров просто убивают. Семья у министра, что ли необъятная: всем сыновьям, дочерям и, видимо, внукам по квартире? Сколько же надо времени, чтобы просто снимать в квартирах показания счетчиков. Или все это по разным городам России? Есть же у меня, дурака, два участка по 6 соток каждый! Газета и дальше довольно подробно все рассматривает, полагая, что народ только смотрит телевизор, а власть на информацию о себе, как говорится, положила… «*Самая большая по площади квартира, как оказалось, принадлежит первому вице-премьеру Дмитрию Медведеву — 367,8 кв. метров. Зато самой маленькой квартирой в 47 кв. м владеет министр культуры и массовых коммуникаций Александр Соколов*». Без комментариев, хотя есть

надежда, что, наконец-то министру культуры квартиру дали. Но интересно, что и здесь культура у нас на самом последнем месте.

30 октября, понедельник. В 10 часов утра — Коллегия Министерства культуры. На всякий случай пишу повестку дня, естественно, в своей, а не в бюрократической, огласовке.

1. О подготовке Конкурса им. Чайковского.

2. О сохранении Соловецких островов.

Далее интересные для меня менее, но все-таки важные инициативы Министерства, по законотворческой деятельности. И, как всегда, утверждение решений Экспертного совета по наградам. Что касается последнего, в котором я принимал горячее и деятельное участие, то худо-бедно образовался список кандидатов из 6 страниц, по которым у Экспертного совета было свое, не чиновничье, мнение. Я рад, что хоть что-то можно сделать. Вообще, мне кажется, я превращаюсь не только в летописца жизни литературы, но и начинаю вести летопись Минкульта. После сегодняшнего заседания возникло ощущение, что Соколов все-таки своего добился. Молодец, настоящий русский характер! Все претерпел, наезды, пренебрежение искусно срежессированного общественного мнения, даже наезды на заседаниях Правительства — и все же заставил Министерство крутиться и по-своему, и как надо.

Кстати, заметил я, что прежняя мода — молодежная — все эти короткие чубчики, выхоленные ноготки и приталенные пиджачки — сникла, и вот когда снова пришли седые и многоопытные, видимо, еще советские чиновники, дело и закрутилось. С особой любовью и пристальностью Соколов занимался сегодня Конкурсом Чайковского. Здесь два момента. С одной стороны все это ему хорошо знакомо, с другой — последнее время Конкурс, конечно, в упадке. С 93 года исчез постоянный орган, руководивший процессом. Я слушал доклады и выступления, и постепенно в моем сознании появилась очень сложная система: договора на залы, договора с членами жюри, пиар, заявки на участие. Очень много говорили об Интернете, о газете «Музыкальное обозрение», которая заняла какую-то непонятную позицию. В общем, у нее оказалось право на бренд — «Конкурс Чайковского». Этому вопросу — Интернету и всей электронной машинерии — было придано очень большое значение. Понравилось выступление Спивакова, который указал, что в огромной пиаркампании не задействована такая газета, как «Культура». Спиваков вообще много и интересно говорил о том, что пиарит не только Интернет, но в особенности и традиционные средства массовой информации. О сложностях, возникающих с жюри — ссылаясь на собственный опыт, сказал, что большинство

крупных музыкантов в жюри даром сидеть не любят, даже в Испании, на Конкурсе им. Сарасате, где он председательствует (тут он отказать не может, так как Испания в свое время приютила виртуозов Москвы) ему платят за 5 дней работы 10 тысяч евро и по 5 тысяч членам жюри. Сколько волнующе-нового узнаешь из этих разговоров! Оказывается, для нашего жюри — а оно огромное, кажется, 79 человек — деньги, по 5 тысяч на каждого, добил у спонсора непосредственно министр. Это просто удивительно — как быстро А.С. вошел в эту систему знакомств, отношений и выбивания денег! У меня все время крутился вопрос на уме: каково соотношение между бюджетными деньгами и спонсорами? Вопроса я не задал, но ответ получил: бюджетные деньги — одна треть. И опять возник разговор о том, что для русского Конкурса главным спонсором должна стать русская фирма.

Потом перешли к Соловецкому архипелагу.

Здесь много было разных разговоров и разговоров трагических. Собственно, разговор был инициирован Клебановым, полпредом президента на Северо-Западе. Понимая всю трагичность ситуации, Клебанов предлагал принять решение о специальном охранном статусе Соловецких островов, как особого памятного места.

Большинство выступлений пропускаю. Что касается меня лично, то мне кажется, что Соловецкие острова должны стать некоей совершенно самостоятельной административной единицей, как бы Венецианской республикой, управляемой из Москвы дожем, а также коллегией, состоящей из представителей Православной Церкви, военных, которые, к счастью, опять пришли на остров, и гражданского населения. Русская Православная Церковь достаточно настойчиво требует острова в свое управление, и если бы она с этим справилась, но не была бы так агрессивна к местному населению, то это, конечно, лучший вариант решения вопроса. Архангельск вроде бы намылился создать огромный туристический комплекс и жить за счет этой святыни — собираются расширить посадочную полосу, чтобы сажать частные самолеты, построить гостиницы … А за гостиницами пойдет и казино и прочее и прочее. Выступал представитель Архипелага, который довольно ловко, в рамках советской демагогии, вертелся, — на Соловках уже вроде бы строят коттеджи, и уже здесь огромное поле для злоупотреблений. Много говорили о природе, которая сильно нарушена и очень медленно восстанавливается. Нужно вкладывать огромные деньги и в экологию, и в приводить в порядок гидросооружения. Главный вопрос все-таки, повторяю, —

вопрос власти, если хотите — власти самодержавной. А все эти мониторинги, рейтинги, переписи, планы — все это мы слышали много раз. И еще много раз услышим, коли говорим о власти: надо думать о той ее ветви, к которой сохранилось еще доверие, а к гражданской власти доверия уже нет. Получиться можно только при помощи Церкви, если будет особое соглашение, позволяющее Соловкам остаться открытыми для гражданского населения и туристов-паломников.

Во время разговора о Соловках раздался телефонный звонок, звонил СП.: умерла Клавдия Макаровна. Теперь он, бедный, один на этой земле, как перст.

В 5 часов пошел на традиционную встречу с Лужковым. Ожидания, естественно, меня не обманули. Выступающие были все те же: первым Марк Захаров, особый любимец, и какой это талант: ввернуть комплимент, похожий даже на критику — это когда М.Захаров стал говорить о много раз описанной войне между мэрией и Анат. Васильевым. Потом выступал Петр Наумович Фоменко. Это также изысканный полупоклон в сторону мэрии; но и есть за что: мэр строит для Фоменко новый театр. В связи с этим, я вспомнил, отыскал и теперь «выпечатываю» цитату из книжки Виктора Яковлевича Вульфа. Почему я так часто цитирую кого-то: это совпадение мыслей, это моя неуверенность в правоте. Оказывается, что думаю так не только я. Вот цитата, по такому случаю.

«Часто у тех, у кого большая власть, нет ни моральных тормозов, ни элементарных познаний. На встрече московской интеллигенции с Лужковым в 2002 году многие выдающиеся деятели искусств обращались к нему как к полубогу. Становилось не по себе. Выяснилось, что политика — удел специалистов, обостренная чувствительность ушла на задний план. Тема денег и заработка переместилась на авансцену».

Я сидел рядом с Т.В.Дорониной. У нас с ней удивительно одинаковое отношение к театру. К театру как к театру, а не как к имитации жизни. Но, кажется, я не закончил то, с чего начал.

Собственно, пошел я на встречу с Лужковым только потому, что очень хотелось посмотреть новый театр им. Станиславского и Немировича-Данченко после ремонта и двух пожаров. Такие огромные в это вбуханы деньги, какой роскошный голубой занавес! Театр для меня привычен, я помню, как ходил сюда мальчишкой, знал все ходы и выходы. В конце фойе заглянул за дверь, где раньше был репетиционный балетный зал и раздевалка хореографического училища. Дверь открылась в некий сверкающий нержавеющей сталью буфет. Мне показалась, что планировка нижнего фойе чуть изменилась не к лучшему:

выгорожена малая сцена; зато появился огромный атриум, внутренний двор, который, возможно, и нужен театру. Все было очень богато, но, похоже, больше рассчитано, на балы и карнавалы, а не на интимный оперный театр. Какие же надо было вложить в это деньги… И тут мне стало известно, что чуть ли не 37 % всего московского бюджета уходит на карнавалы, шествия, зрелища, содержание муниципальных театров. Процент велик до недоверия. Хотим жить красиво, если уже живем богато.

Но опять к заседанию. Народа на этот раз было не много, интерес к подобным мероприятиям угасает, их ход и главные солисты предсказуемы. В президиуме сидели прежние персонажи — несколько осунувшийся мэр, Л. И. Шевцова, Платонов, который в свое время так и не приехал в институт, С.Н. Худяков, который делал на этом заседании доклад. Много говорилось о годе ребенка, о спектаклях для детей и родителей. Я отношусь к специфике детского театра очень сдержанно, потому что меня в моем детстве никто не водил на детские спектакли. Один только раз я, мальчиком, посетил ёлку в ЦДРИ, где прочитал стишок, «Колокольчики мои, цветики степные…» Мне всегда не нравилось, когда меня называли ребенком, я казался себе взрослым, допускал, что лишь мои ноги, руки, спина еще не выросли, были недостаточно сильными. Мое развитие могло идти дальше, как мне казалось, и во взрослом театре. Но потом, вслушиваясь в речь Худякова, в цифры, которые он приводил, я подумал, что, возможно, жизнь ребенка все-таки может измениться от посещения какой-нибудь детской слюнявой глупости, на которую такие мастаки сегодня — ведь театр это очень сильная духовная прививка, и не всегда она проходит бесследно. Дай Бог, и на это никаких денег не будет жалко. Наконец заговорил Лужков. О том, что именно в Москве рождается основной доход, из которого идет и зарплата, и пенсии, и социальные льготы; здесь же и источник денег для культуры и для всех сидящих в зале очень немолодых людей.

Но уже было время уходить, потому что в 7 часов вечера я твердо решил попасть на выступление легендарного Михаила Лавровского. А перед этим пережил тяжелый момент выбора: в один и тот же день в Консерватории представляли оперу Щедрина «Боярыня Морозова», в Доме Правительства на набережной назначили вечер Касаткиной и Василева, и вот — вечер Лавровского. «65 лет со дня рождения и 40 лет творческой деятельности. Михаил Лавровский в кругу своих друзей» Я все-таки выбрал Лавровского (кстати, в ближайшее время мне придется писать статью о Григоровиче, напитываюсь).

Сравнительно недавно, на вечере памяти отца Михаила,

Леонида Михайловича, я помню, поразился этой фантастической выразительности танца Михаила. В 65 лет он способен выкрутить десяток пируэтов и 10 минут держать на сцене какие-то пляски, — конечно, чудо может быть отнеено, и к особенностям физиологии. Но какова выразительность рук и тела, когда каждое его движение что-то говорит тебе и твоему чувству и интеллекту. Вот это поражает, поражает и внутренний ход мыслей этого человека, который так и не ушел на пенсию. Здесь вспомню отрывок из его постановки, где он выступает как балетный и драматический актер в роли Ричарда III. Описать невозможно — это невероятно. До этого я видел еще одного гениального Ричарда — молодого Голобородько, теперь Лавровский! Горб, который он все время стряхивает со своих плеч!

30 октября, вторник. Приехал в институт рано, разговаривал с Н.В., диктовал дневник Е.Я., обдумывал, как буду вести назначенную на сегодня кафедру. Повестка дня простая: правила перехода студентов из одного семинара в другой. За последние время правила эти размылись, студенты, особенно когда у них не ладится, стали пользоваться облегченной процедурой. Поводом к этому стал один из студентов И.Л.Вишневской, который решил, что ее методика ему не подходит. Но когда я заглянул к нему в творческую папку, то обнаружил, что в ней кроме вступительной работы ничего нет. И.Л. тоже его не представляет, потому что он на семинар не ходил.

Еще в субботу и воскресенье прочел два рассказика Ксении Фрикауцан. Один я помню еще с лета: девочка была влюблена в своего брата и соблазняет его. Второй — тоже не слабо: влюбленная в мужа подруги девица подмешивает ей в питье какое-то «народное» зелье, и у той происходит выкидыш. Сделано все это легко и свободно, стиль не глубокий, не задевающий сознание, а облегченный. В общем, я не очень знал, что и говорить. Но приехала моя заочница Оксана Гордеева из Иркутска, и ее срочно нужно было обсудить. Как все-таки в моей жизни иногда все стекается! Поздно вечером принялся читать и читал внимательно и долго: редкая мощь и редкая плотность текста. Это бытовая, скорее эссеистская проза. Детство, сегодняшний день, много смертей, земля, предки, колдовство, идущее от бабки, провидение. И все это на восьми страницах. Сразу же, утром возник план: Оксана будет читать весь текст, а отдельные куски я буду комментировать и задавать по ним вопросы. Мне хотелось, чтобы семинар услышал текст другой ориентации, другой земной тематики, другой стилистики. Вот так и прошел семинар. Три с половиной часа. Семинар, а на этот раз

присутствовало 39 человек, замер, затих и так сидел. Разбирали, на чем держится текст, говорили о филологической его окрашенности, о многообразии приемов, которые поддерживают конструкцию.

Вечером устроили с Ю.И.Бундиным обычный наш ежемесячный ужин с морковным соком в кафе «Форте»

1 ноября

1 ноября, среда. Я не процитировал, когда приводил данные из «Труда» о нашем вице-спикере, подводку к материалу. В ней иронично говорилось, что во всех правительственных офисах нынче шуршат ксероксы: снимают копии с материалов, которые газеты публикуют о вице-спикере. Еще бы, такой разнообразный художественный вкус! Я полагал, что это некоторое преувеличение. Ан, нет! В моем почтовом ящике тоже оказался подобный ксерокс — это Ашот, зная мой интерес к подобным вещам. Но дело в том, что мне доподлинно известно, что Ашот «Труда» не читает, значит, это информация со стороны. Да, да все та же статейка: «Все, что нажито непосильным трудом…».

Днем крутился со здоровьем, как всегда в среду: заряда, баня, массаж, который дорог, но который прописали. Вечером поехал на дефиле к Вячеславу Зайцеву. Здесь опять нет смысла говорить, как это прекрасно, как сильно его замалчивают, потому что и он, видимо, не входит в основную тусовку, но кое-что отметить стоит. Например, сугубо русское по духу направление его работы. И демократическое: он все старается делать из недорогих тканей: итальянских, ярких китайских и шелков с подмосковных фабрик. Целое направление у него построено на тканях из Павловских платков — платья из этих тканей чудо как хороши. Но и Зайцев служака времени: один из разделов его коллекции — домашняя одежда для богатых. Красиво и нарядно, и как это смотрится на молодых моделях! Есть и еще одна удивительная составляющая обаяния этих прекрасных чем-то величественных нарядов: дамы в подобных платьях не должны поднимать подол в подъезде. Для меня это было своеобразным открытием.

Теперь самое главное: уже два дня потихонечку читаю тяжелый, трудный текст Насти Тягуновой. Написано местами замечательно, но все это о любви женщин к друг другу. Будет трудно расставить акценты в представлении этой дипломной работы комиссии… Местами это не хуже Берроуза.

2 ноября, четверг. Пришла Литгазета — ожидаемой статьи В.С. в ней нет. Я посмотрел номер, раздел телевидения и искусств — в основном, — пишет редакция, это мне хорошо знакомо, этим путем проходили к крушению интереса многие газеты. Возможно, стали хуже относиться и ко мне. Кто-то сказал мне, что почувствовал это по статье, которая касается романа Королева. В статье есть утверждение, что, дескать, эта последняя Московская премия выдана не совсем тому человеку. Не просвечивается ли здесь некоторая ревность другого автора, который пишет на туже

тему?

В номере есть замечательная статеечка Саввы Ямщикова. Вот это смелость, вот это понимание искусства! К самому Вите Ерофееву я отношусь неплохо, потому что гляжу на его теледеятельность с другого берега; беда, что она не уравновешена на телевидении иной точкой зрения. Тем не менее, этот крошечный текст, перепечатанный из газеты, по своей постоянной любви к коллекционированию подобных явлений вношу в Дневник.

Послу Республики Франция в России г-ну Жану Каде

Уважаемый господин Посол, обратиться к Вам заставило недавнее вручение г-ну В. Ерофееву ордена Франции за особый вклад в развитие культуры. Отрадно, что дружественная страна отмечает успехи выдающихся наших музыкантов, художников, режиссёров и артистов почётными наградами, продолжая вековые традиции взаимодействия русской и французской культур. Безусловно, право выбора достойных — прерогатива Вашей страны. Ни в коем случае не стал бы я навязывать свою точку зрения, если бы речь не шла о явном поругании русской литературы, чьи талантливые представители обогатили человечество нетленными образцами своего творчества, отличающегося отточенным профессионализмом и высокой нравственностью. Нынешний орденоносец не обладает ни одним из этих качеств, зато проповедует вседозволенную пошлость, откровенный цинизм, позволяет себе надругательства над самыми тонкими материями, касаться которых недостойно его неумелое перо.

Заверяю вас, господин Посол, что под этими строчкам могут стоять подписи многих моих соотечественников — подлинных мастеров нашего искусства и литературы и простого читателя.

Ко всякого рода орденам и медалям я отношусь безразлично, понимая, что высшая награда для человека — дарованная Богом жизнь и незапятнанное на протяжении этой жизни собственное имя. Понимая, что всякое награждение являете частью политической и культурной деятельности, не могу оспаривать, скажем, увенчание французскими лаврами г-на Венедиктова, главного редактора «Эха Москвы». Когда же речь идёт об оценке литературных опусов гражданина страны! давшей миру Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Чехова, Пастернака, Шолохова и Распутина, само приравнивание к их творчеству господ, подобных новоиспечённому кавалеру, заставляет вспомнить толстовское «Не могу молчать!»

С почтением,

Савва ЯМЩИКОВ, искусствовед-реставратор

Практически дочитал повесть Насти и записал целую

страницу разных мыслей для вводного к защите материала. Полагаю, что это очень талантливая девушка, которая завоюет право писать — и в своем стиле и на свою тему; по крайней мере — это писательница.

Вечером был на вручении премии «Хрустальная роза» Виктора Розова. Все происходило в Театральном центре на Страстном, в том же зале, где два дня назад я был на вечере Лавровского. На этот раз ряды кресел были убраны, осталась только сцена со ступеньками из зала, а в, свободном пространстве расставлены круглые столы с едой и напитками. В сравнительно небольшом помещении кроме членов клуба было много гостей, преимущественно лауреатов из провинции. С удовольствием встретился с Шаргуновым, Лановым, был Трошин, Катюков, Гриша Заславский, естественно не обошлось без Сережи Сибирцева с его постоянным оруженосцем Сашей Гриценко. Саша с радостью мне сообщил, что хотел бы написать о моих романах в сборнике «Ах, заграница, заграница», но В.Огрызко ему не разрешает. Не очень поверил ни тому, ни другому. Чуть поговорил с Володей Еременко, который рассказал, что мои «Дневники», напечатаны в «Современнике», читают, и кто-то из чиновников. Сообщили Миронову, что Есин его похвалил. Обсудили еще и дело Слизки, Володя сказал, что обычно, когда происходят такие кражи, крупные чиновники или «вип-персоны» об этом в милицию не сообщают. И правильно делают.

В роскошном алом платье была Лена Богородицкая, которая на эту церемонию доставала деньги. Все у этой женщины получается легко и сердечно. Лауреатов я всех уже знал. Возможно, по меркам искусства кое-кто и оказался уровнем ниже моих представлений, но я еще раз подивился социальной мудрости М.И.Кодина. Вот партийная и аппаратная закалка. Премия постепенно превращается в важный инструмент общероссийской культурной жизни — здесь в первую очередь рассматривается давно заброшенная московской тусовкой провинция. Для Улан-Удэ или Омска это целое событие. М.И. был по своему обыкновению чрезвычайно щедр на слова, (чтобы не сказать — многословен), но речи его, тем не менее, содержательны. В частности, он не постеснялся заметить, что премия «Триумф» была организованна на краденые деньги Брезовского, и помянул Зою Богуславскую, которая взялась эти деньги распределять. Промелькнуло здесь и словечко, придуманное Виктором Сергеевичем Розовым, — «холуяж». «Наступят времена, когда люди будут стесняться, что были лауреатами подобного «Триумфа».

3 ноября, пятница. У Максима Лаврентьева при всей его

мягкости и деликатности есть решимость, которой позавидовать могут многие. Дело с современными поэтами, вернее с вечером «100 минут поэзии» в Политехническом музее, куда я его пригласил, не закончилось так просто. Не даром этот гвардеец выскочил из зала. Максим, оказывается, написал короткую, но злую, я бы даже сказал, злобную заметку в «Литературную Россию». И получил массу откликов. Это естественно, потому что «современный стих» писать, похоже, легче, чем как по мысли Максима, добиваться точности и адекватности формы и содержания. «Поэты» восприняли заметку как явное ущемление своих прав писать так, как они пишут. Интересно, что прослушав всю в отличии от Максима программу, я не помню ни одной строчки из нее, хотя стихи были разные, в том числе и очень напряженные (Дмитрия Плахова или стихи покойного Рыжего). Объяснить, что меня раздражало, было буквально нечем. Но вот Максим отыскал стихотворение того самого Шиша Брянского, — то самое стихотворение. Около сорока строк… «Когда я был микробом, Меня е…и крупным ё. м»…; «Мной Иегова дорожит, Черт Ё …..й бежит»; «Но когда совсем уже х…о, помогает мне не Иегова, А волшебный брянский мальчик Вова, которого я изредка е..» «И растет из глаз моих трава, Когда Москва сгорела и ё…….сь Рязань»; «И прямо в Ж….у себя ткну…». Основная мысль Максима заключена в следующем абзаце. «Совершенно очевидно, что мы живем в эпоху тотального непрофессионализма, разъединяющего все сферы общества — от его властных структур до организации системы образования. Средняя школа плодит дилетантов, полагающих, что их ущербного знания вполне достаточно, чтобы судить профессионалов». Мысль о школе, о том, что гибель нашей культуры идет с ее тайного попустительства, мне особенно близка.

Листочки со своей заметкой и статьей Максим дал мне, когда я уходил из института после семинара, где довольно подробно говорили о том, что сделать с работой Насти Тагуновой. Если она меня послушает, то все получится.

На дачу уехал только в одиннадцатом часу.

К семи отправился в галерею Шилова на презентацию новой книги покойного А.А. Зиновьева. Показали фильм-монолог ученого. Меня все время не оставляла мысль, что этот человек, устраивая свою судьбу все же бросил Отечество и многое сотворил, чтобы потом начать его спасть. Увиделся с Володей Луковым, моим руководителем. Замечательный человек, замечательный характер, умница, как многим я ему обязан.

4, 5, ноября, суббота, воскресенье. Витя уехал в Пермь к своей невесте Лене, С.П. в Воронеже хоронит мать, Клавдию

Макаровну, и я взял с собой на дачу в качестве телохранителя и помощника Пашу Быкова, своего бывшего ученика. За два дня с ним я узнал о современной молодежи больше, чем за последние пять-шесть лет. Это особый мир. Пять лет после окончания Литинститута Паша учится в Гнесинском училище по классу вокала. Он многого достиг, у него сильный, энергичный и привлекательный голос. Паша общительный и очень откровенный парень. Последнее я ценю особенно. Мы ходили гулять вдоль реки и гуляли долго и славно. Погода была прекрасная. Топили баню, много и упорно ели. Разговоры вели какие-то легкие, свободные об искусстве, о литературе, о моих учениках, некоторых я уже забыл, а Паша помнил всех. Паша доброжелателен, не ленив, всегда готов взять часть забот, а не только быть гостем. Сам истопил баню. Живет он трудно, в Москве приходится снимать квартиру, подрабатывает преподаванием русского языка, на певческие пока тощие гонорары не прожить. Готовит себя упорно и настойчиво к большой судьбе, к работе где-нибудь в Германии или Франции, там много сейчас русских певцов. От него я услышал много точных характеристик наших известных певцов, особенно тех, кто сделал карьеру на Западе. Там, по сравнению с Большим и Мариинкой театры невелики, даже, Ла Скала кажется заметно меньше. Всего, что рассказывали, и что тут же дополнялось в импровизациях, не пересказать, но все это пригодится. Телевизор почти не смотрели. Ожидали, что покажут «Русский марш», но запретили, куда-то перенесли; пресса, естественно, помалкивала. Я думаю, что может быть, следующий роман напишу о молодом нацболе. Много говорили о Василине Орловой, на которой Паша года два был женат. По моим впечатлениям, Паша любит ее и до сих пор, но понимает, что жить им вместе почти невозможно: крайний эгоизм обоих, диктуемый творческими амбициями. Мне также кажется, что у Василины сейчас роман с Максимом, другом Паши. Впрочем, похоже, никто ни от кого ничего не скрывает.

6 ноября, понедельник. К сожалению, мы вынуждены были выехать уже рано утром в понедельник, потому что днем у Паши репетиция и концерт на закрытии фестиваля «Русский витязь». Он дал мне два билета, на концерт, ходил приехавший из Воронежа С.П. с сестрой Олей; рассказывали потом, что пел Паша под оркестр прекрасно.

Два дня в Обнинске, пока Паша отсыпался от своей Московской жизни, учебы, работы, проблем с деньгами и квартирами, от своей литературы, потому что она тоже его тянет, я упорно и методично, фраза за фразой добивал роман.

Л.К. Слизка становится одним из основных персонажей моего

дневника. Но кажется, не только моего интереса. Не успел приехать с дачи, как у меня в почтовом ящике новый огромный, чуть ли не на полполосы, материал, который положил Ашот. На этот раз из «Советской России» — полный список украденного у вице-спикера, с ее же комментариями. Сам материал «Советская Россия» перепечатывает из «Комсомольской правды», но делится и своими соображениями. Я не смогу удержатся от соблазна, обязательно помещу их в дневник, но сначала собственное замечание. Воистину, надо быть настоящим чиновником, чтобы просто составить список из девяноста пунктов и чтобы все запомнилось: и «монета 1899 года, царской чеканки», и про «брошь в виде изогнутого стебля одуванчика, украшенная по краю стебля тремя бриллиантами и жемчужиной». Если мы так любим побрякушки, если помним каждый крошечный бриллиантик и цену каждой брошки, то откуда время на законодательную инициативу?

Теперь две цитаты. В начале публикации. «*В прошлом номере «Советской России» напечатано коллективное обращение группы сочувствующих граждан с предложением возмещения Любови Константиновне убытков. Однако после того как в средствах массовой информации появился перечень украденных у Слиски вещей, составленный с ее слов следователями, стало понятно, что для компенсации утраченного не хватит средств никакого фонда за исключением, пожалуй, Стабилизационного*». Вторую цитату я взял из небольшого комментария в конце материала. Судя по всему, Любовь Константиновна опомнилась, после того как прошел шок первых известий о пропаже, и возникла мысль, что должность, на которой так славно дарят подарки, стоит дороже, чем временные издержки. Поэтому в газетных интервью появляется и мотив о малозначительности материальных утрат, и философское видение: «Бог дал, Бог взял», Л.К. стала разъяснять, что получает большую зарплату, и большие командировочные; кстати, сказала, что и муж ее не последний человек, работает судьей в Мособлсуде. Там, конечно, таких подарков нет (или они по-другому называются?)… Теперь обещанное: «*И все-таки пропажа таких серьезных материальных ценностей является событием весьма тревожным. Наводящим, кстати, на определенные размышления. Естественно, взяли депутатские ценности воры, а не Бог. Но, как выяснилось из комментариев Слизки, не от Бога эти ценности получены. Драгоценности ей, по собственному признанию, дарили Касьянов, Лужков, Кучма, Шаймиев, Зурабов, Чубайс, Ресин, некоторые богатые, но неназванные по именам бизнесмены, другие видные российские и зарубежные чиновники и политики.*

Если бы Слизка, продолжает газета, была частным лицом, то и подарки такие были бы делом абсолютно частным. Ну мало ли какие отношения связывают всех этих занимающих видное положение мужчин и цветущую женщину. Но Слизка является высокопоставленным государственным служащим, так что волей не волей щедрость дарителей связывается с ее возможностью оказывать определенное влияние на те или иные решения. Характерны и сами подарки — это не цветы, не книги, а, главным образом, ювелирные изделия (пусть по меркам Любови Слизки, и скромные, с «мелкими бриллиантами» и «плохим жемчугом»).

Почти сразу же, как приехал утром сел за компьютер. Что-то сочинял в дневник, переносил тексты с места на место, потом стал стругать последнюю главу романа. По моим подсчетам, мне оставалось написать 5–6 страниц от лица основного героя. Героиня защищает диплом, на помощь ей приходят классики, потом некий шум, все должно быть высказано и что по поводу института и преподавателей думает он, и что думаю я сам и — баста, все. Но в какой-то момент я понял, что от лица Саши, второго героя, т. е. объективно, от лица стороннего наблюдателя я всего этого сделать не смогу, моя злость окажется немотивированной, а мои претензии неопределенны. И тут я понял, что я напишу еще одну главу, опять от лица героини. Я поставлю ее в тоже «летящее» положение, с которого и начался мой роман. Теперь надо от всего отойти, перестать думать об институте, собраться и — вперед…

Но ведь нельзя закончить одну главу и тут же начинать другую. Весь оставшиеся вечер читал книжечку Вити Матизена, «Жизнь шкрабов». Самое интересное — рассказы из времен, когда Виктор Эдуардович работал школьным учителем. Вот этот учитель, его отношения с учениками, приключения, даже сексуальные: учитель и ученицы — все это нетрадиционно и очень свежо, мне это нравится. При том Матизен не считает себя писателем.

7 ноября, вторник. Рано утром В.С. отвезли на операцию, прошлый раз фистулу ей заглушить так и не смогли, будут делать это завтра. Это уже, кажется, десятое или одиннадцатое хирургическое вмешательство. По обыкновению, сразу же после отъезда, долго убирался в ее комнате. Выбрасывал обрывки бинтов, разные коробочки из-под лекарств и пр., перестилал постель.

Сегодня на семинаре обсуждали два рассказика Ксении Фрикаудан. Я перенес обсуждение с прошлого раза, потому что они не могли конкурировать с блестящим материалом Оксаны Гордеевой. Последняя и старше и опытней; Ксении 17 и свои

рассказы она написала, с ее слов, в 16 лет. Все нормально, и язык и вся обстановка вокруг, но настоящая густая жизнь отсутствует. Маленький профессионал. Я долго раскапывал, чего же здесь не хватает, заставляя высказаться всех семинаристов. Их у меня сегодня 38. Грубо выражаясь, не хватает трагизма, совестливого отношения человека к тому, что предлагает ему жизнь.

Перед семинаром рассказал о 7-м ноября, т. е. о параде на Красной площади, многие ничего об этом почти не знают.

Обедал вместе с Тарасовым, Стояновским и Ужанковым. Тарасов только что вернулся из Италии и теперь в конце ноября уезжает в Кельн и Лейпциг. Я к шестидесяти годам уже объехал полмира, поэтому по-хорошему понимаю слабость к перемене мест и интеллектуальную жадность. Во время обеда выяснил, что молчаливый и таинственный Миша не успел рассказать начальнику ни о «приятном» — инструкции о переводе студентов с семинара на семинар, которую навояла наша кафедра, ни о «неприятном», о чем я его, в отсутствии ректора тоже проинформировал. Это о звонке Андрея Григорьевича Румянцева из Иркутска. Кстати, его уволили, даже не предупредив. Теперь он, закономерно, говорит, а зачем я буду добиваться у губернатора денег для студентов. Их у нас пока 21 и они, если не принять меры, могут оказаться последними. По большому счету мне станет легче, хотя ребят жалко, жалко до слез, но ведь в Москве вести их приходится мне, а числятся они за Румянцевым. БНТ быстро смекнул, что это означает, но теперь это его дело. Наши начальники удивительно живые люди, не теряющие ни одной минуты времени. Уже, кажется, успели попросить квартиру, и Москва им, естественно, отказала. Зато сами, без постороннего совета, втихаря…

Утром позвонил Леня Павлючик. Буду ли я смотреть «Тихий Дон»? Речь шла о том фильме, который Бондарчук снял в начале перестройки на итальянские деньги, и материалы к которому недавно вернулись в Россию. Фильму идет жуткая, отторгающая и настораживающая реклама. Я уже заранее смотреть отказался. Леня хотел отзыва для газеты, я сказал, что ради этого времени тратить не стану. А вот после ужина совершенно внезапно посмотрел, накатили какие-то мысли.

8 ноября, среда. Не знаю почему, но после вчерашнего телевизионного «сеанса», встав с постели, сразу же решил написать заметочку для «Труда». Что-то меня все же зацепило. Тут же продиктовал все Лене, который оказался с утра же на работе. Перепечатываю черновик, посмотрим, что останется в газете.

«*Это первые впечатления, они могут быть еще*

скорректированы. Но сразу чувствуется мощная «львиная лапа» покойного Сергея Бондарчука. Народные сцены такой густоты и подлинности характера мог в нашем кино создавать только он. С первых же кадров что-то настоящее и родное, как для русского человека — звук гармошки. Иногда даже не верится, что люди с хорошо знакомыми лицами все же актеры. И только не напоминайте, что нас ждут еще массовые военные сцены. Мы часто говорим о Бондарчуке как о баталисте, как о Дорониной, что она великая актриса, будто желая принизить их в других видах их деятельности. Гениальный человек невероятно успешен во всем. Тем не менее, первые кадры огромной эпопеи — здесь Бондарчук бесспорный мастер — наводят на некоторые размышления.

И первое: как смог он такое поднять, сохранить в себе величие духа и незамутненный народный взгляд на жизнь в атмосфере той невероятной и несправедливой травли, которая была поднята в то время его коллегами по кинематографу. Где нынче эти злобные гении? А Бондарчук достает нас и из своего бессмертного далека.

По первым кадров можно сделать вывод, какой бы мог получиться шедевр, абсолютно разведенный с знаменитым фильмом Герасимова и по взглядам и по концепции и решению, если бы фильм создавался в тех же достаточных условиях, что и «Война и мир». Очевидно, что диктат продюсера сильнее, чем тирания былого Госкино.

Я не уверен, что покойный Петр Глебов был сильнее и выразительнее, чем английский аристократ Руперт Эверетт. Но Эллина Быстрицкая в нашем сознании перестала быть только актрисой, блестяще исполнившей роль, она превратилась в постоянный персонаж нашей духовной жизни. Что-то подобное по мысли писал Пастернк, сравнивая игру Тарасовой и Степановой в «Марии Стюарт». Если бы Дельфин Форест не придумывали прическу, как у Клаудио Кардинале в «Леопарде» Висконти…Это все — не все для русского глаза.

Думаю, опытнейший Бондарчук-старший не стал бы в телевизионной версии фильма пользоваться уже ставшими привычными образными символами. Небо — это метафора вечности и духовного прозрения князя Андрея из фильма «Война и мир». Да и коршун из песни тоже слишком привычен.

Я полагаю, что характерный и любимый дикторский голос Никиты Михалкова, только что на нашем телевидении отыгравшего в «Жмурках», это скорее дань благодарности сына за единственного защитника отца на знаменитом пятом съезде Союза кинематографистов. Но в «Войне и мире» дикторский текст, прочитанный самим Бондарчуком, нес другой, не иллюстративный характер.

Что теперь будет дальше?»

Утром же ездил в ВАК, подарил Загузову книжку. Я знаю всю трагичность состояния его здоровья, но выглядит Н.И. прекрасно. Я очень за него радуюсь и восхищаюсь его волей к жизни и стойкостью. Не могу сказать, что Н.И. принимал во мне участие, но был лоялен. Для чиновника таких возможностей это больше, чем достаточно. Поездка на Сухаревку знаменательна для меня еще и тем, что в метро я наконец-то прочитал стихи **Павла Лукьянова** в «Знамени». Я обязательно еще раз перечитаю подборку: «Мои стихи о Советской родине». Здесь совершенно иная, во много раз мощнее, энергетика, своя поэтика, мощь и умение видеть. Надо бы цитату, но трудно выбрать. Это совершенно по-другому, чем у Максима, и в чем-то даже, может быть, сильнее. Дай Бог ему продолжения.

> «Теплый лежит на постели, бегает мягкая кошка,
> теплый смотрит и слышит: на кухне его родные:
> жена постаревшая тоже, дочь и чужой молодой.
> Голоса — то один, то трое — поскорей бы уже поделили.
> телевизор цветной убийца показывает только счастье,
> становится кем-то четвертым, кто лишний всегда и нужный».

Сегодня посмотрел вторую серию «Тихого Дона». Она просто ужасна. Стал заметен не пережеванный материал, торопливая и неталантливая работа Бондарчука-сына. Я думаю, что мою вчерашнюю заметку, Леня, после увиденного, просто напечатать не сможет..

9 ноября, четверг. Утром дочитывал дипломную работу Володи Никитина, который тоже меня удивил. Это рассказы в его манере, вязкой, эдакой прустско-манновской, умной и местами точной. Он все же меня взял измором и поступил правильно. Сколько я ни пытался перевести его в обычный реалистический ряд, и, тем не менее, остался таким, каким хотел. И, слава Богу. Это, конечно, не рассказы, на полный рассказ, пожалуй, у Володи пока пороха не хватает, здесь нужен просто другой талант. Он, как и большинство моих учеников, не беллетрист, для этого он слишком умен и начитан. Многие мои ребята, очень начитанная публика, остаются в плену западной литературы. Володя из их числа. Практически он написал некие притчи, причем маленькие, на несколько страниц, у него получаются лучше. Главная тема Володи — детский страх и бесстрашие смерти, детство, первозданный мир, увиденный наивными глазами. В общем, справился. Теперь буду думать, кого ему определить в оппоненты.

К трем часа ездил в «Российскую газету» на дискуссию, связанную с фильмом Юрия Кары по «Мастеру и Маргарите». Позвали меня туда Ядвига Юферова и Павел Басинский. Кстати, сын Паши Антон все же ушел в армию, Павел к этому хорошо и здраво относится. Из давно знакомых видел уже всего седого Валеру Кичина.

Планировали и ставили фильм давно, еще до 1993-го года. Говорят, фильм получился, но с наследником авторских прав — С.С. Шиловским не договорились. Дело в том, что во время создания фильма закон о сроках авторских прав изменился, они расширились. Фильм лежит; естественно, производители хотели бы не платить вовсе или платить минимум. Но вокруг этого накрутили еще массу демагогии. Все по советским временам знают, что скандал в прессе может многое повернуть, но сейчас это не так. Когда-то, как я понимаю, для понта, С.С. Шиловский запросил миллион. Сейчас этим запросом размахивают, но вести переговоры, разумно торговаться не хотят, вдруг выкрутятся и так, под влиянием общественности. Сейчас складывается так, что фильм можно и прокатать и продать, т. е. получить значительную прибыль, но прибылью делится ни с кем, даже с законными наследниками, не хочется. Так я все это понял. Все время пытались говорить о Шиловском и Елене Сергеевне, о том, что не было завещания, о том, что Шиловский не был усыновлен Булгаковым и прочую чушь. Но судиться, доказывать «ничтожность» чужого права не хотят и не решаются. Я говорил об авторских правах в России, о том, что Общество всегда будет защищать закон и правообладателя. По возможности я старался убрать из разговоров всю демагогию. Очень понравилось, как все это держала Ядвига Юферова, толково и умно, да и сама хорошо выглядит.

Последнее время езжу в метро, на машине быстро и не проедешь. Все по-прежнему, несмотря на телевизионную борьбу: предлагают регистрацию, аттестаты, дипломы, медицинские книжки, продают курсовые работы и рефераты. Метро пестрит объявлениями. На улицах много расклеек о сдаче в наем квартир и комнат. Во многих таких объявлениях есть условие: сдаем только славянам. Дожили — в борьбе с ксенофобией, при советской власти ничего подобного не было.

10 ноября, пятница. Вынул газету из почтового ящика, когда уходил на работу. Большая подборка о «Тихом Доне». Леня Павлючик почти без правки напечатал мою заметку. «Убрали» только пассаж про Доронину и раскавыченную цитату Пастернака.

В новой статье о вице-спикере — комментарий к событиям

коллег Слизки по палате. Газеты восполняют молчание по этому поводу и государственного общественного телевидения. Само случившееся можно трактовать, как явное загнивание нашей парламентской системы. Оказалось, что наша Слизка одна из собственниц большого завода «Трансмаш», владелица 19 % его акций. По рыночной цене это составляет 60 миллионов долларов. Что противоречит статусу депутата, который на занятие бизнесом не имеет права. Но система Слиску защищает. Председатель думской комиссии по этике Геннадий Райков неприемлемым видит только то, что Слиска не платила с подарков налогов. Высказывание главного этика парламента так занимательны, что утерпеть, не поцитировав, никак невозможно. Здесь особые принципы духовного стриптиза. «Нигде закон не запрещает чиновнику принимать подарки, но обязывает включать подаренное в декларацию о доходах, чтобы взыскать с него налоги. Мне самому на 55-летие одна фирма подарила серебряный «Ролекс» стоимостью в три тысячи долларов». (Кстати, подскажите адресок, где часы «Ролекс» так дешево стоят.) Дальше что-либо цитировать казалось совершенно бессмысленно. Но все же есть и в парламенте женщины, которые коня на скаку остановят. Моя старая знакомая Елена Григорьевна Драпеко публично откомментировала: «Слышала объяснение, про пакеты акций предприятий, переданные ей в обмен на покровительство…Но если, как она говорит, все похищенное — подарки…По моему, презенты на десятки и сотни тысяч долларов иначе как взятками не назовешь». Браво!

Когда я прочел это в газете, моя рука потянулась к мобильному телефону, позвонить Елене Григорьевне, но тут же я наткнулся на следующий абзац: «В депутатской среде ведь как по всей стране — расслоение. Есть верхушка и ее смежники, сидящие в «хлебных» комитетах на дележке бюджета. А есть те, кто занимается бесперспективными (в смысле прибыли) направлениями — культурой, социалкой. Приходится все это теперь растолковывать населению, отвечая на расспросы о ювелирном складе в депутатском доме»…

На работе меня ждала телевизионная группа НТВ. Они делают передачу о некоем Евгении Титаренко, окончившем институт в 1964-м году по семинару Льва Кассиля. Оказалось, что это родной брат Раисы Максимовны Горбачевой. В нашей библиотеке была одна книга этого автора, изданная где-то году в 75-м. Я посмотрел, редактором ее была Зоя Коновалова, значит, книжка, по крайней мере, неплохая. Старт состоялся, в Союз молодого человека приняли, но, похоже, этот наш выпускник здорово пил. Для меня это привычный тип литератора, особенно в

то время, когда выпивка считалась и протестом, и неким богемным избранничеством, свидетельством на артистической подлинности. Мне показали очерк в «Московском комсомольце», который, видимо, ложится в основу передачи. Как позднее «пасли» неудобного родственника, оберегали: и квартиру дали, поставили милиционера возле подъезда. Все очень тенденциозно, с каким-то заданием выделить особую касту родни правителей. Словом, сведений о Титаренко в институте никаких не было, никто его кроме Е.Я. не помнил. Но одной Е.Я., которую я и сосватал для беседы, мне обойтись не удалось, пришлось становиться под объективы самому. Вот тут-то я им и сказал, что ищут они иногда не то. Например, когда не обнаружилось личного дела Титарнко у нас в архиве, или его уже взяли в ЦГАЛи, корреспондент некий Михаил Попов, мыслящий плоско и стереотипами, начал меня даже расспрашивать: а не КГБ ли вмешался?

На работе написал письмо В.М.Зайцеву и черновик рецензии на Володю Никитина. Также вместе с Н.В.Барановой доделали инструкцию по переводу студентов из одного семинара в другой. Звонил Парватов: готовится новый состав жюри Московской Премии. Просили меня подумать о смене составов. Этому я рад, все подустали, попривыкли, подзавязли в интересах друзей и знакомых.

Вечером уехал в Обнинск.

11–12 ноября, суббота, воскресенье. Вписал в дневник какие-то упущенные фрагменты, и в воскресенье наконец-то начал последнюю пятую главу романа. Написал три страницы, пока идет легко и весело. «Сделал» трех персонажей — А.Платонова, Ал. Островского и Горького. Посмотрим, как полетит все дальше. Скорее бы закончить и взяться за другую работу. Почти ничего не читаю.

Вечером после бани смотрел телевизор и вдруг внезапно наткнулся на сюжет о брате Раисы Максимовны. Похоже, что я вовсе неплохой журналист. Если бы не я, этот мальчик со своеобразными мозгами, Миша Попов, не сумел бы сделать такой материал. Именно я послал его в библиотеку, я надоумил порыться в архиве. Получилось, конечно, не так как ему хотелось, потому что никто захотел сказать то, чего не было: «личное дело взяло КГБ». Все просто констатировали, что личного дела выпускника 1964 года в архиве нет, а единственную, находящуюся в библиотеке книгу этого выпускника брали с полок только два раза. Причем вторым читателем был именно я.

13 ноября, понедельник. С утра был в РАО. Дела не так хороши, как нам бы хотелось, здание все же, видимо, ставят на

аукцион. Переезжать? Сдаваться? Очень лакомый кусок, очень лакомое место. Пока аукцион откладывают раз за разом, но кому-то нужно «строительное пятно», где можно построить здание. Деньги некоторых чиновников сейчас просто не волнуют, нужно место. По мере того как я слушаю рассказы об администрации президента, имею в виду, конечно, не только сегодняшний разговор, у меня складывается впечатление, что на Старой площади собралась бесстрашная стая пираний. Неужели так происходит повсюду, неужели так все было и раньше? Куда же тогда катится мир?

Вместе с Верой Владимировной и молчаливым, как БНТ, С.С., попили чаю, выработали некоторую концепцию ближайших действий. Суть ее: то письмо, которое я подготовил, пока не посылать, а письмо президенту отослать, не в «открытой» форме. Долго объяснял, что «много подписей» не следует ставить. Но, кажется, здесь амбиции. Я-то полагаю, что никаких имен членов Авторского совета в письме ставить не следует, кроме Пахмутовой, Эшпая и Жореса Алферова. «А ваше, вас же президент знает?» «И мое, — отвечаю, — тоже не ставить, таких знакомых даже у нашего памятного президента тьма». Расстались. Меня, конечно, смущает, что С.С. письмо без меня «доработал», оно разрослось до 1,5 страниц. Мне его пока не показали. Каждый чиновник более или менее грамотный считает, что любые письма он может писать. Писать может, но все искусство в особых поворотах, которые позволят получить просимый ответ. Искусство Делового письма — это искусство психологии, понимание ее законов.

В институте посидел немного на кафедре, посмотрел текущие дела, поговорили с Вл. Ал. об общих недугах. Сегодня у нас экзамены в аспирантуру. Несмотря на всю парадную суету, несмотря на нового зав. аспирантуры, мест пока только три, и на экзаменах по философии тоже было всего несколько человек; конкурса нет.

14 ноября, вторник. Семинар пришлось переносить и начинать его в двенадцать. В три часа — Экспертный совет по премии правительства России. Практически я пишу это в четверг, — так был расстроен происходящим, что даже не смог сесть за компьютер. Понимаю, что сейчас все будет описано несколько не так, как я чувствую. Ах, интеллигенция, такого от тебя даже не ожидал.

Обсуждали рассказы Вани Броновца. Я хорошо помню их еще с лета, когда прочел во время приемных экзаменов. Теперь какой-то у меня остался от них осадок недостаточности. Как и после двух рассказиков Ксении. Оба — из лучших, у обоих легкое перо,

у Вани еще и чуть пристебненное. Но у обоих мне не хватает какого-то чисто русского духовного начала, менее гладкого письма. Я обязательно переговорю с ними дополнительно. Что у Вани? Это прелестный рассказ о бомже, который разговаривает с героем, и оба читают друг другу стихи, рассказ о человеке, который фейерверочно избавляется от своего имущества.

В три часа начался Совет. На этот раз я пожалел, что у меня нет полного списка членов, но здесь много тех же людей, которые заседают и на других советах: Паша Слободкин, знаменитый саксофонист Гаранян, директор хореографического училища М. К. Леонова, художники. Всего нас кажется 29 человек. Совет начался с информации: что пять отсутствующих членов уже проголосовали, среди них я отчетливо помню двоих — Оссовский и Смелянский. Я сразу же задал вопрос ведущему Совет Назирову: правомочно ли это? Мне казалось, что не совсем, потому что процедура предусматривала и некоторый обмен мнениями. Начали обсуждать по разделам. Но перед этим председательствующий очень осторожно и деликатно, предупредив, что это даже не рекомендация, попросил внимательно рассмотреть предложения, связанные с государственной политикой. У меня ощущение солидарности и понимания всеми общей ситуации. Я, собственно, пасу литературу и театр, там главные мои интересы. Все, что связано с кино, для меня видится не столь важно. Но, тем не менее, был один пункт — это фестиваль «Литература и кино», где выдвинута одна Ягибекоква. Именно по поводу этого пункта Масленников сказал, что он наиболее существенный в киносписке. И сказал, что надо бы в этот список было включить и С.Н. Есина, который является учредителем фестиваля, и 13 раз был председателем жюри. Меня просто потрясло, что наша Ягибекова «выдвинулась» не посоветовавшись со мною. Я почти уверен, что если бы мы соеденились, то наверняка эту премию получили. Когда дошло дело до литературы, я решительно поддержал Кострова, даже позволил себе сравнить его с Дементьевым. Сказал, что Костров не только много лет тащит Всероссийский Пушкинский комитет, но в самое трагическое для страны время был со своей страной и никуда не уезжал. Забегая вперед, отмечу, что Костров получил необходимые 14 голосов (минимум был 13). А вот Т.В. Доронина их не получила. И в этом самое главное мое огорчение. Я-то абсолютно был уверен, что голоса она получит. Я говорил о ней хорошо и страстно, сравнил ее с легендарной Пашенной.

На обратном пути пришлось зайти в Комитет по культуре Москвы. Как я уже писал, Комитет хотел бы обновить состав комиссии, и у меня просили предложения по разделам кино,

театра и литературы. Я предложил Масленникова, Варламова, Басинского и Колпакова. У Андрея Парватова, знающего театр, были свои кандидатуры по театру; со своей стороны я предложил Валю Федорову, единственный недостаток которой — то, что она продолжает оставаться чиновницей Минкульта.

15 ноября, среда. Почти весь день дома, занимался романом и статьей о Григоровиче. И то и другое подвигается медленно, а под вечер вместе с Ю.И.Бундиным ездили к Марие Александровне Веденяпиной, руководителю Некоммерческого фонда «Пушкинская библиотека». Фонд, кажется, возник, как финансируемый Соросом. При всей неприязни к Соросу патриотической части интеллигенции не следует забывать, что в самое суровое послеперестроечное время Сорос достаточно много сделал для спасения нашей науки, в том числе и гуманитарной. На его (частично) деньги, похоже, «Пушкинская библиотека» и образовалась. Занималась эта организация формированием, платным и бесплатным, сельских библиотек. Сейчас Фонд участвует еще и в формировании библиотек университетских: готовит каталоги и потом пересылает заказанные книги.

Пока стоял и ожидал Ю.И. возле здания Счетной палаты, с интересом наблюдал за сытыми чиновниками, входящими и выходящими из здания. Это напоминает картины, написанные Гоголем. Уловил моду больших начальников ездить в теплых машинах, без пальто. В этом есть какая-то вызывающая сановность. Выскакивая, как из кареты, чиновник, эдаким аристократом жизни, стучит каблуками, торопясь в теплое здание. Вспомнил про Гоголевское «жужжание». Возле Палаты масса машин, и, как я заметил, любимая марка здесь — «Форд». Получил представление о стороне жизни, которую плохо, или по-старому, себе представляю. Особый служивый класс, никогда не забывающий о себе. А ведь на Степашина и его Палату сейчас чуть ли не последняя надежда.

С Мариной Александровной хорошо переговорили и попили чаю с тортом. Женщина она волевая, к прекрасному и дорогому торту, который мы купили по дороге в «Седьмом континенте» — кулинарная школа Гаргантюа, — она так и не притронулась. Сами принесли — сами по два куска съели. «Седьмой континент» — тоже не мой гастроном, не мой уровень и не мой класс. Это мир достаточно богатых и, главное, не волнующихся за свое будущее людей. Здесь другие продукты, другое качество и другие цены. Мы — лакомимся шпротами и размышляем: купить копченые сосиски или какое-нибудь мясо. Пишу потому, что обзор гастрономических горизонтов поставил меня «на свое место».

16 ноября, четверг. Лег спать с ощущением некого затора в

романе. Я многое «заявил», а теперь надо все разрешать, а оно не разрешается. Накануне что-то рисовал по четверной главе, но «затор-то» в пятой. Плохо идет сцена защиты, потому что хотел описать участие старых «препов», но знаю о них не так много. Можно лишь догадываться, сколько здесь было предательств, заявлений в партбюро; как отголосок былого, к тому времени, когда я пришел в институт, запомнился конфликт на кафедре у Миши Синельникова, там тоже были заявления в партбюро и прочее. Сидел над текстом, в голове пролетали варианты, понимал, что вот так сходят с ума. С отчаяния пошел в баню, и, как обычно, по дороге придумал «раздвоение» публики на мертвую и живую и набросал в записной книжке некоторые переходы. Теперь у меня остались разговоры в «невидимой части», появление бронзовых классиков и сам финал. Возвращение памятников по своим местам уже написано, и мне кажется, даже неплохо, есть мысль.

17 ноября, пятница. Утро у меня теперь начинается с получасового хождения по школьному стадиону. За те полгода, что я оставил должность ректора, кажется, что-то изменилось у меня и со здоровьем, по крайней мере, ноги я почти, как я говорю, «разносил». Перестал давить и гнет ответственности. Так приятно теперь участвовать в общественной жизни на правах простого институтского обывателя. Народ у нас не дремлет, все замечает. Я не без интереса выслушиваю различные новости, которые не всегда радуют. «Приливная» волна слухов и неприязни, которая всегда возникает при смене власти, отхлынет и «свою правду» я получу. И я бы сказал, получаю.

В четыре — семинар. Обсудили работу Володи Никитина, в которой не все в порядке, но вряд ли ее можно причислить к рядовым. Ребята практически подметили то, о чем все время думал и я. Хорошо о визуализации говорил Игорь Каверин. Да и вообще все говорили хорошо. Я дал Володе ряд советов, которые скорее требования. Рецензия у меня была готова, и я с удовольствием ее зачитал. Там есть в конце не самые приятные вещи; самолюбивый Володя должен был это выслушать.

До семинара надиктовал Е.Я. страниц пять текста в книгу о преподавании. Начал с такой специфической вещи, как «творческий этюд». Книга о методике постепенно проясняется. Но объем того, что я должен в ближайшее время сделать, меня ужасает. Закончить роман, каждый день вести дневник, написать юбилейные статьи о Григоровиче и о Покровском, сочинить, хотя, наверное, не смогу, «Рождественскую сказку» для газеты на Рублевке (звонил Дорожкин), дважды в неделю заниматься со студентами.

Продиктовал также письмо Т.В.Дорониной.

Пожалуй, включу в дневники и обязательную рубрику «События дня». Страна наша не обходится без ежедневного скандала. Скорее не сам, по телевидению, а через моего «связного по масс-медиа», через В.С., узнал о скандале в ведомстве непотопляемого Зурабова. Открылись невероятные злоупотребления в фонде обязательного медицинского страхования. Чего-то подобного я ждал. Ну, как не ограбить еще раз пенсионеров! И тут же опять вспомнил Путина. Без его ведома вряд ли кого-нибудь тронули бы, а здесь, кажется, уже сажают, посадили чуть ли не руководителя агентства. Значит, копает крот!

18–19 ноября, суббота и воскресенье. Наслаждаюсь жизнью в Сопово. Уехал туда утром, но ехал через строительную ярмарку на 42-м километре. Я раб своего хобби — покупал детали для отопления. У меня две страсти: литература и строительство. Весь день что-то делал по хозяйству, Витя крутил гайки на отоплении, С.П. стоял на кухне, кормил. Вечером ребята смотрели с разных диванов фильмы. Я начинаю думать, что киноистории — это вид сегодняшней литературы, они иногда вызывают такую же реакцию, что и литература. Я все же мало смотрю кино и отбираю, что смотреть. На этот раз был фильм «Скандальная Беки Пейдж». О молодой девушке, которая снимается на эротические фото где-то в 30-е или 40-е годы. Это наивное время, когда современная порнография только зарождалась. Кончается тем, что бывшая модель стала проповеднице Библии. Заснул где-то часов в 11. Проснулся около трех, немножко посражался с печкой, пытаясь засунуть в нее полено, но оказалось много непрогоревших углей и золы. Потом сходил в холодную кухню, принес электрообогреватель и лег читать. Сначала «научную часть» бакалаврской работы Димы Лебедева. Это его курсовая работа по А.Островскому. Положительная рецензия Ю.Минералова. Неужели наше литературоведение на таком ничтожном уровне. Мне даже думалось: не работа ли это отца Димы, который тоже заканчивал наш институт: такая устаревшая и плоская терминология. Может быть, плагиат? Зачем Дима у нас учится? Надо будет и мне писать рецензию. Потом стал читать рассказы Семена Травникова. Определенно — я учусь у своих ребят. Фантастические рассказы, написанные в виде диалогов. Здесь какая-то новая простая философия, как к ней подходить и что говорить, не знаю. Пропадает человек, перестает чувствовать себя. Вот сцена из жизни древних русичей: парень вербуется в варяги.

Утром открыл «Труд». Уезжая из Москвы, я достал газету из

почтового ящика с мыслью: «Труд» вряд ли пропустит новость о герое наших дней Зурабове. Так оно и оказалось.

Взяли директора фонда обязательного медицинского страхования — это федеральное агентство, он был не только другом Зурабова, вместе они учреждали какую-то фирму. По всей стране идут обыски. Взяли еще и четырех заместителей директора. У одного из них было изъято 1 млн. долларов. Всегда подобные события происходят во время отъездов Путина.

До обеда сидел над статьей о Юрии Григоровиче, почти всю написал и закончил поздно вечером, когда приехали в Москву.

Вечером позвонили от «Букера» — 6-го состоится букеровский обед, на котором я бывал ежегодно. Теперь, как никогда ясно, понял лживость и групповой характер премии. Когда я был ректором, то участие в этой игре принимал по должности. Но как писатель я стою больше, чем ректор. Дальше украшать этот зал и этот обед чужих мне людей я не стану. Приблизительно так же я ответил и «Большой книге», лапу которой в этом году на себе прочувствовал.

20 ноября, понедельник. Еще в пятницу взял в «Российском колоколе» очередную верстку и тут же ее прочел. К сожалению, обнаружил, что в тексте нет трех довольно крупных и существенных для меня кусков. Это примечание к моей статье в Литгазете, из-за которого я поссорился с Огрызко, и два письма — оскорбившее меня наглое письмо сенатора из Совета Федерации и мой крепкий ему ответ. Я давно предпринимал попытки найти письма, но не получалось. А тут в Сопово распакопал последнюю коробку со своим архивом и буквально сразу наткнулся на нужный файл. Народ это порадует. Примечание к статье в «Литгазете» довольно быстро нашлось в Интернете.

Итак, отвез верстку, побывал в Институте, поговорил о моей командировке в Ленинград с БНТом, отдиктовал часть статьи о творческом этюде. Добавил в письме к Дорониной воспоминание о Вьетнамском конкурсе во время фестиваля в Софии.

По московскому телевизору показали репортаж: в Звенигороде строят культурный центр Любови Орловой. Она здесь родилась, здесь было имение ее родителей. «Люди из телевизора» сказали, что после революции будто бы молодая Орлова возила в Москву на продажу молоко в бидонах и вот тогда-то у нее огрубели руки. Потому, пояснили, она ходила всю жизнь в перчатках, а Григорий Александров никогда не снимал ее руки крупно. Появлению музея я обрадовался словно ребенок. Но не затухает ли мой дневник? Не уходит ли из него какая-то ранее неизменно присутствовавшая сила? Не устал ли я?

Весь вечер читал «Литературную Россию».

21 ноября, вторник. Лег вчера около трех ночи. Заведенный порядок обязывает дописывать роман вечером. Но к одиннадцати часам возбужден, начинаешь смотреть телевизор, засыпаешь, почти мгновенно просыпаешься и к 3 ночи пьешь снотворное. Около восьми разбудила В.С. звонком из больницы. Надо купить капли для глаз. Позвонить можно было бы и попозже, это прибавило бы мне минут сорок сна, но я знаю ее привычку… Около часа читал новую книжку «Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины П» Веры Проскуриной. Купил для Ю.И.Бундина, но пока прорабатываю сам. Мне-то интересно, хотя еще только вчера Катя Юрчик на кафедре мне говорила, что скучновато. Поразительна страсть наших классиков откликаться на желания власти. Боже мой, как кадили и Державин, и Херасков, и Петров. И после этого мы еще говорим о Пастернаке, написавшем первое стихотворение о Сталине. О Михалкове, опубликовавшем в «Правде» стихотворение о некой Светлане. А чья Светлана дочка? Выдающиеся поэты эпохи. Один Сумароков, русский сумрачный гений, был в оппозиции. А все подобострастничали через Астрей и Фелиц. Но при этом насколько подлиннее следы именно литературы в истории, нежели отпечатки самой переменчивой исторической науки. Стихи Державина уже не переделаешь и не подделаешь. Образную систему интерпретировать тоже труднее.

Читал до девяти, потом пошел в аптеку. Машин полон двор, кажется, благодаря московской политике, автовладельцы перестали ездить на своих машинах. Я тоже перешел на метро, дешевле и много быстрее. Правда, по ТВ сказали об огромном количестве бактерий на поручнях вагонов и эскалаторов. На завтрак съел яичницу с колбасой, и то и другое мне лучше бы не есть. Потом прилип к «Труду». Я ожидал там статью-интервью Димы Быкова, о котором я думаю, как о писателе все больше и больше, а получил в подарок портрет Зурабова почти на целую полосу и аншлаг: *«Вчера в Госдуме решили перенести разговор с министром Зуабовым аж до весны»*. Это решение президиума — 16 человек единороссов, — и в комментариях «Труд» крепко по этому поводу язвит. Намекает: как бы в критической ситуации Зурабов чего-нибудь не сболтнул? Приблизительно такая же ситуация уже была с министром Адамовым. Его не оставили американской Фемиде, опасаясь — не заложил бы кого-нибудь.

«Арест руководителей Фонда обязательного медицинского страхования, напрямую связанного с министром Зурабовым, публикации в ряде изданий, где члена кабинета министров впрямую называют вором и предрекают ему командировку в

места не столь отдаленные, — это, видимо, все такие пустяки…О Зурабове можно написать тома: экономист-кибернетик из Питера, среди авторских изобретений которого — российская пенсионная реформа, обернувшаяся фарсом, и монетизация льгот… К этому можно присовокупить еще кое-какие забавные мелочи, например, странную (с точки зрения закона) деятельность фирмы «Октопус», специализирующуюся на импорте в Россию медоборудования и лекарств и до недавнего времени возглавляемую его супругой Юлией, скандал с их подмосковным дачным поместьем на Истринском водохранилище. Арест Генпрокуратурой всего руководства Фонда обязательного медицинского страхования по обвинению в коррупции в конце прошлой недели лишь добавил загадочности в образ этого крупного чиновника».

Мы русские такие люди, мы больше беспокоимся о деньгах, нежели о справедливости. Но деньги в этой истории не только большие, но просто огромные. Кстати, в предыдущей публикации «Труд» промелькнули две фамилии фармацевтических магнатов — тестя Николая Баскова Шпигеля и знаменитого Брынцалова. Но возвращаемся к «Труду». Статья заканчивается такой кодой.

«Как теперь народу верить обещаниям руководства страны о материнском капитале, учитывая, что осуществлять всю эту затею поручено все тому же Михаилу Зурабову? А главное, как вяжется вся эта грязная история с пропажей миллионов, выделенных из госбюджета на лекарства для льготников, с признанием России страной с рыночной экономикой?»

Довольно удачно провел семинар, а потом поехал на Пушечную к книголюбам. Разговор о выборной конференции, которая состоится 20 декабря. У нас изменение устава: теперь не будет два председателя. председатель правления и председатель совета. Я теперь буду президент.

Со статьей Быкова просто не знаю, что делать, хоть заносить ее в Дневник целиком. Уже заголовок блестящий: «**Умею сочинять и не умею жить**». Это про нас всех, по крайней мере, про многих. *«Я пишу гораздо меньше, чем надо и чем хочется… Писание — просто моя форма думания. Бывает артикуляционное мышление, когда человек думает в процессе речи. Кто-то лучше соображает во время еды, кто-то во время любви. Я думаю, когда пишу».*

Выделяю в статье в первую очередь фрагменты относящиеся не к личности, а к литературе. *«Литератор вообще обладает набором качеств, с которыми хорошо сочинять, но трудно жить. Мнительность, памятливость, привычка замечать свои и чужие слабости, буйная фантазия, склонность к рефлексии…»* Дальше пассаж остроумный, но достаточно опасный. *«Я думаю, что Бог*

завел людей, как пасечник заводит пчел. Личная жизнь пчел никого не интересует. Даже от сот нету большого прока. Интересен только мед, то есть стихи поэта, проза прозаика, теоремы математика, догадки философа, мечты ребенка… Только этому меду я и придаю значение, хотя мой коллега Андрей Волос, употребивший однажды такое же сравнение, сказал, что для пчелы мед вовсе не главное. Но кого волнует мнение пчелы? … Валерий Попов замечательно сказал, что писатель профессионально занимается только литературой, а во всем остальном дилетант, даже в алкоголизме».

22 ноября, среда. Утром опять читал книгу Проскуриной. Из нее, пожалуй, узнаешь о истории литературы ХУШ века больше, чем из учебников.

Время встает не в главных, а в существенных подробностях. Вот одна из них. Опять мой любимый «Труд» (22 ноября) «*Вчера руководители Федерального фонда обязательного медицинского страхования (ФФОМС) во главе с директором Андреем Тарановым общались со следователями и отвечали на неприятные вопросы. Как сообщают наши источники, бытовые условия в камерах, где они находятся, нормальные, но у арестантов бессонница. Причина понятна: обвинения в их адрес звучат очень серьезные. Следователи инкриминируют чиновникам получение взяток в крупном размере от руководителей территориальных фондов и коммерческих структур и злоупотребление служебным положением. Причем счет эпизодов по каждому задержанному уже идет на десятки. По словам представителей Генпрокуратуры, в результате обысков в служебных кабинетах и на квартирах арестованных в руки следователей попали любопытные финансовые документы. Кроме того, изъято более сотни печатей различных фирм и организаций. Что привело сыщиков к выводу: здесь в ходу были фирмы-однодневки. Ну и, конечно, из сейфов подозреваемых изъяты миллионы долларов. Как говорят специалисты, это всего лишь маленькая верхушка большого айсберга. Потому что сегодня «откаты» предпочитают брать не наличными, а в виде счетов в каком-нибудь далеком банке».*

23 ноября, четверг. Сегодня сложный денек. Я переживаю его части как нечто целое. В 15 часов, не в привычный день (традиционно Совет бывает у нас в последний четверг месяца), потому что БНТ, только что приехавший сначала из Италии, где проходили какие-то события, связанные с русским языком, а потом из Ленинграда с учебы, теперь едет в Кельн, в Институт славистики. Как ни странно: самое обычно скучное на Ученых советах — юбилейные рассказы о писателях и ученых, — оказались на этот раз самыми жгучими и востребованными.

Ученик Д.С.Лихачева А.С. Демин поразительно ярко рассказывал о своем учителе. Вот что значит точно найденная форма! Все оказалось далеко от апологетики. Из вполне конкретных эпизодов запомнилось, что из окружения уже ставшего определенной величиной Лихачева всегда исчезали люди, которые могли составить ему конкуренцию или занимались сходной тематикой.

Очень остро выступил М.П.Лобанов, у которого своя точка на Лихачева, по крайней мере, он не забыл ему знаменитого письма 42-х. По поводу интеллигентности как главного духовного качества человека у Михаила Петровича много иронических пассажей. Я тоже к такой постановке вопроса отношусь соответственно. А за душой-то, кроме интеллигентности, разве больше ничего нет?

Дома я покопался в последней книге Михаила Петровича. За покойным академиком М.П. наблюдал уже давно.

«*Академик пытается играть роль эдакого древнерусского летописца («добру и злу внимающего равнодушно»). Но как совместить с этим свою подпись под коллективнымписьмом «демократов»-экстремистов Ельцину, одобрявших расстрел 4 октября 1993 года? И теперь эта невинно пролитая кровь как бы дымится между строчками всего того «доброго», о чем разглагольствует Лихачев. В тех же «Письмах о добре» до жути перешачивается значение благородных слов, понятий, когда читатель знает, что за ними стоит сообщник палачей. Вот этот набор поучений: «Самая большая ценность в мире — жизнь: чужая, своя»; «Надо прожить жизнь с достоинством, чтобы не стыдно было вспоминать»; «Нравственности в высшей степени свойственно чувство сострадания»; «В сострадании есть сознание своего единства с человечеством и миром… Именно поэтому забытое понятие сострадания требует своего полного возрождения и развития»; «В Библии сказано: «Чти отца своего и матерь свою, и долголетен будешь на земле». Это относится и к целому народу, и к отдельному человеку»; «В своих «письмах» я тоже рекомендую несомненные правила «ездить на велосипеде» — жить честно, по правде»; «В жизни ценнее всего доброта»; «Счастья достигает тот, кто стремится сделать счастливыми других»; «Человек должен быть интеллигентен!.. Ибо интеллигентность равна нравственному здоровью» и т. д. и т. п.»*

Из института сразу же поехал в клуб Н.И. Рыжкова. Заседание состоялось в Даниловском монастыре. Как ни странно, даже не опоздал. Решил, что только прослушаю докладчика и сразу же домой. Вечером надо уезжать в Ленинград на открытие книжного салона. Это приглашение Книжного союза — еду и из-за собственного интереса, и из-за того, что новые наблюдения, надо

писать дневник. На заседании клуба сегодня выступление, которое невозможно пропустить. Тезисно записал его…***Фамилия докладчика— вст.***

«Ни разу наши с Китаем национальные интересы не сталкивались. Единственная в мире цивилизация, которая не пресекалась в течение 5 тысяч лет, история Китая это около 9 тысяч лет. О музее непрерывной истории Китая (замечание для себя: посмотреть, когда буду в Пекине; находится музей на центральной улице.) Китайцы как бы идут вперед спиной. Все события в Китае переплетены с его историей. «Мы, социалистическая страна — повесили нам европейцы и русские эту бирку, снимать неудобно». Это из высказываний китайских современных мыслителей. Культура, позволяющая взаимоисключающие вещи. Культура (в социальном смысле) среднего достатка. Многоукладная экономика, только собственности 5 видов. Отсюда и политическая многоукладность. Жители: 85 % крестьян. В обществе сейчас насчитывается 12 социальных слоев. В падении Советского Союза виноват косвенно и Китай: туда были брошены огромные силы и средства. Общество малого достатка. Цель: довести доход на 1 человека до 1.000 долларов (в год, в месяц?). Официально население Китая — 1 млрд. 300 млн. Расчет шел по количеству потребляемой соли. На самом деле 1,5 млрд. Прожиточный уровень половины населения у черты бедности. Это какая же бездна народа! У нас, у русских, у черты бедности — 100 млн. По мнению докладчика, Китай колониальная империя, где приморские города безжалостно все высасывают. Сейчас страна совершает великий эксперимент: соединить социалистическую идеологию с капиталистической практикой. По показателям валового продукта Китай на 2-м месте в мире. По объему торговли на 3-м месте в мире — с огромным внутренним рынком. Валютные запасы Китая на 2 месте после Японии (1 триллион). Китайцы скупили на 1 трлн. 800 млн. американских ценных бумаг. 1 млрд. 300 млн. — Гипотетически: если они их изымут, то валютная система Америки рухнет. 60 % товаров, продаваемых в Америке, — китайские. Но — в отличие от нас — это высококачественные товары.

То, что на нашем Дальнем не было голода, этому мы обязаны Китаю. Качество китайских товаров, продаваемых у нас, определялось нашими челноками. Китай держит первое место в мире по производству зерна, металла, компьютеров, телефонов, всех видов престижных автомобилей. В мире 500 трансляционных

корпораций, каждая из которых имеет свое представительство в Китае. Сегодняшний китайский лидер говорит: «Не очень удачная у нас экономика, слишком быстрая». Раньше в Китае выпускалось в год на человека по 3 метра ткани. Сейчас по выпуску тканей на человека Китай лидирует в мире. Развитие экономики идет не пропорционально. Поляризация общества. Пять разрывов: город и деревня (уровень жизни отличается 3–5 раз); строительство — с земли согнали крестьян. Сейчас в стране 200 млн. обезземеленных людей, отсюда давление на рабочую силу: на твое место немедленно найдется работник. Ежегодно прибавляется 12 мл. безработных. 5 % так называемого рабочего класса не имеет работы. В селе 10 % жителей безработные. В городах, связанных с русской историей, в Дальнем и в Харбине, русские районы — восстановлены. Около 20 % богатых и зажиточных китайцев владеют 80 % средствами всей страны. У нас эта цифра — 15 %. Разрыв между внутренними и приморскими районами по уровню жизни. 95 % населения — хань, 5 % — нацменьшинство — опять разрыв в уровне жизни. 70 тысяч выступлений за год крестьян против местных властей. В коррупции мы можем с ними сравняться. Китайцы же говорят, что они впереди. Арестован 1 из 12 членов ЦК.

Китайцы поняли: США душит их в объятьях. Объем торговли США-Китай — 211 миллиардов долларов. У нас с Китаем — 30 миллиардов. 90 % продукции, идущей под маркой Китая — не Китай. Китай — это мировая сборочная мастерская. 250 тысяч предприятий с капиталом от транснациональных компаний. «Фольксваген» выпускает 1,5 миллиона машин в Шанхае. Китайцы думали, что благодаря их открытости получат доступ к мировым технологиям — не получили. Китайцы хотят получить новейшие технологии в обмен на рынок. Не получили. В ответ Китай запретил скупку иностранным предпринимателям своих предприятий (51 % капитала должно быть китайским). Китайцы сказали, что социальной политике в СССР они так и не научились. Зато социальная система на Тайване — это советская система. Сейчас в Китае пытаются перенять опыт Тайваня. В Китае 72 млн. членов партии. 2 млн. парторганизаций в селе, эти сельские парторганизации практически не работают. «Передовой авангард» — рабочий класс, — в партии на 7-ом месте. Крестьяне — на 8-ом.

Планы Китая, как они видятся. Все виды собственности должны быть уравнены. Крестьяне: их восстания всегда меняли все правящие династии. 2,5 тысячи лет в Китае тяжелый крестьянский налог. Впервые он отменен. Впервые на развитие сельского хозяйства выделено 45 млрд. 200 мл. Крестьянам

разрешено пользоваться больницами и детскими садами. Система здравоохранения и образования. Из 800 мл. крестьян ни один не мог поступить в городской вуз. Повышение уровня образования в селе. Проблема идеологической чистоты кадров. Ставка на социалистический путь. Уже говорят, что при Мао было не так плохо. Задача: социалистическое гармонизированное общество. Лишь бы, как у нас, это не ушло в песок. Возникла идея плюрализма, фракций в партии. Новые левые, новомарксисты. Справедливое распределение, исключающее поляризацию. Американцы вырастили мощную лоббирующую среду из обучавшихся у них китайцев. Но китаец есть китаец, Сейчас практикуется обучение в разных странах. Привлекли из Тайваня, например, 400 тысяч квалифицированных специалистов. Кладбища, где захоронены предки, приведены в полный порядок. Приезжайте, пожалуйста! Возвращайтесь! Мы не хотим втягиваться в гонку вооружений, говорят китайцы. Между прочим, во время Екатерины Китай был самой могучей страной мира.

Сотрудничество и развитие — с Россией — китайский путь. Сотрудничество и конкуренция — с Америкой. До 37-го года во Владивостоке 30 % население было китайское. Ну и что? Мы пугаем Китаем и его опасностью самих себя».

24 ноября, пятница. Очень порадовался, что не стал связываться с гостиницей, решив, что переночую у матери Васи Калинина. Можно было бы поехать и к Саше Иванову, но он по телефону сказал, что к нему приехал брат, а, может быть, не желает испытывать лишние хлопоты. Тем не менее, утро оказалось свободным и с таким наслаждением я прошел по отряхивающемуся ото сна Невскому. Когда на улицах нет народа, то обнажается сам Невский, его красота, архитектура, виднее облик прошлого. Как обычно, от Московского вокзала шел по левой стороне проспекта. Я хожу здесь уже пятьдесят лет, полвека, и мой глаз уже видит, как постарел даже гранит Аничкова моста, а, может быть и кони Клодта. Наше, сегодняшнее время, конечно, ближе по наполнению жизни времени Гоголя и Некрасова. Какой бы ни был Невский, но его вид «перебивается» словами Гоголя. Так литература всегда побеждает историю.

Замечательно отремонтировали Гостиный двор, замостили гранитной брусчаткой проезд по Перинной линии за зданием Гаупвахты. Всю дорогу я медленно и с интересом разглядывал витрины. Такое ощущение, что Невский приспособлен к диалогу с прохожим, с покупателем и к этому диалогу готов; а Москва заранее презирает любого человека, который зайдет в магазин и ничего не купит, с пиететом она относится только к богатым. Это

я заметил уже позже, когда вечером, перед театром — об этом чуть дальше — прошелся по магазинам, то же возникло у меня в голове и на следующий день, когда, «приплывши» из Гавани в центр я в Гостином дворе купил себе без спешки и нерв сапоги на зиму…

(Эти заметки я пишу уже в Москве, вспоминая прошедшее, и, конечно, нарушаю жанр, но такое запоздание позволяет лучше группировать свои наблюдения. В конце концов не чистота жанра и буквальное следование ему держит произведение, а что-то другое. По поводу дневников вспомнил И.А.Бунина. Двадцать третьего февраля 1916 года он записал: «… дневник одна из самых прекрасных литературных форм. Я думаю, что в недалеком будущем эта форма вытеснит все прочие».)

Итак, утром я медленно, тратя время себе на удовольствия, шел по Невскому. Осмотрел до боли знакомых коней, посмотрел на Мойку, зашел во двор Аничкова дворца и как бы «схватил» взглядом его строй и архитектуру, обошел со всех сторон Александрийский театр, в который мне посчастливится сходить завтра, вышел откуда-то сбоку на улицу возле Гостиного двора. А до того постоял возле дворца Белосельских-Белозерских, где раньше был райком КПСС, а теперь куча каких-то учреждений, в том числе и отделение какой-то конторы, связанной с администрацией президента, — возрождающаяся по испытанным образцам бюрократия маркирует разные места. Не забывайте, мы бдим! Среди других табличка: «Музей возрождающейся демократии в России имени Анатолия Собчака». Ничего так по человечески, да и политически не характеризует, на мой взгляд, В.В. Путина как его внутренняя связь с Собчаком.

Отыскался дом Крылова. Жил баснописец неподалеку от места работы — Библиотеки. И тут же вспомнил своей старой, молодой памятью, что где-то поблизости есть, по крайней мере — была, замечательная Пирожковая. И она сохранилась; как и прежде она принадлежит какому-то центральному ресторану, а значит, все будет вкусно. Выбрал мясную солянку. Боже, какой замечательный забытый вкус! Может быть, Санкт-Петербург это единственное место, где сохранилась подлинность кухни. Бульонная чашка солянки — 40 рублей. На следующий день я снова приду сюда и кроме солянки съем еще бутерброд с рубленной селедкой. Та же подлинность вкуса и нормальная цена — 13 рублей. Сейчас билет в метров стоит 12 рублей, раньше стоил 5 копеек. Бутерброд за 5 копеек. Но какой бутерброд!

Я, наверное, не раз повторю, что Санкт-Петербургский книжный салон получился, на мой взгляд, значительно лучше, чем все выставки в Москве. Отличие не только в четкой

ленинградской организованности, но, и в первую очередь в самих посетителях. Здесь другая, как мне показалось с первого взгляда, атмосфера. В Москве посетители, в большинстве, приходят потусоваться, поглазеть на знаменитостей, здесь — чувствуется — другие интересы.

На открытии, на котором присутствовал весь местный и московский бомонд: С.В.Степашин, В.И. Матвиенко, И.И.Клебанов, наш московский Платонов, вместе с главой питерского парламента Тюльпановым. Все говорили складно, но запомнились не языком. Я, по своему обыкновению, кое-что записал. Степашин: «книга — это как первая любовь, это больше, чем Интернет и пиар». Степашин недаром глава Книжного союза. Я не уверен, что из-за занятости из-за образа жизни он читает то, что нужно, но в проблеме разбирается, формулирует мысли откровенно и жестко. Сегодня в 7 % семей детям читают книги, но в советское время в 90 %. Как человек, безусловно обладающий информацией, он констатировал, что до 2003 года приходилось лоббировать, чтобы книга не стала неподъемно дорогой. Опять же очень жесткая и не к славе времени информация: «Мы чуть-чуть не потеряли дом Зингера». Я-то понимаю, что Степашин имеет в виду «Дом книги» на Невском. Какой лакомый кусок, сколько, представляю, людей точило на него зубы. Дальше С.В. говорит о ряде мер, которые пришлось принять, чтобы рынок не задавил книгу. Вот его фраза, которая, конечно, не всем пришлась по вкусу. «Если государство участвует в разделе нефти и газа, то почему государство не должно лоббировать чтение его гражданами книг». О разрыве в понимании проблемы между Москвой и Ленинградом. В книжных магазинах часто оказывались казино.

О личном. В толпе меня С.В. увидел, не позволил охране оттереть меня, спросил, как живу, пригласил в гости. Я вспомнил, как в Париже, Д.А. Гранин, когда его приобнял Путин, нашел точное слово — «отметил». Д.А я вспомнил не даром. Естественно, на центральном и табельном книжном мероприятии города он не мог не присутствовать. Теперь и с ним встретились. Он сказал о безрадостных впечатлениях от Большой книги. Вернулся из Москвы только вчера. Сказал, что в «Новом мире» прочел «Марбург» и что это очень значительное сочинение. Отдельно поздоровался с Александром Кушнером. Как и любой значительный поэт, он полностью беззлобен.

Кроме открытия Салона — назвали на парижский манер — состоялось еще одно мероприятие, которое, похоже, превратится из мероприятия в важное дело. Пожалуй, впервые что-то получилось из союза общественной организации и

исполнительной власти. Ведомство Сеславинского и книжники соорудили проект Национальной поддержки развития чтения в Российской федерации. Я, собственно, и присутствовал на презентации этой программы. На первых ролях и здесь держались и Степашин, и Сеславинский, а представляли программу Евгений Иванович Кузьмин и Александр Александрович Аванесов. Кузьмин заканчивал Лит и свою — установочную, констатирующую часть работы — он сделал лучше: я имею в виду, в первую очередь, осмысление экономики чудовищного отчуждения современным российским капитализмом свободного времени у основной массы работающих граждан. Какая уж здесь привычка читать ребенку! Она исчезла. Но даже попытка констатировать положение дел и попытаться его улучшить — благородна. Понятно, почему за это пытается взять государство — нужен грамотный работник; понятно, почему за это взялся книжный союз, т. е. продавцы и издатели — нужен читатель, а значит — покупатель. Сеславинский (выписываю ключевые фразы): «Надо привлечь два слоя общества: элиту и активный слой читателей. Системный кризис читающей культуры — через это проходят и проходили многие страны, и ни одна просто с этим не справилась. Мы не потеряли базис: сквозная система образования и система библиотек». Но здесь г-ну Сеславинскому пришлось говорить об уровне оплаты библиотекарей. Подумалось: зачем я все это записываю, не зря ли теряю время?

Отдельного описания заслуживает обед, который дал Книжный союз. Я бывал в разной среде, обедывал с людьми, облеченными большой властью. Тут, в силу специфики, присутствовали только люди богатые. Такие, как я и Люда Шустрова, лишь вкрапления в торт, цукаты. Затрудняюсь полностью перечислить меню, что я делаю обычно, — я не дождался конца обеда, за блюдом с жареными морепродуктами (креветки, кальмары, морской гребешок и пр.) подавали, говорят, мясо и, конечно, десерт. А прежде шли салат «цезарь» и закуска: пармская ветчина и сыр, роскошная рыбная солянка… Руководил пиром обаятельный и по-молодому стремительный О.П.Ткач, заместитель Степашина по Книжному союзу. Когда я доедал морпродукты, за спиной услышал голос то ли Ткача, то ли Лени Палько, с которым мы рядом сидим в коллегии минкульта: «С.Н., вы здесь единственный писатель. Скажете несколько слов? Готовы?». На всякий случай я сказал, что готов. Ни одной мысли, пока не встал. Но — получилось. Вспомнил Стейнбека, потом Пушкина с его разговором поэта и книгопродавца, все довернул к вечному бесправию писателя в этом мире. Среди этих совсем небедных людей, которые сотавили свои состояния в первую

очередь на грабеже писателя и монопольной системе книготорговли, моя речь не была очень приятной. Но книгопродавец жив, пока жив и работает писатель. Вот так.

Торопился встретиться с Васей, и в театр. Андрей Лучин из Минкульта составил мне программу. Я хотел на фокинский «Ревизор», который сегодня в Александринке, но Андрей, добрая душа, предложил так: «Мария Стюарт» в БДТ и «Царь Эдип» завтра в Александринке. В Александринском театре я никогда прежде не бывал. Потопал по улице Росси, а потом по набережной в БДТ

25 ноября, суббота. В час дня я — в Гавани. Как же здорово в Ленинграде расположили свою ВДНХ — ЛенЭКСПО. Рядом с портом, с морем. Свежий ветер, красивые просторные павильоны. Народу еще больше, чем было вчера, т. е. не протолкаешься. На стенде Лихачева открывали небольшую выставку его экслибрисов, несколько планшетов. Мне пришлось говорить. Я остановился на экслибрисе, которые надо бы показывать детям, показывать, как и в несчастьях можно сложить свою судьбу. Старался быть сдержанным и, несмотря на праздничное настроение, не наговорить лишнего. Потом я еще успел посмотреть витрины и стенды с книгами покойного академика. Все это, как мне показалось, гуманитарные проблемы вокруг умения интеллигента слагать слова в предложения, — сады, парки, общегумманитарные въезды, предисловия. На стенде Международного союза книголюбов с радостью и грустью увидел «Слово о полку Игореве» — книгу, которую в дни нашей юности сделал Володя Семенов, «квадратный». Эта книга с его автографом у меня есть. С предисловием Лихачева. Но где Володя, неужели умер, как и Володя Кейдан?

Последний раз прошелся по выставке — народ с каждой минутой пребывал, и я заметил, что у большинства не академический, а истинный интерес. Ленинградцы в этом смысле сильно отличаются от торговой Москвы. Для них интерес к культуре пока органичен и не связан прагматическими мыслями о возможной выгоде: вот буду начитанней и умнее произведу впечатление на начальство, продвинусь. Все лишь ради себя и удовлетворения внутренней потребности, духовного интереса. Ленинградцы, что не только мной замечено, другие люди. Во-первых, они люди качества. В отличие от москвичей, которые довольствуются тем, что есть, эти предпочитают все высокосортное. Такие у них и дома, где виден образ жизни и индивидуальные запросы хозяина. Во-вторых, каждый из них — крепость, не требующая признания со стороны. Достаточно и собственного.

Теперь о театре. Нарушаю свой собственный закон, закон дневниковой точности. Да, конечно, иногда чуть шельмую, «вчера» пишу только сегодня утром. Соединяю два прошедших дня, где одна тема — невероятные впечатления о театре. Порой я кажусь себе большой кружкой, в которую налито столько, что того и гляди, перельется через край. Сколько же эмоций может вместить в себя человеческая жизнь! Почему одним так много достаётся — может быть, они умеют переживать чужую жизнь как собственную? Этих «чужих» я ношу и ношу в себе…

Хорошо, что опять вспомнил Андрея Лучина, он настоял на своей ленинградской программе для меня. Я сказал, что в первую очередь хочу посмотреть «Ревизора» у Фокина. Может быть, в этом сказался какой-то дальний знак моей недоброжелательности — я уже столько писал о своем конфликте с Валерием, что здесь нет смысла ни уточнять, ни вспоминать его. Всё забыто, и тем не менее, почему «Ревизор»? Ну, потому что на слуху, об этом много говорят. Однако В.С. меня уже предупредила: «Я видела этот спектакль по телевизору. Совсем не так хорошо, как ты думаешь». Может быть и правда? Так вот, Андрей порекомендовал мне такое расписание: 24-го — «Мария Стюарт» в БДТ, 25-го — «Царь Эдип» в Александринке. А Александринки-то я никогда в жизни не видал.

Усадили меня очень хорошо, в бель-этаже, почти над сценой: поворот головы направо — и видно закулисье, налево — видна царская ложа. Сидя на этом месте, можно было некогда встретиться взглядом и подробно разглядеть царя. Верховная власть в ложе — царь, как пастух, наблюдающий за своими овцами в партере. Сидя в своей ложе, Николай I хлопнул в ладоши во время немой сцены в «Ревизоре». В тот же день он послал сочинителю перстень с бриллиантом. Говорят, именно из этой ложи царь, обладавший редкостным слухом, услышал, как в антракте балуется великий Каратыгин. Каратыгин был не только великим актером, но и превосходным имитатором, — имитировал чужую речь ну почти как наш Галкин или как Женя Хорошевцев, который, когда я работал на радио, мог вписать в документальную пленку пару слов якобы Ираклия Андронникова или даже Хрущева. При Жене было нестрашно потерять несколько слов при монтаже. Итак, Каратыгин за кулисами сказал голосом Николая I: «Пора прибавить Каратыгину-актеру жалованье». И, встретившись потом, Николай прибавил жалованье. Всем ли надо прибавлять?

Копаясь без меня в газетах, В.С. нашла интересный материальчик в «Труде», в «Деловом вторнике», — о заработках, ну не артистов, а министров, руководящих артистами. С

некоторыми раздумьями вставляю цитату из статьи Николая Петракова, академика РАН.

«Доходы для основной массы населения не только смешные, но и дико дифференцированы. Средняя зарплата работников нефтегазовой промышленности в 5,3 раза выше, чем средняя зарплата учителей и врачей. Но ровно во столько же раз она ниже, чем заработки менеджеров и среднего звена крупных банков и корпораций. Парадокс? Его создало наше государство. Зарплата выше у того, кто ближе к деньгам, а не у тех, кто ближе к людям».

Рукотворно для себя и избранного круга создаются анклавы с особыми видами финансирования. Вот характерный пример. Руководитель федерального агентства по культуре и кинематографии М.Швыдкой обнародовал декларацию о доходах на 2005 год. Как глава федерального агентства он заработал 650 тыс. 155 рублей, за чтение лекций в Российской академии театрального искусства — 19 тыс. 370 рублей, в Государственном институте искусствознания — 13 тыс. 236 рублей. Таким образом, за свою административно-чиновничью и научно-педагогическую деятельность г-н Швыдкой заработал 672 тыс. 761 рубль, что, в общем, совсем неплохо. Но его доходы на этом не кончаются, и он объявляет в одной из газет: в программе «Культурная революция» я получил 930 тыс. 450 рублей, на канале СТС в программе «Жизнь прекрасна» — 2 млн. 490 тыс. 455 рублей, на телеканале «Россия» в программе «Театр плюс ТВ» — 700 тыс. рублей. Итого: 4 млн. 120 тыс. 905 рублей. Все эти деньги (естественно, с юридической точки зрения) получены совершенно честно, и Швыдкой приводится в данном случае исключительно в качестве хрестоматийного примера.

«Итак, чиновник, получающий совсем неплохую зарплату по основной и педагогической работе, за участие в не Бог весть каких программах телевидения, зарабатывает более 4 млн. рублей. Как образовались эти деньги для него и для других шоуменов типа «Поле чудес», «Кто хочет стать миллионером» и т. д.? От рекламы? Но почему деньги от рекламы зубной пасты и увлажняющих кремов рассовываются по личным карманам ведущих телепрограмм, а не идут на развитие телеиндустрии? А фанерная телепопса, аншлаги… С рекламодателя по нитке — и все телешоу в шоколаде и золоте».

М.Е. Швыдкому я скорее симпатизирую, мне нравится его ум, быстрота реакции, знание бюрократических законов и просто законов. Может быть, он так и чувствует, и до безумия любит Улицкую, считая, что Распутин и Белов — отживший век и бесперспективно, но хорошо бы, если бы он обращал внимание не

только на «своих»…

Однако пора снова возвращаться в роскошный бархатный зал Александринки.

Итак, роскошный театр после ремонта. Наверху, на 5 этаже, музей, который я внимательно осмотрел. Материалы — в основном костюмы, кое-что из реквизита и этюды, — сгруппированы своеобразно: зал Островского, зал Тургенева, советский зал, в котором представлены лишь два автора: Вишневский («Оптимистическая трагедия») и Тренев («Любовь Яровая»). Я еще раз убедился: театр начинается не с вешалки, а с авторов; и все милые скетчи, которые выдаются за современную литературу, все акробатические этюды, которые выдаются за театр — это не театра.

Что же написать о «Царе Эдипе» Софокла? Так трудно рассказать о хорошем спектакле, потому что с чужими словами перемешиваются собственные эмоции. Если говорить о внешней стороне действия, все предельно лаконично. Постановка, хореография и свет принадлежат одному человеку: Теодоросу Терзопулосу. Греки — композитор, ассистент режиссера, специалист по актерскому тренингу, литературный консультант. А Эдип, Креонт, Иокаста и прочие — наши актеры. Эдип — Александр Мохов, Креонт — Игорь Волков, это всё здорово. Похуже Иокаста — Юлия Марченко. Смотрел с невероятным интересом. Но для меня знаменательно другое. Огромный зал, где вместе со всеми молча, без единого звука, провел два часа, рядом с непонятными страстями, непонятными идеями, непонятной мыслью о богах и судьбах, сопротивляться которым невозможно. Спускаясь, после окончания спектакля по лестнице, в гардероб, обнаружил, что на спектакле довольно много школьников. «Ребята, как попали?» «Да учительница где-то схватила 20 билетов». А билет, хоть и на четвертом ярусе, стоит рублей двести. Благотворительность или целевая затрата? Дети, может быть, не все поняли, но какое стремление понять. Что же это — тенденция жизни, потребность разобраться в сложном, которая подступает к нам? Или это особенная ленинградская публика, о чем я уже писал? До сих пор живу под впечатлением спектакля. Вообще, какое огромное значение в моей жизни играют спектакли ленинградские, как много всего забыто другого! И не забыто: отлично помню «Горе от ума» с Царевым и молодым Соломиным в Малом, всегда помню Доронину, помню «Мудреца…», у Товстоногова, помню «Историю лошади»…

В БДТ все повторилось. Или не повторилось, а скорее произошло, потому что в пятницу я смотрел «Марию Стюарт», а в субботу «Эдипа». Тот же знакомый с юности, хотя чуть

обветшалый театр, бюст Блока в фойе и скульптура Горького. Сижу в партере, в 3-ем ряду, — пугают эти огромные ряды по 40 с лишним кресел. Сколько же народа! Чувствуется какой-то протестантский аскетизм, декорации в плоскости. Спектакль Т.Н.Чхеидзе, перевод пьесы Бориса Пастернака. Удивительно волнение, сумрачная сдержанность, с которой зрительный зал разгадывает шиллеровский кроссворд об ответственности власти, о непростых моральных решениях, которые должен принимать человек, о подлинности ума и преданности сердца. Ну, естественно, две невероятные работы — постаревшего В.М.Ивченко, которого я помню еще в роли Глумова (лорд Беркли), и А.Ю.Толубеева (Джордж Тальбот). К сожалению, чего-то не случилось в конце спектакля, мне показалось, что не случилось Марии Стюарт, с ее правом на корону и вечную женственность, а вот Елизавета Тюдор (М.О.Игнатова) — это сильно, мощно, современно, и вызывает сострадание к трагедии власти.

Вышел из театра, и знаю: ночь буду плохо спать. Если так сильно грузить себя чужими судьбами и жизнями, — что же останется себе самому?

26 ноября, воскресенье. Приехал в шесть утра и прекрасно на метро доехал до дома. Давно я рано утром не ходил от метро в субботу. Картины совершенно другие: ни один киоск не открыт, людей нет, все обнажено. Видно, как торговля, грязь и деревня близко подступает к городу. Все окрики и попытки наведения порядка оканчиваются полным крахом, живем все мутнее и мутнее. В «Труде» была статья о том, что шаурма, с которой боролись летом, возвратилась на улицы, и предостережение: наше быстрое питание под руководством азербайджанцев почти всегда опасно для жизни. Молодой восточного вида человек снимает с палатки с этой самой шаурмой щит, сейчас закипит работа.

В метро дочитывал дипломную работу Саши Юргеневой. Текст все время прогибается, но уж чему-чему, а писать и думать мы девочку научили… Это одна из лучших дипломных работ — прогибание твердого и прочного материала. Какое-то неискоренимое, трагическое детство внутри работы.

Дома разбирался с газетами. Политика теперь меня интересует лишь в конкретных образах и живых героях. За полюбившимися политиками я начинаю следить, и фиксировать их поведение. Именно потому моему Дневнику интересно, что ***«Скандал вокруг Слиски набирает силу»***. Один из Саратовских депутатов — единоросс Иван Лобанов написал письмо президенту и копию послал председателю Думы. Письмо об особенностях деятельности Любови Константиновны и ведения ею дел. Ей,

естественно, это не понравилось, и она подала в суд. Как мы помним, муж у нее судья — значит помощник рядом. Вот что пишет моя любимая газета, цитируя письмо: «Каждое появление Л.К.Слиски в городе (кстати, в Госдуму она избиралась не от Саратовской области) знаменуется «бабскими» скандалами, конфликтами, интригами и полным хаосом». Далее следуют еще более жесткие обвинения: «По нашему мнению, в регионе Любовь Константиновна должна решать не только свои проблемы и проблемы своей семьи, которые сводятся к тому, что все правительство области строит особняк для матери Л.К.Слиски, то за счет бюджетных средств тянут дорогу к этому особняку». Неплохо как сюжет для небольшого рассказа!

Вечером ходил в Большой зал Консерватории на концертное исполнение «Отелло» Дж. Верди. Оркестр, два хора, великолепные солисты. Боже мой, как пел Евгений Поликанов Яго. О Пьявко — особо. Мне показалось, что все это грандиозно. Вечером написал письмо В.И. Пьявко.

Дорогой Вячеслав Иванович!

Будем считать, что ты выиграл Олимпийские игры. Я понимаю, что у великих теноров возраста нет, но то, что ты пел Отелло, эту самую сложную оперу Верди, — грандиозно, причем здесь был установлен некий определенный и, я бы сказал, новый регистр. Здесь возникла такая стеĸпень концентрации, такой высокий уровень эмоций, такая невероятная энергетика, что это стало событием в жизни людей, собравшихся в тот вечер в Консерватории. Возможно — я не очень хороший музыкальный наблюĸдатель, но тут говорит уже моя интуиция — это самый значительный за прошедший музыкальный год вечер. Я уж не говорю о самом замысле — возĸникновение и реализация замысла для меня как человека культуры и искусĸства всегда имеют огромное значение. Мне кажется всё это неким волшебĸством, ниспосланным нам сверху — грандиозен проект и грандиозно его реĸшение. Я не знаю, к чему можно придраться, но если бы и были недостатĸки, то всё покрылось бы высочайшим накалом страстности — адреналин, его наличие это всегда вернейший показатель: искусство перед нами или факт культуры и просвещения. Безукоризненно почти все: и оркестр, и хор… И втайне я радуюсь, что первая певческая нота в этой опере принадлежит — кому? Правильно, Монтано. И меня радует то, что эту роль исполнил не только твой ученик, но и мой — Павел Быков. Это был очень точный выбор: подать первый, страстный и звонкий сигнал. Слава тебе, победитель и олимпиец! Мой низкий поклон также Ирине Константиновне, которая, как мне кажется, из зала управляла всем. Богини умеют это деĸлать. К новым

олимпийским победам! Жизнь ведь не заканчивается, а просто начинается под другим знаком новых страстей.

Сергей Есин

27ноября, понедельник. Минкульт — коллегия, совет по журналистике.

Возможно, этот вопрос — самый для меня интересный из всех, рассматриваемых до этого на коллегии министерства. Я сам не могу понять, что заставляет меня думать об этом: социальная справедливость или все-таки генетика моего полукрестьянского происхождения? На коллегию было приглашено много разного и важного народа — от советника президента и директора департамента правительства России до персон поменьше. Последним в списке из трех страниц числился… редактор журнала «Клуб». Я полагаю, вторая часть списка, в основном, присутствовала, в первой — зияли лакуны. Но приятно, что приехал министр сельского хозяйства Алексей Васильевич Гордеев, которого я знаю по клубу. Докладчиком был определен Андрей Евгеньевич Бусыгин, сравнительно новый заместитель министра, человек, судя по шевелюре, немолодой. Я ожидал некоей демагогической мутоты, но он сделал краткий доклад, убийственный по общим результатам.

Началось всё со статистики. Крестьян сейчас в Федерации — 27 %, причем старше 60 лет их 8,1 млн. И почти столько же — 10,7 млн, — до 19 лет. Всё обмельчало — среднее село сейчас составляет 72 % от того количества жителей, которое проживало в нем совсем недавно. Цифра убийственная: 13 тысяч российских сел без постоянного проживания населения. Если перевести на нормальный язык — брошенные. Далее Бусыгин говорил о том, чего не хватает, а не хватает, собственно говоря, всего, смысл его доклада и состоял в оглашении страшных цифр.

Затем выступил Гордеев. Слушаю я его не впервые. Содержание выступления таково: сто тысяч наших сел не имеют библиотеки; уровень жизни в селе в 2,6 ниже, чем в городе, средств ни на жизнь села, ни на культуру села не выделяется. В советский период была хотя бы попытка уравнять среду культурного обитания города и деревни. Муниципальная реформа создала новые трудности. Но есть социология: сельчане выше ценят нравственные качества, чем горожане, именно в селе сохраняются устои нравственные: востребованность книг в сельских библиотеках на 18 % выше, чем в городе.

Пожалуй, стоит упомянуть выступление Швыдкого, как всегда аргументированное и точное.

Второй вопрос был о поддержке государственных теле и радио каналов — «Культура», спортивного, станции «Орфей».

Меня интересовала, в основном, культура. Татьяна Олеговна Паухова, выступала довольно бойко, да и канал, конечно, хорош, но осталось от нее довольно вертлявое ощущение. Внутренне я все время тоже хотел выступить. Главным моим тезисом была бы мысль: для постоянного зрителя канал представляет собой кухню 60-х годов: те же лица, те же интонации, те же пристрастия. Из выступления Дондурея запомнил своеобразную статистику: каждый четвертый наш зритель хочет, чтобы его дети не смотрели телевидение. В неделю у нас идет 64 передачи, связанные с криминалом, это 1000 или 1200 преступлений. Канал «Культура» практически единственный социально ответственный канал (неожиданная удручающая новость) по Москве смотрят лишь 5 %. Два основных канала эксплуатируют низменные стороны жизни, и в этом смысле российское телевидение несравнимо со всеми другими цивилизованными странами. Знаменательная фраза: «Телевизионное сообщество дурачит и всех, и себя», уверяя, что этого хочет публика, но мы все знаем, что не только спрос рождает предложение, но и предложение формирует спрос. На всех каналах качественное кино бывает лишь после 20 часов. Еще мысль: Культура делается и сегодня, и не только людьми с такими именами, как Гергиев, — это призыв заниматься современной тематикой.

28 ноября, вторник. В двенадцать часов дня — президиум Авторского совета РАО. Распределяли ежегодные премии. К привычным соображениям, кто из авторов дает больше денег, а кто достоин премии по-существу, кому надо помочь, кого поддержать, в этом году примешивается еще и довод: кто из авторов помогал обществу сохранить дом на Бронной. Постепенно выясняется, что ничего не изменилось с исчезновения аппарата ЦК, все лишь усугубилось. Ничего невозможно сделать, если нет нужных людей в аппарате Президента, в правительстве, в соответствующих комитетах. Ощущение такое, что все действуют не по государственной логике, а по интересам капитала, кланов и групп.

Ожидаемый семинар с первым курсом не состоялся. За неделю не смогли распечатать разбираемый текст. Видимо, учебные дела у нас в институте стали не основными. Еще весной я написал докладную записку о необходимости покупки мощного ксерокса, который обслуживал бы творческие кафедры. В институте сейчас студентов как минимум вдвое больше, чем раньше, а это значит, что мы с платных студентов собрали большие деньги. Не буду подсчитывать, кому в два или в три раза увеличили зарплаты, но факт — на ксерокс денег пока нет. Больше месяца назад рухнул ксерокс в ректорате и тесты пошли

такие, что их невозможно читать. Но и я, и студенты, ожидая чего-то, их все-таки читали. А вот последний текст размножить не смогли.

Я пришел в аудиторию, спросил: кто прочел? Прочесть смогла только треть студентов. Предложил ребятам пойти погулять по литературной Москве. Маршрут был короткий, но для меня очень знакомый: Патриаршьи пруды, дом Булгакова на Садовой. Удивительно, но я помню и турникет, и ход трамвая и даже загорающийся трафарет. Прошлись хорошо, я говорил ребятам, что для литературы настоящему писателю нужно не многое — если, конечно, не считать воображения и владения словом. В четыре часа дня начал семинар с пятикурсниками. Все прошло быстро, четко и конструктивно. Надеюсь, что у Саши Юргеневой диплом будет один из лучших.

В Москве как всегда и как мы привыкли, дорожные пробки. Единственное их достоинство — во время езды со скоростью черепашьего шага слушаю радио. В Минске проходит саммит СНГ, Лукашенко не пустил журналистов «Коммерсанта» и «Московского комсомольца». В знак протеста все русские журналисты покинули Минск. Как бурлят по этому подводу средства массовой информации! Они же сетуют на непонятную для них любовь русского народа к Лукашенко. Ему, дескать, все прощают! В Ницце на Английской набережной на Феррари разбился Сулейман Керимов. Он же депутат Госдумы, он же миллиардер. Людей жалко, олигархов нет. Ни дня без скандала!

29 ноября, среда. В «Литгазете» за традиционной подписью «Литератор» напечатали статью об итогах конкурса «Большая книга». Безжалостный разбор лауреатов — Быков, Кабаков и Шишкин. Об этом уже много писали. Потом мысль, что с появлением «Большой книги» возникла надежда на некоторое единство, но продолжается та же тусовка, которая тщательно следит, чтобы поддерживали только своих. Сопредседателями жюри были Радзинский и Гранин. Между тем, Гранин еще в Ленинграде, только что вернувшись из Москвы, говорил мне, как все было ужасно и (так я понял) какой ужасный был выбор. Тогда же он сказал, что читал мой «Марбург», и это — значительно. В статье мне понравилась еще мысль, что при разросшемся жюри легче пробивать искомый результат. Я столкнулся с этим во время голосования за премию правительства России, когда забаллотировали бесспорную Доронину, и дали премию утлому журналу «Балет».

В «Коммерсанте» вчера прочел следующее: «…в кулуарах ЦДЛ, где проходила первая премиальная церемония, звучали и скептические голоса, премии предрекали скорый закат. Однако

«Большая книга» устами руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Михаила Сеславинского и председателя Центра поддержки отечественной словесности Владимира Григорьева сказала свое «Не дождетесь!». Дождались! Особенно занятно, когда это говорят о бывшем преподавателе марксизма-ленинизма Сеславинском и безвестном специалисте по словесности Григорьеве. С какими же матерными словами я проговорил про себя все, что об обоих думаю.

Вечером по мобильному телефону позвонил Сережа Небольсин, который был оппонентом на моей защите. Он случайно встретил одного парня-студента, может быть, это даже его студент, который рассказал ему, что он участвовал в так называемом «студенческом жюри Буккера». Вроде бы хотел или проголосовать или выдвинуть «Марбург» для голосования, но потом акценты были смещены. Как же жить дальше! Сегодня звонил в издательство — случай беспрецедентный, моя книга лежит уже год. Людмила Бурякова морочит мне голову, думаю, что выполняет чей-то заказ. Хотели выпустить к сентябрьской выставке, потом к декабрьской «нонфикшен», потом подвергли книгу сталинской цензуре, потом стали меня уговаривать выпускать ее без словника. Меня уже не интересует книга, меня сейчас больше интересует скандал! И после этого я должен что-то хорошее сказать о председателе Центра поддержки чтения, который поддерживает только людей близких ему по либеральной крови.

30 ноября, четверг. Вчера вечером очень продвинул роман, написав еще одну сцену, связанную с историей Кузмина. Кто бы мог подумать, что я окажусь почти специалистом по Пастрнаку, и почти специалистом по Кузмину. Кстати, по мере знакомства с его творчеством, начиню понимать какая крупная и новаторская это фигура.

Точек соприкосновение с «новой жизнью» у меня все меньше и меньше. Я уже писал, что вдруг столкнулся с открыто иным взглядом на жизнь в Ленинграде на книжном салоне. Сидя за обеденным столом с директорами крупнейших в стране книжных магазинов и слушая их разговоры, понял, что это — другая порода людей. Я испытывал даже некоторое смущение при непривычной еде, для них привычной и обыденной. А потом, говоря им о насущных проблемах жизни писателей, вновь оглядел лица этих неплохих, умеющих работать людей, их уверенные фигуры и окончательно осознал: сам я живу в мире других измерений, они иначе на все смотрят и совсем не так оценивают — и обстоятельства, и людей. Так вот, это задевшее меня противоречие сегодня получило свое продолжение.

Моя старая ученица Марина Шаповалова, доставшаяся мне от внезапно умершего Славы Шугаева, она тогда, кажется, жила в Днепропетровске, а теперь стала уверенной в себе москвичкой, пригласила меня выступить в школе, где учится ее сын. Школа буквально в двух шагах от моего дома. Отказать было невозможно Сама Марина, прелестная молодая женщина, заканчивая институт — второе образование — написала помнится повесть, о трудной, послевоенной провинциальной жизни интеллигентной трудовой еврейской семьи.

Мой репертуар наработан — рассказ в виде свободной беседы о жизни и литературе.

Все прошло нормально. Ребята пытливые, непростые, девочек уже более интересуют другие вопросы, а не литература, они торопятся взрослеть. Дом на улице Панферова я тоже, оказывается, знал. Помню, что здесь был детский сад, потом его нарастили еще двумя этажами и превратили в элитную частную школу с американским уклоном и усиленной языковой подготовкой. Хорошо это или плохо для ребят, отделенных от своих сверстников из других слоев общества, не знаю. Как школа организовывалась, как приватизировали или выкупали детский сад, мне в общих чертах ясно; кто спонсировал и кто помогал, тоже в общих чертах понятно. Здесь даже, кажется, празднуют День Благодарения. Для меня это первое знакомство с подобным учреждением. Это все равно, как оказаться где-нибудь в новой Англии. Школу, естественно, охраняют. Когда мы проходили вахту, я спросил у Марины, сколько это удовольствие стоит — 800 долларов в месяц. Каждый мальчик и девочка уход из школы и приход в школу отмечает на электронном табеле. Как я понимаю, это и дисциплина, и безопасность. Марина ежедневно утром — сама за рулем — возит своего сына с Остоженки к нам на Ленинский. Ежедневно же, в пять вечера мальчика забирают домой. Детство ли это или нет, не знаю. Я на подобной пересылке не был. Возможно, занятые родители просто ссылают детей на целый день, чтобы развязать себе руки. Многих возят не родители, а шофера. Здесь полупансион: кормят днем и, наверное, полдник, но — восемь уроков, до пяти вечера. Как бы мне хотелось посмотреть на кого-нибудь из этих ребят в будущем. Что же вырастет из этих отделенных от жизни детей? Получатся ли из них граждане, которыми станет гордиться Россия?

Когда я зашел к ним в библиотеку, то поразился ее скудности: все функционально: учебники, пособия, литература только по программе. А ведь я любил в школьной библиотеке вытащить что-нибудь неожиданное и желательно взрослое. Впрочем, в беседе, которая состоялась в зале, дети мне

понравились.

1 декабря

1 декабря, пятница. В Москве плюс четыре, плюс шесть. Такая же температура и в Обнинске. Я твердо решил, что по возможности буду придерживаться тех академических норм присутствия на работе, против которых боролся и которые так и не изменил. И слава Богу. Впрочем, до рекордов, поставленных другими заведующими кафедр, я так и не поднялся: и в понедельник был на работе, и во вторник был и провел два семинара. Но самое главное даже не посещение, а то что я так и не могу сломать себя и постоянно думаю об институте. Вот и сейчас обдумываю новую статью в книгу — о характере отбора абитуриентов на этапе присылки конкурсных работ.

Утром все же дозвонился до Олма-Пресс, где лежат дневники, Людмилы Павловны Буряковой на месте не было, но Лина мне все разъяснила, хотя, думаю, многое осталось и за бортом ее наблюдений. Вкратце: книга почти не идет; по крайней мере, в их отделе, где выходило до 15 книг в месяц, в ноябре не вышло ни одной. Все проекты закрыты, самотек и рукописи со стороны не принимают, моя книга держится только потому, что ее финансирует правительство Москвы. Для себя я сделал вывод: свои дела вести не умею и никогда не научусь. Но, тем не менее, новый роман до журнала все же начну показывать издательствам сам.

Все эти размышления возникали у меня до того, как я уехал на дачу в Обнинск, где не был уже две недели. К счастью, со мною поехал и С.П у которого вроде бы с работой стало получше: хотя зарплата стала поменьше, но появились свободные дни. По дороге получили все удовольствия. Во-первых, заезжали в «Перекресток», где я хорошенько отоварился — в основном овощами и фруктами, которые не очень люблю покупать на рынке. Потом в любимом магазине в Вороново, где прикупили не съедобных товаров: разные полочки и, главное, малярный скотч для заклейки окон. В Обнинске я в основном пользуюсь электричеством, тепло надо хранить и посмотрим, во сколько мне это все обойдется; одна лишь заправка по дороге бензином — 700 рублей.

2 декабря, суббота. Витя приехал из Москвы только во втором часу дня. Накануне мне звонил Вл. Ефимович и как бы просил совета: Витя подает-де заявление об уходе из института. Ну что здесь поделаешь? Витя человек довольно скрытный и решительный, с одной стороны; а с другой, я уже давно наблюдаю, как плотно Витю эксплуатируют. За 12 тысяч он, как

Золушка у мачехи, делает в институте все. На таких бедолагах, как он, и экономят: Витя и грузит, и что-то делает на крыше, и чистит канализацию, и ставит батареи. Я предполагаю, уход Вити объясняется и тем, что постепенно разрушился тот автономный рабочий коллектив, в котором психологически всем было достаточно комфортно. Сначала убрали Толика, который был неплохим завхозом, потому что умел не только командовать, но и сам готов был сделать необходимое. Потом ушел Володя Рыжков, парень с недостатками, но и с золотыми руками и, когда надо, с чувством ответственности. Отпустили, так же недоплачивая, Славу Фадеева, замечательного маляра, плиточника, штукатура, за небольшие деньги он отремонтировал почти весь институт. Не взяли обратно разгильдяя Сережу Гриднева, и это тоже ребята восприняли не положительно. Проще брать грузин и киргизов со стороны и неведомо как им платить. Я все-таки знаю, что такое рабочий коллектив, и как он нуждается в некотором патернализме. Но хватит об этом, хотя и есть, что сказать…

Весь день сгребал листья на участке, а да того все утро, а потом и днем, после обеда, сидел над пятой главой. Почти закончил «пролет над Москвой» и придумал «второй» финал, где все события оказываются не событиями в жизни, а эпизодами в повести. После бани, которую топил Витя, а пиво для нее покупал С.П., смотрел телевизор. В «Максимум» долго копались в биографии покойного генсека и руководителя КГБ Андропова, тщательно отыскивая его еврейские корни. Кто ищет, тот всегда найдет: Андропов оказался в родстве с московскими купцами и ювелирами еврейского разлива. Ну и что? Какая все это гадость!

3 декабря, воскресенье. Смотрел по «Культуре» английскую версию «Лебединого озера». Становится заметнее замысел — близкий к «Жизели» с ее «мертвым» актом.

4 декабря, понедельник. Витя все же ушел. Пузырь, светлая душа, решил вычесть с него 15 тысяч, которые вносили за Витию за обучеие в институте. Задержали зарплату и вычли из нее. Полагаю, что не выдавать зарплату во всяком случае совершенно незаконно. Я разгневался и пообещал, что все разведаю и помогу Вите написать письмо прокурору. Не знаю, что из этого выйдет, но обошлись с парнем подловато.

Хорош Ефимыч, когда, прошлом году, сбрасывали снег с крыши, «делал свою долю»: снизу держал кого-то из работающих ребят на веревке. Руководить — это его обязанность, а веревка в случае падения удержать никого бы не смогла — сплошная имитация. На кого тогда «записали» деньги, я уже забыл.

5 декабря, вторник. Поздно ночью, после двух часов, закончил (вчерне, конечно) роман. Заснул, взвинченный, уже под

утро. Сегодня же к вечеру так скучно стало жить. По Интернету отправил две последних главы Боре Тихоненко. Туда надо сделать еще две-три небольшие вставки — некоторые цитаты, добавки в финал: «корабли» — Костров и Р.Сеф и переписать еще несколько высказываний из зала. Но вот интересно, и много раз отмечено: сразу же, словно чертик, выпрыгнул в ближайшие планы роман о нацболе, в голове закрутилась статья о Покровском и вспыли откуда-то снизу сознания материалы, связанные с монографией — теоретическая книга о преподавании литературного мастерства.

Вторник день для меня обычный, семинар по материалам Лены Иваньковой. Ее рассказы нравились мне с момента набора студентов. В них много социального и трагически привычного, трагизм быта. Но главное, она написала еще один небольшой рассказик, из которого ясен и быстрый ее рост и стилистическое взросление. Ребятишки на семинаре зоркие. Очень много добавили того, что не заметил или на что мне скучно было обращать внимание. Кто-то из студентов опоздал, я предложил всем придумать быстро, блицем «причину опоздания». Значение, пояснил, имеет не соответствие действительности, а характер придумки. Вот результаты, которые я запомнил.

— ГАИшник прикололся: «Почему вы без машины?» (Вася Буйлов)

— Любовь задержала! (Требушинина)

— Автобус захлестнуло цунами.

— Надоело вовремя приходить!

— Болтал с Гекельбери Финном (Дима Иванов)

— Иванов принял меня за Гекельбери Финна, и мы заболтались. (Власов)

— Меня украли инопланетяне в ночном клубе и проводили эксперимент.

— Встретила метрового енота и залезла на дерево. (Вера Матвеева)

— Я Пушкин — мне положено (студент по фамилии Пушкин).

Обычно к каждому семинару я подбираю несколько цитат из моего набора. Сегодня это был Ильянен. Прочел, обсудил, поразмышлял.

«Есть в этом некоторая навязчивость изображать одну сцену. Это свойственно художнику. Например: рисовать один и тот же стог. Один и тот же пруд. Одну и ту же сестру…Или: самого себя. До бесконечности, до наваждения». (стр.151). Такое ощущение, что это про меня, сколько раз я писал одни и те же впечатления юности.

«Журнализм — французское слово, в моем случае к газете не

имеет отношения, а значит «писательство изо дня в день»: жанр дневника, записок, если угодно». (стр. 153). Это опять про меня, если читать мои дневники.

«Писать следует короче. Еще короче! Читатель умный, поймет, схватит на лету. Достаточно аллюзий» (стр.59). Если бы научиться!

«Пока твое тело не лежит с разорванным животом на холодном столе прозекторской (ноте бене: стол жестяной с желобками чтобы стекали кровь и жир). Вокруг не бродят курсанты с любопытством — Найти себя — найти язык» (стр. 91). Нашел, — это касается первой половины высказывания, вторая — ожидает, скоро ли, далеко ли? Так хочется еще пописать, что-нибудь сочинить, писательская жизнь моя только началась.

Иногда холодит сердце: «Опомнись, писатель! В тебе самом не хватает человека, в самом тебе — пустыня» (стр. 276). А если так и есть, если пустыня?

В конце дня был Ю.И. Бундин. К сожалению, пообедать с ним не удалось, у него не было времени, но замечательно сидели за столом с зеленой скатертью на кафедре и говорили. Подплыли Вишневская и Роман Сеф. Инна закончила что-то диктовать Е.Я., а у Романа начинался семинар. Говорили о Литературе, о Литвиненко, о разных других людях. Я, оказывается, не ошибся, именно Литвиненко в свое время «показывал» во время сфальсифицированного покушения на Березовского. Скользкий тип, в нем я сразу распознал переметчивость. Интересные сведения и о Льве Разгоне, этой совести интеллигенции — был, говорят, осведомителем. Оба свидетельства: и Бундина как человека знающего и много помнящего; Юрий Иванович сослался на прямой вопрос, заданный Разгону на одной из встреч с читателями, Романа, как человека, пять лет сидевшего в 50-е годы по политической статье можно принять как оценку экспертов. Юрий Иванович интересно говорил о самой большой опасности на Кавказе. Это уход русских: сразу проваливается слой, обслуживающий культуру. Учителя, врачи, журналисты — где они? Тут же рушится промышленность — русские рабочие, инженеры, техники. Интересная статистика: в Башкирии, где четверть башкиры, 40 % русские и около четверти татары, тем не менее, башкиры — как бы национально-образующий народ. Значит, на всех командных высотах именно они, а не демократическое большинство, не выбор лучших и способнейших. Такое же положение во многих других республиках. Единственная республика, в названии которой нет этносообразуюсщего слова — Дагестан. Именно потому там иная структура власти, не президент, а председатель Госсовета. И там другое отношение и к

русским, и к языку русскому — без него они просто не поймут друг друга. Русский язык здесь не язык подавления, а язык спокойной жизни другого языка и другого народа. Говорили о приватизации, о том ее периоде, когда олигархи скинулись и выбрали Ельцина. Как интересно говорить с информированными людьми. Олигархи, оказывается, давали деньги под госсобственность — под заводы, фабрики, месторождения. Но на следующий год денег в бюджете, чтобы их вернуть, не оказалось. Вот так и была роздана собственность, объемы которой не снились кроме России никому в мире. К концу разговора подошел Слава Шипов и Михаил Петрович Лобанов с Татьяной. Слава Шипов священичает с начала перестройки, его приход — на Варварке. Вот уж человек, в котором никогда не было никакой религиозной конъюнктуры. Я с радостью смотрел на его простое русское лицо. Сегодня он встречается с семинаром Михаила Петровича.

Тут разговор перешел на Михаила Петровича; заговорили о его замечательной книге «В сражении и любви». За мной *должок*: я начал ее читать и сразу же наткнулся на цитату «из меня». А я, естественно, позабыл.

Днем написал кислое и уклончивое представление на Диму Лебедева.

6 декабря, среда. Утром уже не в первый раз звонил Э.В. Лимонову. Приглашал его на семинар, раньше он обещал мне поговорить с ребятами. Но Эдуард оказался занят аж до 16 декабря, когда пройдет «Марш несогласных». По своей наивности я не знал, что это такое. Оказывается некий союз, в котором Касьянов и Каспаров. Я сказал Эдуарду, что он плохо монтируется с Касьяновым, и что я всегда выбираю союзников по морально-этическому признаку, по внутренней гармонии. Эдуард ответил мне, что это, дескать, тактический союз. Запахло тем тактическим большевизмом, который я никогда не мог понять. Утром же позвонили с какой-то радиостанции, попросили прокомментировать короткий список Букера. Я сказал, что вообще не считаю ни этот конкурс, ни «Большую книгу» явлениями, отражающими литературный процесс. Так, литературный междусобойчик, связный единством плохо пишущих и всем завидующих людей. В редких случаях Букер отражал качество литературы, но всегда связан с интересами малой группы либеральных даже не писателей, а литераторов. Спросили меня: могу ли я это повторить в эфире? Могу. Можно вам позвонить через пол часа. Но ведь не позвонят!

Позвонили. Мне кажется, что никогда я не был так раскован и никогда так свободно раньше не говорил. Кое-что сказал и о

«Большой книге». О тех ожиданиях, которые были у публики, о жажде ориентиров, которая эта акция опять не дала. Про себя я почему-то имел в виду несколько статей в «Литгазете», в том числе и статьи о лауреатах «Большой книги». Так жалко, что «Большая книга» идет под патронажем С.В.Степашина, который, конечно, сам не имеет возможности многое прочесть, но как его дурачит милое окружение по Книжному союзу.

Оказывается, что «Литературную газету» я имел в виду, когда давал интервью радио, не зря. Потому что, слушая меня, у телефона притаился Юра Поляков. Мы с ним, оказывается, спели все в одной тональности. Об этом он рассказал мне на вручении премии «России верные сыны».

Я туда немножко к началу опоздал. Признаюсь: Сережа Каргашев, приглашая меня на церемонию, назвал точное время 18.30, а я, зная вальяжность и необязательность писателей, решил, что раньше семи не начнут. Однако зал оказался полный, в отличие, как мне передавали от «Большой книги», где в зале занято было только половина мест. Ничего не поделаешь, на такие мероприятия ходят или читатели, или тусовка. Тусовка желает продолжать блудить, но читатели блуд не поддерживают. Сесть мне было некуда, сидели даже на ступеньках. Хорошо, что хоть удалось устроиться, прислонившись к стенке. Но место оказалось очень выгодное. С него как на ладони виден президиум. Министр Соколов, Юра Поляков, С.Б. Куняев, вручающий премию Вере Галактионовой. Вот появилась и «первая верная дочь России». Наша берет, и в том числе берет свое Литинститут! Потом вручили премию Леве Аннинскому; тоже были и аплодисменты, и цветы, и его, как всегда, живая и достойная речь, потом под оглушительную овацию вышел Коля Добронравов. Я разглядел сидящую в первом ряду Александру Николаевну Пахмутову. И больше порадовался не за Николая, а за нее, потому что было заметно, как она страдает, когда «недодают» — по отношению к деятелям искусства патриотического крыла (я всегда пользуюсь этим термином); другими-то давно все дали и передали, теперь голову ломают, чтобы предложить еще… — когда — продолжаю мысль — недодают ее очень талантливому и играющему огромную роль и в ее творчестве мужу, спутнику и товарищу. Я представлю их довольно одинокую жизнь, как и у нас с Валей, без детей, и мне так становится больно. Зал встретил Добронравова громом оваций. И здесь мне, вечно чем-то недовольному и строящему искусство по самому высокому ранжиру, пришла мысль, что мы, в отличии от Букеров свою держим марку. Если не всегда попадаем в самый верхний ряд, то уж в народную жизнь, в читательский

интерес, попадаем точно, как пчела в медоносный цветок.

Коля читает свои стихи, где наша русская жизнь. Сборник, из которого он читает, я знаю. В его стихах попадаются удивительные, пленительные и захватывающие своей грустной энергетикой строки. Но, видимо, в душе наболело, Коля тянет, разворачивает картины своей боли, уходя на поля публицистики. Я думаю, какой замечательный поэт пожертвовал себя песне.

Его отпускают со сцены, завалив цветами. Тут же вызывают на сцену Александру Николаевну, она тоже говорит, она рада за Добронравова, в ее голосе, в ее очень простой русской и чрезвычайно доброй манере слышится и боль, и искренность, и радость.

Пользуясь присутствием А.С. Соколова, министра, Коля, как бы между прочим, говорит и о Доме РАО. Несколько позднее, когда церемония закончится, я тоже напомню Александру Сергеевичу об этом. Но в ответ слышу, что и ожидал услышать: Соколов нам помогает, именно его усилиями несколько раз удавалось снять здание с торгов.

Но возвращаюсь от своих раздумий в зал. Анна Шатилова, которая вела, как и обычно, эту церемонию, вдруг объявила «профессора Литинститута Сергея Николаевича Есина». Я начал продираться через штативы телевизионных камер, через сумки фоторепортеров и рюкзаки студентов к сцене. «Сергей Николаевич есть в зале». «Да, есть, есть!..» Это я говорю уже на сцене, уже под аплодисменты. Вот уж точно: зал меня прекрасно знает. Хотя возможно, именно этот зал и именно эта публика. Правда, потом за кулисами, во время фуршета, Александра Николаевна говорила мне, что оторваться от «Марбурга» не могла, что «Хургада» — «это глоток шампанского», что книжку никому не дает, потому что знает, обратно ее не получит.

Специального, как у Левы Аннинского, выступления у меня нет, и я говорю приблизительно то, что только что промелькнуло и что давно уже саднит. О несправедливости в нашем литературном мире, о наших так называемых премиях. Что есть все же место, где людям воздают по заслугам. И надо, во чтобы то ни стало, держать уровень.

Уже из президиума я наблюдаю, как премию получает Володя Еременко. Большому кораблю большое и плаванье. Его объявляют как пресс-секретаря и помощника Миронова. Быстро летит время, я помню, как он еще ездил на мотоцикле.

Теперь концерт, фуршет, милые разговоры, много интересных и давно знакомых мне людей. Время поменялось, меня теперь больше интересуют люди, а не сюжеты. Куда-то уходит и писательская ревность. Внимательно смотрю на Володю

Личутина, думаю, что пора его брать в институт — успокоился, помудрел, стал терпимее. Перекидываюсь парой слов с Юрой Поляковым. Юра похудел и помолодел. Его, сказал, расстроило, что я не попал в список букерианцев в литгазетовскую статью по премии. Я тоже в свое время расстроился и даже озлобился. Юра вроде бы просил Мнацаканяна проследить, и тот его заверил, что «все наши перечислены». Ах, эти торопливые и быстрые комсомольские секретари! Меня это не удивило. Я всегда знал, что принадлежу к тому немногочисленному клану современных писателей, которых не очень любят, как правые, так и левые, как «свои», так и «чужие». Полагаю, что это не относится к Полякову.

Сегодня, когда ехал в метро, дочитал, видимо, его (подписанную «Литератор») статью о встрече Путина с интеллигенцией в Ленинграде. Больше ее написать было и некому, — Юра единственный свидетель. Цитату обязательно дам в конце этих записей.

На выходе, когда двигались через нижнее фойе Дома литераторов, встретили Андрея Максимова. Вернее, встретила Пахмутова, а я был рядом с ней. Я скромненько представился: «Я ваш зритель». Огромный Максимов с подтекстом ответил: «Я прекрасно знаю, кто вы». Я про себя подумал: «я-то писатель». Встретил еще Алексея Баталова. Я давно уже называю его Леша, и это так приятно, хотя, может быть, мне и не по чину. Но избавиться от умилительного чувства собственной молодости, когда вместе работали, когда молодой Женя Григорьев звенел в Доме радио на бывшей Качалова шпорами, а режиссер Толстовских «Казаков» Алексей Баталов писал с ним по несколько дублей, я не могу. Тогда был Главным редактором литературного вещания.

Теперь обещанная цитата из Литературки:

«*Подводя итог более чем двухчасового разговора, В. Путин подчеркнул, что следующий год объявлен годом русского языка, который является универсальной основой Российского государства и — шире — русского мира. В наше сложное время мы должны, продолжил президент, искать новые адекватные формы исторической общности людей. И русский мир может и должен объединить всех тех, кому дорого русское слово и русская культура, где бы они ни жили, в России или за её пределами, и к какой бы этнической группе ни принадлежали. Почаще употребляйте это словосочетание — «Русский мир»!*

Почему все каналы скрыли от своих зрителей острую и справедливую критику в адрес ТВ, настойчиво звучавшую из самых разных уст во время всей встречи, догадаться нетрудно. Удивляет и тревожит, особенно в преддверии 2008 года, другое: почему СМИ

единодушно замолчали долгожданные, концептуально значимые слова В. Путина о созидании русского мира, о важнейшей роли культуры в российском обществе? Если это — информационная политика, то чья? И почему в угоду этой политике утаиваются от граждан принципиальные высказывания президента нашей страны? Не знаю, какой исторический шанс упустила творческая интеллигенция, но вот наши журналисты, кажется, бесповоротно упускают свой исторический шанс — научиться говорить людям правду!»

7 декабря, четверг. Володя Бондаренко вчера дал мне последний номер «Дня литературы». Я уже довольно давно потерял к газете интерес, но тут внимание привлекла статья «Игорь Дедков как феномен» со знакомым для меня именем. Это тот же Юрий Павлов, что довольно гнусно и, наверняка не без некой наводки, написал о «Марбурге» в «Литературной России». На этот раз, как мне показалось, замечательная и огромная статья. У меня всегда было смутное ощущение, что Игорь Дедков все же не так прост по своим привязанностям и литературным вкусам, каким он может показаться. И дело здесь не в медленной трансформации убеждений, а в неком духовном и органичном для него параллелизме. Когда он у него возник? Я и себя, пожалуй, в этом мог бы упрекнуть. Много лет назад мне показалось это, когда я был у него в доме, еще в Костроме. Ощущение настороженной сдержанности, постоянного испытания собеседника. Наши весьма общие разговоры никогда не уплывали очень далеко. Но у него на столе я увидел несколько писем — в глаза бросились, естественно, только конверты — от людей, с которыми он как бы, судя по разговорам и умолчаниям, не должен был бы переписываться. Многое здесь замыкалось и на проклятом национальном вопросе, о котором впрямую мы с ним никогда не говорили. Все это утонуло в воспоминаниях, а потом мне вдруг, уже много после его смерти, попались в руки его дневники, изданные отдельной книгой. Дневник его я всегда читал и в «Новом мире», и всегда понимал объем и масштаб личности Игоря. Чего там говорить, человек был очень крупный. Но, видимо, тоже был надломлен лагерями и группами. Всем надо было в свое врем выбирать, с кем идем дальше, но были люди очень осторожные и задумывающиеся больше о своей складывающейся репутации, нежели о своем исконном чувстве.

Листая словник в огромном томе «Дневник 1953–1994» я встретил и свою фамилию. Я тоже мастер писать дневники и тоже мастер придавать отдельным эпизодам свое толкование. Об одном из эпизодов этого дневника Дедкова я, наверное, уже писал. Тогда прочитав этот текст у Дедкова, я так расстроился,

что дальше через небольшую цепочку страниц, помеченных моей фамилией, не пошел. А может быть, и не писал, а только подумал написать? Но так саднит на сердце, что, если даже и не писал, то изживу этот эпизод вовсе, напишу еще раз. Сначала, так сказать, «разбираемый текст». Игорь Дедков, стр. 239. В известной мере эпизод этот Дедковым записан со слов моего покойного замечательного товарища и замечательного, редкой души и сердца человека — Виктора Бочкова. Я дружил с ним с юности и до его смерти, хотя виделись редко. Витя жил в Костроме, но и там мы встречались не раз.

«*Виктор*, — пишет Дедков, — *вернулся из Нижнего Тагила, куда ездил по командировке от Грибова: смотрел музеи и старину. Рассказывает, что с едой там хуже, чем у нас. Даже сыра там нет. В Перми, куда Витя заезжал к приятелю, — то же самое. Не знаю, много ли толку от этих путешествий; сидел бы на месте и работал. В Москве (он) разговаривал со своим однокурсником Сергеем Есиным (ныне редактор литературных программ Центрального радио и сочинитель повестей; когда-то нас с ним знакомил Игорь Саркисян, и они вместе нагрянули как-то раз в Кострому) по телефону, стараясь как-то помочь Олегу Мраморнову, «щелыковцу» устроиться к Есину на работу. Есин разговаривал с Виктором очень дружески, а насчет Мраморнова попросил ответить на несколько вопросов. Среди вопросов были такие: еврей Мраморнов или не еврей? не еврейка ли его жена? И как он Мраморнов относится к евреям?*»

Не стану размышлять, почему Витя Бочков, среди нескольких вопросов зафиксировался именно на этих, или почему Игорь Дедков из нескольких вопросов и ответов решил в свой дневник внести именно вопросы о евреях? Но дело в том, что я хорошо помню, этот разговор действительно состоялся и подобные вопросы, кроме последнего вопроса, как некто относится к евреям, прозвучали. Но тогда же я Виктору объяснил, почему я об этом спрашиваю.

В то время я работал не просто редактором литературных программ, а Главным редактором Главной редакции литературно — драматического вещания, т. е. начальником главка в большом идеологическом министерстве. Практически я отвечал за все вещание на Советский Союз, связанное с поэзией, прозой, театром. Это было огромное количество передач и новых и старых и большое количество людей, для которых я был начальником. Мои вопросы в разговоре с Витей Бочковым о совершенно неизвестном мне Мраморнове были вызваны двумя обстоятельствами. Первое: существовал в этом министерстве огромный отдел кадров, который внимательно отслеживал все

параметры кадровой политики. Говоря сегодняшним языком, отдел кадров внимательно следил, чтобы на большом базаре торговали не только перекупщики, но и свои «фермеры». Пропускал и писал необходимые бумаги именно этот отдел кадров, понятно, что отдел в подобном учреждении был тесно связан с другими учреждениями. Второе, что было бы необходимо отметить, это большое число, как говорится, людей еврейской национальности, которые работали в Литературном вещании. Начиная с главного режиссера редакции, которым был отец нынешних братьев Верников — я знаю этих мальцов почти с младенчества — Эмиля Григорьевича Верника. Коротко говоря, Литературное вещание давно и безнадежно превысило все квоты по евреям, которые могли подразумеваться при раскладе по представителям разных национальностей, населяющих даже не СССР и Россию, а просто Москву. Вопрос был вызван чистой прагматикой — ни одного еврея в мою главную редакцию, даже если я головой бы стукался о стенку, никто бы никогда не взял. Но интеллигенция понимает только свои обстоятельства.

Но вернусь к статье Юрия Павлова, с которой я начал. Она открывается такой посылкой «Согласно устойчивому мифу, Игорь Дедков в литературной борьбе 60-80-х годов занимал независимую нейтральную позицию». Павлов приводит свидетельство нескольких мифотворцев, один из которых С.Чупринин, другой его жена Тамара. (Вот уж идеальная писательская жена, достаточно взглянуть на корпус дневников писателя, тщательно ею отредактированного, вычитанного, набранного на компьютере и откомментированного — комментарии прекрасные, хотя есть и неточности). Дальше Павлов пишет о тяготении молодого Дедкова к либеральным взглядам, хотя «в записях Игоря Александровича начала 60-х годов упоминания о литературной борьбе отсутствуют, что естественно, ибо она — полноценная — начинается со второй половины этого десятилетия, с возникновения русской партии». Заметим это. Дальше Павлов говорит и доказывает с текстами, что «независимая и нейтральная позиция» Дедкова понятие условное. Я пропускаю здесь ряд приводимых критиком, разбирающем некоторые работы И.Дедкова, примеров. Они, показываютх специфику его «независимой» оптики. Выхватываю цитату, которая корреспондируется с моей обидой. «Примерно на таком уровне многократно говорит И.Дедков и об антисемитизме в жизни (до этого и в литературе, в частности, упрекая в этом В.Катаева — С.Е.). Он приписывает реальным и мнимым представителям «русской партии» выяснение состава крови, еврейской примеси в ней в частности (17.о6. 1979) приписывает

то, чем в реальности занимались многие из противников «правых»»…

Утро четверга было временем удивительных открытий. Я уже давно слышал, что в седьмом номере «Нового мира» должна была быть напечатана статья Марка Розовского о том, что будто бы Товстоногов украл у него спектакль. Мне это было особенно интересно, потому что много лет назад я видел самодеятельную постановку Розовского «История лошади», очень похожую на спектакль Товстоногова. Тогда мне это показалось интересным, а претензии Розовского — обоснованными. Но вот «Л.Г.» публикует открытое письмо Рудольфа Фурманова, залуженного деятеля искусств России. Это защита Товстоногова и укор Розовскому: — «А какие ***ваши*** личные успехи? — обращается Фурманов к Розовскому. — Кого покорили ***ваши*** спектакли, в частности ваша «История лошади»? По неизменной вашей инсценировке? Где на афише уже не мелким, а крупным шрифтом написано — постановка Розовского?» Аргумент почти убийственный. Крупная личность она всегда личность — во всем, что касается дела его жизни. Фурман обвиняет Розовского главным образом в том, что тот поднял компанию исключительно, чтобы возбудить толпу и привлечь внимание к своей персоне. «Не будь вашей встречи с Товстоноговым — у вас была бы другая биография. Точнее, у вас вообще могло не быть творческой биографии. И «Бедной Лизе» пришлось бы утонуть на самодеятельной сцене, и не было бы ни «Трех мушкетеров», ни театра у Никитских ворот».

Вот так весь день я развлекался газетами, лежа на диване. А на вечер Саша Колесников пригласил меня на Турандот в Большой театр. Вперед!

Еще когда я поднимался по лестнице от метро на платформу, где расположена Новая сцена, то подумал: что-то ты, Есин, зачастил на мероприятия «не по рангу», и припомнил, что впервые пришла мне в голову эта тревожная мысль, кажется, во время обеда с издателями в Ленинграде. Я выгляжу как вполне обеспеченный человек, но никогда таковым не был, а лишь делаю вид, что одного с ними социального ранга. Теперь та же мысль снова пришла в голову. Большой стал весьма дорогим для моего возраста удовольствием. Это в молодости мы могли сидеть на пятом ярусе, а нынче оттуда ничего не увидим, не услышим, да сможем ли без одышки туда подняться?

Новая сцена — я не был здесь три года — как-то быстро постарела. Сравнительно небольшой зал с лепниной вдруг потерял новизну и через украшения, через хрусталь люстр полез мещанский вкус, какая-то немецкая мелкость, будто это не сестра расположенной рядом сцены Большого, а копия оперного театра

какого-то немецкого княжества, изо всех сил старающегося выглядеть столицей. Тем не менее, кое в чем я ошибся. В публике. Все же парадная, очень дорогая публика так просто в Большой на оперу не ходит. Было много старых людей с привычными лицами меломанов, студенты. В этом смысле Россия удивительная страна, которая своих культурных привычек и преданности к искусству не сдает. Старухи, которые, отказывая себе во многом, покупают билет.

Много размышлений возникло у меня, пока слушал оперу. Саша оказался хорошим знатоком, как и положено ученику Вишневской, и хорошо меня зарядил своими знаниями. Это, конечно, очень неожиданный и очень непохожий на другие, оперный сюжет. В опере все посвящено смерти и о ней все говорят. И какое понимание серьезности искусства, которое может понять и эгоистичную глупость толпы, и ее доброту. Подумать только, опера

не только о любви, но и о тирании. И все, конечно, не задело бы, если бы не эта невероятная музыка. По большому счету, музыку я понимаю плохо, только изредка она приоткрывает мне свой тайный смысл. Я так жалел, что со мною нет В.С., которая получила бы несравненное со мною удовольствие от этой обнаженной эмоции. Поставила все с несравненным размахом, с прекрасными народными сценами Франческа Замбелло — оперная режиссер с мировым уровнем. Но американцы не были бы американцами, если бы не хотели показать нам то, что мы и без них знаем. Что у нас был Сталин, а в Китае произошла культурная революция. В финале вдруг, когда в душе уже

были накоплены силы и определенные эмоции, стилистика вдруг поменялась, зареяли красные флаги, народ немедленно переоделся в белую униформу — сегодняшний счастливый день без тирана. О певцах говорить не приходится. Миквала Касрошвили излишне монументальна, немножко упустила момент. Голос с возрастом становится менее гибкий и теряет обертона. Калафа пел покрикивая, народный артист Украины Владимир Кузменко, ныне солист Штутгардсской оперы.

8 декабря, пятница. Перечел третью, после правки Бори Тихоненко, главу. Боюсь, что это все же очень неплохо, хотя вижу и недостаток: я опять пишу свою жизнь, вернее жизнь литературы. Меня ведь ничего больше не интересует. Но уже витают мысли, где все это печатать, целиком или частями? Не воспользоваться ли мне предложением Юры Полякова дать кусок в Литгазете? Если уж вспомнил Тихоненко, то — в связи с близким соседством и тем, что «Дневники» Игоря Дедкова сейчас на моем столе — порадую и его, постоянного первого читателя

моих дневников.

«На премьеру спектакля «Гибкая пластинка» по повести С.Есина (постановщик В.А.Симакин) приезжали Ю.Апенченко, В.Клименко, Б.Тихоненко. И, конечно, С.Есин. После премьеры сидели у нас часов до четырех Юра Апенченко, Володя Клименко, которого не видел с 57-го, и наш актер Эмиль Очаговия с женой. Днем следующего дня, т. е. в воскресенье, заехали к нам уже втроем: Юра, Володя и Сергей. Борис Тихоненко так и не появился: уже в театре был пьян. Не столь разговоры были интересны, сколь любопытно было взглянуть друг на друга. Отяжелели мы все и огрубели, вероятно, тоже — в сравнении со студенческой нашей молодостью, но превращение Юриного лица разительно: исчезли следы тонкости, «трепетности»…»

В четыре, как всегда, провел семинар: иркутянин В.Рудаков — две главы из его повести «Институт». Но не тот институт, о котором пишу я. Это перестройка и оборонное НИИ, которое закрывают. Без малейшей претензии, точно, глубоко, душевно. Но пока только две главы. Как я и предполагал, семинар оказался короткий, все было ясно; посидели с ребятами, отметили ошибки и хорошие места, и я быстро на метро отправился на Лубянку в «Библио-Глобус» на презентацию книжной серии «Новая библиотека русской классики — обязательный экземпляр». Поехал-то я туда, потому что вроде надо было как председателю книголюбов, скорее из чувства долга и обязательств перед Людой Шустровой, но оказалось, что это и интересно, и, по сути, что-то новое.

Здесь надо бы разместить большой комментарий о том, как постепенно мы возвращаемся к строму. Вернее, начинаем понимать, что это старое есть проверенный и выбранный, как единственный и оптимальный, путь к результату. И, несмотря на то, что в глазах власти он заклеймен «коммунистическим» происхождением по нему необходимо идти. Но идти так, как шла советская власть, заботясь обо всех и заставляя общество в известной мере жить в аскетизме, чем, может быть, и рождались взлеты духовности, — так идти мы не можем: средства уже давно отданы тем, кто пришел на смену власти. А пришли жадные, чванливые, не желающие делиться. Но, тем не менее, и они сами, и государство понимают: происходит что-то, что может сорвать все их планы. Чего и правительство, и бизнес взялись за книгу и чтение? Бизнес — потому что понял, лишившись читателя (а он его лишается, несмотря на малоформатные тиражи), он потеряет свои деньги. Для государства же — с потерей читающего и живущего хоть какой-то духовной жизнью общества возникли проблемы воспитания следующей генерации граждан, роста

преступности, деградации социальной жизни. Любое государство, любые чиновники хотят управлять породистыми баранами, дающими высокосортную шерсть при стрижке. Нужны квалифицированные рабочие, нужны сильные и грамотные солдаты.

Здесь, конечно, надо бы сказать и о проблеме пьянства. Она не возникла просто так, она, как наркомания, началась с экономики, с «прикорма» наркотиками населения. Теперь схватились, потому что подпирают избиратели, потому что подпирает весь ход жизни. В Литературке я недавно прочел некоторые данные. От «пьяных денег» Екатерина II получала 29 процентов госдоходов. Николай II — 30 процентов. При Борисе Ельцине осталось только 2 процента. Значительно выгоднее было а) иметь пьяную страну, поэтому государство отдало свою монополию водочной торговли; б) нужно было, чтобы соратники по «революции завлабов» составили свой капитал.

Приблизительно то же самое случилось и с другими статьями доходов, и госмонополии ушли в частные руки. Так оскудевал бюджет. А уж чего стоят невероятные истории последних месяцев с отравлением некачественным алкоголем. В Белгородской области отравилось 912 человек, умерло 44, в Иркутской области — 559, умерло 15. Пресса публикует статистику и по другим регионам. Почему предприниматели решили травить людей дешевой водкой? С 1-го января государство ввело налог в 159 рублей на литр этилового спирта, вот бизнесмены и перешли на спирт технический, изопропиловый. И дешевле, и без налогов.

Но пора вернутся к книгам.

В «Библио-Глобусе» я встретил много знакомых. В нижнем зале, где обычно проходят презентации, сидели Н.Дементьева, В.Мирнев, наш самоназначенный президент Академии русской словесности Юра Беляев, издатель М.В.Дегтярев, президент фонда Бориса Ельцина А. А. Дроздов. Вот и Ельцин пригодился! Я порадовался за первые две книги, которые показывали публике. Два — для меня — самых знаковых писателя русской литературы. Петр Павлович Ершов «Конек-Горбунок. Избранные произведения и письма» и Николай Семенович Лесков «Человек на часах. Избранные повести и рассказы». Почему не с Ильфа и Петрова или, скажем, не с Василия Гроссмана? Здесь стоило бы посмотреть редколлегию. Точно — во главе ее Ник. Скатов. Среди членов — Ю.Л.Воротников и Ю.М.Поляков. Славный момент: на благотворительной основе книги будут распространяться через ведущие библиотечные коллекторы страны. Если бы и дальше так, если бы только серия была выпущена до конца!

Много говорили о падении интереса к чтению. Говорили —

все: и Мирнев, и Дементьева, и Дегтярев — говорили небессодержательно и небезынтересно. Что-то сказал и я, увидев некоторое разочарование на лице Юры Беляева. Но наши призывы — это призывы гуманитариев, еще мыслящих по-советски. Все отчетливо понимали, что сделать что-то можно не при помощи компьютеров, а только через экономику, через, как и «при советской власти», планомерную и ежедневную работу — через учителей, которым нужно дать зарплату; через родителей, у которых должно оставаться время на детей; через библиотеки, которые не должны стоять необновляемыми фондами двадцать лет; через целенаправленную политику в книжном издании. Детские книги, приносящие самый крупный доход, — самая низкопробная отрасль книжного дела. Но здесь начинается рассказ, — где, друзья, бюджетные деньги? — с которого я и начал.

9 декабря, суббота. Утром телевизор огорошил новой катастрофой. В Москве загорелась наркологическая больница. Пожар вроде затушили быстро, но в огне, за железными решетками и металлическими дверями сгорело 45 человек. Чего здесь скажешь? Читаю это через три (или два?) года после написания. В Перми сгорел клуб «Хромая лошадь». На сегодняшний день погибло 145 человек. Так мы поднимаемся с колен. Россия и впрямь, как хромая лошадь, идет по кругу бедствий. Вот тебе и Птица-Тройка. Как спрашивал герой Шукшина: «А кто в тройке-то? Чичиков?» — примечание редактора (или автора — как угодно). С этими печалями я и поехал в Обнинск. Погода пока стоит хорошая, надо бы очистить участок от листьев.

Вчера в передаче у Киры Прошутинской разбирали поправки к закону о выборах. Круг интеллектуальной и управленческой коррупции уплотняется. Сначала отобрали при выборах пункт в бюллетенях «против всех», потом добавили процент голосов для прохождения партии в парламент, теперь пытаются переделать систему выборов в Совет Федерации. Сегодняшняя верхушка делает все, чтобы остаться при власти навеки. Обо всем этом и говорили в передаче. Сидели «эксперты», проводящие линию правителей, в частности Мигранян. Иную точку зрения представляла Хакамада, с которой я впервые совершенно согласен, хотя и она из партии аллигаторов. Хакамаду спросили, будет ли она еще раз баллотироваться в Думу. Она ответила, что в голливудских фильмах твердо решила больше не участвовать. Что-то подобное испытал и я, после того как два раза меня прокатили сначала на «Большой книге», а потом и на «Буккере». Кстати, впечатления были сравнивымы и с тем, когда прокатили

Доронину с ее «Вассой». Теперь, когда все позади, в том числе и огорчения, хотел бы как летописец отметить, что «Букер» получила Ольга Славникова за роман «2017».

«КоммерсантЪ» довольно подробно обозревал весь короткий список. В статье от 01.12 газета пишет: «*Среди шести вошедших в шорт-лист романов два родись в Израиле. Филолог из университета в Хайфе Денис Соболев соревнуется со звездой русскоязычной израильской прозы Диной Рубиной*». Следующая фраза статьи не менее знаменательна, но следует обратить внимание на предложенный жюри «*Русского Букера» счет! «Однако по его собственному гамбургскому счету он конкурирует с Андреем Белым или даже с Львом Толстым*». Газета довольно жестко обошлась с этим претендентом на корону. «*Жанр того самого большого романа, о котором печется русский «Букер», требует еще чего-то. И это что-то не историософский или мистический конструкт, а прежде всего язык. Андрей Белый и даже граф Толстой это неплохо знали*».

Боюсь, что даже очень либеральный «КоммерсантЪ» не ожидал, победы Славниковой. Или это общий уровень нынешнего «Букера», когда газета так и не нашла и не уверилась в фаворите? Вот что пишет о победившем романе менее чем за неделю до торжественного Букеровского обеда. Упоминаю только одну линию в рецензии Анны Наринской, т.с. любовную составляющую. *«Это описание любви представляет собой микс дамского романа и того раздела любой популярной книжки про секс и отношения, где говорится, «чего хочет женщина». Причем женщина, достигшая уже того возраста, когда она понимает, чего хочет»*. Дальше текст рецензии становится просто оскорбительным, но, наверное, члены жюри и особенно Светлана Сорокина, которая уверяла, что должна победить женщина — или Славникова или Рубина, — рецензии, конечно, не читали. Здесь в рецензии появляются и герой и героиня. *«Крылов — очень брутальный и неожиданный. И так умеет любить. Он гладит ее «костлявые и нежные ступни, которые натирались ремешками сандалий до мокрых мозолей, а потом покрывались словно известью и грубыми ракушками», и удивляется «скрипичным формам этого совершенного творения природы». Татьяна — она такая загадочная. Как бы некрасивая, но при этом отменяющая всех красавиц просто фактом своего существования и холодноватым высокомерным взглядом сквозь стекла очков. Вроде бы слабая — Крылов «утомляет ее настойчивой любовью, едва не вывернув из суставов хлипкие бедра».*

Как пишет, как излагает!

Тот же «КоммерсантЪ», рассказывает об уже победившей

Ольги Славниковой так: «*…литтусовка приняла славниковский роман на ура — настолько желанна была «индульгенция», позволяющая обойтись без Сорокиных-Пелевиных. Шаблоны здесь те же, а вот стилистика — привычной, многословной элитарной прозы. Жаль, что никто не заметил, какой кровью это дается писательнице… Ольга Славникова ни раз сама выступала как критик, прекрасно знает, что нужно сегодняшнему роману, отчаянно пытается все это в свой роман впихнуть. Но кабинетные эксперименты со стилем ей по-прежнему куда роднее, чем вся новомодняя мистика-фантастика*».

На следующий день, 8-го декабря, «Труд» поместил интервью с опытнейшей в литературной тусне лауреатом Ольгой Славниковой. Здесь интересны три момента. **1-ый — лотерея или стратегия?***Участвуя в конкурсе ты всегда рискуешь попасть на экспертизу к тому, кому твое творчество глубоко чуждо.* **2-ой — коммерческий успех и Букер.***Опыт британского Буккера показывает…попадание книги в букеровский шорт-лист сразу поднимает ее тираж до ста тысяч. Российская ситуация другая. Чтобы неразвлекательное чтение стало коммерчески выгодным, нужно потрудиться, но наш книжный рынок предпочитает снимать сливки с поверхности.* Боюсь, что здесь причина другая: Букер настолько уронил себя в глазах публики своей вечной тусовочной конъюнктурностью, страстью к «своим», стремлением противопоставить русскому роману, что-то эдакое, что публика уже инстинктивно голосует: «нет». А ведь в свое время даже Госпремия или Ленинская премия почти всегда гарантировали раскупаемость. **3-й — чувство участника литературного конкурса.**…*результаты некоторых конкурсов так разочаровывают, что вообще перестаешь верить в то, что люди (в том числе эксперты и жюри) действительно читают книги.* К этому уже добавлю: знаю я этих экспертов! Знаю я это жюри!

10 декабря, воскресенье. Утро начал с просмотра фильма Аллы Суриковой. Я собираюсь его взять на фестиваль, но Алла Ильинична поставила условием, чтобы я его посмотрел предварительно. Когда ехал с дачи домой, то по «Маяку» передали, что наконец-то нашлись часы Киркорова (стоимость этих часов непростой и судьбоносной марки «Брегет» 78 тысяч долларов). В свое время сообщалось, что в похищении этого музейного экспоната участвовала некая молодая цыганка. В нынешнем сообщении «женщина восточной наружности». Имущество, принадлежащее заслуженному артисту России, было найдено в комнатке ее ухажера. Вот она сила любви!

Объявлены лауреаты премии Б.А.Березовского «Триумф»: композитор Софья Губайдулина, Эльдар Рязанов, украинский

актер Богдан Ступка, тот самый, который в фильме «Мазепа» неистово сношал в задний проход Петра Первого, выражая, наверное, патриотические чувства и «опуская» всех москалей, и певец Юрий Шевчук. Вполне интернациональная компания. Жюри здесь возглавляет Владимир Познер, художественный координатор Зоя Богуславская. Не начать ли мне коллекционировать председателей жюри: Кабаков, Познер… Ты можешь быть и из другой тусовки, но тогда непременно с антисоветским или, что лучше, антинародным содержанем!

11 декабря, понедельник. В половине десятого был на улице Косыгина, 10, у Романа Михайловича Мурашковского, он хотел со мною посоветоваться по поводу организации в Нью-Йорке русского драматического театра. Я не мог не поехать, потому что Р.М. живет в знаменитом четырехэтажном доме, где раньше на 4-м этаже жил М.С.Горбачев. Это, конечно, специфический вид коммунальной жилплощади. Но самое интересное, как Р.М. эту квартиру получил. Ельцин в этом доме жить отказался — слишком пахнет Горбачевым, ему построили в другом месте. Несколько жильцов, которые жили в доме раньше, так и остались, например, Егор Лигачев. Квартиры распродавала администрация президента, и, кажется ведомство по охране. Стоило это и по тем деньгам столько, что купить могли свои. Какой при доме парк, какой открывается вид, есть спуск к Москва-реке! Подземный ход, идущий к метро и другим подземно-кремлевским проспектам жильцы, на всякий случай заварили.

Занимался разбором бумаг, наконец-то отыскались материалы о Покровском; придумал полку для папок на своем бюро; прочел два письма: от Марка и от Гали Ахметовой. У нее такая печаль и такая тоска, связанная с ее провинциальной жизнью. Она тоже мой читатель — выписала на следующий год «Российский колокол». Марк очень тепло написал о Шерговой, о которой заставил его вспомнить я, просил меня ей позвонить. Звонил. Ее голос по-прежнему молодой, сколько для меня связано с Галиной Михаловной! Она, кстати, устроила у себя вечер, когда я уезжал в лес, в Лапландию. Договорились встретиться. С подобными встречами медлить нельзя. И Марку и Ахметовой отвечу позже, когда выздоровеет заболевшая Екатерина Яковлевна. Она гениально расставляет знаки препинания в моих письмах.

Вечером по «Культуре» были две передачи: о Плеханове и Пастернаке. О Пастернаке, — это авторский цикл Натальи Ивановой. В ее интерпретации и интерпретации режиссера поэт оказался манерным и каким-то дамским. Именно таким он часто бывает в мнении поэтов народного крыла. Это заслуга Натальи

Ивановой. Скучно, не возвышено, стихи читают тоже невнятно, как плохие, «свои» актеры Верника на радио. С Лотманом, Лакшиным и даже Смелянским ее сравнить трудно.

12 декабря, вторник. Это просто удивительно, как плохо я стал себя чувствовать в институте. Я понимаю, что, скорее всего, это субъективно, но все время я ощущаю к себе враждебность. Ощущение тайны и скрытности, так не свойственные мне, витают. Вчера около двенадцати на лестнице встретил БНТ: попросил зайти, потому что в двенадцать он дает аудиенцию Румянцеву, которого уволили в сентябре. Сделали это, конечно, ошибочно, потому что за ним целый регион. Сели в кабинете. Пришла Л.М. и Надежда Вас.

Как опытный наблюдатель я сразу заметил, что кабинет полон, как и у меня, бумаг. Везде лежит Хомяков и Тютчев, напротив меня — на столе какие-то листы, связанные с ассоциацией выпускников. Идеи Дьяченко витают.

Я высказал свою позицию относительно иркутского семинара. БНТ был несколько раздражен гуманитарной подоплекой: зачем говорить о том, что всем ясно. Стало постыдно понятно, что увольнять Румянцева было нельзя, это неразумный акт. Необходимо искать какие-то иные возможности для оплаты. Что-то, может быть, придумать в штатном расписании. У нас в запасе были такие вещи, как филиалы и пр. В процессе разговора выяснилось, что на «иркутского» профессора указал аудит, при этом выскользнуло, что указали также на Горшкова и Сорокина — как я понимаю, в связи с возрастом. Здесь я не только подумал, но и сказал, что разлитая нынче в институте таинственность сыграла злую шутку: на Ученом совете по-настоящему рассказать об итогах аудита постеснялись — или у Есина слишком все было хорошо, или сейчас все очень неважно. Можно было и тогда что-то придумать. Придумали самое простое: за счет собственных средств.

В 12.30 провел кафедру. Два вопроса: стипендии Горького и Рубцова, претендентов на которые в творческом вузе нашей скрытой профессии точно определить практически невозможно. Пусть решает ректорат, а каждый семинар выставит соискателей. И столь любимый формальный принцип и предложенный опять же ректоратом дифференцированный зачёт, т. е. зачет с оценкой. Довольно долго это обсуждали, переминая все «за» и «против». За подобный зачет высказался один Самид, у которого были, как я помню, нелады со студентами, и в частности с Леной Георгиевской, которая, защищаясь у меня, получила «с отличием», вся остальная кафедра была против.

В 1.30 начался семинар, который шел до 4.15. Была

апробирована новая метода. Ребята читали свои рассказики с листа и все тут же их разбирали. Сразу выяснилось, что опыта у них маловато, все как бы только из себя. Это рассказик Матвеевой про своего друга Сёмика — любовь18-летних. Есть хорошие детали, но нет русского Бога и русской меты жизни. Любопытно, что Вера Матвеева читала свой рассказ в паре с Ваней Броновцом. Потом Вася Буйлов читал очень крепкое небольшое эссе об ответственности писателя. Там есть замечательные сцены «спящего писателя». Ребята не все поняли, но мне было очень интересно. Вася вообще непростой парень в нем заложена идеей саморазвития. Затем Ася Журова читала рассказ «Зеленая беременность» — о девушке, которая прикидываясь беременной, перевозит из Франции в Россию деньги. Обозначен только один сюжет, без внутренних глубоких задач.

Вечером звонили от каких-то киевских друзей с мифической идеей издания Дневников, завтра отнесу экземпляры, причем один с дарственной надписью В.С. Черномырдину.

Читал «Российский колокол», новый номер, там две грубейших ошибки: не поправили название театра в статье о Дорониной, получилсь МХАТ им. Чехова — обидно до слез! И почему-то письмо Чахматчану напечатали два раза! Сказалась спешка, с которой мы вставляли это письмо, потерянное ранее.

13 декабря, среда. Утром менялся книгами с Александром Федоровичем, представляющем «Московский писатель» в Киеве, какую-то издательскую группу, работающую при поддержке В.С.Черномырдина. Они мне — том «Вызов» В.С.Ч., я им — два тома своих дневников: один для работы, другой, с автографом и посвящением, для самого бывшего Газового магната. В телефонном разговоре прозвучали новые определения: если бы В.С.Ч. не создал «Газпром», его бы растащили. Может быть, и впрямь мы недостаточно справедливо судим о некоторых политических деятелях? Посмотрим. Пока менялись книгами на проспекте Вернадского, я немножко простудился, правда, получил две больших пачки — тяжелые, килограммов по пять, с листами рукописи «Тихого Дона». Теперь надо рассчитать, кому их подарить. На всякий случай сунул нос: очень интересно, правка меньше чем в «Войне и мире», но есть, есть. Круглый ученический, спокойный почерк, каким и должны писать классики. Покажу рукописи ребятам. Но сначала надо заказать под листы картонные папки.

В четыре часа в кафе у Павла Слободкина отмечали мою диссертацию. Народа было немного: Нина Павловна, Анна Константиновна, Марина Ивановна, Владик Пронин и С.П. С путешествием на машине от Плющихи до Арбата целая эпопея.

При нынешнем движении машин это нешуточное странствие. Нина Павловна немножко ослабела, ходит с палкой, но воля и ум по-прежнему молоды. Замечательно пару часов посидели: и ели хорошо, особенно мне понравился шницель по-венски с картошкой, и говорили сладко. Владик очень интересно говорил о немецкой литературе. «Если бы я был помоложе, я бы обязательно написал, что по-настоящему думаю о немецкой литературе». Когда мы вспомнили о Томасе Манне и Бёле, он тоже замечательно ответил: «Бёлем, Ремарком, Томасом Манном нужно переболеть в юности». Стал бы я читать все это сейчас? Безусловно, перечитал бы «Волшебную гору» или «Иосифа», если бы ежедневно не писал дневник.

Звонил в издательство там глухо: боюсь, что мои «Дневники» выйдут не скоро, издательство переезжает на новое место, что-то все время происходит. Похоже, не без помощи института, у меня есть некоторые сведения, меня вытесняют из жизни.

Вечером просматривал 10-томник Ю.Кувалдина, который он только что выпустил за свой счет. Вряд ли десятитомник распродадут, но розданный по организациям он будет, пожалуй, полезен. Писатель Ю.К., конечно, хороший, но десять томов мелким шрифтом в мягкой обложке… Скорее писатель очень умный. Много писать без четкого прицела на высокое качество и силу — это ошибка. Проходных сочинений у писателя быть не должно.

Вышла Литературка, в которой под рубрикой «Ты — мне, я — тебе» статья за подписью «Литератор» о Букере и в том числе новом. Кто написал, я догадываюсь. Рад, что некоторые мои тезисы и обмолвки, прозвучавшие в моей речи на вручении премии «России верные сыны» не пропали даром. По крайней мере, кто-то заглянул в сундучок Миклошевича. Напечатали также и список всех за 15 лет лауреатов, картина выразительная, хотя есть и Олег Павлов и Владимир Маканин. Исключения подтверждают правила. Я впервые, до скорой очевидности, понял, что ничего не пропадает и слово агитатора может стать пропагандой. Кое-что в области литературы и «Кто виноват?» у меня накопилось оригинального.

14 декабря, четверг. В газетах и на радио появилось сообщение, что Лужков предлагает московским школам, получившим миллионные гранты от федерального правительства на закупку оборудования и пособий, от этих денег отказаться. Все эти дары «национальных проектов» обложены таким количеством справок, бумаг, задержек в перечислении и правил использования, что стали совершенно бессмысленны — купить ничего полезного нельзя, и деньги, практически, истратить

невозможно. В частности, в большинство школ они просто очень поздно пришли; на закупку, скажем, парт надо устраивать тендер, а по срокам его провести просто юридически невозможно, деньги должны вернуться в бюджет. Есть даже цифра для оформления гранта надо заполнить чуть ли не 90 различных документов.

Вечером звонил С.И. Лыгареву: для романа нужна был дата окончания строительства общежития Лита. Чего только не требуется в большой роман. Общежитию почти пятьдесят лет, его построили в 1958-м году. Тут же С.П. и сказал мне, что наше начальство сейчас пишет письма относительно мансарды. Только совсем недавно я об этом рассказал ректорату. Хватают на лету. Меня, честно говоря, удивляют, что, все время пользуясь моими идеями, начальство никогда не хочет со мною посоветоваться о реализации их. Похоже на игру в карты, когда кто-то держит в рукаве утаенную десятку. С одной стороны, как я понимаю, ему мало чего в этом случае выдаст — мэрия в квартире для начальника уже отказала. С другой — я, как опытный человек, вижу, что обеспокоено руководство в первую очередь решением своих собственных проблем. Мансарда сейчас — это квартиры: как я понимаю, на квартиру надеется БНТ, Стояновский, наш занятный проректор по хозяйству и несколько других людей, исключительно из компетентных. Я-то думал о мансарде, когда нужно было сдавать площадь в аренду и расширять гостиницу, с которой шел основной доход. В начальники всегда надо брать людей уже владеющих квартирой, дачей, машиной. И чтобы не нужно было отселять взрослых детей.

Что касается самого романа, то я, наконец-то начал читать его целиком. После редактуры оказалось, что Боря кое-что туда даже интересное вписал из жизни писателей. Врезки мною сразу чувствуются — ткань перестает быть живой, хотя, казалось бы, все написано в одной и той же стилистике. Но это поправимо, я «разведу» это психологией, сокращу и заставлю текст дышать. Художественный текст не терпит любой, даже интересной, информации, не пропущенной через героя.

15 декабря, пятница. Утром, уходя на работу, вынул из почтового ящика открытку, в которой написано, что президиум ВАКа присудил мне звание доктора наук. На штампе два пропуска: один для номера протокола, другой для название наук — в данном случае филологических. Оба этих пропуска заполнены от руки, внизу также и закорючка — подпись начальника. Открытка стандартная, адрес заполнен рукой С.П.: ее в таком виде, т. е. с адресом на лицевой стороне, много месяцев назад сдали в ВАК вместе с делом о защите. Есть и дата, когда заседал судьбоносный президиум — 20 октября. Так вот, эта —

радостная — открыточка лучшее свидетельство о том, как работаю наши учреждения. Потребовалось 55 дней, чтобы поставить штамп, вписать одно слово и несколько цифр и опустить в почтовый ящик! Теперь надо несколько месяцев ждать, пока мне выпишут диплом. Дипломы сейчас, говорят, печатают нового образца. Но все равно, я так рад, так счастлив, и слава тебе, медлительный, погрязший в бюрократической рутине ВАК!

До семинара ходил на Страстной бульвар. В библиотеке Театрального общества под залог моего удостоверения на звание «Заслуженного деятеля искусств России» взял четыре книги Бориса Покровского. Буду читать их в воскресенье — хочешь, не хочешь, но надо писать статью о великом оперном режиссере.

Обсуждали рассказ Ромы Подлесских «Близкие люди» — гротесковое, почти на уровне фантазий сочинение о новых русских. Рома не принимает эту жизнь и это время. Я читал книжку его отца — судя по всему это семейное влияние. Утром прочел большую статью о экологии на улице и в машине. При всем при том оказалось, что в наших квартирах и офисах концентрация вредных веществ в шесть раз выше, чем на самой загазованной транспортом улице. Вот я и понял, откуда у меня в свое время появилась астма. Вспомнил об этом, когда включал на кафедре компьютер. Он никак не включался, потом пришел Илья, что-то отвинтил и сказал: пыль попала на контакты.

16 декабря, суббота. Утром в Сопово открыл книжечку Б.А.Покровского, изданную в 1992 году «Когда выгоняют из Большого театра» и сразу же, единым махом прочел очерк о Кирилле Кондрашине, знаменитом дирижере, оставшемся за рубежом, и Ростиславе Растроповиче и Галине Вишневской. И вдруг все, что я думал раньше, все мои осуждения, мои инвективы, которые допускал относительно их раньше, раздраженный «предательством» и тем, наверное, что вот они «смогли», а я нет, — буквально все начало разваливаться и испаряться. И возникла мысль о такой дурости и невежестве строя, коей он руководствовался, управляя культурой, что можно просто изумиться, как долго культура его терпела. Строй я по-прежнему высоко ценю, — его историческую законность, его безграничные, но нереализованные возможности. Но можно ли не принимать во внимание эгоизм и эгоцентризм художника, не желающего знать никаких помех творчеству. Художник не может ждать, когда в его стране все станет нормально, жизнь коротка. Я свою жизнь, очень долго служа обществу и власти не как художник, а как чиновник, пожалуй, проиграл!

Вечером звонила В.С. — или я ей — и рассказала, что по «Вестям» показали митинг на Триумфальной площади и разгон

его ОМОНом. Ну, предположим, сам митинг не разгоняли, а просто не дали собравшимся прогуляться по Тверской к Манежу. Это как раз тот митинг, о котором мне говорил Э.Лимонов. Были, кажется, все оппозиционеры: Лимонов, Касьянов, Хакамада, Каспаров.

17 декабря, воскресенье. Оба дня, и вчера, и сегодня утром, долго ходил по поселку, каждый раз восхищаясь пустынной тишиной и близостью соснового леса. Оба дня читал книгу Бориса Александровича Покровского «Когда выгоняют из Большого театра». Это четыре эссе о людях не по своей воле ушедших из Большого: знаменитый дирижер Кирилл Кондрашин, Станислав Растропович, Галина Вишневская и сам Борис Покровский. Как всегда, многое выписывал и для будущих семинаров, и как человек интересующийся историей отечественной культуры.

Попутно с размышлениями и обдумыванием отдельных положений творческого процесса у Покровского я поймал себя на том, что переживаю странное переосмысление ряда репутаций и исторических моментов и уже не так однозначно воспринимаю прошедшую жизнь.

Сначала, так сказать, «общая часть». Если бы у меня был другой характер, я бы с удовольствием показал цитату, которую собираюсь выписать, своему дорогому и мудрому начальству. Я-то ведь помню, что анонимщик написал обо мне, но помнит ли мое начальство, что написано о нем?

«Авторитетному, преуспевающему человеку всегда грозят доносы, сплетни, протесты, предательства. Властям легко бывает отобрать подходящие для их дела сорта гадостей, чтобы построить обвинение, организовать преследование». С. 182

Теперь «историческая часть». На всякий случай выписал. Война.

«*В то время спектакли шли днем, часто прерываясь воздушной тревогой. По вечерам же длился бесконечный треп об искусстве, о Большом театре — с надеждой и не без бахвальства, самоуверенности. Если в этих беседах принимал участие Самосуд, то это был праздник, лучшее развлечение и наука. Это были «наши университеты»*. **С. 19–21**

Слово треп в этой цитате осталось не случайно, цитату можно было и усечь.

«В ГИТИСе мы славно трепались, это было главным средством освоить профессию. В Горьком я был лишен этого «предмета»: с мастерами можно беседовать, прогнозировать, дискутировать, но не трепаться». **С. 21–23**

Покровский не только знаменитый режиссер, но и прекрасный аналитик и теоретик театра. Вот тебе и национальный вопрос.

«Художник — человек; физически и духовно родившийся на месте, которое с этого мгновения становится его Родиной». **С. 41**

«Есть личности в искусстве, коим не дано сорвать с себя прекрасные путы, связавшие их еще в творческом отрочестве с тем или иным театром, очагом их художественного воспитания. Куда бы ни уехала М. Плисецкая с тяжелым грузом обид на сердце, чем бы ни занимался В. Васильев, как много лет ни прошло бы со дня прощания с Н. Головановым, — на судьбе и памяти о них сияет знак таинства Большого театра. Этого никогда не понимали те, в руках которых — бесправие, в силу которого они свято верят. Каждый удар по «сердечным струнам» вызывает стон, но порвать их невозможно.

Эти удары я знаю. Испытал. Сидя в кабинете министра, под его диктовку выводя на бумаге просьбу об освобождении меня от Большого театра, воспринимал перо как гильотину, безвозвратно отделяющую мое сердце от Храма, в котором я служил сорок лет. За дверьми стояли, как заговорщики из оперы «Бал-маскарад», те, кто «спасал» Большой театр от меня, от Прокофьева и Шостаковича во имя Масканьи, Леонкавалло, милого Массне, обеспечивающих подготовку «звезд» к выгодно-валютным гастролям…» **С. 41**

Еще:

«Мне кажется, что талант артиста не принадлежит ему одному, и если он не может быть реализован до конца, теряет все человечество. Шаляпин и Кусевицкий творили последние годы на Западе, однако они множили славу русского искусства» **С. 24**

Поразительные истории о Ростроповиче

«Друзья часто шутят над страстью Ростроповича к знакомству и даже панибратству с вельможами, королями и королевами, премьерами и президентами всех стран мира». **С. 61**

Но самое сокровенное в книге Покровского это суждения о театре. Для меня самым неожиданным оказалась его точка зрения именно на оперный театр. Это ровно обратное тому, к чему я привык.

«В хорошей опере нет «просто музыки», столь любезной музыковедам, лишенным воображения и желающим слушать музыку вообще».**С. 77**

«Нет хуже тактичных по отношению к автору дирижеров, они представляют оперу как нечто среднеарифметическое без резких смен нюансов, темпов. Скучно, невыразительно, зато: «Так написал автор!» Беда, если отсутствует собственное, личное

соучастие в коллизиях драмы».**С. 78**

«Большая беда оперного театра заключена в том, что так называемая оперная публика любит и ценит не откровения в решении и организации образа, а свои представления о нем, основанные на привычках, воспоминаниях и мифах. Человек, ни разу не видевший на сцене «Бориса Годунова», каким-то странным образом заранее оставляет его только в шаляпинской версии, конечно, искаженной временем. В человеке, идущем на оперный спектакль, сильны ожидания штампов». **С. 139**

«Мне ни разу не приходилось читать в рецензиях на оперу упреки в адрес внешности актера или актрисы. Об этом или стыдливо молчат, или считают мелочью. Между тем несоответствие внешнего впечатления с эмоциональным зерном оперного персонажа есть самое первейшее и самое очевидное преступление перед оперой. Театральное невежество музыкальных руководителей театров (вполне понятно, если никто никогда и нигде их этому не учил, а музыкант с театральным чутьем от природы встречается не часто) переставило акцент в оперном деле на самостоятельность, независимость музыки от действия, конкретных событий и характеров. Еще знаменитый историк оперы Герман Кречмар писал: «Опера хороша, если музыка только служит, опера плоха, если 1> музыка становится самостоятельной». **С. 143–145**

«Тут возникает мысль о современности искусства актера. Раньше, грубо говоря, в XIX веке, это — передача, изображение характера; а в XX веке требуется собственное актера понимание образа, его личностная транскрипция, своего рода духовная и смысловая парафраза авторской темы».**С. 161**

«Мнение масс» в решениях проблем искусства полезно как материал для размышлений, но не как глас божий». **С. 174**

«А между тем у Теляковского в Петербурге в одном театре одновременно работали и Шаляпин и Мейерхольд». **С. 175**

«Мне кажется, что у русского счастливца — маска на лице, скрывающая очаги боли, или он — пустышка, ограничен в восприятии жизни, как говорится, нищ духом. Но это значит, он и несчастлив».**С. 175**

18 декабря, понедельник. Я стал перед дилеммой: организовать мой день рождения так же, как я его устраивал каждый год, пока работал ректором, или придумать какой-то новый ритуал. Проблем пригласить весь институт особых не было. Это и не очень дорого: ящик водки, пять пакетов вина, а Альберт Дмитриевич всегда готов помочь мне с закуской — понимает, кормлю в этот день весь институт. Мне показалось это и безвкусным, и как-то вызывающем. Поступил по-другому, благо

и водки, уйдет значительно меньше. «Смирновскую» и вино я купил, когда ездил в «Метро» и последний раз был в «Перекрестке». В «Перекрестке» же купил сыра, хорошего сливочного масла, две банки дорогой уже нарезанной на кусочки селедки. А когда утром — это мое правило: день в день — ехал в институт, то по дороге купил еще три торта. Дальше меню, как обычно, разнообразили Светлана Михайловна, и Альберт Дмитриевич: первая целым мешком пирожков, а второй к 12 часа поднос с огромным пирогом и массой пирожков мелких. Ели потом два дня. Из дома я принес огромный классный штопор, который мне в прошлом году подарил Марк, и разделочную доску. Все это разложили на круглом столе на кафедре, тут же были изобретены «фирменные» бутерброды: черный хлеб, намазанный маслом, три кусочка селедки и сверху закрыто все толстым куском сыра.

Веселился и провел день прекрасно. Сразу же утром пришли З.М. и Надя Годенко с подарками: торт и шерстяные носки. Потом Нина Лошкарева с прекрасной розой. Мне всегда жалко, когда Нина тратится из своей просто смешной зарплаты. Были также Миша Стояновский, заложник возникшей когда-то ситуации, Мария Валерьевна, в быту очень милая, но с горящим от желания действовать взором; потом с подарками пришли Людмила Михайловна и Ира Шишкова — они традиционно меня одевают и на этот раз тоже подарили две рубашки. Но, главное, была какая-то спокойная, несуетная и радостная атмосфера, и все минувшее, если было плохое, оно отлетело, и я понял что люблю этих людей, с которыми было прожито так много прекрасных и интересных дней. Даже Ефимович заходил с каким-то подарком, и тоже я был ему рад, хотя никогда не смогу забыть, что слабый человек может сделать, если его попытаться чуть потеснить. Пишу свой дневник и знаю, что он будет героями его когда-нибудь прочтен, я буду осужден, но пусть все-таки знают, что о них думаю. Думаю о них хорошо и люблю их, но я зоркий человек и эта зоркость тоже просит выхода. Знаю также, что мнение мое меняется, но оно всегда по их делам, по отношению к работе и таким неизбывным для меня чувствам, как честь. Но разве я всех уже перечислил? А Сашу Великодного, а Сережу Арутюнова, а дорогую Евгению Александровну, которая пришла с носками, но без любимой мною собаки Музы. А потом пришел Алеша Козлов, и сердце у меня сразу забилось: в руках у него был ящик с только что изданными «Дневниками». «Где слог найду…» А милый Максим Лаврентьев по-гвардейски — и нищий, и щедрый — с бутылкой коньяка! Замечательная крутилась карусель до трех часов, потому что к четырем я обещал быть у Петра Алексеевича Николаева!

Единственное, отчего было неловко, так это оттого, что через два часа мне надо было встречаться в метро с Женей Луганским. Он везет мне подарок, звонил об этом еще из Ставрополя. Как же замечательно все прошло! У Николаева мне с собой дали еще и половину огромного торта Наполеон. Готовила все Ира: хачапури с мясом и хачапури с сыром, курица, салат, торт — невероятно по обыкновению все вкусно. Мне почему-то так было жалко Петра Алексеевича. Я не всегда разбираю, когда он читал стихи.

19 декабря, вторник. Основное и судьбоносное событие дня произошло вечером. Приехал я довольно поздно, после восьми. Витя со вчерашнего дня, когда он пришел со своей поденной работы в Доме художников, болеет, простудился. Тем не менее, по совету только что приехавшей с диализа В.С., он сварил на ужин картошку и открыл банку тресковой печени. По телевизору в этот момент, по «Культуре» шла замечательная передача с Еленой Образцовой, где она пела оперные арии. Я еще раз хочу напомнить, что Витя, племянник Толика, парень из деревни, который правда учится уже на втором курсе заочного экономического института, но за последние два года ни одной книжки художественной в руки не брал. Никакой музыки, кроме телевизионной и дикой, кроме Круга и разных Глюкоз, ранее не знал. И вот когда я вошел в кухню, Витя, разинув рот, смотрел на экран. Пошло! Но он два года с лишнем слушает наши с В.С. разговоры и наших гостей, видит что мы смотрим, что читаем и что нас волнует. Для меня это важный момент воздействия культуры на личность и зависимость личности от того, что ей нынче предлагают средства массовой информации.

Днем провел два семинара, ибо объединить два курса я все же пока не могу. В час тридцать, как обычно, был первый курс — Денис Власов со своими рассказами-притчами и со своей любовью к Кафке. Все демонстрируют мне свою талантливость, хотя Денис, безусловно, очень талантлив. Семинар пришлось вести очень осторожно, но постепенно ребята, а не я сам, все довольно точно сформулировали. Поняли: никто не хочет, чтобы ты менял манеру, менял свое видение мира, да это и невозможно, но прислушайся к тому, что говорят опытные в литературе люди. Карточки с соответствующими цитатами я принес с собою. Если мы все же пишем для того, чтобы кто-то открыл нашу книжку, то зачем лишать читателя возможности понять текст, вникнуть и получить от этого удовольствие? Первым, как некий «разминщик», выступил бесспорный для Дениса авторитет — Умберто Экко. *«В конце концов, всякий текст (как я уже писал) — это ленивый механизм, требующий, чтобы читатель выполнял часть работы за него».* Но, оказывается, что есть метод или, если

хотите, манера письма, которая позволяет нашей фантазии реализовываться с наибольшей степенью. Тут я начал с авторитета бесспорного для него. ***Ф.М.Достоевский. Дневник писателя:****«Всегда говорят, что действительность скучна, однообразна (…) Для меня, напротив: что может быть фантастичнее и неожиданнее действительности? Что может быть даже невероятнее иногда действительности? Никогда романисту не представить таких невозможностей, как те, которые действительность представляет нам каждый день тысячами в виде самых обыкновенных вещей. Иного даже вовсе и не выдумать никакой фантазии».* Это уже некоторая оппозиция к талантливым схемам Дениса, к некоторым, без зоркости сделанным растушовкам по краям эпизодов, к устойчивой условности. И тут я привожу еще одну цитату из того же классика. Собственно, вокруг этого все и крутится***. Достоевский. Дневник писателя.*** *«Для чего дано слово? Язык есть, бесспорно, форма, тело, оболочка мысли (…), так сказать, последнее и заключительное слово органического развития.*

Отсюда ясно, что чем богаче тот материал, те формы для мысли, которые я усвоил себе для их выражения, тем буду я счастливее в жизни, отчётливее и для себя и для других, понятнее себе и другим, владычнее и победительнее; тем скорее скажу себе то, что хочу сказать, тем глубже скажу это и тем глубже сам пойму то, что хотел сказать, тем буду крепче и спокойнее духом — и уж конечно, тем буду умнее».

В пять тридцать быстро провел другой семинар, с пятикурсниками. Оксана Бондарева сдала две замечательных повести «Танец Анитны» и «Сердобольные люди». Вчера я читал эти материалы до середины ночи и с четырех утра до шести, а потом уже спал до восьми, когда позвонил с поздравлениями Саша Мамай. У меня даже нет замечаний, все написано с мужской жесткостью. Сегодняшний день, описан не с точки зрения социальных недостатков, а скорее изнутри, как пространство действий человеческой, женской души. Ткань ее прозы держит в том числе и характеры, особенно хорошо получилось описание усыновленной девочки из первой повести.

Днем, когда наши преподы начали собраться на семинары, встретил Толю Королева и дал ему прочесть первую главу «Твербуля». Вечером, уже ночью, он мне отзвонил. Как опытный филолог он, естественно, нашел в главе ряд «зазубрин», но одновременно с юношеским пылом говорил, что я умудряюсь писать о том, что думаю, хотя большинство писателей этого себе позволить не могут. Я полагаю, это не совсем так. Для того, чтобы писать то, о чем думаешь, надо, во-первых, много думать, а во-

вторых — и это главное — быть хорошо вооруженным стилистически. Основной масса современных писателей этим, к сожалению, не владеет, «коротка кольчужка».

20 декабря, среда. В обычный день я бы долго расписывал, что состоялся годовой Совет Общества книголюбов и Людмила Шустрова замечательно отчиталась; сказал о том, что своей главной заслугой считаю, что я Исполкому не мешал. Я бы долго еще рассказывал, как нам пришлось под давлением Минюста переделывать устав, и я теперь стал Президентом Международного Союза книголюбов. Но особо я бы говорил о встрече с Хруцким, о наших воспоминаниях юности и пр. Но так уж устроено время, что его приоритеты постоянно меняются. Если бы не первая полоса в «Труде» я бы еще подробно написал, что удалось договориться о выставке экслибриса в Гатчине. Но, возвращаясь домой, я вынул газету из ящика. На первой странице огромный портрет сытого и красивого, уверенного в себе мужчины, рядом портретик поменьше — это милая, с упрямым рисунком губ девушка, в разрезе блузки или футболки на тончайшей цепочки виден крестик. Крестик меня особенно умилил. Это милая девушка, которую теперь в лицо будет знать полстраны, Карина Гличьян сбила на Кутузовском проспекте на своем джипе сотрудника ДТП, а уверенный в себе еще сравнительно молодой человек Игорь Тарасов, бывший мэр Пятигорска протаранил «Жигули», погибло несколько человек. Их портреты соединяет, напечатанная крупным шрифтом фраза: ***«Игорь Тарасов и Карина Гличьян: хозяин жизни и хозяйка дорог прокатились по чужим судьбам».*** Я бы не писал об этом так подробно, но, во-первых, умилил крестик, а во— вторых, за этим делом, о котором давно уже пресса пишет, действительно, как справедливо замечает газета, «следила чуть ли не вся страна». Я тоже следил, искал, ждал. Под заголовком в газете анонс: ***«Сколько человек надо убить, чтобы сесть в тюрьму? Пятерых уже недостаточно…»*** Дальше газета пишет что бывшего мэра, который и выскочил на встречную полосу, потому что мэр, и сбежал с места происшествия, оставив трупы, бывшего мэра Кочубеевский суд освободил от ответственности. Мэр по миллиону дал пострадавшим или их родственникам, и те в суде просили о снижении наказания! Здесь тоже есть тема — каковы родственники! А вот дочь крупного бизнесмена Карину осудили: дали три года колонии-поселения, но тут же освободили по амнистии к 100-летию Думы. Газета пишет: в обоих случаях по факту ДТП были возбуждены уголовные дела, но с самого начала они велись в щадящем режиме. Газета, ссылаясь на специалистов, констатирует, что Тарасов, если следовать статье уголовного

кодекса, мог получить десятку. Теперь несколько дополнительных штрихов. И Гличьян и Тарасов сидели за рулем машин одной и той же марки: «Тойота Лендкрузер». Богатые все на одно лицо. Заголовок статьи звучит так — и здесь смысл всей публикации: ***«Фемида берет на лапу».*** «А такое правосудие можно назвать как угодно. Хоть «рублевским», хоть «басманным», хоть «кочубеевским». Суть не меняется». Так доколе при гладком и обаятельном президенте и гладком и обходительном премьер-министре мы такое правосудие будем терпеть? Я-то хорошо помню, что каждое удостоверение судьи в стране подписано президентом лично. И последнее: прокуратура Ставропольского края опротестовала решение Кочубеевского суда. А вот Карина со своим невинным крестиком на тонкой цепочке будет спокойно встречать Новый год! В статье есть еще мнение бывшего начальника ГАИ России, а ныне сенатора Владимира Федорова: «Я очень удивлен. Если пострадавшие не имеют к подсудимому претензий, то их должно иметь государство». Это, видимо, о Тарасове.

21 декабря, четверг. Был на трех обязательных мероприятиях и не пошел на обязательное четвертое. Вкус к тусовкам у меня отсутствовал всегда, но вдруг появилось желание больше сидеть дома и работать. Чувство «успеть»? Я сделал себе такое расписание: утром на машине в институт, потом пешком на Авторский совет. В 1.45 мы сговорились с Юрием Ивановичем Бундиным пойти на выставку его покойного друга художника Юрия Жульева (?). Мне это было интересно еще и тем, что выставка размещена в зале Союза Худжников России на улице Чернышевского. Раньше там располагался Художественный Фонд РСФСР, где я работал сразу после армии. Оттуда я должен бы перебраться в министерство культуры на экспертный совет по наградам. Но и это не все. Далее — через площадь Ногина на метро до Пушкинской, до института, а там на машине в Дом Литераторов. Здесь должно было состояться собрание Книжного союза, фуршет и концерт. Связал себя с машиной, чтобы уже, как я предполагал, совершенно вымотанным, ехать на ней домой.

Экспертные советы стали менее интересные, чем раньше, появилась острастка, — на рассмотрение приходит меньше дел с сомнительными заслугами. Как в случае с Ф. Киркоровым, подавшим на звание день в день после календарной «выслуги», будто ему это положено по возрасту, как офицерское звание; перенесли на другой срок и присуждение звания народной артистки Анастасии Волочковой. Здесь были два процедурных нарушения: и срок не вышел, и представлял балерину Краснодарский театр, хотя трудовая книжка Волочковой по-

прежнему в Большом. Все торопятся, не чуют ли смену режима? С режимом-то может быть и обойдется, но есть боязнь смены свиты.

Авторский совет тоже был довольно традиционным. Для себя я заметил, что очень уверенно держится Сергей Сергеевич. За это время, как я неоднократно замечал, он сильно вырос и приобрел огромный опыт. Видимо, он стал одним из самых грамотных специалистов по авторскому праву. Главные вопросы — это сбор средств в этом году.

Наиболее для меня близким на Совете оказалось одно соображение Эшпая. Он говорил о том, с чем постоянно сталкиваются крупные деятели искусства. Тебе звонят и просят интервью. Иногда приехать на телевидение. Потом перезванивают: машина уже два часа стоит в пробке. У несчастного деятеля искусств весь день летит коту под хвост. Затем он два часа говорит. Половина из того, что сказал телевизионный ведущий берет себе в дикторский тест, другая часть, иногда всего одна фраза, прозвучит в самой передаче. Естественно, ни за дикторский текст, ни за собственные, часто оригинальные мысли, ни за время, которое художник потратил, никто ничего не платит. Считается, что он занимается своим паблисити. Так где же тогда интеллектуальная собственность? Она что, на телевидении существует только у жалкой поэтессы, делающей подтекстовки к плохонькой музыке? Как всегда интересная мысль вызвала отклик. Но, естественно, в постановке вопроса, чтобы платили в обязательном порядке за интервью, заинтересованы только художники калибра Пахмутовой. Для остальных хватает отчислений за песенки.

22 декабря, пятница. Начал день с чтения глав романы Майи Новик, моей студентки из Иркутска. Она продолжает писать о байкерах и, видимо, заинтересована в этой теме по-настоящему, описывает прожитое. Сначала я довольно упорно правил, а потом и стиль выровнялся и действие застремилось. Кроме этнографического момента, — как же мотоциклисты в своей неистовой страсти и привязанности похожи на наркоманов, — здесь есть еще и описание величественной Сибири, ее природы, трудностей, красот — ее дорог. Здесь Майя просто мастер. Ей не мешает даже определенный документализм в обращении с героями: она их просто называет по фамилиям, но потихонечку вокруг фамилий тоже сгущается облако смыслов и впечатлений. Читал с жадностью, а когда все закончилось, огорчился и начал просто жить с этими новыми для меня художественными впечатлениями. Есть несколько крупных удач, это опять-таки связано с описанием людей. Неожиданным и интересным получился Алексей — молодой муж героини. Получился в нем и

сибиряк, между прочим.

Обсуждать роман буду во вторник, так сказать, вторым эшелоном семинара.

Когда во второй половине дня ходил гулять, а точнее, «выхаживать» замыслы, то пришло начало статьи о Покровском. Ее надо начинать с перечислений кто бы мог ее написать и кто на это имеет право. А что, я посмотрел 4 или 5 спектаклей в его театре!

К пяти часам поехал, прихватив с собою С.П., на ежегодное собрание РАО. По обычаю все происходило в центре у Павла Яковлевича Слободкина. Те же награды, тот же Авторский совет. На этот раз, правда, не стали делить все действо на торжественную часть и концерт, а начали прямо с песен Андрея Макаревича. Следующим номером были две песни Олега Иванова: старая «Олеся» и премьера — песня о казаках. Потом пел песни на слова Николая Денисова какой-то очень живой и неизвестный мне парень, потом пел и тряс ногами сам Денисов «Кабаре». Он выступал «под фанеру», но тем не менее автор музыки Саша Кле(?)виций сел за рояль. Все было по-домашнему, Коля обеспечил нужную степень ресторанной непринужденности, Саша талантливо старался быть в центре внимания. Он ревниво выхватил у меня ЛДПРовского Митрофанова, с которым мы по пути в ресторан принялись говорить о состоянии сегодняшней литературы. Они, кажется, хорошо знакомы. В дневник я бы это не вписал, если бы не упорная вульгарность этого заслуженного деятеля искусств: во всех разговорах всегда присутствуют «друзья» известного уровня, имена знаменитостей, с коими он знаком! Ах, если бы в искусстве мы были бы равны тем, с кем знакомы! Самым сильным номером были джазовые фантазии, которые на рояле играл Даниил Крамер. Это очень здорово. Кого еще пропустил? А, вспомнил: под собственный аккомпанемент пел «телевизионная звезда и композитор» Ким Бромберг (?). Бромбергу сильно и с готовностью хлопала молодая женщина, которая сидела рядом со мной, наверное, его знакомая или жена.

В доме у Паши, как всегда, замечательно кормили. Мы с С.П. сумели протиснуться в зал для ВИП, где потчевали почетных гостей и членов Авторского совета. На этот раз главным и наиболее вкусным и непривычным блюдом были тоненькие блины с начинкой из грибов и овощей. Их не скручивали, как традиционные блинчики, а подавали нарезанными на плоские кусочки. Сидел рядом с В.А. Вольским. У нас сейчас одна тема — Борис Покровский. Несмотря на свои 95 лет и, кажется, почти полную слепоту, он ставит новый спектакль. На этот раз — оперу Дашкевича «Ревизор». Мы всласть пофантазировали, как это

можно сделать, с одой стороны на крошечном пространстве зала, а с другой — у Покровского и Вольского есть «задумка» представить все как бы в присутствии Гоголя. Я вспомнил историю с эксгумацией могилы и переносом праха на Новодевичье кладбище. Не к столу будет сказано.

На мгновенье, прощаясь, я подошел к другому круглому столику, за которым сидели Максим Дунаевский и Паша Слободкин и сразу же врезался в окончание смешного разговора о самой талантливой на свете нации. Оба этим разговором наслаждались.

23 декабря, суббота. Утром, с семи, начал читать другую книгу Бориса Покровского «Моя жизнь — опера». Оторваться никак не могу. Это школа мне, профессионалу, хотя учиться я хотел бы всю жизнь. Что может быть сладостнее, тем более, что учеба подозревает бесконечное продолжение. Это для меня еще и тем важно, что сегодня к вечеру иду на радио «Свобода» говорить о духовности. Слово я это не люблю и не понимаю, жить в ладах с духом, с собственной совестью и в гармонии с миром, не суетно, с пониманием своей в этом мире задачи, это так же естественно для человека, как летающая птица. Как обычно, сделал несколько пометок и кое-что обязательно выпишу. Сейчас отмечаю цитаты и для семинара, потому что студентов надо учить на интересных и новых для тебя примерах, и для будущей статьи о Покровском. Я готовлюсь к ней, как никогда, и боюсь, как еще никогда не боялся. Имею ведь дело со сфинксом русского искусства, вернее — с одним из сфинксов, у нас их, как ни у кого, много. Задача для меня осложняется и упрощается еще и тем, что сегодня же через Виктора Адольфовича Вольского удалось договориться: завтра Борис Александрович меня вместе с В.А. примет. Естественно, как он сам отшутился, Е.Б.Ж.

Почему я не поехал на дачу? Еще неделю назад мне позвонили от Ерофеева, который ведет какую-то передачу на радио «Свобода»: не соглашусь ли я поговорить в субботу в прямом эфире? О чем говорить будем? О духовности. Ну, к этому предмету у меня особое отношение. Тем более, что выяснилось, что в передаче примет участие еще и художник Олег Кулик. Тот самый, который голым изображал из себя собаку. Потом во время передачи, когда Витя Ерофеев, заявил, как Кулик перековался и ищет смысла жизни, в том числе обмолвился и об его перфоменсах, я игриво заметил, что помню-помню, его «с ног до головы», намекая, что видел, дескать, этого художника в чем мать родила. Не думаю, что фигура «Знаменитого на западе художника была выбрана очень удачно» для этой темы. Впрочем, эти люди, творящие свое из обломков чужого, говорят всегда очень неплохо.

Второй номер я отмочил, когда кто-то из слушателей спросил у Ерофеева, как он относится к произведениям Алешковского. Здесь я достал из памяти цитату из Вл. Ив. Новикова и впилил ее.

Передача началась с размышлений Вити о духовности. Для красоты изложения он сказал, что духовность у нас в России иногда называют «духовка», как в повести Евгения Харитонова. Ну, тут я не утерпел и заметил, что мне кажется, Харитонов под «духовкой» — повесть, как уже немолодой мужчина в жаркий летний день «стреляет» мальчиков — имел что-то другое. Знающие поймут и догадаются. По крайней мере сидящий напротив меня четвертый наш собеседник, славист-итальянец Марк, закивал головой.

Несколько раз во время передачи Витя напоминал о своей победе в телевизионном «Поединке» над Никитой Михалковым. Спорили ера в эфире о том, надо ли в школах вводить такой предмет, как «Основы православия». Михалков уступил с небольшим счетом. Но это первый случай, когда в меньшинстве оказывается человек патриотического направления. Думаю, хотя промолчал во время передачи, что дело здесь в интуитивном недоверии к Михалкову. Примерно о том же я писал в «Труде»: нельзя озвучивать «Тихий Дон» актеру, который только что сыграл в «Жмурках» бандита. Я бы с удовольствием поучаствовал в подобной дискуссии, если бы было можно. Но на «Свободе», когда заговорили об особой ментальности русских, об их бесконечных рефлексиях по поводу смысла жизни, я сказал, как бы вдогонку, что Основы православия вводить в школы все же нужно. «Надо не забывать, что русский народ, в отличии от народов западных, на протяжении несколько веков читал и перечитывал одну книгу: Святое Евангелие. Эта книга стала своей, из нее произрастает наше отношение к жизни и к религии».

А вот с чего я начал, после того как Витя поговорил о духовности. Я сказал о неправомочности термина, который должен покрыть еще и другие человеческие качества. Получается что-то вроде сковородки, в которую сложили все для омлета: и лук, и колбасу, и свежий помидор, накрыв все это крышкой, из-под которой идет пар. Духовность ли это? Есть честь, достоинство, есть честность, есть духовная жизнь, есть правдивость, есть вера в Бога. Давайте рассматривать все по отдельности. Духовность — это такой же туманный термин, как и интеллигентность. Ну, о интеллигентности, за которою можно спрятать любую подлость, я могу говорить долго.

Говорил я также и об атмосфере, окружающей нас, в которой должна действовать эта самая духовность. О мэре Кисловодска

(или Пятигорска), о сенаторе, который пойман на взятке в 1,5 миллионов долларов, о милой девочке, изображенной в газете с крестиком на груди, которая сбила гаишника и потом скрывалась от суда. Это все, естественно, почва для духовности.

Ну, и хватит. В конце концов этой мой дневник и мои высказывания для меня дороже, чем в данном случае чужие. В завершении передачи Ерофеев сказал, что успехом передачи обязан мне, я ее, дескать, взвинтил.

24 декабря, воскресенье. Вместе в В.А. Вольским в два часа были на Кутузовском проспекте у Б.А. Покровского. Я всерьез занялся статьей об этом 95 (без малого) дредноуте русского оперного театра. Мне казалось, что я буду разговаривать со сфинксом или кем-нибудь из античных богов. И представить невозможно, сколько в памяти и чувствовании этого человека хранится. Я уже не говорю, как я благодарен В.А., что он организовал эту встречу. И сколько интересного и важного В.А. рассказал, он же работает с Б.А. Покровским 25 лет, все знает, а еще больше интуицией подлинного художника чувствует. Мне это было особенно приятно, потому что преданность, привязанность к кому-либо — чувства почти забытые.

По мере того как я одну за другой читал книжки Б.А.Покровского и отчеркивал цитаты, я все острее и острее понимал, что без разговора с ним, без личного момента статью не напишу. Вдобавок ко всему представилась возможность посетить знаменитый дом на Кутузовском. Дом «не подкачал», заходили со двора, в подъезде встретили нас две партии охранников. Видимо, и в этом доме всякое случается — в квартиру ведут две пары металлических дверей.

Борис Александрович встретил нас по московской традиции у дверей. Спина, может быть, не такая прямая, как в молодости, но ведь самостоятельно, без помощи идет, и сразу же, после первых слов, очевидно — ясный, подлинный и молодой ум.

Разговаривали довольно долго. Попутно я рассматривал мебель, некоторый пыльноватый антиквариат, потертый коврик. Удача ходит не одна. Жена Бориса Александровича — знаменитая певица Ирина Масленникова, она же вдова легендарного тенора Сергея Лемешева. Судя по всему, Ирина Ивановна, женщина тоже не юного возраста, сама ведет хозяйство, сама готовит, возможно, и убирает в квартире. Вот тебе и народная артистка СССР. А кроме того, ведет класс в консерватории и консультирует в центре Вишневской. Думаю, что здесь не только непресекающийся интерес к искусству, но и приработок. Народные артисты редко бывают к старости богатыми.

Во время беседы я делал записи, но все это переносить в

Дневник, пожалуй, не стану, большинство из записанного, войдет в статью. Я, правда, сразу же заметил, что многое знаю из его же книг. Но ощущение от этого гения оперной режиссуры огромное. Может быть, самое неожиданное — бесстрашие жизни и удивительное умение прощать врагам. Это может стать только итогом жизни.

В Москве впервые выпал большой снег, но сразу же принялся таять.

25 декабря, понедельник.

Вечером уехал к себе в Пермь Витя. Уехал счастливый, потому что после длительных телефонных переговоров его Лена все же решила оставить ребенка. Не успел он закрыть дверь, как позвонил Леня Павлючик: «Надо написать об итогах телевизионного года для «Труда». Вот так я, плачу за многолетнюю бесплатную подписку.

«Минувший год — год невероятных достижений на нашем родном, постсоветском телевидении. Вот она, полная победа рынка над зрителем. Вот что значит власть денег, отсутствие цензуры и тонкий вкус. О, Александр Малахов, Тина Канделаки, Лолита Милявская и Глеб Пьяных! Уже эти имена вызывают интеллектуальный восторг открытий. Мы вырастили их, взлелеяли их талант, отдали им наши сердца! В наше свободное время да твою бы гильотину, идеологический отдел ЦК КПСС,!

За минувший год мы добились наибольшего количество телесериалов на душу населения. Это тебе не какая-нибудь импортная, американская «Скорая помощь». Сплошь — убийства, менты, бандиты, воры, сутенеры, подделки, кражи, мордобой, сожженные машины, расчлененка, пожары, выстрелы, взрывы. Какой впечатляющий балдёж, какое затуманивание мозгов. Какое сладкое, словно пирожное «Рафаэлло», возникает ощущение, будто ничего другого в стране не происходит. А если что-то и говорит президент, распекает своих министров, то разве это не отрепетированный сериал?

Наше телевидение за минувший год стало лучшей в мире школой актерского мастерства. Разве получили бы признание Федор Бондарчук, Екатерина Стриженова, Борис Щербаков, Юрий Семчев, Наталья Фатеева, Лидия Федосеев-Шукшина, если бы не снимались в высокоталантливых клипах. Свой опыт перенесли они потом в театр и на большой экран. Потому что только гипноз рекламных клипов придает актеру любовь и уважение зрителя. И не надо этого стесняться. Вперед, товарищ!

Наконец, как значительно подняло телевидение прожиточный уровень народа. Благоденствующим жителям сельской местности, поселковым врачам и медсестрам, фабричным и сезонным

рабочим, гастарбайтерам обитающим в пылающих от электрообогревателей вагончиках теперь есть к чему тянутся и чему подражать. Только на экране телевидения они могут попробовать роскошные рыбные и колбасные нарезки, узнать вкус драгоценного оливкового масла, ощутить аромат бессмертной Шанели и воздействие мыла красной линии на самые интимные места; они даже смогут удлинить на дюйм ресницы, не говорю уж о бриллиантах, шубах и автомашинах самых престижных марок. С новым годом, телевидение!»

26 декабря, вторник. Литература, которую я постоянно читаю, пока ограничивается тем, что пишут мои студенты. После десяти был на работе. Поговорил с М.Ю., потом — с БНТ. Все о том же, — почему не приду на собрание. Ссорится с ректором не хочу, но вопросы задать ему по поводу письма из ассоциации выпускников могу. БНТ мне часто последнее время становится жалко. Он все время не хочет что-нибудь менять, это в наше время опасно. Говорили в том числе и о том, что надо брать на кафедру еще одного мастера на поэзию. У меня пока два варианта, которые мне нравятся: Юнна Петровна Мориц, но она, наверное, не пойдет, или дать семинар паре толковых молодых выпускников: обоим Максимам, Лаврентьеву и Замшеву. Максим, кстати, придумал замечательный термин: черти православные.

Провел последний семинар в этом семестре. Долго ломал голову, как его построить, потому что решил обсуждать сразу два материала: Володю Репмана с его полуфилософской прозой, эдакие притчи и ложносказания, и вполне зрелый рассказ Саши Трухина, который бросил свой Иркутск и устроился в Москве. Рассказ Саши называется «Курган» и сделан чуть под Маркеса, вернее — между Маркесом и Лесковым. Моя задача была довести до Володи, который радует меня тем, что думает, еще и необходимость активнее работать над изобразительной стороной своих философий. Я заставлял ребят читать отрывки вслух, что делаю очень редко, и фантазировать: чтобы мог подумать Мастер, прочитав их рассказы. Мне важно было, чтобы мои мысли возникли у ребят почти без моей помощи. Так оно и получилось.

В четыре я успел в «Литгазету», где сегодня, через год после объявления о награде, мне решили ее вручить. Собрались в кабинете у Юрия Полякова. Он умудряется всему придать милый и семейный характер. Достали бутылку коньяка, были конфеты, но, главное, всласть поговорили о сегодняшней литературе. Говорили о литературных премиях, о «Дебюте», о победе Ерофеева над Михалковым на телевидении, об Агентстве Сеславинского. Я держусь мысли, что мы все время ищем виновного в крушении отечественной литературы, виним правых

и левых и забыли о том, что за эту ситуацию в первую очередь отвечает Агентство. С его попустительства сложилась общая система, в том числе и система «близких» и «связей». Юра говорил, что дважды у нег была возможность донести свою точку зрения на литературу, ее жизнь, на положение с современными литературными премиями президенту. Но он вынужден был промолчать — уж кому-кому, а ему-то я верю, он всегда боец, — потому что оба раза он был один, поддержать его было некому. Естественно «возразителей» набиралась целая свора. Поговорили и об одном безмолвном писателе, который по убеждениям мог бы в тот момент Полякова и его точку зрения поддержать, но как всегда, молчал. Это мне хорошо знакомо по некоторым моим друзьям.

После разговоров мне вручили и подарок — «фирменные часы», и грамоту, и денежки очень хорошие.

27 декабря, среда. Петр Алексеевич Николаев, не успел я ему дать свои «Дневники», уже написал рецензию. У талантливого человека особое зрение — он написал скорее статью об исповедальной прозе, как всегда, с массой подробностей, литературных фактов и неожиданным взглядом. Но две недели рукопись будет лежать у меня дома — в Литгазете выйдут на работу после праздников только 9-го.

Весь день выписывал цитаты, которые, наверное, войдут в статью о Покровском. Меня обжигает чужая мудрость.

28 декабря, четверг. Как сильно я в жизни проигрывал оттого, что мало разговаривал с людьми как бы без всякой цели. Тут опять придется вспомнить словечко «треп», которым Покровский пользуется, совершенно не придавая ему отрицательного значения. Он его употребляет в смысле «пиршества духа». Вспомнил, потому что вчера вечером по делу встречался с людьми, но так увлекся, что забыл о практической цели свидания.

Идея Юрия Ивановича Бундина: он уже давно решил, что мне пора издать собрание сочинений. Для меня, однако, это не дело престижа, а скорее вопрос осмотрительности. Я отчетливо представляю, что многое из написанного, или даже все, при огромном уважении и даже любви ко мне моего племянника, тем не менее, разлетится в чуждые стороны. Да и кому, действительно, в наше время нужна литература, особенно моя, у которой нет партии ни среди правых, ни среди левых, но есть завистники и есть противники.

Если говорить о, так сказать деловой, прагматической стороне дела, то у Юрия Ивановича есть приятель, который… Решили встретиться в кафе на Арбате, в центре Слободкина, где

сравнительно дешево кормят и притом относительно свободно. Но пришел и еще одни друг Юрия Ивановича — Сергей Николаевич… Два момента хотел бы отметить: в день корпоративных вечеринок полная трезвость за столом и свободный разговор практически обо всем на свете. Даже трудно сказать, о чем говорили. Оказалось, что один из собеседников по образованию психолог, а другой — с журналистским серьезным образованием. Оба, кажется, специально ничем не интересовались, — работали в заоблачных высотах то в ли администрации президента, то ли в организациях духовно-военных. Под грешное в пост жареное мясо и чай мысли летали, и я вдруг понял, что и моя душа еще способна летать.

В институте прошла конференция, на которой избирали Ученый совет. Я на ней не был, меня даже не интересует количество голосов на выборах. Уходя из института, встретил Тимура Раджабова, студента из Дагестана. Он учится уже, кажется, одиннадцать лет. Сколько раз я его исключал за пьянство и восстанавливал из чувства долга по отношению к способному человеку из совершенно не интеллектуальной среды. В Москве одно время он даже торговал мясом. Но, слава Богу, слава Аллаху, уже на шестом курсе, заканчивает. Это наполняет меня законным чувством гордости.

29 декабря, пятница. Весь день сидел дома, по традиции готовил на кухне фаршированного судака, а потом поехал на традиционный годовой сбор в «Наш современник». Принес с собою рукопись Дневников за 2005 год. Передал Саше Казинцеву. Кто теперь будет работать, сокращать править? Последний раз это делал Женя Шишкин. Практически вся рукопись была напечатана в «Российском колоколе». Я уже писал, что Куняев в телефонном разговоре сказал мне, что при тираже «Колокола» это не имеет значения.

Обстановка была вполне знакомой: опять два стола, много вина, хорошая дорогая закуска. Я себя отругал, что в последнее время почти не читаю журнала. Но это связано, пожалуй, с тем, что как-то перестал его получать. Раньше заносил его сам Ст. Куняев.

По обыкновению объявили пятнадцать премий журнала. Названия произведений помогли мне понять, что же журнал печатает. Имена все знакомые, устоявшиеся, достойные.

Я сидел напротив Распутина, который в этой компании мне наиболее близок. Вел как всегда Куняев, рядом с ним сидел, почти ничего не говоря, талантливый наследный принц, Сережа Куняев. Я хотел ему сказать, что сейчас работаю с наследием Яр-Кравченко, а, как мне известно, им интересуется и Сергей. Я

вообще чудовищно отстаю в своих писаниях. Это связано с «рваным» временем, с работой, с домом. На этот раз я обратил внимание, сколько энергии у старшего Куняева и, кажется, дай Бог, чтобы не ошибся, прочности.

Были Квицинский, Убогий, Гусев, который, похоже, болеет. Ко мне, подумалось, все относятся лучше, чем я ко многим, но это уже свойство моего подозрительного характера. Женя Шишкин, который тоже получил премию, как и Саша Сегень (Саши не было, но я по яростной страсти к карьере невольно этих ребят сближаю), мне показалось, вел себя надменно. В его никак не желающей седеть голове, похоже, бродят шальные мысли, по крайней мере, его не устраивает подчиненное положение. Или я его не знаю?

Много умно и страстно говорили о стране, о политике, о народе. Сидел, как всегда молча и несуетно, В.Г.Распутин. Выглядит он лучше, чем я предполагал, но представляя его неутихающую боль, смотреть на него я почти не мог. Вот человек, с которым хотелось бы разделить его невыносимую боль.

После «Современника» зашел к Юре Авдееву, это рядом, попили чаю.

30 декабря, суббота. Вечером ходил в «Рамстор» за недостающими продуктами. Мы, русские, забытые своим правительством и Богом, стали придавать какой-то мистический смысл Новогодним праздникам. И особенно, чтобы много на праздник было еды и питья. По этому поводу есть определенная статистика, которая свидетельствует, как в эти дни люди опиваются и объедаются. Новый магазин, открытый на проспекте Вернадского, был переполнен. Кроме отделения продуктов, поднялся еще на этаж выше, где безумствует телевизионная техника. Там на одном из множества экраном вдруг увидел: казнят Саддама Хусейна. Я сразу понял, что это знаковый момент: после этого наша европейская демократия стоит ровно ломаный грош. Кроме гуманистической компоненты, здесь еще и фантастический нерасчет. Этот гнусный акт, безусловно, отразится на всей мировой политике. Хусейна не жалко, жалко человеческой жизни и завоеваний демократии, которая с помощью и нашей страны превратилась в половую тряпку.

До двух часов ночи смотрел по каналу «Культура» двухсерийный фильм «Казанова» с Питером О' Тулом в роли старого Казановы. Вот что значито классический сюжет, его без конца поворачивают в соответствии с запросами времени. Теперь здесь тема вечной, проходящей через всю жизнь любви, к некой Генриетте. Естественно, много костюмов, погонь, секса. Кинематограф изобрел специальные позы, которыми не часто

пользуются в жизни, чтобы постоянно напоминать зрителю, что без этого, без подобных сцен, искусство не бывает.

31 декабря, воскресенье. Я вполне мог бы на основании опыта своей жизни написать книгу о домоводстве. Не то что все умею, а скорее — все по дому делаю. А если уточнять, то приходится делать: и имущества много, которое постоянно требует присмотра, и дом, как говорили раньше, без прислуги, необходимо все время кружиться: то стирать, то мыть посуду, то убирать квартиру, а еще подпирают книги, техника, их все больше и больше; машина, собственное нездоровье и ощущение, что время уходит, и ни одного дня нельзя пропустить, чтобы пару часов не поседеть за письменным столом. Как я раздражаюсь, когда утро начинается не с компьютера или бумаги, а с мытья посуды, с похода в магазин или со стирки.

До трех часов возился на кухне, резал салат, созидал корейскую морковку, мыл овощи, доставал посуду, разбирался на своем письменном столе, искал скатерть и нашел только ту, которой пользовались год назад, с подтеком старого воска, размораживал мясо…

В.С. чувствует себя после вчерашнего, довольно благополучного диализа, все же скверно, но, кажется, после двух бессонных ночей все же отоспалась. Я, естественно, встал рано.

После первого приступа хозяйствования, преодолеть который помог подоспевший к часу С.П., часа в четыре разошлись: С.П. ушел домой собираться, потому что завтра уезжает на несколько дней в Крым, к сыну, а я вышел подышать.

Сильно подморозило. В «Штокмане» видел уцененный костюм за 7.000 рублей, который, конечно, не долежит до 3-го числа, когда я смогу его купить. Правда, костюм летний. На дверях развлекательного центра «Фишка» на Ломоносовском проспекте висело объявление: «Требуется уборщица со знанием русского языка». По поводу этого объявления мыслей тьма, но, боюсь, это все мысли для социолога.

Указатель имен

Абалкин Л.И. — академик РАН

Абдуллаев Чингиз — писатель

Абрамович Р.А. — олигарх, политический деятель.

Абашидзе Аслан — политический деятель Аджарии

Абдрашитов?? — художник, сценарист, кинорежиссер.

Авербух Марк — соотечественник, живет в США, друг автора книги.

Авербух Софья — соотечественница, жена М.Авербуха.

Авдеенко А. А. — журналист, редактор газеты «Экран и сцена»

Агаев С. С. — выпускник, доцент Лита.

Агеев?? — молодой режиссер стр 443

Агишев — киносценарист

Айтматов Ч.Т. — писатель.

Аксельрод Л.И. — революционерка

Аксенов В.П. — писатель

Аксёненко — бывший министр железнодорожного транспорта

Аликперов В.Ю. — президент ОАО «Лукойл»

Александр Второй — российский император

Александр Иванович — см. Горшков А.И)

Александр Федотович (см. Киселев А.Ф.)

Алексеев Александр — студент Лита

Алексеева?? — правозащитница

Алексей — см. Есин А.В.

Алексин Анатолий — писатель

Алешкин П. Ф. — писатель, издатель

Алибасов Бари — музыкант, продюссер

Алибек — см. Ягибеков Алибек

Алиев Гейдар — партийный и государственный деятель

Альберт, Альберт Дмитриевич — см. Сергачев А.Д.

Алябьев Андрей Викторович — работник РАО

Альтшулер Евгений — инженер-нефтяник

Амелин Максим — поэт, учился в Лите

Анатолий — *см.* Прокопьев А.

Анашенков Б. А. — писатель, преподаватель Лита.

Анашкин Е. М. — кинорежиссер

Андреев Л. Н. — писатель

Аннинский Л.А. — писатель, литературовед

Антокольскй П.Г. — поэт, переводчик

Антонов А.К. — писатель, доцент Лита, выпускник ВЛК

Антонов Ю.М. — певец, композитор, народный артист России

Апенченко Ю.С. — писатель-публицист, поэт, друг автора.

Арафат Ясир — один из мусульманских лидеров

Арбатова Мария — писатель, общественный деятель

Ардов М.В. — писатель

Аржанов Юрий — друг юности

Аристотель — греческий философ

Арканов Аркадий — писатель-сатирик

Артюхов К.В. — кинорежиссер.

Арутюнов С.С. — поэт, выпускник и доцент Лита

Арсений — *см.* Ларионов А.В.

Архангельский А. Н. — писатель, телеведущий.

Архипов В.А. — поэт, выпускник Лита, многолетний друг автора

Архипова И.К. — народная артистка СССР, оперная певица

Арцибашев А.Н. — писатель, журналист.

Асмус В.Ф. — ученый и философ

Астафьев В.П. — писатель

Атлагич Ангелина — художник по костюмам

Аушев?? — ???

Афанасьев Ю.Н. — ректор РГГУ

Ахмадулина Б.А. — поэт

Ахматова А.А. — поэт

Ахмедова Галия — писатель, литературовед

Ашот — *см.* Вартанян А.Л.

Бабанова М.И — народная артистка СССР

Бажов П.П. — писатель

Байрам-хан —??? стр483

Бакланов Г.Я. — писатель

Балашова?? — скульптор

Балашов Э.В. — поэт, профессор Лита.

Барбара — *см.* Кархофф Барбара.

Барметова И. — критик, главный редактор журнала «Октябрь».

Бархатов Алексей — журналист

Басков Н. В. — заслуженный артист РФ, эстрадный певец

Баталов А.В. — народный артист СССР

Баткин Леонид — писатель

Баширов?? — киноактер

Бек Т.А. — поэт, доцент Лита., дочь писателя А.А.Бек.

Белов В.И. — писатель, выпускник Лита.

Белокопытова Ал. — писатель

Беляев Ю.А. — писатель, президен Академии российской словесности.

Белякович В. — народный артист РФ, главный режиссер

театра на Юго-Западе

Бен-Ладен — предприниматель, террорист

Бердслей Обри — художник

Берзер А.С. — критик, литературовед, работала в «Новом мире».

Бер-Лазар — главный раввин России.

Бессмертных А.А. — общественный и государственный деятель

Бирюков С. Н. — журналист.

Битов А.Г. — писатель.

Бланк — кинорежиссер, театральный художник.

Б.Н., БНТ — *см.* Тарасов Б.Н.

Блэр Тони — премьер-министр Великобритании

Бобков — переводчик, профессор Лита

Бобров А.А. — поэт, журналист, бард.

Боброва Лидия — кинорежиссер.

Бовин А.Е. — журналист-международник, дипломат

Богомолов В.О. — писатель.

Богуславская З.Б. — писатель, литературный и общественный деятель. Жена поэта А.АВознесенского.

Богуслаев В. А. — ген. директор ОАО «Мотор Сич» (г. Запорожье), член МИД-клуба. Стр.490

Бок Теодор фон — ген. — фельдмаршал

Бокерия?? — хирург

Болдырев Ю. — общественный и государственный деятель

Болотова Ж.А. — популярная артистка РФ

Болычев И. И. — поэт, выпускник, доцент Лита

Бондарев Ю.В. — писатель

Бондаренко В. Г. — писатель, критик-литературовед, главный редактор ежемесячника «День Литературы», выпускник Лита.

Бондарчук Ф. С. — актер, кинорежиссер, продюсер, сын С.Ф. Бондарчука и И.К.Скобцевой

Бондарчук Н.Ф. — народная артистка РФ, актриса, кинорежиссер

Бонк Н.А. — профессор Лита

Боннэр Е. — вдова А.Д. Сахарова

Боровик Г.А. — писатель, публицист

Бородин Л.И. — писатель, гл. редактор журнала «Москва»

Бортко В.В. — народный артист РФ, кинорежиссер

Бортников Г.А. — народный артист РФ

Борщаговский А.М. — писатель.

Бочков Сергей — поэт, выпускник Лита

Боярский — руководитель одной из служб Минкульта.

Брагарник С.Н. — народная артистка РФ.

Бриль И.М. — музыкант
Бриль А.И. — музыкант
Бриль Д.И. — музыкант
Бритвина Ольга — студентка Лита
Бродская — театровед
Бродский И.А. — поэт.
Брукс Мело — поэт, постановщик
Брынцалов — предприниматель, депутат Госдумы
Бундин Ю.И. — генерал, друг автора
Бунимович Е. А — поэт, депутат Московской городской думы
Бунин И.А. — русский писатель.
Буйда Ю.В. — писатель
Булгаков М.А. — писатель.
Бурдонский — режиссер, внук Сталина.
Бурлак Мария — актриса
Бурякова Л.П. — киновед
Бутов М.В. — писатель
Бухарин Н.И. — государственный и партийный деятель.
Буш Джорж — президент США
Буштаков В.В. — начальник безопасности Лита, доцент.
Быков Василь — писатель
Быков (у меня Л., 463) — критик, литературовед
Вавилов?? — в бытность министр финансов
Вайкуле — эстрадная певица
Вайль П.Л. — писатель
Валенса Лех — президент Польши
Валера — см. Есин В.Ю.
Ван Дейк — английский художник
Ван Липин — председатель Союза Музыкантов Китая
Вандервельде — деятель международного социалистического движения
Ваншенкин К.Я. — поэт
Вампилов А.В. — драматург, выпускник Лита
Варламов А. Н. — писатель, профессор Лита
Вартанов А.С. — журналист, профессор МГУ
Варгафтик Артем — музыковед, телеведущий
Вартанян А. Л. — юрисконсульт Лита, сосед по дому автора
Василевский А.В. — поэт, выпускник и доцент Лита, гл. редактор журнала «Новый мир».
Василевская Анна — писательница, мать А.В. Василевского
Васильев А.А. — народный артист РФ, театральный режиссер
Василенко С.В. — писатель, выпускница Лита
Василий — *см.* Калинин Василий
Васильев Б.Л. — писатель.

Васильчиков Илларион — князь, писатель

Вася — см. Калинин В.

Васягин Иван — депутат Госдумы.

Ватель Франсуа — легендарный повар-гастроном эпохи Людовика XIV

Вексельберг В.Ф. — олигарх

Великодный А.В. — выпускник Лита, работник деканата заочного отделения

Веллер М. И. — писатель.

Венцель Е.В. — доктор наук, писательница (псевдоним И.Грекова)

Вера Владимировна — *см.* Федотова В.В.

Вербицкая Л.А. — в бытность ректор ЛГУ

Верещагин В.В. — русский художник

Вертинская А.А. — народная артистка РФ

Веселовская Е.Я. — писатель-мемуарист, стенографистка Лита

Виардо Полина — оперная певица.

Виктюк Р.Г. — народный артист РФ, режиссер

Висконти Лукино — итальянский кинорежиссер

Вишневецкая М.А. — писатель, сценарист

Вишневская И.Л. — писатель, профессор Лита

Владимирова Ирина — студентка Лита,

В.М. — см. Филиппов В.М.

Войнович В.Н. — поэт, писатель.

Волос А.Г. — писатель.

Волоховский Александр — фотограф, работал в Лите

Волочкова А.Ю. — заслуженная артистка РФ, балерина

Волчек Г.Б. — народная артистка СССР, главный режиссер театра «Современник»

Вольский В.А. — заслуженный деятель искусств РФ, театральный художник.

Вольский Р.А. — заслуженный деятель искусств РФ, театральный художник

Вольф — немецкий физик и математик, учитель М.В. Ломоносова

Воробьев К.Д. — писатель

Ворожбит Н.Ю. — драматург, выпускница Лита

Воскресенский Александр — поэт, журналист, студент Лита

Воскресенский Д.Н. — китаист, профессор Лита.

Владимир — митрополит

Врагова С.А. — народная артистка РФ, главный режиссер Московского театра «Модерн»

В.С. — *см.* Иванова В.С.

Вульф В.Я. — писатель, телеведущий, доктор исторических наук

Высоцкая Ида — одна из возлюбленных Б. Пастернака

Гайдн Ф.И. — композитор

Гайнутдинов Равиль — муфтий

Галковский Д.Е. — писатель, философ, публицист

Галеса Татьяна — сотрудница посольства США

Галибина Елена — актриса

Галкин?? — актер, киноактер

Голубицкий Юрий — писатель, сценарист.

Галлай Марк — летчик-испытатель, Герой Советского Союза, писатель

Гальего?? — писатель, лауреат «Буккера»

Гандлевский С.М. — поэт, прозаик

Ганичев В.Н. — писатель, общественный и религиозный деятель

Гаранян Г.А. — джазовый музыкант

Гарин Эраст — киноактер

Гаспаров М.Л. — литературовед, академик РАН

Гасунс Марцис — выпускник Лита.

Гафт В.И. — народный артист России

Гачев Г.Д. — писатель, философ

Гвоздева И.А. — профессор Лита

Геласимов А.В. — писатель

Генриетта Карповна, Генриетта, Г.К. — *см.* Ягибекова Г.К.

Гербер А.Е. — писатель, общественный деятель

Герцен А.И. — писатель

Гершензон Л.М. — поэт

Гинденбург Пауль фон — нем. гос. и полит. деятель, ген. — фельд.

Гинзбург Е.С. — писатель, мать В.П. Аксенова

Гиппиус З.Н. — поэтесса, писательница

Гладилин Н.В. — преподаватель, доцент Лита

Гладких Татьяна — кинорежиссер

Глазов Юрий — писатель, выпускник Лита

Глазьев С.Ю. — экономист, общественный и политический деятель, академик РАН, член МИД-клуба.

Глебова Ирина — студентка Лита

Говорухин Ст. С. — народный артист РФ, кинорежиссер.

Говорухин Серг. Ст. — кинорежиссер.

Гоголь Н.В. — писатель.

Голышев В.П. — писатель, переводчик, профессор Лита.

Гольданская?? — кинорежиссер — Голдовская М.Е.

Гомбович Виталий — драматург

Гончаренко Дмитрий — выпускник Лита

Горбачева Р.М. — жена М.С. Горбачева

Гордеева О.П. — прозаик, выпускница Лита

Горелов Владимир — машинист поезда метро

Горецка Май — университетский друг автора

Горшков А.И. — проректор Лита, профессор, доктор филолог. наук

Горячева С.П. — общественный деятель, депутат Госдумы

Гранин Д.А. — писатель

Грач Э.Д. — народный артист СССР, скрипач и дирижер

Греф Г.О. — государственный деятель.

Григорий Соломонович — см.

Григорович Ю.Н. — балетмейсте, народный артист СССР

Григорьев В.В. –

Григорьев Николай — писатель

Гришковец Е.В. — актер, драматург

Гроссман В.С. — писатель

Губарев В. — писатель.

Губенко Н.Н. — народный артист РФ, общественный деятель.

Губченко Елена — студентка

Гуюков Геннадий — депутат Госдумы

Гусев В.И. — писатель, поэт, профессор Лита

Гусев Витя — студент Лита

Гурвич М — директор театра Ермолова — не Гуревич ли?

Гущин О. И. — народный артист РФ

Гюисманн — деятель международного социалистического движения

Давид Ж.Л. — французский художник

Давыдова Илона — писатель, живет в США

Давыдова Марина — театральный критик

Данилко Андрей — артист эстрады

Данте А. — поэт

Дахненко М.А. — заслуженный артист РФ

Даша — см. Мартынкина Дарья

Дашкова Полина — писательница

Дёгтев В. И… — писатель, студент и выпускник Лита

Демахин Александр — писатель, драматург, студент и выпускник Лита

Дементьева Н.Л. — сенатор, в бытность — министр культуры

Демидов Иван — продюсер

Демичев Вадим — студент Лита

Демьянков В.З. — языковед, профессор, друг автора

Де Ниро Роберт — кноактер

Денисов Н.И. — поэт-песенник, заслуженный артист РФ

Депардье Жерар — киноактер
Дерепа Д.А. — студент Лита
Державин Г.Р. — русский поэт.
Державин М.М. — народный артист РФ
Дерипаска?? — предприниматель
Джойс Джеймс — ирландский писатель
Джугашвили Иосиф — подлинная фамилия И.В.Сталина
Джулиани?? — мэр Нью-Йорка
Дзасохов?? — президент ……
Дзюба — драматург
Дизраэли Б. — англ. полит. деятель, писатель
Димитров Г.М. — политический и государственный деятель Болгарии
Дитрих Марлен — киноактриса
Добродеев О.Б. — председатель ВГРГК, член коллегии Минкульта.
Добронравов Н.Н. — поэт
Довлатов С.Д. — писатель
Дога Евгений — композитор
Должанский Роман — театральный критик и журналист
Долли — моя собака
Долматовский Е.А. — поэт, профессор Лита.
Долматовская Г.Е. — кинорежиссер, кинокритик, дочь Е.А. Долматовского
Донина А.С. — родная тетка автора, угнанная во время войны в Германию
Донин И.И. — слесарь, муж Дониной А.С.
Дондурей Д.Б. — гл. редактор журнала «Искусство кино»
Доннер Карла — певица
Доронина Т.В. — народная артистка СССР, художественный руководитель МХАТа им. Горького
Достоевский Ф.М. — русский писатель
Дубинская Алла — студентка Лита
Дуглас Майкл — американский актер
Дунаев Юрий — драматург
Дурова Н.Ю. — народная артистка СССР, выпускница Лита
Дьяченко А.В. — драматург, выпускник, доцент Лита
Дьяченко Т.Б. — дочь президента Б.Н. Ельцина
Дюма А. — французский писатель.
Дягилев С.П. — деятель русской культуры.
Дядя Ваня — см. Донин И.И.
Евдокимов Н.С. — писатель, выпускник, профессор Лита
Евтеева И.В. — кинорежиссер
Евсеев Борис — писатель

Евтишенков Игорь — студент Лита

Егоров В.К. — бывший ректор Лита, ректор-президент Академии Госслужбы, профессор

Егорова С.Г. — филолог, жена В.К Егорова

Ежов В.И. — киносценарист

Елена Алимовна — *см.* Кешокова Е.А.

Елизавета Вторая — английская королева

Елисеев Никита — критик

Елисеева-Шрайна Я.Н. — руководитель и режиссер студенческого русского театра в Кёльнском университете

Ельцин Б.Н. — государственный и партийный деятель, первый президент России

Еременко Владимир — писатель

Ерёмин Ю.И. — народный артист РФ, режиссер

Ермолова Мария — великая русская актриса

Ерофеев Вик. В. — писатель, телеведущий

Есенин С.А. — поэт

Есин В.Ю. — племянник автора, полковник Российской армии

Есин А.В. — сын В.Ю Есина, внучатый племянник автора

Есин С.В. — сын В.Ю Есина, внучатый племянник автора

Ефремов О.Н. — народный артист СССР

Ефросинин С.Ю. — студент Лита

Е.Ю. — *см.* Сидоров Е.Ю.

Е.Я., Екатерина Яковлевна — *см.* Веселовская Е.Я.

Жванецкий М.М. — писатель-сатирик

Жданюк Татьяна — член парламента Латвии

Жеймо Янина — киноактриса

Женя, Е.Ю. — *см.* Сидоров Е.Ю.

Жеребцов Владимир — драматург.

Жириновский В.В. — вице-спикер Госдумы

Жлобинский — студентЛита.

Жуков Анатолий — писатель, работал в «Новом мире»

Жуков?? — вице-премьер

Жуков В.И. — академик РАН, ректор РГСУ

Жуковский В.А. — русский поэт

Журавлева Ольга — выпускница Лита, писательница

Заболоцкий Н.А. — русский поэт

Заборчук Александр — выпускник Лита (?)

Зайцев В.М. — народный художник РФ, модельер.

Зайцев?? — директор национальной библиотеки

Зайцев — один из бывших руководителей «Альфы»

Залыгин С.П. — писатель

Замшев М.А. — поэт, выпускник Лита; гл. редактор журнала «Российский колокол»

Занусси Кшиштоф — кинорежиссер

Зак Марк — киновед, доктор искусствовезнания

Зарифа — см. Салахова З.

Заславский Г. А. — театральный критик, радиоведущий.

Засурский Я.Н. — декан факультета журналистики МГУ, профессор

Захаров М. А. — народный артист России, гл. режиссер театра Ленком

Захарова Светлана — балерина Большого театра

Зельдин В.М. — народный артист СССР.

Зельдович А.Е. — кинорежиссер

Земскова Т. Н. — писатель-мемуарист, телеведущая

Зимин А.И. — профессор Лита

Зинаида — Пастернак З.Н., жена Б. Пастернака

Зиновьев А.А. — писатель, философ.

Зиновьева О.М. — жена Зиновьева А.А.

Зиновьева И.Н. — главный бухгалтер Лита.

Зоберн Олег — писатель, выпускник Лита.

Золотусский И.П. — писатель.

Золя Эмиль — французский писатель

Зорге Рихард — разведчик

Зорин А.И. — поэт, выпускник Лита

Зорин Л.Г. — писатель, драматург.

Зоркая М.В. — писатель, переводчик, выпускница, доцент Лита

Зорькин В.Д. — председатель Конституционного суда

Зощенко М.М. — писатель

Зоя Михайловна, З.М. — *см.* Кочеткова З.М.

Зубков Г.И. — телекоментатор

Зуева Виктория — кинорежиссер

Зуев Дм. — журналист, писал на темы природы

Зудина М.В. — народная артистка РФ

Зульфикаров Тимур — писатель, выпускник Лита

Зурабов М.Ю. — министр здравоохранения и социального развития РФ

Зыкова — артистка МХАТ им. Горького

Ибрагимбеков Рустам — писатель, драматург, киносценарист

Иванов Александр — многолетний друг автора

Иванов Игорь — секретарь Совбеза

Иванов С.Б. — министр обороны России

Иванова В.С. — писатель, журналист, кинокритик, жена автора

Иванова Е.С. — врач, доктор медицины, сестра В.С. Ивановой

Иванова М.В. — писатель, декан дневного отделения в Лите,

профессор

Иванова Н.Б. — писатель, критик, литературовед, заместитель гл. редактора журнала «Знамя»

Иванов Олег — студент Лита

Иванченко Александр — писатель

Ивинская?? — возлюбленная Б.Л. Пастернака

Игорь — *см.* Темиров И.Р.

Измайлов Лион — писатель сатирик

Израэль Ю.А. — академик РАН

Илона — *см.* Давыдова Илона

Ильин Евгений — студент, выпускник Лита

Инин А.Я. — писатель, сценарист

Иоффе Б.Е. — театровед, ждурналист

Искандер Ф.А. — поэт, писатель, выпускник Лита

Кабахидзе Майя — чиновник министерства культуры

Каверин Игорь — студент, выпускник Лита

Кадыров Рамзан — президент Чечни

Казаков Андрей — актер

Казаков Ю.П. — писатель, выпускник Лита

Казакова Р.Ф. — поэт, выпускница ВЛК

Калужанов С.В. — драматург, выпускник Лита

Казанцева Н. А. — народная артистка РФ, оперная певица

Казаченко Анна — выпускница Лита

Казачков В.Ю. — писатель, выпускник Лита

Казарновская Л.Ю. — оперная звезда, телеведущая

Казенин В.И. — композитор, народный артист РФ, член коллегии Минкульта

Казначеев С.М. — писатель, выпускник, доцент Лита

Каландия?? — строитель

Калинин Василий — многолетний друг автора

Калинин В.? — доктор философ наук, преподавал в Лите

Калинин Юрий — драматург

Калягин А.А. — народный артист РФ

Кан Диана — поэт, выпускница Лита

Капустин П. — доктор философских наук

Карабутенко И.И. — доцент Лита

Караганов А.В. — критик

Кара-Мурза С.Г. — политолог?

Карапетян И.В. — и.о. ректора РГГУ

Караулов А.В. — театральный критик, телеведущий

Каратеев Андрей — писатель, выпускник Лита

Карла дель Понте — прокурор Международного трибунала

Карпов В.В. — писатель

Карпюк — знаменитый редактор издательства «Дрофа»

Карясов Сергей — студент Лита

Касаткина Л.И. — народная артистка СССР

Касьянов — государственный и общественный деятель

Качерина Светлана — выпускница Лита

Качуевская Наташа — студентка ГИТИСа, погибшая во время ВОВ

Квирикадзе?? — киноактер?

Кемоклидзе Герберт — писатель

Ким А.А. — писатель, выпускник, преподавал в Лите

Ким Лариса — студентка Лита

Ким Чен Ир — гос. и полит. деятель КНДР

Кинжеев — поэт

Киреев Р.Т. — писатель, выпускник, профессор Лита.

Кириллов Андрей — зав. корпунктом ИТАР-ТАСС в Китае

Киркоров Ф.Б. — народный артист РФ, эстрадный певец

Киселев А.Ф. — в прошлом первый заместитель министра образования, генеральный директор издательства «Дрофа», доктор исторический наук, профессор

Киселев Евгений — телеведущий

Киселев Сергей — тележурналист

Киселева С.В. — заместитель начальника учебного отдела Лита

Клейнер Наум — киновед

Клепиков Ю.Н. — киносценарист, режиссер

Клиберн Ван — пианист

Климов Элем — народный артист ССС, кинорежиссер

Клинтон Билл — президент США

Клинтон Хиллари — жена Клинтона

Кобзон И.Д. — народный артист СССР, эстрадный певец, общественный деятель

Кожедуб Олесь — писатель

Кожемяко В.С. — писатель, публицист

Кожунков Алексей — прозаик, выпускник Лита

Козаков М.М. — народный артист РФ

Козаченко Анна — выпускница Лита.

Козлов А.Н. — заведующий печатным цехом в Лите

Козлов В.П. — директор архивной службы Минкульта

Козлова А.Ю. — писатель

Козырев Алексей — студент Лита

Кокто Жан — французский писатель, поэт, драматург

Кокшенева Капитолина — театровед, литературовед.

Колесников Андрей — корреспондент газеты «Коммерсант»

Колкер А.Н. — композитор

Колонтеев А.А. — архитектор

Колпаков Л.В. — журналист, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», друг автора.

Коляда Н.М. — сотрудница Комитета по культуре г. Москвы

Комиссаров Сергей — студент Лита.

Кондратов С.А. — издатель, доктор исторических наук, профессор.

Кононыхин — банкир, предприниматель

Конопляников Юрий — писатель

Консовский — киноактер

Корель Дмитрий — кинорежиссер

Коржаненко Ирина — спортсменка, метательница ядра

Корниенко Н.В. — писатель, литературовед и историк литературы член-корр. РАН, преподает в Лите

Коровин Александр — драматург, выпускник Лита

Королева Ксения — студентка

Королев Сергей — поэт, студент Лита

Космынин Ю.И. — художник-график

Костикова — московский нотариус

Костров В.А. — поэт, профессор Лита

Кострова Г.С. — жена В.А. Кострова, редактор многих книг автора

Костюк Леонид — народный артист СССР, руководитель цирка на проспекте Вернадского

Котомкин И.А. — заместитель председателя исполкома Международного союза книголюбов

Кочергин И.Н. — студент, выпускник Лита

Коэльо Пабло — писатель

Крупская Н.К. — государственный и партийный деятель, жена В.И.Ленина

Крылов И.А. — баснописец

Крымский Владимир — писатель, издатель.

Кублановский Ю.М. — поэт.

Кувалдин Юрий — писатель, журналист, издатель.

Кугач Анна — сотрудница журнала «Юность», впоследствии жена поэта А.Дементьева

Ку Джиньмин — зам. председателя союза Музыкантов Китая.

Кузмин М.А. — поэт, прозаик, драматург, композитор.

Кузнецов Ю.П. — поэт, профессор Лита

Кузнецов Владимир — выпускник Лита.

Кузнецов Ф.Ф. — писатель, литературовед, член-корреспондент РАН

Кундера Милош — писатель

Курбатов В.Я. — писатель

Куроедов — адмирал

Курчаткин А.Н. — писатель.

Курочкин Максим — драматург, выпускник Лита

Кутафина Наталья — профессор Лита

Лаврентьев М.И. — поэт, журналист, выпускник Лита

Лавров К.Ю. — народный артист СССР

Лавровский М.Л. — народный артист СССР, танцовщик

Лавуазье А.Л. — химик

Лазар Берл — главный раввин России

Лакшин В.Я. — писатель, литературовед, критик.

Лакшина С.Н. — филолог, литературовед, жена В.Я. Лакшина

Ландау Л.Д. — физик-теоретик

Лановой В.С. — народный артист СССР

Лаптев?? — народный артист СССР, певец

Лауфер В.А. — профессор, преподаватель Щепкинского театрального училища

Ларионов А.В. — писатель, друг юности автора

Лебедева Екатерина — выпускница Лита, канд. филолог наук, живет в Лондоне

Лебедев Платон — сотрудник ЮКОСа

Лебедина Любовь — критик, театровед

Лев Иванович, Лева — *см.* Скворцов Л.И.

Леванов Вл. — выпускник Лита, драматург

Лекач Р.Г. — ректор американского уиверситета Туро в Москве

Лена — *см.* Полянская Е.

Ленин В.И. — философ, журналист, политический и партийный деятель.

Леонов Б.А. — писатель, доктор филолог. наук, профессор Лита

Леонтьев А.Н. — народный артист РФ, педагог.

Леонтьев Михаил — тележурналист

Леонтьев Валерий — народный артист России, эстрадный певец

Леонтьев В.Я. — народный артист РФ, эстрадный певец

Лесин Е.Э. — поэт, журналист, выпускник Лита

Лесин — в прошлом министр по делам печати

Лесков Н.С. — русский писатель

Леша — *см.* Козлов Алексей

Ливанов Аристарх — народный артист России

Ливанов В.Б. — народный артист РСФСР, писатель

Лиознова Т.М. — народная артистка СССР, кинорежиссер

Лисицин — губернатор

Литвинец — Н.С. — чиновник агентства Минкульта стр.350

Лобанов М.П. — писатель, литературный критик, профессор

Лита

Лобков …..777 — телеведущий, сценарист

Логунов А. — студент Лита

Лозинский М — поэт, переводчик

Ломоносов М.В. — поэт, ученый, русский гений

Лондон Джек — американский писатель

Лопаткина Ульяна — балерина

Лорка Гарсия — испанский поэт

Лубков А.В. — проректор Московского педагогического государственного университета

Лужков Ю.М. — мэр Москвы

Луганский Е.И. — директор Драматического театра им. М.Ю. Лермонтова в Ставрополе, друг автора

Лучко К.С. — народная артистка СССР

Лыгарев С.И. — директор общежития Лита

Лыкошин Сергей — писатель, литературный чиновник

Львов Д. С. — академик.

Любшин С.А. — актер, народный артист России

Людмила — жена Андрея Кириллова, *см.*

Людмила — жена Анатолия Прокопьева

Людмила Михайловна, Л.М. — *см.* Царева Л.М.

Людмила Сергеевна — *см.* Рыдкова Л.С.

Лю Юнь — аспирантка

Лягарус Ж.-Л. — драматург

Лямпорт Е.П. — писатель, критик, по профессии врач, живет в США, друг автора

Ляпин И.И. — поэт, выпускник Лита, преподавал в Лите

Маканин В.С. — писатель.

Макаревич А.В. — композитор, поэт, руководитель ансамбля «Машина времени», народный артист РФ

Макаров А.Ф. — поэт, выпускник Лита

Макарова И.В. — народная артистка СССР, киноактриса

Маккартни Пол — поп-звезда, певец, музыкант

Макеева Наталья — писатель

Максим — *см.* Замшев М.А.

Максим — *см.* Лаврентьев М.И.

Максимов Андрей — драматург, телевизионный ведущий

Максимов В.Г. — театральный художник

Малахов Андрей — телеведущий

Малинин А.Н. — зас. артист РФ, эстрадный певец

Мальгин А.В. — писатель, издатель, общественный деятель, друг автора книги

Мальро Андре — французский писатель, был министром культуры Франции

Мальчевская Е.А. — архитектор

Мамаенко Анна — поэт, выпускница Лита.

Мамай А.М. — экономист, многолетний друг автора книги

Мамлин?? — писатель

Манана — *см.* Потемкина Манана.

Манн Томас — немецкий писатель, классик XX века

Мандельштам О.Э. — поэт

Мандельштам Н.О. — жена поэта, писательница, мемуаристка

Маре Жан — киноактер

Мария Валерьевна — *см.* Иванова М.В.

Мария-Терезия — императрица

Марк — епископ РПЦ

Маркес Габриэль Гарсиа — колумбийский современный писатель

Маркс Карл — мыслитель, общественный деятель, основоположник марксизма

Мартынкина Дарья — журналистка

Матвеев В.Е. — проректор по хозяйственной части Лита

Матвеева Татьяна — соседка по даче

Матвиенко — губернатор Санк-Петербурга

Матвеев Николай — поэт, выпускник Лита

Матецкий В.Л. — композитор

Матизен В.Э. — кинокритик

Матюхова Татьяна — актриса

Марк — *см.* Авербух М.

Маскота А. — даматург

Мацкус Томан — артист

Машков Владимир — заслуженный артист РФ

Маяковский В.В. — поэт

Медведев Армен — киновед, критик

Медведев Р. И. — писатель, истории

Медичи — знаменитый род флорентийских банкиров

Мельников В.В. — народный артист РФ, кинорежиссер

Менделеев Д.И. — русский ученый-химик

Менжинский В.Р. — политический деятель, революционер

Мень Александра — священник, церковный деятель

Менакер Л.И. — кинорежиссер

М.П. — *см.* Лобанов М.П.

Мессерер Суламифь — балерина

Месяц Г.А. — вице-президент РАН, директор института теоретической физики, член МИД-клуба

Микоян А.И. — политический деятель

Миллер А. — глава «Газпрома»

Мильтон Джон — английский поэт

Минералов Ю.И. — поэт, доктор филолог. наук, профессор Лита

Минин К.М. — герой русской истории

Миронов С.М. — председатель Совета Федерации

Михаил Юрьевич, М.Ю — *см.* Стояновский М.Ю.

Михайлов Максим — актер

Михайловская Г.А. — литературовед

Михайловская Н.Г. — профессор Лита

Михалев Павел — зам. директора ИТАР-ТАСС

Михалков Н.С. — народный артист РФ, кинорежиссер, актер, общественный деятель

Михалков С.В. — поэт, драматург, Почетный председатель Международного сообщества писательских Союзов

Михальская Н.П. — доктор филологических наук, почетный профессор Московского педагогического государственного университета, автор множества научных работ и учебников

Михальский В.В. — писатель, издатель

Михоэлс С.М. — народный артист СССР, режиссер, педагог, главный режиссер Московского государственного еврейского камерного театра (ГОСЕТ)

Мичков Василий — драматический артист

Миша, Миша Меленов — шофер

Мишель Доменик — писательница

Модестов В.С. — переводчик, театральный и музыкальный критик, профессор Лита

Моисеев Б.М. — заслуженный артист РФ, эстрадный артист

Монахов Сергей — студент Лита

Мордвинова Амалия — киноактриса

Мордвинов Н.Д. — народный артист СССР

Морзе С. — изобретатель телеграфной связи

Морозов Ю. — народный артист России, режиссер. А не Борис ли 442стр.?

Морозов?? — предсовмина Чечни, когда убили Кадырова

Мотрошилова Н.В. — философ, доктор философских наук, профессор

Моцарт В.А. — композитор

Мур Майкл — кинорежиссер

Мурадов Эдвард — депутат Госдумы

Мурашковский Роман Григорьевич — профессор университета Туро в Москве, общественный деятель

Мусоргский М.П. — композитор

Мушкина Е.Р. — писатель, журналист, друг автора

Мысина Оксана — актриса, музыкант

Набатникова Татьяна — писатель

Навои Алишер — великий восточный поэт

Надежда Васильевна — *см.* Баранова Н.В.

Надиров Л.Н. — заместитель министра культуры и массовых коммуникаций РФ

Назарбаев Н.А. — президент Казахстана

Нарусова Л.Б. — сенатор, мать Ксении Собчак.

Настя — *см.* Тягунова А.

Науменко А.М. — врач, организатор лечебного процесса, друг юности

Невзлин Л.Б. — беглый олигарх, выбирался ректором РГГУ.

Нейгауз Г. Г. — пианист, народный артист СССР

Некрасов В.П. — писатель

Немирович-Данченко В.И. — драматург, реформатор театра

Немцов Б.Е. — общественный деятель

Непомнящий В.С. — писатель, литературовед

Неру Джавахарлал — политический деятель Индии

Никитин Володя — выпускник Лита

Николаев А.Н. — космонавт

Николаев П.А. — член-корр. РАН, почетный профессор МГУ, старший товарищ последнего времени

Николай Второй — российский император

Николенко Игорь — писатель

Никольсон — баронесса

Нобель Альфред — учредитель Нобелевской премии

Новик Майя — писатель, выпускница Лита

Новиков В.И. — писатель, литературовед, доктор филологических наук, работал в Лите проректором

Новикова Лиза — известный литературный критик, ведет литературную рубрику в газете «КоммерсантЪ»

Новикова Н.Д. — директор Петербургского филиала РАО

Ножкин М.И. — поэт, бард, народный артист России

Носик Б — писатель

Носов Е.И. — писатель

Нуйкин А.А. — писатель

Нуриев Рудольф — танцовщик

Образцова Елена — певица, народная артистка СССР

Огрызко В, В. — писатель, журналист, главный редактор еженедельника «Литературная Россия»

Озерова М.Л. — легендарный редактор отдела прозы журнала «Юность»

Оксана — *см.* Лисковая О.П.

Окуджава Б.Ш. — поэт, бард

Опекушин А.М. — русский скульптор

Орлов В.В. — писатель, профессор Лита

Орфенов А.И. — заслуженный артист РФСР, тенор
Островский А.Н. — драматург
Островский Николай — писатель
Остроумова Ольга — народная артистка России
Остер Григорий — выпускник Лита, писатель
Островский Николай — писатель
Оффенбах Жак — композитор
Ошанин Л.И. — поэт, выпускник, профессор Лита
Павленко Алексей — преподаватель, живет в США
Павлова Анна — балерина
Павлов О.О. — писатель
Павловский Глеб — политолог
Палей Марина — писательница, выпускница Лита
Панкеев И.А. — писатель, литературовед, профессор, друг автора
Парфенов? — телеведущий
Пастернак Б.Л. — поэт
Пастернак З.Н. — жена Б.Л. Пастернака
Паулс Раймонд — композитор
Пауэлл Колин — чиновник администрации США
Пахомов С.Н. — чиновник Минобраза
Пахоменко Мария — певица
Паша — *см.* Мелин П.
Паша — *см.* Быков Павел
Пашенная В. — народная артистка СССР
Пекач Евгений — студент Лита
Пелевин В.О. — писатель, учился в Лите
Пельш — телеведущий
Пенн Уильям — общественный и государственный деятель США
Переяслов Николай — поэт, прозаик, критик, мемуарист
Пети Ролан — балетмейстер
Петр Первый — русский император
Петрарка Франческо — великий итальянский поэт
Петров Н.А. — народный артист СССР, пианист
Петросян Е.В. — народный артист РФ, эстрадный артист
Петрушевская Л.С. — писательница
Петухов Григорий — поэт, выпускник Лита
Петухов В.И. — врач, брат Л.И. Скворцова
Петухов Л.И. — полковник в отставке, брат Л.И. Скворцова
Печников Геннадий —?? 373
Пик Вильгельм — политический и общественный деятель
Пикуль В.С. — писатель
Пиманов Алексей — телеведущий

Пименов В.Ф. — писатель, театровед, ректор Литинститута

Пиночет У.А. — гос. и политический деятель Чили

Пирогов Кирилл — актер

Плагенборг Стефан — литературовед и историк, доктор наук и профессор, работал в Марбурге, Германия

Платонов А.П. — писатель

Платонов?? — председатель Московской Госдумы

Плеханов Г.В. — революционер, философ

Плисецкая М.М. — Народная артистка СССР, балерина

Плятт Р.Я. — народный артист СССР

Подгородинский?? — заслуженный артист России

Подгородинский?? –

Поддавашкин — замминистра ж. транспорта

Пожарский Д.М. — герой русской истории

Познер Владимир — телеведущий

Подлесских Роман — выпускник Лита

Покровский Б.А. — народный артист СССР, выдающийся оперный режиссер

Полоцкая Э.А. — филолог, театровед

Поляков Ю.М. — поэт, писатель, драматург, главный редактор «Литературной газеты»

Полянская Елена — сотрудница РАО (Российское Авторское Общество)

Попов Геннадий — писатель

Попов М.М. — писатель

Поповски Иван. — театральный режиссер

Попцов О.М. — писатель, журналист, организатор нового российского телевидения

Потанин?? — предприниматель

Потемки А.П. — писатель, бизнесмен

Потемкина Манана — жена А.П. Потемкина

Починок А. — сенатор, общественный деятель

Поюровский Б.М. — театральный критик.

Примаков Е.М. — государственный деятель, член МИД-клуба

Приставкин А.И. — писатель, выпускник и профессор Лита

Пришвин М.М. — писатель

Проди Роман — председатель Еврокомиссии

Прокофьев С.С. — композитор

Прокопьев Анатолий — шофер, родственник

Прокопьев Михаил — писатель, выпускник Лита

Пронин Влад. А. — доктор филолог. наук, автор учебников и работ по зарубежной литературе, работал в Лите, друг автора

Проскурин П.Л. — писатель

Проханов А.А. — писатель, главный редактор газеты «День»

Прохоров В.А. — руководитель федерального агентства по здравоохранению и соцразвитию

Пу И — последний император Китая

Пруайяр Жаклин — корреспондент Б.Л. Пастернака

Пруст Марсель — французский писатель, классик XX века

Пулатов Т.И. — писатель

Путин В.В. — президент России, премьер-министр РФ

Пушкин А.С. — писатель, поэт, создатель русского литературного языка, русский гений

Пушков А.К. — профессор МГИМО, доктор наук, телевизионный ведущий

Пьецух В.А. — писатель

Пьявко В.И. — народный артист СССР, тенор

Радзинский Э.С. — писатель, драматург

Радциг С.И. — доктор филологических наук, профессор

Райкин А.И. — народный артист СССР

Райков — депутат Госдумы

Раздорская Елена — кинорежиссер

Разумовский Феликс — историк, телеведущий

Раневская Ф.Г. — народная артистка СССР

Раппопорт?? — поэт559

Распутин В.Г. — писатель

Рахаева Юлия — журналистка

Рац Марк — школьный товарищ автора

Ребров Андрей — писатель

Ревич А.М. — поэт, профессор Лита

Резник Илья— поэт

Резникова Анна — певица

Резникова Екатерина — студентка Лита

Рекемчук А.Е. — писатель; выпускник и профессор Лита.

Рексус Фридрих — школьный учитель, член Нового Литературного общества Марбурга

Рембрандт Х. — голландский художник

Рената Григорьевна — *см.* Лекач Р.Г.

Рено Мэри — писательница

Решетовская Наталья — первая жена А.И.Солженицына

Рифеншталь Лени — актриса, кинорежиссер

Рогозин Дмитрий — политический деятель

Розовский М.Г. — народный артист РФ, художественный руководитель московского Театра у Никитских ворот стр. 443

Романенко Елена — писатель

Романов А.Г. — директор музея А.Н.Толстого в Самаре

Романов — председатель Госкино СССР

Романов Филипп — интервью не у Пронина ли спросить?179

Ронсар П. — поэт

Рощин М.М. — писатель, драматург

Рубинштейн Лев — поэт

Рубцов Н. — поэт, выпускник Лита

Рудаков Александр — журналист, организатор телепроизводства

Рудаков Вадим — студент заочник, выпускник Лита

Румянцев А.Г. — поэт, писатель, участвовал в учебном процессе в Лите. Живет в Иркутске

Руслан — *см.* Киреев Р.Т.

Русс Анна — поэт, выпускник Лита

Ручкина Т.С. — глава организации книголюбов в Самаре

Рыбаков А.Н. — писатель

Рыбас С.Ю. — писатель, выпускник Лита

Рыбкин?? — 61

Рыжков В.С. — слесарь, рабочий в Литинституте

Рыжкова Л.С. — жена Н.И. Рыжкова

Рыжков Н.И. — общественный и государственный деятель, сенатор, почетный президент МИД-клуба

Рыжков В. — политик и общественный деятель

Рязанов Э.А. — народный артист СССР, кнорежиссер

Саддам Хусейн — политический деятель и глава республики Ирак

Саакашвили Мих. — президент Грузии

Савельев Денис — выпускник Лита

Салахова Зарифа — председатель союза книголюбов Азербайджана

Салех — студент, выпускник Лита.

Самсонов Сергей — писатель, выпускник Лита

Сараскина Л.И. — писатель, литературовед, доктор филолог. наук

Саркисян И.А. — поэт, журналист, друг юности

Сатановский Евгений — Президент Российского еврейского конгресса

Сахаров А.Д. — физик-теоретик, академик РАН, общественный деятель

Сац Роксана — худрук Детского оперного театра

Саченко Вера — директор музея А.А. Фадеева в Чугуевке

Саша — *см.* Кривицкий А.

Светлана Викторовна — *см.* Киселева С.В.

Светлова Наталья — девичья фамилия Н.Д.Солженицыной

Свиридов Г.В. — выдающийся русский композитор

Северянин Игорь — поэт

Сегень А.Ю. — писатель, выпускник, доцент Лита

Седых Г.И. — доцент Лита

Севенье, м-м — писательница

Сельвинский И.Л. — поэт

Семенова С.Г. — доктор философии, профессор

Семичев Евгений — поэт, выпускник Лита

Сенчин Р.В. — писатель, выпускник Лита

Сергачев А.Д. — директор столовой Лита и владелец кафе «Фортэ»

Сергей Петрович, С.П. — *см.* Толкачев С.П.

Сергеев С.К. — чиновник Минобраза

Сердючка Вера — см. Данилко

Серебровский В. Г. — народный художник России, театральный художник

Серебрянник Юрий — студент Лита

Сеславинский М.В. — руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Серова Валентина — актриса, кинозвезда

Сеитко Евгений — кинорежиссер

С.И. — *см.* Лыгарев С.И.

Сибирцев Сергей — писатель

Сидоров Е.Ю. — профессор Лита, доктор искусствознания, посол России в Юнеско, в прошлом ректор Литинститута и министр культуры России

Сидорова Вера — жена Е.Ю. Сидорова

Силкан Наталья — писатель

Симонов К.М. — поэт, писатель; студент, выпускник Лита

Симонов Н.К. — народный артист СССР

Синельников Михаил — поэт-переводчик

Скворцов Л.И. — доктор филолог. наук, профессор Лита, в бытность проректор, друг с молодых лет

Скворцова Т.Н. — жена Л.С., филолог, преподает в Лите

Скобцева Ирина — киноактриса, народная артистка СССР

Сковорода Григорий — философ

Скорсезе М. — кинорежиссер

Славникова О.А. — писатель

Слаповский А.И. — писатель, киносценарист

Слиска Л.К. — депутат Госдумы

Сличенко Николай — народный артист СССР

Слободкин П.Я. — композитор, музыкант, народный артист России

Смеляков Ярослав — поэт

Смелянский А.М. — доктор искусствоведения, ректор школы-студии МХТ им. Чехова

Смирнов Вл. Павл. — писатель, литературовед, профессор

Лита

Смирнова А.А — сценарист, телеведущая

Смирнова Виталина — прозаик, выпускница Лита

Смит Сара — славист, друг автора

Собчак А.? — политический деятель, мэр Ленинграда

Соколов Владимир — телеведущий

Соколов А.С. — музыковед, доктор искусствоведения, ректор Московской консерватории, министр культуры; внук писателя Н.И.Соколова-Микитова

Сокуров А.Н. — народный артист РФ, кинорежиссер

Солженицын А.И. — писатель, академик РАН

Соловьев Антон — студент, выпускник Лита

Соловьев В. Р. — телеведущий

Соломин Ю.М. — народный артист СССР, художественный руководитель Малого театра

Солонович Е.М. — поэт, переводчик, профессор Лита

Соня — *см.* Авербух Софья

Соня — *см.* Мурашковская С. Р.

Сорокин В.В. — поэт, публицист, проректор по ВЛК, в свое время заканчивал эти курсы

Сорокин В. Г. — писатель

Сорокина Светлана — телеведущая

Соснова Людмила — писательница

Сталин И.В. — политический и общественный деятель, генералиссимус

Старовойтова Г.? — политический деятель

Старков Владислав — в прошлом редактор «Аргументов и фактов»

Стасов В.В. — художественный и музыкальный критик

Стендаль (Анри-Мари Бейль) — великий французский писатель

Степаненко?? — заслуженная артистка России

Степашин С.В. — председатель Счетной палаты, общественный и государственный деятель

Стоун Оливер — кинорежиссер

Стоцкий Николай — киноактер

Стравинский И.Ф. — композитор

Стюарт Мария — шотландская королева

Сукерник Михаил — поэт, студент-заочник

Суханов Денис — заслуженный артист РФ

Сухарев Дмитрий — бард, поэт

Сухоруков В.И. — народный артист РФ

Табаков О.П. — народный артист СССР, худрук и директор МХТ им. Чехова.

Табидзе Н.А. –

Таранда Г. Л. — заслуженный артист России, танцовщик, руководитель Имперского балета

Тарантино Квентин — кинорежиссер

Тарасов Артем — бизнесмен

Тарасов Б.Н. — нынешний ректор Литературного института, доктор филологии, профессор, писатель

Тарасов Ф.Б. — кандидат филолог. наук, студент московской консерватории, певец, преподавал в Лите, сын Б.Н. Тарасова

Тарасова А.К. — народная артистка СССР

Тарле?? — историк

Тахиру Киетаки — танцовщик

Твардовский А.Т. — поэт

Теличкина В.И. — заслуженная артистка России

Темиров И.Р. — сотрудник Лита

Тер-Газарянц — работник РАО

Терешкова В.В. — космонавт

Тернявский Валентин — пианист и музыковед

Тетя Анна — *см.* Донина А.С.

Тиматков А.В. — поэт, выпускник, доцент Лита. Работал завхозом, проректором по хозяйству Лита

Титов Герман — космонавт

Титов — губернатор Самарской области

Тихон — патриарх

Тихоненко Б.Л. — журналист, издатель, редактор, друг автора

Тихоненко Тамара — жена Б.Л.Тихоненко

Ткач О.П. — сенатор, издатель

Ткаченко А.П. — писатель.

Токарева В.С. — писательница, сценарист

Толик — *см.* Прокопьев Анатолий

Толкачев С.П. — писатель, профессор Лита, доктор наук, ученик и друг

Толкачев Сергей — сын С.П.Толкачева

Толмачева Л.М. — народная артистка РФ

Толстая Т.Н. — писательница, телеведущая

Толстой А. — стр. если писатель — А.Н.

Топоров В.Л. — писатель, критик, литературовед

Торез Морис — деятель международного рабочего движения

Третьяков В. Т. — писатель, общественный деятель, журналист

Третьяков Миаил –

Трифонов Ю.В. — писатель

Трофимов Михаил — телевизионный режиссер

Туманова Ксения — выпускница Лита

Тургенев И.С. — писатель, русский классик

Турков А.М. — критик, литературовед, председатель государственной комиссии Лита; выпускник Лита

Туркменбаши —??

Тычинин В.А. — профессор, руководитель физической подготовкой студентов Лита

Тэсс Татьяна — поэт, публицист, писатель

Тюнина Галина — актриса

Тягунова Анастасия — прозаик, выпускница Лита. 493??

Тяжельников Е.М. — общественный деятель

Уланова Г.С. — народная артистка СССР, гений русского балета

Улицкая Л.Е. — писательница

Ульянов М. А — народный артист СССР

Упатов Алексей — выпускник Лита

Урсуляк С.В. — кинорежиссер

Утесов Л.О. — народный артист СССР, эстрадный певец, киноактер

Уткин Антон — писатель

Фадеев А.А. — писатель

Фадеев Е.М. — руководитель компании Российские железные дороги

Фаулз Дж. — английский современный писатель

Федоров В.В. — директор Ленинской библиотеки

Федотов — ректор Бауманки??????????

Федорова Елена — студентка Лита

Федоров — президент республики Чувашия

Федь Н.М. — литературовед

Феллини Федерико — кинорежиссер

Фельцман Оскар — композитор

Фейхвангер Л. — немецкий писатель

Феоктистов?? — космонавт, герой Советского Союза

Фетисов Павел — режиссер

Филатов С.А. — общественный и государственный деятель

Филатов С.А. — драматург

Филиппов В.М. — ректор Университета им. Патриса Лумумбы, в прошлом министр Минобразования

Фирдоуси — поэт

Фрадков М.Е. — государственный деятель

Фролов — стра 16 не поехал в Данию.???

Фрейд Зигмунд — врач, основатель учения о психоанализе

Фриш Макс — писатель

Фролов Олег — выпускник Лита

Фурманов Д.А. — писатель

Фурсенко А.А. — министр образования России

Фурцева Е.А. — политический и общественный деятель

Хавинсон Анна — американка русского происхождения, в память которой был утвержден благотворительный грант в области литературы

Хакамада И.М. — общественный деятель

Харитонов — политический деятель, баллотировался на пост президента России

Харлов В.А. — инженер-строитель, работает в Лите

Хачелаевы, братья — выпускники Лита. Общественные деятели

Харченко В.К. — лингвист, литературовед, доктор филологии, профессор, автор ряда учебников и монографии об авторе

Хворостовский Дмитрий — певец

Хеменгуэй Эрнест — американский писатель

Хенкс Том — американский актер

Хилков Александр — общественный деятель

Ходорковский М.Б. — олигарх, осужден за сокрытие налогов

Хомский Павел — народный артист России, режиссер

Хомяков А.С. — русский писатель и мыслитель

Хопберн Одри — американская киноактриса

Хорошилова Татьяна — корреспондент «Российской газеты»

Хренников Т.Н. — композитор

Христенко?? — государственный и политический деятель

Хунбо — переводчик

Худяков С.И. — директор департамента культуры правительства Москвы

Хуциев М.М. — народный артист СССР, кинорежиссер

Хьюит Карен — британский славист

Царев Олег — актер

Царева Л.М. — проректор Лита, профессор

Царева Маша — выпускница Лита

Цвцуев А. — кинорежиссер

Цветаева М.И. — поэт

Цветкова Вера — журналистка

Цветкова Вера — корреспондент «Независимой газеты»

Цезарь Ю. — римский император

Цзю Константин — боксер

Цигаль?? — скульптор

Ципко А.С. — писатель, журналист, политолог

Чазов Е.? — врач, академик

Чайковский Александр — композитор

Чайковский П.И. — композитор

Чаплин В. — священник

ЧемеровИ? Алексей — танцовщик

Черданцев — стр 16 студент

Черепенникова Маргарита — выпускница, доцент Лита

Черкашин Владимир — студент-заочник

Чернова А.Г. — ректор Экономической???академии

Черноиванов В.И. — министр сельского хозяйства 374??

Черниченко Ю.Д. — писатель

Черномырдин В.С. — государственный и общественный деятель

Чернышевский Н.Г. — русский писатель, критик и философ

Черненко Мирон — кинокритик

Черненко Р.Д. — кинокритик, жена М.Черненко

Чернов Юрий — скульптор

Чеснакова Алина — танцовщица

Чеханков Ф.Я. — народный артист России

Чехов А.П. — писатель, драматург

Чехова Вера — актриса

Чиковани –

Чубайс А.Б. — общественный и государственный деятель

Чупринин С.И. — писатель, главный редактор журнала «Знамя»

Чурикова И.М. — народная артистка СССР

Чучалин А.Г. — врач, доктор медицины, академик АМН, директор института пульмонологии

Шаймиев М. — президент Татарстана

Шалевич В.А. — народный артист России, главный режиссер театра Рубена Симонова

Шалиткина Татьяна — студентка и выпускница Лита

Шанцев В.П. — вице-мэр Москвы

Шапиро — арендатор в Литинституте

Шарапова Маргарита — писатель, выпускница Лита

Шаргунов Сергей — писатель, политический деятель

Шарон А. — премьер-министр Израиля??

Шатров М.Ф. — драматург

Шаумян С.Г. — революционный деятель

Шахиджанян Владимир — журналист

Шахназаров Карен — кинорежиссер, директор «Мосфильма»

Шахова Нелли — телеведущая

Швецова Л.И. — первый заместитель мэра в правительстве Москвы, курирующий культурную и социальную сферу

Швыдкой М.Е. — театровед, доктор искусствоведения, профессор, в бытность — министр культуры России

Шевякова Лидия — писательница

Шекспир Вильям — драматург, поэт.

Шэнь Жэньгань — зам. министра печати Китая

Шеварнадзе Э.А. — политический деятель, президент Грузии

Шергова Г.М. — писатель, сценарист, поэт, выпускница Лита

Шериф Омар — американский киноактер

Шимитовский В.В. — инженер-машиностроитель, сосед по даче

Ширак Жак — президент Франции

Широков В.А. — поэт, писатель, выпускник Лита

Шишкин Евгений — писатель

Шишкова И.А. — профессор Лита, доктор филологии

Шкляревский И.И. — поэт, выпускник Лита

Шкодин М.И. — доктор социологии, директор МИД-клуба

Шмаков — профсоюзный деятель

Шмелев Иван — русский писатель

Шойгу С.К. — министр по чрезвычайным ситуациям РФ

Шолом-Алейхем — российский писатель, писавший на идиш

Шолохов М.А. — писатель

Шоммер — корреспондент телевидения

Шорохов Алексей — поэт, выпускник Лита

Шостакович Д.Д. — композитор

Шоу Бернард — английский писатель и драматург

Шохина В.Л. — литературовед, критик, журналист, зам. главного редактора «Независимой газеты».

Штайн Питер — театральный режиссер

Шукшин В.М. — писатель, кинорежиссер

Шустер Савик — телеведущий

Шустрова Л.В. — председатель исполкома Международного союза книголюбов.

Щуплов А.Н. — поэт, журналист, писатель.

Щур Евгений — певец

Эванс, сэр — археолог

Эйпель Асар — писатель

Эль Греко — художник

Эрнст К.Л. — директор первого канала телевидения.

Эскина Маргарита — директор дома актера

Эфрон Ариадна — писательница

Эшпай А.Я. — композитор

Эшпай А.А. — кинорежиссер

Юдин Валерий — искусствовед, покойный друг автора

Ю.И. — *см.* Бундин Ю.И.

Юлия Валерьевна — последняя жена, вдова С.В.Михалкова

Юргенева Александра — писательница, выпускница Лита

Юрий Антонович — *см.* Беляев Ю.А.

Юркин Валентин — директор издательства «Молодая гвардия»

Юркун Юрий — писатель

Юскаев Рустэм — артист

Явлинский Г.? — общественный и политический деятель

Ягибеков Алибек — муж Ягибековой Г.К.

Ягибекова Г.К. — основатель и генеральный директор кинофестиваля «Литература и кино»

Яковлева Ольга — народная артистка России

Яковлев А.Н. — партийный деятель прежнего режима, академик РАН.

Яковлев С.П —?? стр. писатель

Якубовский Дмитрий — юрист, адвокат

Якунина Анна — актриса

Ямщиков Савелий — художник-реставратор, общественный деятель

Яндарбиев Зелимхан — выпускник Лита, президент Чечни

Янин Игорь — стр 338 — редактор газеты «Труд»

Ярмилко Алексей — артист драмы

Ясина И.Е. — Директор благотворительных просветительских программ «Открытой России»

Яшин С.И. — народный артист России, гл. режиссер театра им. Гоголя.